

1855

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. 20.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Изыдущая словесность

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ. Романъ *Корженевскаго*. Переводъ съ польскаго *А. Чужбинскаго*. Часть первая. С. 1-90

II. История и теорія искусства

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ, р гамбургскомъ театрѣ въ XVIII столѣтїи. Собраны *Отто Мюллеромъ*. С. 1-36

III. Смесь

1. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НОВУЮ ЗЕЛАНДІЮ. Часть первая. *П. М. Новосильскаго*. С. 1-24

2. ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛІИ. *Н. П. Мудта*. С. 25-42

3. ЗАМѢТКИ О ЧЕЧНѢ.

Границы.—Неточность ихъ.—Горы.—Рѣки.—Ущелья.—Озера.—Климатъ.—Качество почвы.—Растенія.—Животныя.—Ископаемая.—Минеральные источники.—Раздѣленіе Чечни.—Укрѣпленія.—Аулы.—Просѣки и пути сообщенія.—Чеченское племя.—Чеченскія общества.—Чеченская плоскость.—Преданіе о заселеніи ея нынѣшними обитателями.—Историческій очеркъ заселенія плоскости.—Вліяніе на нее русскихъ съ XVI вѣка по настоящее время.—Покореніе плоскости.

Статья *Капитана К. Самойлова*. С. 43-86

4. СИЛУЗТЫ. Сцены въ стихахъ *В. П. Попова*. С. 87-118 [I]

5. ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ НА МАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАРКѢ. Разсказъ *Гр. Григоренко*. С. 87-118 [II]

6. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКАГО ТЕАТРА. *Сумароковъ* и *Слезная драма*. Статья *И. Шинина*. С. 119-126

Оглавление XXIII тома. 1855 г.
Книжка девятая, сентябрь. (Продолжение).

Современное.

1. **Литература:** Джемс, Бульвер и Диккенс. (С. 1-4). – Литературные письма из Англии. (С. 4-11). – Литературные новости из Италии. - (С. 11-14).
2. **Театр, музыка, искусства.** Китайские актеры в Северной Америке. (С. 15-17).
3. **Открытия в науках и промышленности:** Результаты путешествия Барта в Африке. (С. 17-18). – Продолжительность человеческой жизни. (С. 18-33). – О зеркальных фабриках, по случаю всемирной выставки. (С. 33-37). – Употребление древесного угля для очищения воздуха. (С. 37-38). – Фотография на стекле фарфоре и т. п. (С. 38-39).
4. **Мелкие повести, рассказы и анекдоты:** Приключение на парижской выставке. (С. 39-40). – Как получают в Англии офицерские должности. (С. 40-41). – Американский часовой. (С. 41-42). – Купальня. (С. 42). – Заправление чая духами. (С. 42-43). – Очковая змея и змея в шляпе. (С. 43-44). – Обширное знание. (С. 44). – Слово *ура!* (С. 44).

V. Московский вестник.

1. **Аграфена Тимофеевна Сабурова.** Библиографический очерк. Б. И. Родиславского. (С. 1-5).
2. **Московский театр:** Возобновление Малого театра в Москве. – Успех пьесы Григорьева: «За веру, царя и отечество». – Прощальный бенефис г-жи Сабуровой 1. – Г. Ожье в переделке у г. Куликова. – Цыганский табор г. Дютча. – Г. Щепкин и его декламация. – Кое-что о русской пляске. – «Двадцать один и тридцать девять». – Комедия г. Воскресенского. – Дебют Ленского 2. – Г. Куров и его бенефис. – Участь первого русского композитора на московской сцене. – Г-жа Сабурова 2. – Певец Божановский. – Бенефис Петрова: «Жизнь за Царя». – Аблесимов и его «Мельник-колдун». – Статья Корреспондента. (С. 5-12).

V. Репертуар русской сцены. № 9.

- Карьера. Комедия в четырех действиях, сочинение Е. Е. Королева. (С. 1-46).

ОП

ПАНТЕОНЪ

9

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

книг 10459
78265
7077

ТОМЪ XXIII.

СЕНТЯБРЬ. — КНИЖКА ДЕВЯТАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 30-го Декабря 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

ЗАСЛУЖЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ.

РОМАНЪ

КОРЖЕНЕВСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО

А. ЧУЖБИНСКАГО.

Часть первая.

—

I.

Часу въ двѣнадцатомъ утра на Лешнѣ, передъ костеломъ Кармелитовъ, сидѣли двѣ нищія, и для дополненія выпрошенныхъ денегъ, рассчитывали еще на человѣчество, невыходившее отъ обѣдни. Одѣтыя въ лохмотья, обѣ онѣ были запечатлѣны безобразіемъ, придаваемымъ старымъ женщинамъ нуждою, нищенствомъ и слѣдами прежняго дурнаго поведенія. Съ завистью посматривали онѣ другъ на друга, и сердито на пустую улицу.

— Черти принесли тебя сюда! сказала одна, пожимая плечами и поправляя на головѣ какую-то полинялую тряпку, изъ-подъ которой видѣлся измятый край стараго чепца и торчали космы сѣдыхъ волосъ.

— Кто-жъ-бы запретилъ мнѣ сидѣть здѣсь? отвѣчала другая, и какъ-бы для естественной защиты, заложивъ руку за дырявый капоть, съ ненавистью взглянула на сосѣдку.

— Еслибы ты пошла въ другое мѣсто, гораздо-бы лучше было намъ обѣимъ, а то умремъ съ голоду.

— А когда я сидѣла на Краковскомъ-предмѣстьи, противъ Кармелитовъ, то все-таки ты и туда притащилась, а я тебѣ не говорила ни слова.

— Тогда было отпущеніе грѣховъ; развѣ ты позабыла объ этомъ, старая вѣдьма?

Другая баба не заставила себя долго ожидать съ отвѣтомъ, и показавъ нѣсколько нижнихъ шатающихся зубовъ, зажмуривъ заплѣсневѣлый правый глазъ, поднесла кулакъ къ своей собесѣдницѣ.

— Ты сама вѣдьма! да и кромѣ того тѣфу! сказала она.

Первая вскочила съ мѣста и подняла кривую палку... Но въ ту минуту онѣ замѣтили дѣвушку и молодого человѣка, проходившихъ по тротуару. Ниція вздохнула, и первая начала читать *ave Maria*, а другая хриплымъ голосомъ затянула: *Господи помилуй*.

Прохожіе были молоды, и свѣжія ихъ лица, прекрасныя черты, глаза, полные выраженія, устремленные другъ на друга, и порядочный костюмъ служили страннымъ контрастомъ сморщеннымъ жалкимъ лицамъ, съ небольшими покраснѣвшими глазами, и нечистымъ лохмотьямъ старыхъ нищихъ.

Молодые люди шли медленно, какъ-бы желая выиграть болѣе времени, короче-ли познакомиться или попрощаться другъ съ другомъ. Они не смотрѣли на улицу и, казалось, не видѣли, что дѣлалось передъ ними; однако-же дѣвушка изрѣдка оглядывалась, словно овладѣвало его какое-то безпокойство, и тогда прекрасное лицо ея покрывалось румянцемъ, и опускались большіе голубые глаза, опущенные черными рѣсницами. Въ тоже время поправляла она атласный платочекъ на груди, которая такъ граціозно обрисовывалась подъ ловко-сшитымъ холстинговымъ платьицемъ. По костюму, по соломенной шляпкѣ, по зонтику, который былъ у нея въ рукѣ, по перчаткамъ и по всему замѣтно было порядочное образованіе и развитый вкусъ; но вмѣстѣ повсему видно было и посредственное состояніе.

Молодой человѣкъ, казалось, былъ смѣлѣе, старше, опытнѣе и богаче своей спутницы. Ловко сидѣло на немъ щегольское дорожное пальто; жилетъ былъ атласный, сапоги лакированные,

трость съ золотой рукояткой, новенькая шляпа и палевые перчатки. Но два обстоятельства показывали, что это не былъ постоянный житель Варшавы, служащій въ какомъ-нибудь управленіи, или занимающійся торговлей. Большіе усы, красиво подстриженная черная бородка и дорожная коляска, запряженная добрыми лошадьми въ краковскихъ хомутахъ, слѣдовавшая издали по улицѣ, изобличали въ немъ деревенскаго помѣщика, который пріѣхалъ на время, и экипировавшись, возвращался домой. Въ-самомъ-дѣлѣ этотъ молодой человекъ панъ Романъ Выжпольскій, жилъ въ Гостынскомъ уѣздѣ; а молодая дѣвушка, извѣстная на Житной-улицѣ подъ именемъ хорошенькой профессоровны, была дочь заслуженнаго учителя латинскаго языка, и жила съ отцомъ на той-же улицѣ.

Вознамѣрясь вести свою повѣсть просто, безъ всякихъ поэтическихъ отступленій, расскажемъ прямо, какъ познакомились молодые люди.

Недѣля тому назадъ, панъ Романъ пріѣхалъ въ Варшаву, помѣстить въ пансіонѣ маленькую племянницу Елену. На другой день пріѣзда онъ сидѣлъ въ гостиной г-жи С...., содержательницы извѣстнаго пансіона, которая, воссѣдая съ достоинствомъ на парадномъ диванѣ, оканчивала съ нимъ условія, а въ это время отворилась дверь, и вошла хорошенькая, стройная дѣвушка, также просто и мило убранная, какъ мы видѣли ее сегодня. Разница была только въ томъ, что она держала въ рукѣ свою соломенную шляпку вмѣстѣ съ зонтикомъ, открывъ бѣлый лобъ, подобный слоновой кости, и пышные, блестящіе, красиво причесанные каштановые волосы. Пораженный этимъ появленіемъ, панъ Романъ замолчалъ и смотрѣлъ со вниманіемъ на хорошенькое лицо, на стройную, красивую фигуру, на ручку, державшую шляпку, на красиво обутую ножку, которая, слегка выказываясь изъ-подъ платья, тихо ступала по лакированному полу. Почувствовавъ себя подъ взорами незнакомаго мужчины, дѣвушка покраснѣла, прошла съ опущенными глазами медленно чрезъ всю залу, приблизилась къ г-жѣ С.... и поцаловала ея руку. Последняя съ важностью погладила ее по лицу и по головкѣ.

— Садись, Катя! А папа здоровъ? спросила она.

— Слава Богу, приказаль поцаловать ваши ручки, отвѣчала дѣвушка.

И панъ Романъ нашель, что голосъ соотвѣтствовалъ лицу и фигурѣ. Голосъ этотъ былъ мягокъ, обработанъ, неслишкомъ тихъ, неслишкомъ громокъ, однимъ—словомъ пріятно коснулся слуха молодого человѣка, словно музыка, словно эхо чего-то уже знакомаго, о чемъ сладко припомнить.

Катя усѣлась. Г-жа С.... откашлялась, и обратясь къ пану Роману, начала изъяснять ему, какъ дорого жить въ Варшавѣ, какъ много платитъ она за помѣщеніе, какъ много требуютъ отъ нея родители дѣвицъ, и. т. п. А это все дѣлалось для убѣжденія молодого помѣщика, что если за образованіе его племянницы она проситъ въ годъ 100 червонцевъ, то это ничуть недорого.

Панъ Романъ, сначала упорно торговавшійся, давая только 70 червонцевъ, неожиданно сдѣлался уступчивѣе, и хотя рѣшительно не слушалъ убѣжденій содержательницы, и смотрѣлъ то на окно, то на дверь, въ которую вошла Катя, однакоже отвѣчалъ небрежно:

— Хорошо, пусть будетъ по вашему: небольшая важность 30 червонцевъ.

Перемѣна была такъ неожиданна, сдѣланная быстро уступка такъ значительна, что сама Г-жа С...., ожидавшая, что удастся выторговать по-краковски только половину положенной себѣ суммы, удивлялась силѣ и убѣдительности своей рѣчи. А между-тѣмъ панъ Романъ имѣлъ совершенно другія причины. Вовремя ораторства Г-жи С.... онъ думалъ, поглядывая на хорошенькое личико сидѣвшей противъ него дѣвушки: Это прелестное существо, должно, быть-родственница или, по-крайней-мѣрѣ, короткая знакомая въ домѣ; значить я могу здѣсь встрѣчаться съ нею; можетъ-быть понравлюсь ей! А чтобы понравиться, начну съ того, что покажусь щедрымъ, безынтереснымъ и разумѣется богатымъ. Въ-слѣдствіе этого онъ рѣшился оставить племянницу въ пансіонѣ г-жи С...., и согласился на требуемую цѣну.

Примѣтивъ, что помѣщикъ неожиданно сдѣлался уступчивѣе, г-жа С.... положила воспользоваться этимъ добрымъ расположе-

нѣмъ, и отирая платкомъ пыль на краю столика, прибавила, какъ-бы не хотя, собственно для показанія любви къ порядку:

— Кромѣ этого вы доставите мнѣ сейчасъ-же серебряную ложку, ножъ и вилку, а также скатерть и полдюжины салфетокъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ панъ Романъ, смотря въ другую сторону.

— Обыкновенно эти вещи остаются въ пользу заведенія, если барышня пробудетъ два года. Но какъ вы, господа, прибавила она съ улыбкой, часто безъ причины отбираете у насъ ученицъ, то я постановила непремѣннымъ условіемъ — вещи эти сейчасъ-же считать собственностью пансіона.

— Очень хорошо, отвѣчалъ молодой человѣкъ, смотря по-прежнему въ другую сторону.

— Но за полгода впередъ вы заплатите мнѣ при заключеніи условія, быстро сказала г-жа С...., разсуждая, что надо спѣшить пользоваться добрымъ расположеніемъ молодаго человѣка, на котораго такъ сильно подѣйствовали ея убѣжденія.

— Очень хорошо, снова отвѣчалъ панъ Романъ, и незамѣтно бросилъ взглядъ на лицо дѣвушки, которая, какъ-бы почувствовавъ это, слегка покраснѣла.

Здѣсь г-жа С.... умолкла и задумалась; панъ Романъ былъ разсѣянъ, а дѣвушка сидѣла молча. Г-жа С.... надумывалась, нельзя-ли еще выгадать чего-нибудь, чтобы послѣ не упрекать себя за то что не воспользовалась удобнымъ случаемъ, и откашлявшись и оправаясь на диванъ, молвила сладенькимъ голосомъ:

— Конечно вамъ будетъ пріятно, чтобы у племянницы вашей были въ порядкѣ книги, тетради и ландкарты, а также, чтобы она имѣла форменное платье, какое носятъ у меня всѣ барышни въ пансіонѣ. На этотъ предметъ вы оставите мнѣ двадцать червонцевъ, въ которыхъ отчетъ я отдамъ въ свое время.

— Очень хорошо, отвѣчалъ панъ Романъ, а г-жа С.... даже приподнялась съ своего мѣста, такъ поразили ее стоворчивость и довѣріе молодаго помѣщика. Но желая окончить дѣло совершенно, все-таки имѣя въ виду цѣль, чтобы уже ни въ чемъ не упрекать себя, она прибавила:

— Конечно Богъ милостивъ и сохранитъ насъ отъ всякаго несчастья; но вѣдь мы люди, и потому на случай болѣзни вашей

племянницы вы оставите мнѣ десять червонцевъ на доктора и на лекарства, а я представлю вамъ самый подробный отчетъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ панъ Романъ и на этотъ разъ; а замѣтивъ, что Катя отчего-то покраснѣла, опустил глаза и, для приличія, приподнявъ шляпу, началъ гладить ее рукою.

Г-жѣ С.... показалось, что онъ хочетъ уже удалиться. Она рѣшилась уволить его отъ дальнѣйшихъ предложеній, и останавливаясь благоразумно на тѣхъ пунктахъ, на которые онъ уже согласился, положила напечатлѣть ихъ тверже въ его памяти, а это казалось ей тѣмъ необходимѣе, что на всѣ вопросы панъ Романъ отвѣчалъ съ большимъ разсѣяніемъ одно и тоже: очень хорошо.

— Позвольте мнѣ записать всѣ наши условія, сказала она, вставая съ своего мѣста. Замѣчанія эти будутъ вамъ необходимы при заключеніи контракта, который я прикажу написать здѣсь у себя. Милая моя, прибавила она, обращаясь къ Катѣ, займи гостя въ моемъ отсутствіи, а я возвращусь сію минуту. Это моя родственница и ученица.

Весь этотъ монологъ проговорила она чистымъ французскимъ языкомъ.

Заговорила она по-французски, во-первыхъ по привычкѣ содержательницы пансіона, во-вторыхъ, желая показать пану Роману, какъ она знаетъ этотъ языкъ, чтобы онъ не жалѣлъ послѣ о своей щедрости, когда и племянница его будетъ точно также говорить по-французски, окончивъ курсъ у нея въ пансіонѣ.

Оставшись наединѣ съ дѣвушкой, которой прекрасная наружность такъ ему понравилась, панъ Романъ смѣшался и не зналъ съ чего начать.

Изъ этого затруднительнаго положенія вывела его Катя, вопросомъ: давно-ли онъ пріѣхалъ въ Варшаву.

— Вчера, отвѣчалъ онъ. А вы, вѣроятно, живете въ этомъ домѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она приятнымъ голосомъ, я жила здѣсь нѣсколько лѣтъ, пока училась въ пансіонѣ; а теперь живу вмѣстѣ съ отцомъ.

Романъ ожидалъ, не назоветъ-ли она улицы, въ которой

живеть, но Катя молчала, а онъ не смѣлъ спросить ее объ этомъ. Боясь прекращенія разговора и желая показать, что онъ умѣетъ поддерживать его, хотя и говорить съ незнакомой особой, желая показать, что знаетъ Варшаву, хотя и изрѣдка посѣщаетъ ее, онъ поднялъ голову, улыбнулся заранѣе, собираясь сказать что-то любезное и необыкновенно занимательное, но увидѣлъ, что на него смотрѣли глаза Кати, что эти глаза были голубые, съ длинными черными рѣсницами, исполненные прелести и выраженія, и позабывъ то, что хотѣлъ сказать, онъ опустил глаза въ землю, и поглаживая рукою шляпу, проговорилъ нерѣшительно:

— Какъ жарко сегодня.

Катя слегка улыбнулась.

— Да, отвѣчала она, въ городѣ, между стѣнами бываетъ гораздо жарче, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Вы конечно въ деревняхъ не испытываете подобныхъ жаровъ, какіе иногда мы переносимъ между раскаленными камнями.

— У насъ есть деревья, и ихъ живительная тѣнь приноситъ прохладу, отвѣчалъ панъ Романъ, быстро приходя въ себя и смотря уже смѣлѣе на эти глаза, которые, оставаясь тѣми-же голубыми и прекрасными, нѣтакъ уже приводили его въ замѣшательство лучами своихъ взоровъ. Притомъ-же у меня въ деревнѣ, прибавилъ онъ, съ одной стороны лѣсъ, съ другой обширные луга, по которымъ протекаетъ свѣтлая рѣчка, съ превосходными мѣстами для купанья. Но лѣтомъ ничто такъ не предохраняетъ отъ зноя комнаты, какъ маркизы. Я тоже велѣлъ ихъ придѣлать, въ особенности въ двухъ гостинныхъ, выходящихъ почти на югъ, и въ этихъ комнатахъ всегда прохладно.

Панъ Романъ замолчалъ, и хотя онъ почувствовалъ, что сказанное имъ не все было кетати и ловко, однако удовольствовался, что познакомилъ немного собесѣдницу съ своей деревней и домомъ, и подумалъ: хорошо, пусть знаетъ и объ этомъ.

Катя молчала.

— А вы любите деревню? спросилъ у нея молодой человѣкъ.

— Я совершенно не знаю деревни, отвѣчала Катя съ плѣнительной улыбкой, показавшей бѣлые и ровные ея зубки и такъ мило раскрывшей ея коралловый ротикъ, что панъ Романъ снова

пришелъ въ замѣшательство; къ счастью на этотъ разъ онъ ничего не имѣлъ сказать ей.

— Я родилась и воспитывалась въ городѣ, продолжала Катя; но кажется мнѣ, сколько я себя понимаю, я очень-бы полюбила деревню.

Очевидно обрадовали пана Романа эти выраженія, зато Катя спохватилась, что они были неумѣстны, что молодой человѣкъ могъ ихъ перетолковать Богъ знаетъ какъ, и бѣдняжка застыдилась. Но она такъ была хороша въ этомъ положеніи, что теперь уже панъ Романъ почувствовалъ какое-то волненіе, какое-то непреодолимое желаніе приблизиться, коснуться этой бѣлой ручки, державшей платокъ, и высказать что-то непоходящее ни на выраженіе чувства, ни на холодный комплиментъ, но что-то среднее между этимъ, такъ что можно подвинуться и впередъ, и легко отступить при случаѣ. Однако не дошло до этого, потому что г-жа С.... явилась съ запиской условій, вынужденныхъ ею у разсѣяннаго молодого человѣка. Панъ Романъ взявъ эти замѣтки и положилъ въ карманъ, не читая. Еслибы онъ заглянулъ въ нихъ, то увидѣлъ-бы, что г-жа С.... раздумавшись въ тишинѣ своего кабинета и бывъ гораздо смѣлѣе съ перомъ въ рукѣ, прибавила еще, что на различныя торжества, т. е. на именины ея и классныхъ дамъ, а также на подаваніе нищимъ, сестрамъ милосердія и т. п. надо будетъ пять червонцевъ, которые и должны быть сейчасъ-же заплачены.

Панъ Романъ попрощался съ привѣтливой хозяйкой и поклонился дѣвушкамъ.

— Завтра, въ эту пору, буду имѣть честь представить мою воспитанницу, сказалъ онъ, уходя.

— Буду ожидать васъ, а между тѣмъ прикажу написать контрактъ, отвѣчала г-жа С....

— Очень хорошо, снова сказалъ панъ Романъ, смотря въ другую сторону, и когда глаза его нечаянно встрѣтились съ голубыми глазами, онъ, какъ-бы желая бытъ понятымъ, повторилъ выразительно:

— И такъ завтра, въ эту пору.

По уходѣ его г-жа С... улыбнулась, и подумавъ: что зна-

читать даръ слова! отправилась посмотрѣть, чѣмъ занимались ба-рышни.

Оставшись одна въ гостиной, Катя взяла было лежавшую на столѣ работу, но векорѣ опустила ее на колѣни и задумалась, оперши на руку свою хорошенькую головку.

А панъ Романъ? Онъ шелъ по улицѣ, безпрестанно толкаемый проходящими, и чуть не попалъ подѣ дышло къ извозику, который, по варшавскому обыкновению, погналъ сильнѣе лошадей въ ту минуту, когда поворачивалъ изъ одной улицы въ другую.

Не могу еще сказать, рѣшительно-ли влюбился панъ Романъ въ хорошенькую Катю сразу и постоянно, какъ и всѣ мои герои, къ величайшему неудовольствію критики, которая не можетъ имъ простить этого? или Катя понравилась ему такъ, слегка? Довольно сказать, что онъ не пошелъ къ Мари * (процвѣтавшему въ то время), а велѣлъ принесть обѣдъ въ номеръ своей гостиницы; что цѣлыя послѣ обѣда не видѣлся съ своимъ портнымъ, страшно зѣвалъ въ балетѣ и спалъ чрезвычайно дурно.

Предоставляю догадливымъ читателямъ заключить о состояніи его души по этимъ симптомамъ.

На другой день знакомая уже намъ колясочка везла къ пансіону г-жи С... пана Романа и встревоженную Еленку. Условенное время было 11 часовъ. Домъ, въ которомъ помещалось учебное заведеніе, былъ уже близко. Дѣвочка, жертва просвѣщенія и хорошаго произношенія, смотря во всѣ стороны, поминутно спрашивала дядю: Далекѣ-ли? Но дядя, не отвѣчая, смотрѣлъ направо и налево, какъ-бы желая увидѣть кого-то, какъ-бы надѣясь въ это время, возлѣ самаго пансіона, увидѣть холстинговое платьице и соломянную шляпку.

Зачѣмъ и откуда могла представляться ему эта надежда, самъ онъ не зналъ, да и я даже не знаю; а между-тѣмъ что-то шептало ему, что не можетъ-же такъ скоро кончиться знакомство, только что начавшееся со вчерашней встрѣчи, что не можетъ быть, чтобы онъ не взглянулъ въ эти голубые глаза, говорящіе такъ много, и не услышалъ звуковъ этого голоса, такъ мило проника-

* Рестораторъ въ Варшавѣ.

ющаго ему въ душу. Но онъ смотрѣлъ напрасно. Правда онъ много видѣлъ холстинковыхъ платьевъ, но пестрыхъ и измятыхъ; много глазъ глядѣло на него, но эти глаза были сѣрые или черные; много доходило къ нему съ троттуара голосковъ хорошихъ варшавянокъ, но голоса эти были дребезжащія, подобно разбитымъ колокольчикамъ, или острые, подобно иголкѣ. Потерявъ надежду, взявшуюся Богъ знаетъ откуда, онъ остановился передъ пансіономъ, вышелъ изъ экипажа, вынулъ Еленку, и хотѣлъ уже войти въ галерею; но взглянувъ еще разъ вдоль улицы, увидѣлъ на противоположномъ троттуарѣ поспѣшно идущую особу, живо напомнившую ему ту, о комъ онъ думалъ цѣлое послѣ-обѣда, о комъ мечталъ ввремя безсонной ночи. Притаившись у двери, прижалъ онъ Еленку, и ожидалъ, куда поворотитъ Катя. Въ-самомъ-дѣлѣ это была она. Поравнявшись съ воротами пансіона, она остановилась, присмотрѣлась къ стоявшей колясочкѣ, и въ чертахъ ея отразилась какое-то безпокойство и нерѣшимость. Панъ Романъ старался чтобы она его не замѣтила, и, казалось ему, что онъ очень явственно читаетъ на лицѣ ея желаніе войти въ пансіонъ г-жи С...., гдѣ она была увѣрена его встрѣтить, и боялась встрѣтиться съ нимъ снова. Это очень его обрадовало, и онъ положилъ ожидать, на что она рѣшится. Наконецъ дѣвушка взялась за голову, погачала ея, какъ-бы говоря: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо!» и пошла дальше. Тогда панъ Романъ пришелъ въ замѣшательство; минуту онъ былъ въ нерѣшимости, что предпринять; но вскорѣ, позабывъ и о г-жѣ С...., и о ея убѣдительныхъ рѣчахъ, и о прекрасномъ французскомъ произношеніи, сѣлъ съ Еленкой въ экипажъ и приказалъ везть себя по направленію, куда пошла поспѣшно дѣвушка, словно сама отъ себя убѣгавшая.

— Значить, мы уже не поѣдемъ въ пансіонъ! Ахъ, какъ это мило! сказала обрадованная Еленка.

— Я хотѣлъ тебѣ кунить еще одну вещь на память, сказалъ панъ Романъ.

— Милый дядинька, вы только и думаете обо мнѣ, сказала дѣвочка и начала цаловать его руки.

Обнявъ ее панъ Романъ и покраснѣлъ, солгавъ ребенку. Думалъ-то онъ не о ней, и смотрѣлъ въ другую сторону.

Они были на Краковскомъ-предмѣстьи. Случайно оглянулася

Катя и замѣтила молодаго человѣка, слѣдившаго ее взорами. На минуту она остановилась, какъ—бы обдумывая, что дѣлать; потомъ поворотила налѣво и вошла въ первый магазинъ. Не измѣняя своего намѣренія, панъ Романъ вылѣзъ изъ экипажа, и взявъ за руку Еленку, вошелъ туда—же.

Ничего не можетъ быть пріятнѣе хорошенькаго личика молодой дѣвушки, когда чудными красками на немъ радость и боязнь въ одно и тоже время, убѣжденіе, что понравилась тому, кому хотѣла, и забота, чтобы онъ не замѣтилъ ея чувства и не подслушалъ ускореннаго біенія сердца. Все это прочелъ панъ Романъ на лицѣ Кати, и подошелъ къ ней довольно несмѣло.

— Добрый день! сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ: какъ я благодаренъ случаю...

Онъ хотѣлъ продолжать, но замолчалъ, чувствуя, что началъ ложью, и боясь скомпрометтировать себя гораздо большей неправдой.

— Васъ ожидаетъ г-жа С...., отвѣчала, опустивъ глаза, дѣвушка, какъ—бы желая напомнить ему его обязанность.

— Я не забылъ объ этомъ и уже былъ у двери пансіона, но пріѣхалъ сюда, вспомнивъ, что хотѣлъ оставить на память племянницѣ какой—нибудь хорошенькій подарокъ.

— Это ваша племянница? спросила, ободрившись, Катя. Какой хорошенькій ребенокъ! Ей тамъ будетъ очень хорошо, можете быть увѣрены. Г-жа С.... какъ мать любитъ своихъ воспитанницъ.

Стоя у ящика, въ которомъ было много красивыхъ вещей, и держа на немъ обѣ руки въ полуперчаткахъ, Еленка поворотила голову и взглянула на незнакомое лицо Кати. Наклонясь, Катя поцаловала ее, взявъ за руку. Поцалуй этотъ былъ отъ чистаго сердца. Что—же было поводомъ и куда онъ былъ адресованъ—это извѣстно одному Богу.

— Благодарю васъ, что ласкаете мою племянницу, сказалъ смѣлѣе обрадованный панъ Романъ. Она, бѣдняжка, боится пансіона. Поблагодари—же и ты, Еленка, прибавилъ онъ, взявъ за другую руку дѣвочку, которая служила проводникомъ между двумя сердцами, начинавшими ощущать взаимное влеченіе. Еленка присѣла, имѣя одну руку въ рукѣ Кати, а другую въ рукѣ дяди.

— Будьте добры, помогите мнѣ выбрать для нее что-нибудь хорошенькое, сказалъ панъ Романъ.

И они начали выбирать то платье, то мантилью, то ленточки, то платочки, присматривались вмѣстѣ къ разнымъ вещамъ; а въ это время невольно сближались лица, встрѣчались взоры, руки слегка касались другъ друга. Было о чемъ говорить, да и нельзя было скоро на что-нибудь рѣшиться, потому-что и у Еленки спрашивали совѣта, и если только послѣдней не нравилось, искали чего-нибудь другаго. Такимъ-образомъ выбирали они очень долго, а между-тѣмъ пробило 12 часовъ, и г-жа С...., ожидая съ нетерпѣніемъ пана Романа и боясь, чтобы не переманила его Г-жа П*** ревностная ея соперница, думала: Вотъ какъ наши помѣщики цѣвятъ слогъ и произношеніе! А вѣдь, казалось, былъ совершенно убѣжденъ! Но если онъ отправится къ той, то обожжется порядкомъ. Наконецъ пусть себѣ и идетъ, прибавила она, ходя по комнатѣ. Что-же мнѣ за дѣло, если его племянница будетъ говорить по-французски словно кухарка.

Покупки были завернуты, и Катя, взглянувъ на часы, покраснѣла, что пробыла въ магазинѣ часъ безъ всякой надобности. Панъ Романъ подошелъ къ ней и робко сказалъ, отирая рукой шляпу:

— Я попросилъ-бы васъ еще объ одномъ одолженіи.

— Въ чемъ-же дѣло? спросила молодая дѣвушка, приходя въ замѣшательство отъ этихъ словъ, въ которыхъ, кажется, не заключалось ничего, что могло-бы привести въ смущеніе.

— Мать, сестра и сосѣдки надавали мнѣ множество порученій, а у меня здѣсь нѣтъ ни одной знакомой дамы, которая могла-бы мнѣ ихъ исполнить. Не будете-ли вы снисходительны, помочь мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Я и сама неопытна, отвѣчала Катя, приходя въ большее замѣшательство.

— Извините! вы выбирали все съ такимъ вкусомъ. Не откажите въ моей просьбѣ! прибавилъ онъ умоляющимъ голосомъ, а глаза его просили еще выразительнѣе. — Я сейчасъ отвезу Еленку къ г-жѣ С..., а завтра буду совершенно свободенъ. Еслибы вамъ было угодно указать свою квартиру, я прислалъ-бы экипажъ и ожидалъ-бы васъ въ 10 часовъ здѣсь или у Шленкера.

— Если вы непременно хотите, отвѣчала Катя несмѣлымъ голосомъ: я приду въ 10 часовъ къ Шленкеру.

Панъ Романъ догадался, что она не хотѣла указать ему своей квартиры. Получивъ, однакожь, больше, нежели могъ надѣяться, онъ сбрадовался и уже не настаивалъ, но поклонясь почтительно и взглянувъ такъ, чтобы глаза договорили, чего не досказали уста, вышелъ изъ магазина. Вслѣдъ за нимъ вышла и Катя, и чувствуя жаръ въ головѣ и какую-то тревогу въ сердцѣ, отправилась на Медовую-улицу, потомъ на Долгую, оттуда на Лешно и наконецъ на Житную, на которой они жили.

Въ ожиданіи дочери и обѣда, старикъ отецъ ея вышелъ, для разсѣянія, на дворъ, усѣлся возлѣ дома на лавкѣ и читалъ разсужденіе одного нѣмца: *De Particulo Quum ad odtinerendum gradum Doctoris Philosophiae.*

Въ ту ночь панъ Романъ спалъ плохо, а Катя еще хуже. Она чувствовала, что порученія пана Романа только предлогъ для свиданія, сближенія другъ съ другомъ, средство поговорить еще на свободѣ. Она упрекала себя и за сегодняшнее, и потому рѣшилась завтра остаться дома; но вмѣстѣ съ этими упреками и постановленіями думала, какъ-бы сочинить какой-нибудь предлогъ, чтобы завтра пораньше оставить отца и, несмотря на зной, отправиться далеко, туда, куда влекло ее сердце, стремились мысли. Волнуемая этими мечтами, она едва уснула передъ разсвѣтомъ, а когда открыла глаза, солнце уже было высоко, и у ея постели стоялъ отецъ въ цвѣтномъ, но вытертомъ халатѣ, въ шапочкѣ, съ очками на носу и въ дрожащей рукѣ съ знакомымъ разсужденіемъ: *De Particulo Quum*, которое держалъ онъ, заложивъ пальцемъ читаемую страницу.

— Пора-бы уже напиться кофе, дитя мое, сказалъ старикъ ласково.

— Сію минуту, отвѣчала дѣвушка, и вставъ съ постели и разогнавъ крестомъ смущавшія ее видѣнія, одѣлась наскоро и начала хлопотать по хозяйству. А между-тѣмъ пробило восемь часовъ. Надо было и накормить отца, и заказать обѣдъ, и причесать волосы, и одѣться къ лицу, чтобы по платью замѣтны были вкусъ и простота, и пробѣгать немалое пространство съ Житной на Сенаторекую-улицу, чтобы въ 10 часовъ быть на условленномъ

мѣсть, не заставляя молодаго человѣка ждать и мучиться ожиданіемъ. Она очень хорошо чувствовала, что не исполни она обѣщанія, панъ Романъ тосковалъ—бы непременно, и потому этотъ разъ, послѣдній разъ, побѣдивъ щекотливость и боязнь, она поидеть въ магазинъ... Но больше уже никогда и ни за что! По-крайней-мѣрѣ она такъ обѣщала себѣ торжественно. Кто присматривался къ женщинамъ, когда онѣ пожелають чего-нибудь и рѣшились исполнить желаніе свое; кто обращалъ вниманіе на удивительную энергію, развивающуюся въ нихъ при этомъ случаѣ, на ловкость распоряженій, сокращающихъ время и ведущихъ прямо къ цѣли: тотъ не станетъ удивляться, что хотя панна Катерина и поздно встала, однако и отецъ ея имѣлъ прекрасный завтракъ, и выдуманъ былъ предлогъ къ выходу изъ дому, и обѣдъ заказанъ, и въ комнатахъ прибрано, и волосы зачесаны красивѣе обыкновеннаго, и свѣжее платье сидѣло ловче, и вообще вкусъ и щегольство во всемъ теперь были замѣтнѣе болѣе, нежели въ какомъ другомъ случаѣ. Даже разстояніе между улицей Житной и Сенаторской какъ-то такъ сократилось, что когда Катя остановилась передъ Ратушей и взглянула на часы, нѣсколько минутъ еще оставалось до десяти часовъ.

Не буду утомлять читателя описаніемъ втораго свиданія. Довольно сказать, что уже пробило двѣнадцать часовъ, а молодые люди еще немного выбрали; что названье, цвѣтъ матеріи и ея разнообразныя виды постоянно служили предметомъ для разговора о томъ, о семъ; что для продолжительныхъ совѣщаній невольно разглядывали они другъ друга, неожиданно соприкасались ихъ руки, и порой нечаянное легкое пожатіе пальца обдавало имъ дрожью все тѣло и вызывало на лицо румянецъ. Когда пришло уже время разставаться, оказалось, что изъ длиннаго списка порученій окончены были только два или три предмета;— а потому необходимость требовала, чтобы панна Катерина завтра въ эту-же пору пришла къ Штирмеру, помочь пану Роману выбрать остальное.

Такимъ-образомъ, несмотря на торжественность обѣщанія Кати, несмотря на упреки, которые дѣлала она себѣ послѣ перваго свиданія, несмотря на слезы, украдкою пролитыя ею послѣ втораго, молодые люди видѣлись постоянно въ-продолженіе пяти

дней, ходили по разнымъ магазинамъ, и купивъ кое что, проводили часа по два, по три въ бесѣдѣ, исполненной очарованія, наслажденія и сладостныхъ надеждъ. И тотъ и другая видѣли, какъ имъ пріятно быть вмѣстѣ, какъ весело и быстро идетъ время, какъ уносятся часы, мелькаютъ минуты; однако-же извѣстный родъ робости, внушаемый доброй, хорошенькой и умной дѣвушкой, — держалъ на привязи языкъ пана Романа. Сто разъ готово было вырваться изъ устъ его: «люблю тебя сильно и искренно», а между-тѣмъ онъ не произносилъ этого слова. И Катя не ожидала, не желала даже этого, предчувствуя заранѣе, что такъ быть должно. Извѣстно ей было, что еслибы онъ проговорилъ это слово, она должна была-бы отвѣчать: да или нѣтъ; и тогда кто знаетъ, не разбилось-ли-бы ея счастье объ этотъ порогъ извѣстности, переступая который, женщина идетъ или къ алтарю, или къ позору. Сегодня ея счастье—полуистина, полумечтаніе; сегодня оно еще носится въ поэтической области фантазій, гдѣ она можетъ воображать себя его женой, повелительницей;— а произнеся *да*, она ступила-бы на землю и, можетъ-быть, осталась-бы только его невольницей.

Нагануиѣ отъѣзда, прощаясь съ Катей на Свентоерской-улицѣ, панъ Романъ взялъ ее за руку, и сказалъ робкимъ голосомъ:

— Завтра мнѣ должно ѣхать, панна Катерина! Не придете ли вы въ десять часовъ въ садъ Красинскихъ?

— Завтра уже ѣдете? спросила она, не отнимая руки, и прибавила: «Хорошо, приду!»

И чудные глазки ея блеснули какъ-бы слезой, въ которой отразился лучъ солнца, отчего лазурь ихъ сдѣлалась еще голубѣе.

Панъ Романъ замѣтилъ ея волненіе и палъ-бы къ ногамъ ея, но не могъ сдѣлать этого, потому-что мимо ихъ проходило множество Евреевъ.

Погулявъ послѣдній разъ въ саду, они разставались надолго.

— Неужели на память нѣсколькихъ счастливыхъ дней вы ничего мнѣ не подарите? спросилъ панъ Романъ. Можетъ-быть я нескоро здѣсь буду, потому-что мнѣ предстоитъ далекое путешествіе.

— Вы ѣдете въ далекую дорогу? спросила Катя съ любовью и сожалѣніемъ. Возьмите, продолжала она, этотъ молитвенникъ.

Нѣсколько лѣтъ постоянно я молилась по немъ. На каждой его буквѣ столько разъ отдыхали глаза мои, столько слышалаъ онъ моихъ вздоховъ, и слѣды слезъ моихъ найдете вы не на одной страницѣ. Можетъ-быть онъ принесетъ вамъ спокойствіе, предохранить отъ опасности въ дорогѣ, и когда-нибудь напомнить обо мнѣ.

Разстроганный панъ Романъ взялъ драгоценный подарокъ, прижалъ къ устамъ руку Кати, и они пошли къ воротамъ, у которыхъ стоялъ уже дорожный экипажъ молодого человѣка.

— Позвольте мнѣ проводить васъ домой.

— Проводите меня только къ костелу на Лешнѣ. Я одна пойду оттуда.

Волей, неволей долженъ былъ панъ Романъ согласиться, и они пошли медленно по тротуару, разговаривая и прощаясь. Изъ взоровъ, изъ вздоховъ они понимали, что любятъ другъ друга;— но не изъяснялись, не связывали себя никакими обѣтами.

Когда они приблизились къ двумъ нищимъ, которыми начинается эта повѣсть, одна изъ старухъ протянула руку.

— Любезные господа, подайте Христа-ради! скакала она. Барышня, сжалась надъ старой сиротою.

И получивъ милостину, прибавила:

— Ты молода и прекрасна—будешь счастлива.

— Не откажи бѣдной старухѣ, добрая барышня! сказала другая нищая, переставъ говорить ave Marie, и получивъ милостину, прибавила:

— Но берегись, берегись, потому-что ты молода и прекрасна.

— Зачѣмъ-же ты пугаешь ее? отозвалась первая: развѣ не видишь, что она поблѣднѣла.

— И я была такою, какъ она, отозвалась вторая. И меня остерегали, но я не слушала. А теперь видишь—что я такое.

Какая-то невольная дрожь пробѣжала по тѣлу Кати. Въ-самомъ-дѣлѣ она очень поблѣднѣла, колѣни подогнулись, и если-бы панъ Романъ не подаль ей руки, она не взошла-бы на ступеньки. Войдя въ костелъ, она упала передъ первымъ алтаремъ, слезы полились изъ глазъ ея, а слова нищей раздавались въ ухахъ ея, а страшная фигура ея рисовалась въ воображеніи.

II.

Конечно ни одинъ изъ моихъ читателей не былъ на Житной-улицѣ, однако-же эта широкая, длинная, немощеная улица, съ парой каменныхъ домовъ и съ нѣсколькими деревянными домиками, доходить къ самымъ валамъ города. Эти ея достоинства неслишкомъ привлекаютъ истинныхъ варшавцевъ, которымъ необходимы мостовыя, хорошіе троттуары, ряды каменныхъ домовъ и частыя кофейни или кондитерскія; неслишкомъ приманиваютъ хорошенькихъ варшавянокъ, которымъ необходимы—Краковское-предмѣстье, Новый-свѣтъ и толпы молодежи, способной оцѣнить ихъ взоры, эластическую походку, ихъ шляпки и мантильи. Но къ посѣщенію Житной-улицы я желалъ-бы пріохотить меланхолическихъ и чувствительныхъ смертныхъ, кто можетъ обойсь безъ трактира и баварскаго пива, кто любитъ траву подъ ногами, заборъ, чтобъ облокотиться и отдохнуть, чье сердце растрогается при видѣ куръ, копающихся въ кучахъ сора; желалъ-бы сюда привести тѣхъ, чей глазъ, заглянувъ въ щели заборовъ, окружающихъ огороды—отдохнетъ съ наслажденіемъ на завязывающихся головкахъ капусты, на дозрѣвающихъ ягодахъ крыжовника и на краснѣющихъ, подобно личику дѣвушка, вишняхъ и малинѣ.

Въ одномъ изъ подобныхъ домиковъ, съ дворомъ, окруженнымъ заборомъ, при которомъ были садъ и огородъ, нанималъ себѣ три комнаты съ кухней панъ Кипріянь Амброжинскій, нѣбогда преподаватель латинскаго языка въ уѣздномъ училищѣ, а теперь четыре года уже пенсіонеръ, получавшій полный пенсіонъ. Правда, что неочень значительно было его содержаніе; но съ него было достаточно, потому-что это тотъ человѣкъ требовалъ немногаго. Утромъ стаканъ кофе, два-три кушанья на обѣдъ, лѣтомъ по вечерамъ стаканъ холоднаго молока съ хлѣбомъ, зимой изрѣдка стаканъ чаю, и то—если чувствовалъ себя нездоровымъ: вотъ все, чѣмъ онъ питался и поддерживалъ свое существованіе. Подобный скромный образъ жизни благотворно дѣйствовалъ на здоровье старика, облегчалъ занятія, и не раззорялъ умѣренныхъ его доходовъ. Гораздо больше, сравнительно, поглощалъ его носъ, потому-что изъ всѣхъ частей тѣла это была единственная, кото-

смъ
 10459
 7077

рой угождалъ панъ Кипріянь и которую лелѣялъ. Въ небольшомъ шкафѣ отставнаго учителя, гдѣ на одной полкѣ покоились только латинскія грамматики, а на другой только лексиконы и выписки—на третьей стояли стеклянные пузырьки съ нюхательнымъ табакомъ разнаго рода. Начиная отъ зеленаго и крѣпкаго петербургскаго, стояли одинъ за другимъ: голландскій, Ст.—омеръ, марокко, французскій, осьми и десяти—грошевый, не говоря уже о мелкомъ и крупномъ албанскомъ, входившимъ въ шкафикъ частію по снисходительности, а чаще контрабанднымъ способомъ. Пузырьки эти, заключавшіе чистое, оригинальное вещество, служили фундаментомъ другимъ, означеннымъ билетиками инаго цвѣта, и въ которыхъ находились различныя смѣшенія съ первыми, напимѣръ: петербургскій съ голландскимъ, петербургскій съ французскимъ, ст.—омеръ съ французскимъ, голландскій съ албанскимъ крупнымъ, съ албанскимъ мелкимъ и т. д. Однимъ словомъ—сколько можно было сдѣлать комбинацій, смѣшивая съ однимъ по два и по три, все было сдѣлано, закупорено въ особые пузырьки, означено билетикомъ и систематически уставлено на полкѣ. Долго достойный пенсіонеръ ломалъ себѣ голову, пока достигъ до тридцати пузырьковъ—число дней въ мѣсяцъ,—чтобы носъ его каждый день имѣлъ различную поживу, и чтобы однообразный кормъ ему не наскучилъ. Правда, что нѣкоторые мѣсяцы, имѣющіе по тридцати одному дню, смущали немного старика; но егда спасалъ февраль, отъ котораго оставались два пузырька, пополнявшіе недостатокъ; наконецъ въ иные мѣсяцы онъ отдѣлялся то діэтой, то остатками отъ каждаго дня, сыпаемыми изъ табакерки въ особую баночку, и такимъ—образомъ составлялось какое-то всеобщее смѣшеніе изъ всѣхъ комбинацій.

Панъ Амброжинскій тщеславился также особеннымъ умѣньемъ готовить табакъ, который былъ мягокъ, холоденъ, неслишкомъ влаженъ, неслишкомъ сухъ, но собственно такой, что пріятно щекоталъ каждый порядочный носъ, имѣющій понятіе въ этомъ наслажденіи, нѣжно приставалъ къ стѣнкамъ его, не влетая въ горло и не выпадая на землю. Секретъ искуснаго приготовления табаку былъ единственною суетностью этого достойнаго человѣка. Можно было ему сказать, что онъ не знаетъ изъяснить по польски причастія на *rus* и *du*, что онъ не сѣмбеть

употребить хорошо *gerundium* и не знает управленія глагола *jubeo*; въ такомъ случаѣ улыбался только опытный педагогъ, нисколько не оскорбляясь. Но если кто разсѣянно бралъ табакъ изъ его табакерки, если половину вынюхивалъ, а половину просыпалъ на землю, или хотя и знатно понюхалъ, однако не насладился, не вскрикнулъ: а! и не попросилъ еще щепотки—отъ тѣхъ онъ отстранялся, сердился, терялъ къ нимъ довѣренность, а если имѣлъ къ нимъ какое дѣло, приступалъ съ большою робостью, безъ всякой надежды на успѣхъ.

Панъ Амброжинскій былъ высокъ, худощавъ, немного сгорбленъ, имѣлъ длинныя руки и большія ноги, которыми ступалъ неловко, загибая ихъ въ середину, и носилъ сапоги съ необыкновенно длинными носками — прежде еще, чѣмъ люди изобрѣли этотъ удобный покрой обуви. Шею повязывалъ онъ бѣлой косынкой, рѣзко обозначавшей оливковый цвѣтъ его тощаго, но пріятнаго лица, отличавагося большимъ характеристическимъ носомъ и лбомъ высокимъ, плѣшивымъ и полнымъ спокойствія. И хотя онъ зачесывалъ съ затылка на лысину начинавшіе сѣдѣть волосы и постоянно носилъ въ жилеткѣ роговую гребенку, чаще одна-кожъ возвращались они назадъ, сопротивляясь этому принужденному направленію, раскидывались въ беспорядкѣ, и придавали филологическій видъ всей головѣ педагога. Получивъ отставку, старикъ носилъ постоянно длинный сюртукъ табачнаго цвѣта, потому—что взоръ его, привыкнувъ всматриваться въ табакъ, при безпреставномъ его употребленіи, при безпрестанныхъ смѣшеніяхъ разныхъ сортовъ, полюбилъ этотъ цвѣтъ, и былъ непріятно поражаемъ иными цвѣтами. Иногда только, и то въ торжественные дни, надѣвалъ онъ старый синій вице-мундиръ съ полинялымъ бархатнымъ воротникомъ и гербовыми пуговицами, и тогда уже надѣвалъ бѣлый жилетъ, конечно неизбѣгавшій табачныхъ пятенъ и зеренъ, торчавшихъ тамъ и сямъ между сгибами,—однако достаточно чистый — для филолога.

Скромно, сообразно съ небольшими средствами была убрана квартира достойнаго пенсіонера. Первая комната составляла вмѣстѣ гостинную и столовую. Какъ-бы въ отвѣтъ этому назначенію стоялъ въ ней, между окнами, длинный диванъ, обитый ситцемъ

съ разводами, а передъ нимъ небольшой круглый столъ съ вдѣланной по срединѣ шахматницей; у стѣны—же стоялъ столъ съ висячими боками, а возлѣ него шкафъ съ посудой; между шкафомъ и печкой висѣли часы съ гирями, которые довольно хрипливо, но громко и внятно били въ извѣстное время. Управление этой комнатою принадлежало Катѣ. Здѣсь могла она хлопотать безнаказанно сколько было ей угодно; даже мытье пола не встрѣчало большихъ затрудненій.

Иное дѣло было съ другою комнатою—собственно жилищемъ достойнаго пенсіонера, гдѣ стояла его кровать, его вѣшалка, на которой висѣли: шинель, халатъ и сюртукъ табачнаго цвѣта; гдѣ стояли его сапоги съ длинными носками, въ сосѣдствѣ сапожныхъ щетокъ; гдѣ были его полки, на которыхъ помѣщались многочисленныя его книги, хорошо подобранныя, но имѣвшія недочетъ отъ безпрестанныхъ займовъ пріятелями, и носившія на себѣ слои вѣковой пыли, вшившейся въ бумагу и измѣнившей цвѣтъ переплета. На нижней полкѣ лежала масса тетрадей и иныхъ бумагъ. Это были грамматическія лекціи нашего педагога и ученическія упражненія, которыхъ оставлялъ онъ у себя по нѣскольку изъ каждаго класса, и пряталъ на память съ 1820 года, записавъ мѣсяць, число, имя и фамилію. Возлѣ длиннаго его стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, полнымъ также дыръ, пыли и чернилъ, стоялъ извѣстный уже шкафъ съ коллекціями грамматикъ, лексиконовъ, выписокъ и пузырьковъ съ нюхательнымъ табакомъ. Этотъ шкафикъ имѣлъ стеклянную дверцу и былъ старательно запертъ на ключъ. Въ эту комнату только украдкой входила Катя съ крыломъ и щеткой. И хотя, поймавъ ее на мѣстѣ преступленія, старикъ не сердился, потому—что гнѣвъ несроденъ былъ его сердцу, однако Катя видѣла, что это смущало старика, что онъ нюхалъ табакъ безъ наслажденія и просыпая на землю, что обѣдалъ съ меньшимъ аппетитомъ, хотя борщъ былъ вкусенъ по обыкновенію, что цѣлый день избѣгалъ своей комнаты, словно она уже утратила для него свою прелесть тѣмъ, что была чиста и прибрана. Огорчало это добрую и нѣжную дочь, и потому только изрѣдка позволяла она себѣ убирать его комнату, не думая уже о мытьѣ пола, который нѣсколько лѣтъ покрывался слоями нечистоты, такъ что самый опытный натура-

листь не былъ въ состояннн разсмотрѣть дерева, изъ котораго были сдѣланы половицы.

Изъ кабинета въ комнату Кати вела дверь, почти всегда запертая на ключъ. Ежедневно однако-же добрый отецъ отворялъ ее, входилъ въ комнатку дочери, и сердце старика радовалось при видѣ милой дѣвушки, при видѣ чистоты и щегольства въ ея мебели, ея костюма, всегда свѣжаго и сдѣланнаго со вкусомъ, ея постоянныхъ занятій, то за иглою, то за книгой и перомъ, ея заботливости о цвѣтахъ, украшавшихъ окно; то при видѣ молитвы ея у дѣвической постели, гдѣ онъ часто заставлялъ ее на колѣнахъ. И тогда онъ не входилъ, останавливался только на порогѣ и смотрѣлъ; иногда слеза навертывалась на глазахъ, и тихо затворивъ дверь, онъ возвращался.

Въ-самомъ-дѣлѣ прнятно было войти въ эту горенку, гдѣ всюду виднлся порядокъ, гдѣ все было чисто, гдѣ постель была постлана такъ старательно, какъ-бы никто и никогда не ложился на ней, гдѣ каждая мебель и бездѣлка были такъ новы и содержаны, словно только что вышли изъ рукъ ремесленника. Очарованн дѣвнчества отражалось на всемъ тамъ находившемся, а тишина, господствовавшая въ этой горенкѣ, свидѣтельствовала о скромности и чистотѣ сердца хозяйки, котораго свободы и спокойствнн ничто еще до-тѣхъ-поръ не возмутило.

Исполняя въ-продолженн тридцати-пяти лѣтъ обязанность учителя и привыкнувъ постоянно къ непрерывнымъ занятнмъ, панъ Амброжинскнн не зналъ праздности, и вовремя заслуженнаго отдыха, по привычкѣ, онъ только и думалъ о латыни, и съ удовольствнмъ готовъ былъ передавать ее. Вставъ рано утромъ, помолясь Богу и насыпавъ въ табакерку табаку изъ пузырька, приходившагося на тотъ день, онъ пересматривалъ латинскнн грамматики, сравнивалъ одну съ другою, выбиралъ, гдѣ легче и выразительнѣе изображено было то или другое правило, гдѣ вразумительнѣе подобраны были примѣры. Иногда онъ бралъ какого-нибудь автора, но единственно съ той цѣлью, чтобы найти въ немъ и подчеркнуть фразу, подходившую къ какому-нибудь труднѣйшему грамматическому правилу. Въ особенности любилъ онъ причастнн, *gerundia* i *supinum*, и зналъ какъ пять пальцевъ ихъ синтаксисъ со всевозможными подробностями и исключеннми.

Творительный — самостоятельный также игралъ у него важную роль, и старикъ зналъ превосходно всѣ особенности quoniam, разъяснявъ теперь всѣ сомнѣнія объ этомъ сложномъ предметѣ чтеніемъ разсужденія *ad obfinendum gradum Doctoris Philosophiae*, съ которымъ мы уже его видѣли.

Привычка—вторая натура. Разбирая иногда свои грамматики, онъ воображалъ, что готовится на лекцію. А когда било восемь часовъ—время, въ которое выходилъ старикъ, чтобы не опоздать,—онъ проворнѣе завязывалъ галстухъ, требовалъ кофе, надѣвалъ вице-мундиръ, хлопоча отыскать ту или другую книжку, какую располагалъ взять съ собою. Когда-же Катя приносила завтракъ и спрашивала, куда онъ такъ рано собирается, тогда только старикъ, припомнивъ, что поприще его кончено, смѣялся надъ своимъ разсѣяніемъ, и махнувъ рукой, прибавлялъ иногда:

— Жаль, а у меня были свѣжіе примѣры, которые отлично изъяснили—бы мальчикамъ употребленіе словъ: *interest* и *refert*. Садись, Катя, изъясню тебѣ, потому—что это любопытно, да и не во всякой грамматикѣ найдется.

Они сѣли; старикъ пилъ кофе, и держа въ рукѣ вкусную булку, изъяснялъ дочери любопытное грамматическое правило; двѣнадцатилѣтняя слушала его со вниманіемъ, и хотя не всегда понимала, однакоже, для утѣшенія отца, предлагала ему разные вопросы. Тогда радость блистала въ глазахъ пенсионера, педагогическій восторгъ отражался на лицѣ, а успѣхъ дочери въ трудностяхъ, которыя не разъ смущали ученика въ школѣ, былъ для него истиннымъ и невиннымъ торжествомъ. Но и для Кати латынь не была совершенно тарабарскою грамотой. Окончивъ курсъ въ пансіонѣ г-жи С... она, частью для забавы, частью для утѣшенія старика отца, котораго любила больше жизни, выучила склоненія и спряженія правильныхъ глаголовъ, и этотъ новый запасъ познаній принесла отцу въ даръ на его именины, прося старика проэкзаменовать ее. Расплакался старикъ, обнялъ и благословилъ дочь, и съ тѣхъ—поръ, если нападала на него неутолимая жажда учить кого-нибудь, онъ сажалъ ее возлѣ себя, и съ любовью училъ ее языку, которымъ Гораций льстилъ Августу, Вергилій ласкалъ слухъ избѣженнаго любимца, Цицеронъ гре-

мѣль съ кафедры и спасъ Римъ и возвысилъ себя подь небеса—приготовленными хорошо импровизациями.

Однакоже иногда совѣсть упрекала его, что мучить дѣвуш-шу надъ предметомъ, который не можетъ принести ей пользы. И хотя иной разъ чувствовалъ онъ приближеніе педагогическаго пароксизма, однако не звалъ дочери, а принимался за исправленіе старинныхъ ученическихъ переводовъ; иногда улыбался надъ своими собственными поправками, дѣланными еще въ первыя времена, сравнивалъ ихъ съ позднѣйшими, и такимъ-образомъ подвергалъ контролю собственные успѣхи.

Вовремя службы онъ пользовался уваженіемъ начальства, любовью товарищей и подчиненныхъ. Однакоже случалось, что младшіе и лѣнныя товарищи употребляли во зло доброту его. Лишь-бы кто попросилъ, только-бы кто понюхалъ съ наслажденіемъ его табаку или не угадалъ смѣси, чувствуя себя не въ состояніи проникнуть высокой тайны, панъ Амбражинскій охотно заступалъ мѣсто каждаго, такъ что въ недѣлю набиралось ему часа три или четыре лишнихъ. Искренній и добрый, готовый и другими средствами помогать товарищамъ, онъ давалъ въ-займы сколько могъ, вѣрилъ каждой просьбѣ и вмѣстѣ каждому извиненію, не смѣя напомнить о долгѣ или забывая о немъ, если ловкій должникъ извинялся невозможностью, а табакомъ наслаждался или хвалилъ его приготовленіе.

Вотъ вамъ портретъ достойнаго человѣка, жизнь котораго проходила въ тишинѣ или обычныхъ занятіяхъ. Объ ограничен-ныхъ потребностяхъ его заботливо хлопотала добрая дочь, стараясь утѣшить, по возможности, старика, которому умѣренность придавала здоровье, а покой и занятія поддерживали постоянно всякое расположеніе духа.

Обыкновенно, помолясь и поцѣловавъ дочь, засыпалъ онъ спокойно, спрягая какой-нибудь трудный глаголь или подводя правило *de consecutione temporum*, и спалъ тихо до пяти часовъ. Въ это время постоянно онъ просыпался. Иногда только спокой-ствіе это было смущаемо грустнымъ сновидѣніемъ,—обстоятель-ство, нерѣдко случающееся съ самыми добродѣтельными людьми. Порой грезилось ему, что слово *utroq* онъ употреблялъ съ винитель-нымъ падежемъ; что, приказавъ какому-то ученику склонять *erulum*,

онъ допустилъ его сказать во множественномъ числѣ *erula, erulorum*, и не поправилъ; что когда пришлось изъяснить управление *supinum*, онъ позабылъ какъ семь разъ неодинаково сказать: *venio salutatum amicos*, и хотя ученики спрашивали его объ этомъ, онъ не умѣлъ изъяснить имъ. Тогда просыпался онъ измученный и облитый холоднымъ потомъ, садился на постели, и опомнившись, крестился, и благодарилъ Бога, что это было только сновидѣніе.

Вотъ единственныя его горести. Добрымъ своимъ характеромъ и сердцемъ, любящимъ людей и науку, заслуживалъ онъ, чтобы другія огорченія не тревожили его и чтобы дни его мирно и тихо доплыли туда, гдѣ царствуютъ вѣчная истина и невозмутимое спокойствіе; чтобы онъ увидѣлъ, и благословилъ счастье дитяти, столько имъ любимаго и достойнаго этой любви. Но земная жизнь должна взять свое, не уважая кого-бы-то ни было. И этого старика почти на порогъ гроба настигла она съ чашей, полной горечи, принудила его вынуть ее почти до дна, чтобы онъ, придя туда, гдѣ нѣтъ ни грусти, ни страданія, могъ сказать: И я знаю земное существованіе.

Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ пзна Романа, пенсіонеръ нашъ замѣтилъ, что дочь его сдѣлалась грустнѣе и разсѣяннѣе, что не съ такой уже заботливостью занимается предметами, составлявшими прежде единственное ея утѣшеніе. Прежде, разглаживая платье или поливая цвѣты, она плѣла подобно свободной птичкѣ, увѣренной, что довольно ей воздуха для полета, довольно зеренъ въ полѣ для дневнаго ея пропитанія. Теперь-же нѣсколько дней она не принималась за плѣсни, не проговорила первая ни одного слова отцу, ни разу не пришла къ нему съ просьбой изъяснить какую-нибудь фразу изъ Евтропія, единственнаго латинскаго автора, котораго она читала и котораго никогда не понимала нарочно, для утѣшенія старика отца, давая ему возможность изъяснять какъ можно долѣе. Сначала притворяясь, что не замѣчалъ этой перемѣны, онъ только чаще заходилъ въ ея горенку, стараясь повѣрить свои догадки; но однажды, заставъ ее горько плачущею на колѣнахъ, старикъ серьезно потревожился и не могъ позабыть этой сцены, отъ которой разрывалось отцовское сердце. Дагадавшись, что отецъ уже видитъ ея го-

рестъ, замѣчаетъ перемѣну въ лицѣ и расположеніи духа, Катя мигомъ отерла слезы, умыла глаза холодной водой, и въ тотъ же вечеръ пришла къ нему съ Евтропиемъ. Но отложивъ до другаго времени объясненіе грамматическихъ трудностей, старикъ посадилъ ее возлѣ себя и началъ съ нѣжностью выпрашивать. Однакоже Катя успѣла провестъ его; увѣряла, что ей взгрустнулось такъ, что она не знаетъ, какая-бы могла быть причина перемѣны ея расположенія духа, что чувствовала себя немного нездоровой, но что это уже проходитъ... И бѣдняжка принуждала себя улыбаться, старалась быть веселой, и выдумывала разговоръ, въ которомъ не принимали участія ни душа, ни сердце. Старикъ немного успокоился; однако благословивъ дочь, онъ долго еще ходилъ по комнатѣ, и когда уже легъ, помолясь Богу, а на мысль ему пришло простое склоненіе *filia lacrimans*, вмѣсто другихъ труднѣйшихъ частей рѣчи, онъ просклонялъ это слово по всеѣмъ падежамъ единственнаго и множественнаго, и въ-самомъ-дѣлѣ почувствовалъ слезу, которая тѣснилась сквозь зажмуренныя рѣсеницы.

Все начинается слабо,—даже бѣды и смуты, постигающія чезовѣка и цѣлые народы. Эти-то горести, возникающія, развивающіяся изъ слабыхъ началъ, гораздо вреднѣе, неизлечимѣе, подобно хроническимъ болѣзнямъ, какъ чахотка, которая съѣдаетъ тѣло, уничтожаетъ жизнь, пока не придетъ смерть, и не положить конца страданіямъ. Внезапные и неожиданные удары подобны бурямъ, которыя могутъ сломить, но если не сломятъ—придаютъ свѣжесть, и силы; подобны воспаленіямъ, которыя, если не убиваютъ, то какъ-бы обновляютъ тѣло. Но то, что убиваетъ и калечитъ медленно,—убиваетъ вѣрно, калечитъ всегда смертельно.

Первое грустное впечатлѣніе отъ печали и тайной грусти дочери быстро исчезло въ душѣ пенсионера. Катя, чувствуя, что она не должна быть причиной безпокойства челоуѣка, трудившагося тридцать пять лѣтъ, для того, чтобы подѣ старость имѣть безмятежное спокойствіе, старалась всей своей силой воли и дочерней любви подавить свое горе: она возвратилась къ прежнему образу жизни, и занятія разгоняли тучи, налетавшія на ея хорошенькое личико. Заглянувъ въ свое сердце, она увидѣла, что тамъ вкоренилось сильное и, можетъ-быть, напрасное чувство,

что невыразимая грусть увлекала ее мысли за образомъ, за улыбкой, за голосомъ молодаго челоѣка, который, можетъ-быть, занялся ею для минутнаго препровожденія времени, а теперь, вдали, забылъ о ней, и вскорѣ совершенно позабудетъ. Только ночью давала оно волю печальнымъ думамъ, и часто обильныя слезы проливались на дѣвическую подушку, на которой прежде такъ сладко покоилась ее головка.

Порой навѣщала она пансіонъ г-жи С.; каждый разъ отправлялась къ барышнямъ; болтала то съ одной, то съ другой, а оканчивала всегда Еленой, которую привлекала въ объятія, нѣжно цѣловала, и неразъ невольно краснѣла при этомъ. Дѣвочка искренно къ ней привязалась; Богъ знаетъ отчего, называла ее тетей, и тогда панна Катерина дрожала отъ радости. И было что-то проческое въ этомъ невинномъ голосѣ, въ этомъ незаученномъ названіи. Но по возвращеніи домой, тѣмъ грустнѣе удручали Катю неувѣренность и невозможность осуществленія этого прочества. Напротивъ, каждый разъ, когда проходила она мимо костела на Лешнѣ, воображенію ея представлялся образъ нищей въ лохмотьяхъ, и малѣйшую ея надежду заглушали слово старухи: — «И я была такою, а теперь, видишь, на кого я похожа.» И часто она рѣшалась не ходить больше къ г-жѣ С., или, по-крайней-мѣрѣ, не видѣть и не ласкать дѣвочки, бывшей поводомъ знакомства ея съ паномъ Романомъ, ставшей какъ-бы звѣномъ между ихъ сердцами. Но напрасны были эти обѣщанія. Неутомимая грусть овладѣвала ею, и она спѣшила въ пансіонъ, не обращая ни на что вниманія, и осыпала Еленку тысячами ласкъ, если только могла улучшить свободную минуту. Однажды, придя въ подобномъ расположеніи, застала она дѣвочку въ слезахъ, и не смѣла спросить ее о причинѣ; но дѣвочка сама ее предупредила.

— Тетя Катя! смотри! сказала она: я получила отъ дяденьки письмо. Онъ уѣхалъ далеко, очень далеко, куда-то на Побережье, а я не знаю, гдѣ это Побережье! Должно-быть гдѣ-нибудь на краю свѣта. И я останусь здѣсь, и никто не пріѣдетъ за мною!

— Развѣ дядя надолго уѣхалъ? спросила блѣдная панна Катерина, и почувствовавъ дрожь въ ногахъ, опустила на первое кресло.

— Ахъ, очень надолго! Дядя пишетъ, что не возвратится раньше года, а можетъ-быть и позже. Прочти письмо, тетя, и сама увидишь, какъ я несчастна.

Катя прочла. Слова были холодны и равнодушны; ни въ одномъ изъ нихъ ни слѣда печали и безпокойства, ни по одному нельзя было догадаться, что онъ думалъ, что и Катя, можетъ-быть, прочтетъ эти строчки, что взоромъ и душой она будетъ доискиваться въ нихъ какого-нибудь намека о себѣ, какого-нибудь воспоминанія о времени, проведенномъ съ нею. Въ письмѣ заключались: простое извѣстіе, что онъ уѣзжаетъ и возвратится черезъ годъ, а можетъ-быть и позже; наставленіе племянницѣ чтобы училась и была послушна; увѣдомленіе, что мать нездорова, не можетъ скоро навѣстить ее, и не возьметъ на каникулы.

Отдавъ, дрожащей рукой, письмо Еленкѣ, Катя ушла, даже не попрощавшись съ удивленной дѣвочкой. Долго ходила она задумчиво, борясь съ грустью, которой на минуту поддалось ея благородное сердце. Но часто случается, что бѣда, настигнувъ человѣка и являсь передъ глазами его въ формахъ выразительныхъ и оконченныхъ, не такъ сильно поражаетъ и кажется не такой страшной, какъ въ то время, когда еще приближается въ грозномъ и неопредѣленномъ видѣ: и въ душѣ нашей героини нашлось больше силы, нежели она надѣялась. Разумѣется, не обошлось безъ задумчивости наединѣ съ собою, безъ слезъ, катившихся на ея молитвенникъ, каждый разъ напоминавшій ей книжку, подаренную на память, и вмѣстѣ напомившій все прогулки, все разговоры и все очарованіе первой любви. Но постепенно начинала она привыкать къ мысли, что все это было сномъ, красивымъ облачкомъ, которое развѣялъ прихотливый вѣтеръ, не оставивъ даже малѣйшаго слѣда въ лазури. Священной обязанностью считала она думать такъ о происшествіи, отравившемъ ея спокойствіе; разсудкомъ прививала она себѣ забвеніе того счастливаго минувшаго, и если упорная память вызывала сладкія мгновенія, она отгоняла ихъ трудомъ, хозяйственными заботами; выдумывала даже занятія, которыя окончательно охлаждали-бы самую память. Такимъ-образомъ отъ Евтропія перешла она къ Корнелію Непоту, приготовилась къ переводу жизни Аннибала, приискавъ въ лексиконѣ все неизвѣстныя слова, и ло-

мала себѣ голову, чтобы доискаться въ нихъ настоящаго смысла, и правильно понимать автора. Последній трудъ имѣлъ еще и тотъ поводъ, чтобы утѣшить отца, и уничтожить въ его сердцѣ грустное впечатлѣніе, произведенное ея печалью, блѣдностью и внезапной переменой всего ея моральнаго существованія. Благородное это рѣшеніе и разумныя эти средства принесли желанный плодъ. Катя успокоилась, почти обратилась къ прежнему состоянію, а старый педагогъ не могъ прійти въ себя отъ радости, и позабылъ грустныя мысли, удручавшія его въ—продолженіе нѣсколькихъ недѣль, когда первый разъ усѣлся за давно желанный урокъ, понюхалъ табакъ, по обычаю раза два стукнулъ по столу табакеркой, для возбужденія вниманія, и поправивъ очки, началъ: Hannibal Hamilcaris filius Carthaginensis и т. д. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда явилось новое происшествіе, перепутать правильный образъ жизни старика, составленный имъ, и на прочность котораго онъ имѣлъ право рассчитывать, проведя тридцать пять лѣтъ въ трудномъ званіи учителя.

У пана Амброжинскаго былъ старинный товарищъ, панъ Марко Вѣловѣдекій—гораздо моложе его, но съ которымъ они сидѣли на школьной скамейкѣ. Вѣдь, кажется, имя точно что—то случайное и не должно—бы влечь никакихъ послѣдствій; однакоже исторія и частная жизнь доказываютъ противное. Не говорю уже о фамиліяхъ, съ которыми связаны заслуги и слава, и которыя какъ—бы налагаютъ на человѣка извѣстныя обязанности; но самыя обыкновенныя и, порой, совершенно новыя имѣютъ иногда влияніе на влеченіе человѣка, на образъ мыслей и характеръ. Зналъ я одного, которому готовили мѣсто священника, но онъ назывался Схабовскимъ,—и сдѣлался трактирщикомъ. Молодой парень, именовавшійся Шилинскимъ, былъ отданъ въ военную службу, но ушелъ и поступилъ къ сапожнику, и хотя его поймали и онъ получилъ достойное наказаніе, однако это не помогло: онъ какъ—то избавился отъ карабина, и возвратился къ шилу, къ которому влекла его собственная фамилія. Много можно найти подобныхъ примѣровъ. Къ одному изъ нихъ принадлежалъ и нашъ панъ Марко. Уже потому, что дали ему это имя, онъ былъ празденъ, какъ Маркъ Туллій, крикливъ подобно ему, и себѣ только приписывалъ все, что ни дѣлалось въ кругу его обязанности.

Каждый разговор его начинался и оканчивался *я*, но эти *я* стояли въ близкомъ разстояніи, словно колья въ заборѣ. И конечно все опиралось на этомъ, чтобы онъ ни рассказывалъ. Гдѣ нельзя было втиснуть *я*, или, по-крайней-мѣрѣ, навѣсть на него разговоръ, тамъ панъ Марко не умѣлъ найтись, и не былъ уже такъ краснорѣчивъ и увѣренъ въ томъ, о чемъ говорилъ. Хотя вообще нельзя было назвать его невѣждой, да и самая фамилія его доказывала ученость; хотя онъ хорошо зналъ по-латынѣ, читалъ по-французски и немного по-нѣмецки, а въ молодости перевелъ одну книгу Георгикъ Виргилія и иногда писывалъ оды и посланія тринадцати-сложными стихами; однако это былъ застывшій литераторъ, какихъ, отъ прежнихъ временъ, уцѣляли еще рѣдкіе экземпляры. Онъ учился и занимался до 1821 года: что дѣлалось до того времени въ нашей литературѣ, онъ зналъ и цѣнилъ, но съ-тѣхъ-поръ остановился и застылъ совершенно. А какое направленіе приняла потомъ литература, что изобрѣтено и написано, то уже не касалось его головы и сердца, то уже онъ считалъ ничѣмъ; не принимался за книгу; и если ему говорили о новыхъ твореніяхъ, исполненныхъ ума и чувствъ, онъ пожималъ плечами, смѣялся иронически, и ссылаясь на лекціи Л. Оссиинскаго и на переводы французскихъ трагиковъ, переходилъ естественно къ Виргилію и его Георгикамъ, а чаще всего къ извѣстной трагедіи, имъ переведенной, и весь споръ оканчивалъ *я*, въ чемъ уже трудно было его переговорить и переспорить. Скоро оставивъ учительское званіе, панъ Марко перешелъ въ другую службу, и быстро началъ возвышаться, случайно попавъ на начальника, который позволялъ лѣстить себѣ въ глаза, и вѣрилъ, что въ его отдѣленіи все дѣлается только рукой и головой пана Марка. Такой тщеславный и себялюбивый человѣкъ—конечно эгоистъ и въ другихъ отношеніяхъ, потому-что себя-любіе—основаніе тщеславія, распространяетъ эту любовь не только на какое-нибудь качество ума или тѣла, но и на всю особу, на цѣлую жизнь и на всѣ ея отношенія. Подобные люди всего желаютъ отъ другихъ, сами ничего не давая; требуютъ услугъ, не думая услужить никому; требуютъ похвалъ и удивленія только для себя, но больше ни для кого на свѣтѣ.

Случилось однакожъ, что одно убогое семейство прислало къ

пану Марку мальчика, съ просьбой дать ему дорогу и обезпечить кусокъ хлѣба. И хотя онъ не любилъ подобныхъ порученій и рѣшительно не занимался своими родными, на этотъ разъ однакожь, побуждаемый—ли совѣстью, или какими тайными причинами, онъ рѣшился дать дорогу юношѣ, который какъ—то занялъ его болѣе, нежели всѣ родственники. Проэкзаменовавъ юношу, и увидя, что малый ничего не знаетъ, что читаетъ и пишетъ плохо, и даже незнакомъ съ табличкой умноженія, онъ хотѣлъ отдать его въ слѣсаря или лакировщики; но молодой человѣкъ рѣшительно объявилъ, что желаетъ идти только по ученой части, и панъ Марко почувствовалъ въ сердцѣ какъ—бы голосъ собственной крови, говорившей ему, чтобы не уничижалъ ее ремесломъ. И онъ рѣшился приготовить юношу, чтобы послѣдній сдалъ какъ—нибудь экзаменъ на учителя элементарной школы, а потомъ уже, современемъ, достать ему прочное, теплое мѣстечко. Но самъ онъ не хотѣлъ заняться молодымъ человѣкомъ, во-первыхъ потому, что не хотѣлъ учить, чему доказательствомъ служилъ его переходъ изъ ученаго вѣдомства, во-вторыхъ, занятіе это было—бы низко для человѣка, на рукахъ котораго лежало цѣлое отдѣленіе, и который, помнилъ что ходилъ на лекціи Людвигъ Оссиенскаго, переводилъ Георгіки Виргилія и одну французскую трагедію. Придумывая, кому—бы повѣрить молодаго человѣка, кто—бы занялся имъ заботливо и съ умънемъ, онъ вспомнилъ о давнишнемъ своемъ товарищѣ, оставшемъ учителѣ, котораго педагогическія способности ему очень хорошо были извѣстны, и который теперь, не имѣя пици для занятій, конечно будетъ ему благодаренъ за доставляемый случай, и приметъ съ восторгомъ за его воспитанника.

Панъ Марко встрѣчалъ иногда нашего педагога въ саду Красинскихъ, гдѣ оба они любили прогуливаться. Всегда онъ первый подходилъ къ нему, и заводилъ разговоръ, въ особенности, если не было другихъ собесѣдниковъ, передъ кѣмъ онъ могъ—бы разсказывать о гигантскихъ трудахъ въ своемъ отдѣленіи, объ удивительной ловкости, съ которой управлялъ ввѣренной ему частью, о лѣности и неспособности подчиненныхъ, за которыхъ все принужденъ былъ самъ работать. Случалось однакожь, что старинные товарищи находили и другіе предметы для разговора.

Панъ Марко, любившій поговорить, тѣмъ охотнѣе и громче проповѣдывалъ, чѣмъ съ большей вѣрой и покорностью его слушали, охотно заводилъ литературный разговоръ съ человѣкомъ скромнымъ, на все согласнымъ, съ человѣкомъ прежняго времени, который жилъ только воспоминаніями юности въ области критики и литературы. Часто улыбались проходящіе, слыша въ 1847 году похвалы гладкимъ стихамъ — Торжество Венеры въ Квидо, или рѣшительныя опредѣленія пана Марка, которыми онъ разъяснялъ споръ о классицизмѣ и романтизмѣ.

Что-то роковое тянуло пана Амброжинскаго въ садъ Красинскихъ, и столкнуло его съ паномъ Маркомъ, именно тогда, когда послѣдній желалъ этого. Судьба какъ-бы хотѣла сказать нашему пенсіонеру: «не будетъ тебѣ спокойствія, хотя ты цѣлую жизнь трудился для этого, хотя ты безъ желчи и жала; и хотя ты никогда и никому воды не замутилъ, такъ я замучу тебѣ воду».

Привѣтствовавъ стараго товарища и взявъ у него щепотку табаку, панъ Марко прямо приступилъ къ пану Амброжинскому, и рассказавъ о расположеніи своемъ къ роднымъ и о прибывшемъ воспитанникѣ, предложилъ пенсіонеру заняться приготовленіемъ мальчика къ экзамену. Панъ Марко обыкновенно обходился гордо и свысока съ людьми кроткими и скромными. «Я самъ едѣлалъ-бы это и скорѣе и лучше», прибавилъ онъ высококомѣрно, «но не имѣю времени, потому-что и безъ того тружусь за всѣхъ. Недавно еще я получилъ отъ своего начальника письменную благодарность за дѣятельность и рвеніе. Но ты совершенно свободенъ, и тебѣ это будетъ развлеченіемъ».

Старый учитель охотно согласился на это предложеніе.

На этотъ разъ они разошлись, не говоря о литературѣ, а условившись, что молодой человѣкъ завтра утромъ явится къ пану Амброжинскому. Панъ Марко осмотрѣлся еще по саду — не увидитъ-ли кого изъ подчиненныхъ, чтобы похвастаться благодареніемъ, оказаннымъ старинному товарищу, и тѣмъ показать дѣятельность не только на службѣ, но и въ частной жизни. Пенсіонеръ-же нашъ отправился домой, довольный тѣмъ, что снова будетъ имѣть ученика, и жалѣлъ только объ одномъ, что будетъ учить не по латынѣ. «Но», подумалъ онъ, «дойду я и до этого, если только мальчикъ способенъ и прилеженъ.»

Возвратясь домой, панъ Кипріянь ни слова не сказалъ дочери о случившемся. Старикъ хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ появленіемъ новаго ученика, и хотя у него чесался языкъ, однакожь онъ потиралъ только руки, и на лицѣ его отражалось удовольствіе. Замѣтивъ это ненормальное расположеніе его духа, Катя спросила о причинѣ перемѣны; тогда старикъ погладилъ ее по головкѣ, улыбнулся и сказалъ: — Увидишь завтра.

На другой день, часу въ девятомъ, ходилъ онъ съ безпокойствомъ, высматривая, не идетъ-ли новый ученикъ. Нетерпѣніе его было очевидно; старикъ желалъ-бы уже, по-крайней-мѣрѣ, проэкзаменовать мальчика, и придумать методу для его образованія. Но юноша не являлся. Для сокращенія времени, пенсионеръ позвалъ дочь, приказалъ сѣсть возлѣ себя съ работою, и повторить спряженіе глаголь: *vo!o, polo, malo*, которые хотя и похожи по-видимому, однако имѣють тонкое различіе. Среди этого механическаго занятія, удивленная безпокойствомъ отца, Катя выглянула въ окно, и замѣтила въ отворенной калиткѣ ту самую нищую съ Лешна, образъ которой до-сихъ-поръ преслѣдовалъ ее. Оборванная и сгорбившаяся старуха стояла на самомъ порогѣ, опираясь одной рукой на палку, а другой указывала такимъ образомъ, какъ-бы кому говорила, что изъ сѣней надо идти направо. Выраженіе какой-то насмѣшки виднѣлось въ чертахъ ея, и злобная улыбка искривляла сморщенное и измятое лицо, на которомъ не оставалось ни малѣйшаго слѣда красоты, о какой она сама говорила. Возлѣ нея стоялъ высокій, плечистый молодой человекъ, въ тѣсномъ и вытертомъ сюртукѣ, въ узкихъ, испачканныхъ желтыхъ панталонахъ, незакрывавшихъ голенищъ, — въ костюмѣ, служившемъ доказательствомъ деревенскаго происхожденія. Шея его была повязана какимъ-то краснымъ платочкомъ, а на головѣ старая сѣрая шапка, беспорядочно надѣтая на затылокъ. Бѣлое и румяное лицо его было недурно, глаза голубые и пронизательные, волосы необыкновенно свѣтлы, руки длинны и красны; но во всей его фигурѣ и движеніяхъ виднѣлось что-то грубое, обличалось деревенское воспитаніе мелкой шляхты, пахло корчмой, и вмѣстѣ было что-то гордое, невѣжественное.

При видѣ этомъ героиня наша вздрогнула невольно и безотчетно. Этотъ образъ зловѣщей нищей, такъ сильно ее встрево-

жившей неожиданнымъ появленіемъ; этотъ молодой человѣкъ, который, вѣроятно, о нихъ разспрашивалъ; догадка, что конечно нищая знаетъ ихъ и, можетъ-быть, намѣтила на нее для какихъ-нибудь видовъ; ожиданіе кого-то отцомъ, его таинственная улыбка и слова: увидишь завтра — все это привело ее въ такое разсѣяніе, что она не слушала различія будущаго времени изъяснительнаго наклоненія съ настоящимъ сослагательнаго, что именно изъяснялъ ей отецъ въ это время. Старикъ уже хотѣлъ напомнить ей о невнимательности, и опускалъ раза три табакерку, словно ударялъ ею по столу, котораго однакожь не было подъ рукою; какъ вдругъ дверь съ трескомъ отворилась и затворилась, и молодой человѣкъ, которому нищая указала дорогу, остановился передъ ними. Вошедшій быстро осмотрѣлся вокругъ, выдвинулъ впередъ ногу, и махнулъ шапкой, которую въ-мигъ взялъ въ обѣ руки, свернувъ въ трубку,

— Мое почтеніе! Должно-быть здѣсь?

— Что такое? спросилъ старикъ.

— Конечно здѣсь живетъ учитель, потому-что старуха указала, проговорилъ молодой человѣкъ, смотря на Катю.

— Но кто ты, молодой человѣкъ? спросилъ темнаго смѣшавшійся учитель.

— Я? Такъ-то легко и сказать! отвѣчалъ вошедшій молодой человѣкъ. Вѣдь я и самъ не знаю этого. Называюсь-то я Мартынъ Вѣдскій; котораго прислалъ сюда учиться г. секретарь.

— *Avidus sciencie*, сказалъ самъ себѣ панъ Амброжинскій, которому въ эту минуту пришло на мысль управленіе родительнаго надежа, и безпрестанно сновало въ головѣ его.

— Но лакировщикомъ или оловянщикомъ ни за что не буду, продолжалъ молодой человѣкъ: хотя-бы мнѣ Богъ знаетъ что дѣлали! Я лучше хочу другихъ учить уму разуму.

— А! такъ это ты, молодой человѣкъ?

— Я самый, какъ видите, отвѣчалъ юноша, неловко кланяясь.

— Что-же ты умѣешь?

— Я? Умѣю отлично стрѣлять въ цѣль, умѣю выдѣлывать обертасъ.

— Но, милый мой, не въ этомъ дѣло, сказалъ, смѣшавшись, учитель, а умѣешь-ли ты читать, писать считать?

— Считать? О, считать умѣю отлично, отвѣчалъ онъ, улыбаясь и поглядывая на Катю. Когда бывало дядя Варфоломей Сѣхурскій, знаете тотъ, котораго въ деревнѣ боятся, какъ огня, такъ когда онъ вывозилъ ночью лѣсъ изъ казенныхъ застѣкъ, то всегда приказывалъ мнѣ считать; и несмотря на то, что бывало темно, хотъ глазъ выколи, я считалъ деревья безъ ошибки. Но такого счету, какъ вы спрашиваете, я не умѣю.

— Дурно, сказалъ, нюхая табакъ панъ Амброжинскій, и прибавилъ тише: *rudis literarum*.

— Э, ничего отвѣчалъ малый, размахивая шапкой: я таки буду уменъ, и если захочу, то всему скоро выучусь, потому-что...

Въ это время онъ взглянулъ на Катю, и замѣтивъ, что она тревожно смотрѣла на него, опустилъ глаза, покраснѣлъ и замолчалъ.

Катѣ сдѣлалось какъ-то неловко. Она встала и вышла; а молодой человѣкъ, проводивъ ее взоромъ за дверь, оборотился, но видя, что старикъ задумчиво прохаживается по комнатѣ, взглянулъ еще на дверь и сказалъ потихоньку: — Ахъ, какъ-же она хороша, чортъ ее побери!

Таковъ-то былъ ученикъ, котораго, подъ видомъ добраго дѣла, панъ Марко навязалъ старому товарищу. Ходъ-же его образованія и развитія, перемѣны, которымъ подверглись голова и сердце этого деревенскаго неуча, и какое влiянiе имѣло появленiе его на дальнѣйшую судьбу нашего пенсiонера и его дочери, — читатель увидѣтъ въ слѣдующихъ главахъ этой повѣсти.

III.

Если кому изъ читателей случалось ѣхать въ Ломзу, по дорогѣ, тянущейся надъ живописными берегами Наровы, тотъ помнитъ конечно бесплодную, лѣсистую, довольно грустную окрестность, начинающуюся за Пултускомъ и идущую къ Остроленкѣ, по лѣвой сторонѣ дороги. Тамъ, въ милѣ отъ Сѣлюня, раскинулась шляхетская деревня Сѣхурская—Воля, на покатоности, примы-

кающей съ одной стороны къ казеннымъ лѣсамъ, а съ другой тоже къ лѣсамъ, нѣкогда значительнымъ, но теперь представляющимъ пространство, усѣянное сгнившими пнями и заросшее мелкими сосенками. Это главное мѣстопробываніе Сѣхурскихъ, Вѣлювѣдскихъ, Маловѣдскихъ и просто Вѣдскихъ. Отсюда-то вышелъ нашъ панъ Марко, котораго мать, урожденная Сѣхурская, постоянно тамъ жила, и лѣтъ десять назадъ тому скончалась. Въ той-же деревнѣ родился и воспитывался нашъ Мартынъ Вѣдскій—по просту Мартыничъ. Онъ былъ сынъ неизвѣстнаго отца и родственницы пана Варооломея Сѣхурскаго, котораго, если припомнить читатели, Мартынъ назвалъ своимъ дяденькой.

Мать «негодяя Мартыничка», какъ обыкновенно называли его въ деревнѣ, молодая, хорошая женщина, была постоянно задумчива и печальна, и несмотря на крутой характеръ пана Варооломея, у котораго жила, несмотря на продѣлки сосѣдокъ и родственницъ, старавшихся развѣдать тайну рожденія Мартыничка, она соглашалась лучше переносить преслѣдованія, нежели назвать по имени челоуѣка, котораго искренно любила. Наконецъ неприяности, упреки и насмѣшки дошли до послѣднихъ границъ. А однажды панъ Варооломей, напившись пьянъ въ собственной корчмѣ, куда затащилъ и жену, которую тоже употчивалъ, возвратился домой почти въ безпамятствѣ, и примѣтилъ Марьяну Вѣдскую, ожидавшую на крыльцѣ ихъ возвращенія; вмѣсто благодарности за то, что бережетъ домъ вовремя отсутствія хозяевъ, онъ напалъ на нее, что она за ними подсматриваетъ, что онъ принужденъ кормить не только ее, но еще и Богъ знаетъ какого ея ребенка, и схвативъ дерзко ее за косу пышныхъ черныхъ волосъ, хотѣлъ отрѣзать ихъ, какъ неприличное уже украшеніе.

Вывравшись изъ его рукъ, несчастная женщина вбѣжала въ домъ, схватила на руки двухъ-лѣтняго Мартыничка, и въ полночь убѣжала черезъ садъ, въ другія двери. Крикъ и проклятія льняной жены указали пану Варооломею дорогу, по которой убѣжала жертва его гнѣва. Онъ бросился велѣдъ за нею, съ пожницями въ рукѣ, желая поставить на своемъ и снять съ бѣдной головы природное украшеніе; но въ глазахъ у него темнѣло, ноги не служили, онъ путался между грядами, топтался по канустѣ и

свеклѣ, и наконецъ, зацѣпясь за что-то, упалъ прямо на огромную дыню.

Избавясь такимъ образомъ отъ преслѣдованія, Марьяна перелѣзла черезъ плетень, и прижимая къ груди плачущее, испуганное дитя, пошла куда глаза глядѣли.

Домъ пана Варфоломея Сѣхурскаго стоялъ на концѣ деревни. Тутъ-же за его огородомъ лежало небольшое поле, засѣянное рожью, колосья которой можно было перечесть безъ затрудненія; дальше были кусты можжевельника и между ними кустики сосенокъ, чѣмъ дальше тѣмъ гуще, странныхъ формъ, придававшіе какой-то грустный видъ всей окрестности. Изрѣдка только торчаль пень давно срубленнаго дерева, догнивали щенки и вѣтви, здѣсь и тамъ высоко взбѣгали кривыя сосны, безобразныя и такъ обрубленныя, что для прикрытія ихъ совершенной наготы наверху лишь оставалось нѣсколько вѣтокъ.

Ночь была темна; грустно шелестѣли кусты; вокругъ лежала печальная и глухая пустыня; высокія, обнаженныя деревья, выходя изъ густоты, невыразительно означенной, принимала какія-то странныя формы. Но несмотря на страхъ, возбуждаемый поздней порой и пустынною мѣстностью, бѣдная женщина спѣшила все впередъ, не зная куда идти, гдѣ найдетъ отдыхъ. Наконецъ, пройдя истребленный лѣсъ, принадлежащій шляхтѣ сѣхурской, и увидя передъ собою огромные казенные лѣса, когда она заглянула въ темную ихъ глубину и услышала надъ собою шумъ гигантскихъ деревьевъ, словно голосъ, спрашивавшій: зачѣмъ идешь сюда? когда, оглянувшись, она увидѣла себя рѣшительно одинокою въ этомъ дикомъ и безлюдномъ мѣстѣ, то почувствовала такой ужасъ, что изо всѣхъ ногъ пустилась бѣжать назадъ. Но вскорѣ, обезсилѣвъ, упала она подъ первымъ деревомъ, уложила на колѣнахъ плачущаго ребенка, и когда малютка уснулъ и прошло первое вліяніе страха, она закрыла лицо руками, и начала горько плакать, задумавшись о своемъ положеніи.

Сонъ не прилетѣлъ успокоить ея горестъ и дать минутное забвеніе; потому-что сонъ, хотя и не всегда сопутствуетъ богатому, и очень часто избѣгаетъ вельможи, но—другъ труда и спокойствія—убѣгаетъ также и огромнаго несчастія, (въ особенности, если оно слѣдствіе собственной вины человѣка), какъ-бы не мѣшая

совѣсти въ исполненіи ея обязанностей. Бѣдная женщина просидѣла въ лѣсу до разсвѣта. И уже когда взошло солнце, когда утро освѣжило природу, и пробудившіяся птички начали распѣвать свои пѣсни, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, тогда только высохли ея слезы, на сердцѣ стало немного легче, и она, видя передъ собою все свѣжимъ, зеленымъ, полнымъ жизни, почувствовала прибывающее мужество, и рѣшилась не предаваться отчаянію, а придумать какія-нибудь средства. Но какъ подумала она о возможности близкой смерти и что ребенокъ останется сиротою, снова сжалось ея сердце, и ослабѣвающія силы отняли послѣднее мужество. Пришло ей также на мысль, что нѣтъ у нее ни одежды, ни гроша за душою, никакого паспорта; что еслибы, наконецъ, пока найдетъ гдѣ службу, она рѣшилась просить милостину, то, принявъ ее за бродягу, отравили-бы въ деревню, и она возвратилась-бы покрытая двойнымъ позоромъ, туда, откуда теперь ушла отъ стыда и нареканія. Грустныя эти мысли принудили ее прибѣгнуть къ послѣдному средству, и прежде еще приходившему ей въ голову, но за которое она до-сихъ-поръ не смѣла ухватиться.

Взявъ на руки спящаго ребенка, она пошла обратно въ деревню, обходя далеко усадьбу родственника, котораго избѣгала наглости и буйства. На другомъ концѣ деревни стоялъ домикъ Вѣлювѣдской. Туда-то направила шаги бѣдная Марьяна. Съ покорностью, но и съ самоотверженіемъ явилась она передъ матерью пана Марка, и упавъ къ ногамъ ея, рассказала ей о своемъ проступкѣ, открывъ тайну, скрываемую съ такимъ упорствомъ отъ другихъ родственниковъ и отъ цѣлой деревни.

Встревоженная старушка горько заплакала, но сжалась надъ бѣдными сиротами, прижала къ груди плачущую Марьяну, поцаловала хорошенькаго ребенка, и приняла мать и сына подъ свое покровительство.

Однакоже доброта достойной старушки ненадолго служила бѣдной Марьянѣ оплотомъ отъ наглости родственника, который хотя въ трезвомъ состояніи и имѣлъ благородныя склонности и просто, но здраво судилъ о вещахъ; однако, утопивъ доброе сердце въ водкѣ и заливъ ею свой свѣтлый умъ, становился наглымъ и ничего не уважающимъ.

Разсердился панъ Варѳоломей на сестру и пересталъ ходить къ ней за то, что приняла къ себѣ Марьяну. Однажды Мартыничкъ игралъ на улицѣ, за воротами, въ то время, когда панъ Варѳоломей, крѣпко пьяный, возвращался изъ корчмы домой съ нѣсколькими товарищами. Испугавшись пьяной толпы, дитя начало сильно кричать и плакать. Мать, встревоженная плачемъ ребенка, выбѣжала за ворота, не обращая вниманія *кто пролѣзжалъ*. Поздно уже она это примѣтила. Еще она не дошла къ сыну, какъ панъ Варѳоломей, выскочивъ изъ повозки, схватилъ ее за волосы, и влача бѣдную по землѣ, топталъ и страшно билъ ея ногами. Напрасно кричалъ ребенокъ, напрасно кричала сестра, выбѣжавшая изъ дому; панъ Варѳоломей опомнился тогда только, когда Марьяна лишилась чувствъ, и товарищи, хотя и пьяные, схватили его и посадили на повозку.

Ужасный этотъ случай, котораго панъ Варѳоломей, отрезываясь, не могъ простить себѣ, убилъ окончательно здоровье женщины, уничтоженной морально. Черезъ три мѣсяца Марьяна умерла, оставя Мартыничка сиротой, на рукахъ доброй матери пана Марка. Сироткѣ было хорошо у сострадательной старушки, которая ласкала, нѣжила его и отказывала себѣ во многомъ, для того, чтобы Мартыничкъ былъ хорошо одѣтъ и не голоденъ. Такимъ-образомъ достигъ онъ десятилѣтняго возраста, ничему не учась, не имѣя охоты ни къ какому занятію, румяный, красивый, съ свѣтлыми, какъ ленъ, волосами, буйный шалунъ, спорящій зубъ за зубъ со старшими, показывая кулаки ровесникамъ, если его ослушивались, отказывались отъ его недобрыхъ затѣй и не позволяли ему распоряжаться ими. Во всѣхъ шалостяхъ Мартыничкъ бывалъ первымъ зачинщикомъ.

Сейчасъ-же по смерти Марьяны, Вѣловѣдская написала къ сыну, увѣдомляя его о сознаньи покойницы, о ея грусти, страданіяхъ, печальной потерѣ здоровья и объ ужасной смерти, описывая вмѣстѣ и свое бѣдное положеніе, и умоляя его пріѣхать.

Но панъ Марко именно тогда оставилъ ученое званіе и былъ на пути пріобрѣтенія довѣренности начальника, который собирался взвалить на его руки тягость цѣлаго отдѣленія; и панъ Марко, извиняясь новыми служебными обязанностями, послалъ мате-

ри нѣсколько сотъ золотыхъ, не упоминая ни слова ни объ умершей, ни о ея ребенкѣ.

Болѣе и болѣе теряя здоровье и видя постепенный упадокъ маленькаго состоянница, Вѣловѣдская, въ-продолженіе восьми лѣтъ, нѣсколько разъ отзывалась къ сыну, описывая свою нужду и потребность воспитанія мальчика, съ которымъ не знала уже что дѣлать; но пану Марку всегда было некогда; на каждое письмо онъ отвѣчалъ присылкой нѣсколько сотъ золотыхъ, что—же касается мальчика, то онъ какъ—будто не понималъ въ чемъ дѣло, и не упоминалъ ни слова.

Это продолжалось до 1837 года. Удрученная годами и убожествомъ, старушка, убитая тоской о дальнѣйшей судьбѣ мальчика, къ которому была искренно привязана, но болѣе всего пораженная неблагодарностью и невниманіемъ собственнаго сына, который, возвышаясь въ почестяхъ и приобрѣтая состояніе, отдѣлывался присылкой небольшихъ суммъ, и, казалось, стыдился деревенской шляхтянки, даровавшей ему жизнь, старушка опасно заболѣла и почувствовала приближеніе смерти, бывъ лишена удобствъ и безъ всякой медицинской помощи.

Хотя она и крѣпко скорбѣла на брата, за насиліе учиненное имъ передъ ея глазами, хотя со времени постыдной сцены она рѣшительно съ нимъ не видалась; однако, находясь въ критическомъ положеніи, послала сказать ему, что, умирая, хочетъ поговорить съ нимъ и проститься.

Панъ Варфоломей Сѣхурскій только и ожидалъ этого приглашенія, и сейчасъ—же пошелъ къ сестрѣ, которую невольно уважалъ, какъ старшую лѣтами; притомъ—же онъ обвинялъ себя въ звѣрскомъ поступкѣ, имѣвшемъ такія гибельныя послѣдствія. Остановясь предъ убогой постелью умирающей, проникнутый сожалѣніемъ, въ смущеніи онъ грызъ усы, мялъ жилистой рукою полы сѣраго кафтана, и поблѣднѣвъ, прижмуривалъ глаза, какъ—бы желая вдавить назадъ слезы, пробивавшіяся невольно.

Продолжительна была бесѣда брата съ сестрою. Узнавъ обо всемъ, панъ Варфоломей, вѣроятно, далъ слово сохранить тайну, потому—что возвратясь домой грустный и встревоженный, онъ никому не сказалъ объ этомъ ни слова. Вечеромъ опять онъ на-

вѣстилъ сестру, и не отходилъ отъ нее въ—продолженіе трехъ дней, которые прожила несчастная въ предсмертныхъ мученіяхъ.

Похоронивъ ее, какъ только позволяли средства приличіе, онъ заперъ ея разрушающійся домикъ и взялъ къ себѣ убогіе пожитки и Мартыничка. Сосѣди его, въ особенности жена, удивлялись подобной перемѣнѣ, тѣмъ болѣе, что во время похоронъ сестры, онъ упалъ на колѣни на могилѣ Марьяны, билъ себя въ грудь и плакалъ; что далъ на панихиду за ея душу, и не только принялъ въ домъ, но и ласкалъ мальчика, котораго убѣгалъ до тѣхъ—поръ, и которому, какъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, бо-
ялся переломить кости въ припадкѣ гнѣва.

Очутясь такимъ образомъ подъ покровительство пана Варфоломея, Мартыничекъ присматривался къ нраву, перенималъ образъ его жизни, подражая даже его выраженіямъ. Сначала онъ чрезвычайно боялся новаго дяденьки, но вскорѣ освоился съ чертами, которыхъ тотъ считалъ всегда сотнями тысячъ, и научился избѣгать перваго взрыва его запальчивости; и если замѣчалъ въ рукѣ его палку, полѣно, вилы, цѣпъ, а даже иногда ножъ или топоръ, когда краснѣлъ лобъ надъ густыми его бровями и красное пятно выступало на лѣвой щекѣ; тогда мальчикъ схватывался какъ серна, летѣлъ черезъ плетни и колоды, и нераньше возвращался домой, какъ убѣдясь, что дяденька уже выспался и пришелъ въ нормальное состояніе.

Панъ Варфоломей не сердился за эту осторожность, потому что съ тѣхъ—поръ какъ прибилъ слабую и незащитную женщину, въ чемъ не переставалъ упрекать себя, онъ былъ благодаренъ каждому, кто уходилъ отъ его запальчивости; напротивъ, онъ хвалилъ потомъ, улыбаясь, ловкость мальчика, полюбилъ его за смѣлость и находчивость. Ободренный ласковостью трезваго пана Варфоломея и остерегаясь только, чтобы не попасть къ нему подъ пьяную руку, Мартыничекъ росъ на свободѣ, словно жеребенокъ въ степи, незнающій уздечки, бѣгалъ по деревнѣ, дѣлывалъ разныя шалости, гонялся за дѣвушками, навѣдывался уже иногда въ корчму, подружился съ лѣсничими, и укравъ у дяди доброе ружье, часто пропадалъ дня по два на охотѣ. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, онъ возмужалъ, развился физически, научился отлично стрѣлять, на всѣхъ праздникахъ былъ

первымъ танцоромъ; сильный и привыкшій съ дѣтства къ кулачнымъ боямъ, никому не уступалъ дороги, и имѣя защиту въ жилистой рукѣ пана Варфоломея, часто даже и старшимъ отвѣчалъ грубовато.

Однакоже надо отдать ему и ту справедливость, что во многихъ случаяхъ онъ бывалъ полезенъ пану Варфоломею. Дядя его былъ хозяиномъ, но доходовъ съ небольшихъ полей получалъ весьма мало. Въ—слѣдствіе этого панъ Варфоломей покупалъ лѣсъ, перевозилъ его къ Наровѣ, занимался доставкой разныхъ продуктовъ въ мѣстечки, гдѣ бывали ярмарки, а иногда даже занимался въ извозъ въ Пултускъ или Варшаву и возилъ, то какого—нибудь панича, отправлявшагося въ поиски за фортуной, то жидка, который скрытно перевозилъ прусскіе товары, непобывавшіе на таможи. И какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ другихъ промыслахъ, Мартыничъ равно бывалъ полезенъ пану Варфоломею, потому—что имѣлъ способность съ разу понимать приказанія и исполнять ихъ быстро и хорошо, и всегда въ томъ вниманіи, чтобы какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ порученіе и снова погулять на свободѣ. Чѣмъ далѣе, Мартыничъ становился товарищемъ дяди во всемъ, что приносило пользу и требовало бдительности, смѣлости и отваги. Пригоднѣ всего онъ былъ ему въ почныхъ экспедиціяхъ за лѣсомъ, для пополненія недостающаго матеріала, взятаго на подрядъ: во—первыхъ потому, что водилъ пріязнь съ лѣсной стражей, во—вторыхъ потому, что отлично зналъ всѣ тропинки въ казенныхъ лѣсныхъ дачахъ. На ярмаркахъ, при наймѣ лошадей въ извозъ, служилъ иногда за извозчика, и смѣлымъ видомъ, грубоватой наружностью и громкимъ голосомъ устрашалъ каждаго, кто хотѣлъ или погнать лошадей или не доплатить, или какъ—нибудь отдѣлаться отъ условія.

Въ награду за эти услуги панъ Варфоломей допускалъ его принимать участіе въ томъ, что онъ считалъ отдыхомъ отъ трудовъ и непрерывнымъ разсѣяніемъ помѣщика. Онъ бралъ его съ собою въ корчму, и пока самъ былъ трезвымъ, позволялъ ему выпить рюмку и двѣ; но нагрузившись порядкомъ, не только что не запрещалъ ему пить сколько угодно, а часто даже принуждалъ мальчика состязаться съ нимъ, кто больше выпьетъ. Соперничество это понравилось Мартыничу, и скоро онъ не-

только съ паномъ Варфоломеемъ, съ его позволенія, но и съ другими и безъ его вѣдома, состязался такимъ-же образомъ, и не-разъ удачно одерживалъ побѣду. По воскресеньямъ и въ другіе праздники, когда и дѣвушки собирались въ корчму, онъ предводительствовалъ всѣми. Любили дѣвушки рѣзваго Мартычика, потому-что онъ былъ смѣль и дерзокъ, потому-что по его милости имѣли онѣ часто музыку, потому-что онъ становился всегда въ первую пару въ краковякъ, и не лѣзь за словомъ въ карманъ, если надо было пропѣть какой-нибудь шутливый куплетъ; а въ обертасѣ такъ вель свою танцорку, такъ ею поворачивалъ, такъ отлично держалъ ее сильною рукою, что голова кружилась, а ноги почти не касались пола.

Къ ученю Мартычикъ не имѣлъ большой охоты, хотя не могъ пожаловаться на способности и не былъ совершенно *rudis litigant*, какъ выразился панъ Амброжинскій. Въ той-же деревнѣ жилъ одинъ болѣзненный и горбатый паренъ, который, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ сосѣднемъ приходскомъ училищѣ, выучился прекрасно читать, писать и немного ариметикъ. Физическій недостатокъ бѣдняжки былъ причиной, что семейство, уволивъ его отъ тяжелыхъ крестьянскихъ работъ, позволило ему заниматься перомъ и книгой. Несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, онъ уже былъ серьезень, какъ человекъ, достигшій зрѣлаго возраста. Старшіе любили его за то, что онъ охотно услуживалъ имъ: писалъ письма, сочинялъ просьбы или жалобы на сосѣдей; но ровесники называли его горбатымъ равниномъ, и преслѣдовали различнымъ образомъ, за то, что онъ не принималъ участія въ ихъ играхъ и шалостяхъ. Мартынъ Вѣдскій, хотя буйнаго, вспыльчиваго нрава, но имѣя отъ природы доброе сердце, вдругъ сжалился надъ бѣднымъ горбуномъ, и сталъ ему защитникомъ, объявивъ товарищамъ, что если кто хотя пальцемъ коснется горбатаго нотаріуса Сѣхурской Воли, онъ разобьетъ тому голову. И говорить нечего, что послѣ такого объявленія горбунъ былъ оставленъ въ покоѣ.

Въ благородность за подобную услугу, послѣдній предложилъ Мартычику учить его грамотѣ. И какъ это предложеніе сдѣлано было при панѣ Вареоломѣ, и тотъ принялъ его съ признательностью и посоветовалъ племяннику пользоваться случаемъ, то

Мартынчикъ, собственно для утѣшенія покровителя, принялся охотно и за это занятіе, и въ-продолженіе года съ небольшимъ выучился порядочно читать, писать и кое-какъ ладилъ съ первыми началами ариѳметики; однимъ-словомъ, и въ этомъ случаѣ доказалъ, что имѣеть способности и твердую волю исполнить то, чего захочеть. Можетъ-быть, скоро онъ поравнялся-бы и съ учителемъ, но горбунъ заболѣлъ и умеръ, и образованіе Мартынчика совершенно прекратилось, почти за годъ до прибытія его въ Варшаву.

Таковъ былъ ученикъ, показавшій пану Кипріяну образецъ воспитанія Сѣхурской-Воли. Мартынъ Вѣдскій, можетъ-быть, долго-бы оставался въ родимой деревнѣ, и до-сихъ-поръ гулялъ-бы на свободѣ, еслибы не слѣдующій случай былъ причиной, что Сѣхурская-Воля лишилась своего льва и танцора.

Увлекаясь-ли видами корысти, желая-ли только похвастать передъ земляками подписью: Референдарій Марко Вѣловѣдскій, или по какому другому поводу, только панъ Марко припомнилъ черезъ десять лѣтъ, что умерла его мать, что у нея были домикъ и имѣньице, и написалъ довольно остроумно къ пану Варфоломею, будто-бы до него дошла вѣсть, что дядя завладѣлъ всею имуществомъ его, и въ-слѣдствіе этого долженъ, если не отдать отчетъ, то, по-крайней-мѣрѣ, попросить законный актъ на владѣніе.

Разобравъ кое-какъ по складамъ это письмо, панъ Варфоломей такъ разгнѣвался и вскрикнулъ, что стекла задрожали; схватилъ себя за усы, какъ-бы собираясь вырвать ихъ съ корнемъ, и остановился въ остолбенѣніи среди комнаты, не зная, что начать въ подобномъ случаѣ. Въ эту минуту вошелъ Мартынчикъ, и удивленный безпокойнымъ и гнѣвнымъ видомъ дяди, зная, что тотъ не былъ еще въ корчмѣ сегодня, остановился у двери и придумывалъ: что-бы это могло значить. Панъ Варфоломей приподнял голову и взглянулъ на своего воспитанника.

— Ага! подожди, ясновельможный! вскрикнулъ онъ, ударяя себя по лбу рукою: возвращу тебѣ все, сто тысячъ чертей! все, что взялъ у тебя.

Подкрѣпясь этимъ рѣшеніемъ, схватилъ онъ шапку, надвинулъ ее на правое ухо, и накинувъ сѣрый кафтанъ, отправился прямехонько въ корчму.

Примѣтивъ письмо, оставленное дядей, Мартынь прочелъ его какъ могъ, и догадываясь, что это была настоящая причина его гнѣва, и боясь, чтобы дядя, со злости не надѣлалъ какихъ-нибудь глупостей, отправился велѣдъ за паномъ Вареоломеемъ. Онъ засталъ его уже за столомъ у пріятеля арендатора, который до такой степени былъ искусенъ по своей части, что, имѣя за нѣсколько сотъ золотыхъ въ годъ на содержаніи корчму сѣхурской шляхты, не только не платилъ ни копѣйки, но еще отъ шляхты бралъ то продуктовъ, то разныхъ разностей на нѣсколько сотъ золотыхъ. Когда Мартыничъ утѣлся противъ дяди, и возвращая ему потерянное письмо, спросилъ о причинѣ гнѣва, панъ Вареоломей принялся объяснять, въ чемъ дѣло; потомъ началъ угрожать, что онъ покажетъ себя племяннику, хотя тотъ и ясновельможный; наконецъ предложилъ Мартыну отправиться въ Варшаву и поискать счастья.

Сначала это смутило и обезпокоило Мартыничка. Жаль ему стало Сѣхурской-Воли, этой длинной, широкой и песчаной улицы, по которой ползаль онъ ребенкомъ, на которой шалилъ съ сверстниками мальчишкой, на которой, бывъ уже юношей, испугалъ и перецѣловалъ столько дѣвушекъ, выдержалъ столько ссоръ, столько роздалъ кулаковъ, столько одержалъ побѣдъ; жаль ему стало чистой и быстрой рѣчки, гдѣ много разъ купался, гдѣ, спрятавшись въ лозы, иногда схватывалъ одежду купавшихся дѣвушекъ, и долго не отдавалъ ее испуганнымъ; жаль ему было и казенныхъ лѣсовъ, гдѣ много перестрѣлялъ онъ горохомъ бѣлокъ; жаль и лошадокъ пана Вареоломея, и даже собаки Жучки; однимъ-словомъ, жаль всего, на что только смотрѣлъ, о чемъ припоминалъ изъ разныхъ эпохъ своей жизни.

Панъ Вареоломей примѣтилъ грусть юноши и слезы, наведенныя въ глазахъ его; и ему жаль стало воспитанника, котораго полюбилъ, который былъ вѣрнымъ его товарищемъ и въ ночныхъ экспедиціяхъ, и за плугомъ и косою, и за горкой, и во время ссоръ, неизбѣжныхъ въ корчмѣ, въ собраніяхъ мелкой шляхты. Онъ, можетъ-быть, перемѣнилъ-бы, свое рѣшеніе, высказанное въ первыя минуты гнѣва; но Мартыничъ отеръ слезы, налилъ себѣ четвертку водки, выпилъ ее за однимъ духомъ, и подумавъ,

что увидитъ Варшаву, а если ему тамъ не понравится, снова возвратится въ Сѣхурскую-Волю, сказалъ дядѣ:

— Ну что-же дѣлать! да сбудется воля Божія и ваше желаніе: я поѣду, если уже такъ надобно.

И цѣлуясь, дядя съ племянникомъ начали изъясняться во взаимной пріязни. Каждое воспоминаніе обоюдныхъ услугъ и каждый поцѣлуй они запивали напиткомъ, котораго довольно было у арендатора; а когда наконецъ панъ Вареоломей вспомнилъ о сестрѣ, а Мартынчикъ о первой своей покровительницѣ и благодѣтельницѣ своей матери, сожалья о ея бѣдности, болѣзни, о смерти и о забвеніи неблагодарнаго сына, оба они, среди этихъ слезъ и сожальній, такъ наизволили, что панъ Вареоломей, на другой день открывъ глаза, увидѣлъ себя въ корчмѣ на лавкѣ, а Мартынчикъ, проснувшись, удивился, что былъ одѣтъ и сидѣлъ возлѣ стола въ той-же самой корчмѣ.

Конечно никому не покажется страннымъ, что за чаркой въ корчмѣ дозрѣло такое важное рѣшеніе. Кто знаетъ наши нравы и обычаи, тому хорошо извѣстно, какую роль играетъ чарка во всѣхъ обстоятельствахъ нашей прежней и теперешней жизни, во всѣхъ нашихъ радостяхъ и печаляхъ, во всѣхъ планахъ и надеждахъ. Наполняется-ли она водкой, медомъ или шампанскимъ, звонъ ея смѣшивается и съ крикомъ поворожденнаго, и съ поэтическимъ плачемъ молодой красавицы, подающей руку избранному передъ священнымъ обрядомъ, и съ печальнымъ звономъ колоколовъ, сопровождающихъ покойника на кладбище. Богаль у насъ то кредиторъ, то покровитель, то факель, озаряющій запутанное дѣло, то тимпанъ, возбуждающій отвагу, то заря, которой лучи освѣщаютъ мглистую нашу будущность. Однакоже не у насъ только дѣлается такимъ образомъ. Такъ было всегда и вездѣ. Иосифъ Леметръ, тотъ рѣдкій писатель, котораго гений и познанія не только поставили на челѣ авторовъ нашего вѣка, но послужили даже пищей, выкормившей многія наши литературныя знаменитости, Леметръ смотритъ на этотъ предметъ съ особенной точки. Любопытствующихъ знать, какое значеніе имѣли торжества въ жизни человѣчества, отсылаемъ ко второй части его *Вечеровъ*. Мы вспомнили объ этомъ не для того, чтобы похвастать, что также читали Леметра, и знаемъ источникъ, откуда

можно почерпнуть мудрость; но для того, чтобы хоть немножко извинить пана Варфоломея и Мартыничка, за подчинение врожденной слабости, которой подчинялось и будет подчиняться все человечество.

Черезъ нѣсколько дней, на Краковскомъ-предмѣстьи, изъ Бернардинской улицы, выходилъ панъ Варфоломей въ новомъ сѣромъ кафтанѣ, въ сапогахъ по колѣни, въ новой шапкѣ на бекрень, смѣло поглядывая на проходящихъ, покручивая иногда длинные сѣдые усы, и пожимая дюжими плечами. По движеніямъ его и взглядамъ видно было, что ему не чужда Варшава, что его не удивляли ни пальто франтовъ, ни мантильи и шляпки щеголихъ; что его не тревожили ни городской шумъ, ни суета многолюдства. Не было еще у него надъ бровями румянца, на лѣвой щекѣ не выступало красное пятно, изъ чего можно заключить, что панъ Варфоломей находился въ трезвомъ состояніи; но глаза его блистали, и блистали рѣшимостью поговорить съ племянникомъ такимъ образомъ, какъ тотъ заслуживалъ. За нимъ шелъ Мартыничкъ, въ томъ-же самомъ тѣсномъ сюртукѣ, въ желтыхъ панталонахъ, повязанный красноватымъ платочкомъ, и въ сѣрой шапочкѣ, надѣтой на затылокъ, какъ мы его уже видѣли. Засматривался малый на все самымъ уморительнымъ образомъ. Занимали его бочки, нарисованныя на вывѣскахъ питейныхъ домовъ; смѣялся онъ надъ деревянными колбасами, висѣвшими у дверей мясныхъ лавокъ; считалъ онъ окна домовъ, и не могъ досчитаться. То хотѣлъ онъ разспрашивать обо всемъ проходящихъ; то забирала его охота затронуть какую-нибудь дѣвушку, пробѣгавшую съ картошкой; а когда вмѣшался въ толпу передъ почтой, гдѣ поминутно сновали кареты, коляски, дрожки, гдѣ стучали на дрогахъ порошкія бочки, озадаченный толчками проходящихъ, то жидовъ, то пановъ, то разряженныхъ дамъ, то нищихъ въ лохмотьяхъ, испуганный внезапнымъ крикомъ мальчика: песку! песку! толкаемый поминутно и со всѣхъ сторонъ, не могъ онъ удержаться, чтобы не всквизнуть:

— Ай, ай! Сколько-же здѣсь народу, чортъ ихъ побери!

Остановясь на Длугой улицѣ, возлѣ дома, въ которомъ жилъ панъ Марко, панъ Варфоломей почувствовалъ какое-то смущеніе. Онъ подумалъ, что нехорошо на тощій желудокъ приступать къ

такому важному дѣлу, осмотрѣлся направо и налево, и замѣтивъ въ одномъ окнѣ чудесныя бѣлыя, прозрачныя бутылки съ разноцвѣтной жидкостью, погладилъ лѣвой рукой усы, и вошелъ въ лавочку рѣшительно. Выпивъ добрую чарку анисовки, онъ попотчивалъ Мартыничка маленькой рюмочкой сладкой розовой водки, и такимъ-образомъ, подкрѣпивъ себя, подошелъ къ воротамъ сосѣдняго дома, присмотрѣвшись прежде къ номеру, написанному на голубой доскѣ, и сличивъ его съ замѣткой, бывшей у него въ карманѣ.

— Здѣсь живетъ панъ Марко? спросилъ онъ у дворника, который, заложивъ нога на ногу сидѣлъ на завалинкѣ, съ огромнымъ ключемъ въ рукѣ и не обращая ни какого вниманія.

— Какой панъ Марко? спросилъ дворникъ чрезъ нѣсколько времени, разсудивъ, что къ нему обращаются съ вопросомъ.

— Ясновельможный референдарій, сказалъ панъ Варфоломей, иронически улыбаясь.

— Вѣлювѣдскій?

— Да, Вѣлювѣдскій.

— Ага! слышалъ, отвѣчалъ дворникъ, не измѣняя положенія, покачавъ только раза два ногою, положенную на другую.

— Куда-же идти къ нему? спросилъ нетерпѣливо шляхтичъ.

— Не знаю, отвѣчалъ дворникъ, отворачиваясь: я здѣсь только съ недѣлю; можетъ-быть въ бель-этажѣ.

Мартыничка уже забирала охота попотчивать невѣжу по своему; но видя, что панъ Варфоломей не сердился, и разсудивъ, что такъ и слѣдуетъ поступать въ Варшавѣ, удержался и пошелъ влѣдъ за дядей на лѣстницу. Въ бель-этажѣ остановились они у двери, на котрой была прибита досочка съ надписью золочеными буквами. Панъ Варфоломей началъ разбирать по складамъ, а Мартыничкъ прочелъ, что это дверь Референдарія Вѣлювѣдскаго. Шляхтичъ потянулъ за ручку, придѣланную къ проволокѣ, и внутри раздался звонъ колокольчика.

— Видишь! оно и звонить! вскрикнулъ Мартыничкъ.

— Оттого, что заперта дверь, отвѣчалъ панъ Варфоломей, съ видомъ знатока.

— А зачѣмъ-же они запираются на замокъ? Развѣ здѣсь много воровъ?

— Поудержи-ка, братъ, языкъ, сказалъ панъ Варфоломей: потому-что это городъ, а ты еще здѣсь не былъ и ничего не знаешь.

— Ага, понимаю! отвѣчалъ малый, махнувъ красной рукою: но я скоро здѣсь все пойму, не беспокойтесь!

Отворилась дверь, и вышелъ слуга въ курточкѣ, въ темныхъ панталонахъ, въ башмакахъ и съ салфеткой въ рукѣ.

— Дома панъ Марко? спросилъ панъ Варфоломей, начиная уже сердиться.

— Какой панъ Марко?

— Панъ референдарій Вѣловѣдскій, чортъ-бы тебя побралъ! закричалъ шляхтичъ. Ступай, скажи ему, что пришелъ Варфоломей Сѣхурскій и хочетъ съ нимъ видѣться.

— Важная особа! сказалъ, отступая за дверь, камердинеръ и собираясь захлопнуть ее какъ можно проворнѣе.

Но жилистая рука пана Варфоломея была уже на замкѣ, и дверь осталась недвижима. Смѣшался немного лакей, но не теряя присутствія духа, принялъ официальную мину и сказалъ:

— Ясновельможный панъ собирается теперь на службу и не имѣетъ времени. Если у васъ есть дѣло, ступайте въ канцелярію.

— Ступай ты самъ къ чорту, башмачный нѣмецъ! закричалъ взбѣшенный панъ Варфоломей, оттолкнувъ лакея и вошелъ, въ сопровожденіи Мартычика, котораго языкъ и руки уже чесались, но который молчалъ, потому-что дядя совѣтовалъ молчать.

Это было часовъ около десяти утра. Панъ Марко именно собирался на службу, желая подать примѣръ аккуратности и поймать кого-нибудь изъ опоздавшихъ подчиненныхъ, чтобы хорошенько намылить послѣднему голову, и дать доказательство той удивительной дѣятельности, о которой онъ всегда самъ рассказывалъ и за которую недавно получилъ письменное изъявленіе благодарности отъ начальства. Услыхавъ шумъ, немного удивившій его — какъ знакъ неуваженія, онъ вышелъ въ переднюю съ ленточкой въ петлицѣ, съ тростью въ рукѣ и надѣвъ шляпу. Съ перваго взгляда не узналъ панъ Марко своего дяди. Бывъ еще учителемъ, въ самой первой молодости, провелъ онъ одни только каникулы въ Сѣхурской-Волѣ, гдѣ именно переводилъ Георгіики

Виргилія и читалъ свои переводы Марьянѣ Вѣдской, часто гостившей у его матери. Но вотъ уже двадцать три года онъ не былъ на родинѣ, и не видѣлъ никого изъ родственниковъ. Гордо взглянулъ онъ на деревенскаго шляхтича, который такъ дерзко ломился къ нему въ квартиру.

— Что это за дерзость, любезный? Если тебѣ говорить, что мнѣ некогда, значить я занятъ. Мало-ли у меня обязанностей!

— Я говорилъ, что ясновельможный панъ собирается на службу, сказалъ лакей: но онъ оттолкнулъ меня, и вошелъ силой.

— Насиліе въ моему домѣ! вскрикнулъ панъ Марко. А знаешь-ли, любезный, чѣмъ это нахнетъ? Здѣсь вѣдь, дружокъ, умѣють усмирять подобныхъ наглецовъ.

— Важная мнѣ особа какой-то Варфоломей Сѣхурскій! сказалъ лакей, ободренный присутствіемъ барина и его гордой осанкой. Не видали мы что-ли такихъ Варфоломеевъ.

— Варфоломей Сѣхурскій!.. пробормоталъ панъ Марко въ смущеніи. Ступай, занимайся своимъ дѣломъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ лакею..

Послѣдній взглянулъ на барина, на шляхтича, стоявшаго молча и поглаживавшаго усы, и вышелъ, пожимая плечами.

— Такъ вы панъ Сѣхурскій? спросилъ панъ Марко гораздо ласковѣе.

— Родной братъ твоей матери, пришедшій отдать тебѣ, панъ Марко, отчетъ въ наслѣдствѣ, и возвратить все, что принялъ на свои руки, отвѣчалъ панъ Варфоломей, закусывая губы и принимаясь мять полу кафтана, на которую обыкновенно изливалъ гнѣвъ, если не смѣлъ или не хотѣлъ открыто гнѣваться.

— Развѣ-же я желалъ этого серьезно! говорилъ панъ Марко, поглядывая на Мартыничка, черты котораго пробудили въ немъ давно угасшее воспоминаніе.

— Все-равно для меня — шутя или серьезно, отвѣчалъ Варфоломей. Но я хотя и не ясновельможный и не рефендарій, хотя неучъ и деревенскій бѣднякъ, однакожъ честный шляхтичъ, и желаю совѣтливо разсчитаться съ тобою, чтобы ничего твоего у меня не оставалось.

— Пустое! отозвался панъ Марко, скрѣпясь и не переставая

посматривать на плечистаго юношу, который былъ надежной опорой пану Варфоломею. — Я и не думаю о подобной бездѣлицѣ. Написалъ я потому, что тогда это пришло мнѣ въ голову, а теперь говорю: пользуйтесь, панъ Варфоломей, какъ и пользовались, тѣмъ чѣмъ завладѣли, и ступайте съ Богомъ! Мнѣ некогда.

Проговоривъ это, онъ приблизился къ двери, поспѣвая изъ дому.

— Тебѣ некогда поговорить съ братомъ твоей матери! сказалъ, возвыся голосъ панъ Сѣхурскій и заступая дорогу племяннику; называешь его паномъ Варфоломеемъ и такъ спѣшишь, что съ покрытой головой принимаешь его въ передней, какъ-бы у тебя были воробьи подъ шляпой. Если нѣтъ другой комнаты, гдѣ можно поговорить свободнѣе, все-равно, и здѣсь есть скамейка, на которой я усядусь: меня не пугаетъ твердая лавка. Но по-словица говорить: *Szlachcie na zagrodzie równy wojewodzie* (шляхтичъ у себя въ домѣ равенъ воеводѣ), то я полагаю, что ему нечего чиниться съ референдаріемъ. Если у тебя приресола шапка къ головѣ, когда говоришь съ роднымъ дядей, я полагаю, что и дядя, въ свою очередь, можетъ накрыть свою сѣдую, хоть и пустую голову.

И надѣвъ шапку, панъ Варфоломей крѣпко надвинулъ ее на правое ухо.

Догадался панъ Марко, что дѣло не пустое, что легче управлять канцеляріей, гдѣ, волей—неволей, подчиненные должны терпѣливо переносить привязки и оскорбительныя выраженія; что шляхтичъ, которому терять нечего, не позволить себѣ наступить на ногу, тѣмъ болѣе, что есть у него подпора въ здоровомъ юношѣ, лицо котораго говорить выразительно.

И панъ Марко снялъ шляпу, осматриваясь, не поделушиваетъ ли ланей.

— Ну полно, не сердитесь-же дядюшка, сказалъ онъ гораздо тише. Пойдемъ-те въ гостинную, тамъ будетъ лучше.

— Пойдемъ, если тебѣ это угодно и ты одумался, отвѣчалъ шляхтичъ, приподнимаясь съ своего мѣста и снимая шапку. — Ступай и ты съ нами, потому-что дѣло больше всего тебя касается, прибавилъ онъ, обращаясь къ малому, который стоялъ на одномъ мѣстѣ и мялъ свою шапку.

Панъ Марко едва не спросилъ о юношѣ; но посмотрѣлъ еще разъ... лицо молодого человѣка снова пробудило воспоминаніе, которое онъ хотѣлъ-бы навсегда уничтожить, и референдарій застыдился и замолчалъ.

Войдя въ гостинную, прилично, даже богато убранную, панъ Марко усадилъ дядю, и не зная, съ чего начать разговоръ, принялся нюхать табакъ. Панъ Варфоломей вывелъ его изъ этого затруднительнаго положенія.

— Прекрасно у тебя, панъ Марко, богато, чисто, даже по пански, сказалъ онъ, покручивая усы и осматривая комнату.

— Что-же тутъ удивительнаго! отвѣчалъ панъ Марко: — я столько лѣтъ тружусь, пользуюсь довѣренностью начальства, имѣю порядочный чинъ и получаю хорошее жалованье. Но и работаю-же я за всѣхъ, и еслибы не моя дѣятельность...

Здѣсь уже собирался онъ сѣсть на любимого конька, съ котораго трудно было столкнуть его; но простой шляхтичъ понялъ только часть изъ его разговора, и положивъ на плечо племяннику свою тяжелую руку, остановилъ этимъ грубымъ жестомъ потокъ себялюбивой похвалы чиновника.

— Конечно, ничего нѣтъ удивительнаго, что имѣешь состояніе, что у тебя все прилично и богато, что заслужилъ большой чинъ и получаешь хорошее жалованье, и не такой лѣнтяй, какъ я, твой родной дядя. Но странно то, что давно уже ты вышелъ изъ нужды, что давно имѣлъ уже больше, сколько надо одинокому холостому человѣку, а мать твоя умерла въ нищетѣ, а я — убогій голышъ — закрылъ ей глаза, обвилъ лохмотьями тѣло ея и уложилъ въ нищенскій гробъ, и никто, кромѣ насъ съ этимъ мальчикомъ, не плакалъ по ней. Дурно, ясновельможный панъ; странно, что все у тебя есть, только нѣтъ памяти.

Проговоривъ это, панъ Варфоломей всталъ, прошелся по комнатѣ, и отеръ полый кафтана наворачнувшіяся слезы.

Никогда еще панъ Марко не чувствовалъ большаго стыда и смущенія. Курсы краснорѣчія, которому нѣкогда училъ онъ другихъ, исчезъ быстро у него изъ памяти, и неизвѣстно куда дѣвалась находчивость, за которую еще недавно получилъ онъ письменную благодарность. Онъ хотѣлъ объясниться, оправдать себя недосугомъ, занятіями по службѣ, посылкой матери денегъ...

но его прервалъ панъ Варфоломей, вооруженный простымъ умомъ, терявшимся только при обильныхъ возліаніяхъ.

— Оставь лучше это, панъ Марко, потому-что будешь принужденъ лгать, что очень неприлично референдарію. При случаѣ, подобному мнѣ пьяницѣ, въ корчмѣ, еще-бы шло оправдываться, что позабылъ о гнѣздѣ, изъ котораго вышелъ, что позабылъ о груди, выкормившей его, и допустилъ ее изсохнуть въ нищетѣ и болѣзни. Но мы простые люди не умѣемъ этого. У насъ, между пьяными, произойдетъ иногда ссора, а иногда случится и такое происшествіе, что на цѣлую жизнь остается какъ гвоздь въ головѣ, какъ червь въ сердцѣ; но въ въ трезвомъ видѣ братъ не стыдится брата, отецъ — дитяти, сынъ — матери. Это только дѣлается у васъ, когда ученый умъ засядетъ въ головѣ на мѣсто простаго ума; когда вотъ такой коротенькій фрачекъ замѣнитъ на плечахъ шляхтича сѣрый кафтанъ; когда *шляпа* сожметъ голову, долженствовавшую-бы посѣдѣть подъ *шапкой*. Это случается только у васъ, пьющихъ вино, а не водку, въ радости или въ горѣ. А знаешь отчего, панъ Марко? Оттого, что если ворона уберется въ павлиньи перья, то чванится и забываетъ, глупая, что была вороной (*).

— Панъ Варфоломей! воскликнулъ, выходя изъ терѣнія и вставая съ мѣста, панъ Марко.

— Не называй меня паномъ Варфоломеемъ, сто тысячъ дьяволовъ! вскрикнулъ разсерженный шляхтичъ, иположилъ обѣ руки на плечо референдарію.

Панъ Марко усѣлся на креслѣ, словно прикованный, а панъ Варфоломей продолжалъ, разглаживая усы, чтобъ не мѣшали разговору:

— Сиди и слушай! Ты самъ вызвалъ сѣхурскаго медвѣдя изъ логовища, пусть-же не оскорбляется панскій слухъ твой, если медвѣдь зареветъ по-свойски. Ты хотѣлъ, чтобъ я отдалъ отчетъ въ наслѣдствѣ, принятомъ по смерти твоей матери. Изволь! Послѣ нея осталась валяющаяся избушка съ дыривою крышей, сквозь которую текла вода на ея сѣдую голову; съ разби-

* Въ подлинникѣ: Kiedy sowa zkogucieje, to wyżej sokola lata iż zapomina głupia że była sowa.

тыми окнами, сквозь которыя свисталъ вѣтеръ; съ изгнившимъ поломъ, изъ-подъ котораго выползали разныя насекомыя, подъ которымъ водились мыши и бѣгали крысы, не давая старушкѣ уснуть и хотя во снѣ позабыть объ угнетавшей бѣдности. Я заперъ эту избушку; за десять лѣтъ она обвалилась и обрушилась совершенно, и ты можешь забрать, что еще осталось, если у тебя достанетъ духу заглянуть туда. Я взялъ сундукъ съ вещами и бѣльемъ твоей матери. Сундукъ былъ безъ замка, и я нашелъ въ немъ старый капотъ, пару изорванныхъ ченцовъ и три дырявыя сорочки; до-сихъ-поръ еще сохраняются лохмотья эти съ другими, еще меньшими. Если хочешь, можешь увидѣть ихъ; но я не отдамъ тебѣ этихъ отрепьевъ. Въ замѣну получишь новыя вещи: тѣ-же останутся на память нищеты моей несчастной сестры и сердца ея сына. Взялъ я двѣ коровы, давно уже оклѣвшія, и пару лошадей, которыя вывели покойницу на кладбище. Лошадей и коровъ ты получишь отъ меня, потому-что я не хочу твоего. Наконецъ взялъ я этого сироту, котораго и возвращаю тебѣ, панъ Марко. Твоя мать любила его, я выкормилъ, и онъ, конечно, болѣе тебя, чтитъ память покойницы. Онъ охотнѣе остался-бы у меня; но я не имѣю права удерживать молодого человѣка. Бери его себѣ.

Обезсиленный этими словами и глубокою грустью, панъ Варфоломей замолчалъ; Мартычикъ громко плакалъ; а панъ Марко, подобно преступнику, которому читаютъ приговоръ, сидѣлъ, закрывъ лицо руками, и чувствовалъ, какъ, словно острое желѣзо, проникало ему въ душу каждое слово шляхтича. Наконецъ, не бывъ въ состояннн удержаться, онъ всталъ съ своего мѣста, взглянулъ на плачущаго молодого человѣка, и приблизился къ пану Варфоломею.

— Довольно, дядя! довольно! сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ. Дурно я сдѣлалъ, и поздно одумался; но сдѣланнаго не воротить. Дядя! прибавилъ онъ, отводя его на сторону: кто этотъ мальчикъ?

— Ты меня спрашиваешь объ этомъ? сказалъ панъ Варфоломей, наморщивъ брови.

— Знаетъ-ли онъ обо всемъ? спросилъ шопотомъ панъ Марко?

— Онъ ничего не знаетъ, но я знаю все, отвѣчалъ, отворачиваясь, шляхтичъ.

— Тише, дядя! пойдѣмъ со мною.

Панъ Марко быстро пошелъ въ кабинетъ. Шляхтичъ посмотрѣлъ вслѣдъ за нимъ съ минутою, покачалъ головою, наконецъ и самъ отправился за племянникомъ, и за нимъ затворилась дверь кабинета.

Въ гостиной остался одинъ Мартыничъ. Сначала, задумчивый, онъ изрѣдка отиралъ слезы; но какъ дверь постоянно была закрыта, то ему сдѣлалось скучно, и онъ началъ приглядываться къ разнымъ вещамъ, смотрѣлъ на картины, трогалъ руками бронзу, и наконецъ утѣлся на мягкомъ креслѣ, развалился, и бросая вокругъ удивленные взоры, сказалъ въ полголоса.

— Какъ здѣсь хорошо, чортъ возьми!

Около получаса продолжалась бесѣда пана Марка съ дядею, которой никто не слышалъ, но о содержаніи которой легко догадаться, особенно припомнивъ себѣ *Виргилія* и переводы его *Георгикъ*. Панъ Марко вышелъ изъ кабинета чрезвычайно блѣдный, но крѣпился и притворялся спокойнымъ; вся-же фигура пана Варооломея выражала гордость и радость, что онъ поставилъ на своемъ, и исполнилъ обязанность, съ давнихъ поръ лежавшую у него на сердцѣ.

Увидя входящихъ, Мартыничъ всталъ съ кресла.

— Поди, братъ, сюда! сказалъ панъ Варооломей, обращаясь къ послѣднему: поцѣлуй руку и упали къ ногамъ ясновельможнаго референдарія, который беретъ тебя подъ свое покровительство, и выведетъ въ люди, если будешь трудолюбивъ и послушенъ.

Удивленный перемѣной тона въ голосѣ пана Варооломея, Мартыничъ ощутилъ какую-то нерѣшительность, но замѣтивъ румянецъ надъ его бровями, быстро подошелъ къ пану Марку, и упалъ передъ нимъ на колѣни; когда-же референдарій поднялъ его и поцѣловалъ въ голову, молодой человекъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, задумался немного, и потомъ какъ-то искреннѣе и съ чувствомъ поцѣловалъ его руку.

Такимъ-образомъ Мартынь Вѣдскій былъ принятъ въ домъ пана Марка. На другой день онъ разстался съ паномъ Варооло-

меемъ, который, подпивъ на прощанье, плакать, обнимая рыдающего юношу, и постоянно напоминалъ послѣднему, чтобы, Боже сохрани, не пилъ хмѣльнаго, чтобы учился, слушался старшихъ, не шалилъ, не бѣгалъ по улицамъ и не начиналъ ни съ кѣмъ ссоры, изъясняя ему, что городъ и деревня не одно и то же, что въ деревнѣ можно погрозить и войту, а въ городѣ сейчасъ возьмутъ буяна, и сожмутъ въ бараній рогъ. Болѣе-же всего шляхтичь внушалъ малому, чтобы ни кому не рассказывалъ о разговорѣ, который слышалъ, чтобы уважалъ пана Марка и иначе не отзывался къ нему, какъ «ясновельможный панъ! что ясновельможный панъ прикажетъ?» и при постороннихъ чтобъ называлъ не иначе, какъ ясновельможнымъ референдаріемъ.

Растроганный молодой человекъ палъ къ ногамъ уѣзжающаго пана Варооломея, обѣщалъ исполнить все его приказанія, просилъ еще разъ поклониться Сѣхурской-Воле, и ушелъ, оглядываясь на удалявшагося благодѣтеля.

Черезъ нѣсколько лишь дней по отъѣздѣ дяди, панъ Марко возвратился къ прежнему спокойствію и себялюбію. Сердце его, словно растянутое для пытки энергическими, хотя и простыми словами шляхтича, снова сжалось въ свою эгоистическую фигуру, подобно эластической резинѣ въ то время, когда ее пустятъ руки, ее растягивавшія. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе сбыть мальчика изъ дому, и, можетъ-быть, онъ сдѣлалъ-бы его ремесленникомъ, еслибы Мартыничъ рѣшительно не объявилъ ему, что хочетъ учиться, и что если будутъ принуждать его сдѣлаться лакировщикомъ или оловяничникомъ, то онъ возвратится за плугъ и цѣпъ въ Сѣхурскую-Волю.

Теперь уже намъ извѣстно, къ чему предназначилъ его панъ Марко, куда помѣстилъ, и какъ хвалился добромъ, сдѣланнымъ и родственнику и давнишнему товарищу.

Возвратимся-же на Житную-улицу, и зная уже лучше Мартыничка и его намѣренія, посмотримъ, какъ онъ воспользуется и усердіемъ пенсіонера, и обществомъ прекрасной его дочери.

IV.

Драма и повѣсть единственные роды поэзіи, которыхъ

пощадили отъ истребленія время, переменна понятій о литературѣ и состояніи общества, а въ особенности развитіе журналистики. Всѣ другіе роды погибли навсегда, а вслѣдъ за ними исчезли безвозвратно всѣ разнообразныя, иѣкогда красивыя формы поэзіи. Жизнь теперь идетъ такъ быстро, столько въ ней возникаетъ вопросовъ, что все сильно интересующее не вмѣщается уже въ тѣхъ прекрасныхъ, но мелкихъ или изысканныхъ размѣрахъ, не любить отвлеченностей, фигуръ и рифмъ, но должно заключаться въ картинахъ, выхваченныхъ прямо изъ жизни, имѣть иные размѣры, болѣе вмѣстительныя рамы, и выражаться языкомъ той-же жизни, прямо, отчетисто, какъ говоритъ каждый человѣкъ, который спѣшитъ, котораго время разсчитано, а занятія важны и рѣшительны.

Нынѣшнее общество болѣе и болѣе расходится съ исторіей. Лучше-ли это для него или хуже—вопросъ иной и здѣсь совершенно излишній; однако-же фактъ этотъ очевиднъ въ современной литературѣ. Слѣдовательно, драма и повѣсть исключительно занимаютъ теперь предметы, взятыми изъ быта настоящаго, чтобы рельефнѣе выставить мысли и чувства, служащія ежедневно пищей для нашего духа, которыя онъ пережевываетъ съ наслажденіемъ, потому-что еще не переварилъ ихъ и не перелилъ въ кровь своей крови.

Событія историческія, какъ предметы для поэзіи, или уже позадали, или еще преждевременны, и интересуютъ современное общество въ такомъ только случаѣ, если оно, очистивъ шелуху прошедшаго, легко можетъ добраться до свѣжаго зерна настоящаго, и если минувшее служить только покрываломъ нынѣшняго времени, и заключаетъ ясное и выразительное примѣненіе къ современности. Вотъ причина, почему такъ рѣдко появляются и такъ неловко удаются историческія драмы и повѣсти. Это нисколько не относится къ недостатку таланта или необходимыхъ познаній въ писателяхъ, потому-что многіе обладаютъ тѣмъ и другимъ; но происходитъ отъ того, что современная жизнь наша такъ исключительна, такъ много въ ней движенія, что извѣстная *magistra vitae* перестала, кто знаетъ какъ на долго, быть нашей учительницей, и трудно уже найти въ ней мѣрителя нашихъ горячечныхъ ощущеній, трудно найти положенія и картины, ко-

торыя занимали-бы насъ такъ сильно, какъ то, что совершается въ насъ и вокругъ насъ. Если такое положеніе вещей служить, съ одной стороны, ограниченіемъ поля, на которомъ нѣкогда поэзія срывала цвѣты, то, съ другой стороны, оно служить гораздо важнѣйшимъ поприщемъ для писателей, имѣющихъ довольно силы и образовъ, чтобы схватить болѣе оживленные моменты современной жизни, имѣющихъ довольно дара и воображенія, чтобы вмѣстить и выставить ихъ увлекательно и живо въ драмѣ или повѣсти. И оттого-то писатели эти теперь единственные представители такъ-называемой изящной литературы, потому-что имѣютъ возможность сосредоточивать въ своихъ твореніяхъ все то, что прежде разсыпалось въ трагедіяхъ, комедіяхъ, сатирахъ, басняхъ и т. п., потому-что могутъ украсить цвѣтами воображенія и приправлять неизмѣннымъ интересомъ чувствъ сердца человѣческаго важные, живительные, хотя, можетъ-быть, и преходящіе вопросы; наконецъ, потому-что имѣютъ возможность поражать насмѣшкою всю эту пѣну, всплывшую наверхъ въ современномъ кипѣніи общества, которая и теперь еще всплываетъ изъ его лона.

Подобное состояніе искусства нисколько не мѣшаетъ рисовать отдѣльные лица (*individuum*) и различные классы. Напротивъ, оно выводитъ на сцену типы, доселѣ неизвѣстные или предаваемые презрѣнію, и позволяетъ ими смѣшнить или занимать читателя. А когда привилегированныя, въ старыя годы, и господствующія въ трагедіи и комедіи фигуры стали гостепріимнѣе и приняли въ свое сообщество тѣхъ, съ которыми, волей и неволей, встрѣчаются въ жизни, когда теперь всѣ лучше разсматриваютъ и понимаютъ другъ друга,—поэтому каждый для каждаго сдѣлался болѣе занимательнымъ предметомъ. И хотя драма и повѣсть, овладѣвъ всѣмъ пространствомъ поэзіи, до-сихъ-поръ еще пріятельски подають другъ другу руки, потому-что, черная изъ одного источника все касающееся содержанія и производимаго впечатлѣнія, очень похожи между собою; кажется, однакоже, что повѣсть, почти неизвѣстная древнимъ, долго неимѣвшая довѣрія и стоявшая въ самомъ послѣднемъ отдѣлѣ, повѣсть, пройдя, подъ перомъ В. Скотта, высочайшій историческій фазисъ, до котораго уже не возвысится,—заключить въ себѣ всѣ элементы поэзіи,

и даже заглушить и уничтожить драму. Форма ея, все въ себѣ вмѣщающая, полная жизни и свободы, даетъ ей гигантскіе размѣры. Драма не въ состояніи выразить того, что выражаетъ и обнимаетъ повѣсть, потому—что драма, принужденная развиваться въ глазахъ зрителей, лишена помощи повѣствованія, рассчитываетъ на настоящее, развиваетъ содержаніе единственно только разговоромъ, движется въ ужасной тѣсотѣ, и крѣпко связана несовершенствомъ механизма сцены и однообразными положеніями актеровъ. Она непремѣнно уступитъ мѣсто младшей своей подругѣ, полной жизни, силъ, свободной въ движеніяхъ, нестѣсняемой ни мѣстомъ, ни временемъ. Начался уже и быстро подвигается впередъ перевѣсъ повѣсти надъ драмой. Почти все европейскіе театры перестаютъ быть пищей мысли и чувства, добровольно отрываются серьезнаго, краснорѣчиваго слова, становятся мѣстомъ забавы для зрѣнія и слуха, чему, конечно, скоро и будутъ посвящены исключительно.

Такова въ литературѣ будущая роль рода, которымъ и мы занимаемся, и которому, конечно, одному предназначено разцвѣтать на полѣ поэзіи. Можетъ—быть, не одинъ изъ читателей подумаетъ: для чего мы позволили себѣ нѣсколько замѣчаній, такъ смѣло опровергающихъ старинную и даже нашу собственную пиитику, а главное, безъ видимой надобности прерывающихъ продолженіе нашего разсказа. Отвѣтимъ, что болѣе всего склонили насъ къ этому оскорбительная немного для нашихъ занятій—бесѣды иныхъ нашихъ геніевъ, которые сами ничего не пишутъ, но подобно вулканамъ, полнымъ внутренняго огня, дымятъ безпрестанно и грозятъ взрывомъ, который когда—нибудь озаритъ насъ. Но пока это наступитъ, мы хотѣли показать, что они ошибаются и что неправы, точно также, какъ и тѣ, кто, смотря прежнимъ взглядомъ на ходъ вещей и неумѣя стать на точкѣ, на которой все уже стало, легко судятъ объ этомъ родѣ поэзіи, и не признаютъ поэтами писателей, имъ занимающихся; мы хотѣли ободрить иныхъ, кто, не отдавая себѣ отчета, зачѣмъ имъ нравится повѣсть, стыдятся читать ее при свидѣтеляхъ, и убѣдить ихъ открыто предаваться удовольствію, въ которомъ часто найдутъ живительную пищу умъ и собственное сознаніе. Наконецъ тѣхъ, кто, ничего не читая, откладываетъ занятіе литературой до того времени, пока не явятся превосход-

нѣйшія созданія, облеченныя въ новыя формы, мы желали предупредить, что ожиданія ихъ напрасны, что не настанетъ эта желанная пора, а если и настанетъ, то покрытая мракомъ, котораго не пойметъ никто, и который будетъ признакомъ конца литературы.

Вотъ причины этого, такъ—сказать, междусловія, въ чемъ да простятъ насъ добрые читатели, если не во вниманіе нашей добросовѣстной цѣли, то, по-крайней-мѣрѣ, за то, что мы не наскучали имъ ни однимъ предисловіемъ.

А теперь возвратимся на Житную—улицу:

Въ квартирѣ пана Амброжинскаго, въ той части комнаты, въ которой была устроена гостиная, близъ дивана, у окна, стоялъ столъ, а на немъ лежали необходимыя принадлежности первоначальнаго обученія и между—прочимъ курсъ педагогики, латинская грамматика, Евтропій, Корнелій Непотъ и краткая географія. Было тамъ также множество тетрадей для каллиграфіи, нѣсколько чертежей географическихъ картъ, небольшая чернильница съ пробкой на цѣпочкѣ, циркуль, линейка и проч. Все это лежало въ порядкѣ, и показывало во владѣльцѣ этихъ вещей любовь къ чистотѣ, аккуратности, и прилежанію. У этого столика, принадлежавшаго, казалось, много—много, что ученику втораго класса, то есть мальчику съ плутовскимъ румянымъ личикомъ, въ школьномъ сюртукѣ, который, держа ножикъ въ рукѣ, выщипывал чернилами, строгаешь столъ или карандашъ, сидѣлъ молодой человекъ, высокій, плечистый, съ длинными бѣлокурыми волосами, и облокотясь на одну руку, другою писалъ четко и скоро на лежащей передъ нимъ тетради: «панна Катерина, Катерина, Катя, Катенька» и т. д., проводя это имя по всѣмъ нѣжнымъ сокращеніямъ, прибавляя только разнообразныя прилагательныя, показывавшія, какъ прекрасна была въ глазахъ его эта панна Катерина и какъ дорога его сердцу. Написавъ почти полтетради, положилъ онъ перо, и сказалъ, вздохнувъ глубоко и взявши за голову обѣими руками:

— А чтобъ тебя!..

Но онъ не кончилъ восклицанія, вырвавшись у него безотчетно, единственно по привычкѣ, а напротивъ покраснѣлъ, что проговорилъ начало, и отрѣзавъ написанное, сложилъ и спря-

талъ; потомъ, взглянувъ на часы, принялся за книжку, и началъ прилежно учить свой урокъ.

Легко догадаться, что это былъ извѣстный уже намъ Мартыничъ изъ Сѣхурской-Воли. Мы не хотѣли утомлять читателей подробностями его первыхъ успѣховъ и преобразованія; по прошествіи восьми мѣсяцевъ, представляемъ его въ томъ положеніи, въ какое поставили его природныя способности и постоянныя заботы отставнаго учителя, а больше всего любовь къ нашей героинѣ, вспыхнувшая въ его сердцѣ.

Мартынъ Вѣдскій уже не походилъ на деревенскаго неуча, какимъ прибылъ онъ съ дядей въ Варшаву. Доброта и прелести Кати совершенно его очаровали. Жалѣя старика отца въ хлопотахъ первоначальнаго воспитанія, она иногда заставляла Мартыничка громко читать, учила его чинить перья, линевать тетради, и по большей части сама линевала. Пораженный удивленіемъ при видѣ ея прелестей и крѣпкаго обхожденія, не бывъ въ состояніи наслушаться и тихихъ ея рѣчей, и чудныхъ переливовъ голоса, однимъ-словомъ, приходя въ восторгъ отъ каждаго ея движенія, онъ скоро понялъ все ея превосходство, сдѣлался робкимъ, и рѣшился, во что-бы то ни стало, походить на молодыхъ людей, встрѣчаемыхъ имъ, которые и ходили и говорили какъ-то иначе. И началъ онъ трудиться день и ночь, желая, какъ можно скорѣе успѣть въ своемъ предпріятіи. По нѣскольку страницъ читалъ онъ громко, до-тѣхъ-поръ, пока не прочитывалъ какъ слѣдуетъ; по два листа и больше переписывалъ дома, кромѣ-того, что долженъ былъ переписать вовремя класса. И тѣмъ пріятнѣе было ему послѣднее занятіе, что первыя строчки, въ особенности на начальныхъ тетрадяхъ, бывали написаны рукою панны Катерины. Когда уже Мартынъ самъ писалъ недурно, когда глазъ его привыкъ къ изяществу, не разъ всматривался онъ въ эти первыя строки, написанныя мелко и красиво, и сиживалъ до разсвѣта надъ тетрадью, чтобы копія недалеко отставала отъ подлинника.

Не обходилось въ первое время безъ того, чтобы у Мартыничка не вырывалось какое-нибудь грубое восклицаніе, свидѣтельствовавшее о прежнихъ привычкахъ; но когда панъ Кипріянь, примѣтивъ добрыя наклонности юноши, началъ не только образо-

ваніе его, но и моральное воспитаніе, кротко научая его замѣнять грубыя выраженія болѣе мягкими; когда, присутствуя при этихъ урокахъ, панна Катерина, иной разъ невольной, можетъ-быть, улыбкой подавала поводъ думать, что насмѣхается надъ его невѣжествомъ, тогда молодой человѣкъ чувствовалъ на лицѣ краску стыда, какая-то невыразимая боль отзывалась въ сердцѣ, а твердое рѣшеніе переродиться и сдѣлаться достойнымъ ее, отнимало у него сонъ и аппетитъ, удвояя робость и прилежаніе.

Въ захолустьяхъ, подобныхъ Сѣхурской-Воли, много пороковъ, нѣсколько унижающихъ натуру человѣка. Вообще жителей этихъ шляхетскихъ деревень портятъ невѣжество, простота, а больше всего пьянство. Задорливость и сосѣдскія ссоры развязываютъ имъ уста, и тогда сыплются градомъ брань, упреки и проклятія. Обхожденіе мужчинъ и женщинъ не имѣетъ мягкости, возвышающей красоту и равняющей нѣкоторымъ образомъ слабого съ сильнымъ. Въ особенности молодежь, незанятая ни чаркой, ни работой, весьма свободна въ отношеніи женщинъ, позволяя себѣ неслишкомъ учтивыя, а иногда и неблагопристойныя шутки и даже движенія. Поэтому любовь рѣдко проявляется тамъ въ своемъ поэтическомъ видѣ, хотя нѣтъ также и губительнаго, унижающаго нравственность разврата, отравляющаго все источники, откуда возникаетъ счастье.

И Мартынъ Вѣдскій любилъ пошалить, поволочиться за красавицами Сѣхурской-Воли, обнять и поцаловать дѣвушку при встрѣчѣ, быть первымъ въ играхъ и танцахъ; но сердце его не раздѣляло этихъ забавъ, быстро появлявшихся и быстро, безъ слѣда, исчезающихъ изъ памяти. Значитъ душа и тѣло его были свѣжи, исполнены энергіи. Когда-же предстала предъ нимъ красота, до толѣ невидѣнная, когда онъ замѣтилъ разстояніе, отдѣляющее образованную женщину отъ мужчины, когда сравнилъ прелесть, мягкость и благородство Кати съ грубыми, почти мужскими движеніями прежнихъ подругъ своихъ, — проникнутый какимъ-то высокимъ обожаніемъ, онъ пробудился отъ сна, съ дѣвственнымъ сердцемъ, и покорился въ душѣ чудному существу, мысль о которомъ ни днемъ, ни ночью, ни во снѣ, ни на яву не покидала его воображенія.

Неудивительно, что успѣхи его были быстры и перерожденіе, при

такихъ обстоятельствахъ, очевидно. Даже выраженіе лица его измѣнилось совершенно. Замѣтивъ въ воспитанникѣ перемѣну къ лучшему, панъ Марко обрадовался, что можетъ привести къ концу намѣреніе свое въ отношеніи Мартыничка, то-есть, давъ малому кусокъ хлѣба, успокоить немного собственную совѣсть. Для большаго ободренія юноши, онъ приказалъ передѣлать для него нѣсколько своихъ поношенныхъ платьевъ, подарилъ старую шляпу, надѣваемую вовремя дождя, и истасканныя перчатки. Несмотря на жалкое обновленіе костюма, Мартыничкъ больше и больше походилъ на порядочнаго молодого человѣка.

Гордился панъ Кипріянь плодами трудовъ своихъ, и не разъ, пробѣгая мысленно длинный рядъ именъ прежнихъ учениковъ отъ 1844 года, сравнивалъ ихъ успѣхи съ изумительными успѣхами новаго воспитанника. Въ-самомъ-дѣлѣ, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, Вѣдскій умѣлъ читать очень хорошо, писалъ довольно четко и скоро, хотя немного криво, въ особенности если писалъ безъ линейки; въ ариѳметикѣ былъ силенъ и понималъ тройное правило, а географію зналъ такъ, что могъ даже наизусть нарисовать карту Германіи съ подробностями. Приготовляя себя къ званію учителя, онъ больше всего занимался педагогикой, и по цѣлымъ часамъ просиживалъ надъ нею. Она принесла существенную пользу развитію его собственнаго ума и образованія, тѣмъ болѣе, что старый, опытный педагогъ преподавалъ ему ее не по книгѣ, но практически, въ разговорахъ, обращая вниманіе юноши на средства, употребляемая съ нимъ самимъ, рассказывая о различныхъ способностяхъ у дѣтей, видѣнныхъ имъ, указывая пути, по которымъ всегда безошибочно достигалъ къ головному и сердцу. Въ время этихъ лекцій часто присутствовала и панна Катерина, и ея милое общество и чудный взоръ, нерѣдко устремленный на внимательнаго юношу, не только не разсѣвали его, напротивъ удвоили его способности и окрѣпляли силу духа, развивавшагося, дозрѣвавшаго, подобно цвѣтку, подъ вліяніемъ живительнаго луча. Да, глубокая, скрываемая любовь была его учителемъ, его вдохновеніемъ, его свѣтомъ, и производила въ немъ тѣ быстрыя, неожиданныя перемѣны, тѣ чудеса развитія, которыя панъ Кипріянь, въ простотѣ души, приписывалъ себѣ и которыми утѣшался. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, старикъ полю-

билъ юношу словно собственного сына. Привязанность достойнаго человѣка дошла почти до слабости и ослѣпленія, когда ревностный ученикъ, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, необходимыхъ для первоначальнаго учителя, принялся еще за латынь, и открылъ старику поле пожинать педагогическіе лавры, которыми послѣдній такъ охотно украшалъ чело свое. Причиной этого новаго труда, безъ котораго можно было обойтись Мартыну, послужило то, что латинскій языкъ, не бывъ чуждымъ паннѣ Катеринѣ, давалъ юношѣ возможность чаще просить ее прослушать склоненія и спряженія, помочь переводить Евтропія, и все это единственно для того, чтобы смотрѣть на нее, когда хорошенькими губками выговаривала она латинскія фразы, и упиваться музыкой ея голоса, который необыкновенно пріятно касался его слуха въ то время, когда она говорила: amarem, amares, amaret.

Панна Катерина любила его изъ благодарности за то, что онъ доставлялъ старику удовольствіе занятіемъ, придавшимъ послѣднему здоровья и какъ-бы обновлявшимъ жизнь достойнаго педагога. Занимали ее также эти быстрые успѣхи юноши, эта перемѣна, это ежедневное перерожденіе изъ грубаго простака въ человѣка, чувствующаго въ себѣ мысль, душа котораго начинала понимать красоту и приличіе, съ глазъ котораго спадала завѣса, при взглядѣ на земное назначеніе наше. Но утѣшаясь при видѣ, какъ эта глыба принимала выразительныя формы статуи, панна Катерина не знала, даже не догадывалась, что она сама была ваятелемъ, оживлявшимъ эту грубую массу. Мысли ея носились гдѣ-то далеко, а привязанность ея къ пану Роману была такъ искренна, такъ глубока, что чувства этого доставало на время его отсутствія; привязанность эта была такъ сильна, что не оставляла ни минуты заняться кѣмъ-нибудь другимъ, не допускала желаній самаго невиннаго кокетства. При томъ, чѣмъ больше плѣнялся ею нашъ молодой кандидатъ на учительское званіе, чѣмъ глубже черты ея западали въ его пробуждающееся сердце, тѣмъ становился онъ скромнѣе и боязливѣе. Вся страсть его лежала въ глубинѣ сердца, и не смѣла ни блеснуть во взорѣ, ни пролиться въ живое слово. Сознаніе собственного его униженія удерживало эту страсть въ тайникахъ души. Понималъ онъ, что слишкомъ недостойна панна Катерина, зналъ что не въ состояніи

былъ выразить того, что чувствовалъ, и лучше желалъ таить въ себѣ эти ощущенія, чѣмъ выразить какъ-нибудь косвенно и измелчить и раздробить то, что было въ немъ высоко и безконечно.

Такъ минуло лѣто на Житной-улицѣ, прошла осень и началась зима. Мартынь ежедневно приходилъ въ девять часовъ, и садился за свой столикъ. Заставая панну Катерину, приводившую въ порядокъ комнату, онъ кланялся издали, желалъ добраго утра, и опустивъ глаза, приготавливалъ себѣ книги, или тетради, пока она не уходила. Тогда только вдыхалъ онъ воздухъ полной грудью, поднималъ голову, и смотрѣлъ на то мѣсто, на которомъ она стояла, какъ-бы еще тамъ видѣлъ ее, и смѣлѣ слѣдилъ ея чудную фигуру, ея прекрасное лицо, о которомъ мечталъ до разсвѣта. Обѣдать ходилъ онъ домой, а послѣ обѣда снова возвращался къ учителю. Когда наступила осень, съ дождями и ненастьемъ, панъ Кипріянь оставлялъ его у себя обѣдать, не допуская любимаго ученика ходить въ такую даль по грязи и въ непогоду.

Панъ Марко догадался, что ему не слѣдуетъ позволять бѣдному пенсіонеру кормить даромъ его воспитанника — иначе это было-бы въ-самомъ-дѣлѣ какъ будто-бы платой за то, что панъ Вѣловѣдскій доставилъ старику случай учить кого-нибудь безвозмездно. Онъ рѣшился платить за обѣдъ сына. Когда Мартыничку со слезами на глазахъ удалось упросить старика принять за столъ деньги, онъ оставался уже цѣлый день у учителя, счастливый, что могъ быть такъ долго подъ одной кровлей съ панной Катериной, гдѣ садился за столъ, за которымъ она хозяйничала, ѣлъ блюда, приготовленныя ею, получалъ кушанья изъ ея милыхъ ручекъ. Много нужно было юношѣ силы воли скрыть свои чувства, заключить въ себѣ самомъ счастье, наполнявшее его грудь, и удержать слезы, наливавшіяся ему на глаза. А между-тѣмъ Катя дѣлала это единственно изъ радущія, изъ обыкновеннаго у насъ гостепрѣимства хорошей хозяйки, наконецъ изъ любви къ отцу, котораго радовала эта заботливость о его любимомъ ученикѣ. Конечно дѣвушка иногда думала, какъ-бы она была счастлива, угощая за своимъ столомъ кого-то, другаго; но тотъ гость нисколько не походилъ на бѣднаго влюбленнаго Мартыничка. Тотъ смѣлѣ, вѣжнѣ посматривалъ на нее; прекрасныя манеры

изобличали въ немъ хорошее воспитаніе; въ голосѣ слышались кротость и гармонія, будившая эхо въ ея сердцѣ, а изъ-подъ черныхъ усовъ видѣлся красивый ротъ, разумная улыбка котораго свидѣтельствовала о его добротѣ и объ открытомъ характерѣ. Но онъ былъ далеко, и ни одна вѣсточка, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, не обрадовала тоскующей дѣвушки. Даже рѣдко навѣщала Катя Еленку, которая тоже не получала писемъ отъ пана Романа.

Разъ однакоже воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ, такъ пріятно проведенныхъ въ обществѣ пана Выжпольскаго, ожило въ печальномъ сердцѣ Кати. Въ время рождественскихъ праздниковъ она посѣтила прежнюю свою начальницу. Обрадованная Еленка бросилась къ ней на шею, и живѣе начала ласкать ее. Отойдя на сторону, дѣвочка шепнула ей съ какою-то шутливой догадливостью:

—Тетя Катя! а у меня есть письмо отъ дяденьки. Но вы сами увидите, что онъ пишетъ,

Вздрогнуло сердце панны Катерины, румянецъ выступилъ на лицѣ ея, на которомъ давно уже исчезли живые цвѣты счастья и спокойствія; а Еленка еще разъ поцѣловала панну Катерину и повела за собою.

Письмо это писано было изъ Кіева, гдѣ нѣкоторыя дѣла задерживали пана Романа. Оно было слѣдующаго содержания:

«За хлопотами и занятіями, давно уже я не писалъ къ тебѣ, милая моя Еленка. Мнѣ однакоже извѣстно, что ты здорова и что тобой довольны въ пансіонѣ. Вѣроятно, за это время ты выросла, и платьице, купленное мною тебѣ, когда мы ѣхали къ г-жѣ С., должно-быть уже и тѣсно и коротко. Можетъ-быть ты его и изорвала. Въ такомъ случаѣ ты поступила нехорошо, милая моя Еленка; ты должна была цѣнить этотъ подарокъ, тѣмъ болѣе, что я никогда въ жизни не былъ такъ счастливъ, какъ въ то время, когда выбиралъ его для тебя. Но возвратясь въ Варшаву, я снова повезу тебя въ тотъ магазинъ, и ты выберешь себѣ что только понравится. Я желалъ-бы уже, чтобы наступило это время, потому-что здѣсь мнѣ страшно надоѣло, и хотѣлось-бы уже поскорѣе увидѣть Варшаву и обнять тебя, милая Еленка. А ты помни, что въ наступающемъ новомъ году ты дол-

жна быть прилежнѣе, и заслужить тѣ сюрпризы, которые, по возвращеніи, намѣренъ сдѣлать тебѣ любящій дядя.

—Видишь, панна Катя! сказала дѣвочка, взявъ письмо изъ дрожащихъ рукъ тетя Катерины: видишь, сколько здѣсь милыхъ общаній! Ахъ, еслибы только скорѣе пріѣзжалъ дядя! Маменька моя больна и не можетъ выѣзжать изъ дому, и врядъ-ли кто больше дяди любитъ меня, О, сколько онъ закупить мнѣ хорошихъ вещицъ. Но вѣдь и ты, тетя Катя, поѣдешь съ нами въ тотъ магазинъ; безъ тебя дядя не сдумаетъ ничего выбрать.

Панна Катерина не отвѣчала ни слова; она только обняла дѣвочку, и отворачивая раскраснѣвшееся лицо свое отъ любопытныхъ взоровъ, попрощалась съ нею и вышла изъ пансіона. Холодъ былъ рѣзкій, снѣгъ засыпалъ ей глаза и падалъ на лицо; но она не замѣчала этого, потому-что передъ нею носились сладкія надежды и радостныя мечтанія. Бѣдняжка думала, что панъ Романъ долженъ былъ помнить о ней; что, вѣроятно, Еленка упомянула ему о тетѣ Катѣ, а онъ, предчувствуя, что дѣвочка покажетъ ей письмо, и написалъ въ такомъ тонѣ. Зачѣмъ-бы говорилъ онъ, что никогда въ жизни не былъ такъ счастливъ, какъ въ ро время, когда они были вмѣстѣ въ магазинъ? зачѣмъ-же писалъ-бы, что скучаетъ по Варшавѣ? что собирается дѣлать Еленкѣ новые сюрпризы? Все это доказывало, что ни разлука, ни молчанье не изгладили ея образа изъ его сердца, и что она можетъ ждать, грустить въ-тайнѣ и—любить искренно.

Конечно неслишкомъ большая радость встрѣтила героиню нашу при концѣ стараго года, но ей чувствовалось, что новый годъ будетъ счастливѣе, и то, что началось въ прошломъ году, кончится въ новомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, рѣшится: счастье или самопожертвованіе должны будутъ заступить мѣсто непрочныхъ надеждъ и ожиданій. Молясь усердно Богу и лелѣя эти мысли, дождалась она февраля мѣсяца.

Въ это время совершенно иная невзгода постигла бѣдняжку; и именно тогда, какъ ей недоставало уже терпѣнія переносить сердечное горе, вдругъ передъ нею встало огромное, истинное несчастье, въ присутствіи котораго прежнія ея горести казались такъ незначительны, что ихъ можно было отнести къ мечтамъ воображенія или добровольнымъ страданіямъ.

Однажды утромъ услышала она въ комнатѣ отца болѣзненный крикъ и какой-то странный, непонятный шумъ. Испуганная, вбѣжала она въ кабинетъ, и застала отца на полу. Онъ былъ чрезвычайно блѣденъ; глаза впали и закрылись, а безсиьной рукой онъ старался придвинуть къ себѣ кресло, чтобы, опираясь на него, приподняться. Съ крикомъ, блѣдная дочь бросилась къ отцу на помощь, и ставъ на колѣни возлѣ больного старика, старалась поднять его голову.

Старикъ открылъ глаза, взглянулъ на милое лицо дочери, и слезы покатались по щекамъ его.

— Что съ вами, папа? спросила панна Калерина.

— Не знаю, дитя мое; но мнѣ очень худо.

— Ахъ, Боже мой! Еслибы васъ положить на кровать.

И она хотѣла поднять его и не могла; побѣжала въ кухню, но служанка вышла уже на рынокъ; она бросилась къ сосѣдкѣ, съ которою хотя и не была знакома, однакоже нашла помощь. Добрая женщина явилась ту же минуту, и онѣ вдвоемъ, оправя постель, положили старика и начали согрѣвать и оттирать больного.

— Бѣгите, панна, за докторомъ а я останусь здѣсь, сказала сосѣдка. Катя поцѣловала ей руку, накинула на себя что попало, и побѣжала. Между-тѣмъ снѣгъ шелъ огромными хлопьями и таялъ, падая на землю. Ноги дѣвушки скользили, влажный холодъ проникалъ до костей, а блѣдняжка въ легкихъ башмачкахъ, въ утреннемъ платицѣ, накинувъ на голову платочекъ, бѣжала, не зная, къ кому-бы обратиться. Но она не чувствовала тѣлесныхъ страданій, потому-что смертельный ужасъ наполнялъ ея душу.

Цѣлую ночь Мартынъ занимался болѣе обыкновеннаго, постоянно думалъ о добромъ учителѣ, о его милой дочери, и только предъ разсвѣтомъ, не раздѣваясь, бросился на свою убогую кровать. Но крѣпкій и успокоительный сонъ овладѣлъ юношей. Проснувшись, Мартынъ почувствовалъ частое бѣненіе сердца; какое-то непонятное безпокойство встревожило его; ему казалось, что онъ проспалъ и опоздаетъ; и не узнавъ который часъ и не переодѣваясь, накинулъ онъ плащъ, и отправился безъ завтрака.

За костеломъ на Лешнѣ встрѣтилъ онъ панну Катерину, едва вѣря глазамъ своимъ. Но Катя узнала его и схватила за обѣ руки.

— О какъ-же я рада, что встрѣтила васъ, добрый мой панъ Мартынь! Сидите къ намъ, отецъ мой очень болѣнъ, сказала она.

— Езусъ Марія! воскликнулъ Мартынь: но куда-же вы, панна Катерина?

— За докторомъ.

— За какимъ? Гдѣ-же онъ живетъ?

— Не знаю, отвѣчала она, закусивъ губки, и теперь только увидѣла, какъ тяжело быть на свѣтѣ убогимъ: не знаю ни одного.

— Воротитесь домой, панна Катерина! сказалъ Мартынь, приложивъ ей озябшую руку къ устамъ и сердцу: вы простудитесь и еще заболѣете сами. Я скорѣ отыщу доктора, о, будьте покойны я принесу его на рукахъ.

— Благодарю васъ, только спѣшите; здѣсь недалеко гдѣ-то больница, можетъ-быть тамъ найдете кого-нибудь.

Мартынь былъ уже въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ, оглянулся, и увидя, что дѣвушка возвратилась, пустился стрѣлою. Онъ остановилъ перваго встрѣчнаго.

— Гдѣ живетъ здѣсь добрый лекаръ? спросилъ онъ.

— Добрый? Не знаю, отвѣчалъ прохожій.

— Гдѣ больница? спросилъ онъ другаго встрѣчнаго.

— Какая? сказалъ старый господинъ, флегматически поднимая очки.

— Какая-нибудь! вскрикнулъ Мартынь съ нетерпѣніемъ.

— Не знаю, отвѣчалъ старикъ, и отошелъ, пожимая плечами.

И только уже на концѣ Лешна Мартынь узналъ, гдѣ была больница, побѣжалъ туда, но не засталъ доктора, завѣдывавшаго этимъ прекраснымъ заведеніемъ. Тамъ ему сказали однакоже адресъ доктора. Черезъ нѣсколько минутъ нашъ молодой человѣкъ остановился на Длугой-улицѣ, передъ жилищемъ послѣдняго, и спросилъ сторожа, здѣсь-ли живетъ докторъ?

— Только что выѣхалъ; вонъ его экипажъ.

— Ахъ, Боже мой! воскликнулъ утомившійся юноша, и пустился, словно борзая за уходящимъ звѣремъ.

Къ счастью его, нѣсколько нагруженныхъ телегъ заградили путь доктору. И въ то время, когда кучеръ, улучивъ удобную

минуту, хотѣлъ проѣхать, Мартынъ сильною рукою схватилъ лошадей за поводья, и онѣ остановились.

— Обожди! закричалъ онъ кучеру; потомъ, обращаясь къ доктору, сказалъ съ выраженіемъ отчаянія: О, Бога ради, поѣзжайте за мною!

— Что тамъ случилось? Мнѣ некогда.

— О, не отказывайте! Я не отстану отъ васъ! Это такъ близко.

— Но въ чемъ дѣло? Говорите-же!

— Боже мой! Вѣдь вы докторъ?

— Да, развѣ кто опасно болѣнъ?

— Наилучшій въ мірѣ человѣкъ заболѣлъ, и *она* умретъ, если ему не будетъ лучше. Подвинься, братъ! крикнулъ онъ на кучера, векочилъ на козлы, усѣлся, и прежде, чѣмъ кучеръ опомнился, возжи были уже въ рукахъ у Мартына, а направленные по Лешно лошади, почувствовавъ себя въ рукахъ мастера, пустились большой рысью, такъ что прохожіе осматривались.

Разсудивъ, что *она* должна быть глубоко въ сердцѣ энергическаго юноши, молодой докторъ улыбаеся и радовался, что придется подать помощь тамъ, гдѣ страдаетъ не одно только тѣло.

Болѣзнь пенсіонера была опасна и требовала скорой и разумной помощи. Когда докторъ объявилъ паннѣ Катеринѣ, что леченье будетъ продолжительно, когда предписывалъ самый бдительный надзоръ и безпрестанныя заботы, бѣдная дѣвушка, заломавъ руки, взглянула на Мартына, какъ-бы выражая нѣмую просьбу, и такъ была хороша въ этомъ грустномъ, умоляющемъ положеніи, что молодой докторъ, проникнутый живымъ участіемъ, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Не безпокойтесь, я буду пріѣзжать ежедневно, и надѣюсь, что Богъ обрадуетъ ваше нѣжное сердце. Что-же касается помощи въ хожденіи за больнымъ, я не сомнѣваюсь, что этотъ господинъ, насильно привезшій меня сюда, не отойдетъ отъ васъ, и докажетъ свою заботливость и привязанность, уже мною замѣченныя.

Тогда, на блѣдномъ лицѣ Мартына Катя примѣтила выраженіе такой искренней, такой сердечной грусти, такого безграничнаго самоотверженія, что, даже не подумавъ о томъ, что дѣ-

ласть и какъ поймутъ это присутствующіе, приблизилась къ нему, подала обѣ руки и сказала:

— О, въ этомъ я не сомнѣваюсь.

И обнимая дрожащей рукой счастливаго юношу, прибавила:

— Видитъ Богъ, что не сомнѣваюсь.

Когда Мартынь проводилъ лекаря, послѣдній обратился къ нему:

— Скажите мнѣ откровенно: есть-ли у нихъ деньги на лекарство и на фельдшера, который будетъ необходимъ?

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ молодой человекъ: учитель получаетъ пенсію небольшую, а уже треть на исходѣ. Впрочемъ это ничего, можетъ-быть, я откуда-нибудь достану.

— Одѣвайтесь и садитесь со мной! сказалъ лекарь.

Мартынь исполнилъ это приказаніе, и они отправились въ больницу. Тамъ молодой докторъ поручилъ фельдшеру тотчасъ-же отправиться къ больному, рассказалъ, что должно дѣлать и велѣлъ навѣщать старика два раза на день. Тотчасъ-же изготовлено было лекарство; а на будущее время лекарь далъ Мартыну записочку къ одному аптекарю, котораго просилъ отпустить больному лекарство въ долгъ на 60 золотыхъ, за которые ручался.

Болезнь продолжалась нѣсколько недѣль. Достоянный медикъ, уважая свое назначеніе, несмотря на бѣдность пациента, ежедневно посѣщалъ нашего пенсионера, а пока болѣзнь была опасна, пріѣзжалъ и по два раза. Неудивительно, что панна Катерина съ пламеннымъ усердіемъ исполняла свою обязанность; но трудно было-бы описать все самопожертвованіе Мартына, съ которымъ онъ служивалъ отцу и дочери. Ни на минуту не оставлялъ онъ дома, посѣщеннаго несчастьемъ; готовый ту же минуту исполнить малѣйшее приказаніе, бѣжалъ онъ или въ аптеку, или въ городъ, или къ фельдшеру; ночью не позволялъ паннѣ Катеринѣ сидѣть надъ отцемъ, а самъ за нимъ ухаживалъ, и только передъ разсвѣтомъ засыпалъ, на самое короткое время. Тогда-то панна Катерина научилась болѣе цѣнить его умъ, присутствіе духа и быстроту соображенія; но въ тоже время открылись ей глаза, и она узнала, что душой этой дѣятельности была она сама, что чудное перерожденіе это было слѣдствіемъ безграничной любви, которую невольно и не думая о томъ, она вдохнула въ сердце Мар-

тына. Открытіе это сдѣлала Катя въ то время, когда отецъ былъ въ самомъ опасномъ положеніи.

Почти-что на ногахъ молодые люди проводили уже тринадцать сутокъ. Панъ Кипріянь находился въ горячкѣ и безъ чувствъ; ничего не видѣлъ, никого не узнавалъ. Въ одну изъ этихъ ночей, измученная, изнуренная безпокойствомъ и слезами, панна Катерина усѣлась на скамеечкѣ у ногъ отца, и смотря на него, старалась всѣми силами разгонять отягощавшія ее мысли о сиротствѣ и разлукѣ. Мартынь ушелъ въ аптеку. Въ комнатѣ господствовало молчаніе, прерываемое только быстрымъ, тяжелымъ дыханіемъ больного. Смотря на эту грустную картину, обуреваемая подобными мыслями, Катя закрыла измученные глаза и уснула. И сонъ представилъ совершенно иное видѣніе. Вотъ видятся ей обширныя равнины Побережья, гдѣ чудно свѣтитъ солнце, и гдѣ, подобно дивнымъ коврамъ, разстилаются у ногъ ея луга и сѣнокосы, устланные душистой травой и убранныя пахучими разнообразными цвѣтами. Счастливая и беззаботная, она будто гуляетъ въ тѣхъ равнинахъ, и издали видитъ отца, который привѣтствовалъ красиваго юношу, и прижимая къ груди, цѣловалъ его въ голову, осыненную темными волосами. Узнала она юношу, хотѣла бѣжать къ нему, но не могла сдѣлать ни шагу, чувствуя свои ноги словно спутанными. И она проснулась. Отецъ лежалъ по прежнему; но каково-же было ея удивленіе, когда она увидѣла, что Мартынь стоялъ передъ нею на колынахъ, тихо сжимая ея ножку, лежавшую на маленькой скамеечкѣ, и горько плакалъ, нѣжно прикасаясь къ ней устами.

Трудно выразить, съ какой грустной болью въ сердцѣ она увѣрилась въ справедливости своихъ догадокъ, что добрый юноша, котораго, вовемя болѣзни отца, она полюбила какъ брата, обожаетъ ее и такъ напрасно губить лучшій цвѣтокъ своего сердца. Не желая дать замѣтить, что видитъ Мартыничка въ этомъ положеніи, она снова закрыла глаза, и черезъ нѣсколько времени только начала какъ-бы пробуждаться отъ крѣпкаго сна.

При первомъ ея движеніи, Мартынь уже вскочилъ съ мѣста, быстро отеръ слезы, и снова, по обыкновенію, былъ робкимъ, далекимъ, хотя готовымъ исполнить малѣйшее привазаніе. Самое пламенное выраженіе страсти не могло-бы такъ живо тронуть

бѣдную дѣвушку, какъ эта нѣжная воздержность, свидѣтельствовавшая и о добротѣ молодаго человѣка, и о глубокой истинности его чувства.

Въ слѣдующую ночь счастливо минулъ переломъ болѣзни; докторъ объявилъ, что опасность прошла, и радость возвратилась подъ кровлю, гдѣ недавно еще царствовала тишина отчаянія и носились образы смерти и печали.

Оставшись вдвоемъ съ панной Катериной, Мартычикъ схватилъ ее за руку.

— О, Боже мой, Боже мой! какъ я счастливъ! сказалъ онъ въ восторгѣ.

— Вѣрю тебѣ, вѣрю, мой милый, и люблю тебя какъ брата, сказала дѣвушка, тронутая до глубины души. Вѣдь ты всегда будешь мнѣ братомъ, не правда-ли?

— Твоимъ братомъ, панна Катерина? сказалъ, дрожа и блѣднѣя молодой человѣкъ. Твоимъ братомъ? прибавилъ онъ тихимъ голосомъ; потомъ, пуская ея руку и смотря на нее съ выраженіемъ безграничной преданности, продолжалъ: — Да, буду твоимъ братомъ, только братомъ! Отворотилась бѣдная дѣвушка; слезы сожалѣнія полились изъ глазъ ея; — а Мартынь, смотря на нее издали, стоялъ неподвижно, безъ слезъ, со сжатыми устами.

Въ это время кончился уже кредитъ въ аптеку и исчерпались всѣ запасы, бывшіе у панны Катерины. Мартынь былъ въ отчаяніи и не зналъ, что начать, къ кому прибѣгнуть. Наконецъ, послѣ долгаго раздумья и колебанья, онъ рѣшился отозваться къ сердцу пана Марка.

На другой день рано утромъ отправился онъ къ референдарію, въ то время, когда панъ Марко, приготовляя себѣ кофе въ серебряномъ кофейникѣ, курилъ отличную сигару и присматривался къ спиртовому пламени. Мартынь не болѣе двухъ разъ навѣдывался домой, со времени болѣзни учителя. Референдарій зналъ причину отсутствія молодаго человѣка, и былъ за него совершенно покоенъ. Теперь-же, увидя его входящимъ, съ лицомъ, изнуреннымъ бессонницей, трудами, голодомъ и борьбой съ любовью, которой открыть не смѣлъ и не рѣшался, увидя его совершенно изнеможеннымъ, панъ Марко подумалъ: мальчикъ уже довольно

приготовлень, и потому нѣтъ больше надобности въ старомъ товарищѣ.

— Отчего это у тебя такая кислая мина? Развѣ старикъ уже умеръ? спросилъ онъ, присматриваясь къ дыму, который пускалъ колечками.

При видѣ подобнаго хладнокровія, холодъ проникъ въ сердце благороднаго юноши, и слова столпились въ груди его. Онъ остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дядя его изъ Сѣхурской Воли. И припомнилась ему живая сцена, и теперь показались ему заслуженными ожившіе въ его памяти упреки простаго, но добраго шляхтича.

— Что-же ты молчишь? спросилъ панъ Марко, пододвигая чашку подъ кранъ кофейника: значить панъ Кипріянь умеръ?

— Нѣтъ, ясновельможный пане, учитель мой не умеръ; ему лучше и онъ будетъ здоровъ, отвѣчалъ Мартынь, потирая лобъ рукою.

— А! Ему лучше? Хорошо! прибавилъ равнодушно панъ Марко.

— Господь Богъ сжалился надъ нами, проговорилъ молодой человѣкъ.

— Надъ нами? спросилъ панъ Марко, дѣлая гримасу, и полагая, что глупый малый, въ простотѣ благороднаго сердца, и его помѣщаетъ въ это множественное число. — Какъ это надъ нами?

— Я хотѣлъ сказать — надъ его дочерью, а также и надо мною, потому-что одинъ только панъ Кипріянь заступаеъ мнѣ мѣсто роднаго отца, отвѣчалъ Мартынь, краснѣя?

— Ага! надъ дочерью! Я и позабылъ о его дочери, говорилъ панъ Марко, быстро смотря на молодаго человѣка, и стараясь прочесть на лицѣ его: не были-ль слова эти произнесены съ умысломъ.

Но грустный Мартынь стоялъ, опутивъ глаза, вѣроятно предчувствуя неуспѣхъ своей попытки.

Черезъ минуту панъ Марко отозвался, прихлебывая кофе:

— Значить ты теперь бьешь баклуши, и вовремя болѣзни пана Кипріяна ни чѣмъ не занимаешься? Какъ-же мы будемъ съ

экзаменомъ? Я не могу долѣе на тебя издерживаться. Пора тебѣ имѣть собственный кусокъ хлѣба.

Отворотившись, молодой человекъ отошелъ къ окну и началъ горько плакать за занавѣской. Тяжкая боль проникла въ его сердце. Онъ сравнивалъ добродѣтели и безкорыстную привязанность къ нему совершенно чужаго человека — съ сухимъ, чорствымъ и холоднымъ обращеніемъ того, къ кому-бы хотѣлъ чувствовать любовь и уваженіе: Мартынъ догадывался и почти зналъ — кто былъ для него панъ Марко. Чѣмъ болѣе молодой человекъ просвѣщался и понималъ собственное достоинство, тѣмъ становился выше, пользуясь обществомъ добрыхъ людей и любя превосходнѣйшее въ глазахъ его существо, тѣмъ тяжелѣ была для него борьба съ потребностью любви къ тому, — кто даровалъ ему жизнь, и съ невозможностью пробудить въ себѣ чувство нѣжности къ нему и уваженія.

Панъ Марко очень хорошо слышалъ рыданія молодаго человека; но какъ онъ любилъ горячій кофе, то и не прерывалъ своего наслажденія. Окончивъ завтракъ и отправляясь въ кабинетъ одѣваться, онъ проговорилъ:

— Потеряннаго-ли времени, или дочери пана Кипріяна тебѣ жаль до такой степени? Терпѣть не могу плакеть! У людей, братъ, ничего не выплачешь, а на меня совершенно не полагайся. Ступай себѣ! Я ухожу изъ дому.

— Иду, иду, сказалъ Мартынъ, глотая слезы, и проходя мимо пана Марка, остановился, отеръ глаза и прибавилъ, смотря на него съ выраженіемъ грусти и сердечнаго упрека:

— Благодарю ясновельможнаго пана за всеъ благодѣянія. Пойду къ доброму человеку, который хотя бѣденъ и болѣнъ, однако не выгонитъ меня изъ дому, пока не найду себѣ куска хлѣба, чтобъ не быть ни кому въ тягость.

— Ты гордовать немного для сироты, сказалъ панъ Марко.

— Знаю, что я сирота, отвѣчалъ молодой человекъ съ особеннымъ выраженіемъ: но сирота болѣе другаго долженъ надѣяться только на Бога и на свои собственные силы, потому что не на кого ему положиться. Я уже не буду больше беспокоить ясновельможнаго пана, хотя... Но вамъ нѣтъ времени, да

и мнѣ некогда. Еще разъ благодарю ясновельможнаго пана, и видитъ Богъ, что благодарю искренно.

Проговоривъ это, молодой человекъ хотѣлъ уйти, но оборотился, и увидѣвъ, что панъ Марко стоитъ задумчивый, быстро бросился къ нему и упалъ къ ногамъ его.

Превозмогла природа, и голосъ ея проникъ сквозь скорлупу эгоизма—этого *triples aes*, которымъ суетность окружаетъ сердце себялюбца... Поднявъ растроганнаго юношу, панъ Марко прижалъ его къ груди.

— Успокойся—же, успокойся! не будешь сиротой, пока я живу на свѣтѣ, сказалъ онъ.

— Отецъ! воскликнулъ обрадованный Мартынь, цѣлуя его руку.

— Тише, дурень, сказалъ панъ Марко, оглядываясь, не подслушиваетъ—ли лакей: объ этомъ ни слова, это между нами, понимаешь? Я доволенъ тобою, ты прилежно трудишься и много успѣлъ. Хорошо и то, что ты благодаренъ, только не влюбляйся, потому—что это ни къ чему не послужитъ. Сначала надо думать о кускѣ хлѣба. Если получишь порядочное мѣсто, тогда я женю тебя, хотябы и на дочери пана Кипріяна, если она хорошая хозяйка и добрая, скромная дѣвушка.

У Мартына потемнѣло въ глазахъ: онъ не понималъ, что съ нимъ дѣлается. Ему хотѣлось превознестъ до небесъ pannу Карину въ глазахъ такъ неожиданно найденнаго отца; но онъ не въ состояннн былъ говорить отъ радости и многихъ другихъ чувствъ, быстро прилившихъ къ его сердцу. Онъ шепталъ только, прижимая къ устамъ руку пана Марко:

— Отецъ, отецъ мой! Какъ—же я счастливъ!

Оставя молодаго человека посреди комнаты, Панъ Марко вышелъ въ кабинетъ; потомъ онъ вынесъ оттуда двѣсти золотыхъ, и сказалъ, отдавая ихъ сыну:

— Отнеси имъ это. Вѣроятно болѣзнь истощила ихъ средства: докторъ и аптека чего-нибудь да стоятъ. А я приду къ нимъ, приду непременно и посмотрю на эту дочку, что вскружила тебѣ голову. Только помни: если это какая-нибудь франтиха, то изъ этого ничего не будетъ.

— Она прелестна.

— Тише, тише! подобному тебѣ простаку каждая варшавянка покажется ангеломъ.

— Придете и увидите, сказала Мартынь, еще разъ обнимая его колѣни, и быстро вставъ, побѣжалъ на Житную-улицу.

Никогда не казалась ему Варшава такъ прекрасною, люди такъ добрыми и привѣтливыми, снѣгъ такъ бѣлымъ, зимнее небо такъ очаровательнымъ. Въ рукѣ у него было здоровье благодѣтеля, спокойствіе милой, а въ сердцѣ онъ нашелъ уваженіе и благодарность къ отцу, и почувствовалъ надежду, уносящую его отъ земли.

По уходѣ Мартына, панъ Марко взглянулъ на часы и сильно позвонилъ въ колокольчикъ; потомъ началъ спѣшить одѣваться, чтобы не опоздать на службу, и чтобы не сказали, что онъ ослабѣлъ въ своей дѣятельности.

V.

Въ согласномъ и любящемъ семействѣ нѣтъ торжественнѣе минуты, какъ возвращеніе здоровья отцу или матери послѣ тяжелой болѣзни; какъ эти первыя минуты, когда сердца дѣтей начинаютъ успокоиваться послѣ тревоги, покидать печальныя мысли о сиротствѣ и забывать грустныя картины траура. Всѣ внѣшнія заботы, все, что могло-бы занимать суетность и затрогивать самолюбіе, подобному семейству кажется такимъ мелкимъ, такимъ ничтожнымъ, что не можетъ помѣшать его радости и сравниться съ его счастьемъ. Даже бѣдность тратитъ въ это время свой отвратительный образъ, и хотя заглядываетъ въ дверь подобнаго дома, однако застаетъ тамъ улыбающіяся лица и сердца, готовые принять ее хладнокровно и мужественно. Въ такомъ положеніи находился домъ пана Кипріяна въ началѣ марта мѣсяца. Уже достойный педагогъ поправился значительно, разговаривалъ съ дочерью и Мартыномъ, и когда молодые люди стояли на колѣнахъ у его кровати, обнималъ ихъ, благословлялъ и называлъ своими дѣтьми. Лучшимъ-же признакомъ его выздоровленія были попытки его понюхать табаку. Однакожь когда подали ему табакерку, онъ не смѣлъ понюхать, не бывъ еще въ состояніи сообразить, точно-ли былъ взять табакъ изъ пузырька, приходив-

ходившагося на то число марта. Вѣроятно, это было обманчивое желаніе, часто появляющееся у выздоравливающихъ.

Панъ Марко исполниль обѣщаніе, данное сыну, и посѣтилъ стариннаго товарища. Старикъ считалъ это за особенную честь, и удовольствіе отъ этого неожиданнаго посѣщенія и бесѣды съ референдаріемъ ускорили его выздоровленіе. Онъ могъ излить все, что чувствовалъ къ своему ученику, могъ разсыпаться въ похвалахъ его прилежанію, успѣхамъ, характеру.

— Люблю его какъ собственнаго сына, говорилъ онъ, расстрогавшись, и у него блеснула слеза, столько прекрасная въ глазахъ старца, если вытѣсняетъ ее чувствительность, и такъ ужасная и поразительная въ тѣхъ-же глазахъ, если выжимаетъ ее отчаяніе.

Панъ Марко не плакалъ, потому-что панъ Марко не имѣлъ времени для чувствительности, поднимая на своихъ плечахъ цѣлое отдѣленіе; но должно отдать справедливость, что его обрадовали похвалы сыну, очевидно заслуженныя; что онъ присматривался со вниманіемъ къ хорошенькой Катѣ, которая, какъ-бы предостереженная инстинктивно, словно угадывая цѣль этого посѣщенія, задрожала въ глубинѣ души и привѣтствовала его блѣдная, опустивъ глаза, а когда онъ заговорилъ къ ней, едва находила слова для отвѣта.

Панна Катерина вышла изъ комнаты, и референдарій обратился къ старинному товарищу:

— И такъ, панъ Кипріянь, ты говоришь, что мой воспитанникъ можетъ рѣшиться на экзамень.

— Хоть сегодня, панъ референдарій, отвѣчалъ старикъ: онъ гораздо больше знаетъ тѣхъ, кто учился по нѣскольку лѣтъ.

— Очень хорошо; подумаемъ объ этомъ, когда выздоровѣешь. Но прежде я самъ его проэкзаменую, и если скажу, что готовъ, то конечно готовъ.

— Еслибы только дали ему хорошее мѣсто! сказалъ панъ Кипріянь, качая головою, какъ-бы сомнѣваясь въ этомъ.

— Это уже мое дѣло. Походимъ, то и будетъ. Постараемся, то и сдѣлается.

— Дай Богъ! молвилъ педагогъ, складывая руки какъ-бы для молитвы.

Смотря на это движеніе товарища, панъ Марко улыбнулся, заключая, что панъ Кипріянь думаль не только объ интересъ Мартына, но и о своемъ собственномъ, какъ будущій тесть.

— Благодарю, панъ Кипріянь, что воспитанникъ мой такъ живо тебя интересуеть.

— Развѣ-же я не сказалъ, что люблю его какъ собственнаго сына

— Да, слышалъ. И знаешь, что мнѣ пришло въ голову?

— Что такое? спросилъ старикъ, удивленный немного.

— Мнѣ кажется, что не ты одинъ имѣлъ вліяніе на его быстрые успѣхи и выгодную перемену. Не имѣлъ-ли ты, панъ Кипріянь, помощника, который сдѣлалъ гораздо больше тебя?

— Какъ-же это? отвѣчалъ немного смущенный педагогъ.— Я прибѣгалъ-бы къ чьей-нибудь помощи въ томъ, что одному мнѣ было ввѣрено? Никогда я не поступалъ подобнымъ образомъ, и пока былъ здоровъ, занимался имъ со всею усердіемъ.

— Кто-же въ этомъ сомнѣвается, старый товарищъ! прервалъ панъ Марко, догадавшись, что старикъ его не понялъ. Мы давнишніе знакомые, и мнѣ нечего рассказывать о твоёмъ усердіи. Еслибы у меня въ отдѣленіи были подобные тебѣ чиновники, я не былъ-бы принужденъ за всѣхъ работать. Но я долженъ трудиться и ворчать, чтобъ другіе работали. Плохо было-бы безъ моей дѣятельности, за которую недавно получилъ я письменную благодарность отъ начальства.

Видя, что референдарій сѣлъ на любимаго коня, панъ Кипріянь улыбнулся. Улыбка эта, болѣе замѣтная на тощемъ и болѣзненномъ лицѣ, остерегла пана Марка, и возвратила къ прежнему разговору.

— Ты не попялъ меня, панъ Кипріянь, когда я сказалъ, что у тебя былъ помощникъ въ воспитаніи Мартына.

Старикъ слушалъ съ удивленіемъ, а панъ Марко прибавилъ улыбаясь:

— У тебя хорошенькая дочка, панъ Кипріянь.

— Да, отвѣчалъ педагогъ добродушно, доброе дитя. Богъ меня благословилъ ею. Еслибы не она, я былъ-бы уже въ могилѣ.

— Видишь-ли, не больше-ли она успѣла сдѣлать своими

глазками, чѣмъ ты своей головой и усердіемъ, старинный товарищъ.

— Моя дочь своими глазками? сказалъ старикъ, возвышая голосъ и какъ-бы оскорбленный.—Что ты разумѣешь подь этимъ, панъ референдарій?

—Просто, панъ Кипріянь, что Мартынь влюбился въ твою дочку, и чтобы поправиться ей трудился день и ночь, что мнѣ самому извѣстно, и изъ неописаннаго неуча сдѣлался порядочнымъ молодымъ человѣкомъ, что меня очень радуетъ.

—Сердца людей въ рукѣ Божіей, отвѣчалъ педагогъ, вздохнувъ свободнѣе. Я люблю Мартына отъ всего сердца, и если онъ нравится моей дочери, а старанія пана референдарія, съ помощію Божією, дадутъ ему кусокъ хлѣба, я съ большимъ удовольствіемъ готовъ назвать его сыномъ.

—Подумаемъ и объ этомъ, сказалъ референдаріи, протягивая руку.—Только пока о нашемъ предположеніи ни гугу! Иначе у малаго закружится въ головѣ, и онъ не въ состояніи будетъ сдать экзамена. Когда все кончится, я помогу съ своей стороны. Хотя это мой дальній родственникъ, прибавилъ панъ Марко, опуская глаза; однако въ память его матери, я буду его помнить. Онъ даже больше и больше мнѣ нравится, въ особенности теперь, когда вижу его перерожденіе. Я не балую его нѣжностями—это не въ моемъ обыкновеніи. Я и въ канцеляріи не ласкаю никого изъ подчиненныхъ, хотя и люблю нѣкоторыхъ и за всѣхъ работаю. А балуй я ихъ и за нихъ самъ не работаю, то ничего бы и не было. Но они меня боятся и должны работать; знаютъ мою дѣятельность, да и начальство о ней знаетъ, когда недавно еще я получилъ...

Здѣсь панъ Кипріянь улыбнулся, и панъ Марко, подумавъ, всталъ и сказалъ, подавая руку старому педагогу:

—Но чему быть, того не миновать. Я навѣщу тебя, старинный пріятель, и мы снова потолкуемъ объ этомъ. Пусть между тѣмъ дѣти любятся, но ничего не подозрѣвая; главное—же пусть малый не догадывается, что ты охотно выдашь за него дочку. А ловкая, милая дѣвушка и должна быть хорошая хозяйка! Однако до свиданія, панъ Кипріянь!

Панъ Марко вышелъ изъ кабинета. Катя сидѣла за работой,

а Мартынь, стоя вдаль, не смѣлъ поднять глазъ на нее.

Референдарій подошелъ къ ней поближе.

Меня радуешь, что отцу вашему гораздо лучше, сказалъ онъ.— А вы всегда за работой? Очень хорошо: трудъ придаетъ здоровье и хорошее расположеніе духа. Я самъ никогда не провожу времени въ праздности. Вы и книжечки любите, или всегда заняты иглой?

—Иголку считаю обязанностью бѣдной дѣвушки, отвѣчала панна Катерина, поднявъ на него прекрасные свои глаза, а книгу развлеченіемъ, если есть свободное время.

—Понимаю, сказалъ панъ Марко, взглянувъ на Мартына, на лицѣ котораго блеснула радость отъ этого отвѣта. Кто знаетъ и исполняетъ свои обязанности, тотъ всегда выгадаетъ время для развлеченія. До свиданія! Я приду еще—навѣститъ пана Кипріяна.

—Благодаримъ пана референдарія за ласки, отвѣчала панна Катерина.

Панъ Марко вышелъ. Мартынь провожалъ его чрезъ весь дворъ, и ожидалъ, не скажетъ-ли онъ ему чего о паннѣ Катеринѣ; но панъ Марко молчалъ. Выйдя на улицу, референдарій жестомъ велѣлъ Мартыну возвратиться, и отправился, выпрямляясь, какъ-бы желая показать прохожимъ, что идетъ человѣкъ, на плечахъ котораго лежитъ цѣлое отдѣленіе.

Опустивъ голову, печально возвращался Мартынь, а Катя, по уходѣ гостя, присѣла и сжала обѣими руками свое бѣдное сердце, которое очень хорошо предчувствовало, что его ожидала печальная и тяжелая борьба.

Оставимъ ихъ въ этомъ положеніи—въ радости, посылаемой ежедневными признаками совершеннаго выздоровленія отца; оставимъ старика при мысли — его утѣшавшей и поданной паномъ Маркомъ; Мартына съ тайными надеждами, которымъ онъ не смѣлъ предаться, и Катю въ тревогѣ, возникающей въ сердцѣ женщины при взглядѣ на любовь, которой не можетъ раздѣлять, при взглядѣ на безграничное самопожертвованіе, за которое, не бывъ въ состояніи заплатить счастьемъ, должна показаться неблагодарной.

Отправимся за паномъ Романомъ, котораго мы какъ-будто позабыли—и который долженъ занимать насъ уже потому, что ни на минуту не выходилъ изъ памяти нашей героини.

Панъ Романъ зналъ, что ему предстояло далекое путешествіе; онъ даже намекалъ о немъ паннѣ Катеринѣ, когда они прощались, и по этому случаю получилъ подарокъ, долженствовавшій сберечь его сердце и напомнить нѣсколько счастливыхъ минутъ. Возвратясь домой, полный мечтаній и колеблясь, ѣхать или не ѣхать въ Побережье, къ бездѣтной теткѣ, послѣ которой доставалось имъ значительное наслѣдство, онъ засталъ отъ той-же самой тетки письмо — еще убѣдительнѣйшее. Старушка дрожащей рукой увѣдомляла его о своей болѣзни, и заклинала поспѣшить приѣдомъ. Она писала, что хотѣла-бы еще разъ видѣться съ нимъ передъ смертію; что родные мужа ея приготовляютъ тяжбы, и могутъ причинить вредъ тѣмъ, кому назначила она свое имѣніе и въ сердцѣ и въ духовномъ завѣщаніи.

По полученіи этого письма, мать и сестра папа Романа приготовили все для путешествія молодаго человѣка, такъ что когда онъ возвратился домой, едва дали ему время отдохнуть немного, и отправили къ теткѣ.

Поѣхалъ панъ Романъ въ дальнюю дорогу, не зная самъ, какъ на долго, съ сердцемъ, полнымъ сладкихъ воспоминаній о варшавскихъ магазинахъ, о Свѣнто-Ерской улицѣ и о садѣ Красинскихъ. Утромъ и вечеромъ молился онъ по Катиной книжечкѣ; иногда и въ полдень принимался за молитву на почтовыхъ станціяхъ, чего прежде съ нимъ не случалось, и думалъ постоянно, что панна Катерина милая добрая и образованная дѣвушка, что никогда не приходились ему такъ по сердцу ни образъ, ни глаза, ни голосъ другой женщины.

Въ такомъ состояніи мчался онъ на почтовыхъ по пескамъ Полѣсья и по плотинамъ, выложеннымъ крупными бревнами, отъ Бреста до Луцка; а если ямщикъ, желая иногда миновать эти плотины, сворачивалъ въ сторону и погрязалъ гдѣ-нибудь въ лужѣ, тогда панъ Романъ, сидя въ своей колясочкѣ, мечталъ о Свѣнто-Ерской улицѣ и садѣ Красинскихъ, или доставалъ изъ кармана книжечку и читалъ утреннія молитвы.

Выѣхавъ за Луцкъ, миновавъ Дубно и Острогъ, онъ не имѣлъ уже столько свободы для мечтаній. Дорога была твердая, ровная,

гладкая, лошади отличныя, жидки * ловкіе и проворныя, и панъ Романъ летѣлъ быстро, любясь дивнымъ краемъ; удивляясь широкимъ нивамъ роскошныхъ хлѣбовъ; восхищаясь лугами, то зелеными, то убранными въ цвѣты, подобно восточному ковру; чистыми дубовыми лѣсами, тянувшимися живописно; видя людей здоровыхъ, веселыхъ и привѣтливыхъ, хорошенькія избы, и деревни, утопающія въ садахъ. Молодой путешественникъ не такъ уже часто мечталъ о Свѣнто-Ерской улицѣ, и хотя иногда и доставалъ книжечку, однако не открывалъ ее, потому—что мѣшало то или другое. И не опомнился онъ, какъ однажды вечеромъ пріѣхалъ въ Быковку—огромную деревню своей тетки—между Тульчиномъ и Ладыжиномъ.

Старуцку засталъ онъ еще въ довольно-опасномъ положеніи. Тамъ уже хозяйничали двѣ госпожи, родственницы ея мужа, и какой-то господинъ, съ довольно-кислой миной встрѣтившій пана Романа. Не обращая на это вниманія, несмотря на различныя препятствія, молодой человекъ пробрался въ комнату тетки, и упавъ передъ нею на колѣни, началъ цѣловать ея руки.

—Это ты, Романъ? спросила, вздрогнувъ, старушка, постоянно говорившая и мечтавшая о немъ, и узнавшая его теперь по слезамъ и горячему поцѣлюю, хотя было и темно въ комнатѣ.

Когда панъ Романъ отозвался, тетка заплакала отъ радости. Волненіе это было спасительно. Докторъ былъ доволенъ состояніемъ больной, и предсказывалъ скорое выздоровленіе. И когда черезъ недѣлю по пріѣздѣ пана Романа, старушка могла уже сидѣть на кровати, онъ искренно поблагодарилъ родственницъ и родственника за ихъ заботы вовремя ея болѣзни — и просилъ, чтобы они уже больше не беспокоились, и, если угодно, отправлялись—бы домой. И такъ панъ Романъ остался одинъ, и его старанія, его истинная, сыновняя заботливость привязали къ нему старую, бездѣтную женщину, которая обѣщала, что не отпуститъ его уже отъ себя, и *прекрасно женитъ*.

* Въ западныхъ губерніяхъ, въ особенности въ Волынской и Подольской, весьма часто встрѣчаются ямщики еврей. — *Пр. Пер.*

Пани Виницкой была уже 67 лѣтъ. Но несмотря на преклонныя лѣта, живая отъ природы, дѣятельная, всегда еще старательно одѣтая, она обѣщала долгую жизнь. Обладая прекраснымъ сердцемъ, панъ Романъ не былъ корыстолюбцемъ, имѣлъ довольно-хорошее собственное состояніе, и выздоровленію тетки радовался искренно. Но видя привязанность ея къ нему ежедневно возрастающую, и замѣтя ея слабость сватать и женить даже чужихъ и мало-знакомыхъ, встревожился, что нескоро вырвется съ Побережья, и испугался, чтобы въ-самомъ-дѣлѣ тетка не пустилась въ какіе-нибудь дипломатическіе переговоры, которые могли-бы его спутать и принудить измѣнить панинѣ Катеринѣ, которой торжественно обѣщаль онъ вѣрность, молясь по ея кипжечкѣ вовремя путешествія.

Мужъ пани Виницкой, отставной кавалерійскій офицеръ, оставался нѣсколько времени въ Варшавѣ послѣ 1794 года. Тяжело раненный, долго онъ лечился, пока не поправилъ своего разстроеннаго здоровья. Въ то время онъ познакомился въ домѣ родителей своей будущей супруги, гдѣ нашелъ истинное гостепріимство и истинно-родственное участіе; а пятнадцатилѣтняя свѣженькая, хорошенькая *Бася* * такъ наивно и усердно заботилась о немъ, что онъ полюбилъ ее больше жизни, и хотя былъ гораздо старше ея, однакоже понравился, получилъ согласіе родителей, и записавъ ей, какъ тогда можно было дѣлать, все свое имѣніе и все, что пріобрѣтетъ въ-послѣдствіи, женился на ней и увезъ съ собою на Побережье.

Никогда женщина не была счастливѣе тетки пана Романа: такою любовью и такими заботами окружилъ свою игрушечку старый кавалеристъ, котораго усы начинали серебриться сѣдиною, но который получилъ новыя силы и помолодѣлъ съ молоденькою женою. Счастье увеличилось, когда Богъ послалъ имъ дочь. Дитя это было предметомъ ихъ исключительной любви, доходившей до изступленія. Какъ только можно было баловать и портить дѣвочку, — они баловали ее и портили. Поддаваясь врож-

* Варенька.

денной польской слабости, отъ которой ничто не въ состояніи насъ вылечить, нанимали они для дочери въ няньки и французенокъ и швейцарокъ и нѣмокъ и голландокъ, какихъ только могли достать, откуда-бы то ни-было. Устроивъ Быковку, они неусыпно хозяйничали, желая доставить единородной дочери—этому будущему Фениксу Побережья — огромное приданое, чтобы она подцѣпила какого-нибудь князя, графа или, что лучше—новенькаго украинскаго магната, который, хотя и вышелъ изъ фольварка или изъ канцеляріи провіантскаго писаря, однако поживалъ въ собственномъ палацѣ и былъ желаннымъ гостемъ тамъ, гдѣ имѣлись невѣсты; который трудомъ, оборотливостью и осмотрительностью пріобрѣлъ то, что историческіе паны утратили по нерадѣнію, расточительности и изъ любви къ чужеземному.

Но черезъ десять лѣтъ кончилось это счастье, исчезли блистательныя надежды. Панъ Виницкій умеръ, панна Элодія сдѣлалась гадкой, капризной и дурно-воспитанной дѣвушкой. Кое-какъ приманивала она жениховъ приданымъ, но отталкивала суетностью, причудами и даже кокетствомъ, тѣмъ болѣе ей неудававшимся, что не было у нея красоты, которой многое извиняется. Въ это время, изъ необходимости и изъ желанія выдать дочь замужъ, возникла и развилась въ пани Виницкой страсть устраивать супружества, которая постепенно дошла до такой степени, что старушка готова была переженить все человѣчество. Не видя въ своей дочери недостатковъ, отстранявшихъ молодежь отъ послѣдней, пани Виницкая была ослѣплена, подобно большей части матерей,— и заговори только кто-нибудь привѣтливо съ панной Элодіей, пріѣзжай раза два въ домъ, она уже бывала увѣрена, что это женихъ, что сватается и женится непременно.

Послѣ рѣшительнаго засѣданія съ дочерью, которая также самую обыкновенную вѣжливость принимала за пламенную любовь, старушка, узнавъ, что Элодія готова принять предложеніе, разглашала вездѣ о новомъ женихѣ, разсылала письма, прибавляя, что дочь ея, изъ любви къ нему, отказала уже двумъ или тремъ.

Это доходило стороной до молодаго человѣка, который, разумѣется, пожималъ плечами и болѣе не показывался въ Быковкѣ.

А случалось, иной сердился за подобныя продѣлки, и публично спрашивалъ старушку: когда-же онъ дѣлалъ предложеніе и откуда выходила такая басня? Но это все ничуть не смущало ни матери, ни дочери. Всегда былъ какой-нибудь женихъ подъ рукою, котораго принимали, и такіе, кому, изъ любви къ нему, принуждены были отказывать. А между-тѣмъ проходили годы, и панна Элодія, перейдя за тридцать, болѣе и болѣе теряла надежду, чаще и чаще подвергалась оскорбленіямъ тѣхъ, кому сама навязывалась безъ ихъ желанія; болѣе и болѣе дурнѣла, дѣлалась капризнѣе, язвительнѣе, и наконецъ умерла отъ чахотки.

Такимъ-образомъ, утративъ дочь—почти сорока-лѣтнюю дѣву, хотя и выдавала ее ежегодно замужъ, бѣдная старушка осталась бездѣтной, и записала все свое имѣніе сестрѣ и ея дѣтямъ.

Успокоясь отъ печали послѣ горькой и тяжелой утраты, и когда дѣятельный умъ ея потребовалъ занятія и движенія, пани Виницкая обратилась къ привычнымъ заботамъ, и всегда имѣла гдѣ-нибудь по сосѣдству то дѣвушку выдать замужъ, то женить молодого человѣка. Иногда это и удавалось ей, но чаще не имѣли успѣха ни усердныя старанія, ни разѣзды, ни увѣренія, ни намѣтки, то прямо, то черезъ другихъ, ни безпрестанная и обширная переписка. Однако ничто ее не смущало; она только и думала объ этомъ, и страсть сватать и устраивать супружества возрастала въ ней вмѣстѣ съ лѣтами.

Легко представить себѣ, сколько въ эту голову и сердце вошло новой энергіи, какія закипѣли въ ней дипломатическія намѣренія, когда, по выздоровленіи, она присмотрѣлась къ своему племяннику, когда, узнавъ его доброе сердце и благородный характеръ, привязалась къ нему всѣми силами своего духа, неутратившаго нисколько дѣятельности.

А бѣдная панна Катерина и не знала, какія сѣти окружали ее милого, и полагаясь на прогулки по магазинамъ, по Свѣнто-Ерской улицѣ и по саду Красинскихъ, а въ особенности полагаясь на книжечку, по которой сама такъ пламенно молилась, бѣдняжка любила его тихо, постоянно, всею душою, всѣмъ сердцемъ.

Панъ Романъ тоже былъ искренно занятъ ею, въ особен-

ности когда скучалъ въ незнакомомъ мѣстѣ, при больной теткѣ. Но когда, оправаясь, старушка поставила всѣ батареи, которыми рѣшилась добыть сердце молодаго человѣка и привести въ исполненіе планъ, составленный еще ввремя болѣзни, — любовь пана Романа предана была на жертву новыхъ испытаній.

Есть дивная аналогія между всѣми твореніями, имѣющими извѣстную органическую цѣлость. Начиная отъ человѣка до послѣдняго растенія,—все имѣетъ какой-то пунктъ, служащій какъ-бы резервуаромъ жизни, откуда эта жизнь разливается до самыхъ послѣднихъ границъ органическаго тѣла. Въ каждомъ организмѣ голова служить этимъ живительнымъ пунктомъ. И прямо-ли она поднимается къ небу, откуда почерпаетъ силы и куда принадлежитъ, какъ въ человѣкѣ; склоняется-ли она постоянно къ землѣ, куда обратится и все существо, какъ въ животномъ; тѣсно-ли еще связанная съ землею, скрывается въ ея внутренностяхъ, какъ корень растенія—всегда изъ нея возникаетъ сила, поддерживающая органическое существо, которое живетъ ею, болѣетъ ея болѣю, или умираетъ. Народы суть также органическія цѣлости, имѣющія каждая свою голову, свой резервуаръ мыслей, стремленій и жизни, откуда расходится въ дальнѣйшіе тайники и движетъ всѣ пульсы все доброе и злое, спасительное и одуряющее. Подобной головой каждаго народа обыкновенно бываетъ наибольшій его городъ, столица власти, просвѣщенія, вкуса, моды и т. д. Слѣдовательно, нечего удивляться, если человѣкѣ, происходящій изъ этого звѣна, гдѣ сходятся всѣ нервы организма, получаетъ важное значеніе въ отдаленнѣйшихъ частяхъ того-же организма, что для далекихъ закоулковъ края имѣютъ что-то обаятельное произведенія Парижа, Петербурга, даже Варшавы; что каждая матерія, полученная оттуда, кажется красивѣе, башмачокъ ловче сидитъ на ногѣ, и экипажъ несетъ гораздо легче; что каждая франтиха, на которой надѣта вещь, лежавшая за стекломъ магазиновъ Зельта или Шленкера, служитъ предметомъ зависти и удивленія въ Сувалкахъ ими Кочимъ; что каждый молодой человѣкѣ, прогуливавшійся по Краковскому-предмѣстью, ѣздившій до Скерневицъ по желѣзной дорогѣ, видѣвшій Двухъ Разбойниковъ и Страделлу, имѣющій сапоги отъ Мюллера, а пальто отъ Жы-

гордловича, возбуждаетъ любопытство и сочувствіе, какъ въ барышняхъ съ береговъ Роси и Горыня, такъ и въ дамахъ съ береговъ Нѣмана и Припети.

Въ силу—то этого, извѣстнаго всюду, обстоятельства, которое, можетъ—быть, мы и нектати пріодѣли въ философскую мантию, вѣсть о пріѣздѣ пана Романа скоро разнеслась по окрестности, и панъ Романъ, прибывшій издалека, пріѣхавшій изъ Варшавы, сталъ вездѣ предметомъ разговоровъ, любопытства, и заинтересовалъ всѣхъ, конечно украшенный всѣми качествами, добываемыми въ большомъ свѣтѣ, богатый, а что важнѣе всего, будущій наслѣдникъ прекраснаго состоянія пани Веницкой. И хотя побережскіе и украинскіе помѣщики богаче другихъ и потому имѣющіе больше матеріальныхъ средствъ къ образованію себя, къ пріобрѣтенію книгъ, предметовъ искусствъ, къ путешествію, стоятъ выше и образованны многостороннѣе, чѣмъ помѣщики другихъ губерній края; хотя пріобрѣли себѣ, въ особенности въ послѣднее время, извѣстную самостоятельность въ литературѣ, извѣстное сознаніе превосходства, а слѣдовательно и презрительный немного взглядъ на усилія въ этомъ родѣ другихъ провинцій, и даже довольно мало цѣнить Варшаву;—однакожь все это нисколько не помѣшало пану Роману заинтересовать собою, въ особенности женщинъ, и не сняло съ него ореола, который волей и неволей провинціалъ видитъ на жителѣ столицы.

И вотъ едва только выздоровѣла пани Веницкая, какъ со всѣхъ сторонъ близкіе и далекіе сосѣди пустились къ ней съ изъявленіями радости о ея выздоровленіи; начались разнообразныя дипломатическія тонкости со стороны матушекъ, желавшихъ выдать замужъ дочерей, и гораздо смѣлѣйшія атаки, исполненныя искусной стратегіи, со стороны вдовъ и развонокъ *, желавшихъ выдать самихъ себя замужъ.

Пани Веницкая была въ настоящей своей стихіи: занятая ежедневно перепиской, предметомъ которой всегда былъ панъ

* Полагаю, что слово это, хотя и неизвѣстное въ русскомъ языкѣ, будетъ понятно каждому. *Примѣч. Пер.*

Романъ, вѣчно одѣтая щегольски и готовая принять новыхъ гостей, она возвратилась къ прежней дѣятельности, и почти помолодѣла отъ этого движенія и заботливости найти достойную жену племяннику, о которомъ всё время писала и говорила словно о какомъ-то фениксѣ. Однако-же еще ни на кого не падалъ ея выборъ. Чѣмъ болѣе представлялось партій, тѣмъ становилась она осторожнѣе, и не разъ, проводя бессонную ночь и пробѣгая мысленно достоинства и пороки той или другой особы, и опирая на руку озабоченную голову, просиживала она часа по два въ подобномъ раздумьи.

Полтора мѣсяца прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ панъ Романъ прѣѣхалъ на Побережье. Онъ видѣлъ все, что только можно было видѣть въ окрестности, былъ съ визитомъ почти у всѣхъ сосѣдей, и нечего говорить, что его вездѣ принимали съ открытыми объятіями, угощали торжественнѣйшимъ образомъ; а пани Виноцкая еще не сдѣлала выбора, а панъ Романъ еще очень хорошо помнилъ Свѣнто-Ерскую улицу, садъ Красинскихъ, и ежедневно утромъ и вечеромъ молился по книжечкѣ, дѣлавшейся ему болѣе и болѣе драгоценной.

Однажды вечеромъ въ Быковкѣ не было никого изъ гостей. Пани Виноцкая сидѣла въ своемъ креслѣ, а панъ Романъ, именно тѣмъ утромъ помолившійся долѣе и искреннѣе обыкновеннаго, полный воспоминаніемъ о нѣсколькихъ дняхъ страннаго счастья, о которомъ сильно началъ тосковать, ходилъ по комнатѣ скучный и задумчивый. Онъ мечталъ о паннѣ Катеринѣ, и придумывалъ, какъ-бы поскорѣе избратъся съ Побережья, или, по-крайней-мѣрѣ, увѣдомить ее хоть письмомъ, что мысленно онъ всегда тамъ, гдѣ они гуляли, бесѣдовали, гдѣ, смотря другъ другу въ глаза, безъ словъ, произносили клятвы любви и счастья.

— Милый мой Романъ, сказала старушка, давно уже смотря на него, — ты грустенъ, ты скучаешь и конечно имѣешь причину. Сердце не можетъ колебаться такъ долго и биться то объ одну стѣнку, то о другую; ему необходимо прильнуть рѣшительно и постоянно къ одному какому-нибудь предмету. Что-же мнѣ дѣлать несчастной? Кого-же я тебѣ выберу? Правда, есть

много, un vrai embarras de richesse, но что-же? когда дѣло идетъ о тебѣ, попадаетея не то, чего-бы мнѣ хотѣлось

— Это совершенно добровольныя хлопоты, милая и добрая тетенька, отвѣчалъ панъ Романъ, останавливаясь и какъ-бы пробуждаясь отъ своихъ мечтаній. Мысли мои были чрезвычайно далеки отъ супружества. Чему быть, того не миновать. Необходимости нѣтъ никакой. Но видя, что вы пламенно желаете моей женитьбы, я непрочъ отъ этого, прибавилъ онъ, для успокоенія старушки и для выигрыша времени. Тѣшьте это предположеніемъ, милая тетенька, но тѣшьте свободно, спокойно, чтобы это не сдѣлалось для васъ отяготительной заботой.

Вдругъ послышалось хлопанье бича. Панъ Романъ подошелъ къ окну, и замѣтилъ экипажъ, который не появлялся еще въ Быковкѣ. Пятерикъ добрыхъ сѣрыхъ лошадей въ краковскихъ хомутовъ влетѣлъ въ ворота большой рысью. Молодой кучеръ одѣтъ былъ по краковски; на запяткахъ голубой щегольской каретки сидѣлъ красивый лакей въ голубой ливреѣ съ серебряными галунами.

— Кто это пріѣхалъ? спросила пани Виницкая, не вставая съ мѣста.

— Не знаю, тетенька, отвѣчалъ панъ Романъ, смотря въ окно. Пятерикъ отличныхъ сѣрыхъ лошадей, и ими ловко управляетъ мальчикъ лѣтъ восемнадцати. Голубая карета и такая-же ливрея.

— Это Христина! именно это Христина! вскричала старушка, всплеснувъ руками, а о ней-то я и позабыла.

Панъ Романъ не обратилъ вниманія на этотъ возгласъ, потому-что лакей въ тоже время отворилъ дверцу, и изъ кареты показалась стройная, маленькая, словно дѣтская ножка, въ щегольскомъ башмачкѣ, въ прозрачномъ чулочкѣ, и съ минуту мелькала на ступенькѣ, соображаясь съ движеніями пріѣхавшей гостьи, которая, вѣроятно, наклонялась въ каретѣ искать чего-нибудь, или поправляя костюмъ.

И хотя панъ Романъ былъ въ меланхолическомъ расположеніи духа, однако-же видѣлъ, что эта ножка прелестна, стройна необыкновенно, чудесно обута, и что владѣтельница подобной

ножки должна быть небольшого роста, ловка и граціозна; должна имѣть лицо, исполненное выраженія, а можетъ—быть и красоты, и движенія, полная жизни и прелести. Желая удостовѣриться въ справедливости своихъ предположеній, возникшихъ быстро и при первомъ взглядѣ на эту чудную ножку, которая, принимая различныя позы, нисколько не теряла граціи, панъ Романъ стоялъ и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидалъ появленія особы, обладавшей такой хорошенькой игрушкой. Быстро мелькнуло что-то передъ его глазами; небольшая женская фигура въ красивомъ нарядѣ выпрыгнула изъ кареты, почти не коснувшись ступеньки и, подобно видѣнью, перепорхнула отъ экипажа къ крыльцу. Панъ Романъ увидѣлъ, что пріѣзжая была небольшого роста, что движенія ея ловки и граціозны, что лицо должно быть свѣжо и красиво. Но онъ не могъ разглядѣть черты лица—оттого-ли, что смотрѣлъ съ напряженнымъ вниманіемъ, оттого-ли что движенія гостыи были быстры и мгновенны. Желая поскорѣе удовлетворить своему любопытству и повѣрить предположенія, возбужденныя въ немъ видомъ ножки, оставшейся какъ-то у него въ памяти, онъ отворотился отъ окна и смотрѣлъ на дверь, но еще съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде. Наконецъ дверь отворилась.

ЗАПИСКИ ШАРЛОТЫ АККЕРМАНЪ

О

ГАМБУРГСКОМЪ ТЕАТРЪ, ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Собраны Отто Мюллеромъ.

—
XIII.

Наша юная артистка, подобно многимъ гениальнымъ людямъ, была довольно склонна къ фатализму, и давая волю воображенію своему, находила въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ жизни, вовсе до нея некасающихся, тайныя сношенія съ состояніемъ души своей.

Не желая обращать вниманія на Зильбурга, она противъ воли заинтересовалась имъ до того, что забыла даже трудное положеніе, въ которомъ находилась въ ту минуту, когда узнала его съ другой, болѣе серьезной стороны. Теперь она глядѣла на него другими глазами, такъ, что Зильбургъ, оправдывающій только друга своего, сдѣлалъ на Шарлоту гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ юный лордъ со всемъ пламенемъ любви своей.

Хотя Шарлота была совершенно увѣрена въ самой себѣ на счетъ барона, однако онъ одержалъ надъ нею немаловажную побѣду, такую однимъ-словомъ, какой до тѣхъ-поръ никто не одерживалъ надъ нею; вмѣсто непріязни, она чувствовала теперь къ нему уваженіе и даже влеченіе. Зильбургъ, накинувъ на себя трагическую мантию и давъ Шарлотѣ заглянуть въ свое прошедшее, исполненное страданій и несчастій, скоро изгладилъ предубѣжденія, которыя она имѣла противъ него.

Спокойная твердость, съ какою онъ, повидимому, вѣрилъ, что она можетъ читать въ глубинѣ души его, тоже содѣйствовала сближенію ихъ, а главное, Шарлотъ казалось, что онъ самъ открываетъ ей, молча, душу свою, и она была тронута такимъ доверіемъ.

Извѣстіе, что лордъ Елькинсъ уѣхалъ на другой день бала, утвердило ее въ мысли, что происшествіе, случившееся съ нимъ, не будетъ имѣть послѣдствій. Доротея была того-же мнѣнія.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Шарлота почти ежедневно играла на театрѣ, заботы о роляхъ поглощали все ее время; она почти забыла лорда Елькинса, а о Зильбургѣ вспомнила тогда только, когда о немъ говорили у старушки Совѣтницы, гдѣ удивлялись, что такъ давно не видать его. Въ-продолженіе зимы Шарлотъ предстояло выучить много важныхъ ролей. Размышленія о Шекспирѣ совершенно преобразовали ее мысли, и до того возвысили въ глазахъ ее совершенство въ искусствѣ, что она принуждена была удвоить свои старанія, чтобы его достигнуть.

Между-тѣмъ Шрёдеръ болѣе чѣмъ когда-нибудь надѣялся воспроизвести передъ своей публикой, подъ нѣмецкой оболочкой, поэтическія произведенія безсмертнаго англичанина. Сперва Отелло, потомъ Гамлетъ, и наконецъ Ромео и Юлія появились на сценѣ. Всѣ артисты съ рвеніемъ предприняли исполнить планъ своего директора. Приверженцы старой школы, основанной на преданіяхъ, по большей части поклонники французской трагедіи, качали головой, услышавъ о попыткѣ, которую считали слишкомъ смѣлой и даже варварской, и которая непременно должна была раззорить театръ. Но Шрёдеръ и его товарищи не перемѣнили своего намѣренія; напротивъ, это ни на чемъ неоснованное сопротивленіе, вскорѣ появившееся въ газетахъ, принудило нашихъ артистовъ къ большимъ усиліямъ, и священное пламя новаго, неподозрѣваемаго искусства, казалось, овладѣло Шрёдеромъ и его превосходною труппою. Напомнимъ, что одинъ изъ гамбургскихъ критиковъ дерзнулъ публично сравнить Шекспира съ навозомъ, въ которомъ можно, впрочемъ, найти нѣсколько частицъ золота, для того только, чтобы выказать отношеніе, въ которомъ находилась тогда публика касательно этихъ благородныхъ попытокъ. Но изъ этой упорной борьбы Шрёдеръ совершенно справедливо заключалъ, что настало для Германіи время усвоить Шекспира. Новый годъ начался съ представленія

Отелло, и до этого времени актеры были такъ заняты, что принуждены были пустить въ ходъ все свое рвеніе, все прилежаніе, которое уже съ давнихъ поръ было отличительной чертой этого театра, потому что тогда артистъ, понимавшій свое назначеніе, изучалъ свою роль въ духъ лица и пьесы, между-тѣмъ какъ теперь, изъ числа отличнѣйшихъ актеровъ очень немногіе трудятся, остальные же выводятъ на сцену все тѣже устарѣлыя типы, и имѣютъ въ виду скорѣе изученіе роли, написанной для такого-то знаменитаго своего предшественника, чѣмъ созданіе поэта. Главною обязанностью артиста считалось, по справедливости, свободное и оригинальное развитіе и вѣрное изображеніе характера; хотя внѣшнія средства производить обманъ были, можетъ-быть, проще и ограниченнѣе, но зато и обращалось большее вниманіе на мысль поэта; ему добровольно жертвовали тщеславіемъ артиста; и всякій, кромѣ своей отдѣльной роли, имѣлъ въ виду впечатлѣніе, которое должна была произвести вся пьеса, между-тѣмъ какъ въ наше время, къ несчастію, слишкомъ часто, вмѣстѣ съ внѣшнимъ представленіемъ пронадаетъ и все внутреннее впечатлѣніе пьесы.

Къ числу любимѣйшихъ новостей того времени принадлежала трагедія «Клавиго», сочиненіе Гёте, восхищавшая гамбургскую публику. Произведеніе это возбуждало и удовлетворяло въ одно и тоже время вкусъ къ національной драмѣ, внушенный Лессингомъ. Но зато пьеса эта принадлежала къ числу превосходнѣйшихъ произведеній нѣмецкой драмы; такъ что на пятое представленіе собралось гораздо больше публики, чѣмъ на первое. Брокманъ въ роль Бомарше, Рейнике въ Клавиго и Шрёдеръ въ Карлосъ имѣли успѣхъ, о которомъ говорятъ еще и теперь, а Шарлота образовала изъ Маріи одинъ изъ превосходнѣйшихъ цвѣтовъ ея безсмертнаго вѣнка. Въ этой пьесѣ она нравилась знатокамъ больше, чѣмъ въ самой Рутландѣ, такъ великъ былъ успѣхъ ея въ олицетвореніи этого прелестнаго характера, полнаго простоты и благороднѣйшей страсти. Игры тамъ было меньше, чѣмъ выраженія глубины вѣжнѣйшихъ сердечныхъ думъ; она производила впечатлѣніе, которое, можетъ-быть, не подозревалъ и самъ поэтъ. Ни одна роль не стоила ей столь малыхъ усилій для пріобрѣтенія столь необыкновеннаго успѣха; но зато и ни одна не была такъ сходна съ состояніемъ ея души. Съ какимъ-то трепетомъ смотрѣла она на это второе изобра-

жетіе себя самой, и въ пятое представленіе Клавиго, она говорила Доротей, серьезно-шутливымъ тономъ:

«Ахъ, еслибъ Марія не походила такъ на меня! Не заставляйте меня слишкомъ часто играть Марію; эти роли, въ отношеніи къ дѣйствительной судьбѣ чловѣка, имѣютъ магическую, притягательную силу.

Самъ Клавиго не можетъ занимать меня; это не настоящій испанецъ; онъ писатель по ремеслу, на одинъ покрой съ нами; характеръ его низокъ, потому-что онъ жертвуетъ всею для своей страсти писать; онъ хочетъ сдѣлаться министромъ потому только, что умѣетъ издавать журналъ. Я также не люблю являться на сцену въ гробу; поэтъ не долженъ вводить его на сцену; это ужасный ящикъ, который не долженъ быть заимствованъ искусствомъ у плотника. Оставимъ за кулисами то, что будетъ послѣ смерти.

Въ этотъ вечеръ пьеса имѣла такой-же успѣхъ, какъ и прежде, хотя партія, противная новому стремленію нѣмецкой драмы, во многихъ мѣстахъ старалась посредствомъ топанья и свиста заставить споткнуться раждающійся геній Гёте, который такъ быстро и такъ смѣло утверждался на сценѣ, и который однимъ Клавиго втаптывалъ въ грязь десятковъ пять плачевныхъ комедій и классическихъ трагедій. Напрасно старались они вымести все на Шрёдеръ, который до-тѣхъ-поръ отличался только въ комическихъ роляхъ, и который, исполняя въ этой пьесѣ Карлоса, схватилъ съ большимъ толкомъ и передалъ самымъ счастливымъ образомъ характеръ этого хитраго злодѣя. Но, подчиненное ролямъ Бомарше и Клавиго, лицо это, конечно, потеряло многое, и было принято гораздо хуже публикой, которая часто смѣшиваетъ лицо съ актеромъ. Все-таки хорошій вкусъ побѣдилъ зависть и узкія идеи судей-невѣждъ.

Въ третьемъ актѣ, гдѣ раскаявающійся Клавиго возвращается къ своей покинутой любезной, въ патетической сценѣ примиренія, гдѣ добрый геній этого чловѣка, повидимому, одерживаетъ верхъ надъ адской силой, которая уже оковала его въ свои неразрываемыя цѣпи, въ ту минуту, какъ Клавиго падаетъ къ ногамъ Маріи, актриса, отворачивая лицо свое, гдѣ любовь и ужасъ соединяются для произведенія невыразимаго эффекта, придвинулась къ лампамъ, отдѣляющимъ сцену отъ оркестра, отталкивая рукой любовника, обманувшаго ее такъ безжалостно; въ эту минуту величайшаго восторженія страсти, гдѣ радость и горе

любви борятся въ ея сердцѣ, она внезапно увидѣла между зрителями мужчину, прислонившагося къ первой колоннѣ партера, завернутаго въ плащъ, и безмолвно вперившаго въ нее свои мрачные взоры. Пораженная ужасомъ, она сроднилась съ болезненнымъ восторгомъ Марин, и въ такой степени, что ей представился во плоти призракъ Карлоса, опять подслушивающаго, и, какъ злой духъ, снова явившагося похитить жениха ея. До глубины души содрогнувшись она при этомъ жгучемъ и страшномъ взглядѣ. «Такъ ты болѣе не узнаешь моего голоса, изліянія души моей?» восклицаетъ Клавиго въ отчаяніи. Тогда глаза Шарлоты еще разъ ищутъ у колонны ея неизбежнаго врага: сильный ужасъ и радостное удивленіе овладѣваютъ ею, потому-что она узнаетъ Зильбурга, и въ эту самую минуту восклицаетъ: «Клавиго!» и бросается въ объятія своего возлюбленнаго «Оставь меня, оставь меня! Я умираю!» Эти немногія слова заключаютъ цѣлый міръ неизреченнаго чувства, и громъ рукоплесканій провожаетъ Шарлоту за сцену. За кулисами только отрывается она отъ этой двойной игры ея воображенія, игры, которая положила тайную связь между ея ролью и датскимъ офицеромъ, хотя онъ былъ только простымъ зрителемъ. Она сама засмѣялась надъ этимъ обманомъ воображенія, но поразившій ее взоръ не покидаетъ Шарлоту во весь вечеръ, хотя, возвратясь на сцену, она болѣе не видитъ его въ толпѣ, потому-что майоръ, отъ котораго не ускользнуло замѣшательство Шарлоты, тотчасъ-же удалился, считая, что ему не слѣдуетъ во второй разъ показаться тамъ, гдѣ онъ сдѣлалъ открытіе, столь удивившее его. Пьеса произвела и на майора глубокое вліяніе; онъ еще въ первый разъ видѣлъ Шарлоту въ трагической роли; онъ былъ какъ-бы околдованъ прелестью ея восхитительной игры и ея увлекающей страстью; онъ никогда не воображалъ, чтобъ искусство могло доходить до такого совершенства, и въ свою очередь своимъ пылкимъ воображеніемъ соединилъ въ одно и роль и актрису. Шарлота никогда еще не казалась ему столь удивительно-прекрасной, онъ болѣе не узнавалъ ее, и не понималъ, какъ могло до-сихъ-поръ ускользнуть отъ его опытныхъ глазъ столько граціи и генія, соединенныхъ вмѣстѣ. Онъ былъ какъ-бы унесенъ впечатлѣніемъ, сдѣланнымъ на его чувства, а можетъ-быть и на его сердце; волшебница съ каждой сценой все болѣе и болѣе ильняла его, и онъ почувствовалъ что-то такое, чего еще никогда не ощущалъ при видѣ другой женщины. Радостная гор-

дость овладѣла имъ при мысли, что она выказала ему свое благоволеніе. Онъ не безъ удовольствія льстился мыслью, что Шарлота тотчасъ-же его заметила и что даже, увидавъ его, она измѣнила себѣ тѣмъ, что выказала смущеніе и радость. Легкомысленные люди, пылкаго и полнокровнаго сложенія, слѣшкомъ легко приписываютъ значеніе вещамъ, повидимому самымъ обыкновеннымъ, если только онъ льстятъ ихъ самолюбію, и чрезъ это самое часто имѣютъ, даже у справедливыхъ и откровенныхъ людей, успѣхъ, который рѣдко, въ особенности у женщинъ, есть выраженіе глубокаго чувства. Зильбургъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ конца спектакля. Въ время похоронной сцены, гдѣ Шарлота лежитъ въ гробу, окруженная тремя факельщиками, въ черныхъ плащахъ, онъ вспомнилъ о Бертѣ; ему представилась вся похоронная сцена и все, что рассказала ему Фанни. Ничего еще не зная, ничего не предвидя, и гораздо раньше, чѣмъ они встрѣтили другъ друга, Шарлота открыла уже часть его преступленія, и заступилась за Бертю и покинутаго ея ребенка.

Зильбургъ былъ фаталистъ, следовательно соединилъ все это съ тѣмъ, что чувствовалъ въ ту минуту; участь Маріи и Клавно уже не трогала его, и потому, съ свойственною ему страстью и легкомысліемъ онъ рѣшился продолжать знакомство, начатое столь страннымъ образомъ, изощрить для него все дарованія свои, и во что-бы ни стало сблизиться покороче съ даровитою артисткою. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, думалъ онъ. Вотъ почему онъ помѣстился у входа въ театръ и прождалъ на улицѣ болѣе получаса, несмотря на холодную декабрьскую ночь. Все уже развѣхалось, и мальчикъ пришелъ тушить фонари, зажженные у входа въ театръ. Зильбургъ узналъ отъ него, что сестры Аккерманъ еще въ своей уборной и собираются сейчасъ ѣхать домой. Черезъ минуту, Шарлота и Доротея, закутанныя въ шубы, явились на порогъ; карета подъехала; Зильбургъ бросился впередъ; сестры узнали его при свѣтъ каретныхъ фонарей. Доротея отворотилась съ досадою, а Шарлота вскричала съ удивленіемъ.

— Вы здѣсь еще, баронъ?

— Чтобъ сказать вамъ, отвѣчалъ Зильбургъ взволнованнымъ голосомъ, что Марія Бомарше возвратила мнѣ сегодня сердечный покой мой, который я давно уже потерялъ. Я не хотѣлъ выйти изъ храма, не воздавъ хвалы и благодарности прекрасной жрицѣ за наслажденія сегодняшняго вечера, который

никогда не забуду. Да, m-lle Charlotte, примите слезу чловѣка, испытаннаго судьбою, примите ее, какъ одинъ изъ перловъ безсмертнаго вѣнца своего. Я счастливъ; я примирился съ жизнью... Прощайте! прощайте! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ, и скрылся въ темноту, какъ чловѣкъ, самъ незнающій, что дѣлаетъ и говоритъ, и какъ-будто повинуюсь непреодолимому влеченію.

— Онъ могъ все это высказать тебѣ въ другое время, сказала Доротея съ недовольнымъ видомъ.

Шарлота, не отвѣчая ни слова, бросилась въ уголь кареты. Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди ея.

Въ-продолженіе вечера она мало говорила, хотя, повидимому, была весела и очень одушевлена.

Шрѣдеръ пригласилъ нѣкоторыхъ пріятелей пріѣхать къ нему послѣ спектакля; въ числѣ ихъ находился докторъ Унцеръ и остроумный писатель и журналистъ Дрейеръ, тотъ самый, который долгое время былъ сильнымъ врагомъ Шрѣдера и театра Аккермановъ, и который въ-послѣдствіи, въ день знаменитаго представленія Рутланды, воздавъ должную дань справедливости Шарлотѣ и оправдавъ ее въ глазахъ свѣта, сдѣлался искреннимъ другомъ ея брата. Дрейеръ былъ маленькій, горбаченкій старичекъ, котораго природа обидѣла наружностью, несмотря на то что надѣлила живыми, выразительными глазами, интересною фізіономією и пріятными чертами лица; но въ замѣнъ посадила ему на спину огромный горбъ и до того окоротила ростъ его, что онъ походилъ на карлика. Зато, когда онъ не находилъ другихъ предметовъ, на которые могъ-бы излить свою досаду, то изощрялъ ее на самомъ себѣ, и такъ немилосердно острилъ надъ своими недостатками, такъ мало щадилъ себя самаго, что ему охотно прощали, когда онъ не щадилъ и другихъ. Дрейеръ былъ чловѣкъ съ рѣдкими дарованіями, неизсякаемый источникъ ума, проницательности, краснорѣчія, деликатный знатокъ и ценитель всего прекраснаго, и соединялъ въ себѣ просвѣщенный вкусъ съ обширными познаніями, какъ въ литературѣ, такъ и въ другихъ наукахъ. Уже много лѣтъ остроумное перо его было законодателемъ гамбургскаго Парнасса, и несмотря на всѣ интриги и неприязнь собратій своихъ, Дрейеръ оставался все тѣмъ-же строгимъ, безпристрастнымъ, просвѣщеннымъ, уважаемымъ и страшнымъ критикомъ. Ему охотно уступали авторитетъ этотъ или старался жить съ нимъ ладу. Впрочемъ, исключая полемич-

ческую арену и литературныя пренія, Дрейеръ былъ добрый и смиренный человекъ, и сверхъ-того деликатный эпикурецъ и отличный товарищъ. Онъ обыкновенно объедалъ въ лучшихъ трактирахъ, которые обогащались его присутствіемъ, потому-что умъ и краснорѣчіе Дрейера имѣли необыкновенную прелесть и привлекали почитателей.

Непріязненные дѣйствія Дрейера, долго и сильно беспокоившія Шрёдера и театръ его, происходили не изъ одной чистой привязанности къ литературѣ; тутъ были и другія причины; но между-тѣмъ свѣтлый взглядъ Дрейера на драматическое искусство открывалъ много существенныхъ ошибокъ; указывая на нихъ желчнымъ перомъ своимъ, онъ называлъ ихъ по имени. Но Шрёдеру не всегда можно было поступать по всемъ правиламъ искусства; часто ему приходилось оставлять въ сторонѣ изящное, и покоряться вкусу вѣка. Гамбургъ требовалъ также оперъ и балетовъ, и пошлыя буфонства Арлеккина привлекали по воскресеньямъ толпу зрителей, которые покрывали издержки многихъ хорошихъ пьесъ, несовсѣмъ правящихся праздничной публикѣ. Ремесленникамъ и вообще рабочему классу народа хотѣлось повеселиться, посмѣяться послѣ цѣлой недели труда, а драма или трагедія не могла возбудить ни веселости, ни смѣха. Шрёдеръ прилагалъ все свое стараніе и не щадилъ ничего, чтобы декорации и костюмы были какъ можно великолѣпнѣе; и какъ онъ обходился свысока съ Дрейеромъ и не обращалъ никакого вниманія на замѣчанія послѣдняго, то низенькій докторъ, жолчный и самолюбивый, мало того что наадалъ съ неумолимою горечью на театръ Шрёдера, на претензіи его на изящество, но указывалъ съ негодованіемъ на роскошь обстановки сцены, и называлъ все это порчею вкуса. Онъ сильно защищалъ простоту англійской сцены, смертельно ненавидѣлъ оперу, и когда давали балетъ, то театръ Шрёдера становился для него балаганомъ, гдѣ *ловкій шарлатанъ* или *разбойничій атаманъ* (такъ называлъ Дрейеръ Шрёдера) вытаскивалъ деньги нелѣпныхъ зрителей носками своихъ танцовщицъ.

Теперь-же все это было забыто и прощено, и эти благородные люди, созданные, чтобъ уважать другъ друга, совершенно помирились.

Каждый житель Гамбурга или пріѣзжій, одаренный какимъ-нибудь талантомъ и хорошимъ воспитаніемъ, скоро знакомился въ домъ Шрёдера, потому что тамъ велась весьма похвальная

привычка—говорить свободно и откровенно, что придется на умъ; тамъ не было тяжелой принужденности, царствовала совершенная свобода, исполненная жизни и прелести. Съ перваго взгляда посетитель видѣлъ, что обоюдное довѣріе позволяло каждому занять въ миломъ кружку этомъ свое независимое положеніе.

Таковы были правила, въ которыхъ воспитывались дѣти Аккермана, а они были прекрасно воспитаны. Въ родителяхъ своихъ они не столько уважали власть ихъ, какъ истинныхъ друзей и повѣренныхъ своихъ юныхъ сердець. Счастливымъ слѣдствіемъ такого обоюднаго довѣрія было то, что дѣти, хотя и рожденные отъ различныхъ браковъ, жили между собою такъ дружно, что между ними не могло быть недоразумѣній, и тѣмъ болѣе, что все они жили для высокаго искусства, которому посвящали и старанія и все мысли свои.

Дрейеръ, который велъ довольно разстѣянную жизнь и котораго волны литературной извѣстности и любознанія разносили по всемъ берегамъ жизни, былъ въ неописанномъ восторгѣ при видѣ этого домашняго, патриархальнаго семейнаго кружка. Ему рѣдко случалось видѣть такую умиленную картину; особенно у актеровъ этого никогда не бывало. Правда, мать безпрестанно ворчала, но это происходило отъ избытка любви, которая высказывалась въ каждомъ ея словѣ; глаза ея горѣли, а лицо вспыхивало при каждой похвалѣ журналиста, столь ненавистнаго ей прежде; но который, отдавая справедливость дѣтямъ ея касательно послѣднихъ трудовъ ихъ и хорошаго управленія, изглаживалъ изъ сердца старушки всю прежнюю неприязнь ея.

— Что до меня касается, сказала m-me Аккерманъ, то я живу только для костюмовъ и декорацій... и вы можете писать все, что вамъ угодно, а я все-таки утверждаю, что для хорошихъ ролей должны быть хорошіе костюмы. Сама истина нуждается въ этихъ блесткахъ, а не то—она не понравится и на нее даже глядѣть не стануть. Дома,—я согласна,—дочери мои должны ходить просто; но на театрѣ другое дѣло... и вся радость моя состоитъ въ томъ, когда я вижу ихъ въ великолѣпномъ убранствѣ. Даже одежда нищаго должна быть на сценѣ изъ тонкой матеріи и хорошо сшита...

Мадамъ Аккерманъ, какъ опытная директорша, поспѣшила дополнить стаканъ Дрейера, и показывая на сына, прибавила, улыбаясь:

— Вотъ и этому прекрасному фанфарону тоже надобенъ вели-

кольпный гардеробъ... все это дорого стоитъ; такъ и боишься, чтобъ не нажить долговъ.

— У меня ихъ нѣтъ, слава Богу; съ-тѣхъ-поръ, какъ я распорядился съ своими должниками, я живу безъ всякихъ заботъ, и въ добавокъ еще изобрѣлъ удивительную забаву каждый разъ какъ съ ними расплачиваюсь; такимъ удовольствіемъ мало кто можетъ похвастаться!

Всѣ приступили къ Дрейеру, чтобъ онъ объяснилъ, въ чемъ состоитъ эта забава, и онъ разсказалъ съ совершенно философскимъ равнодушіемъ, что, находясь однажды въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и будучи заваленъ долгами, онъ не нашелъ другаго средства уплатить ихъ, какъ предоставить самой судьбѣ распорядиться этимъ, и потому, собравъ всѣ представленныя ему и незаплаченные еще счета, онъ положилъ ихъ въ вазу. Каждый годъ, въ назначенный день, всѣ должники съ замираніемъ сердца прибѣгали къ нему, и подходя одинъ послѣ другаго къ роковой урнѣ, трясли ее; послѣ чего какой-нибудь сирота изъ сосѣдняго пріюта вынималъ три счета своею невинною рукою, и долгъ немедленно уплачивался. Три счастливица радостно выдавали мнѣ квитанціи, а остальные уходили съ утѣшеніемъ, что въ будущемъ году и имъ тоже выпадеть на долю.

— Такимъ образомъ, они увѣрены, по-крайней-мѣрѣ, что деньги ихъ не пропадутъ, между-тѣмъ, какъ прежде совершенно отчаявалась, прибавилъ Дрейеръ.

— Жаль, сказалъ Унцеръ, смѣясь, что васъ не сдѣлали министромъ финансовъ,

— А знаете что?.. Вѣдь я еще не увѣренъ, что пріятнѣе жить съ долгами или безъ нихъ, сказалъ пресерьозно ученый.

Всѣ захохотали.

— Жить безъ долговъ, продолжалъ онъ, это жить безъ цѣли: тогда не знаешь ни печальныхъ воспоминаній минувшихъ радостей и наслажденій, превышающихъ наши средства, ни пріятнаго ощущенія, когда отдѣлаешься наконецъ отъ долговъ. Счетъ, по которому мнѣ надо еще уплатить, представляется мнѣ всегда какъ старинный пріятель, ни на минуту непокидающій меня какъ бы гадко я съ нимъ ни обходился, и въ которомъ, въ минуты хорошаго расположенія духа, я нахожу лучшую часть самаго себя. Да, почтенные слушатели и друзья мои, долги не слѣдуетъ считать несчастьемъ или безпорядкомъ... Какъ первы соединяютъ душу съ тѣломъ, такъ и долги соединяютъ насъ

съ человечествомъ: они заставляютъ насъ сильнее чувствовать, что мы принадлежимъ къ современной намъ эпохѣ, и внушаютъ трепетное уваженіе къ тюрьмѣ, безъ которой ни одно государство не могло-бы существовать. Долги—единственная дѣйствительность жизни, потому-что они намъ остаются даже за пределами гроба; и когда ростовщикъ, у котораго я занималъ при жизни, пройдетъ мимо моей могилы, то вѣрно будетъ часто и долго со вздохомъ повторять: «Тотъ, который тутъ поконится, обезпочилъ меня на всю жизнь; онъ долженъ мнѣ вотъ столько-то марокъ».

Вотъ какимъ образомъ Дрейеръ смѣшилъ все общество, и даже самага отчаяннаго человека заставилъ-бы улыбнуться; но несмотря на это, Шарлота была разсѣяна, а если и вмѣшивалась иногда въ разговоръ, то замѣтно было по отвѣтамъ ея, что она только однимъ ухомъ слушала выходки новаго друга дома.

Унцеръ понялъ, что другая мысль занимала Шарлоту. Когда она встала, чтобъ идти приготовить пуншъ на особомъ столѣ, онъ, пользуясь этой минутой, подошелъ къ ней и сказалъ:

— Васъ нельзя узнать; сегодня на сценѣ вы совершенно вышли изъ своей роли, и вмѣсто томной Маріи представили живую Шарлоту, а теперь, дома, вы грустны и молчаливы, какъ Марія Бомарше.

— Не знаю... прошентала Шарлота, и вспыхнула, какъ зарево.

— А, поймалъ! вскричалъ Унцеръ. Согласитесь, что сегодняшняя Марія вовсе не походила на прежнюю. Въ двухъ послѣднихъ актахъ, особенно, разница была такъ разительна, что зять мой, который, впрочемъ, мало разсуждаетъ о театрѣ, согласенъ былъ со мною, что сегодня вы совершенно иначе исполняли роль свою.

— А еслибъ и такъ?.. что-жъ изъ этого? сказала Шарлота, выжимая лимонъ въ миску, стоящую передъ нею. Почему-же нельзя играть одну и ту же роль двойнымъ образомъ? Марію, скорѣе чѣмъ кого-либо, можно понимать различно, потому именно, что поэтъ не заставляетъ ее много говорить, а предоставляетъ ее совершенно пониманію актрисы.

— Прежде вы говорили совсѣмъ другое, сказалъ Унцеръ. Вы утверждали, что если артистъ играетъ какую-бы то ни было роль сегодня такъ, а завтра иначе, то это значитъ, что онъ не хорошо схватилъ характеръ роли. Откровенно сказать, я не могъ

понять перехода отъ третьяго къ четвертому акту. Эта восторженная страсть Маріи, когда она умираетъ, несомнѣнью понятна, потому-что не имѣетъ достаточной причины. Марія прощаетъ Клавиго его коварство, а онъ обманываетъ ее вторично; мнѣ кажется, что послѣ этого ей остается только разбить сердце свое и молчать.

— Если таково ваше мнѣніе, любезный докторъ, отвѣчала смущенная Шарлота, то въ будущій разъ я постараюсь исправить мою ошибку. Къ тому-же я несомнѣнью была расположена сегодня: голова странно болѣла... и сверхъ-того... вы знаете... какое я имѣю отвращеніе лежать въ гробу...

Сказавъ это, Шарлота взяла другой лимонъ и начала его рѣзать; но рука ея задрожала, ножикъ соскочилъ, и она обрзала себѣ палець.

— Вотъ это хорошо! вскричала она, прикладывая палець къ губамъ. Вы взялись не за свое дѣло; ваше дѣло лечить, а не критиковать... такъ прошу-же лечить меня, и какъ можно скорѣе!

Унцеръ схватилъ ея руку; крови почти не было, развѣ какая-нибудь капля выступила на поверхность кожи; несмотря на то Шарлота проговорила трагическимъ тономъ слова, съ которыми Эмилія Галотти, послѣ смертельнаго удара, умираетъ:

— *Роза гибнетъ прежде, чѣмъ гроза разметала лепестки ея!*

— Скорѣй, скорѣй! докторъ! продолжала она, или я истеку кровью!

Услышавъ это, все вскочили, все засуетились, и старушка Аккерманъ начала бранить Шарлоту, за то, что она испугала ее понапрасну; но Шарлота, не смотря на это, продолжала роль Эмили Галотти:

И во мнѣ тоже есть кровь; да, кровь, мать моя! Кровь молодая, горячая! Есть чувства, какъ и у другихъ, и потому я не отвѣчаю за себя.

Все засмѣялись и захолопали въ ладоши; а Шарлота была въ восторгъ, что маленькое это происшествіе помѣшало Унцеру продолжать свои критическія замѣчанія. Но несмотря на притворную свою веселость, она была въ тревожномъ состояніи духа, и тогда только вдохнула свободно, когда гости разошлись.

Разставаясь, все согласились собраться на другой день утромъ на берегахъ Ельбы, чтобы присутствовать при торжественномъ открытіи саннаго катанья по льду.

— О чемъ это спорила ты съ Унцеромъ? спросила Доротея,

когда сестры очутились въ своей спальнѣ. У васъ былъ такой оживленный разговоръ?

— О ревность, ревность! сказала, смѣясь, Шарлота. На этотъ разъ ты можешь спать спокойно. Докторъ судилъ объ игрѣ моей совсѣмъ иначе, чѣмъ Зильбургъ, когда очутился передъ нами при выходѣ изъ театра.

— Такъ докторъ, вѣрно, правъ, сказала съ живостью Доротея. Сужденіе Унцера всегда выше лести какого-нибудь офицера, который у дворець каретъ напѣваетъ комплименты. Берегись, Шарлота! Какъ знать, сыграешь-ли ты маленькаго дезертера такъ-же успѣшно въ дѣйствительности, какъ на сценѣ!

— Полно, полно! сказала лукаво Шарлота, ложась въ постель и пряча голову подъ одеяло. Ты всегда несправедлива къ другимъ, когда бываешь недовольна докторомъ. Что до меня... то я совершенно равнодушна, какъ къ одному, такъ и къ другому.

XVI.

На другой день, а это было въ воскресенье, погода была такъ хороша, точно будто нарочно для того, чтобъ зимній праздникъ вполне удался. На праздникъ этотъ собирался старъ и малъ; и какъ скоро начальникъ пристани (*maître de port*) объявилъ, что Ельба стала, то есть, что ледъ довольно твердъ, и можетъ выносить огромнѣйшія тяжести, онъ немедленно начинался.

Солнце великольно освѣщало блестящее снѣжное пространство, на которомъ веселая толпа народа составляла самыя разнообразныя группы. Рѣка, начиная съ Гросброка, проходя мимо Альтоны и до конца сада Ринвиля, представляла видъ огромной увеселительной ярмарки, явившейся какъ-будто по волшебству. Несмотря на свой сѣверный характеръ, праздникъ походилъ на карнавалъ южныхъ странъ, такъ было все живо, говорливо, весело, увлекательно! Рѣка, которая въ-продолженіе всего года приноситъ въ цвѣтущій городъ все богатства и произведенія другихъ странъ свѣта, и на которой такъ недавно еще, вовремя зимнихъ выюгъ, огромныя льдины то всплывали, то опускались вмѣстѣ съ приливомъ и отливомъ, съ трескомъ разбиваясь объ высокія преграды береговъ, вдругъ сдѣлалась шумнымъ сходбищемъ веселой толпы; тутъ очутился цѣлый городъ; палатки,

лавки, навильоны тянулись по льду, вдоль всего берега. Пестрая ватага молодежи ловко и быстро скользила по рѣкѣ; люди всѣхъ званій и возрастовъ, старый и малый, дѣвы и юноши, парадныя дамы и кавалеры, бѣгали въ перегонку; все скользило, все смѣялось и радовалось. Легкія сани, разнообразныхъ фасоновъ, съ звонкими бубенчиками, богатою упряжью, покрытые пушистыми мѣхами, мелькали по всемъ направленіямъ, пронося мимо зрителей то даму, закутанную въ соболяхъ, сзади которой стоитъ мужъ или обожатель и твердою рукою держитъ возжи, а спереди сидитъ маленькій жокей въ красной ливрѣ, шитой золотомъ; то молодого денди на кровномъ рысакѣ, взирающаго на всѣхъ съ самодовольствіемъ; то почтенную маменку съ многочисленными дочками; тамъ опять рой дѣтей, которые громко и радостно кричатъ, скользя на конькахъ, гнутся то на одну, то на другую сторону, падаютъ, опять вскакиваютъ на ноги, и опять бѣгутъ за какимъ-нибудь шиллингомъ, брошеннымъ прохожимъ, который, бросивъ его со смѣхомъ, исчезаетъ, танцуетъ по гладкому пространству; тамъ снова — огромныя фамиліныя сани, въ которыхъ восемь или десять человекъ сидятъ преспокойно и поглядываютъ свысока на проходящихъ; ихъ несетъ пара сильныхъ и огромныхъ голштинскихъ лошадей. Все это, въ соединеніи съ другими различными сценами вдоль палатокъ, съ музыкой, пѣснями, танцами, представляло настоящій народный праздникъ, подобный которому можно было-бы видѣть только на берегахъ Невы. Никто не отстанетъ отъ такого веселья; какъ бѣдный, такъ и богатый, является съ своимъ семействомъ; денди и солдаты, ремесленники и вельможи, гризетки и знаменитыя барыни—все участвуютъ въ этомъ веселомъ и рѣдкомъ праздникѣ; даже самъ глубокомысленный пасторъ, и тотъ рѣшается вмѣшаться въ говорливую толпу и пробуетъ осторожно ногою скользкую почву; все сходится, расходится, снова смѣшиваются въ одно цѣлое, и каждый находитъ пріютъ, смотря по кошелку своему и званію. Тутъ вы услышите языки и нарѣчія всѣхъ народовъ: одинъ говоритъ по-шведски, другой кричитъ по-датски; тотъ ѣстъ голандскія вафли, а этотъ, со стаканомъ вина, поетъ нѣмецкія пѣсни. Жидаы, армяне, французы, англичане, пенанцы и американцы, все болтаютъ и расхаживаютъ, какъ у себя дома, по стихіи, еще недавно столь страшною и непривѣтливою и которая, благодаря зимѣ, вдругъ сдѣлалась гостепріимною.

Охотники потанцевать собрались въ Лондонской-тавернь—такъ назывался великолѣпный отель, построенный на льду. Тамъ раздается веселая музыка; сочный бифтексъ жарится на сковородахъ; дымится пуншъ въ серебряныхъ мискахъ; а подлѣ, въ ярко-освѣщенной залѣ — танцуютъ и смѣются, забывая, что все это на водѣ, надъ глубокою пропастью. Вдругъ все разбѣгаются съ ужасомъ... Ледяная почва страшно крикнула, какъ-будто древній богъ рѣки, гнѣвно приподнявъ голову, выпрямился, чтобъ проломить потолокъ, мѣшающій ему дышать свободно. Но это ничего, только трещина на льду, и все снова успокоиваются, и снова раздается музыка, увлекающая молодость.

Шарлота и Доротея тоже явились на этотъ праздникъ съ братомъ своимъ и докторомъ Унцеромъ. Многіе актеры и актрисы присоединились къ нимъ; все болтали и смѣялись, слѣдуя за толпою, вдоль лавокъ, и забавлялись вѣчно-разнообразнымъ зрѣлищемъ этой суматохи.

Чего-бы не дала Шарлота, чтобъ умѣть кататься на конькахъ, или, по-крайней-мѣрѣ, сидѣть въ саняхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя мелькали передъ нею, и летѣть стрѣлой по скользкому льду! Но желаніе ея не должно было такъ скоро удовлетвориться. Никто изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не умѣлъ управлять санями, а между-тѣмъ сани различной величины и фасоновъ, изображающія то золотыхъ оленей и тритоновъ, то раковины и даже корабли, несущіеся на всѣхъ парусахъ, сотнями проносились мимо ея. Нечего было дѣлать, и маленькое общество рѣшилось наконецъ отправиться въ Лондонскую-таверню, и провести тамъ остальное время до вечера.

Шарлота, Доротея и остальные повернулись уже, чтобы идти, какъ вдругъ сзади ихъ послышался шумъ: бѣлая лошадь въ серебряной сбруѣ и красной попонѣ, запряженная въ великолѣпныя сани, отороченныя серебромъ, остановилась передъ ними. Денди, въ узкой пушистой шубѣ, соскочилъ съ саней: это былъ Зильбургъ.

Бросивъ поводья негру своему, онъ подошелъ къ нашимъ знакомымъ, раскланялся и пожалъ дружески руку доктору, который представилъ его другу своему Шрёдеру.

— Что это значитъ? Гдѣ-же ваша дама? спросилъ съ удивленіемъ Унцеръ.

— Я ищу добычи, какъ Плутонъ, отвѣчалъ, смѣясь, Зильбургъ, и обращаясь къ Доротее, прибавилъ:

— Лошадь моя чудно бѣгаетъ по льду и вполне заслуживаетъ, чтобъ м-ле Акерманъ удостоила посмотреть на ея рысь.

— Благодарю васъ, баронъ, отвѣчала Доротея. Я не могу выносить такой быстрой ѣзды; нервы мои слишкомъ слабы.. Докторъ скажетъ вамъ, чего мнѣ стоило прошлагоднее катанье и какъ дорого я за него заплатилась.

— Въ такомъ слачавъ я буду вашей Прозерпиной, только смотрите, не унесите меня на тотъ свѣтъ! вскричала Шарлота, бросааясь въ сани.

Потомъ, вдругъ покраснѣла и выразительно посмотрѣла на сестру. Баронъ всталъ сзади съ бичемъ въ рукахъ.

— Мы будемъ васъ ждать въ Лондонской-тавернѣ, закричалъ Шредеръ имъ вслѣдъ. Лошадь заржала, сани понеслись.

Въ нѣсколько минутъ они промчались уже мимо Альтоны, которую оставили за собою далеко, далеко... Дачи, сады какъ-будто летѣли, — такъ бѣгъ лошади былъ легокъ и быстръ.

— Смотрите, баронъ, сказала, смѣясь, Шарлота, мы такъ скоро ѣдемъ, что незамѣтно пронесемъ мимо Куксгавена и соскользнемъ въ море. Когда летишь такимъ образомъ, какъ жизнь кажется коротка. Каждую секунду сцена перемѣняется, какъ-будто у времени нѣтъ уже мѣры и оно гонится за нами до изнеможенія... Доротея правду говоритъ... такой полетъ дѣйствуетъ на нервы, О!.. Нетакъ скоро! Прошу васъ — потише!

Баронъ слегка потянулъ возжи, и лошадь побѣжала мѣрнымъ шагомъ.

— Я думаю, сказалъ Зильбургъ, что мы всегда живемъ такъ же скоро, но нетакъ ясно чувствуемъ то, что слѣдуетъ за наружными впечатльнiями, т. е. перехода отъ одного ощущенiя къ другому. Кто знаетъ, сколько разъ въ одну минуту жизнь наша обращается около своей оси! Каждое бiенiе сердца само по себѣ уже цѣлая жизнь, и я твердо убѣжденъ, что самое легкое, мимолетное впечатльнiе, приходящее къ намъ извнѣ, совершенно перерождаетъ нашу внутреннюю жизнь.

— Счастливъ тотъ, кто не обладаетъ даромъ математической прозорливости, сказала Шарлота. Будетъ съ насъ и того, если намъ придется отгонять отъ себя уловимыя впечатльнiя грусныхъ дней и часовъ, а не пускаться еще въ горестныя ощущенiя минутъ и секундъ.

— Однако бываетъ и такое горе, которое разбиваетъ секунду въ песчинки времени, а душу въ моральныя атомы; когда

потрясеніе одной фибры причиняетъ намъ болѣе страданій, чѣмъ глубокая рана отъ пули или сабли.

— Такъ какъ у насъ съ вами не было подобнаго горя, то намъ и нечего о немъ говорить. Такъ мучаются только злые люди, у которыхъ совѣсть нечиста.

— Это правда вскричалъ Зильбургъ. Несчастая совѣсть ужасный ножъ, когда онъ повараживается въ фибрахъ нашего сердца, Но рана еще больнѣе, когда совѣсть мучаетъ насъ не за собственные проступки, а за проступки другихъ. Это походить на то, что вы представляли вчера вечеромъ. Эта бѣдная жертва, Марія Бомарше, чистая и невинная душа, которую невидимая рука давитъ, вслѣдствіе преступленія чловѣка, котораго она любитъ, и до того, что она изнемогаетъ наконецъ подъ двойною тяжестью обманутой любви и злодѣянія, котораго она дѣлается жертвою. Изъ всѣхъ несчастій міра нѣтъ страшнѣе несчастья, когда любовь, измѣнивъ клятвамъ своимъ, предаетъ насъ всѣмъ мученіямъ ревности, ненависти; дѣлаетъ изъ насъ преступниковъ, совѣсть которыхъ никогда не можетъ быть покойна. Но нѣтъ, нѣтъ! Что я говорю? Со вчерашняго вечера я обязанъ вамъ тѣмъ, что знаю теперь и понимаю разницу — или, лучше сказать, вижу теперь линію, отдѣляющую совѣсть нашу отъ проступка другаго лица. Въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совѣсть мучила меня за преступленіе одной коварной женщины, и проступленіе это я считалъ за собственное свое, потому-что любилъ еще эту женщину, которая такъ жестоко обманула меня, любилъ ее со всею нѣжностью и теплотою той любви, когда вѣришь еще въ непорочность; и когда вспоминалъ о ней, то мучился точно также, какъ-будто самъ совершилъ преступленіе. О, Марія Бомарше! Чистое, доброе созданіе! Какъ чудно избавила ты меня отъ горестнаго ослѣпленія, сказавъ только эти простые слова: «Передъ Богомъ я невинна!»

— Какъ! и вы тоже, въ жизни своей, играли роль Маріи Бомарше? вскричала Шарлота съ любопытствомъ и участіемъ.

— И слава Богу, она кончилась и не возобновится! отвѣчалъ Зильбургъ задыхающимся голосомъ. Согласитесь однако, m-ле Шарлота, вскричалъ баронъ съ принужденною веселостью и помолчавъ немного, согласитесь, что вамъ кажется страннымъ услышать подобное признанье отъ чловѣка, которому сегодня стукнуло тридцать восемь лѣтъ, и слышать его еще вовремя

катанья, отъ челоуька, котораго еще такъ недавно вы называли комедіантомъ.

— Это было недоразумѣніе... Я совсѣмъ не то хотѣла сказать — прошептала Шарлота.

— Я вамъ охотно прощаю, сказалъ съ чувствомъ Зильбургъ. Вы не могли тогда знать, какого чудака докторъ знакомить съ своею матерью, вы также не могли думать, чтобы характеръ, подобный характеру Клавиго, могъ встрѣтиться въ женщинѣ; вы воображали, вѣроятно, что подобное явленіе только принадлежность мужчинѣ. Надѣюсь, что благородная Марія Бомарше не думаетъ обо мнѣ этого, прибавилъ онъ со вздохомъ.

Помолчавъ немного, Зильбургъ началъ смѣяться надъ сантиментальнымъ расположеніемъ духа, въ которомъ онъ находился въ день своего рожденія, и просилъ Шарлоту извинить его болтовню, которая ни въ какомъ случаѣ не могла интересовать ее.

— А!.. кстати! сказалъ онъ, внезапно перемѣняя разговоръ, У меня есть новость, которая для васъ гораздо интереснѣе всѣхъ моихъ разсказовъ. Сегодня я получилъ письмо отъ Элькинса. Онъ пишетъ мнѣ изъ Лондона въ такихъ милыхъ, примирительныхъ выраженіяхъ, что мнѣ хотѣлось расцѣловать его. Ничто не могло меня такъ обрадовать въ день моего рожденія, какъ письмо это, несмотря на то, что оно дышетъ грустью... Настоящій подарокъ!.. Я думаю, что воздухъ родины, уединеніе стариннаго замка въ горахъ Шотландіи, гдѣ Эдуардъ намѣренъ поселиться, совершенно вылечатъ нашего пламеннаго философа. Онъ такъ молодъ!.. Правда, первая рана сердца, то-есть рана любви, мучаетъ больше другихъ ранъ; но зато она крѣпитъ, закаляетъ сердце челоуька противъ другихъ горестей. Да и могло ли чувство первой любви быть такъ прекрасно, такъ поэтично, еслибъ оно не соединялось съ первымъ рыданіемъ? То, что я намѣренъ сказать, можетъ показаться страннымъ, но опытъ доказалъ мнѣ, что люди, желавшіе составить изъ первой любви своей вѣчныя, неразрывныя цѣпи изъ душистыхъ розъ, находили всегда совершенно противное — то-есть цѣпи — только не изъ розъ...

— А между-тѣмъ вы готовы были оковать друга вашего этими цѣпями? сказала Шарлота съ упрекомъ.

Зильбургъ, не смущаясь, отвѣчалъ:

— Мнѣ кажется, что челоуькъ, который женится на Шарлотѣ Аккерманъ, находится въ исключительномъ положеніи, и что

это правило вовсе до него не касается. Впрочемъ, прибавилъ онъ, колеблясь, съ той минуты, какъ Эдуардъ ввѣрилъ мнѣ любовь свою, я обязанъ былъ считать счастье его собственнымъ, личнымъ своимъ счастьемъ, и думалъ, что я почти обязанъ толкать его, даже силою, къ цели его желаній.

Зильбургъ сказалъ это такимъ видомъ, въ голосъ его было столько истиннаго чувства, что сердце Шарлоты затрепетало, какъ-будто она узнала наконецъ, и ясно увидала то, что до-сихъ-поръ ей казалось таинственнымъ въ этомъ человѣкѣ, въ которомъ она какъ-будто нашла собственную свою мысль. Шарлота вспомнила впечатлѣніе, которое Зильбургъ произвелъ на нее вовремя бала; ей пришло на память все, что она чувствовала тогда; какъ билось сердце и въ какомъ она была смущеніи. Зильбургъ не иначе говорилъ тогда объ Элькинсѣ, какъ говорилъ теперь о самомъ себѣ... При этой мысли Шарлота вздрогнула. Ей показалось, что она уже любитъ, а между-тѣмъ боится Зильбурга—страшное ощущеніе, котораго она еще никогда не испытывала. Шарлота вспомнила тоже, что послѣ ухода Эдуарда она была въ сомнѣніи, и желала узнать, чѣмъ наиболее занять Зильбургъ: несчастьемъ друга или собственными своими ощущеніями. Ей казалось, что изъ гордости онъ подавлялъ въ себѣ нѣжность души, и потому не хотѣлъ признаться въ настоящихъ своихъ чувствахъ, а какъ-будто противъ воли выказывалъ нѣкоторыя черты своего настоящаго характера.

Вдругъ Шарлотѣ сдѣлалось странно оставаться съ нимъ одной, такъ, что она невольно схватила возжи и повернула назадъ.

Зильбургъ не противился и прошепталъ тихонько чуть внятно:
— Только-то! Недалѣе, какъ до-сихъ-поръ?

Стемнѣло, когда они возвращались въ городъ. Шарлота дышала свободнѣе по мѣрѣ того, какъ они подвзжали къ Лондонской-тавернѣ, гдѣ ожидала ее семья.

Сани, какъ стрѣла летѣли по снѣжной равнинѣ, освѣщенной луной. Зильбургъ далъ возжи Шарлотѣ, и съ чувствомъ, котораго не могъ скрыть, сказалъ:

— Управляйте имъ, Шарлота, управляйте этимъ буйнымъ, но покорнымъ конемъ; и у него свои недостатки: онъ упрямъ въ чужихъ рукахъ; но видите, какъ васъ слушается, и какъ-будто съ наслажденіемъ покоряется вашей волѣ.

Сани остановились передъ таверной, откуда неслись звуки

веселой музыки. Олафъ бросился съ подъезда навстрѣчу барона; онъ схватилъ лошадь за узду и держалъ ее, пока Зильбургъ высаживалъ изъ сеней Шарлоту. Она протянула ему руку, и стоя на краю саней и какъ-будто удерживаемая страхомъ, сказала:

— Какое чудное гулянье!.. И въ ту именно минуту, какъ оно кончилось мнѣ-бы снова хотѣлось начать его. Благодарю васъ, баронъ; въ другой разъ я поздравлю васъ съ рожденіемъ, а пока главная забота моя состоитъ въ томъ только, какъ-бы извиниться передъ маленькимъ нашимъ обществомъ, что я заставила такъ долго ждать себя.

Сказавъ это, она прыгнула съ саней, и Зильбургъ почувствовалъ, какъ рука Шарлоты отвѣтила на пожатіе руки его. Они вошли въ залу подъ руку.

Доротея, увидѣвъ ихъ, подбѣжала къ сестрѣ и сказала:

— Гдѣ ты это пропадала, Боже мой?

Шарлота, показывая на Зильбурга отвѣчала:

— Не меня брани, а вотъ кого... Онъ держалъ возжи. Такъ какъ ты отказалась, мнѣ нельзя было не вхвать—пначе это было бы невѣжливо... Впрочемъ, вѣдь мы вернулись и успѣемъ до-вхвать до дому.

Шредеръ съ Унцеромъ въ свою очередь подошли къ Шарлотѣ, которая ясно видѣла на лицахъ ихъ видимое неудовольствіе.

Шредеръ посмотрѣлъ на часы, и сказалъ только:

— Ну, дѣти, поѣдемте домой; матушка, вѣрно, беспокоится; она уже ждетъ насъ.

Сказавъ это, Шредеръ, молча поклонился барону и вышелъ.

— Что съ тобой? скажи сдѣлай милость — сказала Доротея шопотомъ сестрѣ своей. Ты вся горюшь!

— Морозъ жжетъ, отвѣчала весело Шарлота, и взглянувъ нѣжно на Зильбурга, еще разъ прикоснулись губами къ стакану пунша, который онъ подавалъ ей.

XV.

Доротея тотчасъ замѣтила, что въ сестрѣ ея произошла перемѣна. Шарлота же и не думала скрывать ее, потому-что себя сама не понимала. Но Доротея была изъ тѣхъ людей, которые видятъ все ясно, спокойно обсуживаютъ, издали видятъ приближающагося врага, умѣютъ преградить ему дорогу, и всегда владѣютъ собою. Она знала Шарлоту лучше, можетъ-быть чѣмъ самую себя, потому-что любила ее больше себя и жила

сперва для нея, потомъ уже для себя самой; она воображала, что самъ Бсгъ поставилъ ее земнымъ стражемъ этого кроткаго и благороднаго существа; и потому, ей слѣдовало, какъ женщинѣ болѣе твердой, самостоятельной, которая чувствовала себя способной сопротивляться врагамъ и недоброжелателямъ, защищать сестру свою, и хранить отъ всѣхъ вредныхъ впечатлѣній, такъ, чтобъ кромѣ поэтическаго міра, въ которомъ вращалась Шарлота, она не знала-бы другаго и не чувствовала-бы въ немъ потребности. Ничто не ускользало отъ пронизательныхъ глазъ этой нѣжной сестры: ни горе, ни радость Шарлоты. Доротея не знала никакой радости въ жизни, не испытывала ни одного торжества въ искусствѣ, безъ того, чтобъ лучшая часть не принадлежала сестрѣ; да и сама Шарлота была убѣждена, что Доротея рождена на свѣтъ для нея, чтобъ любить и заботиться о ней, потому-что сама Шарлота не умѣла заботиться о самой себѣ. Она признавала превосходство Доротеи надъ собою во всемъ, гдѣ требовались практической умъ и знаніе свѣта. Шарлота чувствовала, что подъ такимъ покровомъ она могла жить на свободѣ въ области поэзіи, и потому совершенно подчинилась власти Доротеи, будучи твердо убѣждена, что всѣ мысли и дѣйствія сестры стремятся къ ея благу. Довѣріе это такъ вкоренилось въ сердце Шарлоты, что даже въ обыкновенной жизни и на счетъ самыхъ пустыхъ предметовъ она не могла ни на что рѣшиться и дѣйствовать самостоятельно, если сестры не было дома; напримеръ, ей было неловко, если не Доротея рѣшала, какое ей надѣть платье и у кого купить шляпку.

Многіе удивлялись, что Шарлота, несмотря на свой твердый, а иногда даже и упрямый характеръ, такъ подчинилась сестрѣ; но Шарлота знала, что, какъ артистка, она этимъ много выигрываетъ, а главное, выигрываетъ независимость вполне предаваться своему искусству, и потому съ радостью переносила это благодотворное владычество.

Явился Зильбургъ, и Доротея, замѣтя дѣйствія его на балѣ, и въ минуту истиннаго вдохновенія прорицательности, почувствовала, что человекъ этотъ можетъ быть опасенъ для сестры ея. Предчувствіе это затмило хорошее мнѣніе, которое она возымѣла о немъ съ перваго взгляда; и неприязнь усилилась, когда Доротея замѣтила, что Шарлота начинаетъ питать къ барону теплое чувство. Появленіе Зильбурга при выходѣ изъ театра и молчаніе Шарлоты, когда Доротея возстала противъ этого поступка, еще

болѣе усилили непріязнь Доротеи; а катанье въ саняхъ окончательно утвердило ее въ мысли, что этотъ опасный человекъ имѣетъ виды на ея милую Шарлоту, ея любимое дитя, которое не будетъ въ состояніи ему противиться.

Шредеръ раздѣлялъ предубѣжденія Доротеи противъ барона, и осуждалъ Шарлоту, что она такъ необдуманно съѣла въ сани и полетѣла съ нимъ. Приглашеніе-же барона онъ называлъ навязчивостью.

— По нашимъ обычаямъ, говорилъ Шредеръ, женщины неприлично садиться въ сани къ человеку почти незнакомому, а тѣмъ болѣе дѣвушкѣ, и при томъ актрисѣ, въ сани офицера, вербовщика, который пользуется репутаціею волокиты. Ты лучше-бы сдѣлала, еслибъ дала ему проѣхать мимо съ своимъ раззолоченнымъ негромъ, у котораго кожа на лицѣ никогда не портится, между-тѣмъ какъ дѣвушка должна быть чиста и бѣла, какъ снѣгъ, таящій отъ перваго жаркаго дыханія.

Правда, что Шредеръ говорилъ это шутивнымъ тономъ; но Шарлота обидѣлась, такъ, что мать принуждена была вступить-ся; иначе между братомъ и сестрой завязалась-бы ссора.

Мадамъ Аккерманъ, противъ обыкновенія, выслушала все довольно равнодушно, и даже сказала съ досадою:

— Такъ дѣвушкамъ надо уподобляться снѣгу, который падаетъ съ неба чистымъ, а потомъ топчется ногами?.. Что за неумѣстныя сравненія!.. Ужъ повеселиться не дадутъ!.. Въдѣ Шарлота не старуха!.. Надоѣсть все сидѣть дома.

На этотъ разъ тѣмъ и кончилось; но Шредеръ и Доротея, оспаривая доброе мнѣніе Шарлоты о Зильбургѣ, произвели въ ней такое новое и странное расположеніе духа, что въ первый разъ, можетъ-быть, она находила удовольствіе противорѣчить имъ втайнѣ, и думать о немъ совершенно противоположное тому, въ чемъ ее старались увѣрить.

Въ первый разъ въ жизни ей сильно нравился человекъ, и этого человека ей представляли въ черныхъ краскахъ, какъ несостоящаго вниманія.

Сначала, можетъ-быть изъ каприза она защищала Зильбурга, а потомъ стала жалѣть его, и убаюкивала себя этою жалостью, которая ей нравилась и которую она называла великодушіемъ; а главное, ее забавляло, что на этотъ разъ у нея свой собственный вкусъ, независимо отъ Доротеи. Хотя Шарлота чувствовала, что не влюблена въ Зильбурга, что онъ только пра-

вится ей, однако она рада была доказать своимъ, что независимо отъ нихъ можетъ чувствовать и любить кого вздумаетъ; она настаивала на своемъ вовсе не ради предмета любви своей, но ради противорѣчя, и настаивала даже и тогда, когда собственное сердце притворьчило словамъ ея.

Для женщины нѣтъ опаснѣе тѣхъ заблужденій, которыя находятъ въ борьбѣ съ сердцемъ и со свѣтомъ, потому-что истины одного и мудрость другаго скрываются тогда отъ глазъ ихъ. Натура, склонная къ восторженности, часто ошибается въ выборѣ средствъ для удовлетворенія этой склонности, и по минутному внушенію, не имѣя глубокаго, истиннаго чувства къ предмету своему, сильно къ нему привязывается, изъ желанія любить кого-бы то ни было.

Шарлота пошла по этой опасной дорогѣ. Она спорила съ Доротеей о чловкѣ, который не имѣлъ для нея никакого интереса, а только придалъ образъ тому идеалу, за которымъ гналось ея воображеніе. Образъ этотъ только въ-слѣдствіе борьбы и сопротивленія, все болѣе и болѣе возраставшаго со стороны родственниковъ Шарлоты, сталъ сливаться съ ея страстными мечтами; а еслибъ не это, онъ разсыялся-бы, какъ туманъ, потому-что весьма смутно былъ набросанъ на полотно сердца.

Не зная еще любви, которая возлагаетъ на избранныхъ своихъ мученическій вѣнецъ, Шарлота хватала уже его, и съ восторгомъ упивалась чистымъ наслажденіемъ страсти, которая ей казалась тѣмъ болѣе сладкой, чѣмъ болѣе свѣтъ примѣшивалъ къ ней горечи.

Доротее не смѣла сказать ни матери, ни брату того, что происходило между ею и Шарлотою; но втайнѣ оплакивала гибель сестры, которую опасная и воображаемая страсть должна была поглотить въ своемъ пламени.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль никто не говорилъ о баронѣ, только докторъ упоминалъ иногда о немъ мимоходомъ, и то со дня катанья въ саняхъ, по весьма понятнымъ причинамъ, сдѣлался весьма остороженъ въ сужденіяхъ своихъ на счетъ Зильбурга, который почти никуда не вздиль, исключая совѣтницы, и то весьма рѣдко.

Нарочно, или безъ намѣренія, только Зильбургъ бывалъ у старушки именно въ тѣ дни, когда Шарлота была занята на сценѣ.

Изъ этого Шарлота заключала, что онъ старается избѣгать

ее. Даже въ театрѣ она напрасно искала его между зрителями. «Онъ вѣрно хочетъ забыть меня» думала она. Таковъ былъ обыкновенный результатъ ея грустныхъ размышленій, и она снова пыталась доказывать Доротей, что человекъ, который выказываетъ такую деликатную осторожность, заслуживаетъ, чтобъ о немъ судили съ меньшимъ предубѣжденіемъ. Доротей не знала, что отвѣчать на это, но рѣшилась спросить совѣтницу, что думаетъ она о баронѣ, и въ случаѣ нужды пріобрѣсть ея помощь.

Случай скоро къ тому представился.

Однажды, послѣ обѣда, сидя глазъ на глазъ съ старушкой, Доротей какъ-будто безъ всякаго умысла заговорила о баронѣ. Но совѣтница, къ великому ея удивленію, не нашла ничего, за что бы можно было осудить барона или Шарлоту; она не видѣла ничего преосудительнаго въ катаньи ихъ по рѣкѣ, потому что не они одни, а весь городъ катался въ этотъ день. Она призналась даже, что Зильбургъ поступилъ по ея совѣту, и прибавила съ жаромъ:

— Не понимаю право, за что вы не любите его! Онъ человекъ образованный и держитъ себя такъ прилично, что многимъ изъ нашей молодежи слѣдовало-бы брать съ него примѣръ. Согласна, что иногда онъ бываетъ немного суровъ и безцеремоненъ; это слѣдствіе походной жизни; но я не вижу въ немъ ничего дурнаго, — а я таки знаю людей и нисколько не сомнѣваюсь въ благородствѣ его характера.

При такомъ объявленіи, Доротей потеряла последнюю надежду найти въ совѣтницѣ помощь противъ каприза Шарлоты.

— Такъ и вы на его сторонѣ! сказала обезкураженная Доротей. Намъ только этого не доставало!.. Онъ вскружилъ голову Шарлотѣ, которая не на шутку воображаетъ, что влюблена въ него-!

Старушка, по-видимому, была очень удивлена.

— Шарлота мнѣ ни слова не сказала! вскричала она; но скоро успокоилась и прибавила: Да, ни слова — даже не заикнулась.. вотъ почему я не вѣрю, хотя вовсе не удивляюсь, что она чувствуетъ къ барону истинную привязанность.

— Помилуйте!.. Что это вы говорите! вскричала Доротей съ ужасомъ. Шарлота и офицеръ, пріемщикъ рекрутъ!..

— погоди, душа моя, не горячись, — отвѣчала старушка, немного конфузясь, вѣдь королю надобны солдаты, а кого-же онъ будетъ посылать, если не офицеровъ, набирать ихъ? Но я

не думаю, чтобы это былъ выборъ Шарлоты. Онъ слишкомъ старъ для нея.

— Дай Богъ, чтобъ это была правда! прошептала Доротея со страхомъ и волненіемъ.

— Не понимаю, чего ты такъ пугаешься? Въдь Шарлотъ надобно-же когда-нибудь выйти замужъ. Не отнимая ея достоинствъ, она все-таки, по мнѣнію свѣта, который иначе на нее смотритъ, чѣмъ мы съ тобой, любящія ее, ничто иное, какъ актриса; а онъ человекъ съ званіемъ, хорошей фамиліи, съ состояніемъ... А если она его еще любитъ!.. Но не думаю, и еще разъ повторяю: онъ слишкомъ старъ для нея.

— Дай Богъ! дай Богъ!

Объ замолчали.

Разговоръ такъ и кончился. Помолчавъ немного, совѣтница общала наблюдать за Шарлотой, и поговорить съ нею серьезно на этотъ счетъ. Но въ-самомъ-дѣль она почти радовалась, что Шарлота любитъ Зильбурга, потому-что сама чувствовала къ нему истинную привязанность, и во многихъ отношеніяхъ считала его единственною приличною партіею для Шарлоты. Къ тому-жъ, думала она, это вылечить Карла моего отъ неумѣстной любви его, и отъ нечего дѣлать привяжетъ къ Доротей. Такимъ образомъ исполнится самое страстное желаніе моего сердца... Дай-то Господи, чтобъ это случилось, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!

XVI.

Прекрасная церковь св. Михаила, которую, по ея простой, но дивной архитектурѣ, можно справедливо назвать домомъ Божиимъ, была та самая, въ которую Шарлота и все ея семейство обыкновенно приходили молиться. Одна изъ послѣднихъ рѣшетчатыхъ ложъ, направо отъ входа, принадлежала семейству Аккерманъ. Мѣсто это было немного темно, и завѣшено тафтою, которая защищала молящихся отъ нескромныхъ взглядовъ любопытныхъ. Не проходило ни одного воскресенья, чтобы кто-нибудь изъ Аккермановъ не присутствовалъ при богослуженіи, потому-что г-жа Аккерманъ была вполне увѣрена, что артистъ, уважая и исполняя долгъ христіянина, исполняетъ свое высшее назначеніе, и что невозможно представить и скопировать человека, не бывъ живо проникнуту духомъ христіанства и не употребляя вліянія своего, вліянія артиста, на то, чтобъ на искусство смотрѣли, какъ на средство, исправляющее пороки. Она

воспитала своихъ дѣтей въ набожности и страхъ Божию, и они остались верны своимъ благочестивымъ привычкамъ даже и тогда, когда слава ихъ, развлечения свѣта и труды, все болѣе и болѣе умножающіеся, начали совершенно поглощать ихъ время. По воскресеньямъ, когда колоколь церкви св. Михаила призывалъ къ обѣднѣ, можно было быть увѣреннымъ, что при последнемъ ударѣ его, дверь дома Аккермановъ растворится, и обѣ сестры отправятся въ храмъ, и не бывъ почти замѣчены, проскользнутъ черезъ темную нишу въ свою рѣшетчатую ложу.

Въ воскресенье, передъ праздникомъ Рождества Христова, Шарлота отправилась одна въ церковь. Окутанная въ черную атласную шубу, она вышла, не будучи сопровождаема на этотъ разъ даже г. Крейенметеромъ, который, несмотря на воскресенье, день отдохновенія, списывалъ съ большимъ стараніемъ роль Дездемоны для Доротей. Войдя въ церковь и услышавъ первые звуки органа; она почти испугалась этой мощной гармоніи, и тихо пробралась къ своему мѣсту. Ставъ на колѣна и прочитавъ молитву, пока начиналось пѣніе, она съѣла на свое обыкновенное мѣсто и притворила дверь.

Но въ этотъ день она никакъ не могла собрать своихъ мыслей, которыя безпрестанно терялись въ смутныхъ грѣзахъ. Вдругъ почувствовала она страшное безпокойство; посреди общаго священнаго пѣнія, какіе-то страшные звуки касались ея слуха; то слышала она плачь ребенка, то смѣхъ какого-то злого духа, то раздавалось погребальное пѣніе, посреди котораго звуки органа были точно глухіе стоны умирающаго. Мало-помалу она впала въ тѣ томительныя мечтанія, во время которыхъ мы почти не чувствуемъ жизни и когда внѣшніе предметы дѣйствуютъ на насъ только своею противоположностію, потому-что душа наша не изливаетъ ужь на нихъ своей гармоніи.

Проповѣдь началась. Проповѣдникъ, другъ семейства Аккерманъ, избралъ текстомъ слѣдующія слова Юва: Я нашелъ примиреніе.

Слова эти тронули молодую артистку до глубины души. Съ живымъ сочувствіемъ слушала она краснорѣчивую проповѣдь, будто нарочно для нея сочиненную. Примиреніе черезъ Бога, примиреніе посредствомъ человеколюбія и любви,—вотъ въ чемъ состояла рѣчь, такъ хорошо произнесенная священникомъ, который разсматривалъ самые разнообразныя случаи въ жизни. Онъ не забылъ и того состоянія души, когда сомнѣніе и отчаяніе

мучаютъ человека, который такъ часто въ нихъ впадаетъ, когда видитъ, что люди самыя святѣйшія намѣренія его обращаютъ въ дурную сторону, или не понимаютъ ихъ, а иногда топчуть въ грязь самыя благородныя порывы души его. Но когда пастырь, какъ-будто въ утѣшеніе, прибавилъ слова Евангелія «Блаженни чистіи сердцемъ!» Шарлота до того испугалась, что даже вздрогнула, какъ будто слова эти выказали самыя сокровенныя чувствованія ея сердца, и какъ-будто она вдругъ узнала то, въ чемъ не смѣла даже признаться самой себѣ: что сердце ея уже омрачилось и она сама нарушила миръ его.

И въ ту самую минуту, какъ Шарлота остановилась на этой мысли, и отъ нея перешла къ тому, который такъ часто занималъ ея воображеніе, она увидѣла его, прислонившагося къ одной изъ колоннъ, поддерживавшихъ амбонъ. Шарлота не обманулась, и когда во второй разъ обратила свой робкій взоръ въ ту же сторону, то не только увѣрилась, что этотъ высокій, блѣдный, черноволосый мужчина Зильбургъ, но замѣтила даже, что взоръ его, какъ-будто прикованный волшебствомъ, былъ устремленъ на нее. Но какъ перемѣнился баронъ. Смертная блѣдность покрывала лицо его, свѣтлый взглядъ его былъ отуманенъ глубокой тоскою, а безпрестанное движеніе губъ доказывало, что онъ страдаетъ и что душа его ищетъ успокоенія въ молитвѣ. Шарлота не видала еще Зильбурга въ такомъ положеніи, и еще сильнѣе почувствовала къ нему то чувство страха и влеченія, которое уже испытала вѣремя прогулки по льду.

Шарлота рѣшительно не могла больше молиться; она старалась не глядѣть на барона, но по пылающимъ щекамъ, по біенію сердца чувствовала, что взгляды Зильбурга все еще были устремлены на нее; ей пришло въ голову, что онъ слѣдитъ за нею и читаетъ на лицѣ всѣ ея мысли и намѣренія.

Она до того смутилась, что испугалась, какъ-будто только что увидѣла какую опасность накликала на себя и какому могуществу поддалась. Мысль, что баронъ и въ-самомъ-дѣлѣ могъ любить ее, обхватила ее такимъ пламенемъ, такъ неожиданно, что она не узнавала сама себя.

Почти машинально, или лучше сказать, чтобъ защитить себя отъ собственнаго страха, она задернула совершенно занавѣску и ожидала съ трепещущимъ сердцемъ окончанія службы, потому что была увѣрена, что баронъ подойдетъ къ ней. Теперь, когда, не будучи видима, Шарлота могла наблюдать за нимъ, то ей пока-

залось, будто она ясно читаетъ на лицѣ его все задушевныя его намѣренія. Живая краска смѣнила блѣдность лица его, которое выражало сильное волненіе; повидимому онъ былъ весьма доволенъ, что она скрылась отъ его взоровъ, и Шарлота увидѣла такимъ образомъ, но слишкомъ поздно, что этимъ она нисколько не отняла у него бодрости для исполненія предпринятаго.

Проповѣдь кончилась; пѣли послѣдній стихъ. Послѣ пастырскаго благословенія все начали уходить изъ церкви. Дѣвушка съ трепетомъ ожидала той минуты, когда выйдетъ Зильбургъ; но онъ не двигался съ мѣста, и прислонясь къ колонѣ, не отводилъ глазъ отъ дверей ложи. Тогда Шарлота, боясь остаться съ нимъ одна, принуждена была выйти, потому-что въ церкви почти никого уже не оставалось, развѣ только тамъ и сямъ какой-нибудь слабый старичокъ или сгорбленная старуха, да и тѣ съ трудомъ тащились къ дверямъ. Наконецъ, Шарлота вышла изъ своей засады; но ей оставалось еще запереть за собою дверь, а это задержало ее на столько, что она все-таки осталась одна съ Зильбургомъ, когда проходила мимо его.

— Наконецъ я снова вижу васъ и могу проститься съ вами, сказалъ Зильбургъ слабымъ голосомъ.

— Проститься? сказала она, повидимому испугавшись еще болѣе этой вѣсти, чѣмъ присутствія Зильбурга, и страшно поблѣднѣла. Развѣ вы хотите оставить насъ? продолжала она.

— Я получилъ вчера приказъ вернуться, и долженъ вѣхать завтра, отвѣчалъ Зильбургъ, съ трудомъ скрывая отчаяніе свое. Солдатъ, хотя изнемогаетъ, долженъ повиноваться. Но я хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, сказать вамъ, Шарлота, что несчастье мое рѣшено, и это также вѣрно, какъ я теперь стою передъ вами. Выходя изъ этой церкви, я брошусь въ свѣтъ, гдѣ меня будетъ преслѣдовать одна только мысль; мнѣ остается въ спутники одно страданіе, а кругомъ меня пустыня, одиночество и смерть... Но къ чему говорить это вамъ? произнесъ онъ задыхающимся голосомъ, устремляя мрачный взглядъ на блѣднѣющую дѣвушку. Что происходитъ теперь со мною должно было непременно случиться, рано или поздно; это было неизбѣжно, и я не ропщу, что судьба моя свершается безъ отлагательства. Прощайте, Шарлота, будьте счастливы! Пока сердце это будетъ биться, вашъ образъ никогда не изгладится, и даже тогда, когда вы совершенно меня забудете, я сохраню образъ этотъ, какъ лучшее сокровище въ мѣрѣ. Я знаю, вы забудете меня...

— Я забуду!.. О еслибъ это было въ моихъ силахъ... Зильбургъ... перебила Шарлота, и громкія рыданія прервали слова ея.

Упоенный горемъ и восторгомъ, Зильбургъ прижалъ къ губамъ руку Шарлоты, которая, склонивъ голову на плечо его, прошептала:

— Удалитесь, удалитесь, пощадите меня.

— Я вѣчно твой, Шарлота, вѣчно твой, сказалъ Зильбургъ и выбѣжалъ изъ церкви.

Шарлота возвратилась домой, не узнавая себя и въ самомъ ужасномъ положеніи, какъ-будто сама смерть холодною рукою щемила ей сердце; она шаталась, вздрагивала, и съ трудомъ могла скрыть отъ домашнихъ весь ужасъ своего положенія.

XVII.

Зильбургъ былъ живаго и необузданнаго темперамента, который, какъ къ добру, такъ и ко злу, часто бросалъ его въ совершенно противоположныя крайности, избѣгаемыя людьми благоразумными, потому именно, что не увлекаются безумными желаніями. Хотя Зильбургъ обладалъ блестящимъ, живымъ умомъ, однако не могъ похвастаться стойкостью ума; на счетъ нравственности тоже самое: у него не было убѣжденій, хотя онъ и чувствовалъ влеченіе къ прекрасному. Несмотря на все это, въ немъ было много хорошихъ наклонностей и дарованій; но ни одно изъ нихъ не дало характеру его рѣшительнаго направленія къ чему-нибудь; въ характеръ его была смѣсь чувственности, вѣчно жаждущей новыхъ наслажденій, и утонченности холодно-эгоистическаго ума. Онъ былъ одаренъ пылкимъ воображеніемъ, въ немъ не было ни твердыхъ правилъ, ни чувства, то-есть желанія и пониманія нравственной красоты. Что привлекало его наиболее? Все, что было ново, странно или необыкновенно. И онъ привязывался къ этому новому, странному или необыкновенному со всею необузданною страстью, и тогда не зналъ уже ни препонъ, ни границъ. Покорность была для него непонятна; всякое сопротивленіе только увеличивало силу его воли, и если онъ однажды рѣшился на что-нибудь, то никогда не задумывался при выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли; всѣ средства были для него хороши. Какъ открытая борьба, такъ и медленныя, тайныя козни, всегда находили его готовымъ къ бою; онъ никогда не отказывалъ себѣ въ какомъ-

бы то ни было наслажденіи, когда ему казалось, что наслаждение это стоит того, чтобы его преслѣдовать. Странно, но такимъ людямъ, какъ Зильбургъ, почти всегда все удается, и такое слѣпое счастье обыкновенный удѣлъ тѣхъ, кто не умѣетъ цѣнить его, сопровождало Зильбурга во всѣхъ любовныхъ приключеніяхъ; но разъ добившись того, къ чему стремились всѣ мысли, всѣ желанія его, онъ бросалъ и даже попиралъ ногами прежде такъ страстно желанный предметъ.

Съ женщинами, особенно чувствительными; онъ былъ храбрымъ рыцаремъ, и внадалъ, смотря по обстоятельствамъ, то въ сантиментальность, то въ прозу; онъ умѣлъ прикидываться всѣмъ, чѣмъ угодно. Странная смѣсь бурной чувственности и поэтической нежности дѣлала его побѣдителемъ каждый разъ, какъ онъ начиналъ сраженіе; у него была бездна талантовъ; но однимъ талантомъ онъ обладалъ въ высшей степени, — это наблюдательностью, или лучше сказать, проницательностью, и взглядъ его былъ такъ вѣренъ, что онъ рѣдко ошибался. Сверхъ-того онъ хорошо зналъ свѣтъ и людей, и потому никогда не становился въ тупикъ, какую роль слѣдуетъ ему играть въ такомъ-то обществѣ и съ такимъ-то человекомъ; онъ не терялся ни въ какомъ положеніи и выходилъ съ честью изъ самыхъ разнообразныхъ походовъ. Его юношеская живость, разумъ и глубокомысліе во всѣхъ движеніяхъ, а главное удивительная быстрота впечатлѣній довершали портретъ человека, который впоследствии долженъ еще болѣе занимать насъ, потому что ему предназначено было, только не нами, которые издагаемъ подъ покровомъ поэзіи дѣйствительные и совершившіеся факты, но высшею властью, представить исторію человеческого сердца въ самыхъ непонятныхъ, и до-сихъ-поръ неразгаданныхъ гіероглифахъ, и прослыть между современниками своими за ужаснаго человека; но что всего удивительнѣе, такъ это, что онъ никогда не ожидалъ подобной репутаціи.

Зильбургъ возвратился изъ церкви домой въ страшномъ волненіи; лицо его горѣло, глаза сверкали; хозяинъ отеля, въ которомъ остановился Зильбургъ, заключилъ изъ всего этого, что съ постояльцемъ его случилось какое-нибудь несчастіе.

И въ-самомъ-дѣдѣ, баронъ былъ въ такомъ раздраженіи, что долго не могъ успокоиться и придти въ себя. Онъ приготовился къ патетической сценѣ разставанья, можетъ-быть даже въ стилѣ *Новой Елоизы*, и вотъ досада!.. изученное кокетство

вдругъ покинуло его, и приторные вздохи превратились, вовсе неожиданно, въ настоящую трагедію, то-есть въ настоящее, истинное чувство, или лучше сказать въ другихъ выраженіяхъ; *въ дѣло сердца*, какъ говорили въ то время, когда пудра и фижмы покоряли все своей жеманной власти.

Удостоверясь, что Шарлота любитъ его, въ немъ исчезло все лживое и притворное, и удивленіе Зильбурга походило въ первую минуту гораздо болѣе на остоленствіе, которое мы испытываемъ при видѣ какого-нибудь чуда, чѣмъ на горделивое чувство самого блестящаго торжества.

Но баронъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые отчаяются въ счастьи, и потому былъ въ неописанномъ восторгѣ, когда пришелъ въ себя.

Ему достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобъ углубиться въ самого себя, обдумать, разсчитать все, и дойти до того результата, что вся Данія, такъ какъ она есть, не могла дать ему ничего подобнаго той побѣдѣ, которую онъ надѣялся одержать въ Гамбургѣ.

— Да, я могу надѣяться! прошептала Зильбургъ. Надѣяться?... Но развѣ я ужъ не добился до всего! вскричалъ онъ съ восторгомъ, развѣ не видѣлъ собственными глазами, какъ въ минуту разлуки она поблѣднѣла, какъ смерть, какъ на глазахъ ея выступили слезы!.. Боже! какъ была она очаровательна, когда, глядя на меня, воображала, что видитъ меня въ послѣдній разъ, и въ отчаяніи высказала любовь свою, увѣряя, что никогда не забудетъ меня! О! еслибъ Ульрика, которая ненавидитъ и презираетъ меня, видѣла это! Еслибъ она знала, кто любитъ того самого Зильбурга, котораго она отвергла!.. Но она когда-нибудь узнаетъ это!.. Погоди, Ульрика!.. минута мщенія скоро наступитъ! Какъ будетъ ей досадно, что я замѣстилъ ее въ сердцѣ моемъ актрисой!.. ее!.. графиню фонъ Ланденкронъ!.. гордую лилію... которая не захотѣла, чтобъ рука моя сорвала ее!.. Ну, такъ я обращаюсь къ розѣ, царицѣ весны, и буду уживаться ея благоуханіемъ, пресыщаться ея блескомъ и свѣжестью!

Такова была нить мыслей барона, которая постепенно вела его по лабиринту ощущений, и довела наконецъ отъ восторженности къ существенности, хотя онъ по истинѣ могъ сказать, что въ первый разъ узналъ еще что такое любовь, предметъ которой долженъ былъ внушать самую пылкую страсть и самое глубокое уваженіе. Звучный голосъ Шарлоты слышался ему вездѣ,

и проникалъ до самой глубины души его, а невинность ея отгоняла отъ него всякую порочную мысль. Прелестный образъ двушки воскресилъ въ душѣ его все лучшія намѣренія и восторженныя мечты его первой молодости, Зильбургу показалось, что онъ переродился; онъ упивался чувствами, въ которыхъ такъ часто притворялся и которымъ почти не вѣрилъ.

Рѣшеніе его было скоро принято—не выѣзжать изъ Гамбурга, а это было сдѣлать весьма легко. Онъ не медля написалъ въ Копенгагенъ, къ другу своему, полковнику Т., и описавъ исторію любви своей, убедительно просилъ его употребить все влияние свое и уговорить министра продлить срокъ пребыванія его въ Гамбургъ. Нѣсколько отрывковъ изъ письма этого лучше познамятъ насъ съ чувствами Зильбурга, когда подъ первымъ впечатлѣніемъ счастья, онъ повѣрялъ ихъ другу своему.

Между-прочимъ онъ пишетъ: *

«Не думай, чтобы мнѣ было такъ легко завладѣть комедіанткой, какъ многіе изъ насъ называютъ актрисъ. Не думай, чтобы Шарлота походила на другихъ. Еслибъ она не была тѣмъ, чѣмъ есть въ-самомъ-дѣлѣ, я-бы скоро отказался отъ такой победы, потому-что мнѣ страшно надоѣли любовныя похождения; я пресыщенъ ими по горло. Домъ матери ея не принадлежитъ къ числу тѣхъ домовъ, гдѣ можно вести интригу въ родѣ твоихъ интригъ. Кто не умѣетъ прилично держать себя, того тамъ не принимаютъ. Шарлота пользуется здѣсь наилучшею репутаціею и живетъ подъ надзоромъ матери, воспитавшей ее въ правилахъ чести и добродѣтели. Увѣрю тебя, что во всѣхъ слояхъ общества можно найдти такихъ-же честныхъ людей, какъ и между дворянами. Ш., полубратъ Шарлоты, директоръ здѣшняго театра, повидимому весьма порядочный человекъ. Онъ прекрасный актеръ, и во многихъ роляхъ неподражаемъ; но скорѣе комикъ чѣмъ трагикъ; въ обыкновенной-же жизни вовсе не походитъ на актера. Старшую сестру также уважаютъ, какъ и Шарлоту, за умъ и умъне держать себя. Она прекрасно играетъ, съ большимъ искусствомъ, чѣмъ Шарлота; въ талантъ ея больше изученія, правильности... Шарлота-же напротивъ—сама природа; она играетъ какъ чувствуетъ, и вся превращается въ дѣйствующее лицо пьесы».

* Переписка Зильбурга съ другомъ его, по этому дѣлу, находится въ рукахъ нашихъ; впоследствии мы можемъ привести и другіе отрывки.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о своемъ прошедшемъ:

Еслибъ ты зналъ, какъ я усталъ! Какое отвращеніе чувствую къ глушамъ нашего вѣка! Какъ мнѣ надоѣло глядѣть и слушать ихъ! Они рождаются, растутъ, любятъ, чувствуютъ и умираютъ, смотря по произволу рутины, которую называютъ закономъ природы. Какъ охотно я отдалъ-бы еще графиню и санъ, и титулъ, и все остальное, только сердце оставилъ-бы Шарлотъ! Право я люблю ее!.. Клянусь тебѣ всѣмъ, чѣмъ хочешь... И хочешь-ли все знать? она тоже любитъ меня! Да, любить!.. И я изнемогаю отъ полноты чувствъ, отъ восторга!.. Въ зеркаль глазъ ея я видѣлъ каждое бѣненіе ея сердца; и еслибъ увѣренность моя была ничто иное, какъ безуміе, неужели-бы внутреннее чувство не сказало мнѣ это!.. Малѣйшее движеніе ея, вздохъ, едва слышнѣй, глаза... все однимъ-словомъ говоритъ, что она любитъ меня! Найду-ли я когда довольно страстную душу, которая могла-бы понять мое упоеніе... Ты, мой другъ, ты холоденъ, какъ ледъ у сѣвернаго полюса!—Можетъ-быть ты потребуешь описаніе Шарлоты?.. Шарлота... Но какими красками нарисовать ея кроткій образъ? Прежде всего, не забывай, что у меня не твои глаза, а главное не твое воззрѣніе на предметы... Хороша она? спросишь ты. Разумется! отвѣчу я; но развѣ ты думаешь, что любимая женщина непременно должна быть хороша?.. Что до меня касается, то я не промѣняю выразительное лицо Шарлоты на идеаль греческой красоты; если хочешь, называй это капризомъ; но я не первый и не послѣдній изъ тѣхъ, которые обожаютъ свой капризъ. Изъ всѣхъ созданій, населяющихъ міръ, на поверхности котораго онъ копошатся, нѣтъ загадочнѣе существа, какъ человекъ; онъ никогда не знаетъ, куда стремится, чего хочетъ и что именно любить. Чего-жъ ты хочешь наконецъ?.. спрашиваешь ты меня. — Обладать Шарлотой?.. Да, да!.. Я отдалъ-бы все, за то только, чтобъ обнять ее... Да развѣ она не для меня именно создана? Ахъ, любезный Т., сколько мученій въ одной этой мысли! Я стану проклинать существованіе свое, если вмѣсто блаженства, любовь эта будетъ мучить меня.

«Чѣмъ кончится все это? спросишь ты. Я никогда не терпѣлъ этого вопроса. Не зная еще, въ какую сторону идетъ любовь эта, не могу слѣдовательно отвѣчать, чѣмъ она кончится. Развѣ ты думаешь, что я не знаю васъ всѣхъ и вашихъ понятій, когда вы хоть на сколько-нибудь выходите изъ обыкновеннаго круга

вещей: васъ все удивляетъ тогда, какъ-будто вы только-что спустились съ облаковъ. Вообрази себѣ дувушку, которая вовсе не походить на извѣстный типъ красавицъ древности или среднихъ вѣковъ, но которая, повидимому, служила имъ всею образцомъ. Она умна, пріятна, добра, говорить, если ужъ тебѣ хочется все знать, на трѣхъ иностранныхъ языкахъ, и говоритъ въ совершенствѣ, и при всемъ этомъ еще добродѣтельна. Чего еще не достаетъ ей? спрашиваю я тебя въ свою очередь. Развѣ только куска стараго, истертаго пергамента, чтобъ бѣсить вашихъ чопорныхъ, свѣтскихъ женщинъ. сіяющихъ поддельнымъ блескомъ красоты и добродѣтели? Да, Шарлотъ не достаетъ только знатности рода... а не то—я-бы женился можетъ-быть

Окончивъ письмо это, доказывающее шаткость чувствъ его, Зильбургъ позвалъ Олафа, и приказалъ отнести письмо въ Альтону, къ коменданту, который отправлялъ курьера съ депешами въ Копенгагенъ. Негръ принялъ приказаніе съ обыкновенною своею покорностью, но зоркій глазъ его очень хорошо замѣтилъ что между содержаніемъ письма этого и радостнымъ лицомъ его господна есть что-то общее. Онъ самъ горевалъ, что приходится разставаться съ Гамбургомъ, потому-что ему гораздо пріятнѣе было проводить время въ тавернѣ, чѣмъ въ скучной резиденціи Шлезвига, гдѣ стоялъ полкъ его господина. Тамъ не было такого отличнаго грога, какъ здѣсь, не было веселой музыки, такихъ разгульныхъ товарищей и такихъ красавицъ. Какъ радъ былъ Олафъ, когда узналъ, что баринъ остался, и съ какою поспѣшностью началъ развязывать и раскладывать уже уложенныя вещи! Черное, мрачное лицо его просіяло; онъ не помнилъ себя отъ радости; цѣловалъ руки барону и на изковерканномъ немецко-датскомъ языкѣ осыпалъ его самыми нежными, самыми восторженными ласками и благословеніями, и клялся въ вѣчной любви и преданности. Хотя баронъ не думалъ разпрашивать Олафа, однако тотъ началъ рассказывать ему все, все, чѣмъ онъ наслаждался въ Гамбургѣ, какъ, несмотря на черное лицо свое, онъ нравился гамбургскимъ женщинамъ, какъ ревнивые матросы колотили его, и т. д: но вѣдь онъ не умеръ-же отъ этого.

— Да, я давно знаю, что ты большой кутила, сказалъ осмѣхомъ баронъ. Но скажи, сдѣлай милость, что дѣлаешь ты съ табачницей? До-сихъ-поръ ничего не узналъ о ребенкѣ!.. Настоящій тюлень! Ты сталъ глупъ, пріятель потерялъ чутье свое;

изъ хорошей собаки превратился въ негоднаго, стараго пса. Убирайся, или я пошлю наказать тебя.

Услышавъ это, Олафъ страшно вскрикнулъ, какъ кошка бросилъ на трость, стоящую въ углу, и пихая ее въ руки Зильбурга закричалъ умоляющимъ голосомъ.

— Бей, масса, бей меня!.. но не посылай наказывать... Я стою палки... Олафъ безумный — но неглупый. Олафъ собака, но не старая... У собаки Олафа чуткій носъ еще. Бей, масса, за то, что табачница не хочетъ сказать Олафу гдѣ ребенокъ... Вельможные господа унесли его,.. вотъ все, что я знаю. Бей, масса, Олафъ любить, когда его бьютъ; онъ счастливъ, когда поймаетъ нѣсколько ударовъ.

— Вельможные господа? спросилъ баронъ съ проницей и любопытствомъ. Не бойся, Олафъ, я шутилъ, ты навсегда останешься у меня, до конца жизни своей, и съ тобой будутъ лучше обходиться.

Услышавъ такое необыкновенно-милостивое обѣщаніе, негръ, который вымаливалъ какъ милости у господина своего, сколько ударовъ ему угодно будетъ назначить, вдругъ сдѣлался мрачнымъ; опустилъ на грудь курчавую свою голову, скрестилъ на груди руки, и нѣсколько минутъ стоялъ неподвижно въ этомъ положеніи.

Барону стоило большихъ трудовъ утѣшить негра и увѣрить, что онъ прощенъ.

Наконецъ Зильбургъ узналъ подробно о всѣхъ попыткахъ Олафа выведать что-нибудь отъ табачницы, чтобъ открыть слѣдъ ребенка несчастной Берты. Зильбургъ удостовѣрился тогда, что шпионъ его дѣйствуетъ ловко и ревностно; но что хитрая женщина, не сказавъ ничего положительнаго, дала понять однако, что ребенокъ находится въ хорошихъ рукахъ, что его любятъ и тщательно воспитываютъ. Олафъ объявилъ наконецъ господину своему что не совсѣмъ еще отчаявается узнать тайну и если онъ не могъ ничего добиться добрымъ словомъ, то попробуетъ другимъ манеромъ. Несмотря на всю свою нахальность, табачница была ужасная трусиха и, какъ глупое дитя, боялась злыхъ духовъ. Вотъ на чемъ Олафъ основывалъ свои надежды. Можетъ-быть внезапный страхъ развяжетъ ей языкъ гораздо скорѣе, чѣмъ всевозможныя ласки и любезности стараго и гадкаго негра.

Зильбургъ былъ занятъ тогда слишкомъ важными для него дѣлами, чтобъ интересоваться такъ-же живо, какъ прежде, бѣд-

нымъ ребенкомъ. Женщина, ради которой онъ отыскивалъ его, хотя и занимала еще его мысли, но уже въ другомъ родѣ; такъ, что въ настоящую минуту онъ мало заботился о поискахъ и открытіяхъ негра. Мать умерла, слѣдовательно, отецъ почти пересталъ думать о малюткѣ; но несмотря на это, онъ приказалъ негру быть осторожнымъ, сунулъ ему въ руку червонецъ и послалъ съ письмомъ въ Альтону, для пересылки въ Копенгагенъ.

Олафъ вышелъ съ твердою рѣшимостью доказать господину своему какою-нибудь важною, услугою, что онъ все еще способенъ на смѣлыя предпріятія и хитрости, и все еще умѣетъ, какъ въ былое время, обдѣлать какое угодно дѣло.

III.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ НОВУЮ-ЗЕЛАНДІЮ.

II.

Между-тѣмъ «Казуаръ» спокойно стоялъ на якорѣ; матросы, по уходѣ шлюпки, безпечно расположились на палубѣ, подѣ тѣнью большаго брезента (*), и безпечно посматривали на синія волны, едва колеблемыя слабымъ вѣтеркомъ. Океанъ казался усыпленнымъ подѣ полуденнымъ небомъ; даже рыбы искали убѣжища въ прохладныхъ коралловыхъ гротахъ; изрѣдка лишь показывался на поверхности воды одинокій дельфинъ, сіяющій золотомъ и яркими цвѣтами; водяныя птицы лѣниво расправляли свои крылышки. Никого не было близъ руля, но на ютъ, какъ-бы случайно, сошлись конвиктъ Нидъ и его новый пріятель, ирландецъ Виль.

— Виль, шепнулъ конвиктъ, тихонько толкая локтемъ своего товарища.

Ирландецъ поднялъ немного голову и внимательно посмотрѣлъ вокругъ себя.

— Когда кокъ позоветъ къ обѣду, продолжалъ тихимъ голосомъ Нидъ, ты пойди къ нему и сдѣлай что я тебѣ скажу. Я не оставилъ моего намѣренія, и теперь самое лучшее время для выполненія его.

* Смоленая парусина.

— Но въ чемъ оно состоитъ? спросилъ другой. — Намъ нельзя броситься въ воду и плыть; лучше цѣлый вѣкъ оставаться матросомъ, чѣмъ быть съѣдену акулой; шлюпки-же намъ двоимъ не спустить.

— Двоимъ, конечно, нельзя, отвѣчалъ Нидъ; но у меня есть на это планъ. Впрочемъ время не терпитъ: ступай и вертись около кока, и когда онъ станетъ наливать баки (*), кричи «парусъ вперед!» Если ничего не увидятъ, расхохочутся, и дѣлу конецъ; ты-же возвратись сюда такъ, чтобъ тебя не замѣтили. Понимаешь-ли?

— Что-жъ изъ этого выйдетъ?

— Увидишь, отвѣчалъ конвиктъ, повернувшись къ нему спиною.

Виль оставался тутъ минуты двѣ, безопасно протягивая свои ноги, потомъ всталъ и пошелъ потихоньку, переваливаясь со стороны на сторону, на бакъ, гдѣ поваръ, дородный негръ, котораго матросы въ шутку прозвали докторомъ, возился съ своими кострюлями и баками вокругъ небольшой чугунной печки, такъ что потъ катился крупными каплями съ его лица. День былъ праздничный. Чтобъ утѣшить людей за то, что не пустилъ ихъ на берегъ, Томсонъ велѣлъ угостить ихъ свининой и пудингомъ; уже нѣсколько посланниковъ являлись къ коку, для осведомленія: будетъ-ли готовъ роскошный обѣдъ къ полудню. Нидъ все это хорошо зналъ, и потому не наобумъ строилъ свои батареи.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ теперь находился, и именно близъ штурвала, стояли два ведра, выкрашенные зеленою краскою, съ означеніемъ имени шкуны, наполненные грязнымъ бѣльемъ, принадлежавшимъ капитану и его помощнику, тиммерману. Нидъ, зная цѣну деньгамъ и не пренебрегая никакимъ случаемъ къ увеличенію казны своей, вызвался за нѣкоторую плату мыть бѣлье двухъ своихъ начальниковъ, — и лишь только товарищъ его удалился, онъ тотчасъ принялся за это дѣло.

Возлѣ двухъ ведеръ съ бѣльемъ, наполненныхъ до верху морскою водою, онъ поставилъ одно пустое, и вынимая по-очереди рубашки, выжималъ ихъ и клалъ въ пустое ведро, пока оно не наполнилось до половины; потомъ поставилъ его на гакабортъ, и вылилъ воду изъ опроставшагося ведра.

— Твое ведро, Нидъ, упадетъ за бортъ при малѣйшей качкѣ

* Деревянные чаши.

судна, вскричалъ проходившій мимо юнга; притомъ-же оно и безъ конца (*).

— Знай свое дѣло, проворчалъ конвиктъ, посмотрѣвъ искоса на насмѣшливое лицо удалявшагося мальчика и продолжая свою работу. Но безпокойный его взглядъ часто обращался на бакъ, гдѣ Виль, облокотясь на шпиль, казалось, дремалъ, не обращая вниманія на движенія «доктора». Однакожь, когда послѣдній пошелъ отъ камбуза (**) съ бакомъ въ рукахъ, прландецъ приблизился къ борту и наклонился впередъ, опираясь на якорную лану; потомъ, приложивъ къ глазамъ руку, наподобіе зонтика, сталъ смотрѣть на горизонтъ, гдѣ какъ-будто виднѣлись бѣлыя пятнышки. Остальные матросы мало объ этомъ заботились; одни потому, что не думали встрѣтить въ этихъ водахъ морскихъ разбойниковъ, другіе потому, что все ихъ вниманіе сосредоточивалось на поварѣ.

Подъ ногами конвикта валялся хлопокъ пакли отъ распущеннаго конца веревки; онъ поднялъ его и бросилъ въ воду, смотря, куда понесетъ его теченіемъ. Хлопокъ несся прямо на коралловый рифъ, и конвиктъ не могъ внутренно не усмѣхнуться, когда въ эту самую минуту показалась на поверхности воды огромная черная акула. Онъ принялся опять за свое дѣло, и замѣтивъ шедшаго къ нему тиммермана, «нелегкій-бы тебя побралъ! пробормоталъ сквозь зубы:—Присутствіе капитанскаго помощника разстроивало его планы.

— Парусъ впереди! вскричалъ въ эту минуту прландецъ. Удивленный тиммерманъ обернулся, чтобъ посмотрѣть на этотъ парусъ, а Нидъ, какъ-бы ненарочно, уронилъ ведро съ бѣльемъ въ море.

— Не говорилъ-ли я тебѣ, что упадетъ! вскричалъ юнга, который опять тутъ очутился и бросился къ гака-борту. — Вотъ тебѣ и рубашки тиммермана! Однако развѣ я не могу броситься за ними въ воду? Съ этими словами онъ живо снялъ съ себя куртку, и готовъ былъ кинуться въ море, чтобъ спасти ведро, которое понеслось уже теченіемъ.

Но до этого не хотѣлъ допустить его Нидъ, чтобъ не разстроились его планы. — Остановись! вскричалъ онъ, схвативъ

* Конецъ значить веревка.

** Морская кухонная печка.

за руку отважнаго мальчика; — остановись, или ты пропалъ! Развѣ не видишь акулы?

— Что тамъ? что такое? вскричалъ тиммерманъ, увидѣвъ издали какой-то безпорядокъ. Что это? Ведро плыветъ съ моими рубашками! Нидъ, разбойникъ, это твои проказы. Но я удержу пзъ твоего жалованья за мои рубашки. Промоешь у меня ихъ цѣлый годъ. Оставишь-ли ты сей-часъ юнгу! Зачѣмъ ты его держишь?

— Онъ, сударь, хотѣлъ броситься въ море, отвѣчалъ конвиктъ, съ поддѣльнымъ сокрушеніемъ.

— А тебѣ какое дѣло, негодяй? Развѣ ты его нянька? Или тебѣ хочется, чтобъ пропали капитанскія рубашки? . Ступай, молодецъ; акула еще не близко. Тысяча громовъ! Нельзя однокжъ шутить съ акулами. И вспомнивъ, что теперь онъ одинъ отвѣчаетъ за сохраненіе команды, подумалъ, что если юнга возвратится цѣль и невредимъ на шкуну, матросы, ободренные его примеромъ, пожалуй, пустятся вилавъ къ берегу, тѣмъ болѣе, что до него было недалеко, и приливъ могъ пособлять имъ. Впрочемъ юнга, понявъ опасность, началъ уже охлаждать къ своему рыцарскому подвигу, для спасенія капитанскихъ рубашекъ, и отретировался на второй планъ.

Но вотъ послышался крикъ кока: — Къ объду, дѣтушки, къ объду!

— Не трогаться! завопилъ тиммерманъ, видя, что матросы бросаются на этотъ зовъ, и дадутъ тотчасъ шарапъ. — Шлюпку на воду! Ну, плуты! не повторять-же вамъ! живѣй! Гдѣ Виль? Пособляй, негодяй, твой парусъ всему причиною! Живѣй, морскіе волчата, ведро не ждетъ васъ! Оно плыветъ, какъ португальскій корабль! Что до тебя, Нидъ, ты отвѣдаешь линьковъ, когда капитанъ воротится. Я-бы желалъ, чтобъ не успѣли снасти рубашекъ.

Но читая эту проповѣдь виновному и бросая на него свирѣные взоры, онъ всячески старался спустить скорѣе шлюпку въ море, настоящую пово-зеландскую лодку, носъ которой украшенъ былъ богатою рѣзьбою, а корма перьями албатросовъ. Съ двумя легкими и короткими веслами, она была такъ мала и узка, что двоимъ трудно было въ ней помѣститься, по этому тиммерманъ объявилъ, что пустится одинъ и догребетъ до ведра, которое уплыло сажень на сто отъ шкуны. Нидъ не рѣшился на этотъ разъ предложить своихъ услугъ, зная напе-

редь, что онъ будутъ отвергнуты; при томъ такой вызовъ могъ возбудить подозрѣніе, за нимъ стали-бы наблюдать, и это разстроили-бы его проекты.

Тиммерманъ, прежде чѣмъ вскочилъ въ лодку, приказалъ матросамъ не сходить съ палубы до его возвращенія, чтобъ быть готовымъ тотчасъ опять поднять ее на корму.

Весьма вѣроятно, что экипажъ и исполнилъ-бы это приказаніе, еслибъ не послышался снова голосъ нетерпеливаго кока: — Обѣдъ готовъ, дѣтушки; если будете звать простынетъ; При этихъ словахъ ирландецъ, отличавшійся громаднымъ аппетитомъ, угадывая намѣренія Ниды, бросилъ свою табачную жвачку въ море, и запустивъ руки въ карманы, отправился твердыми шагами на бакъ, говоря:

— Мы кончимъ до его возвращенія.

— Лучше подождать его, Виль, кричали ему двое матросовъ: онъ будетъ шумѣть и ругаться цѣлый день.

— Пусть его, проворчалъ Виль; у насъ за обѣдомъ нечасто бываетъ свинина, и я не намѣренъ придти къ столу последнимъ. Говоря это, онъ шелъ прямо къ горячему блюду, отъ котораго шелъ паръ; прочіе сѣвшили за нимъ зная, что если ирландецъ начнетъ прежде другихъ, — опоздавшимъ останутся одни косточки.

И такъ когда тиммерманъ гребъ изъ всей мочи къ ведру, экипажъ толпился на бакъ, чтобъ получить хорошія порціи отъ вкуснаго обѣда. Одинъ Нидъ остался на кормѣ, ожидая возвращенія шлюпки. Тиммерманъ не заставилъ долго ждать себя: онъ замѣтилъ, что люди оставили свои мѣста, а для чего — угадать было не трудно. Ругнувъ проклятыхъ обжоръ, и особенно эту «висѣличную птицу», для которой у него готово было немедленное наказаніе, онъ сильнымъ ударомъ весла достигъ до ведра. Схватить его за обручъ и поставить въ лодку, было дѣломъ мгновенія; послѣ чего тиммерманъ началъ гребти къ шкунѣ. Теперь теченіе моря было ему противное; но для узкихъ и остроносыхъ новозеландскихъ лодокъ — это небольшая помѣха. Маленькая шлюпка скоро очутилась подъ кормою шкуны, откуда Нидъ бросилъ конецъ и притянулъ имъ лодку. Черезъ секунду тиммерманъ былъ уже на палубѣ.

— Гдѣ-жъ команда, завопилъ онъ, бросая ведро на палубу и топая ногами.

— Обѣдаетъ, сударь, отвѣчалъ съ покорностію конвиктъ.

Я имъ говорилъ, чтобъ подождали, но они не хотѣли меня слушать. Что касается до васъ... васъ...

— До васъ... васъ... Говори дальше? вскричалъ раздраженный тиммерманъ, что ты лепечешь... до васъ?

— Я не смѣю повторить, что они сказали, отвѣчалъ Нидъ, отступая назадъ.

— Что сказали они тебѣ, мошенникъ? воскликнулъ тиммерманъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Пропоешь-ли ты мнѣ, проклятая висельничная птица, или надо развязать тебѣ языкъ?

— Они сказали, что вы все съѣдите, если будутъ васъ ждать, отвѣчалъ Нидъ, продолжая свое отступленіе.

Не говоря болѣе ни слова, тиммерманъ пробормоталъ сквозь зубы грубую побранку, и схвативъ бывшій подлѣ него конецъ, отправился на бакъ. Въ эту самую минуту ирландецъ Виль, слѣдя за всеми движеніями тиммермана, и видя, что настало время дѣйствовать, схватилъ ведро, съ которымъ было столько хлопотъ, и слѣдуя за Нидомъ, бросился съ нимъ въ лодку; послѣдній перерезалъ веревку, и шлюпка была на свободѣ.

Все это сдѣлалось такъ скоро, что бѣглецы могли-бы быть совершенно безопасны, еслибъ за ними не наблюдалъ юнга, явившійся на ютъ въ ту самую минуту, какъ Виль исчезалъ съ кормы. Считаая напраснымъ звать ихъ назадъ, онъ кинулся на бакъ, гдѣ тотчасъ сдѣлалась тревога. Изрыгая страшныя проклятія, старый морякъ, какъ разъяренный тигръ, устремился на корму, но было поздно: маленькая лодка неслась быстро теченіемъ, и Нидъ, сидя на кормѣ, поднялъ весло, и махая имъ, кричалъ, смѣясь — Прощайте, сударь, прощайте! мы веземъ рубашки капитану; онъ не разсердится на насъ: время жаркое и перемѣнить бѣлье нехудо. Поклонитесь отъ меня моимъ сиднейскимъ друзьямъ.

Тиммерманъ, понявъ въ чемъ дѣло, побѣжалъ въ свою каюту, и возвратясь съ карабиномъ, прицѣлился имъ чрезъ бортъ, въ шлюпку, крича изъ всей мочи: — Стой, стой! или я выстрѣлю!

— Ложись, Виль, ложись! вскричалъ съ живостію конвиктъ, и въ то-же время бросился на дно шлюпки. Но ирландецъ, отъ того-ли, что шлюпка качалась, или отъ того, что испугался угрозы тиммермана, вмѣсто того, чтобъ последовать примѣру своего товарища, обернулся и подставилъ широкую свою грудь для цѣли. Пламя блеснуло, и ирландецъ съ воплемъ упалъ на бортъ шлюпки. Конвиктъ, видя двойную опасность, бросился на другой бортъ,

но и раненный покотился на ту же сторону; легкій челнъ хлебнулъ воды и выбросилъ въ море свой живой грузъ. Ирландецъ уцѣпился было за бортъ шлюпки, но его покрыло волной.

Радостный крикъ раздался со шкуны; но радости тиммермана не разделяли матросы, смотрѣвшіе съ ужасомъ на показавшуюся стаю акулъ близъ того мѣста, гдѣ опрокинулась шлюпка. Видно было, что чудовища приближаются къ двумъ человѣкамъ, бьющимся въ волнахъ. Въ ожиданіи страшной развязки матросы притаили дыханіе. Между-тѣмъ шлюпка показалась опять на поверхности моря, и неслась по теченію; борты ея чуть-чуть выходили изъ воды. Нидъ, державшійся за одинъ край, хотѣлъ вылить изъ шлюпки воду, но не въ силахъ былъ сдѣлать это одинъ; взглянувъ на своего товарища, не можетъ-ли онъ ему пособить, взоры его упали на бурунъ, разбивавшійся на коралловомъ рифѣ. Видя, что они быстро несутся на этотъ рифъ, онъ понялъ всю опасность своего положенія, и невольно измѣрялъ разстояніе, удалявшее его отъ шкуны; но еслибъ онъ и захотѣлъ воротиться назадъ и наложить на себя разорванныя имъ оковы, — исполнить это было невозможно, потому-что разстояніе было слишкомъ велико, чтобъ отважиться переплыть его.

— Нидъ, прошепталъ несчастный его товарищъ, я раненъ, пуля прострѣлила мнѣ плечо. Постараемся вылить воду изъ шлюпки, у меня есть еще немного силы, но я чувствую, что она исчезаетъ.

— Мы не можемъ вылить воду! вскричалъ конвиктъ, и въ ту же минуту остановился, увидѣвъ на гребнѣ ближайшей волны разверзтую пасть огромной акулы. Ну, Виль, намъ ничего не остается болѣе, какъ плыть къ берегу; впереди насъ акула.

— Акула! повторилъ ирландецъ, какъ-будто въ этомъ словѣ, а не въ пуль, пущенной тиммерманемъ, заключался его смертный приговоръ. Въ-самомъ-дѣль, какое слово можетъ быть страшнѣе для пловца? Оно уничтожаетъ его физическія силы, какъ электрической ударъ ската. Акула! повторялъ онъ, стараясь опять уцѣпиться за бортъ шлюпки. Акула! О! Царица Небесная, мы погибли!

Нидъ съ минуту былъ въ нерѣшимости. Оставить-ли шлюпку и спастись самому? Но въ такомъ случаѣ, что будетъ съ его товарищемъ? Когда онъ объ этомъ думалъ, взоры его устремились на лицо несчастнаго Вилы, который, опираясь грудью на край шлюпки, дико смотрѣлъ на страшное чудовище. Нидъ замъ-

тилъ также, что кровь текла изъ его раны и окрашивала вокругъ него воду. Оставаться тутъ долѣе, значило обрекать себя на явную смерть. Акула, вѣроятно привлеченная сюда ружейнымъ выстрѣломъ или воплемъ жертвы, примѣтила кровь, и Вилю невозможно избѣжать этого страшилища. Средства для устрашенія акулъ, какъ то хлопанье въ ладони, крикъ, удары по водѣ веслами, не могли быть употреблены ими; и такъ, не слушая мольбы Виля, Нидъ потихоньку оставилъ шлюпку и изъ всей силы поплылъ къ берегу. Лишь только замѣтили это на шкунѣ, невольный крикъ выразилъ негодованіе всего экипажа къ столь гнусному поступку.

Крикъ этотъ, достигшій до Виля, казалось, напомнилъ несчастному всю безнадежность его положенія. Онъ увидѣлъ, что товарищъ измѣннически его оставляетъ; онъ бросилъ отчаянный взглядъ на шкуну, но не смѣлъ просить о помощи, чтобъ не привлечь къ себѣ страшнаго непріятеля, и собравъ послѣднія свои силы, устремился противъ теченія къ судну. Тщетныя усилія! Приливная волна относила его далѣе, съ лишеніемъ крови истощались его слабыя силы, на минуту возбужденныя страхомъ смерти.

Между-тѣмъ акула все къ нему приближалась. Не привлекала-ли ее къ себѣ кровь жертвы? Повидимому, чудовище двигалось на удачу. Между-тѣмъ на шкунѣ кричали, стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Оглушенное этимъ шумомъ, чудовище описывало разные круги, и однажды устремилось было прямо къ шкунѣ; тогда оно находилось такъ недалеко отъ шлюпки, что одно движеніе волнъ могло приносить ему запахъ крови. Вдругъ чудовище остановилось и осталось неподвижнымъ на поверхности моря, опустивъ свои плавательныя перья. Лучъ надежды блеснулъ въ сердце ирландца; можетъ-быть акула сбилась съ пути, и ему есть еще возможность доплыть до берега, но чудовище остановилось для того, чтобъ вѣрнѣе настичь свою жертву, и маневрируя то налѣво, то направо, еще остановилось на полминуты; потомъ, какъ-бы увѣрся въ успѣхъ, съ такою силою ринулось впередъ, что половина его блестящаго тѣла вышла изъ кипящихъ волнъ. Секунду спустя, оно плыло прямо къ лодкѣ, за которую несчастный ирландецъ опять уцѣпился, вперивъ свои глаза на страшнаго непріятеля. Видя, что смерть къ нему приближается и нечего ждать спасенія отъ товарищей, онъ хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе, чтобъ избавиться ожидаю-

щей его участи. Ирландецъ бросился прочь отъ своего противника, но силы его оставили, голова склонилась на грудь, онъ дѣлалъ еще безполезныя движенія, и, казалось, самъ влекъ себя въ пасть акулы. Чудовище устремилось къ нему навстрѣчу; его бѣлое, лоснящееся брюхо сдѣлалось виднымъ; крикъ, тотчасъ-же заглушенный предсмертнымъ страданіемъ, вырвался у жертвы. Черезъ нѣсколько секундъ, слѣды крови, да волненіе воды означали мѣсто, гдѣ человекъ нашелъ столь страшную смерть. Что дѣлалъ между-тѣмъ измѣнникъ конвиктъ? Онъ былъ уже далеко и не могъ видѣть гибели своего несчастнаго товарища; но послѣдній крикъ страдальца достигъ до его ушей и далъ почувствовать, что и ему грозитъ бѣда, если другія акулы, привлекаемыя кровью, покажутся въ заливѣ. Побуждаемый страхомъ, онъ удвоилъ свои силы, чтобъ достигнуть берега, который былъ уже невдалекѣ. И такъ онъ плылъ безъ оглядки назадъ, зная, что дѣло идетъ о его жизни, и когда наконецъ волны выбросили его на песчаное побережье, онъ лишился уже чувствъ; ему смутно казалось, что онъ поднять дружескими руками; онъ хотѣлъ было взглянуть вокругъ себя, но отягченныя вѣки закрывались; послѣднее самосознаніе исчезло, и онъ упалъ въ глубокой обморокъ.

Сколько времени оставался онъ въ такомъ положеніи, ему было неизвѣстно, но когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ, что лежитъ подъ тѣнію деревьевъ, тихо колеблемые листья которыхъ распространяли вокругъ пріятную прохладу; онъ былъ окруженъ новозеландцами, изъ которыхъ одинъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, держа въ рукѣ булаву и имѣя на головѣ соколиныя перья, склонился надъ нимъ и наблюдалъ его съ мрачнымъ вниманіемъ. Лишь только онъ сталъ приходить въ себя, то со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы на новозеландскомъ языкѣ. Нида дѣлалъ знаки, что этого нарѣчія не понимаетъ; тогда человекъ съ соколиными перьями, казавшійся начальникомъ, спросилъ его на чистомъ-англійскомъ языкѣ: зачѣмъ онъ пришелъ на ихъ землю. У Нида отвѣтъ былъ готовъ; онъ могъ сказать, что отыскиваетъ ближайшее европейское селеніе; но онъ понялъ, что найдетъ себя лучшей пріемъ, если скажетъ, что его взяли силою на англійское судно, стоящее на якорѣ въ заливѣ, и какъ съ нимъ дурно обращались, то онъ предпочелъ искать убѣжище между природными жителями Новой-Зеландіи, рискуя на пути быть съѣдену акулами.

— Развъ желтая куртка составляет форменную одежду англійскихъ матросовъ? спросилъ новозеландскій начальникъ, когда тотъ кончилъ свою исторію.

— Желтая куртка! повторилъ конвиктъ, приведенный въ замъшательство этимъ вопросомъ; но начальникъ, повидимому не замъчая его замъшательства, протянувъ руку по направленію къ маленькой рѣчкѣ Та-по-кай, спросилъ его:

— Кому принадлежитъ эта лодка, и гдѣ бывшіе на ней люди?

Нидъ колебался сказать истину: онъ помышлялъ о сокровищѣ, и не зналъ, открыть-ли тайну начальнику, чтобъ заслужить его благосклонность, или хранить ее, чтобъ воспользоваться одному всѣмъ богатствомъ. Но въ настоящихъ обстоятельствахъ могъ-ли онъ на последнее рѣшиться? Когда онъ строилъ свои планы, то надѣялся на помощь ирландца; теперь-же онъ былъ одинъ и безъ оружія. И такъ нельзя было объ этомъ и думать, и онъ предложилъ начальнику, если тотъ поручится за сохраненіе его жизни, открыть важную тайну, для полученія великаго сокровища.

Ему обещали это. Тогда ободренный первымъ успѣхомъ, Нидъ просилъ защиты противъ преслѣдованій бѣлаго чловека, и принять его въ общество новозеландцевъ. Но эта просьба отвергнута была съ презрѣніемъ.

— Я обещалъ тебѣ жизнь, вскричалъ начальникъ, это болѣе, чѣмъ ты могъ ожидать! Ясно, что ты пришелъ сюда не изъ любви къ намъ. Что касается до твоей помощи, она не нужна намъ: съ той минуты, какъ три чловека вступили на нашу землю, одинъ изъ моихъ шпионовъ ихъ преслѣдуетъ, а лодка уже въ моихъ рукахъ; впрочемъ, если удержишь свое обещаніе, часть богатства будетъ дана тебѣ. Золото есть идоль бѣлыхъ людей: для тебя и этого достаточно.

Это было болѣе, чѣмъ могъ ожидать конвиктъ, невоображавшій, что дикари захотятъ подѣлиться съ нимъ сокровищемъ, которое будетъ въ ихъ рукахъ. Онъ возобновилъ обещаніе служить имъ вѣрно, и передалъ имъ все, что зналъ: какъ одинъ бѣлый чловекъ, переодѣтый въ новозеландца, съ опущенной на лицо рогожкой, сошелъ съ другими на берегъ, для показанія земли, которой владѣлъ по акту, выданному ему начальникомъ Гаки.

Начальникъ, необращавшій сначала большаго вниманія на этотъ разсказъ, сталъ потомъ показывать явное нетерпѣніе, однакожь

не перебивалъ рѣчи конвикта, доколь тотъ не разсказалъ всего слышаннаго имъ на шкунѣ; только тогда онъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ на счетъ презрѣннаго человека, осмѣливаго поирать ихъ землю подѣ прикрытіемъ самаго священнѣйшаго для нихъ закона. Нидъ сдѣлалъ точнѣйшее описаніе извѣстнаго намъ Гумфри, и по-мѣрѣ-того какъ говорилъ, новозеландскій начальникъ покачивалъ головою, и звѣрское удовольствіе изображалось на его лицѣ. Напослѣдокъ онъ удалился къ своимъ людямъ, и по свирѣпымъ жестамъ, сопровождавшимъ его слова, конвиктъ могъ убѣдиться, какія страсти возжигалъ онъ въ сердцахъ дикарей.

Никто болѣе не помѣшлялъ о Нидѣ, и воины, расположившись на травѣ, нѣсколько часовъ отдыхали подѣ тѣнью высокихъ деревьевъ. Солнце давно уже перешло возвышеннѣйшую точку, и тучи, показавшіяся на югѣ, мало-по-малу стали застилать сводъ небесный, какъ вдругъ послышался трескъ въ кустарникахъ, и изъ чащи лѣса явился воинъ, лицо котораго носило еще знаки недавней татуировки. Нидъ не могъ понять, какія онъ принесъ вѣсти, но очевидно было, что онъ важны и ихъ ожидали; потому-что шіюны начали со всѣхъ сторонъ стекаться, и число новозеландцевъ возрасло до пятнадцати человекъ.

Они раздѣлились на двѣ толпы; одна осталась въ лѣсу, а другая, молча пробиралась по опушкѣ лѣса, къ тому мѣсту, гдѣ потокъ Та-по-кай впадаетъ въ море. Нидъ порученъ былъ стражѣ двухъ воиновъ, принадлежавшихъ къ послѣдней шайкѣ. Отъ него требовали только того, чтобъ онъ отъ нихъ не отлучался; смотря на звѣрскія лица индѣйцевъ, если мысль о побѣгѣ могла когда-либо придти къ нему въ голову, то теперь онъ долженъ былъ съ ней проститься. И такъ онъ рѣшился покориться своей участи, и когда послѣдняя изъ смуглыхъ фигуръ скрылась въ кустарникахъ, въ этомъ лѣсу воцарилась глубочайшая тишина, какъ-будто нога человѣческая никогда его не попирала, и страсти людскія не возмущали.

Въ глубинѣ лѣса столѣтнія деревья величественно покачивали своими высокими вершинами, и переплетаясь гигантскими вѣтвями, не пропускали солнечныхъ лучей подѣ свои священныя стѣны, чтобъ прикосновеніе ихъ не пожгло молодыхъ пальмъ и нѣжныхъ кустарниковъ, растущихъ подѣ ихъ защитой. Избѣгая полуденнаго жара, птицы скрывались въ кустарникахъ, и ящерица, скользя съ

вѣтви на вѣтвь или качаясь на легкомъ пруткѣ, преслѣдовала крылатое насѣкомое или ползущую гусеницу.

Черезъ прогалину лѣса виднѣлась вдали отлогая возвышенность, осыпанная плодовитыми деревьями и особыми дорогими пальмами. Это было новозеландское па, т. е. хижина или, если угодно, крѣпостца, обнесенная заостреннымъ сверху частоколомъ, раздѣленная внутри на многіе сообщающіеся между собою дворики. Посрединѣ возвышалась хижина, которой крыша поддерживалась столбами, украшенными на верху фантастическими рѣзными изображеніями; вдоль стѣнъ были низкія лавки, и между двумя стойками висѣла порожняя койка, сдѣланная изъ волоконъ новозеландскаго льна. Но не видно тутъ было никакого живаго существа. Все носило печать опустошенія. Принадлежащія къ этой хижинѣ сарай и хлѣва также были пустехоньки. Кухня, прислоненная къ хижинѣ, вся была въ развалинахъ, съ проломленною крышей. Частоколь, отдѣлявшій ее отъ ближайшаго двора, вполнину повалился и былъ покрытъ мохомъ; на дворѣ не было домашнихъ животныхъ; одинъ только соколъ, вѣроятно, неподалеку свившій свое гнѣздо, леталъ надъ опустѣлыми строеніями, какъ-бы ища себѣ корма, но вотъ онъ взвился высоко въ воздухъ, и описывая все большіе и большіе круги, закинулъ горделиво голову и направилъ свой полетъ къ берегу. Онъ завидѣлъ своего непріятеля—человѣка, и едва онъ скрылся надъ высокими деревьями, какъ изъ кустарниковъ, ближайшихъ къ па, показалась странная фигура.

Это былъ Гумфри. Лице его покрыто было рогожкой; въ рукѣ онъ держалъ заряженное ружье. Выйдя изъ лѣса, долго, въ безмолвіи, смотрѣлъ онъ на свое прежнее обиталище. Но что случилось съ тѣми, которые раздѣляли его уединеніе? что случилось съ женою, дѣтьми, присутствіе которыхъ обращаетъ въ рай пустыню? Въ какой странѣ они блуждаютъ? Кто печется о пищѣ ихъ и нуждахъ? Или предполагать, что Гумфри жилъ тутъ одинъ, ничто не привязывало его къ этой хижинѣ, никто въ тоскѣ не ждалъ его возвращенія? Никому не было это известно. Гумфри не говорилъ о своемъ прошедшемъ. Тѣ, которые знали его въ Сидней, избѣгали пробуждать его воспоминанія, которыя, казалось, были ему непріятны.

Какія мятежныя мысли волновали его въ эту минуту, когда все прошедшее предъ нимъ предстало, когда окружающія его развалины живо напомнили ему прежнюю жизнь его здѣсь? Блѣд-

ность его лица, угрюмый взглядъ показывали страданія его души. Толпнувъ ногою, онъ проворчалъ сквозь зубы: Какое мнѣ дѣло, что они оставили это жилище, исполняя глупѣйшій законъ — бѣжать его, какъ проклятаго мѣста! Тѣмъ лучше для меня! Тѣмъ покойнѣе я могу совершить мое дѣло, не бывъ никѣмъ подстерегаемъ.

Онъ опять вошелъ въ чащу лѣса, гдѣ ожидали его товарищи, которымъ далъ знакъ, чтобъ за нимъ слѣдовали. Тропинка, по которой они теперь шли, сдѣлалась глаже, даже походила на проложенную дорогу и, какъ казалось Томсону, направлялась параллельно къ морскому берегу, и касалась подошвы пригорка, на которомъ находилось пѣ. Перейдя два мелкіе ручья, они достигли до другаго зеленѣющаго холма, на вершинѣ котораго замѣтили страннаго вида памятникъ. Лодка, разрѣзанная посрединѣ на двѣ половины поставлена была какъ будка, и разрисована по бокамъ бѣлыми, черными и красными полосами; наверху ея развѣвались перья, подобно тому, какъ украшаютъ ими свои головы начальники на островѣ; по срединѣ замѣтны были бѣлыя перья албатроса. Рогожка, испещренная разными красками, спущена была съ верху этой будки, и касалась до земли, скрывая внутренность этого страннѣйшаго строенія.

Съ той точки, на которой находились наши путешественники, они весьма хорошо могли видѣть памятникъ и все окружающее его пространство; однакожь имъ трудно было проникнуть въ самое мѣсто, огороженное хорошимъ палисадникомъ изъ заостренныхъ кольевъ, средину котораго занималъ этотъ памятникъ. Промежутокъ между палисадникомъ и памятникомъ покрытъ былъ роскошною растительностію; казалось, что лѣсъ тутъ былъ нарочно срубленъ, чтобъ доставить памятнику большую рельефность.

Гумфри и его товарищи, скрываемые огромными папоротниками, похожими на пальмы, нѣсколько времени, молча, смотрѣли на этотъ странный предметъ; напоследокъ Ван-Брумъ, выведенный изъ терпѣнія, спросилъ: — Не это-ли то мѣсто, которое мы ищемъ, пройдя такую длинную и трудную дорогу, чрезъ колючіе тернія и кустарники, какъ-будто самъ нечистый гнался по пятамъ за нами.

Гумфри сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Входъ, безъ сомнѣнія, съ другой стороны, сказалъ Том-

сонъ, поднимаясь на цыпочки, чтобъ разглядѣть, если возможно.

— Господа, сказали Гумфри, оборотаясь къ нимъ наскоро и говоря перерывисто, тихимъ голосомъ, — время дѣйствовать настало; мы достигли цѣли нашего путешествія, избѣгнувъ опасностей, которыхъ я боялся, скажу даже, которыхъ ожидалъ; мы теперь только въ тысячу шагахъ отъ мѣста, гдѣ оставили нашу шлюпку, потому-что устье Та-по-кай тамъ, гдѣ вы видите полосу свѣта позади ближайшаго къ намъ лѣса. Намъ нужно не болѣе полчаса, чтобъ дойти до нея, а достигнувъ шлюпки мы будемъ внѣ всякой опасности.

— Въ этомъ случаѣ, прервалъ Ван-Брумъ, почему сей-часъ-же не принимаемся за дѣло? Признаться, я неочень покоенъ на этой землѣ людоедовъ; даже самыя деревья какъ-то алчно и звѣрски на насъ посматриваютъ, какъ-будто готовы служить дровами, чтобъ насъ изжарить. Но теперь, какъ достигнуть этого памятника, если есть тутъ какой памятникъ?

— Входа къ нему не существуетъ, отвѣчалъ Гумфри, продолжая говорить вполголоса. Вы видите, что онъ со всѣхъ сторонъ обнесенъ палисадомъ. Мѣсто, гдѣ хранятся останки Ман-а-сога-ту, состоитъ подъ защитою священнаго закона табу, доколь не будетъ новаго покойника изъ его-же рода; тогда табу теряетъ свою силу, до того времени, когда, по совершеніи церемоніи танги (*), мудрецы не принесутъ сюда останковъ умершаго, и ограда вновь не замкнется.

— Нельзя-ли, пробормоталъ Ван-Брумъ, перелезть чрезъ эту ограду? Неужели мы будемъ ждать, чтобъ на насъ нахлынула цѣлая толпа дикарей, и изжарила къ своему ужину?

Гумфри повернулся къ нему спиной, и проскользнувъ между папоротникомъ, растущимъ у ограды, сталъ пробовать разные колья; найдя одинъ неочень твердый, онъ налегъ на него грудью и выломалъ; такимъ-образомъ открылся ему путь въ ограду.

Ван-Брумъ хотя и не зналъ, какому страшному подвергаются они наказанію, если ихъ подстерегутъ, но не менѣе того ужаснулся, замѣтивъ величайшую перемену въ Гумфри, который, вмѣсто прежней увѣренности и бодрости, казался теперь робкимъ и

* Танги у новозеландцевъ означаетъ трауръ по начальникѣ или важномъ лицѣ. Женщины, посредствомъ острыхъ ракушекъ, изрѣзываютъ свои руки, лицо и груди. Въ могилу кладутъ также одежду и разныя вещи, принадлежавшія покойнику, чтобъ все это вмѣстѣ съ трупомъ обратилось въ прахъ.

осторожнымъ. Проникнувъ въ священную ограду, онъ скрылся въ лабиринтъ растений, не подавая о себѣ вѣсти ни знакомъ, ни голосомъ. Спустя нѣсколько времени, онъ показался своимъ товарищамъ въ кустарникахъ, въ некоторомъ разстояніи отъ того мѣста, чрезъ которое вошелъ въ ограду. Онъ несъ въ рукахъ шкуру какого-то неизвѣстнаго звѣря, и спѣшилъ къ узкому отверстію, чрезъ которое опять проскользнулъ; потомъ, бросивъ свою ношу на землю, воткнулъ колъ на прежнее мѣсто.

Теперь Гумфри принялъ видъ хладнокровный, вздохнулъ свободнѣе, и улыбка, если не торжества, то презрѣнія, показался на его устахъ.

— Впередъ! воскликнулъ онъ, поднимая съ земли шкуру, впередъ! Чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ на шлюпкѣ, и тогда вѣвать!

— Неужели все дѣло сдѣлано? спросилъ удивленный Томсонъ. Для чего-жъ были все эти грозныя приготовленія?

— Впередъ! впередъ! говорю я вамъ. Когда будемъ на палубѣ «Казуара», узнаете все, но именемъ неба, прошу васъ не терять времени. Мнѣ кажется, что самая земля горитъ подъ нашими ногами.

И не ожидая отвѣта, бросивъ быстрый взглядъ на западъ, гдѣ скопившіяся тучи затмили дискъ заходящаго солнца, едва сдѣлавшагося примѣтнымъ, онъ устремился впередъ съ такою скоростію, что товарищи его едва могли за нимъ слѣдовать. Около четверти часа они шли по одному и тому-же направленію; потомъ, углубясь въ долину, оставили за собою высоты. Полоса свѣта, на которую указывалъ Гумфри, когда они были у памятника, становилась шире и явственнѣе. Продолжая слѣдовать какъ-бы по природной между двумя потоками плотинъ, они достигли до открытой песчаной плоскости, простиравшейся до самаго устья Та-по-кай, и были не болѣе какъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ пристали съ ихъ шлюпкой. Гумфри бросалъ вокругъ себя испытующіе взоры, но не открылъ ничего замѣчательнаго или опаснаго. Единственныя живыя существа, имъ усмотрѣнныя, были два албатроса, медленно летѣвшіе чрезъ заливъ, гдѣ покачивалась маленькая шкуна «Казуаръ» съ своими бѣлыми, повисшими вдоль мачтъ парусами, какъ крылья утомленной, покоющейся на волнѣ морской птицы.

— Господа! вскричалъ Томсонъ, взглянувъ на южный горизонтъ, принимавшій грозный видъ; пора намъ на шкуну! Настаетъ

буря; бѣда если останемся вблизи этихъ рифовъ, между-тѣмъ какъ въ морѣ....

— Неужели эти сѣроватыя полосы предвозвѣщаютъ дурное? спросилъ озабоченной Гумфри.

— Да, онѣ не обѣщаютъ ничего добраго, проворчалъ морякъ. Дай Богъ, чтобъ не случилось съ нами несчастія.

— Я полагаю, господа, сказалъ Ван-Брумъ, сдѣлавшійся чрезвычайно раздражительнымъ, я полагаю, что вы не хотите пить чай здѣсь, на опушкѣ лѣса? Или вамъ угодно пакликать на себя бѣду? Гдѣ наша шлюпка?

— Должна быть прямо передъ нами, за этимъ лѣснымъ мыскомъ, отвѣчалъ Гумфри. Но намъ дѣйствительно надо спѣшить; слѣдуйте за мною. Сказавъ это, онъ накрылся опять рогожкой, которую откинулъ было съ оставленіемъ памятника, и взявъ передъ, устремился чрезъ песчаную, обнаженную отливомъ площадь, къ лѣсному мысу.

Но по мѣрѣ приближенія ихъ къ морскому берегу, опасность дѣлалась очевиднѣе. Видъ неба становился болѣе и болѣе грознымъ. Когда они дошли до середины песчаной площади, Томсонъ остановился для новыхъ наблюденій. Но въ эту самую минуту, какіе-то двигающіеся въ лѣсу предметы привлекли на себя его вниманіе, и вдругъ на опушкѣ лѣса показалась толпа дикарей въ испещренныхъ рогожкахъ, медленно слѣдившая за бѣлыми людьми. Томсонъ не могъ удержаться отъ восклицанія.

Гумфри и Ван-Брумъ поспѣшили съ нимъ соединиться; но недоразумѣніе кончилось: смуглыя фигуры ясно уже отделились отъ зелени лѣса. Ван-Брумъ хотѣлъ было наострить лыжи и показать прыткость своихъ ногъ, но Гумфри, съ живостію схвативъ его за руку, сказалъ ему потихоньку:

— Остановитесь, сударь! Не должно торопиться. Шлюпка отъ насъ только во ста шагахъ, и наше бѣгство возбудитъ ихъ подозрѣніе. Пойдемъ ровнымъ шагомъ; мы скоро достигнемъ мыса, и успѣемъ съѣсть на шлюпку. Не торопитесь-же, господа, и слѣдуйте за мною. — Ахъ! всричалъ онъ, показывая ружьемъ на лѣсной мысъ, откуда вышло семеро или восьмеро индѣйцевъ съ ружьями; нѣкоторые изъ нихъ имѣли воинственныя епанчи, съ длинными волосами, хорошо ему извѣстныя. Они приближались къ европейцамъ, чтобъ перерѣзать имъ дорогу къ шлюпкѣ.

Ван-Брумъ испустилъ отчаянный вопль. Томсонъ, наблюдая Гумфри, понялъ, что имъ предстоить дѣйствительная опасность.

Онъ осмотрѣлъ, въ исправности-ли его заряженные пистолеты, и обнаживъ тесакъ, спокойно ожидалъ развязки. Гумфри пришелъ также въ нормальное свое флегматическое состояніе, изъ котораго выведенъ былъ на секунду неожиданнымъ появленіемъ индѣйцевъ. — Впрочемъ самое переодѣванье его показывало, что возможность встрѣчи съ дикарями входила въ его соображенія. Онъ поправилъ на лицъ своемъ рогожку, и потихоньку сказавъ своимъ товарищамъ, чтобъ держали себя бодро, продолжалъ идти передовымъ, измѣня немного направленіе пути, чтобъ скрыть отъ индѣйцевъ мѣсто, гдѣ находилась шляпка, въ случаѣ если они ее еще не примѣтили. Но вскорѣ надежда его избѣжать встрѣчи съ дикими исчезла, потому-что они также перемѣнили путь, и пошли опять напереръзъ европейцамъ. Гумфри понялъ, что последнее средство къ спасенію состоитъ въ томъ, чтобъ показывать видъ спокойствія и равнодушія. Если новозеландцы, обманутые его одеждою, примутъ его за провожатаго, пользующагося покровительствомъ табу, ему нечего тогда бояться.

Между тѣмъ индѣйцы, приблизясь къ нимъ, остановились. Когда Гумфри взглянулъ на лицо начальника, то самоуверенность его мгновенно исчезла, и вмѣсто того, чтобъ поздороваться съ туземнымъ старшиною, онъ отступилъ отъ него, не произнося ни одного слова. Индѣйцы, понимая, что превосходящее ихъ число даетъ имъ право на полученіе привѣтствія, тоже хранили молчаніе. Наконецъ Томсонъ, удивленный поступкомъ своего товарища, вышелъ впередъ, и протянувъ руку къ индѣйцу, казавшемуся начальникомъ, сказалъ ему дружескимъ тономъ:

— Богъ съ вами, добрые жители. Не знаю, понимаете-ли вы англійскій языкъ?

— Охотно вѣримъ, что ваше привѣтствіе искренно, овѣчалъ новозеландскій начальнильникъ, къ удивленію Томсона, на чистомъ англійскомъ языкѣ, только съ ирландскимъ акцентомъ, и въ тоже время подаль свою руку.

Начальникъ новозеландскихъ воиновъ былъ человекъ видный, высокаго роста; его черные глаза исполнены были выраженія, а открытое лицо испещрено правильными узорами. По обѣимъ сторонамъ головы воткнуты были черныя соколиныя перья; воинственная епанча наброшена на лѣвое плечо, правое-же оставалось свободнымъ. Въ уши были воткнуты перья албатросовъ,

а на шеѣ висѣлъ амулетъ, зеленый *теки* (1) съ красными блестящими глазами; его длинные волосы распущены были по плечамъ; на ногахъ были вышитыя *мокасины* (2), работы какого нибудь природнаго жителя отдаленныхъ сѣверо-американскихъ луговъ, никакъ нечаявшаго, что издѣліе его будетъ украшать новозеландскаго начальника. Товарищи его имѣли огнестрѣльное оружіе, но у него было одно *мири* (3), привязанное къ кисти руки и сдѣланное, также какъ и амулетъ, изъ зеленого камня. Въ правой рукѣ онъ держалъ начальственный жезлъ (4), который, оканчиваясь вырѣзанною головою, украшенною перьями попугаевъ и собачьею шерстью, похожъ былъ на старинную алебарду. Подавая руку бѣлому челоуьку, онъ бросилъ жезлъ на плечо, но взялъ его опять, отступя шагъ назадъ и устремивъ глаза на Гумфри, который стоялъ бодро и держалъ какъ-бы небрежно свое ружье, готовый однакожъ изъ него выстрѣлить. Только однажды онъ обернулся, чтобъ видѣть, точно-ли они окружены. Индѣйцы дѣйствительно приблизились со всѣхъ сторонъ и нѣкоторые изъ нихъ направились къ взморью. Бѣжать не было возможности; осталось одно—не терять бодрости до самаго конца.

Молчаніе прервано было индѣйскимъ начальникомъ. Опираясь на жезлъ, который онъ держалъ въ правой рукѣ, и пожирая глазами мнѣшаго новозеландца, онъ сказалъ ему на языкѣ *маори* (5):

(1) Новозеландцы, какъ и большая часть дикихъ народовъ, любятъ украшать себя, оружіе свое, жилища и могилы разноцвѣтными перьями. Но самое драгоценное для нихъ украшеніе состоитъ въ маленькой фигуркѣ, сдѣланной изъ зеленого камня, изображающей челоуька съ большими красными глазами; эту фигуру, *теки*, они носятъ на себѣ и считаютъ сильнѣйшимъ амулетомъ. Новозеландецъ рѣдко съ нею разстается, она переходитъ отъ отца къ сыну, и сохраняется какъ семейная драгоценность.

(2) *Мокасины* составляютъ предметъ торга между сѣвероамериканскими китоловами и новозеландцами.

(3) *Мири*, похожая формою на узкую лопатку, имѣетъ въ длину отъ десяти до восемнадцати дюймовъ, а въ ширину отъ четырехъ до пяти; въ срединѣ она толще, а къ концу тонше, самые-же края очень остры. Она дѣлается изъ зеленого камня, находимаго въ Новой-Зеландіи.

(4) Этотъ жезлъ называется у новозеландцевъ *и гаинеи*, и служитъ символомъ власти. Онъ дѣлается изъ крѣпкаго дерева, и оканчивается уродливою головою съ вытянутымъ языкомъ, въ знакъ насмѣшки и презрѣнія къ неприятелю; глаза дѣлаются изъ перламутра. Жезлъ этотъ употребляется не только на войнѣ, но и въ совѣтѣ; начальникъ, обращая слово къ собранію, поднимаетъ его къверху.

(5) *Маори* природные жители Новой-Зеландіи.

— Ты вооружень, но твое лице завѣшено покрываломъ. Голова, защищаемая священныиъ закономъ табу, развѣ нуждается еще въ смертоносномъ оружіи? Развѣ братъ мой боится, что маори подниметь на него свою булаву, или ему неизвѣстны законы этой страны? Маори не долженъ ничего страшиться.

— Мнѣ извѣстны законы этой страны, отвѣчалъ Гумфри глухимъ голосомъ, что могло происходить и отъ опущенной рогожки. Я знаю, что мнѣ нечего бояться; я взялъ оружіе только какъ проводникъ этихъ бѣлыхъ людей. Рука моя не обагрилась кровью пріятелей; у меня, въ моемъ на, довольно непріятельскихъ череповъ. Маори ничего не страшится.

— Ты лжешь, поддвльный маори! вскричалъ грознымъ голосомъ начальникъ вонновъ, выпрямься и помахивая своимъ жезломъ. Измѣнникъ блѣдилицыиъ! Долой священное покрывало, которымъ не имѣешь право закрываться! Бѣда тебѣ, Листовель! Бѣда тебѣ, убійца жены своей! Часъ мщенія насталь!

При первыхъ звукахъ этого грознаго голоса, испуганный Гумфри отступилъ назадъ. Все кончено! прошепталъ онъ, и сердце его сжалось. Но эта слабость была минутная: какъ не рисковать всѣмъ, когда все теряешь!

— Ко мнѣ, Томсонъ! вскричалъ онъ, и въ тоже время прицѣлился изъ ружья. Выстрѣлъ съдѣланъ, но пуля пролетѣла надъ головою начальника, который успѣлъ своимъ жезломъ приподнять дуло ружья. Томсонъ, держа въ одной рукѣ тесакъ и въ другой пистолеть, могъ причинить имъ вредъ; но между-тѣмъ какъ нѣкоторые дикари бросились на Листовеля, другіе окружили моряка и его товарища, умиравшаго со страха, отняли у нихъ оружіе и связали имъ на зади руки.

Между-тѣмъ Листовель еще не сдавался. Съдѣлавъ изъ ружья промахъ, онъ схватилъ свой томагакъ и нанесъ-бы имъ смертельную рану начальнику, еслибъ послѣдній въ тоже время не ударилъ его въ голову жезломъ и не повергъ на землю.

Листовель не вышустилъ и тогда изъ-подъ спанчи своей шкуру. Начальникъ схватилъ его за горло, сорвалъ съ него рогожку, и новозеландцы, узнавъ въ Гумфри смертельнаго своего врага, потрясли воздухъ неистовымъ, адскимъ воплемъ, такъ что начальникъ принужденъ былъ прикрыть свою жертву жезломъ. Мщеніе, по закону, принадлежало ему.

Томсонъ вовремя этой схватки, несмотря, что жизнь его была въ опасности, помышлялъ о предстоящей бурѣ и объ участи ожи-

дающей его шкуну, стараясь между тѣмъ освободиться отъ индѣйцевъ. Но начальникъ видя, что его личный врагъ подъ добрымъ присмотромъ, подошелъ къ моряку, и положила тихонько руку на его плечо, сказалъ:

— Не бойся ничего! Ты не попираешь нашихъ законовъ, какъ этотъ, — онъ указалъ на Гумфри. Онъ солгалъ, сказавъ вамъ, что обида его состоитъ единственно въ томъ, что онъ убилъ мелкаго начальника въ правильной схваткѣ. Онъ солгалъ, сказавъ вамъ, что состоялъ подъ покровительствомъ Гаки. Я самъ Гаки, и онъ не имѣетъ въ цѣломъ свѣтѣ болѣе неумолимаго себѣ врага. Онъ безчестно похитилъ изъ мѣста, охраняемаго священнымъ табу, то, что принадлежало его женѣ, которую онъ варварски умертвилъ, и скрылся бѣгствомъ, чтобъ избѣжать за преступленіе свое должной кары. Онъ солгалъ, если сказалъ вамъ, что владѣетъ верхкомъ земли въ Новой-Зеландіи: земля дана была мужу, а не убійцѣ моей сестры. Ему хорошо извѣстны наши законы, и онъ вѣроломно воспользовался однимъ священнѣйшимъ для насъ, для исполненія своего злаго умысла, и могъ-бы съ похищеннымъ сокровищемъ скрыться, еслибъ великій Атуа не предалъ его намъ въ руки. Впрочемъ наше мнѣніе ограничится имъ однимъ. Въ скоромъ времени вы можете возвратиться на ваше судно цѣлы и невредимы; но берегитесь когда-либо вступать на нашу землю.

Хотя Томсонъ очень былъ удивленъ, что начальникъ ново-зеландскій знаетъ такъ хорошо все происшедшее на его суднѣ, но его болѣе всего занимала участь, предстоящая сему послѣднему.

— Цѣлы и невредимы! повторилъ онъ, смотря на грозный видъ неба. Посмотрите на приближающуюся бурю, и скажите, можемъ-ли мы уцѣлѣть? Если она разразится и броситъ нашу маленькую шкуну на эти проклятые рифы, я не дамъ шиллинга за все, что есть на суднѣ.

— Богъ наказываетъ васъ, продолжалъ хладнокровно начальникъ, за то, что нарушили спокойствіе нашей земли, но это до меня не касается! Не я васъ сюда призвалъ. Не удостоивъ и взглядомъ капитана, онъ сказалъ нѣсколько словъ своимъ воинамъ, и пошелъ въ лѣсъ, сопровождаемый индѣйцами, между которыми находился и плѣнникъ.

Солице скрылось; мѣсто его обозначалось пурпуроваго цвѣта туманомъ, между-тѣмъ отраженные лучи его падали на темныя густыя тучи, летѣвшія съ неимоверною быстротою отъ юга. Буря однакожъ невдвугъ разразилась, она какъ будто-бы удержи-

ваема была противуборствующею силою, хотя и продолжала расти.

Вдругъ день смѣнился ночью; море и небо подъ темно-сѣрымъ покровомъ соединились въ одну неопредѣленную массу. Эта тьма прерывалась только пѣною волнъ, разбивавшихся на прибрежьи.

Между-тѣмъ три пушечные выстрѣла послѣдовательно раздались со шкуны: это былъ сигналъ, что экипажъ беспокоится о своемъ капитанѣ. Въ ту-же минуту, какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ сигналъ, спустилась въ устье То-по-кай длинная узкая лодка, которою управляютъ новозеландцы съ такою ловкостію и проворствомъ. На ней сидѣло восемь гребцовъ, обращенныхъ лицомъ къ носу, который украшенъ былъ искусною рѣзбою и перьями албатросовъ; на кормѣ стоялъ горделиво Гаки, держа въ правой рукѣ начальственный жезлъ, а лѣвою управляя движеніемъ быстрой лодки. Посрединѣ лежали предъ начальникомъ три священные плѣнника, безмолвно взиравшіе на грозный видъ неба; индѣйцы, тоже молча, вонзали свои легкія весла въ волны, по которымъ лодка летѣла съ быстротою молніи.

Въ это время шелъ отливъ и сильнымъ теченіемъ лодка могла быть унесена далѣе шкуны; но начальникъ, вмѣсто того, чтобъ править прямо на свѣтъ, который видѣнъ былъ на грот-мачтѣ, правилъ нѣсколько подъ вѣтеръ, какъ-бы желая пройти узкимъ каналомъ, ведущимъ въ открытое море. Томсонъ, вѣроятно, это замѣтилъ, приподнялъ голову и съ безпокойствомъ посматривалъ на свое судно. Наконецъ, будучи не въ силахъ долѣе терпѣть, едва удерживаясь отъ брани, онъ потащился было къ рулю, но ближайшій къ нему индѣецъ, замахнувшись весломъ, погрозилъ ему. Гдѣ сопротивленіе бесполезно, тамъ остается терпѣніе: Томсонъ опять легъ возлѣ товарища своего Ван-Брума, который оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Но кто-же былъ между ними третій, также недвижимый? Неужели индѣйцы отказались отъ мщенія? Или это уже былъ трупъ Гумфри? Но нѣтъ, онъ тоже былъ живъ и дышалъ. Болѣе ничего не могъ узнать капитанъ; притомъ все вниманіе его сосредоточено было на шкунѣ, къ которой вдругъ повернула ихъ лодка.

Но въ этотъ моментъ буря расторгла всѣ препоны, дотолѣ удерживавшія ея лютость; широкая молнія раздирала тучи и освѣщала кипящія волны; раскаты грома потрясали воздухъ, и ураганъ, воздымая волны, казалось, отвѣчалъ на вызовъ.

Вся поверхность залива представляла одну пѣнистую скатерть, и лодка ныряла сквозь буруны. Уже примѣтенъ былъ чернѣйшій оставъ шкуны, и въ ту секунду, какъ новая молнія осветила море, легкая лодка летѣла вдоль маленькаго судна, стоявшаго все еще на якорѣ. Въ одно мгновеніе ока лодкѣ брошенъ конецъ, и вахтенные матросы отступили въ изумленіи, видя выскакивающія на палубу черныя, разрисованныя фигуры, которыя какъ демоны явились изъ среды бури. Полагая, что это ночной набѣгъ новозеландцевъ, они въ страхъ кинулись за оружіемъ. Но прежде, чѣмъ успѣли опомниться, сильный ударъ потрясъ шкуну до самаго киля, дикій демонскій крикъ раздался въ ушахъ ихъ, и они увидѣли тѣнь удаляющейся отъ нихъ лодки, разрывавшей пѣнищіяся волны. Одинъ высокій человекъ, какъ мачта, стоялъ въ ней недвижно среди борьбы разъяренныхъ стихій.

— Помогите! вскричалъ плаксивымъ голосомъ Ван-Брумъ, брошенный качкою судна къ борту, думая, что утопаетъ въ водѣ. Помогите, помогите!

Матросы едва вѣрили себѣ, слыша звуки знакомаго голоса, но ихъ удивленіе еще удвоилось, когда раздался ревущій голосъ капитана:

— Пошелъ все на верхъ, все на верхъ! Виль, Нидъ, Бобъ! тысячу громовъ! Куда дѣвались все эти олухи? Развязывайте насъ, развязывайте скорѣе, негодяи!

Экшнажъ не понималъ, какъ очутился у нихъ капитанъ; но какъ время было не до распросовъ, то посѣпшили развязать веревки у пльщикова. Еще блеснула молнія, и глаза всехъ, и въ особенности Томсона, обратились на третьяго безгласнаго, неподвижнаго узника. Можно себѣ представить общее изумленіе, когда нѣсколько голосовъ воскликнуло разомъ: Нидъ!

Не давая себѣ отчета, какъ конвиктъ могъ очутиться на берегу и потомъ въ новозеландской лодкѣ, Томсонъ тотчасъ понялъ, что Нидъ измѣнилъ и предалъ ихъ въ руки индѣйцевъ; но сохраненіе судна требовало теперь всего его вниманія, и ему нѣкогда было разъяснить эту тайну.

— Отдавайте паруса! вскричалъ онъ, проклятые индѣйцы обрѣзали нашъ канатъ; насъ дрейфуетъ. На гафель, на гафель! Бизань на вѣтеръ! Слушайте же, олухи! И схвативъ руль, среди безпрестанныхъ повтореній команды и бранныхъ поговорокъ, онъ успѣлъ, при содѣйствіи экипажа, вывести шкуну изъ опаснѣйшаго положенія.

Отливъ и сильный отъ берега вѣтеръ быстро несли шкуну въ узкій каналъ, ведущій въ открытое море. Оставалось небо-лье сорока сажень до этого страшнаго прохода. Матросы, столпившись на бакъ, молча смотрѣли на гряду высунувшихся изъ воды рифовъ, на коихъ разбивался бурунь. Казалось, что слѣдующая волна броситъ на нихъ шкуну; нѣсколько сажень отдѣляли ихъ отъ явной смерти. Коралловый рифъ былъ прямо подъ носомъ. Вдругъ шкуна поворачивается, страшный скригъ болзненно отдается въ сердце каждаго матроса: правый бокъ судна прикоснулся къ коралловой стѣнѣ; но маленькая шкуна продолжаетъ бѣжать на вѣтеръ, выходитъ изъ бѣдоваго канала, и весело мчится по хребтамъ волнъ вольнаго моря.

Матросы не успѣли еще придти въ себя, они все еще стояли въ безмолвіи, и дивились чудесному спасенію, какъ раздался на палубѣ громкій голосъ капитана.

— Связать этого негодяя, Нида, и бросить въ трюмъ! Бобъ, пошелъ на руль! Но гдѣ-же Ван-Брумъ? Неужели нашъ голландецъ умеръ со страха?

Но этого не случилось, по счастью; маленькій человѣчекъ не зналъ, какой опасности они подвергались. Онъ нашелъ себя мѣстечко между анкерками съ водою, и даже ударъ о рифъ не могъ вывести его оттуда. Все его вниманіе обращено было теперь на большой мышокъ, который одинъ индѣецъ сунулъ ему въ руки, когда ихъ бросили на шкуну. Этотъ мышокъ завязанъ былъ веревкою, со многими узлами, которыхъ ему не удалось еще распутать; казалось, что въ немъ заключалась шкура, похищенная Листовелемъ изъ надгробнаго памятника, для которой единственно настаивалъ онъ на снаряженіе этой злосчастной экспедиціи. Когда Ван-Брумъ услышалъ, что Томсонъ его зоветъ, онъ поспѣшилъ къ нему, и въ короткихъ словахъ разсказалъ исторію большаго мышка. Капитанъ, не думая долго, принялся разрѣзывать своимъ ножомъ узлы.

— Капитанъ, сказалъ ему подошедшій въ эту минуту матросъ: у Нида много золотыхъ монетъ въ новозеландской рогожкѣ, обмотанной вокругъ его шеи; онъ не говоритъ, откуда ихъ взялъ. Неудобно-ли вамъ его допросить?

— Золото! возразилъ Томсонъ. Гдѣ подѣвнилъ его этотъ разбойникъ! Но что-же такое въ этомъ мышкѣ! Говоря это, Томсонъ разрѣзалъ узлы и развернулъ шкуру; въ это время блеснула молнія, и невольный крикъ ужаса вырвался у всѣхъ

присутствовавшихъ. Когда раскрыли послѣднюю оболочку—представилась окровавленная голова Гумфри.

Вѣтеръ стоналъ и свистѣлъ въ рангоутъ и снастяхъ шкуны, реи ея трещали; всю ночь маленькое судно боролось съ разъяренными стихіями. Но когда стало свѣтать, ураганъ смягчился, какъ-бы привѣтствуя возвращеніе благодатнаго свѣтила, и «Казуаръ», распутивъ опять свои бѣлыя крылья, съ попутнымъ вѣтромъ, весело разсѣкалъ синія волны. Экипажъ собрался на правой сторонѣ судна, тихая молитва вознеслась къ небу, и прежде, чѣмъ солнечный блескъ показался на горизонтѣ, голова убійцы погрузилась въ бездны океана.

ПИСЬМА ОБЪ ИТАЛІИ.

Н. П. Мундта.

Болонья, 20 октября 185 года.

Последнее письмо мое было изъ Венеціи. Долго не могъ я разстаться съ этимъ городомъ; съ которымъ свыкъся, который люблю какъ-то безъотчетно. Наконецъ надо было его оставить. Осень приближалась, сентябрь приходилъ къ концу, а это самое лучшее время для путешествія по Италіи. 27 сентября простился я съ лагунами, и къ вечеру былъ въ Падуу. Я попалъ туда къ празднику розъ; всѣ отели были заняты путешественниками, съѣхавшимися изъ Венеціи, Вероны, Виченчы, Мантуи и Тревизы; народъ толпился на улицахъ, длинныя вереницы крестьянокъ изъ окрестныхъ деревень, съ вѣнками изъ розъ, тѣснились предъ кофейною Педроне, блиставшей разноцвѣтными огнями, великолѣпный портикъ которой былъ украшенъ гирляндами изъ розъ, переплетенныхъ миртовою зеленью; музыка гремѣла на площадкѣ передъ крыльцомъ; лимонныя и апельсинныя деревья, разбросанныя живописными купами, пріютили подъ своими густыми вѣтвями множество дамъ и кавалеровъ, которымъ проворные прислужники разносили мороженное и шербетъ. Ночь была прекрасная, полный мѣсяць плавалъ по голубому небу, прохладный вѣтерокъ, дувшій отъ Адриатики, освѣжалъ воздухъ; всѣ были

веселы, все наслаждались этимъ праздникомъ розъ, однимъ изъ самыхъ веселыхъ и любимыхъ въ Италіи. До двухъ часовъ бродилъ я между веселыми группами; наконецъ усталость прогнала меня домой, а на другой день былъ я уже въ Ферарь. Это первый городъ папскихъ владѣній; но встрѣчая на каждомъ шагу австрійскихъ солдатъ, вы подумаете, что не вызжали еще изъ Австріи; только множество нищихъ, неотвязчиво бѣгающихъ за вами по улицамъ и величающихъ васъ и *Exceleza* и *il signor Principe*, напомнимъ вамъ, что вы вступили въ Церковную-область.

Ферара, некогда пышная и великолѣпная, гдѣ блистала самый роскошный дворъ Италіи, гдѣ пѣли Аріостъ и Тассъ; теперь пустынный, скучный городъ, гдѣ нѣтъ никакого развлечения, ни даже порядочнаго трактира, гдѣ-бы можно было отдохнуть отъ дороги. Такъ исполнилось пророчество Аріоста: *ch'anco la gloria tua salirá tanto* и проч. Самое замѣчательное зданіе въ Ферарь, старинный замокъ (*castello*) герцоговъ ферарскихъ, на Новой-площади (*Piazza nuova*). Широкая, прямая улица, поросшая травою, которыя ведутъ къ нему и въ которыхъ вѣчное безмолвіе и пустота, придаютъ этому готическому замку самый унылый видъ. Этотъ кастелло герцоговъ Этъ былъ свидѣтелемъ великолѣпныхъ праздниковъ и страшныхъ злодѣйствъ. Въ немъ до-сихъ-поръ показываютъ мрачныя темницы, гдѣ томилсь послѣдователи Кальвина, заброшеннаго странною судьбою изъ Франціи въ католическую Италію, и театръ, гдѣ разыгрывали драмы Аріоста, Тасса и Гварини. Здѣсь жила знаменитая, страшная Лукреція Борджіа, достойная дочь Папы Александра VI; здѣсь сводила она съ ума, красотою своею, бѣдныхъ неопытныхъ юношей, и здѣсь же приготавливала потомъ для нихъ, предательскими руками, страшный ядъ, отъ котораго не было никакого спасенія. Пробѣгая эти длинныя, мрачныя корридоры, мнѣ казалось, что передо мною витали тѣни Аріоста, Торквато, Элеоноры и Бенвенуто-Челини. Замокъ этотъ полонъ воспоминаній: Сюда въ 1579 году пришелъ изъ Турина Тассъ, полный надеждъ и памяти прошлаго; все въ этомъ замкѣ блистало попрежнему пышностью и великолѣпіемъ; онъ приготавлился встрѣтить молодую супругу царствовавшего тогда герцога, Маргариту Гонзаго; придворные толпились въ залахъ, но ни одинъ изъ нихъ не узналъ или не хотѣлъ узнать бѣднаго Торквато. Унылый бродилъ онъ изъ залы въ залу, изъ

комнаты въ комнату, и нигдѣ не находилъ ни привѣтливаго лица, ни ласковаго слова; наконецъ, когда миновались все свадебные праздники, герцогъ вспомнилъ о немъ и отослалъ его въ больницу св. Анны, гдѣ помѣщались сумасшедшіе! Отсюда, изъ этихъ роскошныхъ палатъ, изъ этихъ позлащенныхъ залъ полупросвѣщеннаго и полуварварскаго феодальнаго властителя бѣжалъ Аріостъ, измученный интригами и гоненіями, раздраженный забвеніемъ и неблагодарностью, и почти нищій. Оставляя развратный, пышный дворъ герцоговъ ферарскихъ, которымъ онъ посвятилъ столько лѣтъ жизни, и имени которыхъ подарилъ столько вѣковъ славы, Аріостъ едва имѣлъ нѣсколько золотыхъ монетъ на дорогу. Здѣсь Бенвенуто-Челини, вызванный изъ Рима кардиналомъ Иполитомъ д'Эсте, братомъ герцога Альфонса, и обласканный сначала всемъ дворомъ, напрасно тратилъ время въ толпѣ придворныхъ, напрасно дожидался въ переднихъ; никто не замѣчалъ его, никто не вспоминалъ о немъ, и онъ долженъ былъ оставить Ферару, не получивъ ничего за свои превосходныя работы. Такъ награждала, такъ цѣнила Ферара геніи и таланты! Но время отомстило за все: ферарскій замокъ опустѣлъ, Ферара ничтожной городъ Папской-области, имена Альфонсовъ забыты, а Аріостъ, Торквато, Бенвенуто живутъ и будутъ жить вѣчно въ памяти потомства!

Послѣ герцогскаго замка, полнаго мрачныхъ и тягостныхъ воспоминаній, туристу не остается въ Ферарѣ ничего болѣе, какъ поклониться гробницѣ Аріоста въ церкви Бенедектинскихъ монаховъ, и посѣтить темную келью страдальца Торквато въ больницѣ св. Анны. Келья эта или, лучше сказать, тюрьма имѣетъ девять шаговъ длины и шесть ширины; она расположена за высокими стѣнами тѣснаго двора, и потому свѣтъ, проникающій въ нее, въ узкое рѣшетчатое окно, такъ слабъ, что въ кельѣ почти всегда темно и сыро. Здѣсь-то томился бѣдный Тассъ, безсмертный пѣвецъ Іерусалима, здѣсь плакалъ онъ о несбывшихся мечтахъ своей жизни, объ утраченныхъ надеждахъ; о ничтожности славы; здѣсь онъ, попрежнему, любилъ и проклиналъ Элеонору!

Ферара, послѣ долговременнаго владычества въ ней герцоговъ Эстскихъ, была присоединена къ Церковной-области папою Климентомъ VII, въ 1598 году, а дому Эсть отданы во владѣніе Модена и Реджіо.

Широкое шоссе ведетъ изъ Ферары въ Болонью; дорога эта содержитъ очень хорошо и пролегаетъ по равнинѣ чрезвычайно плодородной, но представляющей мало живописныхъ видовъ; Болонья, которой наклонившіяся башни и древнія колокольни видны издалека, лежитъ у подошвы Апеннинскихъ-горъ, въ прекрасной, живописной странѣ; предметъе ея составляютъ красивые загородные дома богатыхъ болонцевъ, гдѣ они проводятъ лѣтнее время въ тѣни миртъ, каштановъ и тополей. Мы въехали въ Болонью немного раньше *Ангелуса*, часа, къ которому торопятся обыкновенно окончить все дневныя занятія. На улицахъ было еще довольно шумно; большая часть народонаселенія была занята уборкою винограда; мы обгоняли множество запряженныхъ волами телегъ, на которыхъ везли длинныя и узкія бочки, наполненныя благодатнымъ сокомъ; молодыя дѣвушки несли въ корзинкахъ виноградъ, и кокетничали съ красивыми парнями, которые, управляя волами, съ высоты бочекъ любезничали съ красавицами; попадавшіеся навстрѣчу монахи важно останавливались и посылали свое благословеніе веселымъ группамъ виноградарей, а еще болѣе виноградному соку, съ которымъ надѣялись скоро познакомиться поближе. Все дышало весельемъ, разнообразная толпа мужчинъ и женщинъ, бряцаніе колокольчиковъ, которыми были убраны волы, корзины, полныя краснымъ и зеленымъ виноградомъ, пестрые и яркіе костюмы молодыхъ дѣвушекъ, въ черныя косы которыхъ были вплетены виноградные листья, ихъ неумолкаемая болтовня, смѣхъ, шумъ, восклицанія, сопровождаемыя самыми рѣзкими жестами,—все это представляло самую разнообразную и оживленную картину, которая для меня, жителя далекаго сѣвера, была чрезвычайно занимательна.

Дилижансъ нашъ проѣхалъ по улицѣ между башнями, изъ которыхъ одна наклонилась на сторону, и остановился у прекраснаго отеля *Locanda del Pelegino*. Отобѣдавъ за общимъ столомъ, гдѣ было много путешественниковъ, въ особенности англичанъ, которыхъ въ Италіи встрѣчаешь на каждомъ шагу, пустился я бродить по городу, какъ говорится, куда глаза глядятъ. Въ частыхъ моихъ странствованіяхъ по чужимъ краямъ, я всегда избѣгалъ общаго правила: брать провожатаго изъ прислужниковъ отеля; нѣтъ ничего несноснѣе, какъ общество такой подвижной машины, которая водить васъ по церквамъ, показываетъ памят-

ники и болтаетъ разъ заученныя фразы, въ которыхъ по большей части нѣтъ ни толку, ни смысла. Гораздо лучше и пріятнѣе бродить одному, безъ заранѣе предположенной цѣли, даже безъ печатнаго путеводителя въ рукахъ. Такимъ-образомъ вы не связаны ничѣмъ, вы свободны, и впечатлѣнія, производимыя на васъ новостію предметовъ, гораздо живѣе. Къ тому-же я былъ уже знакомъ съ Болоньею; лѣтъ тринадцать тому назадъ, провелъ я здѣсь три самыя пріятныя недѣли въ обществѣ нашего извѣстнаго пѣвца И...ва и друга его знаменитаго Россини. Теперь въ очаровательной виллѣ послѣдняго, у самыхъ воротъ Болоньи, все было пусто. Великой маэстро уѣхалъ далѣе на югъ, въ Кастеламаре, а объ Ив...въ не могъ узнать я ничего. Какъ жаль, что артистическое поприще его протекло далеко отъ родины, и что у насъ въ Россіи никто не могъ ни насладиться его дивнымъ талантомъ, ни оцѣнить его.

Болонья замѣчательна своими портиками или аркадами, особенно тѣми, которые ведутъ къ церкви Мадоны. Эти портики, столь удобные для пѣшеходовъ, возбуждали зависть во всѣхъ городахъ Италиі, и были часто воспѣваемы поэтами и въ томъ числѣ *Петроніемъ*, который говоритъ:

Alle pedestre squadre
 Posto con simmètria, rasente il muro
 Doppio ordine, di lastre uguale e quadre.
 Render l'andar piacevole sicuro.

Послѣдніе звуки Ангелуса замрзли въ воздухъ; заходящее солнце освѣщало еще вершины кривой и Азиньельской башень; подъ портиками уже становилось темно, и только съ трудомъ можно было различать фрески, которыми покрыты стѣны. Въ Италиі не бываетъ сумрека, ночь наступаетъ внезапно, и все погружается вдругъ въ совершенную темноту. Веселыя пѣсни виноградарей умолкли, всюду воцарилось торжественное молчаніе; только изрѣдка раздавался подъ сводами портиковъ шумъ шаговъ запоздалыхъ прохожихъ. Скоро взошелъ мѣсяцъ, и тогда раздалися въ разныхъ мѣстахъ звуки гитаръ; долго бродилъ я изъ улицы въ улицу, и наконецъ, усталый, вернулся домой, расстворилъ балконъ, закурилъ сигару, и просидѣлъ въ широкихъ

креслахъ до самой полночи, наслаждаясь прелестью дивной итальянской ночи.

Въ Болоньи слишкомъ 60000 жителей. Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Италіи; на памятникахъ его видна печать времени, но самый городъ сохранился лучше другихъ городовъ Италіи. Нравы жителей имѣютъ въ себѣ еще много остатковъ средневѣковыхъ. Какъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Папской-области и какъ мѣсто, гдѣ была долгое время инквизиція, духовная власть получила здѣсь большее развитіе. Въ Болоньи множество церквей и монастырей, и большая часть изъ нихъ замѣчательны своею древностью и богатствомъ. Жители вообще чрезвычайно пріятливы и легко сближаются съ иностранцами; но вмѣстѣ съ тѣмъ они истинные итальянцы, и итальянцы среднихъ вѣковъ; они и любятъ и ненавидятъ пламенно; въ простомъ народѣ, до котораго еще мало коснулось просвѣщеніе, страсти пылки и неистовы; въ Болоньи, на рынкахъ и на улицахъ, часто возникаютъ ссоры, и они рѣдко кончаются безъ ножей; только присутствіе австрійскихъ войскъ останавливаетъ иногда эти свалки. Болонцы страстные любители музыки, и публика болонская, развѣ за исключеніемъ только бергамской, самая строгая ценительница талантовъ. Если пѣвецъ или пѣвица имѣли успѣхъ на болонской сценѣ, то могутъ смѣло пѣть на всѣхъ театрахъ Италіи. Зато и восторгамъ ихъ нѣтъ границъ. Кто не былъ въ Болоньи, тотъ не можетъ себѣ составить понятія о той *furia*, которая овладѣваетъ ими когда какая-нибудь *prima-dona* или *prima-tenore* понравится имъ. Это что-то въ родъ неистовства, которое описать трудно. Вообще на театрахъ Италіи не слушаютъ всей оперы, какъ у насъ; тамъ вовремя речитативовъ и даже арій и хоровъ слышны громкіе разговоры, смѣхъ, хлопанье дверей въ ложахъ; но зато, когда придетъ очередь какой-нибудь извѣстной аріи или дуэта—мертвое молчаніе воцаряется въ залѣ, все вниманіе обращено къ сценѣ, всѣ слушаютъ, притая дыханіе, и вдругъ раздаются или неистовые вопли и рукоплесканія, или пронзительные свисти и шиканье проважаютъ артистовъ.

Соборъ болонскій обширное, великолѣпное зданіе; но онъ построенъ уже въ новѣйшія времена, и потому не представляетъ историческаго интереса. Церкви св. Петронія и св. Доминика по своей древности и богатству заслуживаютъ болѣе вниманія. Св.

Петроній пользуется большимъ уваженіемъ въ Болоньи, куда онъ прибылъ изъ Константинополя въ V вѣкѣ. Храмъ его, замѣчательный по простотѣ и величію стили, сооруженъ въ 1390 году; но онъ, какъ и большая часть средневѣковыхъ церквей, не конченъ. На плитвхъ полахъ этой церкви Кассини, въ 1655 году, начертилъ свой знаменитый меридіанъ; въ этой-же церкви Карлъ V получилъ корону изъ рукъ Климента VII.

Церковь монастыря св. Доминика любопытна, какъ вмѣстилище гробницы этого святаго, основателя инквизиціи, неистоваго гонителя албійгойцевъ и страшнаго истребителя ереси. Рака его, превосходное твореніе среднихъ вѣковъ, надъ которою работала Микель-Анжъ и которой Николай Пизанской обязанъ своимъ бессмертіемъ, возвышается посрединѣ великолынной капеллы святаго. Она освѣщена сверху, и вокругъ раки день и ночь горятъ серебряныя лампы. На барельефахъ изображены дѣянія святаго; всѣ группы превосходны; онъ приводили въ восторгъ Микель-Анжа, прежде чѣмъ онъ рѣшился войти въ состязаніе съ Николаемъ Пизанскимъ и поставить рядомъ съ его ангеломъ истребителемъ свою дивную фигуру милосердія, отличающуюся истинно небесною благостію. Въ раку похоронено тѣло св. Доминика, умершаго въ 1225 году, въ этомъ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ. Впрочемъ, собственно о мощахъ святаго до-сихъ-поръ идетъ споръ: многіе утверждаютъ, что тѣло его въ Испаніи и что только голова хранится въ Болоньи; хотя для приведенія въ ясность этого сомнѣнія была наряжена папою коммиссія, и кардиналъ, присланный для этого нарочно изъ Рима, сходилъ одинъ, безъ всякой свиты, во внутренность гробницы. Посѣщеніе мощей святаго не имѣло однакоже никакого результата, потому-что кардиналъ не сказалъ ничего, и болонцы до-сихъ-поръ не знаютъ, все-ли тѣло св. Доминика хранится въ его великолынной ракѣ, или только одна голова.

Монастырь доминиканцевъ, прилегающій къ церкви, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ Италиі. Обширное зданіе это мрачно и уныло; оно окружено портикомъ, въ которомъ пробиты аркады, покрытыя самыми странными скульптурными фигурами. Портикъ этотъ заключаетъ въ себя самый монастырь; огромныя залы, кельи, комнаты великаго инквизитора и комнаты прислужниковъ священнаго судилища расположены вверху; внизу тюрь-

мы инквизиціи; онъ врыты глубоко въ землю; маленькія, рѣшетчатыя пробонны или окна едва пропускаютъ туда свѣтъ и немного воздуха; въ нихъ все мрачно и сыро, какъ въ могиль. Припоминая, что происходило за этими страшными стѣнами во время могущества инквизиціи, нельзя пройти мимо этого зданія безъ какого-то содроганія и ужаса. Сколько жертвъ фанатизма и личной злобы погибло въ страшныхъ мѣкахъ, за этими стѣнами; какъ не благодарить просвѣщеніе, положившее конецъ этому варварству.

Обширная, старинная церковь св. Франциска, нѣкогда столь славная, до-сихъ-поръ еще прекрасна, несмотря на разрушеніе, которому она видимо подвергается. Ей извѣстные предводители междуусобныхъ феодальныхъ войнъ, Марскальки, Пополи, Ламберкини, жертвовали огромныя суммы на украшеніе алтарей, и старались перещеголять въ щедрости одинъ другаго. Въ средніе вѣка аббатъ св. Франциска былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей въ Болоньи; къ нему приходили все, на совѣсти которыхъ лежали разныя преступленія, а въ то время, когда кулачное право преобладало надъ всеми, такихъ людей было много, и все они приносили ему богатые дары, чтобъ получить отъ него разрѣшеніе въ грѣхахъ своихъ.

Форумомъ Болоньи въ средніе вѣка была площадь Гигантовъ, Piazza del Gigante. Ее окружаютъ старинныя зданія, а именно: *церковь св. Петронія*, гдѣ папы короновали императоровъ и гдѣ соборъ Тридентскій въ 1548 году имѣлъ свои замѣчательнѣйшія засѣданія; Palazzo publico, резиденція папскаго легата и мѣсто-пробываніе ганфолоніера прежней Болонской республики; въ этомъ дворцѣ замѣчательна великолѣпная лѣстница, работы Браманте; Palazzo del Podesta, гдѣ помѣщалось прежде городское правленіе, и наконецъ Torazzo огромная толстая башня, поддерживаемая колоннами, въ которой папа Іоанъ XXIII собиралъ въ XV вѣкѣ духовный соборъ, и гдѣ теперь хранится городской архивъ. Въ промежуткахъ этихъ зданій множество домовъ готической архитектуры, съ странными украшеніями и широкими балконами, а посрединѣ площади виднѣется знаменитый фонтанъ Нештуна, чудо искусства, работы Іоанна Болонскаго. На этой площади множество лавокъ, а по бокамъ ея, на мостовой, каждое утро разложена всякая зелень, плоды, цвѣты, рыба и отличныя бо-

лонскія сосиски, извѣстныя въ цѣлой Италиі. Тамъ вѣчно толнится народъ, и глядя на всѣхъ этихъ мелочныхъ торговцевъ, въ странныхъ костюмахъ, необходимую принадлежность которыхъ составляетъ коротенькій плащъ, накинутый на одно плечо, на пестроту женскихъ уборовъ и на черныя коротенькія мантильи, которыми покрываютъ головы замужнія, слыша оглушающіе крики всего этого южнаго народонаселенія, сопровождаемые рѣзкими жестами, вы подумаете, что попали въ какой-нибудь таборъ, гдѣ все перемѣшано: нищіе, монахи, торгаши, торговки, волы, мулы, и со всѣхъ ногъ убѣжите отъ этого содома.

Болонья знаменита также своимъ университетомъ, однимъ изъ старѣйшихъ; ее прославили множество ученыхъ; она извѣстна также своею библіотекой, въ которой драгоцѣннѣйшимъ сокровищемъ почитается книга *Ездры*, писанная священною рукою самаго автора; она долго была скрыта подъ алтаремъ церкви св. Петронія, и хранилась тамъ съ головою св. Доминика. Говорятъ, что этотъ драгоцѣнный манускриптъ былъ поднесенъ, въ 1200 году, *жидами* великому инквизитору болонскому, вѣроятно для того, чтобъ спасти свою жизнь и имущество отъ преслѣдованій страшнаго трибунала. Книга эта писана на длинномъ пергаментѣ, очень крупными буквами. Въ этой библіотекѣ хранятся также 400 томовъ рукописей Андравандуса, и до 20,000 томовъ рукописей-же, пожертвованныхъ папою Бенедиктомъ XIV. Прихожая библіотеки украшена портретами многихъ ученыхъ, и въ числѣ ихъ немало женщинъ; особенно замѣчательенъ портретъ *Изоты де Римини*, любовницы извѣстнаго *Пандольфа Малатесты*.

Но истинную, неотъемлемую славу Болоньи составляетъ ея школа живописи и великіе представители этого искусства, которые родились въ ней,—Доминикинъ, Гвидо-Рени, оба Карачи, Албано и другіе... Несмотря на развитіе живописи въ Болоньи и на рядъ великихъ мастеровъ, которыхъ она произвела, тамъ долго не существовало никакой галереи, гдѣ-бы могли сохраняться всѣ эти дивныя произведенія болонской кисти. Когда Анибаль Карачи работалъ для великаго инквизитора въ монастырь доминиканцевъ, а Гвидо-Рени для монаховъ картезіанскихъ, они осуждены были видѣть свои прекрасныя картины повѣшенными въ какомъ-нибудь темномъ углу монастырскихъ церквей, гдѣ онѣ отъ сырости и дыма скоро покрывались толстымъ слоемъ грязи,

и не имѣли надлежащаго освѣщенія. Первое основаніе публичной галлерей положили французы, вовемя занятія ими Болоньи, и съ-тѣхъ-поръ городъ имѣеть музей, довольно помѣстительный, въ которомъ множество дивныхъ произведеній живописи и гораздо менѣе посредственности, чѣмъ въ другихъ галлерейхъ Италіи.

Мнѣ нѣтъ времени исчислять всѣ картины, собранныя въ этой сокровищницѣ искусствъ; укажу только на самыя замѣчательныя изъ нихъ; это: *св. Сецилія* Рафаэля, *Избіеніе младенцовъ* Гвидо-Рени, *Божія Матерь съ четками, сыплющая розы на главу св. Доминика* Доминикина. Впрочемъ, о болонской школѣ живописи было писано такъ много и она такъ известна, что говорить о ней значило-бы повторять старое. Замѣчу только одно: самыя рамы многихъ картинъ неменѣе любопытны, какъ и картины, не потому только, что онѣ современны самымъ картинамъ, но потому, что были проэктированы, рѣзаны и позолочены самими артвстами. Рамы эти вообще всѣ характера готическаго и носятъ на себѣ печать труда добросовѣстнаго; онѣ называются *Concelli*, и многія изъ нихъ поражаютъ необыкновеннымъ искусствомъ рѣзбы и вкусомъ украшеній.

Теперь остается мнѣ сказать нѣсколько словъ о знаменитомъ болонскомъ *Campo-Santo* при картезіанскомъ монастырѣ, въ полу-мили отъ города. Кладбище это, по обширности своей и множеству прекрасныхъ мраморныхъ памятниковъ, а главное по необыкновенной величинѣ кипарисовъ, считается первымъ въ Италіи. Оно расположено на ровной плоскости, на которой выстроено квадратное, довольно низкое зданіе; четыре стороны этого квадрата, обращенныя къ кладбищу, составляютъ длинныя аркады, въ которыхъ тѣснятся гробницы; середина этого квадрата—роскошный лугъ, и на немъ, отдѣльно другъ отъ друга, растутъ кипарисы, истинные великаны; подобныхъ имъ я не видѣлъ нигдѣ.

Завтра я ѣду далѣе на югъ; меня манитъ къ себѣ Флоренція; отсюда до нея только полтора сутокъ пути; но я пересиливаю свое желаніе, и располагаю проѣхать въ Римъ другою дорогою, еще мнѣ незнакомою. Я видѣлъ всю Италію, не видѣлъ только маленькаго уголка ея отъ Болоньи до Анконы; теперь хочется мнѣ посѣтить его, и взглянуть мимоѣдомъ на Санъ-Марино. И такъ, завтра отправляюсь отсюда въ Имолу.

Римъ, 14-го ноября 1855.

Въ Итали дилижансы заведены на весьма немногихъ дорогахъ, и ходять вообще довольно неисправно. Самый обыкновенный и самый безопасный способъ путешествовать тамъ,—нанять ветурино или извощика, который на долгихъ, въ довольно порядочной коляскъ, а иногда и каретъ, нанимается на известное разстояніе, и доставляетъ васъ къ мѣсту назначенія въ условленное время. Такому ветурино обыкновенно платится въ сутки отъ 12 до 15 франковъ, и вы уже не обязаны заботиться ни объ обѣдъ, ни о ночлегъ; все это лежитъ на обязанности вашего возницы. Въ папскихъ владѣніяхъ, между Анконою и Римомъ, въ Калабрии, а также около Террачины, часто попадаются шайки бандитовъ; они останавливаютъ дилижансы, даже почту, но никогда не тронуть ветурино, потому-что *signor veturino* большею частію самъ бандитъ или въ тѣсной съ бандитами дружбѣ. Зная, это по опыту, (лѣтъ за двѣнадцать предъ тѣмъ остановили нашъ дилижансъ около самой Болоньи; папскіе драгуны, провожавшіе насъ, ускакали, и человекъ шесть бандитовъ преучтивымъ образомъ отобрали у насъ весь наличныя деньги) и пускаясь въ дорогу по мало-проезжему тракту, я, вмѣстѣ съ хорошимъ знакомымъ моимъ, г. Зисомъ, молодымъ филологомъ изъ Гейдельберга, нанялъ ветурино до Анконы, съ правомъ располагать имъ по нашему усмотрѣнію.

На слѣдующій день, это было 21-го октября, Зисъ рано утромъ постучался въ мою дверь, и объявилъ, что ветурино уже готовъ и дожидается у подъезда отеля. Сборы мои были непродолжительны, и мы собирались уже идти, какъ вдругъ является нашъ ветурино.

— *Eccellenza!* говорить онъ, низко кланаясь, *Eccellenza, Serenissimo padrone...*

— Что такое?

— Карета готова...

— И мы также. Пойдемъ.

— *Uno momento, Eccellenza...* и опять низкій поклонъ.

— Что еще?

— Въ каретъ четыре мѣста... а васъ всего двое; вамъ будетъ слишкомъ просторно.

— Тѣмъ лучше!

— А я думалъ тѣмъ хуже, и взялъ еще двухъ пассажировъ.

— Бездѣльникъ! вѣдь мы заплатили за всю карету!

— Знаю, Eхelenza, но я бѣднякъ, un povero hommo! Пассажиры эти прекрасные люди, и доведутъ только—одинъ до Имолы, а другая до Фаэнцы.

— Какъ другая?

— О, синьоръ, эта другая... тутъ онъ приложилъ пальцы къ губамъ и щелкнулъ ими необыкновенно выразительно, una bella ragazza.

— Чортъ съ тобою и съ нею! Намъ не нужно красавицъ; гони ихъ прочь!

— Misericordo Eхelenza! Неужели вамъ было-бы пріятнѣе, еслибъ я посадилъ съ вами какую-нибудь старую вѣдъму?

Мы расхохотались! Онъ все продолжалъ кланяться и упрашивать, чтобъ мы согласились принять къ себѣ въ карету незваныхъ гостей, увѣряя, что красавицу везетъ даромъ, и только съ аббата взялъ всего два скуди; что у него десять человѣкъ дѣтей, что онъ нищій, что два скуди деньги и ихъ на улицъ не найдешь. Бездѣльникъ этотъ умолялъ, плакалъ, кривлялся, кланялся чуть не въ ноги, и мы, чтобъ отвязаться отъ него, согласились, тѣмъ болѣе, что къ вечеру того-же дня мы должны были пріѣхать въ Фаэнцу, и слѣдовательно, освободиться отъ неожиданныхъ товарищей.

Наконецъ мы усьлись. Аббатъ былъ уже на мѣстѣ и сидѣлъ на передней скамейкѣ; онъ учтиво съ нами раскланялся, сказавъ, что очень радъ вхатъ въ такомъ обществѣ.

— Гдѣ-же твоя bella ragazza? спросилъ Зисъ у ветурино.

— Мы сейчасъ за нею заведемъ, отвѣчалъ онъ; ударилъ по лошадамъ, и мы двинулись довольно скорою рысью.

Минуть черезъ десять остановился онъ у высокаго дома, и оттуда порхнула къ намъ въ карету, съ маленькимъ узелкомъ въ рукахъ, молодая дѣвушка.

— Adio, Adio! carissima! закричала она какой-то женщиной, стоявшей у воротъ, окинула всѣхъ насъ быстрымъ взоромъ, приветливо поклонилась, и усьлась рядомъ съ аббатомъ.

Синьоръ Ieronimo, такъ звали нашего ветурино, не солгалъ на

Этотъ разъ: спутница наша была дѣйствительно una bella ragazza, стройная, быстроглазая, съ черными, какъ воронье крыло, волосами. Она была одѣта очень просто, но прилично; можно было угадать, что она принадлежала къ простому классу... Въ дорогѣ знакомишься легко. Разговоръ сдѣлался общимъ, и мы узнали, что спутницу нашу зовутъ signora Cecilia, что она урожденка Фазнцы, живетъ въ Болоньи, у тетки своей, содержательницы моднаго магазина, ѣдетъ повидаться съ матерью и побывать на сватбѣ старшей сестры своей.

Другой спутникъ нашъ, signor Bertucio, аббатъ изъ Имолы, старичокъ лѣтъ пятидесяти, маленькій, толстый, неуклюжій, краснощекій, смѣшилъ насъ насъ всю дорогу своею неумолкаемою болтовней и разными итальянскими остротами, (lazzi). Надобно сказать, что шея его была, вѣроятно, когда-нибудь вывихнута, потому-что онъ не могъ повернуть головы, и когда ему приходилось отвѣчать на вопросы своей сосѣдки, то долженъ былъ поворачиваться къ ней всею тѣлою; она замѣтила это и, плутовка, нарочно поминутно спрашивала его о чемъ-нибудь, такъ что онъ долженъ былъ безпрестанно вертѣться на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что нѣмецъ мой Зисъ, видя это, въ свою очередь забрасывалъ его вопросами. Наконецъ бѣдный аббатъ выбился изъ силъ, вытащилъ изъ кармана маленькую книжечку, и сказавъ, что по долгу своего званія обязанъ прочитать утреннія молитвы, прижался въ уголь и углубился въ чтеніе. Скоро однакоже громкое храпѣніе огласило карету, Аббатъ нашъ, опустивъ руки и протянувъ ноги, спалъ сномъ праведника. Мы оставили его въ покоѣ. Мало-по-малу разговоръ нашъ становился нетакъ оживленъ, какъ прежде. Signora Cecilia достала какое-то рукодѣлье и принялась работать. Карета катилась довольно тихо по гладкому шоссе; каждый предался своимъ мыслямъ, и скоро совершенное молчаніе, нарушаемое только храпѣніемъ аббата и однообразнымъ бряцаньемъ лошадиныхъ бубенчиковъ, воцарилось въ каретѣ.

Утро было прекрасное, воздухъ тепелъ; яркое солнце светило какъ у насъ въ маѣ; по обѣимъ сторонамъ дороги мелькали безпрестанно красивыя виллы и фермы, окруженныя тѣнистыми садами; длинная цѣпь Апенниновъ тянулась къ югу; синія вершины ихъ терялись въ туманъ; на деревьяхъ начинали уже показываться кой-гдѣ желтыя листья; виноградныя лозы, лишенныя сво-

ихъ гроздовъ, вились густою зеленою около высокихъ тычинокъ, и мѣстами висѣли гирляндами между тутовыми деревьями. Окрестности Болоньи вообще очень красивы и чрезвычайно плодородны; вы вездѣ видите довольство и богатство; мѣстность эта довольно возвышена, и здѣсь не бываетъ томительныхъ жаровъ, какіе случаются иногда на равнинахъ Ломбардіи, лежащей ближе къ сѣверу. Климатъ здѣсь здоровъ, растительность богата и разнообразна; словомъ, Болонское легатство одинъ изъ лучшихъ перловъ въ папской тиарѣ.

Отъ Болоньи до Имолы $6\frac{1}{2}$ миль. Это очень старинный городъ; онъ занимаетъ мѣсто древняго форума *Cornelii*; въ немъ, какъ почти во всѣхъ городахъ болонскихъ, много портиковъ или аркадъ, которыя тянутся по сторонамъ улицъ; портики эти вобщемъ мрачны, но довольно оригинальны. Здѣсь граница между легатствомъ Болонскимъ и Романьей, и потому при самомъ въездѣ въ городъ остановилъ насъ у заставы усатый папскій жандармъ, закричавъ хриплымъ голосомъ: *Li passaporti*, и потребовалъ ключей отъ нашихъ чемодановъ. Въ Италиі, особенно въ Папской-области, всего несноснѣе безпрестанныя остановки и обязанность въ каждомъ городѣ предъявлять свои паспорта, а также подвергаться таможенному осмотру; за прописку паспортовъ надобно платить вездѣ, а отъ таможенныхъ аргусовъ вы также не отдѣляетесь безъ нѣсколькихъ мелкихъ монетъ, хотя-бы у васъ не было ничего запрещеннаго.

Здѣсь мы должны разстаться съ аббатомъ. Большаго труда стоило намъ разбудить его, а онъ увѣрялъ, что чуть-чуть только задремалъ. Долго шарилъ онъ въ каретъ, отыскивая свой молитвенникъ, который выпалъ у него изъ рукъ, когда онъ заснулъ; таможенные вообразили, что онъ хочетъ скрыть отъ нихъ что-нибудь, и какъ они не надѣялись получить отъ него никакой *buona sera*, то громкими криками требовали, чтобъ онъ вылезъ изъ кареты. Аббатъ взбѣсилъ, кричалъ, грозилъ жаловаться; лицо, его и безъ того красное, сдѣлалось багровымъ, и какъ во время вытаскиванія его изъ кареты у него оборвали его маленькій чернѣйшій плащъ, то онъ, въ свою очередь, требовалъ отъ таможенныхъ уплаты за избытокъ. Не знаю, какъ онъ съ ними раздѣлался. Иеронимо ударилъ по лошадамъ, и карета наша помчалась по гладкой мостовой...

— Боюсь, что бѣднаго аббата ударить параличъ, смѣясь сказала *siniora Cecilia*; онъ такъ разсердился.

— Успокойтесь, *siniorina*, онъ стянеть съ таможенныхъ нѣсколько баекъ за свой плащъ, и будетъ здоровъ...

— *Per Dio!* Взять что-нибудь съ таможенныхъ! Да гдѣ это видано? Повѣрьте онъ-же упрячуть его подъ арестъ.

— И по дѣломъ, замѣтилъ Зисъ; зачѣмъ было спать, а главное зачѣмъ терять молитвенникъ.

До Фаэнцы оставалось намъ три мили, мы ѣхали скоро, и часа черезъ полтора стали показываться колокольни города. *Siniora Cecilia* безпрестанно выглядывала въ окно, и когда Фаэнца показалась на горизонтѣ, она съ радостью воскликнула:

— Вотъ она! Вотъ Фаэнца!

— Вы давно уже не были тамъ, *siniorina*?

— Три года, три года не видала я моей матери, не видала моей дорогой Фаэнцы!

— Развѣ вы скучали въ Болоньи?.. Это такой веселой городъ.

— Болонья хороша, но дома какъ-то лучше. Вамъ синьоръ *Russo*, вѣрно нравится въ Итали, но вы конечно соскучитесь въ ней и уѣдите въ свою холодную сторону; такъ и я: въ Фаэнцѣ мнѣ все мило и дорого.

— Правда, правда синьорина! вездѣ хорошо, а дома лучше.

— А очень у васъ холодно?

— Теперь еще неочень, а зимою бываетъ градусовъ 25-ть холоду...

— *Santa Maria!* воскликнула она, да какъ же можно жить тамъ?

— Какъ нельзя лучше; у насъ есть теплыя шубы и печи.

Она сомнительно покачала головою; ея южное воображеніе никакъ не могло представить себѣ возможности существовать при такомъ холодѣ.

Наконецъ мы въехали въ Фаэнцу. Здѣсь должны мы были кормить лошадей и остаться ночевать. Иеронимо подвезъ насъ къ какому-то трактиру, гдѣ насъ встрѣтили очень радушно, и отвели очень порядочную комнату.

— *Adio, siniori!* сказала намъ хорошенькая наша спутница, Богъ да сохранить васъ въ пути!

Она протянула намъ руку, и мы дружески пожали ее.

— Увидимся-ли мы опять когда-нибудь. Если Богъ приведетъ меня опять въ Болонью, то я непременно отыщу васъ, сказала я ей.

— Не ищите меня въ Болоньи, я остаюсь здѣсь; сестра моя выходитъ замумъ, мать стара, и ей нужна поддержка.

— Доброе дѣло, синьорина! Богъ да наградитъ васъ и пошлетъ вамъ хорошаго мужа.,.

Она лукаво улыбнулась, какъ-будто хотѣла сказать: «Я хороша, и за этимъ дѣло не станетъ!» кивнула намъ своей прелестной головкой, быстро повернулась и побѣжала вдоль по улицѣ.

Признаюсь, намъ было жаль растаться съ такою хорошенькой спутницей; она забавляла насъ своею наивностью, своею неистощимою веселостью, и мы не отказались-бы ѣхать вмѣстѣ съ нею до Анконы. Особенно филологъ мой очень пріунылъ; онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, и когда она скрылась за угломъ улицы, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Ja, der Schurke hatte Recht, — ein wunderschönes Medel!..

Мы вошли въ трактиръ. Тамъ ждалъ уже насъ обѣдъ, не роскошный, но довольно сносный, и неизбежная *polenta* занимала въ числѣ блюдъ первое мѣсто. Мы вышли за здоровье синьорины *Cecilia*, и пустились бродить по городу.

Фаэнца довольно большой и красивый городъ; въ немъ прекрасная площадь, къ которой ведутъ четыре довольно широкія улицы; хорошенькій театръ, ратуша (*palazzo publico*), часовая башня (*torre dell'orologio*), фонтанъ и старинный соборъ; всѣ эти зданія очень обыкновенны и подобны тѣмъ, какія встрѣчаемъ во всѣхъ нѣсколькихъ значительныхъ городахъ Италіи. Но знаменитость Фаэнцы заключается не въ башняхъ и не въ палацахъ, а въ ея старинной и извѣстной фаянсовой фабрикѣ, которая, какъ говорятъ итальянцы *merita una speciale attenzione pel credito che ha questa manifattura anche presso gli altromontani che la conoscono sotto il nome francese faience* (*). Несмотря однакоже на свою знамени-

* Фаэнца заслуживаетъ особенное вниманіе по извѣстности, которую она пользуется даже и между ултрамонтистами, своими издѣліями, называемыми по французски *faience*.

тость и древность, фаянсъ фаэнскій очень грубъ и вообще не отличается вкусомъ. Фаэнцу, не знаю почему, называютъ также Флоренціей Романьи.

На другой день, на самомъ разсвѣтъ, оставили мы Фаэнцу и пустились далѣе. Зисъ, посматривая на незанятое никѣмъ мѣсто впереди кареты, нѣсколько разъ повторялъ: «А право жаль, что ее нѣтъ съ нами! Я согласился съ нимъ, но замѣтилъ при томъ, что все-таки намъ было лучше ѣхать однимъ; мы могли по-крайней-мѣрѣ, свободно протянуть ноги и положить ихъ на переднюю скамейку, а въ дорогъ это дѣло не маловажное.

— Ноги у меня нисколько не устали.

— Вѣрю. Вы молоды, а мнѣ уже пятый десятокъ и для меня покой вещь совсѣмъ нелишняя.

— Sie sind ein Egoist! отнѣчалъ онъ съ досадою, и тутъ-же положилъ объ ноги на скамейку.

Утро было пасмурное, сѣрыя тучи неслись по небу и предвѣщали дождь; вѣтеръ шумѣлъ въ листьяхъ деревъ, которыми была обсажена дорога и между ними мелькали безпрестанно красивые крестьянскіе домики, окруженные пашнями и садами. Вообще вся эта страна очень живописна и плодородна, а жители отличаются здоровымъ видомъ, опрятностью и даже щегольствомъ въ одеждѣ, что въ Италиі, между простымъ народомъ, вообще довольно рѣдко. Мы проѣхали довольно скоро 3½ мили, отдѣляющія Фаэнцу отъ Форли, и при самомъ вѣздѣ въ этотъ городъ разразилась довольно сильная гроза, которую мы переждали подъ какимъ-то навѣсомъ, пока жандармъ ходилъ прописывать наши паспорта.

Форли, древній, Forum Livii, хорошенькій, чистенькій городъ. въ которомъ нѣтъ ничего итальянскаго и ничего особеннаго замѣчательнаго. Мы даже не выходили изъ кареты, и переждавъ грозу, пустились далѣе къ Чезенѣ, до которой намъ оставалось еще пять миль.

Чезена лежитъ у подошвы красиваго холма, омываемаго рѣкою Савіей (Savio) — Она славится своимъ виномъ, которое показалось намъ однакоже довольно кислымъ. Здѣсь главная промышленность заключается въ обработываніи льна, который собирается въ большомъ количествѣ. Замѣчательныхъ зданій мало; въ капуцинскомъ монастырѣ показываютъ большую картину, при-

писываемую кисти Гверчино, но она много пострадала отъ времени и сырости. Всего любопытнѣе библіотека, основанная въ 1450 году *сигноромъ* Malatesta Novello; она богата старинными рукописями, собранными еще до изобрѣтенія книгопечатанія. Также заслуживаетъ вниманія туриста церковь Santa Maria di Monte; въ ней много древнихъ гробницъ. Чезена, долго управляемая мелкими феодальными баронами, подпала наконецъ власти предприимчивыхъ Малатести. Последний изъ этого дома, Малатеста Новелло, по духовному завѣщанію, отдалъ городъ этотъ Церковной-области. Папа Пій VI былъ уроженецъ Чезены.

Между этимъ городомъ и Римомъ перевзжаютъ рѣку или, лучше сказать, ручей, имя котораго такъ громко въ исторіи—это Рубиконъ. Старинная надпись, возбудившая столько-же споровъ, какъ и самый ручей, виднѣется на берегахъ его и запрещаетъ *всѣмъ центурионамъ и военнымъ начальникамъ переходить этотъ ручей съ оружіемъ рукахъ*. Надпись эта не остановила ни Юлія Цезаря, ни Наполеона, Переходя Рубиконъ, оба они стремились къ одной и той-же цѣли—къ вѣнцу императорскому, оба достигли ее, но въ будущемъ одного сторожилъ кинжалъ Брута, а другого — пустынный островъ Св. Елены.

ЗАМѢТКИ О ЧЕЧНѢ.

Капитана К. Самойлова.

Еще очень недалеко то время, когда такъ часто повторялась старая, но тѣмъ неменѣе справедливая истина, что мы, русскіе, очень мало знаемъ свое отечество. Но теперь этого уже сказать нельзя: въ послѣдніе годы изученіе Россіи стало быстро распространяться въ нашемъ обществѣ, и этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, или, какъ говорили встарину, отраднымъ явленіемъ, мы прежде всего, безспорно, обязаны учрежденію русскаго Географическаго Общества, изданія котораго главнымъ образомъ содѣйствовали и содѣйствуютъ развитію въ русскомъ обществѣ любви къ землѣвѣднію вообще и къ изученію Россіи въ особенности. Потому этому также немало способствуютъ лучшіе наши журналы, очень часто помѣщающіе на своихъ страницахъ описанія то той, то другой малоизвѣстной мѣстности нашего обширнаго отечества. Въ наше время изученіе Россіи во всѣхъ отношеніяхъ стало, можно сказать, необходимою потребностію и даже однимъ изъ главныхъ условій образованія; и если и теперь есть еще люди, считающіе себя образованными, и въ тоже время малосвѣдущіе о своемъ отечествѣ, то этому виною ихъ собственная лѣность и, отчасти, плохое пониманіе смысла слова: образованность; а ужъ никакъ не недостатокъ средствъ къ изученію Россіи.

Все сказанное совершенно справедливо въ отношеніи свѣдѣній о Россіи вообще, но, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ еще нельзя того-же сказать въ отношеніи нѣкоторыхъ, хотя правда и немногихъ, мѣстностей нашего отечества, и Кавказа въ особенности.

Всѣ познанія большинства нашего общества о Кавказѣ ограничиваются по большей части самыми неточными и сбивчивыми свѣдѣніями, почерпаемыми: одними изъ высокопарныхъ кавказскихъ романовъ, съ ихъ неизбежными, никогда небывальными и невозможными Фатимами, Зюлейками, Мулла-Нурами и т. п.; другими изъ рассказовъ господъ, никогда небывавшихъ далѣе Ставрополя, Пятигорска или, самое уже большое, проѣхавшихъ на почтовыхъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Только очень немногіе знакомы съ Кавказомъ по источникамъ, дѣйствительно заслуживающимъ вѣроятія, и доставляемымъ людьми, на самомъ дѣлѣ изучавшими эту страну или, по-крайней-мѣрѣ, долго въ ней жившими. А источниковъ такихъ у насъ вѣдь немало: каждый почти листокъ газеты «Кавказъ» заключаетъ въ себѣ какое-нибудь любопытное и, главное, вѣрное свѣдѣніе о той или другой мѣстности Кавказа; есть у насъ, кромѣ-того, и нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, могущихъ желающаго познакомить съ Кавказомъ, напримѣръ: сочиненія Милютина, Невѣровскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Но и при всемъ томъ большинство нашего общества отличается самымъ непростительнымъ невѣдѣніемъ Кавказа, одной изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстностей нашего отечества. Не говоря уже про то, что всѣхъ жителей Кавказскихъ горъ у насъ привыкли называть общимъ именемъ черкесовъ,—кого изъ Кавказцевъ не поражало это грустное невѣдѣніе о кавказскихъ герояхъ, славною смертью закончившихъ свою полезную и трудную жизнь; и какъ больно встрѣтить это невѣдѣніе въ людяхъ, которые могутъ вамъ подробно рассказать жизнь и подвиги любого алжирскаго маршала, или какого-нибудь благороднаго англійскаго лорда, мошенническимъ образомъ завоевавшаго какую-нибудь область Индіи! Кому изъ Кавказцевъ не приходилось слышать дѣтски-наивныхъ вопросовъ въ родѣ слѣдующаго: «Не знаете-ли вы такого-то?—Нѣтъ.—Странно, вѣдь онъ служитъ на Кавказѣ!» Дѣйствительно странно. Какъ-будто Кавказъ какой-нибудь уѣздъ, и какъ-будто тамъ войска не разбросаны по линіи длиною слишкомъ въ двѣ-тысячи-пятьсотъ верстъ! Случается слышать иногда замѣчаніе: зачѣмъ въ Чечнѣ рубятъ лѣса, когда ихъ такъ легко было-бы уничтожить огнемъ; и приводятъ въ доказательство наши лѣсные пожары. А еще сколько существуетъ уже совершенно нелѣпыхъ мнѣній, какъ напримѣръ, что Шамиль и Марлинскій одно и тоже лицо!.. и т. д. И все это доказываетъ,

какъ мало наше общество знакомо съ Кавказомъ, и какъ много оттого ходить о Кавказъ превратныхъ понятій.

Я увѣренъ, что большая часть моихъ читателей, взглянувъ на заголовокъ статьи, съ удивленіемъ спросятъ: Что-же это за Чечня? Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ напомнить вамъ, что это страна, въ лѣсахъ которой впервые явился Шейхъ-Мансуръ, глава противухристіанской секты, бывшей главною причиною настоящей непримиримой вражды горцевъ противъ русскихъ. Но вы, вѣроятно, не помните Шейхъ-Мансура; возьмемъ другое что-нибудь, болѣе современное: въ лѣсахъ Чечни палъ славный Сльпцовъ, кратковременная жизнь котораго, полная блистательныхъ подвиговъ, обѣщала, что онъ сравняется съ первыми русскими военными знаменитостями. Но можетъ-быть вы и про Сльпцова забыли. Позвольте-же напомнить вамъ, что Чечня была (26-го октября 1850 г.) боевою купелью Государя Императора; въ ней онъ отвагою своею заслужилъ Георгіевскій крестъ, восторгъ солдатъ и удивленіе горцевъ, прозвавшихъ его джигитомъ, т. е. удалцомъ. Теперь конечно вы вспомнили Чечню; замѣьте только, что слишкомъ стотысячное населеніе ея * называется нами (и тоже несовсѣмъ правильно) чеченцами, а не черкесами, о которыхъ въ Чечнѣ не имѣютъ никакого понятія.

Впрочемъ, въ незнаніи Чечни васъ по-правдѣ-то и обвинять нельзя: до-сихъ поръ еще нетолько нѣтъ полнаго описанія этой страны, но даже о ней вовсе почти ничего не писано.

Въ-продолженіе моего четырехлѣтняго пребыванія въ Чечнѣ я исходилъ вдоль и поперекъ почти всю Чеченскую-плоскость, и потому имѣлъ случай лично видѣть большую часть ея мѣстности; потомъ, находясь, по должности моей, въ непосредственно близкихъ сношеніяхъ съ мирными (т. е. покорными) Чеченцами, я довольно хорошо ознакомился съ самымъ народомъ. Изъ этихъ свѣдѣній, собранныхъ мною на самомъ мѣстѣ, составлена эта статья, въ чемъ, можетъ-быть, и заключается единственное ея достоинство; къ этимъ свѣдѣніямъ, для полноты очерка, я счелъ полезнымъ присоединить краткій историческій обзоръ отношеній, существовавшихъ между чеченцами и русскими, для чего матеріаломъ послужили мнѣ многочисленныя данныя, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ нашихъ періодическихъ изданій.

Заранѣе прошу не искать въ моихъ замѣткахъ полнаго и ученаго описанія страны; такого рода трудъ требуетъ многихъ спе-

* Мужескаго пола.

ціальныхъ свѣдѣній, невозможныхъ для офицера, получившаго естественно воспитаніе по преимуществу военное; нуженъ также досугъ чловѣка неслужащаго, а этого уже никакъ нельзя требовать отъ служащихъ въ Чечнѣ, потому-что здѣсь войска имѣютъ очень мало свободнаго времени.

Но какъ Чечня, можетъ-быть, нескоро еще подвергнется ученому изслѣдованію и вызоветъ перо, болѣе моего искусное; то полагаю, что за немнѣіемъ лучшаго, и мой обзоръ не будетъ лишенъ хотя небольшой занимательности. Я удовольствуюсь даже и тѣмъ, когда замѣтки мои обратятъ вниманіе кого-нибудь болѣе меня свѣдущаго, который пожелаетъ исправить ошибки и промахи, которые не могутъ не быть въ этой статьѣ, какъ говорящей о предметъ, до-сихъ-поръ еще почти нетронутомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вздумаетъ описать полнѣе и вѣрнѣе самую Чечню. И тогда мой трудъ не будетъ трудомъ пропащимъ.

1854 г.

I.

Границы.—Неточность ихъ.—Горы.—Рѣки.—Ущелья.—Озера.—Климатъ.—Качество почвы.—Растенія.—Животныя.—Ископаемыя.—Минеральные источники.—Раздѣленіе Чечни.—Укрѣпленія.—Аулы.—Просѣки и пути сообщенія.

Чеченцы, подобно многимъ другимъ кавказскимъ горцамъ, о землѣ, ими обитаемой, не имѣютъ понятія въ смыслъ государственномъ, какъ объ отечествѣ, и не придаютъ большаго значенія точному опредѣленію границъ своимъ землямъ; оттого обозначить точно предѣлы пространства, занимаемаго чеченскимъ племенемъ, рѣшительно невозможно. Вообще принято называть Чечнею пространство свѣрныхъ отраслей главнаго Кавказскаго хребта и равнинъ, къ нему прилегающихъ, пространство, ограниченное рѣкою Терекомъ, Главнымъ хребтомъ, Андійскимъ хребтомъ и землями кумыковъ; но эти границы далеко неточны и могутъ только указать приблизительно на мѣсто, какое занимаетъ это племя среди другихъ кавказскихъ народовъ. Болѣе-же опредѣлительныя границы Чечни, принятія и на подробныхъ картахъ Кавказа, слѣдующія: свѣрную границу ея составляетъ правый берегъ Терека, отъ станицы Галюгай до укрѣпленія Ампръ-Аджи-Юртъ. На востокъ она граничитъ съ землями кумыковъ; потомъ рѣка Акташъ и Снѣговой-Андійскій хребетъ, имѣющій свѣровосточное направленіе, отдѣляютъ Чечню отъ

лезгинскихъ обществъ Дагестана. Съверные склоны Главнаго хребта и земля хевсуровъ образуютъ южную границу. На западъ Чечня граничитъ съ землями ингушей, отъ которыхъ въ съверной части отдѣляется рѣкою Фортангою, до впаденія ея въ Сунжу; далѣе идетъ по Сунжѣ, и наконецъ по границѣ Малой-Кабарды, до Липовскаго поста, близъ станицы Галюгай на Терекъ.

Но и эти границы, несмотря на ихъ подробность, вовсе нельзя назвать совершенно точными. Впрочемъ болѣе опредѣлительныхъ означить и невозможно, потому-что къ краямъ страны чеченцы мало-по-малу перемѣшиваются, а иногда и совершенно сливаются, съ сосѣдними племенами. Кромѣ-того, южная часть Чечни, заселенная непокорными намъ обществами, совершенно недоступна, и свѣдѣнія о ней можно получать только отъ горскихъ выходцевъ, показанія которыхъ очень рѣдко бываютъ вѣрны, что происходитъ или отъ невѣдѣнія ихъ, или, чаще, отъ умышеннаго искаженія истины. Особенно не опредѣлена западная граница, гдѣ чеченцы живутъ въ сосѣдствѣ съ ингушами; тамъ, по словамъ самихъ жителей, пограничныя земли обоихъ племенъ такъ перемѣшаны, что въ иныхъ мѣстахъ составляютъ, такъ-сказать, чрезполосныя владѣнія. Наконецъ, по недостатку точныхъ свѣдѣній объ этой части Чечни и по сходству, существующему между сосѣдними обществами этихъ племенъ, до-сихъ-поръ нельзя еще сказать положительно: какія изъ нихъ имѣютъ чеченское происхожденіе и какія—ингушское.

Пространство, заключенное въ описанныхъ предѣлахъ, получило имя Чечни отъ русскихъ; сами-же чеченцы такъ его не называютъ. Земля ихъ не имѣетъ одного общаго имени, а называется въ разныхъ своихъ частяхъ различно, преимущественно по именамъ племенъ; а иногда одно и тоже мѣсто имѣетъ нѣсколько названій. Чечней-же собственно называется только небольшой участокъ, заключенный между рѣками Сунжей, Урусъ-Мартаномъ и Аргуномъ и ущельями двухъ послѣднихъ рѣкъ. Вѣроятно первые чеченцы, вступившіе въ сношеніе съ русскими, были жители этого участка, и по нимъ названы какъ всѣ ихъ одноплеменники, такъ и вся земля, заселенная ими.

Чечня, простираясь отъ Главнаго-хребта до степей, лежащихъ за Тереккомъ, естественно заключаетъ въ себѣ чрезвычайно большое разнообразіе въ характеръ мѣстности: съверная ея часть, ближайшая къ Тереку, хотя и перерѣзана въ иныхъ мѣстахъ невысокими горами, имѣетъ характеръ плоскости, и рѣзко отли-

чается отъ южнаго пространства, представляющаго въ полномъ смыслѣ страну горную. Объ этой послѣдней части Чечни не имѣется положительныхъ свѣдѣній, и потому въ настоящее время можно представить описаніе только общаго характера ея мѣстности, основываясь почти исключительно на однихъ разсказахъ горцевъ.

Главный-хребетъ, составляющій часть южной границы Чечни, отдѣляется отъ себя, по всему своему протяженію, множествомъ отраслей, идущихъ или параллельными ему грядами, или въ видѣ контрфорсовъ. Въ Тушетіи, къ сѣверу отъ горы Барбало, отдѣляется отъ Главнаго-хребта, въ сѣверовосточномъ направленіи, громадная вѣтвь, вершины которой, неуступающія въ высотѣ вершинамъ Главнаго-хребта, покрыты вѣчнымъ, никогда не таяющимъ снѣгомъ. Хребетъ этотъ, имѣя множество частныхъ именъ, называется вообще Снѣговымъ и, преимущественно въ сѣверной своей части, Андійскимъ. Отъ сѣверозападнаго склона его, принадлежащаго Чечнѣ, отдѣляется также много болѣе или менѣе высокихъ отроговъ, имѣющихъ вообще сѣверо-западное направленіе, которые, по нѣкоторомъ отдаленіи, пересѣкаются съ отраслями становаго хребта. Отъ этого пересѣченія многихъ горныхъ кряжей, внутренность горной Чечни представляетъ страну дикую, перерезанную по всемъ направленіямъ горами, усянную отдѣльными скалами и изрытую глубокими ущельями, оврагами и пропастями. Это какое-то безпорядочное скопленіе громоздящихся одна надъ другою горъ, поражающихъ своимъ мрачнымъ величіемъ. Ближайшія къ Главному и Снѣговому хребтамъ горы вообще каменисты; вершины нѣкоторыхъ изъ нихъ покрыты большую часть года снѣгомъ, другія голы, и наконецъ нѣкоторыя покрыты рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ.

По мѣрѣ удаленія къ сѣверу, горы начинаютъ понижаться, и покрываются постепенно все болѣе и болѣе растительностью; вмѣстѣ съ тѣмъ и долины между ними расширяются. Наконецъ, одѣтыя отъ вершины до подошвы огромнымъ лѣсомъ, горы выходятъ на равнину, болѣе или менѣе крутыми уступами. Эти горы называются Лѣсными, и послѣдніе уступы ихъ оканчиваются верстахъ въ сорока къ югу отъ Терека. Отсюда мѣстность принимаетъ уже характеръ плоскости, не представляя нигдѣ, почти до самаго Терека, угрюмыхъ горныхъ видовъ и неприступныхъ мѣстъ. Лѣсныя горы тянутся длинною, волнистою грядою, составляя какъ-бы неразрывную стѣну, отдѣляющую горную

часть отъ равнинъ. Сѣверный и южный склоны этого хребта, несмотря на малую ширину его, совершенно непохожи одинъ на другой: первый сплошь покрытъ густымъ и высокимъ лѣсомъ, почти неизмѣющимся прогалинъ, и представляющимъ издали одну сплошную массу зелени, такъ, что неопытному глазу даже съ небольшого отдаленія горы эти кажутся покрытыми густымъ мелкимъ кустарникомъ. Южный склонъ, сколько могу судить по тому небольшому участку, который мнѣ удалось видѣть во время одного изъ нашихъ набѣговъ внутрь горъ, бѣденъ лѣсомъ, мраченъ, каменистъ, и крутые бока его изрыты глубокими разщелинами. Вообще должно замѣтить, что преимущественная крутизна южныхъ склоновъ передъ сѣверными, составляющая отличительную особенность главнаго Кавказскаго хребта, сохраняется и всеми его побочными отраслями, и даже отдѣльными высотами.

Чеченская плоскость перерѣзана тремя невысокими кряжами: Два изъ нихъ, идущіе почти параллельно, имѣя восточное направленіе, называются вообще Кабардинскими горами. Южный хребетъ, отдѣляясь отъ Черныхъ горъ Дигоріи, тянется по лѣвому берегу рѣки Сунжи, и раздѣляетъ почти пополамъ Чеченскую плоскость. Онъ невысокъ и вездѣ почти удобопроходимъ. Не доходя до Сунжи, отъ него отдѣляются въ обѣ стороны небольшіе отроги; потомъ южный склонъ его составляетъ лѣвый берегъ рѣки, а сѣверный продолжаетъ развѣтвляться на значительное протяженіе, образуя иногда довольно широкія плоскогорія. Разрѣзанный поворотомъ Сунжи на сѣверъ, хребетъ этотъ упирается въ рѣку Аргунъ двумя отдѣльными высотами, образующими ущелье Ханъ-Кале, и наконецъ, за Аргуномъ, составляя какъ-бы окончаніе надъ-сунженской гряды, стоитъ отдѣльная гора Гойтъ-Кортъ.

Верстахъ въ двадцати къ сѣверу отъ описаннаго хребта проходитъ, почти параллельно ему, сѣверный, или надъ-теречный, Кабардинскій кряжъ, поднимающійся въ Малой-Кабардѣ, почти противъ Моздока. Онъ нѣсколько выше перваго, но менѣе его вѣтвистъ. По мѣрѣ удаленія на востокъ, хребетъ этотъ приближается болѣе и болѣе къ Тереку, и наконецъ оканчивается при самомъ устьи Сунжи.

Третій хребетъ, проходящій по Чеченской плоскости, называется Качкальковскимъ. Онъ отдѣляется въ Ичкеріи отъ Андійскаго хребта, составляя самую сѣверную отрасль его. Въ началѣ онъ имѣетъ почти прямое направленіе на сѣверъ; потомъ

поворачиваетъ на сѣверозападъ, отдѣляя въ обѣ стороны нѣсколько пологихъ вѣтвей, и наконецъ оканчивается близъ устья Сунжи, почти противъ склона надъ-теречнаго Кабардинскаго хребта.

Качкальковскій хребетъ выше и неприступнѣе двухъ первыхъ, и склоны его, изрытые крутыми оврагами, покрыты густымъ лѣсомъ. Надъ-сунженскій кряжъ совершенно безлѣсенъ, и только по южному его склону, вдоль по Сунжѣ, тянется неширокая полоса неочень высокаго лѣсу; сѣверная-же пологость его имѣетъ не большіе перелѣски лишь въ глубинѣ овраговъ. Но зато онъ весь покрытъ густою, хотя и невысокою травою. Надъ-теречный хребетъ имѣетъ множество балокъ или овраговъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, а бока его во многихъ мѣстахъ, преимущественно съ сѣверной стороны, каменисты, отчего видъ его вообще нѣсколько суровъ и дикъ. Между Кабардинскими хребтами и берегомъ Терека, отъ самаго западнаго склона Качкальковскаго хребта, тянутся широкія, покрытыя роскошною травою, продольныя долины или, лучше сказать, равнины, составляющія площадь Чеченской плоскости, и сливающіеся потомъ съ затеречными степями Большой-Кабарды.

Въ горной части Чечни замѣчательны своею высотой и неприступностію горы—Сулой-Лама, Нахчи-Лама и Тансутъ-Дагъ, находящіяся въ углу, образуемомъ пересѣченіемъ Главнаго и Снѣговаго хребтовъ, гдѣ представляется самая дикая и недоступная мѣстность Чечни. На плоскости-же нѣтъ ни одной высоты, заслуживающей какого-нибудь вниманія.

Снѣга Главнаго и Андійскаго хребтовъ и ближайшихъ ихъ отраслей даютъ начало множеству потоковъ, спускающихся по различнымъ направленіямъ въ ущелья и долины, гдѣ, соединяясь въ болѣе обширные потоки, и принявъ, по общему склону мѣстности, болѣе или менѣе сѣверное направленіе, они извиваются между пересѣкающимися вѣтвями горъ, прорываются потомъ чрезъ ущелья Лѣсныхъ горъ, и выходятъ на плоскость. Какъ горная Чечня, такъ и плоскость, чрезвычайно богаты водою; но о рѣкахъ первой части ничего нельзя сказать положительнаго, и намъ извѣстны только сѣверныя части тѣхъ изъ нихъ, которыя выходятъ на плоскость.

Плоскость на всемъ своемъ протяженіи перерезана множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ. Однѣ изъ нихъ, какъ ужъ сказано, образуются въ южныхъ частяхъ Чечни, изъ тающихъ снѣ-

говъ, другія берутъ начало въ ближайшихъ къ плоскости горныхъ отрасляхъ, называемыхъ Черными горами; и наконецъ сырая и влажная почва лѣсистыхъ предгорій даетъ начало множеству незначительныхъ ручьевъ, большею частію пересыхающихъ вое время лѣтнихъ жаровъ.

Главная рѣка Чечни — Терекъ, правый берегъ котораго на протяженіи около ста верстъ (отъ Липовскаго поста до укрѣпленія Амиръ-Аджи-Юртъ); принадлежитъ Чечнѣ. Теченіе Терекъ вообще очень быстро; отъ половины мая до конца іюня, когда, отъ таянія горныхъ снѣговъ, вода прибываетъ, онъ обращается въ мутный, яростный потокъ; даже огромные камни не могутъ устоять противъ силы напора воды. Въ то время рѣка не представляетъ никакой возможности для переправы; обыкновенно же переправа производится по бродамъ, существующимъ въ определенныхъ мѣстахъ, впрочемъ измѣняющихся ежегодно. Зимой Терекъ на короткое время покрывается нетолстымъ слоемъ льду, по которому однакъ же могутъ безопасно переправляться и пѣшіе и конныя. Черезъ Терекъ, отъ станицы Николаевской, устроены превосходный деревянный мостъ, прикрытый на чеченской сторонѣ небольшимъ предмостнымъ укрѣпленіемъ. Левый берегъ Терекъ низменъ, правый же, чеченскій, значительно возвышенъ, неровенъ и волнистъ. Бдущему по линіи онъ представляется въ видѣ невысокаго хребта, прорѣзаннаго множествомъ лощинъ и ущелій, вѣроятно слѣдовъ прежнихъ потоковъ дождевой и снѣговой воды. На покатосяхъ берега и въ лощинахъ живописно разбросаны небольшіе аулы мирныхъ надъ-теречныхъ Чеченцевъ.

Послѣ Терекъ, значительная рѣка — Сунжа, теченіе которой отъ аула Пліева принадлежитъ Чечнѣ. Задержанная въ своемъ сѣверномъ направленіи южнымъ Кабардинскимъ хребтомъ, она поворачиваетъ на востокъ, вдоль южной подошвы этого хребта, и прорвавъ его близъ ущелья Ханъ-Кале, извивается въ сѣверо-восточномъ направленіи, и впадаетъ въ Терекъ около аула Брагуны (между станицей Шедринъ и укрѣпленіемъ Амиръ-Аджи-Юртъ), разорвавъ связь Качкальковскаго хребта съ Кабардинскимъ надъ-теречнымъ. Берега Сунжи на всемъ протяженіи, и преимущественно съ правой стороны, покрыты густымъ лѣсомъ, который въ пныхъ мѣстахъ соединяется съ подгорнымъ. Хотя Сунжа неочень глубока, но повездѣ удобопроходима въ бродъ, чему причиной неровное, изрытое теченіемъ и загроможденное въ

инныхъ мѣстахъ огромными, вырванными съ корнемъ деревьями дно ея; зато крутые и обрывистые берега ея представляютъ большое удобство для устройства мостовъ. Сунжа очень быстра и почти никогда не замерзаетъ.

Асса только низовьемъ своимъ, при впаденіи въ Сунжу принадлежитъ Чечнѣ *. По выходѣ изъ ущелья Гуро, въ землѣ хевсуровъ, она течетъ чрезъ общества галгаевъ, цори, галашевъ и карабулаковъ, и близъ укрѣпленія Закань-Юртъ впадаетъ въ Сунжу. Асса не уступаетъ ни въ ширинѣ, ни въ глубинѣ Сунжѣ; она значительно быстрее этой послѣдней, и до слиянія съ нею протекаетъ большое пространство; потому, кажется, справедливѣе было-бы сказать наоборотъ, что Сунжа впадаетъ въ Ассу. Асса вовремя разливовъ наноситъ значительный вредъ своимъ прибрежнымъ жителямъ.

Далѣе, идя на востокъ, слѣдуютъ: Фортанга съ Наттыхой; Шаладжъ, соединяющійся съ извѣстнымъ всею, по прекраснымъ стихамъ Лермонтова, Валерикомъ; Гехи, Рошня, Мартанъ или Урусъ-Мартанъ, Гойта и Аргунъ. Все эти рѣки, за исключеніемъ Аргуна, незначительны, и тамъ, гдѣ позволяютъ берега, вездѣ удобопереходимы. Онѣ текутъ въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, орошая едва-ли не самую плодороднѣйшую долину Кавказа, и все впадаютъ въ Сунжу.

Аргунъ самая значительная рѣка горной Чечни. Онъ составляется изъ двухъ большихъ рѣкъ: Шари-Аргунъ и Шотой-Аргунъ, изъ которыхъ первая беретъ начало съ сѣверной стороны горы Барбало, а вторая образуется изъ потоковъ въ сѣверной части Хевсуріи; обѣ рѣки по мѣрѣ удаленія къ сѣверу сближаются, увеличиваясь втекающими въ нихъ со всѣхъ сторонъ ручьями и потоками, и близъ аула Дачу-Барзой, соединясь вмѣстѣ, принимаютъ названіе Аргуна. Отъ мѣста соединенія рѣка течетъ прямо на сѣверъ, и пройдя глубокое Аргунское ущелье, продолжаетъ свое теченіе по плоскости, въ томъ-же направленіи. Около ущелья Ханъ-Кале Аргунъ поворачиваетъ нѣсколько на сѣверо-востокъ, и впадаетъ въ Сунжу, близъ укрѣпленія Тепли-Кичу. Долина Аргуна, ограниченная высокими и крутыми берегами, въ нѣкихъ мѣстахъ простирается въ ширину болѣе чѣмъ на версту; по ней Аргунъ течетъ, дробясь на нѣсколько мел-

* Нѣкоторые считаютъ Ассу границей между Чечнею и Ингушами, но это предположеніе несогласно съ мнѣніемъ Чеченцевъ.

кихъ рукавовъ. Аргунъ неглубокъ, но чрезвычайно быстръ; дно его покрыто большими валунами, которые съ ужаснымъ грохотомъ переворачиваются водою; неумолкаемый этотъ гулъ, особенно въ тихую ночь, слышимъ на далекомъ разстояніи; вблизи же рѣки онъ заглушаетъ самый громкій голосъ; въ Аргунѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчаются глубокія промоины, дѣлающія переправу черезъ рѣку въ незнакомомъ мѣстѣ очень опасною. Главный рукавъ Аргуна иногда мѣняетъ свое ложе, и направляясь въ крутой берегъ, нередко отмываетъ огромныя массы земли и камней. Аргунъ замерзаетъ только около береговъ.

Къ востоку отъ Аргуна, между нимъ и Качкальковскимъ краемъ, текутъ слѣдующія рѣки: Шавдонъ, Басъ, Хулхулу съ притоками своими—Мичикомъ и Гумсомъ; изъ нихъ замѣчательна только Хулхулу. Рѣка эта выходитъ изъ сѣверной части Андійскаго хребта, прорѣзываетъ Ичкерію—восточное общество Чечни, и потомъ, имѣя сѣверо-западное направленіе, течетъ по плоскости, и близъ укрѣпленія Умаханъ-Юртъ впадаетъ въ Сунжу. Хулхулу немногимъ уступаетъ Аргуну въ ширинѣ и быстротѣ теченія.

Въ Ичкеріи протекаетъ рѣка Аксей, образуемая въ горахъ Нахчи-Лама; близъ укрѣпленія Герзель-Аулъ она входитъ въ Кумыкскія владѣнія. Верховья Яманъ-Су и Ярыкъ-Су также принадлежатъ Чечнѣ; и наконецъ часть рѣки Акташъ составляетъ границу Чечни съ Салатау—обществомъ Лезгинскаго племени.

За исключеніемъ Терека, Ассы, Сунжи, Аргуна и Хулхулу, остальные рѣки Чечни, когда нѣтъ прибыли воды, очень незначительны и мелководны; ввремя-же прибыли онъ вдругъ вздымаются и обращаются въ глубокіе и быстрые потоки. Даже самыя маленькія рѣчки, какъ напримѣръ, Гойта, носятъ на себѣ огромныя, вырванныя съ корнемъ деревья. Тогда всѣ рѣки представляютъ мутные потоки густой грязи, и нѣтъ никакой возможности пить эту воду неотстоянною. Налитая въ стаканъ, она черезъ часъ даетъ густой глинисто-известковый осадокъ, занимающій болѣе трети стакана. Прибыль воды въ рѣкахъ Чечни бываетъ два, а иногда и три раза въ годъ: весною—отъ таянія снѣговъ на болѣе низкихъ горахъ; лѣтомъ отъ таянія снѣговыхъ вершинъ главнаго и Андійскаго хребтовъ, и наконецъ иногда осенью, ввремя сильныхъ проливныхъ дождей. Только самыя маленькія рѣчки Чечни, имѣющія неочень быстрое теченіе, зимою на короткое время

замерзають; болѣе-же значительныя покрываются лишь небольшимъ слоемъ льда у береговъ.

Кромь упомянутыхъ рѣкъ, въ лѣсныхъ предгорьяхъ Чечни образуется множество незначительныхъ ручейковъ, рѣдко имѣющихъ особыя имена, и называемыхъ вообще шавдонами—источникъ или родникъ.

Ущелья горной Чечни, за исключеніемъ тѣхъ, которыя прорѣзаны въ лѣсныхъ горахъ, намъ очень мало извѣстны. Мы знаемъ только, что ихъ тамъ чрезвычайное множество; можно сказать, не преувеличивая, что вся южная Чечня состоитъ только изъ однихъ горъ и ущельевъ, потому-что долины, проходящія между ея многочисленными хребтами, такъ узки, что едва-ли ихъ можно назвать долинами; это скорѣе длинныя ущелья, и притомъ ущелья дикія и мрачныя; и только съ приближеніемъ къ лѣсистому хребту промежутки между горами становятся на столько широки, что могутъ назваться долинами.

Каждое ущелье лѣсныхъ горъ носитъ имя рѣки, чрезъ него протекающей, потому-что чрезъ каждое изъ нихъ текутъ рѣки. Ущелья эти рѣдко бываютъ длинны; но закрытыя съ сѣвера огромными, густыми лѣсами, покрывающими почти всегда и внутренность ихъ, всѣ они болѣе или менѣе трудно доступны. Особенно замѣчательно Аргунское ущелье, славящееся своею дикостію и непроходимостію. Высокія горы раздѣлены русломъ Аргуна менѣе чѣмъ на полружейный выстрѣлъ; бока ихъ, покрытые густымъ чинаровымъ лѣсомъ, почти отвѣсно спускаются къ рѣкѣ, представляя проходъ только чрезъ утлый плетневый мостикъ, прислоненный къ боку западной горы. За мостомъ ущелье начинаетъ расширяться; но тамъ каменистые, крутые откосы загораживаютъ его почти во всю ширину. Чеченцы еще болѣе увеличили неприступность этого ущелья, обрывъ отвѣсно бока горъ, и устроивъ по вершинамъ и склонамъ ихъ въ нѣсколько ярусовъ завалы. Несмотря на еще недавнее посѣщеніе Аргунскаго ущелья войсками нашими *, Чеченцы считаютъ его однимъ изъ надежнѣйшихъ своихъ оплотовъ, и до-сихъ-поръ еще оно служитъ мѣстомъ сбора самыхъ отчаянныхъ разбойниковъ. Замѣчательны также ущелья: лѣсистое Хулхулинское, за южнымъ выходомъ котораго, около аула Веденъ, расположенъ

* Въ ночь на 15 августа 1852 года полковникъ (теперь свиты Его Величества генералъ-майоръ) Князь Воронцовъ съ небольшимъ отрядомъ внезапно прошелъ Аргунское ущелье, и разорилъ Чишкинскіе хутора, лежавшіе за ущельемъ,

укрѣпленный замокъ Шамиля; длинное Гехинское, населенное самымъ злымъ чеченскимъ племенемъ; Басское, Гойтенское, Урусъ-Мартанское и Галашевское или ущелье Ассы. Въ хребтахъ, прорывающихся плоскость, нѣтъ замѣчательныхъ ущелій; только находящееся на восточной оконечности надъ-сунженскаго хребта ущелье Ханъ-Кале, пока не былъ вырубленъ покрывавшій его лѣсъ, представляло нѣкоторое затрудненіе для прохода войскъ. На восточной горѣ ущелья, покрытой густымъ лѣсомъ и изрѣзанной глубокими балками, гнѣздился непокорный аулъ чеченъ даже до конца 1852 года. Укрытые недоступностію мѣстности, жители его считали себя въ совершенной безопасности отъ русскихъ, и не оставили своей горы даже и тогда, какъ вся Чеченская плоскость была завоевана нами. Кстати замѣчу, что аулъ этотъ населенъ выходцами изъ бывшаго въ недалекомъ разстояніи отъ ущелья, на берегу Аргуна, аула чеченъ, правильнѣе чачанъ, именемъ котораго названа вся Чечня.

Озеръ на Чеченской плоскости немного, и они незначительны. Въ верховьяхъ рѣки Гехи есть два соляныя озера, соль которыхъ отличается особенно пріятнымъ вкусомъ, такъ что, за нею прѣзжаютъ туда даже изъ отдаленныхъ мѣстъ горной Чечни. Недалеко отъ ущелья Ханъ-Кале, близъ праваго берега Сунжи, есть тоже небольшое озеро, въ которомъ водится много раковъ. Говорятъ, что въ горной Чечнѣ, къ югу отъ Аргунскаго ущелья, находятся три озера, въ которыхъ водится много большой рыбы; озера эти отдѣлены отъ Аргуна искусственной плотиною; но случается, что во время разлива воды Аргунъ прорываетъ плотины, и уноситъ огромное количество рыбы. Это дѣйствительно случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Рассказываютъ еще, что недалеко отъ этихъ озеръ есть неизмѣримой глубины озеро Тумсой, замѣчательное своимъ пѣвками, находящимися въ немъ въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Тамашніе прибрежные жители употребляютъ очень простой способъ пользованія этими пѣвками: для этого больной садится въ воду по шею, и пѣвки тотчасъ осыпаютъ его; посидѣвъ сколько нужно, онъ отрываетъ пѣвки и выходитъ. Такимъ же образомъ лечатъ и домашнихъ животныхъ.

Климатъ Чечни чрезвычайно разнообразенъ, особенно въ южной ея части; тамъ на протяженіи какой-нибудь версты, много двухъ, можно испытать всѣ климаты нашей планеты, отъ вѣчныхъ морозовъ полюсовъ до вѣчныхъ жаровъ экватора. Черезъ

Аргунское ущелье часть внутренности горной Чечни видна, какъ въ панорамахъ. Вы видите, какъ воздымающіеся одни надъ другими хребты, чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ становятся все мрачнѣе; зеленый цвѣтъ, которымъ покрыты ближайшія высоты, постепенно исчезаетъ, и уступаетъ мѣсто коричневому и сѣрому цвѣту скалъ; наконецъ эта картина вѣнчается громаднымъ зубчатымъ гребнемъ вѣчныхъ снѣговъ. Любопытно бываетъ слѣдить, весною и осенью, за постепеннымъ повышеніемъ и пониженіемъ температуры въ горахъ. Простымъ глазомъ, а еще лучше въ хорошую трубу, можно видѣть, какъ весна во всѣхъ своихъ проявленіяхъ начинаетъ постепенно подниматься по гигантской лѣстницѣ горъ, и постепенно обнажаетъ ихъ отъ блага покрова, пока не встрѣтитъ непреодолимой преграды въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ, ярко-бѣлый цвѣтъ которыхъ, по мѣрѣ обнаженія горъ отъ снѣга, становится какъ-бы еще ярче. Также и осенью видишь, какъ сначала вѣчно-бѣлый гребень сливается съ близкой ближайшихъ высотъ, какъ потомъ этотъ бѣлый завѣсъ спускается медленно все ниже и ниже, пока наконецъ не ляжетъ на вѣковые лѣса лѣсистыхъ горъ.

Климатъ на высотахъ, ближайшихъ къ вѣчнымъ снѣгамъ, холодный, въ ущельяхъ и долинахъ—жаркій, на сѣверныхъ отрасляхъ—умѣренный. Вообще съ удаленіемъ отъ снѣговыхъ горъ климатъ становится теплѣе и постояннѣе. Въ горахъ и предгорьяхъ, составляющихъ южный край плоскости, онъ умѣренъ, или по-крайней-мѣрѣ умѣренъ относительно при-теречной части. Частые прохладные вѣтры, дующіе изъ ущелій, ослабляютъ жары, и они рѣдко достигаютъ свѣше 25-ти градусовъ реомюра; съ удаленіемъ-же отъ предгорій температура возвышается, и между кабардинскими хребтами лѣтомъ рѣдко бываетъ ниже 25-ти градусовъ, достигая часто до 30 и даже болѣе; съ приближеніемъ-же къ за-теречнымъ степямъ жары еще болѣе усиливаются, и могутъ, кажется, дать нѣкоторое понятіе о температурѣ тропиковъ. Надъ-сунженскій хребетъ рѣзко дѣлитъ Чеченскую плоскость въ климатическомъ отношеніи: къ сѣверу отъ него жары бываютъ сильнѣе, позже начинается зима, раньше лѣто, и оно бываетъ не такъ дождливо, какъ въ мѣстахъ, лежащихъ къ югу, гдѣ снѣгъ не сходитъ еще иногда даже и тогда, когда на другой сторонѣ начинаетъ уже зеленѣть трава.

Зима на Чеченской плоскости непродолжительна и рѣдко холодная. Въ горахъ снѣгъ начинаетъ вынмать въ началѣ ноя-

бря, на плоскости-же рѣдко ранѣе половины декабря; и замѣчено, что если декабрь холоднѣе, то въ январѣ бываютъ частыя оттепели, и весна начинается ранѣе; противное тому бываетъ, когда декабрь теплѣе: тогда почти до самаго января держатся морозы. Зимой морозы рѣдко достигаютъ до 10°, и то только ночью; днемъ-же почти всегда бываетъ оттепель. Въ половинѣ февраля снѣгъ исчезаетъ, и тотчасъ начинаетъ появляться зелень.

Весна очень кратковременна: еще невездѣ сойдетъ снѣгъ, какъ уже на обнаженныхъ отъ него мѣстахъ зеленѣетъ трава, и въ половинѣ февраля иногда можно встрѣтить цвѣтушіе подснежники. Жары наступаютъ быстро, почти вдругъ. Лѣто зависитъ отъ вѣтровъ: каспійскій приноситъ непогоду; этотъ-же вѣтеръ зимою сопровождается снѣгомъ; западный—кратковременные дожди и грозы, но чаще ясную погоду; юго-восточный— жары и засуху. Въ иныхъ мѣстахъ лѣтомъ дуютъ постоянные перемежающіеся вѣтры, почти въ опредѣленные часы; на примѣръ, въ окрестностяхъ укрѣпленія Горячеводскъ отъ 10 часовъ утра до 5 по-полудни въ-продолженіе всего лѣта дуетъ очень сильный теплѣй, восточный вѣтеръ, поднимающій облака пыли съ голыхъ, въ иныхъ мѣстахъ, боковъ горы.

Деревья начинаютъ цвѣсти въ концѣ марта, и въ это время чеченскіе лѣса наполняются благоуханіемъ, особенно сильнымъ при восходѣ солнца. Трава цвѣтетъ въ половинѣ іюня; въ концѣ этого мѣсяца можно уже ее косить; а къ концу сентября скошенные мѣста снова покрываются большою травою, которая впрочемъ даетъ уже не очень хорошее сѣно.

Осень въ Чечнѣ самое пріятное время года, и вполне вознаграждаетъ за кратковременность весенней прохлады. Къ концу августа жары становятся сноснѣе, и до восьми часовъ утра и послѣ шести вечера можно быть на воздухѣ. Дожди начинаютъ рѣдко идти ранѣе конца октября, а часто и позже, и то не постоянные.

Вообще климатъ Чеченской плоскости очень здоровъ; только весною, отъ быстраго перехода отъ холода къ жару, появляется перѣдко цынга и очень опасная глазная болѣзнь, оканчивающаяся иногда, при небрежномъ леченіи, слѣпотою. Впрочемъ очень рѣдки примѣры, чтобы этимъ болѣзнями подвергались природные жители Чечни, что, вѣроятно, происходитъ отъ привычки ихъ къ быстрой перемѣнѣ температуры. Въ укрѣпленіяхъ Тепли-

Кичу и Закань-Юртъ болѣютъ въ-продолженіе всего лѣта лихорадкою, но неочень сильною однакожь.

Качество почвы Чечни также очень различно въ разныхъ мѣстахъ, и заключаютъ въ себѣ, можно сказать, всѣ степени — отъ бесплоднаго каменистаго грунта, въ южной части горъ, до тучнаго чернозема, которымъ покрыта во многихъ мѣстахъ плоскость.

Самый бесплодный грунтъ находится въ юго-восточной части горъ Чечни, гдѣ онъ или глинисто-песчаный, или-же каменистый; по мѣрѣ удаленія къ сѣверу, этотъ грунтъ начинаетъ болѣе и болѣе перемѣшиваться съ черноземомъ, и послѣднія отрасли Черныхъ горъ — Лѣсныя горы — покрыты уже довольно толстымъ слоемъ его.

Почва плоскости состоитъ большею частію изъ чернозема, подъ которымъ лежитъ глинисто-песчаный слой, а еще ниже известковый. Съ приближеніемъ къ Кабардинскимъ горамъ, пересѣкающимъ плоскость, нижніе два слоя болѣе выказываются на поверхность и вытѣсняють черноземъ, который преобладаетъ на равнинахъ и въ особенности въ мѣстахъ, прилегающихъ къ лѣснымъ горамъ. Почва горъ, проходящихъ по плоскости, известковая, въ различной степени перемѣшанная съ глиной и черноземомъ; она суха и горяча. Руслу рѣкъ вездѣ состоятъ или изъ глины, или изъ мелкаго известковаго камня, который, перетираясь отъ быстроты теченія, обращается въ кругляки; отдѣляющійся-же порошокъ смѣшивается съ водою, и въ иныхъ рѣкахъ сообщаетъ ей довольно замѣтный известковый ккусъ. Вода рѣки Аргуна въ особенности имѣетъ этотъ недостатокъ.

Вообще почва плоскости чрезвычайно плодородна и при самомъ небольшомъ уходѣ щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Едва-ли Чеченская плоскость не есть самая плодородная часть сѣверной стороны Кавказа, и она вполне заслуживаетъ, данное ей горцами названіе «житницы Дагестана».

Разнообразіе климата и почвы Чечни естественно условливаетъ и большое разнообразіе растительныхъ произведеній земли; дѣйствительно, въ Чечню можно встрѣтить растенія, свойственныя различнымъ широтамъ. Неплодородная почва южныхъ ея частей, соудѣственныхъ съ снѣговыми горами, и въ особенности мѣстъ возвышенныхъ, очень бѣдна растительностію; лѣсу тамъ почти нѣтъ; встрѣчаются только небольшіе перелѣскя тощихъ сосенъ; посѣвъ жителей ограничивается ишеницей и

ячменемъ, сборъ которыхъ рѣдко бываетъ достаточенъ для собственнаго даже продовольствія. Въ мѣстахъ низменныхъ и далѣе къ сѣверу растительность постепенно становится обильнѣе; балки и ущелья покрываются густымъ лѣсомъ, гдѣ сосна мало-по-малу замѣняется деревьями теплыхъ климатовъ, а горы одѣваются травою. Жители этой полосы свѣютъ кукурузу, пшеницу, ячмень, овесъ; сажаютъ лукъ тыквы, дыни, а иногда, въ небольшомъ количествѣ, морковь и бобы.

Плоскость чрезвычайно богата растительностію, и отличительный характеръ ея составляютъ огромные, вѣковые лѣса, покрывающіе горы и пригорья послѣднихъ отраслей Черныхъ горъ, и во многихъ мѣстахъ простирающіеся на значительное пространство внутрь равнинъ. Самые огромные и непроходимые лѣса находятся въ сѣверо-восточной части Чечни — въ Ичкеріи, откуда они продолжаютъ тянутся по Качкалыковскому хребту, почти до самаго Терека. Берега всѣхъ рѣкъ и рѣчекъ плоскости покрыты болѣе или менѣе широкими полосами лѣсу, соединяющими лѣсистыя пригорья съ лѣсомъ, тянущимся по правому берегу Сунжи, до самаго ея впаденія въ Терекъ. Оттого вся часть плоскости къ югу отъ Сунжи еще недавно представляла, можно сказать, одинъ огромный лѣсъ, и безлѣсныя пространства находились лишь въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ рѣки отстояли одна отъ другой на значительное разстояніе. Теперь-же значительная часть лѣсовъ уничтожена, или для военныхъ цѣлей, или же самими жителями, расчищавшими поляны для посѣвовъ. Левый берегъ Сунжи менѣе лѣсистъ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него встрѣчаются только небольшіе перелѣски въ оврагахъ и лощинахъ, проходящихъ по плоскости, горъ.

Лѣса Чеченской плоскости преимущественно состоятъ изъ чинара, карагача (кара—черное, агачъ дерево), дуба; рѣже встрѣчаются кленъ, ясень, липа; береза считается большою рѣдкостію. По Тереку и Сунжѣ иногда попадаетъ хлопчатобумажный кустарникъ; въ лѣсахъ много белой ароматной акаціи. Вѣроятно въ горахъ растетъ красное дерево; объ этомъ можно догадываться потому, что нѣкоторые памятники на кладбищахъ, находящихся на плоскости, сдѣланы изъ краснаго дерева.

Изъ плодовыхъ деревьевъ въ дикомъ состояніи растутъ: яблони, груши, черешня, сливы, орѣхи, кизиль, тутовникъ и черный виноградникъ. Эти-же деревья разводятся и въ садахъ, гдѣ кромѣ-того растутъ: айва, дыча и персики.

Виноградъ преимущественно встрѣчается по Сунжъ. Въ садахъ крѣпости Грозной и станицъ Сунженскаго полка разведенъ превосходный бѣлый виноградъ изъ лозъ, присланныхъ въ 1848 году княземъ Воронцовымъ изъ Крыма:

Льсь чрезвычайно ростокъ. Проськи, вырубаемыя нашими войсками, черезъ два года покрываются кустарникомъ въ ростъ челоуька вышиною. Эта быстрота роста, можетъ - быть, составляетъ главную причину того, что чеченскій льсь, чрезвычайно сочный на корень, при отдѣлкѣ коробится и трескается; даже съ здѣшними дубомъ и ясенемъ нужно обращаться очень осторожно, и долго сушить, чтобы сдѣлать ихъ годными къ выдѣлкѣ. Впрочемъ и дубъ-то въ Чечнѣ вовсе не напоминаетъ тѣхъ огромныхъ дубовъ, которые встрѣчаются въ льсахъ Россіи: онъ невысокъ и кривъ. Чинарь - же вовсе негодится для издѣлій и даже для постройки, хотя это и есть главный строительный матеріаль въ Чечнѣ; только чинаровый наплавъ употребляютъ для наклепки на разныя мелкія вещи, что очень красиво.

Поля плоскости покрыты высокою и густою травою, перемѣшанною со множествомъ цвѣтовъ, между которыми особенно много высокой разноцвѣтной рожки и полеваго горошку. Въ иныхъ мѣстахъ растутъ въ дикомъ состояніи люцерна; бурьянъ, покрывающій заустыльные аулы и заглохшія пахати, иногда закрываетъ коннаго челоуька. Поляна между рѣками Фортангой и Гехою особенно славится своею травою: тамъ растутъ почти только одинъ чистый и густой пырей. По берегамъ рѣкъ попадаетъ много дикаго льну, изъ котораго можно выдѣлывать порядочную пряжу. Въ льсахъ много черемши (*Allium ursinum*), считающейся хорошимъ срдѣствомъ отъ цынготной болѣзни. Изъ полевыхъ ягодъ въ дикомъ состояніи растутъ только клубника, ежевика и тернъ.

На плоскости могутъ произрастать всѣ роды хлѣба. Изъ огородныхъ овощей жители разводятъ только лукъ, тыквы, дыни и огурцы; но на огородахъ, принадлежащихъ Русскимъ, рождаются въ изобиліи и всѣ другіе овощи, кромѣ картофеля, который рѣдко даетъ хорошій сборъ.

Въ льсахъ Чеченской плоскости водятся во множествѣ волки и дикія свиньи; эти послѣднія ходятъ цѣлыми стадами, штукъ по тридцати, и наносятъ часто большое опустошеніе полямъ кукурузы, до которой онѣ очень лакомы: Много дикихъ кошекъ;

иногда попадаются медвѣди и кунницы; медвѣди—сѣрые; въ горахъ-же, хотя очень рѣдко, но встрѣчаются и черные.

Въ балкахъ горъ, проходящихъ по плоскости, очень много лисицъ, оленей и дикихъ козъ. Въ поляхъ водятся зайцы и много другихъ мелкихъ животныхъ. Говорятъ, что въ лѣсной части горной Чечни попадаютъ иногда туры и даже барсы.

Въ бурьянахъ и кустарникахъ очень много фазановъ; въ горахъ есть небольшіе орлы, залетающіе иногда и на плоскость, и соколы. Кромѣ-того въ Чечнѣ много разной мелкой дичи: утокъ, куронокъ, переселовъ и т. д. Голуби летаютъ многочисленными стадами.

Въ Терекъ водятся почти все рыбы Каспійскаго моря. Въ рѣкахъ, протекающихъ по плоскости, чаще всего встрѣчаются усачи; много также шамаи; иногда ловятся лососи, сомы и форель. Раки находятся только въ двухъ мѣстахъ: въ небольшомъ озерѣ, близъ ущелья Ханъ-Кале, и около укрѣпленія Тепли-Кичу, въ небольшой рѣчкѣ — Шавдонъ, замѣчательной чрезвычайною прозрачностію ея холодной воды. Пиявки находятся только въ озерѣ Тумсой, находящемся въ горной Чечнѣ, къ югу отъ Аргунскаго ущелья.

На сѣверномъ склонѣ Кабардинскаго надъ-теречнаго хребта, въ особенности около укрѣпленія Горячеводскъ, водятся во множествѣ скорпионы, тарантулы и фаланги (*). Укушеніе фаланги смертельно, если не прибѣгнуть тотчасъ-же къ извлеченію яда изъ раны; для этого Чеченцы кладутъ на укушенное мѣсто кусокъ горящаго труту, и держатъ его до-тѣхъ-поръ, пока онъ весь не испепелится. Это средство очень мучительно, но всегда помогаетъ, если только укушеніе произошло не въ животъ, грудь, голову и шею; тогда нѣтъ спасенія. Тарантулы водятся также недалеко отъ крѣпости Грозной, при впаденіи Нефтянки въ Сунжу (**). Впрочемъ укушеніе тарантулы и скорпиона рѣдко бываетъ опасно.

Небольшія змѣи находятся по всей Чеченской плоскости и болѣе къ сѣверу отъ Сунжи; въ горахъ близъ Терека попадаютъ довольно большія желтобрюшки, достигающія иногда двухъ и трехъ-аршинной длины. По разсказамъ, въ камышахъ и болотахъ низовьевъ Сунжи нѣсколько разъ появлялись огромныя

(*) Изъ породы клещнечелостныхъ, семейства бяхорховыхъ (Solpugida).

(**) Тамъ же водятся небольшія рѣчные черепахи, которыя живутъ въ нефтяной водѣ рѣчки Нефтянки.

змѣи, длиною въ нѣсколько сажень и толщиною въ обхватъ большаго дерева. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ надъ-теречные чеченцы просили нашей помощи—пушекъ и солдатъ, для уничтоженія подобнаго чудовища, видѣннаго будто-бы ими въ окрестностяхъ укрѣпленія Умаханъ-Юрта. Подобныя-же слухи носились въ 50 или 51 году; нашлось даже нѣсколько охотниковъ изъ казаковъ и мирныхъ Чеченцевъ, которые отправились въ походъ противъ змѣи, но всѣ они здоровы и невредимы возвратились скоро домой, не успѣвъ выказать свою храбрость надъ чудовищемъ, которое, вѣроятно, спряталось, почувявъ неминуемую бѣду.

Въ горной Чечнѣ находится много горшечнаго и жерноваго камня, мѣлу, алебастру, шиферу, сланцу, песчанику, оселковъ и разноцвѣтной глины. Гранитъ и плитовой дикій камень встрѣчаются очень рѣдко. Въ горахъ-же плоскости встрѣчаются только разныя глины, известковый камень и разныхъ цвѣтовъ песчаникъ. Около крѣпости Грозной и укрѣпленія Горячеводска этотъ послѣдній камень добывается для построекъ.

Вѣроятно въ горахъ южной Чечни находятся металлическія руды, но до-сихъ-поръ о существованіи ихъ не имѣется никакихъ точныхъ свѣдѣній. Въ 1834 году въ пескахъ Терека, выше Моздока, найдено было небольшое количество золотаго песку, и это обстоятельство заставляеть предполагать о нахожденіи этого металла или въ главномъ хребтѣ, или въ сѣверныхъ его отрасляхъ. Но истинное богатство горъ Чеченской плоскости заключается въ минеральныхъ источникахъ. Между ними первое мѣсто, какъ по обилію водъ, такъ и по цѣлебнымъ свойствамъ, принадлежитъ Старо-юртовскому источнику, или, лучше сказать, источникамъ, вытекающимъ изъ сѣвернаго склона надъ-теречнаго хребта, близъ укрѣпленія Горячеводскъ. Здѣсь находятся три источника: горячіе, сѣрный и желѣзный—и холодный щелочной. Вытекая съ полу-горы, не въ дальнемъ разстояніи одинъ отъ другаго, источники эти текутъ тремя ручьями, и у подошвы горы сливаются въ одинъ большой ручей, который протекаетъ черезъ ауль Старый-юртъ и впадаетъ въ Терекъ. Сѣрный источникъ имѣеть температуру 72° по Реомюру; желѣзный нѣсколько меньше. Кромъ этихъ трехъ главныхъ много и другихъ, небольшихъ, еще неизслѣдованныхъ источниковъ.

Горцы давно знали цѣлебныя свойства этихъ водъ, и съ пользою употребляли ихъ для леченія ранъ и другихъ, пренну-

щественно наружныхъ, болѣзней, купающаея подь открытымъ небомъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ три источника соединяются, и гдѣ температура воды уже не такъ высока. Мы-же стали пользоваться ими правильнымъ образомъ, подь надзоромъ врачей, только съ 1850 года. Теперь при источникахъ устроены небольшой укрѣпленный лагерь, въ которомъ помѣщаются: госпиталь, ванны, лагерь приходящаго на дѣло гарнизона и землянки, въ которыхъ живутъ прѣзжающіе лечиться. Этотъ небольшой лагерь находится подь покровительствомъ башни, которая, какъ орлиное гнѣздо, одиноко торчитъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ хребта. Я думаю немного можно встрѣтить такихъ видовъ, какой открывается изъ амбразуръ этой башенки. Вы можете вдругъ обозрѣвать и громадныя горы, вершины которыхъ тонуть въ облакахъ, и безпредѣльныя, гладкія степи, тянущіяся далеко, какъ только можетъ видѣть глазъ, на сѣверъ. Вся Чеченская плоскость рисуется передь вами, какъ-будто-бы на планѣ, съ ея безчисленными рѣчками, съ огромными лѣсами, изъ которыхъ то тамъ, то сямъ поднимаются дымки, обозначающіе мѣста укрѣпленій или ауловъ, и все это заканчивается чертящейся массой гигантскихъ горъ, увѣчаныхъ бѣлымъ гребнемъ снѣговъ. Другое увидите вы, если посмотрите въ одну изъ сѣверныхъ амбразуръ: прежде всего бросится въ глаза широкая, серебристая лента Терека, по обѣимъ сторонамъ котораго сѣрятся аулы и бѣлятся казачьи станицы; а за ними далеко, далеко стелются степи Россіи, сливающіяся на горизонтъ съ синевою неба. Какъ часто взоръ съ грустнымъ наслажденіемъ вливался въ эту даль! Съ какимъ обаяніемъ вдыхаешь вътерокъ, несущійся со стѣней родной стороны!

Около самаго начала сѣрнаго источника устроена паровая баня, оказавшаяся чрезвычайно полезною въ леченіи ревматизма, наружныхъ застарѣлыхъ болѣзней и сведеній членовъ. Къ выгодамъ этихъ водъ нужно прибавить еще и то, что по близости не находится прѣсной воды, и потому больные волей-неволей должны пить одну минеральную, если не имѣютъ средствъ платить довольно дорого за привозъ воды изъ Терека, находящагося въ восьми верстахъ оттуда. Правда, вода имѣетъ, особенно съ непривычки, непріятный вкусъ, и сильно отзывается нефтью, которая обильно примѣшана къ водѣ всѣхъ трехъ источниковъ; но при долгомъ употребленіи къ ней можно привыкнуть. Жители - же аула и гарнизонъ Горячеводска находятъ эту воду

очень вкусною, и предпочитают ее даже прѣсной водѣ. Со-временемъ, можно съ достовѣрностію предсказать, воды эти пріобрѣтутъ большую извѣстность, теперь же ими пользуются только жители лежащихъ по Тереку и Сунжѣ станицъ, да офицеры и солдаты окрестныхъ укрѣпленій.

Изъ южнаго склона Кабардинскаго надъ-сунженскаго хребта, близъ станицы Михайловской, вытекаетъ горячій сѣрный источникъ — Михайловскій, уже давно извѣстный горцамъ, но нами открытій только недавно, потому — что Чеченцы, когда вынуждены были оставить лѣвый берегъ Сунжи, заколотили отверстіе его войлоками и завалили камнями. При этомъ источникъ устроены двѣ ванны; помѣщеніе же можно имѣть только въ станицѣ, отстоящей отъ него около двухъ верстѣ.

На правомъ берегу Терека, близъ аула Новый-юртъ, находится горячій сѣрный источникъ, воды котораго почитаются очень полезными въ ломотахъ. При этихъ водахъ нѣтъ ваннъ, и больные купаются въ самомъ источникѣ.

Наконецъ изъ Качкальковскаго хребта, недалеко отъ укрѣпленія Куринскаго, вытекаетъ сѣрный источникъ, при которомъ устроено нѣсколько ваннъ (*).

Кроме-того, между Кабардинскими хребтами, близъ урочища Мамакай-юртъ, находятся нефтяные колодцы: нефть также значительно примѣшана къ водѣ протекающей около колодцевъ рѣчки Нефтянки.

Чечня, какъ уже было сказано, состоитъ изъ двухъ естественно-отличающихся одна отъ другой частей: горной Чечни и Чеченской плоскости. Чеченская плоскость въ военномъ отношеніи принадлежитъ частію въ Владикавказскому округу, частію же къ лѣвому флангу Кавказской линіи, и разделяется нами на Большую и Малую. Первая занимаетъ восточную часть плоскости, ограничиваясь съ сѣверной стороны рѣкою Сунжею, а съ западной рѣкою Гойтою (**). Это раздѣленіе основано, какъ увидимъ послѣ, на различіи родовъ, населяющихъ ту и другую часть плоскости.

(*) Въ горной Чечнѣ, говорятъ, тоже есть нѣсколько цѣлебныхъ источниковъ, но о нихъ нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій.

(**) Рѣка Гойта принята границей между Большой и Малой Чечней только на картахъ; Русскіе же, живущіе въ Чечнѣ, привыкли называть Большой Чечней только часть плоскости къ востоку отъ Аргуна. Надо было замѣтить, что второе опредѣленіе имѣетъ болѣе основательности.

Чеченская плоскость перерезана двумя рядами нашихъ укрѣпленій, составляющихъ двѣ линіи: передовую и чеченскую. Первая расположена по лѣвому берегу рѣки Сунжи, и состоитъ изъ укрѣпленныхъ станицъ Сунженскаго полка, укрѣпленій: *Вольнскаго*, *Каза-Кичу* и *Закань-Юрта*, крѣпости *Грозной* и укрѣпленій *Тепли-Кичу* и *Умахань-Юрта*. На сообщеніи этой линіи съ внутренней, расположенной по лѣвому берегу Терека, находится небольшое укрѣпленіе *Горячеводское*. Передовая линія называется также Сунженскою; по ней предположено поселить казачьи станицы, изъ которыхъ составятся два полка; въ настоящее-же время существуетъ только первый Сунженскій полкъ, занимающій низовья Ассы и верхнюю часть Сунжи, до крѣпости Грозной. Чеченская линія состоитъ изъ укрѣпленій: *Ачхоя* и *Урусъ-Мартана* и крѣпости *Воздвиженской*. На границѣ Кумыкской плоскости съ Чечней находятся укрѣпленія *Куринское* и *Герзень-Ауль*, которыя по своему положенію могутъ быть также включены въ эту линію.

Изъ укрѣпленій, находящихся на Чеченской плоскости, заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующія:

Крѣпость Грозная, построенная въ 1819 году, генераломъ Ермоловымъ, на лѣвомъ берегу Сунжи, на сѣверномъ склонѣ надъ-сунженскаго хребта, близъ ущелья Ханъ-Кале. Это главная крѣпость Чечни и лѣваго фланга Кавказской линіи, управленіе котораго въ ней и помѣщается. Крѣпость окружена прекрасными садами (*), въ которыхъ разведенъ довольно-хорошій виноградъ. Въ ней находится нѣсколько довольно красивыхъ зданій, изъ которыхъ замѣчательны: прекрасной архитектуры каменная церковь, домъ начальника лѣваго фланга и военный госпиталь. Въ Грозной есть родъ небольшого гостиннаго двора, гдѣ торгуютъ преимущественно Армяне и Евреи. Лавки этихъ послѣднихъ занимаютъ сверхъ-того большой особый кварталъ, напоминающій своею нечистотою и запахомъ жидовскіе кварталы нашихъ западныхъ городковъ. Между купцами есть также нѣсколько и русскихъ мѣщанъ и купцовъ 3-й гильдіи, Богъ знаетъ какими переворотами судьбы заброшенныхъ туда съ дальняго сѣвера, едвали не съ самаго времени основанія крѣпости. Крѣпость Грозная, по своему положенію почти въ центрѣ плоскости, очень

(*) Между ними находится казенный садъ, въ которомъ разводятся разныя полезныя растенія, для снабженія ими окрестныхъ станицъ.

важна въ военномъ отношеніи , какъ выгоднѣйшій пунктъ для сбора отрядовъ, назначаемыхъ для дѣйствія въ Чечнѣ.

Крѣпость Воздвиженская заложена въ концѣ 1844 года, рядомъ , бывшимъ подъ командою Генерала Гурко , на лѣвомъ берегу Аргуна, верстахъ въ четырехъ отъ выхода его изъ Аргунскаго ущелья. При крѣпости находится деревянный длинный мостъ черезъ Аргунь. Оборона крѣпости еще усилена построенной въ 1848 году отдѣльной каменной башней на правомъ берегу рѣки. Зданія крѣпости, за небольшимъ исключеніемъ, состоятъ только изъ казармъ и казенныхъ офицерскихъ домиковъ; отчего она имѣетъ однообразный, правильный, военный видъ.

Воздвиженская получила имя отъ *Воздвиженія* креста, найденнаго при заложеніи ея. Крестъ этотъ высѣченъ изъ огромнаго цѣльнаго желтоватаго известковаго камня; высота его три аршина, ширина — 7 вершковъ, длина горизонтальной перекладки — 2 аршина, толщина — 4 вершка. Посреди креста сдѣлано небольшое квадратное углубленіе, подобно тому, какъ и теперь дѣлаютъ на могильныхъ крестахъ, для вкладыванія образковъ. Крестъ этотъ былъ въ большомъ уваженіи у окрестныхъ жителей, и считался собственностію Шотоевскаго общества. Онъ теперь поставленъ на томъ-же мѣстѣ, гдѣ былъ найденъ—въ цитадели, и окруженъ небольшою рѣшеткой.

Построеніемъ Воздвиженской, закрывающей собою выходъ изъ Аргунскаго ущелья, а потомъ Ачхоя (въ 1846 году) и Урусъ-Мартана (въ 1848 году), отнята у горцевъ значительная и плодороднѣйшая часть плоскости, и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятель лишился возможности производить значительные набѣги на Терекскую и даже на сунженскую линіи; потому что для него стало опасно удаляться отъ своихъ ущелій , оставляя въ тылу сильныя гарнизоны, которые всегда могутъ отрезать ему отступленіе.

Подъ прикрытіемъ описанныхъ двухъ линій расположены по Тереку и Сунжѣ аулы покорныхъ, или такъ-называемыхъ *мирныхъ* чеченцевъ; изъ нихъ замѣчательнѣйшіе по своей обширности: *Старый-Юртъ*, близъ укрѣпленія Горячеводскаго, и *Брагуны*, на правомъ берегу Терека. Кромѣ-того при каждой крѣпости, при каждомъ укрѣпленіи и при нѣкоторыхъ сунженскихъ станціяхъ находятся болѣе или менѣе значительныя аулы, населеніе которыхъ съ каждымъ днемъ, можно сказать , замѣтно

увеличивается горскими чеченцами, бѣгущими отъ деспотизма Шампля.

Окончательное очищеніе Чеченской плоскости отъ непокорныхъ намъ чеченцовъ совершенно еще недавно, именно въ концѣ 1852 года, когда было разрушено последнее убѣжище хищниковъ на плоскости—ауль Чеченъ на Аргунъ; и теперь только остались небольшіе разсыянные хуторки или кутаны, непризнающіе нашей власти, въ самыхъ лѣсистыхъ предгорьяхъ и по западному склону Качкальковскаго хребта. Знакомому только по картѣ или по слухамъ съ мѣстностію Чечни можетъ показаться страннымъ, что нужно было употребить около десяти лѣтъ для покоренія такого небольшого клочка земли; тѣмъ болѣе, что часть Чечни, къ северу отъ Сунжи, съ 1817 года уже была занята нами. Но для того, кто видѣлъ Чечню въ натурѣ и кто самъ побывалъ въ чеченскихъ походахъ, эта кажущаяся медленность очень понятна. Вспомнимъ только, что Чечня перерезана множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ, и что берега ихъ сплошь были покрыты густыми полосами лѣсу, иногда въ нѣсколько верстъ шириною. Непроходимые эти лѣса всегда представляли большія препятствія движенію нашихъ войскъ, и составляли надежнѣйшій оплотъ и вѣрное убѣжище хищниковъ. Для прочнаго утвержденія страны за нами, необходимо было построить въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія, а еще прежде проложить удобныя дороги. Нужно было прорубать широкія просѣки, расширять поляны на мѣстахъ, гдѣ предполагалось строить укрѣпленія; потомъ нужно было расчистить дороги, въ часто, чрезвычайно трудно доступныя ущелья, для того, чтобы имѣть возможность наказывать горцевъ, въ случаѣ враждебныхъ покушеній съ ихъ стороны; наконецъ штурмы ауловъ, укрѣпленныхъ завалами и къ которымъ почти всегда ведетъ только одна узенькая тропинка, извивающаяся среди непроходимой чащи,—все это не могло совершиться безъ долговременнаго труда. Вотъ каковъ былъ этотъ клочокъ земли!

Но самую большую трудность представляли, и даже въ настоящее время представляютъ, прорубки просѣкъ въ сырыхъ, чрезвычайно росткихъ лѣсахъ Чечни. Для этой цѣли каждую зиму, съ 1845 года, въ Чечнѣ собираются большіе отряды войскъ, которые ежедневно занимаются работой, въ продолженіе мѣсяца, а часто и двухъ. Горцы очень хорошо понимаютъ, что каждое срубленное дерево въ ихъ лѣсистыхъ убѣжищахъ приближаетъ

часъ окончательнаго покоренія страны, и потому употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы остановить работы, или, по-крайней-мѣрѣ замедлить ихъ. Чтобы еще понятнѣе была трудность этихъ работъ, прибавлю, что проськи, долженствующія служить главными путями сообщенія, прорубаются шириною неменѣе двухъ пудечныхъ выстрѣловъ, такъ, чтобы отрядъ, идущій посерединѣ, былъ безопасенъ даже отъ артиллерійскаго огня; менѣе важныя проськи дѣлаются шириною въ два или, по-крайней-мѣрѣ, въ одинъ ружейный выстрѣлъ.

Первая проська въ Чечнѣ была проложена генераломъ Ермоловымъ, вскорѣ по основаніи Грозной, чрезъ ущелье Ханъ-Кале. Послѣ этого до 1845 года проськъ прорубаемо не было; въ этомъ-же году прорубленъ лѣсъ, тянущійся по берегамъ рѣки Гойты; потомъ въ 1846 году проложена дорога черезъ Гехинскій лѣсъ, тянущійся по берегамъ Гехи и Валерика. — Чрезъ гойтенскую и гехинскую проськи идетъ теперь такъ называемая Русская дорога: отъ Воздвиженской, чрезъ Урусъ-Мартанъ и Ачхой, до Владикавказа. До прорубки проськъ переходъ черезъ гойтенскій и гехинскій лѣса всегда былъ очень кровопролитенъ и стоилъ значительныхъ потерь; эти переходы вѣрно останутся надолго въ памяти кавказцевъ, рядомъ съ самыми трудными подвигами. Гехинская проська въ последнее время получила еще особенную знаменитость: это дѣло, которое имѣли тамъ, 26 октября 1850 года, войска, сопровождавшіе Его Высочество Государя Наслѣдника, и въ которомъ Его Высочество лично принималъ участіе; другое событіе, горестное для всего Кавказа—смерть грозы чеченцевъ, храбраго генерала Сльцова, убитаго 10 декабря 1851 г. при взятіи войсками нашими заваловъ близъ Гехинскаго ущелья. — Въ 1847 и 1848 годахъ прорублены проськи чрезъ береговой сунженскій лѣсъ, для того, чтобы имѣть болѣе путей сообщенія съ чеченской линіей. Въ 1849 году сдѣлана проська въ Ассинскомъ ущельи. Съ этаго-же года начали прорубать проськи къ востоку отъ Аргуна, для сообщенія чеченскихъ крѣпостей съ Кумыкской плоскостію; работы продолжались ежегодно, до 1853 года, въ началъ котораго проложена проська чрезъ Качкальковскій хребетъ. Такимъ-образомъ по всей Чеченской плоскости образовалась сеть сообщеній. Чеченцы увидѣли, что лѣса сдѣлались доступны и не могутъ уже болѣе служить препятствіемъ нашему оружію, и потому они оставили плоскость: часть переселилась въ горы, дру-

гіе-же, покорившись намъ, вышли въ аулы, построенные подъ нашими пушками.

II.

Чеченское племя.—Чеченскія общества.—Чеченская плоскость.—Преданіе о заселеніи ея нынѣшними обитателями.—Историческій очеркъ заселенія плоскости.—Вліяніе на нее русскихъ съ XVI вѣка по настоящее время.—Покореніе плоскости.

Чеченцы не составляютъ одного народа, съ однимъ общимъ именемъ, а раздѣляются на нѣсколько болѣе или менѣе многочисленныхъ и имѣющихъ каждое свое наименованіе племень, которыя, въ свою очередь, дробятся на мельчайшія общества, а эти послѣднія на роды. Гражданской связи между племенами нѣтъ; считая себя какъ-бы отдѣльными одно отъ другаго, они часто даже находятся между-собою въ враждебныхъ отношеніяхъ. Есть племена, которыя имѣютъ общаго съ другими одного съ ними корня только одно происхожденіе и языкъ, болѣе или менѣе измѣненный. Между обществами существуетъ самая слабая гражданская связь, проявляющаяся почти только исключительно въ минуту общей опасности, и исчезающая съ минованіемъ ея. Судя по настоящему положенію извѣстныхъ намъ чеченскихъ племень, общества эти первоначально состояли изъ отдѣльныхъ семействъ одного происхожденія. По мѣрѣ размноженія членовъ каждаго семейства, то-есть когда семейства стали обращаться въ роды, забывалось прежнее родство, а столкновеніе интересовъ производило вражду и окончательное отдѣленіе родовъ. Каждый родъ составилъ отдѣльное общество, которое въ-послѣдствіи, въ свою очередь, дѣлилось на семейства, несвязанныя ничѣмъ между собою, кромѣ родства, связи неочень прочной и скоро забывающейся, если она не поддерживается другою, болѣе сильною—гражданской связью. Такимъ-образомъ произошло раздробленіе чеченскаго племени на множество мелкихъ, независимыхъ одно отъ другаго, патріархальныхъ обществъ, въ которыхъ если и существуетъ тѣсная связь между членами ихъ, то только не выходя изъ круга рода, и до-тѣхъ-поръ, пока еще помнится родство. Эти маленькіе роды, составляющіе нѣчто цѣлое, называются *тохуизъ*.

Каждое отдѣльное общество имѣетъ свое названіе; но ни одно изъ нихъ не называется именемъ чеченцевъ; только жители участка Чеченъ придаютъ себѣ иногда это имя, но единственно

въ смыслъ жителя земли Чечень: они говорятъ *чечень-хо* — чеченскій человекъ, или *чечень-хой* — чеченскіе люди *.

Первоначальнымъ мѣстомъ жительства чеченцевъ были ущелья сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ склоновъ Сивговаго-Андійскаго хребта и ближайшихъ его вѣтвей; въ послѣдствіи они распространились далѣе на западъ и сѣверъ, и заняли долины и ущелья сѣверныхъ отраслей главнаго Кавказскаго хребта. Вѣроятно теперешнія горныя общества занимаютъ тѣ-же мѣста, на которыя они первоначально переселились. Укрытыя въ неприступныхъ ущельяхъ, владея средствами къ жизни въ мѣстныхъ произведеніяхъ, они не могли вступать въ частыя сношенія съ сосѣдними племенами, отдѣленными отъ нихъ непреодолимыми преградами, и потому не могли подвергаться вліянію внѣшнихъ переворотовъ. Волненія, которымъ подвергались непрерывно Закавказье и сосѣдній Дагестанъ, не доходили до нихъ; даже самое магометанство, поколебавшее основаніе почти всѣхъ горскихъ народовъ, произвело переворотъ только въ восточной и сѣверной частяхъ горной Чечни, не могли проникнуть въ глубину ея, защищенную неприступною мѣстностію. И съ достовѣрностію можно сказать, что тамъ до-сихъ-поръ обитаютъ племена въ томъ-же положеніи, въ какомъ были, можетъ-быть, много вѣковъ тому назадъ, сохраняя патриархальный бытъ народовъ первоначальныхъ.

Въ самой глубинѣ отраслей главнаго хребта, въ верховьяхъ западнаго рукава Аргуна, обитаютъ *Кисты*, племя многочисленное и сильное, занимающее недоступную мѣстность, перерѣзанную по всемъ направленіямъ горами и усѣянную отдѣльными каменистыми скалами. Въ верховьяхъ восточнаго рукава Аргуна живетъ общество *Шаро* или *Кюлаъ*. На сѣверо-востокъ отъ этихъ обществъ обитаютъ *Тотъ-Бутри*, *Джанъ-Бутри*, *Шабузы*, *Шотой*, — и на сѣверъ: *Ахо* и *Галаши*. Последнія три общества занимаютъ сѣверныя отрасли Черныхъ горъ и пригорья ихъ. *Чарбили* и *Ичкери* живутъ по сѣверо-западнымъ склонамъ Андійскаго хребта. Ичкери, кромѣ-того, распространяются далеко на сѣверъ, до Кумыкскихъ владѣній, занимая мѣстность гористую и покрытую огромными, почти непроходимыми лѣсами.

* Чеченцы раздѣляютъ плоскость на три части: пространство между рѣками Натыхо и Урусъ-Мартаномъ называютъ *Гежи*; отъ Урусъ-Мартана до Аргуна-Чечень, и отъ Аргуна до Качкальковскаго хребта — *Герзели-хоиъ* или просто *Герзели*.

Рядомъ съ ними живетъ общество *Аухъ*. По западному и восточному склонамъ Качкалыковскаго хребта обитаютъ *Мицкиъ* и *Качкалыкъ* или Качалькъ; земли ихъ распространяются на сѣверъ почти до самаго Терека.

Кромѣ-того, на западъ горной Чечни обитаютъ племена *Цори*, *Галгай*, *Кистины*, *Джерахи*, происхожденіе которыхъ неопредѣлено. Одни считаютъ ихъ обществами чеченскими, другіе ингушскими; наконецъ иные и самыхъ ингушей полагаютъ обществомъ чеченскаго племени. Разногласіе это происходитъ отъ недоступности горной Чечни для болѣе точныхъ изслѣдованій; потому въ этомъ случаѣ, кажется, безошибочнѣе будетъ держаться мнѣнія самихъ чеченъ, которые общества Цори и Галгай не считаютъ одноплеменными съ собою; видимое-же сходство быта ихъ и языка съ бытомъ и языкомъ чеченцевъ, можно полагать, происходитъ оттого, что, живя долгое время въ соседствѣ съ обществами чеченскими, и не отдѣляясь отъ нихъ никакими естественными границами, они смѣшивались съ ними, и заняли отъ нихъ многіе обычаи и слова.

Вотъ все, что можно сказать достовернаго объ обитателяхъ горной Чечни. Когда и откуда произошелъ этотъ народъ, значительно отличающійся отъ другихъ горскихъ племенъ языкомъ и даже фizioноміей,—неизвѣстно. Можетъ-быть, современемъ, когда горная Чечня, гдѣ живутъ чистые, коренные чеченцы, будетъ доступна, этотъ любопытный во многихъ отношеніяхъ народъ сдѣлается для насъ болѣе извѣстнымъ. Тогда намъ можно будетъ изучить на мѣстѣ любопытную жизнь народовъ патриархальныхъ, находящихся еще въ младенчествѣ; жизнь, которую, по всемъ вѣроятіямъ, ведутъ обитатели глубины горъ Чечни. Теперь-же, не желая допускать въ очеркъ мой свѣдѣній, основанныхъ на однихъ разсказахъ, я по-неволѣ долженъ ограничиться этимъ краткимъ обзоромъ. Впрочемъ, впоследствии, я еще буду возвращаться къ горной Чечнѣ, какъ скоро представятся достоверныя подробности. — Перейдемъ къ обитателямъ Чеченской плоскости.

Чеченская плоскость, единственное въ настоящее время мѣсто соприкосновенія чеченцевъ съ русскими, съ давнихъ временъ была извѣстна грекамъ: чрезъ нее пролегаль одинъ изъ торговыхъ путей, по которымъ ходили караваны греческихъ колоній, бывшихъ на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, въ Азію. Путь этотъ шелъ отъ Каспійскаго моря, чрезъ Тарховское ханство и

Эндери, по Койсу; оттуда слѣдоваль по Суишъ, Тереку и Малкъ, до Каменнаго моста, и наконецъ внизъ по Кубани, до впаденія ея въ Черное море. Но существованіе чеченскихъ племенъ на плоскости не можетъ относиться къ такимъ отдаленнымъ временамъ; можно съ достовѣрностію сказать, что чеченцы заняли плоскость недалеко какъ лѣтъ 250 тому назадъ. Исторія занятія плоскости и утвержденія ихъ на ней сохраняется въ преданіи, которое я привожу здѣсь, какъ любопытный и едва ли не единственный чеченскій историческій памятникъ.

Въ прежнее время плоскость Чеченская была заселена какимъ-то другимъ народомъ; но неизвѣстно отъ какихъ причинъ народъ этотъ исчезъ, такъ что земля осталась незаселенною. Долго спустя послѣ того, за ущельемъ рѣки Ассы, на Алкунской полянѣ, жили два брата; старшаго звали Чармо, а младшаго — Шото. Братья были охотники и часто посѣщали незаселенные лѣса и ущелья вышнихъ предгорій Чечни, которые до того понравились имъ богатствомъ растительности и обиліемъ дичи, что они рѣшились переселиться туда, и только затруднялись выборомъ удобнѣйшаго мѣста. Случай помогъ младшему брату: разъ онъ былъ застигнутъ темною ночью, вовремя охоты, въ Аргунскомъ ущельи; выбравъ удобное мѣсто для ночлега, Шото легъ спать, воткнувъ около себя свое копьё. Проснувшись утромъ, Шото съ удивленіемъ замѣтилъ, что какія-то насккомыя проточили древко копья его, и завели тамъ свои гнѣзды. Это обстоятельство онъ счелъ какъ-бы указаніемъ свыше на выгоду этаго мѣста для переселенія. Возвратившись домой, Шото забралъ свое семейство и перешелъ на лѣвый берегъ Аргуна (Шотой—Аргунъ), и построилъ тамъ себѣ жилище.

Вскорѣ послѣ того и братъ его Чармо перешелъ на рѣку Хулхулу, и положилъ основаніе аулу, который и понынѣ зовется именемъ основателя—Чармой.

Происшедшіе отъ братьевъ потомки составили два племени, сохранившіе имена своихъ родоначальниковъ: одни зовутся Шотой, другіе—Чармой.

Много лѣтъ спустя, когда братья умерли, а потомки ихъ размножились, въ восточныхъ частяхъ горъ произошла война, въ слѣдствіе которой какой-то мелардойскій князь Алханъ, сынъ Турлоу, съ своими родственниками и приверженцами, оставилъ родину и бѣжалъ къ шотоевцамъ. Онъ поселился на правомъ берегу Аргуна, у самаго выхода его изъ ущелья, гдѣ и постро-

иль ауль Узекъ-Юртъ, развалины котораго до-сихъ-поръ существуютъ *. Вскорѣ послѣ того кумыкскіе князья, считая землю, занятую Алханомъ, своею, пришли съ войскомъ, чтобы выпнать его оттуда; но Алханъ, призвавъ на помощь Хотоевцевъ и чармосевцевъ, разбилъ и прогналъ кумыковъ.

Молва о побѣдѣ князя привлекла къ нему много народа, какъ изъ его родины, такъ и шотоевцовъ и чармоевцевъ, жившихъ въ горахъ, которые стали переселяться въ Узекъ-Юртъ, подчиняясь съ тѣмъ вмѣстѣ власти Алхана. Отъ этихъ выходцевъ скоро старо тѣсно въ Узекъ-Юртъ, и князь перевелъ часть жителей ниже по Аргуну, противъ ущелья Ханъ-Кале, гдѣ и построилъ ауль Чачанъ. Имя это дано было въ-слѣдствіе слѣдующаго обстоятельства: Алханъ подъ нѣпломъ своего костра нашель камень, на которомъ онъ разобралъ слово Чачанъ или Чеченъ.—Потому, какъ самый ауль, такъ и окрестную землю назвали — Чеченъ.

Алханъ, переселившись въ Чеченъ, недолго наслаждался спокойствіемъ: шотоевцы и чармоевцы, оставшіеся въ Узекъ-Юртъ, отказались платить князю дань. Въ происшедшей по этому случаю войнѣ, Алханъ потерпѣлъ неудачу, и даже долженъ былъ спастись бѣгствомъ, уйдя съ преданными ему людьми на Терекъ, гдѣ и поселился противъ того мѣста, гдѣ теперь городъ Моздокъ.

Въ то время на лѣвомъ берегу Терека жили уже русскіе. Алханъ съ помощію ихъ снова занялъ основанные имъ аулы; но принужденный вскорѣ опять бѣжать, долженъ былъ навсегда отказаться отъ земли, лежащей къ югу отъ Сунжи, и остаться на Терекъ. Къ нему или потомкамъ его стали выходить прежніе его подданные, и селились между вновь выходившими и уже жившими между Терекомъ и Сунжей, съ своими князьями, кабардинцами и кумыками.

Вотъ какъ говорятъ чеченцы о заселеніи ими плоскости; должно прибавить, что преданіе это сохраняется въ длинной пѣснѣ, въ которой князь Алханъ величается столбомъ, подпирающимъ небо. Жители ауловъ между Сунжей и Терекомъ дѣйствительно и теперь несравненно миролюбивѣе своихъ земляковъ, живущихъ къ югу отъ Сунжи; у нихъ и теперь болѣе порядка, подчинен-

* Развалины эти окружены валомъ, поросшимъ огромными чинаровыми деревьями, что доказываетъ древность этихъ построекъ.

ности и, такъ сказать, гражданственности. Засунженцы-же до самаго избранія Шамиля въ имамы не признавали никакой власти и считали себя народомъ совершенно вольнымъ; да и теперь, чеченцы, подчинившись Шамилю, несмотря на тягость этой подчиненности, только себя считаютъ народомъ свободнымъ, называя всѣхъ остальныхъ горцевъ — холопами.

Племя Чармой, неизвѣстно по какимъ причинамъ, въ послѣдствіи получило названіе *Нахчой*; оно считается главнымъ, и даже лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ ни одинъ нахчоевецъ, не униживъ себя, не могъ вступить въ родство съ шотоевцомъ. Теперь-же это само собою уничтожилось.

Нахчоевцы живутъ преимущественно въ восточной части Чеченской плоскости, отдѣляясь на западъ рѣкою Аргуномъ отъ земель шотоевцевъ, которые занимаютъ часть плоскости, называемую нами Малой Чечней.

Исключивъ изъ приведеннаго преданія нѣкоторые сомнительные факты, начиная съ *братьевъ*, и основываясь на другихъ мѣстныхъ разсказахъ и преданіяхъ соседнихъ народовъ, а потомъ на сохранившихся памятникахъ отношеній чеченцевъ къ русскимъ, — можно составить довольно достоверную исторію Чеченской плоскости. Постараюсь кратко изложить ее, съ возможною точностію, на сколько позволяетъ недостаточность свѣдѣній объ этой странѣ.

Чеченская плоскость, до занятія ея нынѣшними обитателями, принадлежала двумъ бывшимъ некогда могущественными на Кавказѣ народамъ: восточною частью ея владѣли кумыки, а западною — кабардинцы; эти народы владѣли землей, но не занимали ее однакожъ. Настоящее населеніе составилось первоначально изъ горскихъ выходцевъ, выселявшихся частію изъ глубины ущелій западныхъ склоновъ Андійскаго хребта, гдѣ нынѣ Ичкерія, — это нахчоевцы, имя которыхъ напоминаетъ одну изъ отраслей Андійскаго хребта — Нахчи-Лама; другіе выходили изъ западныхъ частей горной Чечни — это шотоевцы. Вѣроятно, какъ тѣ, такъ и другіе, принадлежали къ одному племени; но положительно этого утверждать пока еще нельзя. Сперва выселилось нѣсколько семействъ, основавшихся по берегамъ рѣкъ Аргуна и Хулхулу; потомъ постепенно къ нимъ стали присоединяться новые выходцы, селившіеся по теченію другихъ рѣкъ Чечни. Каждая семья, выходящая на плоскость, выбирала для себя удобную поляну, и селась на ней отдѣльно, не смѣшиваясь

съ другими семьями. Слухъ о богатствѣ земли, занятой выходами, привлекалъ на плоскость новыхъ переселенцовъ даже изъ отдаленныхъ частей горъ и частию изъ Дагестана, и поселенія раздвигались все болѣе и болѣе, пока наконецъ не пришли въ соприкосновеніе съ соседственными кабардинскими и кумыкскими землями. До-тѣхъ-поръ чеченцы, закрытые отъ сильныхъ соседей дремучими лѣсами, жили безопасно, занимаясь хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и звѣриною ловлею; несоединенные однимъ общимъ управленіемъ, состоя изъ разрозненныхъ, часто разноплеменныхъ семей, безъ всякой между собою связи, жители Чеченской плоскости естественно были слабы, и понимая свою слабость, старались жить въ согласіи съ окружающими ихъ народами—кабардинцами и кумыками; ближайшіе къ нимъ чеченцы искали покровительства соседнихъ князей и платили имъ дань: такъ качкалыки и мичики съ самаго начала подчинились власти кумыковъ, а жившіе къ западу отъ р. Мартана—кабардинцамъ. И пока они были бѣдны, соседи оставляли ихъ въ покоѣ, довольствуясь получаемою съ нихъ небольшою данью; но какъ скоро произведенія земли и скотоводство доставили чеченцамъ нѣкоторое довольство, то земля ихъ сдѣлалась постоянною цѣлю набѣговъ жадныхъ соседей, которые, не находя достаточнаго сопротивленія въ разрозненныхъ семьяхъ чеченцевъ, грабили ихъ деревни, и уводили скотъ безнаказанно. Эти набѣги повторялись безпрерывно, и долго Чечня была привлекательной, легкой и вѣрной добычей для соседей.

Въ такомъ жалкомъ положеніи находилась Чечня до-тѣхъ-поръ, пока разрозненныя семьи ея не почувствовали необходимости соединиться въ одно цѣлое, чтобы быть въ состояніи противоставить врагамъ достаточное сопротивленіе. Къ этому времени, вѣроятно, относится переселеніе изъ Дагестана въ Чечню семейства князей Турловыхъ (Алханъ, сынъ Турлоу, по преданію). Были-ли князья призваны чеченцами, желавшими для собственной безопасности, соединиться подъ единовластіемъ; бѣжали-ли они въ Чечню вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ — это не дѣлаетъ разницы въ послѣдующихъ событіяхъ: дѣло въ томъ, что соединившись подъ властію князей, разноплеменное населеніе Чечни составило довольно сильное общество, могущее, въ случаѣ нужды, противоставить хорошее сопротивленіе враждебнымъ соседямъ, которые наконецъ и увидѣли, что добыча въ Чечнѣ нѣтакъ уже легко достается, какъ прежде; набѣги, встрѣчая

почти всегда сильный отпоръ, начали мало-по-малу прекращаться, а потомъ и совсѣмъ прекратились.

Чечня отдохнула. Народъ пересталъ быть труженникомъ, работающимъ только для обогащенія своихъ притѣснителей, сталъ работать на себя, богатѣть, и наконецъ созналъ свою силу, а вмѣстѣ съ этимъ сознаниемъ развился у Чеченцовъ воинственный духъ, явилось желаніе отмстить своимъ врагамъ за прежнія оскорбленія; и вотъ чеченцы изъ народа страдательнаго, униженнаго дѣлаются народомъ дѣйствующимъ: сами начали нападать на сосѣдей, и скоро сдѣлались грозой окрестныхъ народовъ. Обстоятельства помогли успѣху ихъ оружія: въ то время кабардинцы и кумыки, слабѣя отъ внутреннихъ раздоровъ между князьими и народомъ, теряли свою, нѣкогда грозную, самостоятельность, и видимо клонились къ упадку.

Выгоднымъ переворотомъ въ своей судьбѣ Чечня несомнѣнно и единственно была обязана соединенію своему подъ властію князей Турловыхъ; и пока Чечня не стала сильна и могущественна, пока она нуждалась еще въ одной сильной рукѣ, которая руководила-бы ея во враждѣ съ сосѣдями, до-тѣхъ-поръ власть князей уважалась; но какъ скоро чеченцы увидѣли, что опасность миновала, привычка къ прежней неразумной свободѣ взяла верхъ надъ долгомъ благодарности своимъ избавителямъ, и власть князей стала казаться имъ невыносимо-тяжелымъ игомъ. Слѣдствіемъ этого было то, что Турловы должны были оставить неблагодарныхъ, и бѣжать на Терекъ, въ земли, принадлежавшія тогда ихъ прежнимъ врагамъ—кабардинскимъ князьямъ; а засуженскіе чеченцы снова являются въ прежнемъ беспорядочномъ, разъединенномъ положеніи. Къ счастью для нихъ, сосѣднія племена были уже слишкомъ слабы, и не могли воспользоваться такимъ выгоднымъ обстоятельствомъ, чтобы опять начать свои опустошительные набѣги. Но чеченцы нашли наказаніе въ самихъ себѣ: прежніе удачные набѣги развили въ нихъ воинскую отвагу, и показали возможность и легкое средство жить безъ труда—грабежами, и грабежъ и удамство стали въ понятіи ихъ высшими добродѣтелями. Не довольствуясь грабежами чужеплеменныхъ деревень, они не стыдились грабить и воровать и у своихъ одноплеменниковъ, и скоро искусный воръ сталъ хвалиться своими похищеніями. Но что легко достается, легко и

теряется, и потому засунженскіе чеченцы всегда были бѣдны; несмотря на богатство окружающей ихъ природы; между-тѣмъ какъ земляки ихъ, поселившіеся между Сунжей и Терекѣмъ, съ каждымъ годомъ богатѣли и улучшали свой бытъ. Одни изъ нихъ подчинялись потомкамъ князей Турловыхъ, другіе-же кабардинскимъ князьямъ, владѣльцамъ земель, на которыхъ они поселились. Власть князей въ этой части Чечни и по сіе время уважается, хотя видимо, однакожъ, съ каждымъ годомъ слабѣетъ, чему причиной съ одной стороны убѣжденіе народа въ слабости своихъ князей, съ другой-же то, что главное управленіе перешло теперь въ руки русскихъ начальниковъ. Въ настоящее время княжеская власть существуетъ только въ трехъ аулахъ: Старомъ-Юртѣ, Новомъ-Юртѣ и Брагунахъ, которые, не увлекшись возстановленіемъ всей Чечни въ 1840 году, оставались намъ вѣрными, и не покинули своихъ мѣстъ.

Скажу теперь нѣсколько словъ о вліяніи, какое имѣли мы на судьбу Чеченской плоскости.

Еще съ самаго почти основанія Русскаго государства князья наши имѣли сильное вліяніе на всю свѣрную часть Кавказа, а въ томъ числѣ, конечно, и на обитателей Чеченской плоскости; это вліяніе прекратилось съ нашествіемъ монголовъ, и опять возобновилось послѣ сверженія татарскаго ига. Въ то время еще Чеченская плоскость не была занята нынѣшними ея обитателями, и потому этотъ періодъ не можетъ относиться къ предмету моей статьи.

По сверженіи ига, первымъ основаніемъ прочному вліянію нашему на Чеченскую плоскость было заложеніе города Терека, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Терскаго-городка, построеннаго при устьи Сунжи въ 1567 году, по повелѣнію царя Іоанна IV, для защиты земель царскаго шурина, черкесскаго (кабардинскаго) князя Мизлова Темрюковича. Въ 1586 году, или около того времени, по Сунжѣ селились, въ построенныхъ городкахъ, вольные выходцы и казаки, вѣроятно оттого получившіе наименованіе *Гребенскихъ* *, оставшееся при нихъ и понынѣ; этимъ именемъ называетъ ихъ современная летопись, говоря объ «осадномъ сидѣніи» казаковъ въ 1653 году. Вмѣстѣ съ этими посе-

* Отъ надъ-сунженскаго гребня, по подошвѣ котораго они жили.

леніями мы внесли въ горы и сѣмяна Христіанства, которое отсюда распространилось и далѣе въ глубь горной Чечни. Отсюда же казаки держали въ повиновеніи всю окрестную плоскость, и жили въ мирѣ съ соседними народами; это видно изъ того, что Царь Алексѣй Михайловичъ заботился даже о садоводствѣ по Сунжѣ, приказавъ, въ 1652 году, разводить жившимъ тамъ казакамъ виноградъ.

Но въ началѣ XVIII вѣка вліяніе наше на Кавказъ начало клониться къ упадку, и уступать мѣсто вліянію турокъ, владѣвшихъ берегами Чорнаго-моря; а вмѣстѣ съ тѣмъ и магометанство начало пересиливать Христіанскую вѣру, которую исповѣдывали тогда едвали не все горскіе народы. Это обстоятельство было очень важно, потому-что дѣлало изъ горцевъ, бывшихъ до-тѣхъ-поръ нашими друзьями, непримиримыхъ враговъ, какими всегда были въ отношеніи христіанъ магометане.—Такимъ-образомъ уже въ 1707 году чеченцы являются нашими врагами, предпринявъ осаду Терскаго-городка вмѣстѣ съ кумыками и ногаями. Это было первое враждебное столкновеніе наше съ чеченцами, записанное исторіей, и этотъ годъ должно считать началомъ войны съ чеченцами, которая ведется съ такимъ упорствомъ до-сихъ-поръ. Въ 1711 году враждебныя отношенія жителей плоскости до того усилились, что нашли необходимымъ перевести казаковъ съ Сунжи на лѣвый берегъ Терека, въ мѣсто, гдѣ и теперь находятся станицы гребенскихъ казаковъ. Въ 1718, 1722, 1725 и 1758 годахъ, для наказанія чеченцевъ, нападавшихъ даже на нашу терекскую линію, были посылаемы въ горы отряды; дѣйствія ихъ были всегда успѣшны, и чеченцы каждый разъ клялись въ вѣрности, но каждый-же разъ, съ уходомъ отрядовъ, измѣняли своимъ клятвамъ—это уже очевидный признакъ сильнаго вліянія магометанства, потому-что поклонникъ Магомета считаетъ ни за что измѣнить клятвѣ своей, данной христіанину. — Въ началѣ этихъ годовъ Терскій-городокъ былъ брошенъ, по приказанію Петра I, и гарнизонъ его переведенъ въ крѣпость св. Креста. Опустѣлый городокъ, вѣроятно, впоследствии былъ смытъ разливомъ воды, и въ настоящее время не видно даже слѣдовъ его.

Вражда усиливалась болѣе и болѣе, такъ, что нужно было подумать о защитѣ нашихъ пограничныхъ поселеній; съ этою

цѣлью въ 1763 году основанъ былъ городъ Моздокъ; но это обстоятельство еще болѣе раздражило окрестныхъ кабардинцевъ, которые, мстя за стѣсненіе ихъ, стали дѣлать непрерывныя нападенія на линію, что вынудило наконецъ правительство прибѣгнуть къ усиленнымъ мѣрамъ. Въ 1769 году двинулись противъ нихъ сильныя отряды, и разбитые кабардинцы должны были смириться и выдать, въ 1771 году, аманатовъ; вмѣстѣ съ ними покорились и зависѣвшія отъ нихъ горскія общества, въ числѣ которыхъ были и чеченцы, жившіе на плоскости, между Сунжей и Тереконъ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ окончательно утвердилъ всѣ горскія племена Кавказа за нами.

Съ-тѣхъ-поръ Кавказскую линію стали постепенно усиливать переселенцами съ Дона и другихъ мѣстъ Южной Россіи, а въ 1784 году отъ Моздока въ Грузію проложена была дорога, прикрытая въ опасныхъ мѣстахъ небольшими укрѣпленіями. Это обстоятельство было причиной новаго сильнаго возстанія чеченцевъ, которые, между-прочимъ, опасались, чтобы новое сообщеніе не послужило во вредъ торговому пути, ведшему по ихъ землямъ изъ Грузіи въ Эндери (или Андрѣевъ — большой аулъ на Кумыкской плоскости, при которомъ построена крѣпость Внезапная). Возмутьивъ окрестныя горныя общества, они стали производить непрерывныя нападенія, не только на придорожныя укрѣпленія, но даже и на линію. Въ это-же время появился между ними проповѣдникъ Шейхъ-Мансуръ, и война, получивъ релігіозное направленіе, сдѣлалась ожесточеннѣе. Посланная противъ чеченцовъ, въ 1785 году, экспедиція, хотя смирила ихъ на время, но не могла заставить ихъ перестать тревожить грузинскую дорогу, которую потому вынужденными нашлись закрыть, и вывести гарнизоны изъ крѣпостей, расположенныхъ по дорогѣ.

Послѣ взятія Анапы, въ 1790 году, гдѣ былъ схваченъ и Шейхъ-Мансуръ, горцы нѣсколько поутихли, лишеныя вліянія и поддержки со стороны турокъ; однакоже выгодная для насъ грузинская дорога не могла быть открыта до самаго 1800 года, когда снова начали строить придорожныя укрѣпленія, и въ особенности до возобновленія, въ 1803 году, Владикавказа. До 1817 года дѣла наши на сѣверѣ Кавказа находились въ неопредѣленномъ положеніи; съ этаго-же года перевѣсъ явно переходитъ на нашу сторону.

Съ 1817 по 1820 годъ генераль Ермоловъ перенесъ передовую линію съ Терека на лѣвый берегъ Сунжи, и устроилъ укрѣпленія Грозную, Преградный-станъ и Назрань. Слѣдствіемъ этого было то, что вся Чеченская плоскость, испугавшись такого близкаго сосѣдства русскихъ, покорилась; а основаніемъ около Эндери крѣпости Внезапной уничтоженъ бывший въ этомъ аулѣ торгъ невольниками (плѣнными), и чеченцы вмѣстѣ съ тѣмъ лишились выгоднѣйшаго пункта, на которомъ прежде они могли соединяться съ лезгинами, для набѣговъ на нашу линію. Рѣшительныя мѣры, принятыя генераломъ Ермоловымъ для предупрежденія возстанія Чечни, мѣры совершенно согласныя съ понятіями и духомъ дикарей чеченцевъ, — произвели самыя благоприятныя слѣдствія, и до 1830 года Чеченская плоскость была совершенно покорна, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ частныхъ возмущеній, всегда строго наказываемыхъ. Въ этомъ году Чеченцы снова возстали, принявъ новое ученіе — мюридизмъ *; но удачныя дѣйствія генераль лейтенанта Вельяминова заставили ихъ, въ началѣ 1831 года, изъявить покорность; не на долго впрочемъ. Въ томъ-же году въ Чечню появился глава мюридизма, Кази-Мулла, успѣвшій опять возмутить ея жителей; собравъ значительную партію чеченцевъ, онъ быстро двинулся къ Кизлярю, напалъ внезапно на городъ и успѣлъ разграбить часть его. Между тѣмъ генераль Вельяминовъ, какъ только узналъ о возстаніи, двинулся на Сунжу, и хотя не могъ предупредить набѣга на Кизляръ, успѣлъ однакожь смирить чеченцевъ, строго наказавъ виновниковъ возмущенія. Въ 1832 году Кази-Мулла снова является въ Чечню, призванный самими жителями, которые подъ его предводительствомъ стали производить иногда даже удачныя набѣги на линію. Для наказанія чеченцевъ собранъ былъ значительный отрядъ (до 8 т.), надъ которымъ принялъ начальство корпусный командиръ, генераль-адъютантъ баронъ Розень. Вспушивъ въ Чечню, войска наши предали ее страшному опустошенію; Кази-Мулла долженъ былъ бѣжать, а чеченцы смирились, изъявили покорность, и выдали аманатовъ.

Вскорѣ послѣ того Кази-Мулла былъ убитъ вовремя взятія нашими войсками аула Гимры **. Наслѣдовавшій ему—Гамзатъ-

* О мюридизмѣ будетъ сказано въ статьѣ о религіи.

** Гимры — большая деревня, находящаяся въ Койсубу, вольномъ обществѣ

Бекъ былъ занятъ покореніемъ Аваріи, въ главномъ селеніи котораго—Хунзахъ онъ былъ убитъ, въ 1834 году, возмущившимися противъ него аварцами *. Провозглашенный послѣ него имамомъ Шамиль первое время былъ занятъ утверженіемъ своей власти въ Дагестанѣ, и потому Чеченская плоскость до 1839 года была довольно спокойна.

Въ 1839 году предпринято было нанести рѣшительное поражение Шамилю въ самомъ средоточіи его власти—укрѣпленномъ аулѣ Ахульго, и тѣмъ показать горцамъ, что увѣренность ихъ въ неприступности этаго гнѣзда мюридизма и въ возможности бороться съ русскими—ложна. Но чтобы обезпечить на время этой экспедиціи нашу линію и самый тылъ дѣйствующаго отряда отъ нападеній ичкеринцевъ, въ маѣ произведено было движеніе въ эту лѣсистою часть горной Чечни. Ташавъ-Хаджи, главный предводитель ичкеринцевъ, былъ разбитъ, и войска наши, пройдя далеко въ глубь Ичкеріи, и разоривъ важнѣйшіе притоки мюридовъ, возвратились въ крѣпость Визанную, понеся, въ продолженіе этаго труднаго движенія, чрезвычайно малую потерю **.

Движеніе къ Ахульго и штурмъ этаго замка имѣли очень важныя слѣдствія для Чеченской плоскости: разбитый на голову, Шамиль, совершенно почти оставленный своими приверженцами, бѣжалъ въ горную Чечню, откуда скоро и началъ дѣлать покушенія для возмущенія ауловъ Чеченской плоскости, распространяя въ ней возмутительныя правила мюридизма. Но попытки его первое время были неудачны: наученные опытомъ, чеченцы не осмѣливались слѣдовать внушеніямъ возмутителя, силамъ котораго они не могли еще довѣрять; они оставались вѣрными русскимъ, и продолжали вносить опредѣленные подати и нести повинности. Однакожъ умы чеченцевъ были сильно взвол-

Сѣвернаго Дагестана. Она лежитъ на р. Койсу, въ глубокомъ ущельѣ, до двухъ верстъ. Разстояніе отъ Темиръ-Ханъ-Шуры до Гимръ полагаютъ около 30 верстъ.— Въ этомъ аулѣ родились Кази-Мулла и Шамиль.

* О Гамзатъ-Бекъ много очень любопытныхъ подробностей находится въ сочиненіи Генеральнаго Штаба полковника Невѣровскаго «Истребленіе аварскихъ хановъ въ 1834 году.»

** Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ, составленное полковникомъ Милютиннымъ.

нованы; видимая покорность ихъ основывалась только на страхъ наказанія, и они ждали только усиленія Шамиля, чтобы открыто пристать къ нему. Обстоятельства ускорили переворотъ, и въ 1840 году Чечня возмутилась.

Первые возстали жители верховій рѣки Урусъ-Мартана, къ которымъ тотчасъ-же прибылъ Шамиль; отсюда мятежъ началъ распространяться по всей Чеченской плоскости съ необыкновенною быстротою, и въ половинѣ 1840 года уже вся плоскость возмутилась. Это было уже нетакое возмущеніе, которое можно было прекратить наказаніемъ нѣсколькихъ ауловъ, какъ бывало неразъ прежде; все населеніе взялось за оружіе и объявило казавать—священную войну противъ невѣрныхъ. Съ тѣхъ-поръ снова въ Чечнѣ запылала война кровопролитная и нерѣдко безпощадная, война, продолжающаяся и въ настоящее время. Аулы, находившіеся въ мѣстахъ доступныхъ, ушли въ глубь лѣсовъ, и оградилась завалами; бѣжали даже многіе изъ ауловъ, бывшихъ между Сунжей и Тереккомъ; Шамиль же съ огромною партіей двинулся къ Сунжѣ, какъ для того, чтобы покровительствовать возстанію Чеченцевъ, жившихъ вблизи нашихъ укрѣпленій, такъ и для противодѣйствія отряду, собравшемуся въ Грозной. Встрѣча произошла на правомъ берегу Сунжи, близъ аула Кулары. Надвѣясь на значительное превосходство своихъ силъ, Шамиль осмѣлился, какъ кажется въ первый еще разъ, вступить въ дѣло на открытомъ мѣстѣ, — и былъ разбитъ. Но побѣда эта и следовавшія за ней на Валерикъ и Басъ не произвели обычныхъ прежде выгодныхъ послѣдствій для насъ. Чеченцы, избѣгая впредь рѣшительныхъ встрѣчъ съ нашими войсками, старались вредить намъ, гдѣ только могли; и начались сраженія почти ежедневныя; рубки дровъ въ лѣсахъ, покосъ, конвоированіе транспортовъ,— всѣ эти дѣйствія сопровождалась болѣе или менѣе значительными стычками; — словомъ началась война народная. При такомъ образѣ дѣйствій чеченцевъ очень понятно, что мы нигдѣ не встрѣчали непріятеля въ значительныхъ силахъ, и потому не могли нанести ему рѣшительнаго пораженія, чтобы однимъ ударомъ окончить дѣло. Вотъ почему война въ Чечнѣ ведется такъ долго и не сопровождалась почти большими сраженіями.

При такихъ обстоятельствахъ, для покоренія Чеченской плос-

кости и потомъ, что самое главное, для прочнаго утверждения нашей власти надъ нею, одной сунженской линіи было уже недостаточно. Нужно было приступить къ устройенію другаго ряда крѣпостей близъ самой границы плоскости съ горами; вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было прорубить по разнымъ направленіямъ просыки, по которымъ-бы войска наши могли свободно проходить въ мѣста, гдѣ присутствіе ихъ окажется нужнымъ; наконецъ нужно было выгнать чеченцевъ изъ ихъ почти неприступныхъ убѣжищъ въ лѣсахъ, заставивъ ихъ или удалиться въ горы, или, въ случаѣ изъявленія ими покорности, выселиться подъ пушки нашихъ укрѣпленій, чтобы съ одной стороны они не могли оправдываться на будущее время тѣмъ, что русскіе ихъ не защищаютъ; а съ другой, чтобы имѣть постоянно за ними самый строгій надзоръ. Всѣ эти мѣры оказались необходимыми, и можно сказать единственными; и приведеніе ихъ въ исполненіе тѣмъ болѣе было очень важно, что Чечня снабжала значительную часть Дагестана хлѣбомъ; слѣдовательно покореніе Чечни и прекращеніе вызова изъ нея хлѣба въ непокорныя общества могло имѣть большое вліяніе на ходъ нашихъ дѣлъ въ Дагестанѣ. Но къ несчастію, почти тотчасъ-же послѣ возмущенія Чечни вниманіе наше было отвлечено начавшимися въ Дагестанѣ сильными безпокойствами. Возмутивъ Чечню, и увѣрившись, что возбужденный въ чеченцахъ фанатизмъ нескоро остынетъ, Шамиль рѣшился поправить свои дѣла въ Дагестанѣ; потому и силы наши должны были направиться туда, а въ Чечнѣ ограничились однимъ только охраненіемъ нашей линіи отъ набѣговъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла до начала 1844 года, когда, съ окончаніемъ дѣлъ въ Дагеставѣ, можно было предпринять болѣе рѣшительныя дѣйствія въ Чечнѣ, и приступить наконецъ къ покоренію ея.

Въ августъ къ Аргунскому ущелью двинулся значительный отрядъ, подъ командою генерала Гурко, который заложилъ на рѣкѣ Аргунѣ крѣпость Воздвиженскую. Построеніемъ этой крѣпости, оконченной въ ноябрь того-же года, мы пріобрѣтали очень важныя выгоды, получивъ возможность дѣйствовать въ самомъ центрѣ засунженской Чечни; кромѣ-того крѣпость стѣсняла нѣсколько выходы большихъ партій изъ Аргунскаго ущелья, служившаго прежде постояннымъ мѣстомъ сбора самыхъ отча-

янныхъ наездниковъ, и жители котораго издавна были известны своею непримиримою ненавистію къ русскимъ; наконецъ самая сунженская линія некоторымъ образомъ обезпечивалась отъ набѣговъ Горцевъ. — Крѣпость Воздвиженская должна была служить основаніемъ передовой чеченской линіи, но распространеніе линіи было замедлено знаменитой даргинской экспедиціей, бывшей въ слѣдующемъ 1845 году и окончившейся совершеннымъ пораженіемъ скопищъ Шамиля и уничтоженіемъ аула Дарго—мѣста жительства его. Вслѣдствіе этого Шамиль долженъ былъ искать новаго убѣжища, и нашель его въ чеченскомъ аулѣ Веденѣ, находящемся у южнаго входа ущелья рѣки Хулхулу; тамъ онъ въ послѣдствіи построилъ для себя родъ укрѣпленнаго замка, въ которомъ и теперь живетъ.

Близость постояннаго мѣста жительства Шамиля къ Чеченской плоскости требовала ускоренія рѣшительныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, и потому съ 1845-же года приступлено было къ прорубкѣ просѣкъ и къ укрѣпленію сунженской линіи казачьими станицами, образовавшими, прославившіяся потомъ, подъ командою Слѣпцова, славный сунженскій казачій полкъ.

Шамиль, видя начинающееся усиленіе русскихъ въ Чечнѣ, поспѣшилъ привести въ исполненіе давно имъ замышленное смѣлое движеніе въ Кабарду, которымъ онъ думалъ произвести всеобщее возстаніе на Кавказѣ. Въ апрѣль 1846 года онъ съ огромнымъ скопищемъ переправился черезъ Сунжу, и направился къ Тереку. Движеніе это совершено было съ такою быстротою, что генераль Фрейтагъ, бывший въ то время начальникомъ лѣваго фланга, не могъ предупредить его, и только съ отрядомъ, собраннымъ наскоро, поспѣшилъ вслѣдъ за непріятелемъ, идя за нимъ въ разстояніи почти цѣлаго перехода. Въ Малой Кабардѣ Шамиль былъ встрѣченъ неохотно, и только силою могъ заставить жителей ея оставить аулы и идти за нимъ со всемъ имуществомъ. Переправясь черезъ Терекъ, Шамиль вступилъ въ Большую Кабарду, откуда онъ предполагалъ идти на соединеніе съ за-кубанцами. Но тревога уже распространилась по линіи, и находившіяся тамъ войска спѣшили со-всѣхъ сторонъ преградить ему путь. Шамиль былъ окруженъ, и послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ прорваться, принужденъ былъ предпринять

обратное движеніе — бѣгство. Положеніе его было почти безнадежно, и только покровительствуемый особыми обстоятельствами, онъ успѣлъ спастись, переправясь черезъ Терекъ при устьѣ рѣчки Змѣйки, при чемъ лишился почти всего своего обоза и множества людей. На Сунжѣ онъ распустилъ свою обманутую и недовольную партію. Движеніе это, на которое Шамиль такъ много рассчитывалъ, не только не принесло ему никакой пользы, но послужило даже во вредъ его вліянію: не успѣвъ произвести обещаннаго возстанія, онъ потерялъ довѣріе начинавшихъ охлаждать къ нему чеченцевъ, и не могъ даже помѣшать утвержденію нашему въ Чечнѣ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ года въ Чечнѣ продолжались рубки просѣкъ, и построены укрѣпленія Ачхой и Урусъ-Мартанъ, на чеченской линіи, и Тепли-Кичу — на сунженской. Въ то же время войска производили частые набѣги, для разоренія ауловъ, для угнанія непріятельскаго скота и уничтоженія хлѣба и сѣна. Всѣ эти мѣры въ совокупности произвели самыя благопріятныя слѣдствія, и въ началѣ 1850 года въ Малой Чечнѣ не осталось ни одного непокорнаго аула, за исключеніемъ полосы лѣса, тянущейся по подошвѣ лѣсныхъ горъ, гдѣ еще гнѣздятся небольшіе кутаны, но населеніе ихъ такъ малочисленно, что они почти совершенно безвредны для насъ*.

Въ 1850 году начали прорубать просѣки въ Большой Чечнѣ, лѣса и вообще мѣстность которой несравненно доступнѣе, нежели въ Малой, потому покореніе этой части совершенно безъ постройки укрѣпленій. Однѣхъ просѣкъ было достаточно для того, чтобы жители ея или удалились въ горы, или вышли къ нашимъ укрѣпленіямъ. Съ 1853 года и Большая Чечня такимъ образомъ можетъ считаться принадлежащею вполне намъ. Осталась еще почти непочатая горная Чечня, невидавшая вовсе русскаго оружія.

Краткій обзоръ этотъ можетъ дать только самое поверх-

* 12-го декабря 1849 года Слѣпцовъ нанесъ сильное пораженіе Шамилю, вслѣдствіе чего смирились и выдали аманатовъ галаша, на землѣ которыхъ произошло сраженіе.

ностное понятие о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Чеченской плоскости. Война въ Чечнѣ, замѣчательная своими трудностями и ознаменованная удивительною стойкостью нашихъ войскъ, заслуживаетъ вполне извѣстности; но предѣлы этой статьи не допускаютъ болѣе подробнаго изложенія этого предмета, введеннаго мною только какъ необходимое добавленіе, для того, чтобы читатель могъ получить возможно полное понятие о Чеченской плоскости.

СЛУЖЬ,

СЦЕНЫ ВЪ СТИХАХЪ

В. Ш. ПОПОВА.

ПРЕДСТАВЛЕНЫ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ ТЕАТРЪ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ,
Октября 17-го 1855 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

КРИНЕЦКАЯ — молодая вдова.
КАЛИТИНЪ.
КЛИНОВСКІЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

КАЛИТИНЪ (*одинъ*).

Сегодня стукнуло мнѣ ровно тридцать лѣтъ.
Немного лѣтъ! — а много испытаній
Я перенесъ: узналъ мишурный свѣтъ,
И цѣну всю похвалъ и порицаній.
Да, обманулся я во всемъ:
Меня вездѣ за правду гнали,
Любовь не поняли, а дружбу презирали;
И слава золотымъ лучемъ
Мой трудный путь не озарила!
Судьба мои разрушила мечты,

Но въ бѣдномъ сердцѣ не убила
 Ни чувствъ, ни прежней теплоты...
 Я твердо вѣрю, что любовь
 На этомъ свѣтѣ существуетъ,
 Но гдѣ она? вотъ что волнуетъ
 Мнѣ часто пламенную кровь!
 Кого я видѣлъ предъ собою?
 Французскихъ куколъ длинный рядъ;
 Онѣ—не съ русскою душою
 И не по-русски говорятъ...
 Нѣтъ ни одной, въ комъ страсти сила
 Презрѣла—бѣ смѣло рабскій страхъ,
 Въ душѣ энергію родила
 И слезы счастья въ очахъ.
 Кто-жъ виновать? Ихъ воспитали
 Такъ осторожно, что въ груди
 У нихъ цвѣты любви завяли,
 И нѣтъ надежды впереди!..
 Увы, невольно головою
 Поникнешь съ грустью и вздохнешь,
 Когда увидишь и поймешь,
 Какой печальной пустотою,
 Какимъ безсилемъ мы полны;
 Какимъ страдаемъ мы безвѣрьемъ;
 Какимъ глубокимъ лицемѣремъ
 У насъ сердца поражены!
 И рядъ безцвѣтныхъ погольній
 Смѣнить насъ долженъ .. Боже мой!..
 Проснись, Россіи дивный Геній,
 Проснись, и мощною рукой
 Направъ ты наше воспитанье,
 Дай чистой правды свѣтъ познать
 И, сбросивъ иго подражанья,
 Заставь себѣ насъ подражать.

(Слышенъ шумъ шаговъ).

Кто тамъ?

(Входитъ Клиновскій).

Клиновскій.

Bonjour, mon cher!

Калитинъ.

Здорово!

Какой судьбою?..

Клиновскій.

Я сейчасъ,

Все расскажу: дай только слово,

Что все останется межъ насъ.

Калитинъ.

Изволь.

Клиновскій.

Къ тебѣ я за совѣтомъ

Теперь явился; вѣрно ты,

Мой милый, не откажешь въ этомъ,

И средства дашь мои мечты

Осуществить...

Калитинъ.

Теперь я смѣло

Готовъ пари съ тобой держать,

Что тутъ любовь вмѣшалась въ дѣло;

Не правда-ли?

Клиновскій.

Я рассказать

Готовъ, но чуръ не насмѣхаться!

Калитинъ.

Серьознѣй сфинкса буду я.

Клиновскій.

Не стану болѣе скрыватья:

Любви полна душа моя,

Но я взаимности не знаю,

А между тѣмъ, не ѣмъ, не пью!

Ахъ, помоги мнѣ, умоляю,

И свадьбу мнѣ устрой!

Калитинъ.

Я свадебъ не люблю!

Но для тебя готовъ я сдѣлать исключенье—

А кто-жъ она?

Клиновскій.

Ее ты долженъ знать:

Madame Кринецкая!..

Калитинъ.

Мое почтеннѣ!

Нашель-же ты кого избрать!
 Сверхъ красоты и добрыхъ качествъ,
 Которымъ отдаю я честь,
 Въ ней столько свѣтскихъ есть дурачествъ,
 Что право трудно перечестъ.
 Не спору, что она блистаетъ
 Образованьемъ и умомъ;
 Зато и курить, и стрѣляетъ,
 И ѣздитъ цѣлый день верхомъ.

Клиновскій.

Что-жь? Я бѣды не вижу въ томъ.

Калитинъ.

А тамъ имѣнье промотаетъ,
 Тебя оставить ни при чемъ,
 И я тебя предупреждаю —
 Ты пропадешь съ женой такой.

Клиновскій.

Я не могу владѣть собой;
 Давно ее я обожаю:
 Она чувствительна —

Калитинъ.

Не знаю,

Какъ ты чувствительность нашель
 У современной дамы модной,
 Гдѣ все размѣрилъ умъ холодный,
 Всѣ чувства, всѣ слова — расчелъ;
 Гдѣ только искренно злословить —
 Ты ищешь искренней любви!
 Повѣрь, тебя лишь за носъ водятъ!
 Оставь-же глупости своей!
 Видалъ я слезы дамы свѣтской:
 Какъ ихъ она въ театрѣ льетъ,

Когда французскій, иль нѣмецкій
 Актеръ на сценѣ зареветь.
 Куда, актеру, не сыграть,
 Какъ наши сѣверныя розы!
 У нихъ притворство выкметъ слезы,
 Кокетство высушить опять...
 Но если руку Христа—ради
 Протянетъ въ рубищѣ бѣднякъ,
 Попроситъ денегъ—какъ не такъ!
 Онѣ ужъ здѣсь не въ маскарадѣ,
 Не на виду, и ихъ душа
 Сейчасъ съ изнанки обернется —
 И бѣдный нищій безъ гроша
 Отъ пышной дамы поллетется!...

Клиновскій.

О нѣтъ, нашъ свѣтъ не понялъ ты,
 Его напрасно осуждаешь:
 Вглядися, сколько доброты
 Въ немъ въ наше время повстрѣчаешь!

Калитинъ.

Благотворительный нашъ вѣкъ
 Постигъ искусство забавляться,
 И современный человекъ
 Добромъ умѣетъ наслаждаться!
 Не можетъ просто помогать —
 Нѣтъ, современные идеи
 Для бѣдныхъ балъ велятъ задать,
 Или затѣять лотереи...
 А дамамъ честь!.. Онѣ всегда
 Готовы первыми явиться,
 Гдѣ только встрѣтится нужда
 Или возможность нарядиться!
 Какъ можно случай пропустить
 Блеснуть съ кокетствомъ передъ нами
 Своими добрыми дѣлами,
 И ими пыль въ глаза пустить!

Клиновскій.

Быть—можетъ такъ, но исключенье
 Межъ ними чистое она;
 Какою къ ближнему полна
 Она любовью... Приключенье
 Одно я съ нею расскажу,
 И ты увѣришься... Разъ какъ-то захожу
 Къ Валицкому; его нѣтъ дома; отправляюсь
 Пѣшкомъ къ Изюмину, и вдругъ встрѣчаюсь
 Съ Кринецкою!.. Она тихонько шла
 Въ салонъ старенькомъ и въ землю все смотрѣла...
 Но я узналъ ее... Слѣжу... Она вошла
 Въ лачужку гадкую... Тутъ ревность закипѣла
 Въ груди моей... я слово далъ
 Загадку разрѣшить—и скрылся
 За уголъ улицы, и поджидалъ,
 Что будетъ далѣе. Но какъ я удивился
 При выходѣ ея!.. За ней, въ слезахъ, во слѣдъ
 Шла цѣлая семья... она-же цѣловала
 Ребенка милаго, и послѣ я узналъ,
 Ты ни за что-бъ не угадалъ,
 Что годъ уже она имъ тайно помогала.

Калитинъ.

Экзальтированность, и больше ничего!
 Madame d'Harville въ переложеньи
 На нравы русскіе... Вотъ заключенье
 Всего разсказа твоего.
 Какъ львицамъ вѣришь ты, когда у нихъ и чувства,
 И набожность—одно искусство;
 Когда предъ олтаремъ, въ слезахъ,
 Онѣ себя и насъ усердно надуваютьъ,
 Когда свиданья назначаютъ
 Съ спокойной совѣстью въ церквахъ!
 Туда женихъ, туда невѣста
 Идутъ другъ друга увидать,
 И для того они сыскать
 Приличнѣе не могутъ мѣста!...

Клиновскій.

Итакъ ты хочешь отвергать
 Все въ женщинѣ... все доброе, святое...
 Созданье это неземное...

Калитинъ.

Я ихъ умѣю различать.
 Кринецкая—эксцентрикъ, львица,
 Кокетничать большая мастерица;
 Она, какъ водится, потѣшится тобой,
 Покажѣтъ кто-нибудь другой
 Тебя не замѣнилъ...

Клиновскій.

Но что-жъ я дѣлать буду,
 И какъ, скажи, ее забуду,
 Когда ея небесный взглядъ
 И днемъ и ночью все со мною?
 Я не найду нигдѣ покою —
 Она мой рай, она мой адъ!..
 Она...

Калитинъ.

Вдова, которая богата,
 Мила, умна, и больше ничего.
 Не перваго такого хвата
 Для развлечения своего
 Она проводитъ. Ты увлекся
 Ничтожной свѣтской мишурой!
 Мнѣ жаль, зачѣмъ не остерегся
 Ты отъ соблазна, милый мой!
 Теперь влюбленъ ты, но женою
 Когда твоею будетъ—ты
 Забудешь страстные мечты,
 И станешь жить не сердцемъ, головою!
 И этотъ бракъ не-разъ ты проклянешь,
 Когда увидишь предъ собою
 Дѣйствительность; когда поймешь,
 Что ты обманутъ былъ мечтою!..
 Себя ты хочешь погубить

Въ порывѣ мимолетной страсти:
 Ну, согласишься, въ твоей-ли власти
 Кринецкую преобразить?
 Она вертѣтъ тобою 'станеть,
 Ты будешь мужъ подъ банникакомъ,
 Не-разъ слеза печали канеть,
 Когда ты вспомнишь о быломъ.

Клиновскій.

Оставь свои нравоченья!
 Тебѣ легко такъ разсуждать,
 Ты не влюбленъ; дай лучше наставленья,
 Что дѣлать мнѣ, съ чего начать?

Калитинъ.

Немного будь похолодишь,
 Оригинальностью блистай,
 Въ своихъ словахъ будь посмѣльишь,
 И роль Дафниса не играй!

Клиновскій.

Благодарю! я постараюсь
 Исполнить это, но боюсь,
 Что передъ нею растеряюсь...
 Поѣдемъ вмѣстѣ къ ней...

Калитинъ.

Но если я влюблюсь?

Клиновскій.

Не можетъ этого случиться,
 Я не боюсь за тебя;
 Съ твоими-ль мнѣньями влюбиться?...
 Пугаешь только ты меня.

Калитинъ.

Какъ знать! и я вѣдь съ сердцемъ тоже;
 А, знаешь, сердце у людей
 Съ пучиной страшной очень схоже
 Неизмѣримостью своею.
 Кринецкую я мало знаю;
 Могу поболѣе узнать,
 И въ мнѣньяхъ не устоять...

И такъ, тебя предупреждаю,
 Прошу-же послѣ не пенять.

Клиновскій.

Твои напрасны предсказанья;
 Я ничего не побоюсь.
 И такъ прощай—же, до свиданья!
 Я за тобой въ четвергъ явлюсь. (*уходитъ*).

Калитинъ (одинъ).

Смѣшонъ Клиновскій мнѣ! Чудакъ, въ кого влюбился!
 Въ кокетку страшную!.. А что виной тому?
 Все воспитаніе! Его отецъ женился
 На рѣдкой женщинѣ, какъ по уму,
 Такъ по душѣ; она какимъ-то исключеньемъ,
 Какимъ радостнымъ явленьемъ
 Средь круга своего была,
 И сыну мнѣнія свои передала...
 Но по несчастью не умѣла
 Предостеречь его отъ пагубныхъ сѣтей;
 На женщину она восторженно смотрѣла,
 И сынъ пошелъ во слѣдъ за ней...
 Какъ жалокъ свѣтъ! вездѣ мученья,
 Вездѣ и всѣмъ грозитъ бѣда!..
 Когда-жъ среди тучъ, звѣзда спасенья,
 Ты мнѣ блеснешь? Когда? Когда?...

II.

Квартира свѣтской дамы; **КРИНЕЦКАЯ** за роялемъ.

Кринецкая (одна).

Ахъ, Боже мой, какая скука!
 За что я ни возьмусь, все валится изъ рукъ!
 Меня томить какой-то злой недугъ!
 Ахъ скоро-ль кончится такая мука!
 Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ
 Не нахожу я развлеченья:
 Начну играть—пѣтъ выраженья,
 Читать—мечтаю о другомъ;
 Осталось одно—влюбиться.
 Но никого не вижу я

Съ кѣмъ я душой могла-бъ сродниться,
 Кто-бъ понялъ, оцѣнилъ меня...
 Увы, какъ много—много бѣдъ
 Въ моей я жизни испытала!
 Едва вступитъ успѣла въ свѣтъ—
 Мечта любви моей пропала.
 А я безумно создала
 Себѣ прекрасное видѣнье,
 И улыбалась, и ждала
 Надеждъ своихъ осуществленья...
 Но рокъ всего меня лишилъ,
 И разогналъ мои мечтанья!
 Мой мужъ старикъ угрюмый былъ...
 Меня отецъ мой осудилъ
 На безъисходное страданье!...
 Но нѣтъ, онъ былъ невиновать:
 Цѣнилъ по своему онъ счастье;
 Мой мужъ былъ знатенъ и богатъ,
 Хотя не чувствами, къ несчастью;
 Больной старикъ не понималъ
 Мою любовь, мои страданья,
 Хотя охотно исполнялъ
 Мои малѣйшія желанья...
 И вотъ вдовой осталась я:
 За мной поклонники слѣдили,
 Но всѣ они несносны были,
 Никто не понималъ меня.
 Одни умѣли лишь молчать,
 Другіе ловко танцовали,
 Тѣ вздоры мастерски болтали,
 А тѣ умѣли щеголять...
 Тоска мою терзала грудь;
 Я принялась за развлеченья,
 Стрѣляла, ѣздила верхомъ—но утѣшенья
 Не въ состоянїи ничто въ меня вдохнуть,
 Отъ грусти тягостной избавить...

(Входятъ Калитинъ и Клиновскій).

III.

КРИНЕЦКАЯ, КЛИНОВСКІЙ, КАЛИТИНЪ.

Клиновскій.

Мое почтеніе!... Представить
 Позвольте!.. лучшей другъ!.. васъ рѣдко видѣлъ онъ,
 Но вами такъ обворожень...

Кринецкая.

Весьма пріятно мнѣ...

Клиновскій.

Лукавить

Я не могу и звонкихъ фразъ
 Слагать по модѣ не умѣю...
 И потому увѣрить смѣю,
 Что въ восхищеньи онъ...

Калитинъ.

Не-разъ

Я вашею ѣздою любовался,
 Желалъ вамъ счастья и вмѣстѣ съ тѣмъ боялся...
 Однажды вы въ моихъ глазахъ
 Черезъ ровъ большой скакнули смѣло:
 Ну долго-ль до бѣды?..

Кринецкая.

Напрасный страхъ!

Я съ лошади еще ни-разу не слетѣла,
 И думаю, что никогда
 Несчастія такого не случится.

Калитинъ.

Дай Господи! но ежели...

Кринецкая.

Тогда

Мнѣ надо будетъ покориться
 Судьбѣ своей, съ терпѣніемъ внимать
 Ребяческимъ нравоученьямъ,
 Когда сберутся утѣшать
 Меня подруги ложнымъ сожалѣньемъ.

Калитинъ.

Какъ ложнымъ?

Кринецкая.

Какъ-же называть

То лицемѣрное участие,
 Съ которымъ въ случаѣ несчастья,
 Являются онѣ? Какого ждуть
 Отъ нихъ мнѣ можно состраданья,
 Когда ихъ первое желанье
 Меня предъ всѣми очернять!
 И такъ уже онѣ кричали,
 Что львица и кокетка я
 И чтобъ мужчины отъ меня,
 Какъ отъ холеры, убѣгали!
 Ихъ разсужденья обо мнѣ
 Быть можетъ вы не-разъ слышали,
 И соглашаяся вполнѣ,
 Меня во многомъ обвиняли!..

Калитинъ.

О нѣтъ, за что-жъ васъ обвинять?
 Кокетство въ женщинѣ врожденно,
 А амазонство современно —
 Отъ вѣка можно-ль отставать?

Кринецкая.

Признаться, я не ожидала,
 Чтобъ недовольны были вы;
 Вотъ вы, мужчины, каковы:
 Всѣмъ недовольны, все вамъ мало!
 А если-бъ знали вы, какъ я
 Изъ пистолета въ цѣль стрѣляю,
 Иль на конькахъ катаюся, я знаю
 Вы ужаснулись-бы меня!

Калитинъ.

Напротивъ, долженъ я признаться,
 Что сожалѣю объ одномъ:
 Что не могу быть вѣдокомъ,
 Чтобъ съ вами смѣло состязаться;
 Что не могу, какъ вы стрѣлять,
 Коньковъ боюся больше смерти;

Хотя и грустно мнѣ, повѣрьте,
Но долженъ я отъ васъ отстать.

Кривецкая.

Вамъ, 'безъ сомнѣнья, пустяками,
Какъ мнѣ, заняться время нѣтъ,
Вы опытни, узнали свѣтъ,
И занялися лишь дѣлами;
Но я еще такъ молода,
Такъ легкомысленна, безпечна...
И мнѣ простительно конечно
Заняться вздоромъ иногда.
Но несмотря на развлеченья,
Наединѣ, въ досужный часъ,
Я принимаюсь за сравненья
Мужчинъ и бѣдныхъ женщинъ насъ!
Что видите вы въ насъ, скажите?
Вертушекъ съ ногъ до головы!
Въ порокахъ разныхъ насъ вините,
Хотя причиною ихъ—вы!
Кто изъ мужчинъ къ намъ приближался
Съ надеждой сердце облегчить?
Кто нами чисто восхищался,
Кто чисто насъ умѣлъ любить?
Никто! Вы насъ всего лишили,
Считать привыкли за дѣтей,
И хладнокровно осудили
Жить въ сферѣ мелочныхъ идей.
Какъ будто чувствъ мы не имѣемъ,
Какъ будто нѣтъ ума у насъ,
Какъ будто мы не стоимъ васъ,
И понимать васъ не умѣемъ!
А между-тѣмъ, наружно намъ,
Вы воздаете поклоненье!
Но если мы повѣримъ вамъ,
Насъ ждетъ порокъ и поношенье.
Да! вы стараетесь отнять
У насъ, что намъ всего дороже...

И послѣ, милосердый Боже!
 Вы смѣете насъ презирать?!..
 И послѣ лаврами вѣнчаетъ
 Васъ за успѣхъ бездушный свѣтъ,
 А насъ презрѣнье ожидаетъ,
 Для насъ и жалости въ немъ нѣтъ!..

КАЛИТНИЪ.

Чтобы отъ вашего упрека
 Насъ хоть немного оправдать,
 Простите, долженъ издалека
 Я оправданіе начать.
 Скажите, что приготовляетъ
 Мать въ дочери? Какія въ ней,
 Гордясь любовью своей,
 Она идеи развиваетъ?
 Она старается убить
 У ней возвышенныя чувства,
 Она хлопочетъ въ ней развить
 Необходимое искусство—
 Богатыхъ жениховъ ловить!..
 И дочь, понявши наставленья,
 Для нихъ готова расточать
 Свои улыбки, взоры, пѣнье,—
 Готова цѣлый день бренчать
 Для полноты обвороженья!
 Вотъ воспитаніе въ домахъ:
 Образованья блескъ снаружи
 И пустота межъ-тѣмъ въ сердцахъ!
 А въ пансіонахъ часто хуже:
 Дѣвицъ тамъ учатъ танцовать,
 Болтать немного по-французски,
 Неправильно писать по-русски,
 Кой-что изъ бисера вязать!..
 Къ чему такое воспитанье
 Несчастныхъ дѣвушекъ водить?
 И что ихъ послѣ въ свѣтъ ждетъ?
 Иль проза жизни, иль страданье.

Однѣ, поладивши съ судьбой,
 Въ пустѣйшихъ женщинъ превратятся,
 Довольныхъ свѣтомъ и собой;
 Другія будутъ вѣкъ терзаться!
 Скажите—же, за что винить
 Насъ въ этомъ вредномъ направленьи?
 Нѣтъ, если вы должны насъ осудить,
 То развѣ въ слабости: вотъ наше преступленье!
 За то, что мы покорны вамъ;
 За то, что мы вамъ угождаемъ;
 Что важность придаемъ различнымъ пустякамъ,
 И пустословьемъ щеголяемъ;
 За то, что, къ вамъ принаровясь,
 Летимъ за вами безъ сознанья;
 За то, что, въ васъ безъ памяти влюбясь,
 Не слушаемъ разсудка увѣщанья. —
 За это все вы въ—правѣ насъ
 Безжалостно подвергнуть посмѣянью!
 Но смѣю я увѣрить васъ
 Мы поровну достойны порицанья!
 Не спорю, что виновны мы,
 Но тѣмъ не меньше вы неправы:
 Для насъ вы пишете уставы,
 А мы ихъ исполнять должны!..

Кринецкая.

Мнѣ кажется, что вы судили,
 Съ излишней строгостью о насъ;
 Но впрочемъ не виню я васъ,
 Мы вѣрно вамъ порядкомъ насолили!..
 Жалѣю очень я о томъ;
 Но позабыть вы насъ съумѣли;
 Оставля насъ, пошли другимъ путемъ,
 Къ другой, достойнѣйшей васъ цѣли;
 Быть можетъ службѣ предались,
 Иль, удалившись отъ свѣта
 Въ уединенъе кабинета,
 Литературой занялись...

И если такъ—произведенья
Прочеть я ваши попрошу...

КАЛТИНЪ.

Я не служу и не пишу!

КРИНЕЦКАЯ.

Я внѣ-себя отъ удивленья!

Возможно-ль, вы хотите скрыть

Отъ свѣта ваши дарованья?..

КАЛТИНЪ.

Что-жъ дѣлать, если нѣтъ призванья,

Я не могу полезнымъ быть!

Къ тому-жъ, сказать позвольте кстати,

О чемъ прикажете писать?

Привыкли люди правду гнать,

Кому-жъ она понравится въ печати?

А нравы... но о нихъ позвольте умолчать,

И такъ я слишкомъ заболтался.—

А между-тѣмъ ужъ скоро третій часъ.—

Я быть у дяди общался...

КРИНЕЦКАЯ.

Надѣюсь, не въ послѣдній разъ

Вы у меня, хоть въ наказанье

За ваши боллости...

КАЛТИНЪ.

О, я готовъ у васъ

Всегда наказанъ быть... Прощайте.

КРИНЕЦКАЯ.

До свиданья!...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Черезъ десять мѣсяцевъ.

I.

КРИНЕЦКАЯ (одна, въ неглиже).

Ахъ, Боже мой, какъ я устала!

Ужъ эти мнѣ балы! Танцуешь до утра!

Сегодня я насилу встала

(Смотритъ на часы).

Ужъ скоро два часа!.. Однако-же, пора

Одѣться мнѣ... Напрасно не велѣла

Я никого не принимать...

Вчера я слышала—Калитинъ здѣсь опять;

Я видѣть-бы его хотѣла!

Мнѣ нравится онъ очень по уму,

По рѣзкому, правдивому сужденью,

И я невольно чувствую къ нему

Какое-то расположенье...

И даже... даже, можетъ быть,

Что я могла его-бы полюбить.

Съ тѣхъ-поръ какъ я его узнала,

Не знаю почему совсѣмъ другая стала;

Заставилъ онъ меня отчетъ себѣ отдать

Въ своихъ поступкахъ... Вотъ и онъ...

(Входитъ Калитинъ).

Скажите,

Что васъ давно такъ не видать?

Съ полгода, кажется...

КАЛИТИНЪ.

Деревню въ томъ вините;

Что я не могъ у васъ бывать.

КРИНЕЦКАЯ.

Ну какъ-же вы тамъ поживали?

Я думаю, что не скучали?

КАЛИТИНЪ.

Напротивъ! я туда бѣжалъ

Столичную разсѣять скуку,

Но отъ нея не убѣжалъ

И въ большую попался муку!

Я полагалъ, зеленый лугъ,

Картины смиренныя природы—

Мой усмирять мятежный духъ,

И возвращать былые годы!

Но что-жь? Журчаніе ручья,

Игра пастушеской свирѣли,
 Шумъ листьевъ, пѣнье соловья —
 Мнѣ черезъ мѣсяць надоѣли.

Кринецкая.

Немудрено; теперь пора
 Прошла природы созерцанья;
 Нашъ вѣкъ идетъ путемъ добра,
 Дѣятельности и познанья...
 А вы хотѣли схоронить
 Себя въ нѣмомъ уединеньи,
 И всѣ досуги посвятить
 Пустыхъ идиллій наслажденью!..
 Но если-бъ только вы могли
 Къ помѣщикамъ принаровиться,
 То вѣрно-бы тамъ рай нашли
 И не подумали въ столицу возвратиться..
 Но вѣроятно вы себя
 Отъ нихъ подалѣе держали
 И ихъ забавъ не раздѣляли...

Калитинъ.

Талантовъ не имѣю я,
 Чтобъ въ нихъ осмѣлиться вмѣшаться;
 Какъ быть! я не могу таскаться
 Съ ружьемъ въ болотахъ и лѣсахъ,
 Или за зайцами гоняться
 И хлѣбъ вытаптывать въ поляхъ!
 Играть я въ карты не умѣю,
 Въ настойкахъ истинный профанъ,
 Породь собакъ не разумѣю,
 А тяжбы для меня — туманъ.
 Чужимъ межъ ними я скитался,
 И скоро сталъ ихъ убѣгать,
 И какъ отъ скуки ни скрывался,
 А долженъ былъ ее узнать...
 И я не вытерпѣлъ—спасенья
 Искалъ отъ этой язвы злой.

Кринецкая.

Жениться стоило: въ супругѣ молодой
Нашли-бы горестей забвенье,
Въ деревнѣ мирно стали-бъ жить.

Калитинъ.

Вы деревенскою женою
Меня хотите надѣлать?
Нѣтъ, лучше заживо зарыть
Себя, чѣмъ жертвовать собою,
Чѣмъ вѣкъ безвыходно страдать,
И не дѣлясь ни съ кѣмъ душою,
Средь огородовъ прозябать!

Кринецкая.

Зачѣмъ-же? Вы могли-бъ сыскать
Въ деревнѣ новую Коринну,
А ужъ такая половина
Навѣрное могла-бъ васъ понимать,
И объ хозяйствѣ ни полслова
Вы не услышали-бъ отъ ней!
Она была-бъ полна возвышенныхъ идей
И ихъ въ стихи перелагать готова!...

Калитинъ.

Богъ съ нею! Пусть въ своей тиши
Такая роза процвѣтаетъ,
И скорбь непонятой души
Передъ учителемъ уѣзднымъ изливаетъ,
А я подальше...

Кринецкая.

Вамъ трудно угодить!

Кого-жъ вамъ надобно, не знаю;
Богиню, можетъ-быть?...

Калитинъ.

Я о богинѣ не мечтаю,
Но женщину найти желаю,
Которая-бы поняла
Свое высокое значенье,
И исключеніемъ была

Изъ нынѣшняго поколѣнья!
 Чтобы, поэзіей дыша,
 Она отрады въ ней искала,
 Чтобъ чистая ея душа
 Пустыя сплетни презирала!
 Чтобъ въ ней несчастный находилъ
 Своимъ страданьямъ облегченье,
 Чтобъ правду духъ ея любилъ,
 И не слабѣлъ отъ оскорбленья!...
 Чтобъ мужъ, измученный борьбой
 Съ житейской прозою суровой,
 Могъ отдохнуть въ семьѣ родной,
 И укрѣпиться къ битвѣ новой...
 Чтобы дѣтямъ передала
 Она свой пламень благородный,
 И чтобъ звѣздою путеводной
 Для нихъ жизнь цѣлую была!
 Вотъ женщина! А то, скажите,
 На что похожъ нашъ модный кругъ?
 На современныхъ львицъ взгляните:
 Имъ о семьѣ подумать недосугъ;
 У нихъ важнѣе есть занятья,
 У нихъ все время нарасхватъ:
 Балы, театры, маскарадъ;
 То надобно примѣрять платье,
 То головной купить уборъ,
 То ожерелье дорогое;
 А между-тѣмъ за этотъ вздоръ
 Мужъ платить тяжкою цѣною;
 Онъ долженъ совѣсть продавать,
 И жить аферой и обманомъ,
 Или имѣнье раззорять,
 Чтобъ не прослыть жены тираномъ...
 А жены?... Что за дѣло имъ,
 Что бѣдные мужья страдаютъ?
 Сквозь комплиментовъ сладкій дымъ
 Онѣ того не примѣчаютъ!

Чтобы отъ высшихъ не отстать,
Казаться выше состоянья,
Онѣ готовы всѣхъ терзать,
Забывъ святое состраданье:
Способны моську пожалѣть,
Надъ птичкою рѣкою слезъ разлиться,
А человекъ?... Онъ можетъ умереть,
И даже вздоха не добиться!...

Кринецкая.

Гораздо легче осуждать
Несчастныхъ женщинъ поведенье,
Чѣмъ безпристрастно разобрать
И ихъ и ваше положенье...
Увы, едва мы вступимъ въ свѣтъ,
Едва окончимъ воспитаанье —
Какъ намъ готовъ его кривѣтъ,
Готово лестное вниманье!
Но то не свѣтъ, а гнусный торгъ,
Гдѣ все поддѣльно и невѣрно:
Разсчитливъ пламенный восторгъ,
Любовь и дружба лицемѣрна!
Гдѣ намъ погибелью грозить
Мужчинъ коварное исканье,
Гдѣ насъ никто не вразумить,
Что цѣль ихъ — наше состоянье
Или родство; — весь ихъ расчетъ,
Чтобы со знатью породниться,
Чтобъ мѣсть или чиновъ добиться,
Или чтобъ жить на женщинъ счетъ?...
Никто не думаетъ нисколько
Подругу жизни въ ней искать,
Тотъ въ ней сидѣлку видитъ только,
А этотъ... лучше умолчать!...
Настало жертвоприношенье,
Она родными предана,
Она раба, а не жена,
И бракъ тотъ — вѣры оскорбленье!...

Слезой блестит напрасно взоръ,
Напрасно жертва умоляетъ!
Увы, никто на этотъ вздоръ
Вниманія не обращаетъ!
Зачѣмъ? Она еще не знаетъ,
Что счастье въ деньгахъ и гербахъ,
Въ нарядахъ, ложахъ и каретахъ,
Иль въ генеральскихъ эполетахъ,
А не въ пустыхъ любви мечтахъ!...
День каждый, каждое мгновенье
Родные это ей твердятъ,
И умоляютъ, и грозятъ,
И вотъ бѣдняжка, для спасенья
Себя отъ этой пытки злой,
Готова жертвовать собой!...
А послѣ дорогой цѣной
Должна за слабость заплатить,
И слезъ горючею рѣкою
Свою ошибку искупить!...
Въ клочки ей сердце разорвали,
И вмѣсто пламенной любви,
Самодовольно впереди
Рядъ наслажденій указали...
И такъ за что-жь ее винить
За франтовство и развлеченье,
Когда ей некого любить,
Когда сердечныя мученья
Она въ нихъ хочетъ заглушить?
И такъ уже судьбой жестокой
Осуждена она страдать,
И даже скорбь свою глубоко
Должна отъ всѣхъ въ душѣ скрывать!
Жестокій свѣтъ! Онъ не прощаетъ,
Когда въ немъ явится она
Съ лицомъ унылымъ и блѣдна,
И тотчасъ сплетню сочиняетъ!
И вотъ, съ убитою душой,

Но съ яркимъ пламенемъ во взорѣ,
 Она блистаетъ въ разговорѣ
 Непринужденной остротой:
 Ее кокеткой вы браните,
 Наружность вводитъ васъ въ обманъ,
 Но глубже въ сердце загляните—
 Вы ужаснетесь этихъ ранъ!
 Нѣтъ, не бранить, а удивляться
 Должны несчастной, какъ она
 Еще умѣетъ улыбаться,
 Тоской своей удручена!...
 Какъ состраданье не забыла
 Она въ несчастіяхъ своихъ,
 И поняла, и раздѣлила
 Печаль тяжелую другихъ!...
 И даже тутъ не избѣгаетъ
 Она бѣды: мужчины ей
 Коварно сѣти разставляютъ
 Изъ мнимой горести своей,
 Воображаемымъ страданьемъ
 Желаютъ жалость возбудить,
 И въ благодарность заплатитъ
 Позоромъ ей за состраданье!...

КАЛИТИНЪ.

Ужели мы?...

КРИНЕЦКАЯ.

Къ несчастью, васъ
 Я слишкомъ хорошо узнала,
 Хотя и поздно разгадала.
 И если я ошиблась разъ,
 Зато другой не ошибуся.
 Я только одному дивлюся,
 Какъ, испытавши столько бѣдъ,
 Находятся такія вдовы,
 Которыя супружества обѣтъ
 Произнести оцять готовы!

КАЛИТИНЪ.

А отчего-же бы и нѣтъ?
Вы слишкомъ къ намъ несправедливы:
Не безъ пороковъ мы, согласенъ я,
Однакожь есть таки мужья,
Которыхъ жены пресчастливы!

КРИНЕЦКАЯ.

Одна изъ тысячи, и то Богъ знаетъ какъ!
Попасть такъ трудно въ исключенье—
И прежде чѣмъ отважиться на бракъ
Обдумать должно предложенье
Внимательно, со всѣхъ сторонъ,
Узнать наклонности всѣ мужа...
А это трудно такъ...

КАЛИТИНЪ.

Но почему-жь?

КРИНЕЦКАЯ.

Свѣтъ нынѣ сдѣлался смышленъ:
Въ притворствѣ люди такъ успѣли,
Что всякій, чтобъ достигнуть цѣли—
Рѣшительно хамелеонъ!
Готовъ на-дню сто разъ мѣняться,
Лишь выгода была-бы въ томъ,
Прошу-же истины дознаться
При направленіи такомъ!
Скажите, какъ-же тутъ повѣрить
Любви обманчивымъ словамъ?

КАЛИТИНЪ.

Не вѣрьте! вѣрьте хоть дѣламъ:
Любовь дѣлами должно мѣрять!

КРИНЕЦКАЯ.

О да, дѣлами; напрімѣръ:
Кто въ маскарадахъ и собраньяхъ,
На пикникахъ и на гуляньяхъ
Нашъ постоянный кавалеръ;
Кто передъ нами шеголяетъ
Обрывками газетныхъ фразъ,

И скуку съ нами убиваетъ,
 Такъ тотъ и точно любить насъ?
 Такъ вотъ дѣла? Не правда-ль, ими
 Любовь возможно доказать
 И мы, съ сомнѣньями своими,
 Передъ дѣяньями такими
 Должны невольно замолчать?..

КАЛИТИНЪ.

Конечно, это все бездѣлки,
 А вы хотѣли-бъ воскресить
 Вѣкъ рыцарей и всѣ продѣлки
 Романовъ ихъ возобновить?
 Ужель они...

КРИНЕЦКАЯ.

О да, признаться,
 Хотѣла-бъ видѣть, кто изъ васъ,
 Чтобъ доказать, что любить насъ
 Со львомъ осмѣлится сражаться?..

КАЛИТИНЪ.

Да мы щадимъ чужую кровь,
 Да и свою притомъ жалѣемъ,
 И чтобы доказать любовь
 Другіе способы имѣемъ!

КРИНЕЦКАЯ.

Какіе-же?

КАЛИТИНЪ.

Когда-бъ кто могъ
 Вамъ сердца вашего исчислить всѣ біенья,
 Сказать всѣ ваши помышленья,
 Когда-бы въ немъ вашъ взглядъ зажегъ
 Святой огонь любви; когда-бъ у вашихъ ногъ
 Онъ все сложилъ, и обратясь съ мольбою
 Къ вамъ пламенной, какъ къ божеству, сказалъ,
 Что васъ подъ маской ледяною
 Давно-давно онъ разгадалъ,
 Что неужель судьба судила,
 Чтобъ столько нѣжности святой

Душа ни съ кѣмъ не раздѣлила?
 Ужель вамъ вѣчно жить одной,
 Ужель не вѣдать наслажденья
 Младенца милого ласкать,
 Ужель другому утѣшенья
 Вамъ суждено не передать...
 Когда-бъ кто съ этими рѣчами
 Прибѣгнуль къ вамъ, и упоень
 Своею страстию, очами
 Любви на васъ смотрѣль-бы онъ,
 Ужель съ обиднымъ подозрѣньемъ
 Вы посмотрѣли-бъ на него?

Кринецкая.

О нѣтъ! Но гдѣ-жъ найти того,
 Кто-бъ полонъ былъ такимъ стремленьемъ?
 Кто-бъ могъ такъ пламенно любить?
 Такого нѣтъ сознайтесь сами!..

Калитинъ.

Онъ есть, онъ есть, онъ передъ вами!
 Хотѣлъ напрасно затаить
 Я страсть свою, напрасно скрылся
 Отъ васъ, она сильнѣй росла —
 И передъ вами я явился...

Кринецкая.

Во взглядахъ вашихъ я прочла
 Давно любовь; я разгадала,
 Я оцѣнила васъ давно
 И ежели отъ васъ скрывала
 Любовь свою—неудрено:
 Я женщина...

Калитинъ.

О, для чего
 Я ранѣе не догадался,
 Зачѣмъ въ любви своей скрывался
 И убѣгалъ отъ счастья своего?

Кринецкая.

Не жалуйтесь: безъ испытанья

Мы не узнали-бы другъ друга никогда!
 И вотъ за краткія страданья
 Мы будемъ счастливы всегда...
 Теперь позвольте васъ оставить,
 Я только къ маменькѣ схожу,
 И позволенья попрошу,
 Какъ жениха, васъ ей представить;
 И тотчасъ ворочусь...

КАЛИТИНЪ.

Безъ васъ

Я буду здѣсь скучать...

КРИНЕЦКАЯ.

Я знаю

Про то по опыту, и возвращусь сейчасъ.

КАЛИТИНЪ.

О, поспѣшите-же, я ожидаю!

(Кринецкая уходитъ).

П.

КАЛИТИНЪ одинъ.

Я счастья достигъ, а все душа моя
 Полна прошедшаго страданья,
 И лучшія минуты бытія
 Отравлены воспоминаемъ!
 Увы, въ тотъ мигъ, какъ будущность такъ льститъ,
 Мнѣ не даетъ мечта покоя,
 И вмѣсто счастья чертитъ
 Былое горе предо мною!
 Къ тому-жъ Клиновскаго мнѣ жаль!
 Снесетъ онъ это испытанье,
 Или убьетъ его печаль
 И онъ падетъ подъ бременемъ страданья,
 И охладѣвъ пылающей душой,
 Надъ чувствомъ станетъ насмѣхаться
 И самъ, бывъ жертвой роковой,
 Начнетъ сердцами забавляться,
 Начнетъ забвенія искать
 Пустыхъ страстей въ безумномъ хорѣ,

И голосъ совѣсти суровой заглушать
 Въ винѣ и буйномъ разговорѣ!
 Включить себя въ обширный кругъ
 Гулякъ и пьяницъ благородныхъ.
 Они въ порокахъ намъ несродныхъ
 Могучій Руси видятъ духъ,
 Они въ какомъ-то заблужденіи
 Буйство, пьянство и развратъ
 Считаютъ подвигомъ, достойнымъ одобренья,
 И вовсе вѣдать не хотятъ,
 Что ихъ презрѣніемъ клеймятъ,
 Что это все несовременно,
 И малодушно, и смѣшно,
 Ужель, несчастный, непременно
 Тебѣ средь ихъ погибнуть суждено?
 Ужель любви святое чувство
 Ты до цинизма доведешь,
 И обольщенія искусство
 Душею чистою поймешь?
 Ужели этою цѣною
 Себѣ я счастье куплю?
 О Боже, сжался надо мною
 И пощади его, молю!..
 (входитъ Клиновскій).

III.

КАЛИТИНЪ, КЛИНОВСКІЙ.

КЛИНОВСКІЙ.

Bon jour, mon cher! Ну, слава Богу,
 Насилу я тебя поймалъ!
 Какъ поживаешь?

КАЛИТИНЪ.

Понемногу.

КЛИНОВСКІЙ.

Сейчасъ я мимо проѣзжалъ,
 И у параднаго подъѣзда
 Твою карету увидалъ.

Коварный человекъ! Съ пріѣзда
Ты у меня не побываль.

Калитинъ.

Все некогда; но я собирался
Тебя сегодня навѣстить,
И кой о чемъ поговорить,
И кстати ты теперь попался...

Клиновскій.

О чемъ? Я слушаю тебя,

Калитинъ.

Увы, какъ часто мы себя
Надеждой ложной обольщаемъ,
Иль твердостью, которой нѣтъ у насъ,
Самодовольно щеголяемъ!
А между-тѣмъ, приходитъ часъ,
И мы предъ сердцемъ уступаемъ;
Посмотришь, клялся тотъ любить
Одну и образъ несравненный.
Всегда въ груди своей носить!
Онъ вѣренъ былъ въ тотъ мигъ священный,
Но могъ-ли онъ вообразить,
Что онъ измѣнитъ ей, что ложно
Онъ страсть свою истолковалъ,
Что счастье съ другой ему возможно,
Что за любовь—любви потребность онъ принялъ!
Другой, обманутый стократно,
Клялся всѣхъ женщинъ презирать
И думалъ, что любовь исчезла безвозвратно,
Но долженъ былъ вину свою сознать!..
Узналъ тогда, что счастливымъ быть можетъ,
И горе позабывъ прошедшихъ дней...

Клиновскій.

Къ чему ты рѣчь ведешь? Она меня тревожить,
Мнѣ подозрѣнье сердце гложетъ!
Ужели ты помолвленъ съ ней?

Калитинъ.

Ты правъ, но для чего сердиться?

Тебѣ другая часть дана:
Нельзя—жѣ тебѣ на ней жепиться,
Когда она не влюблена...

Клиновскій.

Благодарю за наставленья.
Къ—несчастью, я поздно васъ узналъ...

Калитинъ.

Вы помните: я васъ предупреждалъ
И я невиноватъ, что опасенья
Мои исполнились...

*(Криецкая входитъ и прячется
за портьеру.)*

Клиновскій.

Вотъ чести идеаль!

Вотъ человекъ, который вѣчно
Кричалъ, что не обманетъ никого,
И обманулъ безчеловѣчно
Кого-же?.. Друга своего!

Калитинъ.

Вы забываетесь...

Клиновскій.

И вы воображали,
Что это даромъ вамъ пройдетъ?
Нѣтъ, я отъ васъ требую отчетъ,
Вы, вы...

Калитинъ.

Послушайте, нельзя-ли
Вамъ поумѣреннѣе быть
Немного въ вашихъ выраженьяхъ?
Хотите удовлетворенья?
Извольте, я готовъ служить!
Хоть признаюсь не вижу цѣли
И смысла здраваго въ дуэли.
Повѣрьте, кровью доказать
Нельзя любви своей нисколько;
Заставите ее вы слезы проливать
По комъ—нибудь изъ насъ—и только!

И такъ послушайте меня,
Свою досаду укротите,
Но ежели вы не хотите,
Готовъ къ услугамъ вашимъ я.

Клиновскій.

Но...

Криницкая (выходя).

Мсьё Клиновскій, замолчите!

Во всемъ виновна я одна;
Неужели стрѣляться я должна?..
О, я увѣрена, меня вы пощадите!
Послушайте, теперь не тѣ ужъ времена;
Любовь не возбуждаютъ силой;
И ежелибы за отказъ
Дралися все, то что-бы было?
Чтожь дѣлать, если вмѣсто васъ
Я мужемъ выбрала другаго?
Вѣдь я вамъ не давала слова,
И въ выборѣ вольна была.
Я вѣрю, вы меня любили,
Но я любви къ вамъ не нашла.
Ну что-бъ мы за супруги были:
Я старше васъ, и вы меня,
Какъ водится обыкновенно,
Забыли-бъ скоро совершенно.
Нѣтъ, вы не поняли себя,
Въ васъ сердце юное пылало,
Искало съ жадностью, кого-бы полюбить,
И первую меня, къ несчастью, повстрѣчало...
Вы мнѣ его рѣшились посвятить,
Вы думали, что я взаимность къ вамъ питала,—
Но ахъ, ошибка то была:
Я съ вами пошутить желала,
Не думая, чтобъ васъ такъ увлекла!..
Я каюся! Но... мнѣ такъ скучно было,
Я развлекалась, какъ могла,

Мнѣ жаль, что я такъ пошутила...
Но вы не сердитесь?..

Клиновскій.

Нѣтъ, я не помню зла,
Я не могу на васъ сердиться!
Велите вы—я долженъ все забыть,
Предъ нимъ обязанъ извиниться,
Предъ вами страсть свою навѣки затаить.

Кринецкая.

Къ чему отчаянье?.. Повѣрьте, вскорѣ
Своей любви найдете вы отвѣтъ,
Съ другой забудете теперешнее горе,
И будете счастливы...

Клиновскій.

Нѣтъ,
Изъ памяти не истребится
Урокъ жестокой вашъ; нескоро я
Осмѣлюся опять влюбиться!..

Калитинъ.

Зачѣмъ тревожить такъ себя?
Не думай о своей печали:
Страданье смертныхъ всехъ удѣлъ;
И только тѣ лишь не страдали,
Кто чувствъ высокихъ не имѣлъ.

Клиновскій.

Прощай, мой другъ! (*Кринецкой*). Мое почтенье!
Желаю счастья вамъ!

Кринецкая.

Желаю вамъ забвенья!

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

НА

МАКАРЬЕВСКОЙ ЯРМАРКЪ.

Разсказъ Гр. Григоренко.

У Петра Ивановича вскочилъ прыщъ на носу. Это его чрезвычайно безпокоило.

— Отъ чего-же вскочилъ этотъ прыщъ на носу? Да, почему именно на носу? спрашивалъ онъ у Ивана Петровича.

— Помилуйте, Петръ Ивановичъ, этотъ прыщъ почти незамѣтенъ, да и притомъ гораздо лучше, что это случилось именно на носу, чѣмъ гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ; посудите сами...

Но Иванъ Петровичъ не успѣлъ договорить, потому-что дверь отворилась и вошла Софья Тимоѣевна, дородная супруга Петра Ивановича. Петръ Ивановичъ Полнощекоевъ былъ помѣщикъ С — ой губерніи. Когда-то служилъ онъ въ гусарскомъ армейскомъ полку, и достигши маіорскаго чина, вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ имѣніи, въ которомъ незадолго умеръ старикъ отецъ его. Петръ Ивановичъ, имѣя сердце очень чувствительное, не могъ долго прожить холостякомъ. Маленькіе глазки Софьи Тимоѣевны, сосѣдки Петра Ивановича по имѣнію, скоро завладѣли вполне его душою; онъ не вытерпѣлъ, и нѣсколько времени спустя по пріѣздѣ въ имѣніе, просилъ руки ея. Она конечно согласилась тотчасъ-же, также какъ и ея родные: у Петра Ивановича было 500 душъ

незаложенныхъ, а это очень много значитъ для отставнаго майора. Петръ Ивановичъ былъ внѣ себя отъ радости, когда увидѣлъ въ своемъ имѣніи, Лохвинки, такую милую хозяйку. Софья Тимоѣевна была въ то время куда гетакъ дородна, какъ теперь, но все-таки слыла между помѣщиками красавицей. С—іе помѣщики очень любятъ дородность; это, впрочемъ, ихъ спеціальность. Должно-быть обширность нашего государства служить главною причиною этаго вкуса. Софья Тимоѣевна тоже полюбилось село Лохвинки. Воспитанной при родителяхъ, владѣвшихъ пятью душами крестьянъ, изъ которыхъ двое были дворовыми и прислуживали въ домъ, одинъ въ видъ кучера, другой въ формѣ повара,—ей показалось привольно жить помѣщицей, въ своемъ домъ, имѣть свою деревню, свой скотный дворъ, свои хлѣбные магазины и и пр. и пр.; ей нравилась возможность приказывать, распоряжаться по своей волѣ, по своему желанію. Петръ Ивановичъ, который имѣлъ сердце чувствительное и старался всѣмъ угодить своей любезной Сонь, подпалъ незаметно подъ башмакъ Софьи Тимоѣевны, какъ выражался одинъ изъ моихъ знакомыхъ. Такъ прошли десять лѣтъ, мирно, плавно, безъ особыхъ приключеній. Результатомъ всего этаго было то, что Софья Тимоѣевна стала неимоверно дородна и сдѣлалась полною хозяйкою всего дома. Петръ Ивановичъ исхудалъ и конечно постарѣлъ, сдѣлавшись вполне подвластнымъ Софьѣ Тимоѣевнѣ. Онъ бывало иногда и постарается противиться, но лишь только она прикрикнетъ немного, мой Петръ Ивановичъ сдѣлается еще тише, чѣмъ обыкновенно, согласится на все, и спрячется куда придется, лишь-бы умягчить или приостановить гнѣвъ любезной Софьи Тимоѣевны.

Петръ Ивановичъ сохранилъ отъ своего прежняго военнаго, удалаго времени два только качества: сознаніе, что онъ очень видный мужчина, способный очаровать всякую красавицу, и что если онъ этого не дѣлаетъ, такъ потому только, что это ему не нужно и не угодно, а не потому-что онъ этого не умѣлъ-бы сдѣлать, и еще благородное стремленіе защищать всегда и вездѣ и отъ всѣхъ своего друга Ивана Петровича, отставнаго капитана, съ которымъ познакомился Петръ Ивановичъ вскорѣ послѣ своего перевѣзда въ имѣніе.

Въ одинъ прекрасный день Иванъ Петровичъ захватилъ по дорогѣ къ Петру Ивановичу, чтобъ изъявить ему свое уваженіе, но найдя пріютъ этотъ очень удобнымъ, остался какъ-то неза-

метно въ немъ жить. Откуда прїѣхалъ Иванъ Петровичъ и куда онъ ѣхалъ, когда остановился въ селѣ Лохвинкѣ, никому не было извѣстно, да кажется и самъ Иванъ Петровичъ этаго не зналъ. Впрочемъ, Петръ Ивановичъ мало объ этомъ заботился;—ему понравился Иванъ Петровичъ: онъ всегда съ удовольствіемъ составлялъ ему вечеромъ партію въ пикетъ, говорилъ часто съ нимъ о вещахъ весьма интересныхъ, напримѣръ, о войнѣ двѣнадцатаго года, о туркахъ, подѣ часъ о томъ, какъ они хотятъ объявить намъ войну и ждутъ только подмоги Франціи и Англїи, потому-что сами трусятъ, мошенники, и пр. и пр. Однимъ словомъ, Иванъ Петровичъ очень нравился Петру Ивановичу, и кто-бы ни посмѣлъ затронуть Ивана Петровича, былъ закидываемъ самыми рѣзкими выраженіями, которыми имѣлъ обыкновеніе пользоваться Петръ Ивановичъ только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ. Сама Софья Тимоѣевна удивлялась, какъ Петръ Ивановичъ осмѣливался открыто сердиться на нее, когда она что-нибудь замѣчала противъ Ивана Петровича. Подобныя распри между супругами еще происходили только тогда, когда Софья Тимоѣевна укоряла Петра Ивановича въ томъ, что онъ самый уродливый человекъ, какого она только видѣла. Это чрезвычайно оскорбляло чувство собственнаго достоинства Петра Ивановича. Онъ не могъ тогда вытерпѣть, чтобъ не напомнить, что онъ отставной майоръ и что некогда стоило ему захотѣть, и всѣ лучшія и первыя красавицы уѣздныхъ городовъ, въ которыхъ стоялъ его полкъ, бѣгали за нимъ пуце, чѣмъ теперь за самыми молодыми офицерами, что онъ до-сихъ-поръ очень видный мужчина, хотя немного исхудалъ, и т. п.

При входѣ Софьи Тимоѣевны Петръ Ивановичъ мигнулъ Ивану Петровичу, и вотъ почему онъ не успѣлъ договорить начатаго разговора.

— Удивительно хороша погода сегодня, сказалъ Петръ Ивановичъ, будто продолжая начать разговоръ.

— Какъ я рада, Петушенокъ мой, сказала Софья Тимоѣевна, что ты находишь погоду благопріятною. (Софья Тимоѣевна очень любила уменьшительныя слова; она всегда называла своего мужа или Петей или Петрушей или Петушкомъ и Петушеночкомъ; только въ сердцахъ говорила она Петръ Ивановичъ, и когда она его такъ официально называла, въ это время Полнощекоевъ весь дрожалъ уже отъ страха).

— Знаешь, Петаша, что я думаю. Не поехать-ли намъ куда нибудь? Въдъ право скучно все сидѣть дома да дома.

— Куда это, матушка? Къ Александру Сергѣичу?

— Ахъ нѣтъ, что это ты выдумалъ; и что намъ развѣзжать по сосѣдямъ, они тоже смерть какъ надѣли, все тѣже да тѣже; да и что новаго отъ нихъ узнаешь!

— Такъ ты, матушка, хочешь съездить въ нашъ городъ? Да въдъ это очень далеко,—верстъ пятьдесятъ будетъ.

— Въ городъ? Вотъ это мило! Да что мы тамъ потеряли? Зачѣмъ мы туда поѣдемъ? Да развѣ это городъ? Это просто таже деревня. Вотъ выдумалъ, батюшка мой, вѣхать въ эту глушь!

— Помилуй, матушка, возразилъ Петръ Ивановичъ, городъ губернской, въ немъ всѣ присутственныя мѣста, тамъ живетъ губернаторъ, хоть мы съ нимъ незнакомы, но все-таки у насъ въдъ тамъ знакомые безъ него есть; да хоть председатель казенной палаты, очень милый человекъ, вполне достойный чиновникъ.

— Кто? Ануфрій Иванычъ! Стоитъ вѣхать, чтобъ повидаться съ такимъ надѣдалою.

— Да куда-же ты хочешь вѣхать, матушка? протяжно спросилъ Петръ Ивановичъ, и его лицо выразило совершенный испугъ.

— Въ Нижній-Новгородъ, на ярмарку, сказала съ улыбкою Софья Тимоѣевна.

— Въ Нижній-Новгородъ? на ярмарку? повторилъ Петръ Ивановичъ, и руки у него отнялись, ротъ остался полуоткрытымъ, и въ недоумѣннн онъ не зналъ, что дѣлать. Самъ Иванъ Петровичъ, никогда нетерявшій присутствія духа, былъ чрезвычайно изумленъ этимъ предложеніемъ, и не зналъ, что сказать. Какъ-бы для того, чтобъ найти способъ выйти изъ этаго положенія, онъ кашлянулъ.

— Ну, что-же остолбенѣлъ, оторопѣлъ, какъ кукла, сказала Софья Тимоѣевна своему мужу. (Она не была очень разборчива, на выраженія, когда что-нибудь было не по ней).

— Я... я... ничего, сказалъ Петръ Ивановичъ. Мнѣ кажется, что только... что это очень далеко; какъ намъ туда собраться?

— Какъ собраться? Просто велѣть заложить бричку и вѣхать.

— Бричку, повторилъ Петръ Ивановичъ, но какъ-же мы тамъ останемся долго? Что-же мы будемъ тамъ одни дѣлать?

Я никакъ не могу остаться безъ своего друга Ивана Петровича?

— Очень благодаренъ, Петръ Ивановичъ, очень благодаренъ, что вы такъ добры для меня!—И Иванъ Петровичъ пожалъ руку Петра Ивановича.

— Я привыкъ, продолжалъ мужъ, сыграть партіи двѣ, три въ пикетъ вечеркомъ; кто-же будетъ играть со мною?

Петръ Ивановичъ говорилъ это не по одному чувству любви и привязанности къ Ивану Петровичу, но мысль оставить даже на некоторое время свой домъ, свои обыкновенія и отправиться такъ далеко, въ шумный городъ,—ему, который десять лѣтъ прожилъ тихо, просто, въ деревнѣ,—сильно его тревожила. Онъ думалъ, что требуя отъ своей дражайшей супруги не покидать своего друга, онъ нашелъ лучшее средство помѣшать этому путешествію. Но Петръ Ивановичъ совершенно ошибся. Хотя Софья Тимофеевна и сказала было: Куда это таскать съ собою всегда всѣхъ знакомыхъ и пріятелей, будто ты и не можешь жить самъ по себѣ, будто я тебѣ и недостаточна для твоего счастья; но выслушавъ очень почтительныя замѣчанія Петра Ивановича, который изъяснялъ, что хотя Софья Тимофеевна его супруга, и притомъ любимая супруга, хотя ему всегда отрадно быть съ нею вмѣстѣ, и что онъ никогда и не желаетъ ничего больше, какъ ея общества, но все-же безъ Ивана Петровича, съ которымъ онъ сжилъ уже десять лѣтъ трудно ему будетъ провести нѣсколько мѣсяцевъ, да что и сама Софья Тимофеевна не будетъ спокойна, когда ея воспитанница, ея Мимишка и Лолошка (двѣ любимыя собачки Софьи Тимофеевны) будутъ далеко отъ нея.

Софья Тимофеевна, выслушавъ задумчиво все это глубокомысленное разсужденіе, вдругъ воскликнула отъ радости, какъ будто только что узнала очень-пріятную новость.

— Правда, правда, душеночикъ мой, Петушекъ мой, Петя мой, ты правду говоришь, сказала она, поцѣловавъ мужа въ лобъ, что она дѣлала очень рѣдко, только отъ излишняго скопленія чувствъ.

— Такъ, мой Петашка дорогой, я тоже не могу расстаться со всеми тѣми, съ кѣмъ привыкла жить.—Ты возьмешь съ собою Ивана Петровича въ бричку, а я сама сяду въ тарантасъ, и возьму съ собою *Мимишку, Лолошку, Зизину, Пашу, Надежду*

Ивановну, всѣхъ, всѣхъ, никого не оставлю. Для чего оскорблять ихъ, оставляя однихъ. Да и мнѣ будетъ гораздо веселье.

Иванъ Петровичъ подошелъ къ Софьѣ Тимоѣевнѣ и поцѣловалъ ея руку съ чувствомъ признательности. Но Софья Тимоѣевна не замѣтила почти этаго; она все продолжала:

— Ахъ, я еще забыла Аннету, мою дѣвушку; надо тоже взять и ее.—Пойду велю приготовить тарантасъ и бричку, чтобы выѣхать послѣ завтра.

Петръ Ивановичъ былъ совершенно уничтоженъ этимъ рѣшеніемъ; онъ только могъ вымолвить: Послѣ завтра? Какъ скоро!

Софья Тимоѣевна вышла.

—Что это вы такъ задумались, Петръ Ивановичъ? спросилъ Иванъ Петровичъ. Вѣдь это путешествіе будетъ полно удовольствія,—очень пріятное препровожденіе времени. Увидите разные города и села, и деревни. Притомъ и сама ярмарка очень любопытный предметъ; много пишутъ о ней; говорятъ, что очень интересно. Тамъ торговля, промышленность, искусства, все, все, очень занимательно.

Но Петръ Ивановичъ все молчалъ и, казалось, повергнуть былъ въ какую-то думу. Вдругъ онъ сдѣлалъ странное движеніе рукою, которое должно было предшествовать какому-нибудь рѣшенію; но по несчастію, рука его задѣла носъ.

— Тфу, этотъ прыщъ! и какъ еще больно! сказалъ онъ, всталъ съ мѣста и вышелъ изъ кабинета.

Барская усадьба села Лохвинки была похожа на всѣ помѣщичьи усадьбы нашего отечества. На высококомъ каменномъ фундаментѣ, вмѣщающемъ въ себя подвалъ, погреба и кладовыя, освѣщенные полукруглыми окнами, стоялъ покрытый тесомъ одноэтажный домъ, съ высокою красною досчатою крышею. Посреди фасада стоялъ обыкновенный, величественный фронтоны, поддерживаемый четырьмя колонами тосканскаго ордена. Съ обѣихъ сторонъ главнаго дома выстроены были два маленькіе каменные флигели, выкрашенные желтою краскою. Въ одномъ была помѣщена кухня и прачечная, въ другомъ разныя хозяйственныя принадлежности. Подлѣ одного изъ нихъ длинное деревянное строеніе заключало въ себя конюшни и сарай.

Передъ домомъ и между всеми этими строеніями разстидался огромнаго размѣра дворъ, заросшій почти весь травой и испещренный узенькими тропинками, происшедшими отъ частаго сообщенія отъ одного строенія въ другое. Обыкновенно обшир-

ный этотъ дворъ былъ почти пустъ, развѣ какія-нибудь двѣ цапли гордо ходили по травѣ, и развѣ какой-нибудь шалунъ мальчишка изъ двора бросить въ нихъ камень и испугаетъ, тогда они подвинутся тяжело и отлетятъ подальше. Еще у флигеля, гдѣ находилась кухня, иногда поваръ Тимоѣй бранился съ Аннетой, любимой горничной помещицы, — вотъ и все.

Но нынѣ дворъ этотъ былъ необыкновенно оживленъ. Посреди его, передъ главнымъ подъездомъ, стоялъ огромнаго размѣра тарантасъ, на длинныхъ жердяхъ, котораго положеніе было что то въ родъ четверомѣстной коляски. Были еще устроенны — огромное сидѣнье позади и широкія козла напередѣ. Позади этого чудовищнаго тарантаса, запряженнаго уже четверкою здоровыхъ лошадей, стояла маленькая двумѣстная бричка, заложенная тройкой.

Вся деревня Лохвинки собралась сюда, чтобъ проводить своихъ господъ въ дальній путь, и наполнила и оживила барскій дворъ. Происшествіе такого рода, какъ поѣздка господъ въ такую даль, всѣхъ озадачило. Всѣ хлопотали, всѣ бѣгали, кто зачѣмъ могъ, иногда, безъ всякой нужды и безъ всякой пользы. Иванъ Петровичъ стоялъ на подъѣздѣ, посреди двухъ колоннъ, и дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія о помѣщеніи въ бричку чемодановъ. Павелъ, дворовый человекъ Петра Ивановича, исполнявшій при немъ должность камердинера, съ озабоченнымъ видомъ тоже что-то укладывалъ въ бричку.

Павелъ уже очень давно былъ въ услуженіи у Петра Ивановича; — еще когда тотъ былъ въ полку, онъ служилъ денщикомъ и былъ единственнымъ свидѣтелемъ проказъ Петра Ивановича въ молодости; вотъ почему онъ и пользовался полнымъ довѣріемъ своего господина и гордился очень этимъ. Онъ считалъ себя гораздо выше, гораздо важнѣе всей прочей прислуги. Какъ грамотный, любилъ онъ подѣ-часъ прочесть какую-нибудь газету или книгу, не выбирая очень предмета, а такъ болѣе, какъ удачно выразился нашъ безсмертный писатель, лишь для процесса чтенія. Когда случалось, что въ передней или на дворѣ, у подъѣзда, сталкивались нѣсколько слугъ и служанокъ, Павелъ принималъ на себя видъ, нѣкоторымъ образомъ, оратора. Онъ рассказывалъ про былое свое житье, про то, какъ онъ съ баринкомъ переходилъ изъ города въ городъ съ гусарскимъ полкомъ.

«Насъ всегда очень уважали», говорилъ онъ, «даже въ Москвѣ, гдѣ я былъ не-разъ, — всѣ были такъ довольны нами, что и описать трудно». — При этомъ онъ обыкновенно щелкалъ слегка пальцемъ по деревянной табакеркѣ, и тихо, важно нюхалъ щепотку табаку. «Мы было даже разъ отъправились въ Туречину», продолжалъ онъ, но не дошли до нея. Одна только вѣсть, что нашъ полкъ идетъ туда, такъ испугала басурманъ, что они ринулись просить пардонъ. Ну, знаете, нашъ Царь добръ, милостивъ, — конечно онъ и сказалъ : И Богъ съ вами, я вамъ прощаю, только чуръ не дѣлать больше глупостей ; а не то вотъ видите , ужъ мой гусарскій полкъ на-готовѣ, и тотчасъ васъ научить, что значить шутить со мною.»

Всѣ эти рассказы очень удивляли служителей, и развѣсивъ уши, всѣ безъ исключенія дивились и краснорѣчию и обильности познаній Павла.

— Зизина, а Зизина, — кликнула Паша, выходя изъ дому на крыльцо, — барыня зоветъ васъ.

Зизина, молодая дѣвушка лѣтъ четырнадцати, воспитанница Софьи Тимоѣевны, выбѣжала изъ за тарантаса и поспѣшила къ госпожѣ

— Удобно-ли будетъ вамъ сидѣть здѣсь, спросилъ Иванъ Петровичъ у Паши, которая осталась на крыльцѣ.

— Да, конечно удобно; — но жаль, что Софья Тимоѣевна непременно хочетъ взять съ собою Надежду Ивановну. Этотъ старый худошавый бекасъ только будетъ надѣдять всѣмъ, — отвѣтила Паша.

Паша была — не то молодая, не то старая личность. Должность ея была тоже не опредѣлительна; — это скорѣй зависѣло отъ расположенія духа Софьи Тимоѣевны. Иногда, если кто-нибудь наговорить ей на нее, — она слыла просто дѣвушкой; — если-же Софья Тимоѣевна была въ болѣе веселомъ духѣ, она обращалась съ Пашей почти какъ съ подругой.

Паша имѣла очень непріятную привычку или скорѣе замашку, — искусственно украшать свое истасканное и изнуренное лицо. Она даже была-бы недурна, еслибъ груда бѣлилъ, и даже иногда румянъ, не пугали всякаго, даже самаго храбраго характера. Паша непременно хотѣла слыть красавицей; — но всѣ ея старанія и подкрашиванье, какъ бровей и рѣсницъ, такъ и щекъ и губъ и прочаго, нисколько не достигали своей цѣли. — Напротивъ, бѣдная Паша все болѣе и болѣе портила и утомляла свои

черты лица, которыя обьщали скоро быть сходными съ только-что смятою палевою перчаткою. Напрасно бѣдная повязывала на себя кучу разноцвѣтныхъ волосъ, по невозможности, вѣрно, найти въ деревнѣ одноцвѣтныхъ — ничто не помогало. Впрочемъ, Иванъ Петровичъ не очень гнушался всеѣмъ этимъ; — напротивъ, онъ даже всегда былъ чрезвычайно любезенъ съ ней и любилъ иногда сказать два три слова про погоду или про литературу, или такъ про что-нибудь.

Надежда Ивановна, о которой такъ обидно отзывалась Паша, сказать по правдѣ, почти заслуживала это прозваніе. Впрочемъ она была добрая приживалка; видъ ея былъ довольно смѣшенъ: старая, исхудалая, съ темнымъ, почти коричневымъ цвѣтомъ лица, она имѣла всѣ приемы, всѣ заманки молодой, едва вышедшей изъ института дѣвицы; съ удовольствіемъ скакала, пѣла, танцевала, одѣвалась всегда предпочтительно въ самые яркіе цвѣта, носила шляпки и чепчики, всегда украшенные цѣлымъ огородомъ разнаго рода овощей, цвѣтовъ и фруктовъ. Любимый ея цвѣтъ былъ желтый, потому-что она гдѣ-то прочла, что этотъ цвѣтъ очень къ лицу брюнеткамъ; но въ сущности она была добрая женщина, владѣла даже нѣкоторыми талантами, такъ напр. искусствомъ дѣлать кожаные цвѣты и фрукты; также дѣланіемъ абажуровъ. Паша несомнѣнно любила Надежду Ивановну; — ей было досадно, что она часто пользовалась большимъ расположеніемъ Софьи Тимофеевны. Надежда Ивановна какъ-то отгвняла ее; безъ нея ей было-бы привольнѣе; она была-бы первою особою при госпожѣ; теперь-же ей часто приходилось довольствоваться и второю и третью ролею, потому-что и Зизина была также очень любима барыней. Впрочемъ, съ Зизиной онѣ всегда были очень дружны. Теперь, главнымъ образомъ, досадно было Пашѣ, что Надежда Ивановна, которая слыла чѣмъ-то въ родѣ гувернантки Зизиной, сядетъ рядомъ съ Софьей Тимофеевной въ тарантасѣ, а она будетъ принуждена довольствоваться передней скамейкой.

Вездѣ зависть, во всѣхъ слояхъ челоуѣчества, — кто во дворецъ, кто въ канцеляріи, кто въ тарантасѣ, а въ сущности всѣ завидуютъ мѣсту, занятому другимъ.

— Барыня просить всѣхъ собраться, сказалъ Василій, другою слуга Полнощекovýchъ, выходя на крыльцо, — пора въ дорогу. И всѣ поспѣшили въ комнаты хозяйки.

— Садитесь, садитесь, сказала Софья Тимофеевна, входящимъ въ комнату. Садитесь же Петръ Ивановичъ подлѣ меня.

Софья Тимофеевна была немного въ суровомъ расположеніи духа. Приготовленія къ поѣздкѣ утомили ее; — дородность не позволяла ей слишкомъ большихъ движеній, а тутъ какъ не подвигаться, когда собираешься въ путь. Петръ Ивановичъ, встревоженный нерасположеніемъ своей супруги, уселся поспѣшно на предложенное кресло; прочіе помѣстились на стульяхъ по всей комнатѣ.

— Мимишка, — Лолошка, — ісі, — ісі... садитесь тоже... ахъ, вы неугомонные — все бѣгаете, — сказала сердито Софья Тимофеевна: Зизина, усади Мимишку, видишь она все прыгаетъ.

— Зизина встала и, взявъ Мимишку на руки, уселась съ ней вмѣстѣ на стуль.

— Всѣ сидятъ? спросила Софья Тимофеевна, — хотя и очень хорошо видѣла, что всѣ сидѣли.

— Всѣ, — тревожно отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.

— Такъ встаньте, перекрестимся по русскому обычаю, сказала хозяйка, — и пора въ путь.

Всѣ встали и, перекрестившись, начали выходить изъ комнаты.

Петръ Ивановичъ, подоидя къ супругѣ своей, сказалъ: — Такъ мы усядемся въ бричку съ Иваномъ Петровичемъ, — а ты уже сама будешь въ тарантасъ ?

— Конечно, отвѣтила супруга, — садитесь, никто вамъ не мѣшаетъ.

Петръ Ивановичъ и Иванъ Петровичъ пошли къ бричкѣ; Павель сѣлъ къ нимъ на козлы.

Софья Тимофеевна, поддерживаемая Анетой, Зизиной, Надеждой Ивановной и Пашей, взлезла, хотя съ трудомъ, въ тарантасъ и улеглась на груди подушекъ и тюфяковъ, которые были навалены цѣлою горой на правой сторонѣ тарантаса.

— Зизина, ты сядешь противъ меня, — такъ; — да возьми на колына Мимишку, а Лолошка пусть останется на время подлѣ меня; — она сегодня умница — улеглась первая. Надежда Ивановна, садитесь подлѣ меня, а ты, Паша, подлѣ Зизиной, — такъ. Анета, а Анета!

— Чего угодно-сь, послышался голосъ позади.

— Ты уселась?

— Уселась, барыня.

— Хорошо: Василій, садись на козлы. Готово все? Ничего не позабыли? Ну, съ Богомъ въ путь!

— Прощай, матушка, добраго пути желаемъ мы тебѣ!—проговорила толпа крестьянъ, наполнявшихъ дворъ.

— Прощайте, прощайте, благодарю,—клянясь, отвѣчала помѣщица. Ну-же, пошелъ, что ты не ѣдешь?

И тарантасъ двинулся, за нимъ бричка; только не доѣхали и до конца двора, какъ опять остановились.

— Что это еще? сердито спросила барыня.

— Ничего, отвѣтилъ ямщикъ, вишь пристяжная запуталась, ничего-съ, сейчасъ поправимъ.

— Ахъ, вы бездѣльники такіе, ничего не могли сдѣлать прежде, когда стояли. И сердитый говоръ Софьи Тимофеевны былъ заглушенъ шумомъ колесъ тронувшагося тарантаса. Оба экипажа выѣхали изъ воротъ и повернули влѣво. Вскорь одно только облако пыли свидѣтельствоало объ отъѣздѣ помѣщиковъ.

— Вишь уѣхали! остроумно замѣтилъ одинъ изъ крестьянъ, почесывая затылокъ.

Нижній-Новгородъ, выстроенный при сляніи двухъ большихъ рѣкъ, Волги и Оки, и расположенный на гористомъ берегу рѣки, представляетъ видъ чрезвычайно живописный.

Разбросанныя колокольни, церкви, монастыри, зубчатая стѣна съ ихъ башнями—все это, посреди густой и свѣжей зелени кустовъ и мелкихъ деревъ, поражаетъ васъ, по живописности мѣстоположенія, даже если вы стоите подъ горой; но войдите въ такъ называемый верхній городъ, взойдите въ кремль; оттуда раскроется передъ вами панорама еще величественнѣе, еще краше: объ рѣки, покрытыя какъ-бы лѣсомъ мачтъ, онаясываютъ пространное мѣсто, гдѣ толпится ярмарка; подъ ногами у васъ какъ-бы хаосъ крышъ, трубъ, заборовъ; вамъ кажется, будто летите надъ городомъ, такъ высоко вы находитесь. Противуположный берегъ рѣки, представляя обширное песчаное пространство, сливаясь съ поперностью водъ, теряется въ сѣрыхъ тучахъ, облегающихъ горизонтъ. Невольно стараешься пролетѣть взоромъ все это пространство, желаешь что-то открыть въ немъ,—но вездѣ безконечность, вездѣ безпредѣльность той-же песчаной плоскости.

Конечно, этотъ видъ менѣе живописенъ, когда городъ пустъ, ярмарка стихла; но къ чему-же брать и описывать видъ въ то именно время, когда онъ менѣе хорошъ. Это все равно,

еслибъ кто желалъ судить о красотѣ Петра Ивановича тогда, какъ у него вскочилъ прыщъ на носу; — дайте пройти прыщу, дайте развернуться ярмаркѣ, и тогда вы можете судить, — а не то вы крайне обидите и Петра Ивановича и Нижній-Новгородъ.

Время подходило къ половинѣ августа, разгаръ ярмарки былъ чрезвычайный; по всемъ рядамъ толпилась масса народу въ разныхъ одеждахъ, — ходили, шумѣли, толковали.

Въ центрѣ ярмарки, въ такъ называемомъ Главномъ-домѣ, публика была немного опрятнѣе прочей. Въ срединѣ этого огромнаго временнаго базара, который, не знаю почему, называется Главнымъ-домомъ, поселилась масса армянъ изъ Тифлиса, занимающихся торговлей всякими матеріями, тканями, коврами персидскихъ и нашихъ закавказскихъ фабрикъ. Внутренность этого Главнаго-дома представляетъ равноконечный крестъ, въ центрѣ котораго расположено что-то въ родъ подмостокъ, на которыхъ разыгрываетъ музыка съ ужасающей меланхоліею.

Подъ вечеръ, когда здѣсь зажигаютъ лампы, а въ прочихъ рядахъ запираютъ, по случаю темноты, все лавки, Главный-домъ еще болѣе наполняется народомъ. Въ залахъ, примыкающихъ къ базару, устроена кофейная, и пѣвцы хриплымъ голосомъ веселятъ толпу пѣснями родной нашей музыки; потомъ ходятъ съ тарелкою собирать добровольное и рѣдко щедрое пожертвованіе. Днемъ вся эта публика распространяется всюду, и потому настоящей толкотни нѣтъ, но вездѣ жизнь, вездѣ говоръ и шумъ.

Хотя годъ отъ году нижегородская ярмарка теряетъ свой особенный, самобытный видъ, потому что съ возрастающей образованностію сглаживаются все оригинальныя стороны народности, но Макарьевская-ярмарка сохранила еще нѣкоторую азіатскую наружность. Большое количество купцовъ изъ Москвы и Петербурга все еще перемѣшаны здѣсь съ множествомъ торговцевъ восточныхъ нашихъ границъ, изъ Сибири, изъ Кяхты; даже говорятъ, что нерѣдко встрѣчаются и китайцы; но во всякомъ случаѣ тутъ бездна татаръ, армянъ, калмыковъ, въ ихъ разноцвѣтныхъ халатахъ и одеждахъ, съ ихъ страннымъ выраженіемъ лицъ. Безчисленное множество рядовъ, пересѣкающихъ во все стороны все мѣсто, отведенное для ярмарки, среди которыхъ возвышается Главный-домъ, наполнены мѣхами, чаями, кожами, полотнами, множествомъ товаровъ; — въ галереяхъ передъ лавками толпится весь день масса народу; — многіе даже

стоять просто такъ на улицахъ, и тутъ, среди этаго всеобщаго говора, среди постоянного шума, оканчиваются огромныя сдѣлки на всю Россію.

Напротивъ Главнаго-дома, въ концѣ длиннаго бульвара, расположеннаго между двумя рядами лавокъ, выстроены такъ называемыя китайскіе ряды. Когда-то въ нихъ и подлинно торговали китайцы чаями, но теперь чайная торговля, какъ оптовая, обширная, приблизилась болѣе къ рѣкѣ, и производится на такъ называемой Сибирской-пристані; эти-же ряды предоставлены прочей торговлѣ. Осталось только нѣчто китайское въ архитектурѣ: какія-то четырехугольныя башни, съ большими выгнутыми на краяхъ крышами, требующія на углахъ своихъ желѣзныхъ колокольчиковъ; — длинныя шесты, поставленные посреди этихъ крышъ, увѣшанные разноцвѣтными шарами, дополняютъ весь оригинальный видъ этаго строенія.

Но самыя богатые и лучшіе магазины, конечно кромѣ оптовыхъ, расположены вокругъ и внутри Главнаго-дома. Здѣсь вы можете и въ-правду имѣть понятіе о богатствѣ нашей обильной монархіи. Магазины изъ Екатеринбургa выставляютъ огромное количество топазовъ, аметистовъ, аквамариновъ и прочихъ камней, въ печатяхъ и въ разныхъ настольныхъ вещахъ. Вазы, прессъ-панье и прочія вещи изъ малахита были-бы конечно предметомъ зависти всей Европы. Но нашъ русскій характеръ съ трудомъ удивляется, съ трудомъ восхищается; надо, чтобъ кто-нибудь подстрекнулъ его развѣ, — а то онъ проходитъ мимо всѣхъ этихъ богатствъ нашей Сибири, и развѣ только сквозъ зубы похвалить искусство, съ которымъ все эти предметы обдѣланы. Подлѣ этаго магазина—одесскій жидокъ выхваляетъ свои картины, эстампы, краски, карандаши, перья и пр. и пр.; а далѣ армянинъ, съ красными рукавами, расхваливаетъ свои термамы, свой канаусъ. Напротивъ, петербургскій магазинъ изъ Пассажа, который въ столицѣ никѣмъ почти не посѣщаемъ, роскошно выставилъ все модныя бездѣлушки, бронзовыя, фарфоровыя, и огромными золотыми буквами объявляетъ всѣмъ и каждому, что онъ изъ Петербурга. Толпа помѣщиковъ, и въ особенности помѣщицъ, съ жадностью смотритъ на все эти галантейныя бездѣлушки и не обращаетъ вниманія на подлѣ стоящаго толстенькаго, низенькаго калмыка, съ сплюснутымъ носомъ, который продаетъ шали турецкія и китайскія чашки, эмалевыя и фарфоровыя, и груды бирюзы.

Въ толпѣ, кромѣ купцовъ, помѣщиковъ, прїѣхавшихъ закупить годовую провизію, вы найдете еще нѣсколько извѣстныхъ шулеровъ и мошенниковъ образованныхъ, которые переѣзжаютъ съ одной ярмарки на другую, чтобы поплутовать и обыграть молодыхъ, неопытныхъ юношей съ набитыми карманами; — еще встрѣтите нѣсколько артистовъ, иногда хорошихъ, но чаще весьма посредственныхъ, которые желаютъ распространить и въ самыхъ отдаленныхъ губерніяхъ вкусъ къ искусствамъ и эстетическое образованіе.

— Вотъ проходитъ тамъ направо Чертолини, извѣстный скрипачъ; видите его? — послышался головъ въ толпѣ.

— Какъ? Эта маленькая фигурка съ усами и крошечными бакенбардами? — отвѣтило какое-то сврое пальто.

— Да, да, маленькая, — а настоящій италіянецъ, — извѣстный артистъ, — возразилъ первый голосъ, поправляя на себѣ клетчатую фуражку.

— Подойдемъ поближе; любопытно его осмотрѣть.

Сврое пальто и клетчатая фуражка пошли по слѣдамъ Чертолини. Италіянецъ артистъ вышелъ изъ Главнаго-дома и направился по рядамъ, въ сторону московскаго шоссе; — два прїятеля вышли тоже, и удивлялись, что хотя онъ и артистъ, да и притомъ италіянецъ, только трудно его было узнать; — что на видъ онъ также точно похожъ на генерала, какъ на артиста.

Въ это время облако пыли поднялось по шоссе, и въ сторону появился, средь пригорка, чудовищный тарантасъ и легонькая маленькая бричка семейства Полнощекovýchъ.

— Diavolo, какой машинъ! — проговорилъ артистъ. — Что за штуку? сказалъ онъ, обращаясь къ сврому пальто, которое въ это время успѣло нагнать его.

— Это просто тарантасъ, — отвѣтило пальто.

— Тарансъ? Что за штуку тарансъ?

— Тарантасъ — это экипажъ.

— А, а, — понимай.

Любо было посмотреть, сколько головъ высывалось изъ окна тарантаса. — Жалѣемъ право, что это окно не было предвидѣно Жераръ-Довомъ; — онъ-бы изъ него могъ сдѣлать свое лучшее произведеніе. Въ срединѣ окна показывалось радушное, правильное, но неимоверно-дородное лицо Софьи Тимоѣевны; — подлѣ нея, влѣво, молоденькое личико Зизины; направо, — длин-

ная, исхудалая и окруженная какими-то черными бандо личность Надежды Ивановны; — сверху головы ея—чрезвычайно искусно раскрашенное лицо Паши, которая уже что-то выразила глазами сврому пальто,—что,—мы не знаемъ,—но вѣроятно очень пріятное, потому-что оное пальто усмѣхнулось съ самодовольствіемъ.

Словомъ-сказать, въ этомъ окнѣ было олицетвореніе природы во всей обширности и величин ея: — влѣво весна, плодovitое лѣто посрединѣ, къ сѣверу осень съ пожелтѣлою наружностію, и справа суровая зима.

Въ брискѣ любопытство было болѣе краснорѣчиво. Петръ Ивановичъ, хотя никогда не бывалъ въ Нижнемъ, но видѣвши большое количество російскихъ городовъ, находилъ и въ Нижнемъ много сходства съ видѣннымъ. Иванъ Петровичъ любовался всѣмъ, восхищался каждымъ татаринномъ, который попадался навстрѣчу, въ бѣлой, войлочной шапкѣ.

— Какъ это любопытно, говорилъ онъ;—посмотрите, Петръ Иванычъ, какъ много народу, какъ всѣ здѣсь толпятся и какъ всѣ роды людей здѣсь перемѣшаны.

— Да .. протяжно и важно отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, — очень любопытно, должно-быть въ особенности вамъ; — но я уже столько видѣлъ городовъ на своемъ вѣку, что они всѣ для меня кажутся почти сходными.

— Помилуйте, Петръ Иванычъ, вѣдь Нижній—это центръ нашей торговли; тутъ необычайное стеченіе народу; этаго нигдѣ нельзя видѣть, окромъ, какъ здѣсь.

— Конечно, отвѣчалъ Полнощекоевъ, который до крайности любилъ несложные и краткіе отвѣты.—Странное дѣло: всегда и вездѣ военное направленіе духа идетъ рядомъ съ краткостью отвѣтовъ, начиная съ исторіи Спарты, этой воинственной республики, которая прослыла своимъ лаконизмомъ.

— Куда прикажете, баринъ, вхатъ? спросилъ Павелъ, обратясь къ Петру Ивановичу.

— Да куда? Конечно въ гостинницу. Какая здѣсь считается лучшая гостинница?

— Ямщикъ говоритъ, что Ермолаева лучшая.

— Такъ туда и повзжай, отвѣтилъ Петръ Ивановичъ.—А впрочемъ, Софья Тимоѣевна вѣрно сама приказала. Повзжай позади тарантаса; куда-нибудь да пріѣдемъ.

Павелъ отвернулся.

Оба экипажа проѣхали черезъ мостъ, перекинутый черезъ Оку и, взявъ влево, по такъ называемой Рождественской-улицѣ, скоро подъѣхали къ какому-то дому, который представлялъ видъ собранія колоннъ, съ кирпичною стѣною между ними. Этотъ домъ слылъ гостинницею. Тарантасъ остановился. Софья Тимоѣевна высунула голову изъ окна и подозвала своего мужа. — Сходи, Петя, съ Иваномъ Петровичемъ наверхъ и узнай, есть-ли комнаты.

Петръ Ивановичъ поспѣшилъ исполнить приказаніе своей супруги и вошелъ въ гостинницу.

— Есть-ли номера? спросилъ онъ у слуги.

— Какъ не быть, пожалуйста.

— Есть-ли достаточно комнатъ?

— Все есть, все, что угодно.

— Ну, показывай. И слуга повелъ въ маленькую, неотличавшуюся своею опрятностью комнату съ однимъ окномъ.

— А еще есть?

— Какъ не быть, завтра вечеромъ опростается номеръ вотъ подлѣ, а послѣ завтра и весь рядъ будетъ пустой, отвѣчалъ челоувѣкъ.

— А сегодня?

— Сего дня вотъ есть номеръ.

— Ахъ, ты животное! отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, я-жъ тебѣ говорю, я не одинъ, что насъ много.

Петръ Ивановичъ такъ былъ разсерженъ отвѣтомъ слуги, что онъ какъ-бы пробудился отъ постоянной сонливости своей, вспомнилъ бывшее свое гусарское времячко и ввернулъ такое кавалерійское словцо, что не смѣемъ его не только сказать, но и описать боимся.

Иванъ Петровичъ въ это время старался всеми силами успокоить Петра Ивановича, но ничто не помогло. Послышались шаги на лѣстницѣ.

— Въдь это Софья Тимоѣевна идетъ, сказалъ онъ Петру Ивановичу.

Это было лучшее средство успокоить раздражительность любимаго супруга.

Вовремя этаго разговора Софья Тимоѣевна все съ нетерпѣніемъ смотрѣла вверхъ по лѣстницѣ и нѣсколько разъ говорила: Да что это они такъ долго тамъ дѣлаютъ? Анета, поди узнай. И только что Анета сходила съ козелъ и готовилась всходить на лѣстницу: — Нѣтъ, постой, они, можетъ-быть, и идутъ. — Нако-

нець терпѣніе лопнуло: она вышла сама изъ тарантаса, а за нею и всѣ прочіе, остались только Павелъ и Василій при экипажахъ, а остальные всѣ поплелись гуськомъ наверхъ.

— Что это ты тутъ дѣлаешь, Петръ Ивановичъ? грозно спросила дражайшая супруга. Забрался наверхъ и позабылъ вѣрно, что я тебя жду въ тарантасъ.

— Я не виноватъ матушка, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ. Вотъ Иванъ Петровичъ свидѣтель, все выбираю комнату, да нѣтъ большой, все одну маленькую комнату показываетъ.

— Такъ что-же! Все лучше, чѣмъ ничего, отвѣчала Софья Тимоѣевна, и вошла въ комнату. Приказать переносить все сюда. Человѣкъ побѣжалъ.

Софья Тимоѣевна была женщина рѣшительная; ужъ разъ вылезла съ трудомъ изъ тарантаса, не приходилось-же ей предпринимать такого труднаго путешествія обратно. Найдя комнату какую-бы то нибыло, она предпочла въ ней остановиться, хотя на время.

— Странное дѣло, отчего это такъ пахнетъ нехорошо, замѣтилъ только Иванъ Петровичъ.

— Ну что пахнетъ нехорошо. Мало-ли отъ кого нехорошо пахнетъ, а все-таки не гонять, сердито проворчала Софья Тимоѣевна.

— Матушка, а матушка, сказалъ Петръ Ивановичъ.

— А ты что хочешь? Что, и тебѣ кажется, что пахнетъ вѣрно нехорошо! Не прикажете-ли надушить чѣмъ-либо, голубчикъ? со смѣхомъ пронически сказала супруга.

— Нѣтъ, матушка, нѣтъ. Да какъ-же мы-то съ Иваномъ Петровичемъ, какъ-же мы-то? Комнаты вѣдь другой намъ нѣтъ.

— А развѣ ты думаешь, батюшка, что я тебя пущу въ другую комнату, хотя-бы и была? Вотъ, батюшка, каковъ! Чтобъ тебя изъ ума вывели! чтобъ ты могъ вольничать! Нѣтъ, батюшка, какъ-бы не такъ!

— Да мнѣ, матушка, самому приятно быть съ тобою, но Ивану Петровичу какъ-же?

— Пустяки, батюшка! На одинъ день найдетъ себѣ мѣсто. Да хоть въ тарантасъ уляжется, вотъ и все, не велика бѣда!

— Мнѣ, Софья Тимоѣевна, все-равно; даже будетъ приятно: тамъ свѣжій воздухъ; очень будетъ приятно.

— Вотъ и прекрасно. Скорѣе все сюда нести.

День прошелъ незамѣтно въ устройствѣ и въ расклад-

къ вещей. Паша успѣла поссориться или, лучше сказать, побраниться съ Надеждой Ивановной. Надежда Ивановна только обидѣлась и сдѣлалась еще печальнѣе обыкновеннаго на видѣ.

На другой день, утромъ въ 9-мъ часу, Петръ Ивановичъ вышелъ изъ общей комнаты своей въ какомъ-то утреннемъ фантастическомъ костюмѣ и встрѣтилъ въ корридорѣ идущаго Ивана Петровича.

— Ну что, братецъ, какъ провелъ ночь?

— Я-съ? Очень благодаренъ, очень приятно, а признаюсь, вчера было испугался не-на шутку, а потомъ, когда узналъ, то самъ смѣялся своему испугу.

— Что же съ вами случилось? съ любопытствомъ спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Да вотъ что. Я всегда рано ложусь, вы это знаете; вчера же такъ-какъ очень усталъ отъ дороги, въ 9 часовъ вечера, не предвидя и въ-правду другаго ночлега, я постлался въ тарантасѣ и, знаете, заснулъ; вотъ видите, вдругъ слышу въ отдаленіи нѣсколько голосовъ: отворите, отворите; потомъ шумъ какъ-то приблизился, и я въ просонкахъ ничего не понимаю, но чувствую, что двигаюсь, чувствую даже какіе-то ужасные толчки, меня кидаетъ то влѣво, то вправо. Ахъ, ты Боже мой, что это со мной дѣлается! думаю я, не попалъ-ли я куда-нибудь, не злой-ли духъ овладѣлъ мною? Я началъ креститься, призвалъ всѣхъ святыхъ, но все я двигаюсь куда-то. Вдругъ слышу какой-то скрипъ, чувствую ужасный толчекъ, что то запираютъ; я кинулся поспѣшно въ сторону, вспомнилъ, что я въ тарантасѣ, хотѣлъ поднять боковую кожу, но темнота сдѣлалась такая, что ничего не видать. Вообразите, меня заперли въ сарай.

— Ха, ха, ха... и Петръ Ивановичъ залился громкимъ смѣхомъ.

— Тутъ я совершенно проснулся и вспомнилъ, что легъ въ тарантасѣ. Но вотъ бѣда!—меня заперли. Какъ вдругъ завтра не вздумаютъ отворить,—вѣдь я съ голоду умру. Съ трепетомъ вышелъ я изъ тарантаса, но такая темнота, что не могу и увидѣть, гдѣ ворота. Нашелъ какую-то палку, и ну стучать изъ всѣхъ силъ,—никто не слышитъ, всѣ спятъ. Долго, очень долго я кричалъ, шумѣлъ,—ничто не помогаетъ; наконецъ выбился изъ силъ до того, что и не знаю, какъ я заснулъ. Только сегодня утромъ, въ 9 часовъ, дворникъ отворилъ ворота, и увидѣвъ меня лежащаго на полу, испугался и выбѣжалъ отъ меня. Онъ вѣрно при-

нял меня за какого-нибудь вора или мошенника. Отъ крика я проснулся, и оправившись немного, съ поспѣшностью вышелъ изъ сарая.—Богъ съ ними, неровно опять вздумаютъ запереть меня.

— Ха, ха, продолжалъ смѣяться Петръ Ивановичъ. Вотъ потѣшите Сонюшку этимъ разсказомъ.

Полдень наступилъ. Софья Тимофеевна и Петръ Ивановичъ пожелали видѣть городъ и ярмарку. Въ пріодѣлись и пошли длинною вереницею вдоль по улицъ.

Съ любопытствомъ смотрѣли въ по сторонамъ. А мостовая похуже здѣсь даже, чѣмъ въ С... говорилъ Петръ Ивановичъ, право хуже.—Да полно, отвѣчала его супруга, ты всегда всемъ недоволенъ. Когда дошли они до перваго ряда лавокъ, любопытство всѣхъ увеличилось еще болѣе; стали разсматривать, разспрашивать обо всемъ. Иванъ Петровичъ, который въ особенности отличался своею любознательностію, началъ узнавать о цвѣтъ казанскаго мыла и другихъ произведеній, которыя предлагалъ какой-то татаринъ. Дошли они такимъ образомъ до Главнаго-дома, и здѣсь уже рѣшительно глаза у всѣхъ разбѣжались. Чего, чего тутъ нѣтъ! замѣтила Надежда Ивановна, и подойдя къ какой-то лавкѣ, она увидѣла, къ крайнему своему удовольствію, маленькій ящикъ, украшенный кожанными цвѣтами.—А эти цвѣты нѣтакъ хорошо сдѣланы, замѣтила она.—Паша въ это время успѣла замѣтить свою слабость, свое пальто, которое наканунѣ увидѣла изъ тарантаса. Пальто и въ-правду было обворожено прелестями Паши, и чтобъ хотя немного познакомиться съ нею, какъ человекъ уже бывалый и знающій дѣло, прямо подошелъ къ Петру Ивановичу и началъ съ нимъ разговоръ.

— Вы пріѣзжіи? сказалъ онъ,—въ первый разъ вѣрно.

Петръ Ивановичъ, хотя и бывшій гусаръ, разсказывавшій столь много про свою молодость, съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлался чрезвычайно застычивъ. Что вамъ угодно? сказалъ онъ съ робостью.

— Вы въ первый вѣрно разъ на ярмаркѣ? повторило пальто.

— Въ первый.

— Такъ неудобно-ли я вамъ покажу кое что. Я вѣдь здѣшній житель, коллежскій ассессоръ Пантюковъ, и очень радъ съ вами познакомиться. А позвольте васъ спросить, какъ ваше имя.

— Отставной маіоръ Полнощекъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ.

— Петя, а Петя, гдѣ ты? закричала Софья Тимофеевна, ко-

торая остановилась неподалеку, у одного толстаго армянина и разсматривала какой-то халатъ. Посмотри, какъ это хорошо, посмотри. Да что это, съ кѣмъ это ты говоришь?

— Съ коллежскимъ ассесоромъ Пантюковымъ, отвѣчалъ Петръ Ивановичъ, приближаясь къ нимъ.

— Клементій Демьянычъ, сказалъ Пантюковъ, здѣшній помещикъ, живу постоянно въ Нижнемъ, предлагалъ Петру, какъ бишь...

— Иванычу, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Иванычу, повторилъ пальто, кланяясь Ивану Петровичу, который велъ Пашу подъ руку, предлагая свои услуги.

— Посмотри, Петя, какъ тебѣ этотъ будетъ халатъ. Спрашиваютъ тридцать рублей.

— Не извольте давать такъ много: эти армяне ужасно запрашиваютъ, надо очень торговаться, онъ за двадцать уступить, сказалъ Клементій Демьяновичъ.

Софья Тимоѣевна стала торговаться, и халатъ дѣйствительно былъ уступленъ за двадцать рублей.

Приступъ и первое знакомство Клементія Демьяновича Пантюкова, постоянного жителя Нижняго-Новгорода, о которомъ мы досель знали только по сѣрому его пальто, несомнѣнно было понравился Софѣ Тимоѣевнѣ; но увидѣвъ ясно, что безъ него она могла-бы заплатить десятью рублями дороже за халатъ, который будетъ украшать ея любимаго супруга, она почувствовала какую-то признательность къ этому новому знакомцу, и обратилась къ нему гораздо приветливѣе.

— Какъ это вы хорошо угадали, Клементій Демьянычъ, сказала она ему, отходя отъ армянина.

— Помилуйте, какъ не знать, отвѣчалъ Пантюковъ; невольно узнаешь этихъ мошенниковъ, когда сойдешься съ ними.

— А этотъ толстый армянинъ мнѣ казался по лицу такой добродушный, такой честный.

— Да, да, добродушный на видъ,—это за ними есть, а попробуйте связаться съ ними, такъ узнаете, что наружность ихъ очень обманчива.

— Вотъ этотъ, что наискосокъ, вонъ тамъ, вы видите, Софья Тимоѣевна сказалъ Иванъ Петровичъ, который въ это время подошелъ, онъ увѣряетъ то-же, что толстый армянинъ извѣстный плутъ, что онъ сгубилъ очень много изъ своихъ даже товарщій, а что у него вы гораздо дешевле и лучше купите все.

— Онъ? возразилъ Клементій Демьяновичъ. Да это явный, первостатейный мошенникъ и есть.

— Помилуйте, обидѣвшись, сказалъ Иванъ Петровичъ, когда я говорю, что онъ самъ мнѣ сказалъ, что дешевле и гораздо дешевле уступить все... Развѣ вы сомнѣваетесь во мнѣ?

— Въ васъ, Иванъ Петровичъ? Никогда не имѣлъ и мысли такой. Но мало-ли что наговорятъ вамъ армяне.

— Клементій Демьяновичъ правду говорить, возразилъ Петръ Ивановичъ. Когда я былъ съ полкомъ въ Бердичевъ, то мнѣ сказывали, что... Но Полнощековъ не успѣлъ договорить, потому что въ пылу своего краснорѣчія онъ задѣлъ за маленькаго татаренка и свалилъ его съ ногъ. Татаринъ завизжалъ ужаснымъ голосомъ и толпа народа окружила, смѣясь, нашихъ путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что какіе-то два льва, посядѣвшіе отъ лѣтъ и застольныхъ заботъ, въ длинныхъ коричневыхъ шинеляхъ, остроумно забавлялись, заставляя татаренковъ за гривенникъ или пятиалтынный просить милостыни, и вотъ почему одинъ изъ нихъ, исполняя такимъ образомъ порученіе этихъ остроумныхъ львовъ, попалъ подъ ноги Петру Ивановичу и рухнулъ на полъ съ ужаснымъ визгомъ.

— Ой, ой, ой, визжалъ татаренокъ—ой, ой, ой.

— Да перестань пищать такъ немилосердо, говорилъ Петръ Ивановичъ.

— Ой-ой-ой! продолжалъ татаренокъ.

— Онъ вѣрно ушибся очень больно, сказала добросердечная Софья Тимофеевна.

— Ой-ой-ой! еще сильнѣе завизжалъ мальчикъ.

— Помилуйте, онъ просто денегъ хочетъ, сказалъ Пантюковъ.

— Дайте ему гривенникъ, Петръ Ивановичъ.

— Онъ тотчасъ перестанетъ, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Съ охотой, готовъ дать и болѣе, чтобъ только онъ отвязался.

Предложенное Иваномъ Петровичемъ средство имѣло вожделенный успѣхъ.

Во все это время два господина въ длинныхъ шинеляхъ заливались громкимъ хохотомъ, и поддерживали смѣхъ всей толпы. Обойдя такимъ образомъ весь Главный-домъ, накупивъ, кромѣ халата, туфли, сапоги, ящики, ларчики и картинки для увесе-

ленія Зизины, и даже пряниковъ для собачекъ, Мимишки и Лолошки, которыя остались дома, семейство Полнощекowychъ почувствовало побужденіе къ пиццѣ, хотя мѣнѣе эстетической, но столь-же, если не болѣе полезной.

Выходя изъ Главнаго-дома, Софья Тимоѣевна ощутила такую признательность къ Клементію Демьяновичу, который такъ былъ милъ и такъ радушно все показывалъ и совѣтывалъ, что пригласила его къ себѣ обѣдать.

Клементій Демьяновичъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и всѣ вмѣстѣ пошли опять къ мосту.

Странный былъ человекъ Клементій Демьяновичъ Пантюковъ, постоянный житель Нижняго-Новгорода,—странный онъ былъ человекъ; владелъ онъ маленькимъ имѣніемъ подлѣ самаго города, которое давало ему способъ жить довольно привольно.

Занятій особенныхъ онъ не имѣлъ, да и не любилъ ихъ. Прежде когда-то служилъ онъ въ какой-то палатѣ, да и то такъ, болѣе для того, чтобъ сказать, что служилъ.

Попойки, кутежи не были ему по нраву, а любилъ онъ компанію такъ, съ кѣмъ-нибудь. Главною его страстію было дѣлать новыя знакомства. Каждый годъ на ярмаркѣ онъ навѣрно познакомится съ двумя, тремя пріѣзжими, для того только, чтобъ показать имъ все, потолковать съ ними, поразспросить видѣнное, слышанное. Любилъ онъ въ особенности рассказы про продѣлки и плутни кушцовъ и другихъ лицъ; ко всѣмъ очень легко примѣнялъ онъ эпитетъ мошенникъ;—это было его любимое слово.

Побѣгать за какою-нибудь встрѣчною красавицей тоже было ему пріятно; онъ съ удовольствіемъ предавался легкому роману любви, никогда не дѣлая изъ него романа своей жизни. Онъ самъ впрочемъ хорошо выражалъ эту слабость, говоря своимъ пріятелямъ: До смерти люблю я пошалить.

Клементій Демьяновичъ былъ на видѣ статный, красивый мужчина, и потому эти продѣлки ему довольно удавались; но онъ не гордился ими.

Между знакомыми онъ слылъ добрымъ малымъ, не отличался обширнымъ умомъ, но въ то-же время не былъ изъ тѣхъ, которыхъ можно назвать просто дураками.

Отличительною его чертою еще былъ развитый до высшей степени патріотизмъ,—и потому, когда только появилось пальто, такъ называемое сырое патріотическое, онъ тотчасъ-же одѣлся

въ него, и началъ даже носить сюртуки, халаты—все по этому-же покрою, желая и въ одеждѣ выразить свои пылкія чувства къ родинѣ.

Хотя, какъ мы уже сказали, онъ и любилъ рассказывать про всякія плутни и продѣлки, и прямо честить лицъ, занимающихся этимъ, мошенниками, но не питалъ къ нимъ особаго отвращенія;—онъ даже былъ готовъ съ ними знаться, но никогда не хвалилъ ихъ и не поддавался этому роду промышленности, и такъ рассуждалъ: А Богъ съ ними, видно они ужъ такъ созданы, ничего лучшаго не придумаютъ, чтобъ прожить.—Есть-же люди, которые смотрятъ на жизнь свою, какъ на какую-то странную обязанность.

Если родился надо уже прожить, а какимъ-образомъ и зачѣмъ, они не рассуждаютъ — какъ Богъ пошлетъ, какъ-нибудь.

Ужасное слово для русскаго *какъ-нибудь*,—еслибъ оно не существовало, что-бы съ нами сдѣлалась?... право не знаю.

Нарумяненная Паша возбудила любопытство Клементія Демьяновича еще изъ тарантаса. Онъ желалъ ознакомиться со всемъ семействомъ Полнощекovýchъ, и какъ видите, это ему удалось. Клементій Демьяновичъ началъ ѣздить къ Петру Ивановичу, подружился со всеми, — какъ и не подружиться съ такимъ человѣкомъ,—а въ это время не забывалъ и того, что побудило его познакомиться; сперва легкіе взгляды Паши, потомъ краткіе разговоры, а далѣе, онъ даже сумѣлъ проводить ее на ярмарку погулять. Однимъ-словомъ и этотъ разъ, какъ и досель, Клементій Демьяновичъ удачно достигъ своей цѣли.—Вотъ что значитъ быть спокойнаго характера; вотъ гдѣ примѣнима пословица: «тише ѣдешь, далѣе будешь». Но странное дѣло, то, что удается и нравится одному, непременно должно быть непріятно другому. Мы уже все такъ созданы, что будто живемъ на чужой счетъ, бываемъ почти всегда счастливы на счетъ чужаго счастья.

Иванъ Петровичъ, другъ дома, другъ всѣхъ, былъ чрезвычайно недоволенъ Клементіемъ Демьяновичемъ. Помилуйте, этотъ постоянный житель Нижняго-Новгорода отбилъ его разомъ отъ всего того, что составляло его главную отраду, можно даже сказать, всю его жизнь, всю его дѣятельность. Софья Тимоѣевна очень понравился Пантюковъ; она любила съ нимъ поговорить. Пантюковъ умѣлъ приласкать ея собачекъ; Мимишка и Лолошка съ охотою сажались къ нему на колѣна, — это очень нравилось Софьѣ Тимоѣев-

нѣ. Самъ Петръ Ивановичъ сталъ скоро очень друженъ съ Клементіемъ Демьяновичемъ. Онъ даже выучился играть съ нимъ въ шашки, хотя и говорилъ часто, что это забава болѣе купеческая, но не могъ не согласиться, что это игра очень умная и имѣетъ свою занимательность; въ особенности потышало его, когда его шашку запирали въ уголокъ, такъ что ему нельзя было и ходить. Пантюковъ имѣлъ особое названіе для такого положенія, которое мы на всякій случай умолчимъ.

Къ тому-же Паша, которая уже вотъ столько лѣтъ составляла единственную надежду и единственное стремленіе Ивана Петровича, теперь перестала вовсе обращать на него вниманіе и даже разъ, когда онъ надѣлъ какой-то коротенькій сюртучекъ, купленный имъ на ярмаркѣ, дабы прельстить ее и тѣмъ разрушить окончательно непріятное вліяніе длиннаго сѣраго пальто, она, — вообразите, — при встрѣчѣ съ нимъ, вмѣсто пріятной улыбки и нѣсколькихъ словъ, милыхъ, любезныхъ, она, — вообразите, — спросила его: «Гдѣ это вы достали такой смѣшной *петанлеръ*?» Такого слова Иванъ Петровичъ съ роду не слыхалъ, но природный умъ заставилъ его угадать, что въ немъ заключались и злая насмѣшка, и даже нѣчто обидное.

Иванъ Петровичъ до того даже разсердился, что разъ хотѣлъ прямо сказать Пантюкову, что онъ очень сердитъ на него, — и началъ было; но Клементій Демьяновичъ своею холодностью и присутствіемъ духа до того удивилъ и поразилъ отставнаго капитана, что онъ не имѣлъ ни средствъ, ни словъ выразить ему какъ слѣдуетъ свое неудовольствіе, а просто отвернулся и сказалъ: тфу — ну просто и говорить съ нимъ нечего.

Иванъ Петровичъ очень былъ озлобленъ противъ Клементія Демьяновича, Клементій-же Демьяновичъ нисколько не былъ сердитъ на Ивана Петровича, и только удивлялся ему и думалъ самъ себя, — вѣрно онъ несовсѣмъ въ своемъ умѣ; не имѣетъ-ли онъ иногда припадковъ сумасшествія? Онъ даже было разъ сказалъ объ этомъ предположеніи Софьѣ Тимофеевнѣ, которая сама почти согласилась и предупредила Петра Ивановича.

— А что жъ и въ правду. Вѣдь это можетъ случиться, подумалъ Петръ Ивановичъ. Надо будетъ поговорить съ нимъ.

— Послушайте, Иванъ Петровичъ, спросилъ разъ Петръ Ивановичъ, не чувствуете-ли вы иногда какую-нибудь нервную боль въ головѣ или гдѣ-либо?

— Нѣтъ-съ, никогда не случилось, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ. Да почему это вы у меня спрашиваете?

— Такъ. Можетъ-быть, у васъ были частыя головныя боли.

— Нѣтъ-съ, право нѣтъ. Да вы вѣдь знаете, какъ я рѣдко занемогаю. Только что на дняхъ что-то въ правомъ ухѣ звенѣло, а то ничего.

— Въ ухѣ звенѣло? А долго звенѣло?

— Да, довольно долго. Очень было непріятно.

— Такъ и теперь можетъ-быть еще звенить?

— Нѣтъ, ничего теперь не чувствую.

— Вы, кажется, вчера жаловались на боль въ боку!

— Вчера ... Да это правда, кажется, отъ усталости заболѣлъ бокъ. Да почему вы меня все это спрашиваете? безпокойно спрашивалъ Иванъ Петровичъ.

— Такъ не лучше-ли вамъ позвать доктора!

— Доктора?—Да вы съ ума сошли Петръ Ивановичъ. Вѣдь я совершенно здоровъ.

— Съ ума сошли—произнесъ залумчиво Петръ Ивановичъ. И вправду, что онъ съ ума сошелъ, сказалъ онъ про себя.—Вамъ можетъ-быть будутъ полезны холодныя ванны?

— Что это вы, Петръ Ивановичъ. Перестаньте шутить.

— Я не на шутку советую вамъ холодныя ванны,—оно очень помогаетъ. Хотите я прикажу приготовить; вы хоть облейтесь.

— Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, перестаньте пожалуйста, вѣдь я совершенно здоровъ.

Онъ боится холодной воды, подумалъ Петръ Ивановичъ,—явный признакъ сумашествія.

Съ-тѣхъ-поръ Петръ Ивановичъ сталъ подозрительно по-сматривать на своего пріятеля; но такъ какъ сумасшествіе послѣдняго не представляло никакого особаго неудобства или опасности, то, отъ добродушія и отъ привязанности къ нему, онъ не хотѣлъ его безпокоить дальнѣйшими изслѣдованіями.

Клементій Демьяновичъ все время старался угождать Полнощекковымъ и даже сумѣлъ привлечь къ себѣ пасмурную Надежду Ивановну, которая была непрочъ проплясать съ нимъ какой-нибудь гавоть, танецъ, который былъ очень въ ходу въ ея молодости.

Постоянные разъезды по лавкамъ ярмарки наконецъ утомили всѣхъ. Пантюковъ предложилъ съѣздить въ театръ. «Ревизи-

зорь», въ которомъ игралъ Щепкинъ, и въ-правду вполне стоить вниманія.

Взяли ложу. Наняли безчисленное множество извозчиковъ, всѣ въ одну лошадь, съ какою-то будкою позади, и поѣхали. Ложа оказалась слишкомъ мала, чтобъ помѣститься всѣмъ; какъ ни старались, но все одна пара оставалась за флагомъ.

Театръ Нижняго, какъ всѣ ярмарочные театры, столь-же оригиналенъ по своему строенію, какъ и по помѣщающей въ немъ публикѣ. Впрочемъ, это одинъ еще изъ лучшихъ ярмарочныхъ театровъ. Лампъ пятнадцать, которыя, кромѣ прямой своей обязанности освѣщать залу, иногда и обливаютъ публику вонючимъ масломъ — развѣшаны на какихъ-то тоненькихъ столбахъ, которые пользуются громкимъ именемъ колоннъ.

Нѣсколько стойлъ, устроенныхъ съ обѣихъ сторонъ, съ общаго согласія антрпене и театраловъ приняты за ложи. Не знаю почему, верхній рядъ галерей пользуется здѣсь эпитетомъ партера. Видно смѣсь французскаго съ нижегородскимъ измѣнила, для большей оригинальности, самый смыслъ нѣкоторыхъ словъ.

Семейство Полнощекovýchъ, не найдя, какъ мы уже сказали, возможности помѣститься со всей своей компаніей въ отведенномъ для нихъ стойлѣ, должно было рѣшиться взять въ подмогу два кресла, и Паша, сопровождаемая Иваномъ Петровичемъ пошла туда. Афиша означала, что спектакль начнется въ 8 часовъ; но такъ какъ публика здѣшняя до крайности бонтонна, то и въ означенный часъ почти никого не было. Начали съезжаться въ половину 9-го, и только еще четверть часа спустя занавѣсъ поднялся. Софья Тимоѣевна не могла скрыть своего неудовольствія, что заставляютъ такъ долго ждать, и хотя Клементій Демьяновичъ уговаривалъ ее успокоиться, но увѣщанія мало помогли. Софья Тимоѣевна хотѣла непременно взять съ собою въ ложу Мимишку, Лолошку, чрезвычайныхъ и усилій стоило краснорѣчію Клементія Демьяновича и Петра Ивановича, чтобъ она согласилась оставить ихъ дома, на попеченіе Анеты. Вотъ настоящая причина озлобленія Софьи Тимоѣевны, вотъ почему она была такъ раздражена. Петръ Ивановичъ то-же несомнѣнно былъ спокоенъ; онъ то-же сердился, что заставляли такъ долго ждать начала пьесы и находилъ это дѣло крайне несправедливымъ. Суровый видъ его любезной супруги очень его тревожилъ. Во все это время музыка нѣсколько разъ начинала разныя увертюры изъ известныхъ оперъ; но какъ

ни старались артисты, эта премудрость несовсѣмъ далась имъ; никакъ не могли дойти они до конца увертюры, и несмотря на все стараніе первой скрипки, которая то и дѣло кивала головою то вправо, то влево, — все какъ-то развѣзжалось. Въ самомъ жаркомъ мѣствѣ, когда флейта должна была произвести идиллическіе звуки, старикъ, играющій на контробасѣ, вдругъ пробудившійся отъ глубокаго сна, извлекалъ изъ своего инструмента такія ужасныя ноты, что все благовоспитанныя дѣвицы, сидѣвшія въ ложахъ съ ихъ маменьками въ разноцвѣтныхъ чепцахъ, покраснѣли отъ стыда.

Но зала между-тѣмъ начала наполняться. Подль Паши, которая сидѣла съ Иваномъ Петровичемъ во второмъ ряду, услъся какой-то дородный купецъ съ обширною бородою и сталъ отдуваться краснымъ фуляромъ. — Онъ вѣрно только что вышелъ изъ трактира и кончилъ свою десятую чашку чаю, остроумно замѣтилъ вполголоса Иванъ Петровичъ.

Иванъ Петровичъ былъ очень веселъ сегодня и доволенъ театромъ, его радовало душевно, что ложи здѣшнія не такъ помѣстительны, какъ предположено, и что такимъ образомъ онъ теперь сидитъ возль Паши и наконецъ отвлекъ ее отъ нестерпимаго Пантюкова. Паша часто бросала на ложу пасмурные взгляды, что было досадно Ивану Петровичу, но все-же оставалась подль его, и такъ они не разлучались цѣлый вечеръ.

Наконецъ занавѣсъ поднялся.

Софья Тимоѣевна, хотя и увѣряла, что была очень часто въ театрѣ, чрезвычайно изумилась, увидя, что эта раскрашенная стѣна поднялась и исчезла. Она хотя и предвидѣла, что тутъ будетъ представленіе, но никакъ не могла ожидать, что вся эта стѣна такъ легко поднимется, и не могла не воскликнуть:

— Куда это, батюшка, стѣна-то эта дѣлается? Неужели такъ тамъ много мѣста подъ потолкомъ?

— Вѣдь это не стѣна, а просто полотно сказалъ съ удовольствіемъ Петръ Ивановичъ, чтобъ доказать, что ему это было не въ диковинку.

— Какъ? что ты говоришь, батюшка? Не могу въ толкъ взять.

— Да просто, матушка вотъ такъ какъ у тебя штора поднимается въ спальнѣ, понимаешь?

— Понимаю, понимаю... а это очень хорошо устроено.

Комедія началась. Щепкинъ былъ превосходенъ, какъ всегда, въ роли горѣдничаго. Софья Тимоѣевна, не видѣвши никогда те-

атральныхъ представлений, не могла не принимать слишкомъ сильнаго участія въ дѣйствующихъ лицахъ, и такъ, когда городничій сталъ предлагать Хлестакову квартиру у себя и денегъ сколько ему было угодно, а тотъ, не понимая еще въ чемъ дѣло, боялся, что его хотятъ вести въ тюрьму, она на силу могла удержаться, чтобъ не воскликнуть: Бери, батюшка; бери, ты видишь, что онъ тебя принимаетъ за другаго; бери, все таки бери, это будетъ очень смешно. Но потомъ когда, Хлестаковъ сталъ брать со всехъ хоть что-нибудь, все уверяя, что беретъ въ долгъ; въ особенности, когда бѣдные Добчинскій и Бобчинскій пошли собрать все свое имущество, чтобъ составить 25 рублей благородная Софья Тимоѣевна воскликнула: Онъ лжетъ, такой мошенникъ! не давайте ему ничего; онъ просто обманываетъ васъ, не давайте ему ничего. Она такъ была зла, что когда вызвали, послѣ пьесы, Марковецкаго, игравшаго эту роль, она рѣшительно не понимала, какъ можно вызывать и благодарить такого мошенника.

Да онъ только на сценѣ представляетъ мошенника, говорилъ Клементій Демьяновичъ, вѣдь онъ очень хорошій человекъ, а сколько такихъ, которые и въ-самомъ-дѣлѣ еще хуже дѣлаютъ и все-таки все хороши съ ними, да и впрочемъ что-жъ дѣлать, вѣдь они часто бываютъ предобрые люди. Но спектакль кончился и все разошлись. Семейство Полнощекowychъ долго еще стояло у подъезда и не могло найти достаточное количество пзвощиковъ; наконецъ все устались и поехали домой.

Люблю я вообще осеннюю ночь;—но какъ хорошъ Нижній-Новгородъ въ это время. Темное покрывало сумерекъ уже одѣло весь городъ; рѣка, омывая песчаные берега, темнѣетъ и вдали принимаетъ синій цвѣтъ. Верхній городъ, съ своими высокими башнями и церквами, получаетъ какіе-то фантастическіе размѣры; все темнѣетъ, толпа шумная, наполняющая ярмарку, кажется снизу только сплошною густою массою. Кое-гдѣ показываются огоньки, луна тихо, плавно поднимается изъ-за горы и вмгъ освѣщаетъ голубоватымъ свѣтомъ все это мѣсто; она отражается въ спокойныхъ водахъ Оки и придаетъ еще большую прелесть картинѣ. Но огни все болѣе и болѣе умножаются; все окны домовъ, трактировъ посреди ярмарки освѣтились; небо покрылось безчисленнымъ множествомъ звездъ; толпа гуляющихъ, торгующихъ оживилась, шумъ увеличился, и какъ-бы противорѣчить полному спокойствію природы. Церковь Св. Николая сво-

ею византийскою оригинальною архитектурою обрисовывается на темной поверхности горы, ея зубчатая и сквозная колокольня, освещенная дребезжащимъ свѣтомъ луны, какъ исполинъ, ка жется, наблюдаетъ гордо съ возвышенія всю эту движущуюся и шумящую толпу. Эта картина такъ живописна, что не достанетъ краски у художника, не достанетъ воображенія у писателя, чтобъ ясно и вѣрно передать все, что чувствуешь при этомъ видѣ.

Но часы Николаевской церкви пробили одиннадцать; толпа гуляющихъ стала рѣдѣть; театръ закрытъ, мостъ покрылся разнородными экипажами, которые потянулись шагомъ по отлогому, длинному пути, обвивающему гору и ведущему въ верхній городъ; всѣ спѣшать домой, все мало-по-малу утихаетъ, огни гаснутъ, всюду настаетъ полное спокойствіе. Одна луна своимъ дребезжащимъ блескомъ бдитъ за всеобщимъ сномъ.

Какъ ни занимательна, какъ ни полна развлеченій Макарьевская-ярмарка, но исходивъ болѣе недѣли каждый день всѣ ряды, накупивъ всякаго вздору, всѣхъ родовъ, цвѣтовъ и качествъ, семейство Полнощекovýchъ наконецъ подумало и о своемъ родномъ уголку, гдѣ было такъ привольно жить, гдѣ протекали просто, тихо, дни за днями, утро за утромъ, вечеръ за вечеромъ.

Можетъ-ли городъ дѣятельный, полный жизни, удовольствій и развлеченій, сравниться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вы привыкли жить, хотя и въ глуши, но окруженные всеми удобствами, всѣмъ привольемъ; — съ тою деревнею, гдѣ каждое деревцо, каждое поле, каждый лугъ напоминаютъ вамъ о прошломъ, гдѣ самый вѣтерокъ навѣваетъ вамъ мысль о быломъ счастіи или даже о быломъ горѣ.

Нельзя постоянно жить настоящимъ; — то, что насъ окружаетъ, то, чѣмъ мы живемъ, занимаемся въ данную минуту, не можетъ быть достаточнымъ для нашего счастія; — незаметно мы начинаемъ мыслить о будущемъ, о какихъ-нибудь предположеніяхъ нашихъ, или вспоминать прошлое, вспоминать и радоваться нашему былому счастію, или даже плакать о прежнемъ нашемъ горѣ, потому-что самыя эти слезы отрадны нашей душѣ.

Конечно Петръ Ивановичъ не давалъ себѣ яснаго понятія о томъ, — но какъ онъ, такъ и Софья Тимофеевна, вдоволь насладившись всеми удовольствіями, которыми угощаль ихъ Кле

ментій Демьяновичъ, начали скучать въ Нижнемъ-Новгородѣ, нерываясь впрочемъ еще назначить день отъезда.

Можетъ быть даже они остались-бы еще очень долго, еслибъ самый простой случай не заставилъ ихъ ускорить свой отъездъ.

Разъ какъ-то, проснувшись довольно рано, Петръ Ивановичъ вышелъ осторожно изъ комнаты своей, чтобы не разбудить свою любимую сожительницу, и отправился въ другую комнату, предаться разнымъ туалетнымъ принадлежностямъ, при которыхъ мы никогда не посмѣли-бы заставить присутствовать нашихъ читателей, еслибъ это не было именно тѣмъ пустымъ обстоятельствомъ, которое и побудило Полнощковыхъ къ скорому отъезду. Часто малая причина имѣетъ огромныя послѣдствія; — сама мифологія гласитъ, что изъ за одного яблока перессорились все богини.

Петръ Ивановичъ, закутавшись въ ново-приобрѣтенный халатъ, сталъ передъ зеркаломъ, — и вообразите его удивленіе: — тотъ безпокойный прыщъ, который такъ сильно огорчилъ его, который, по его собственному признанію, препятствовалъ рѣшительно тому эффекту, который-бы навѣрно производило его лицо, тотъ именно гнусный, скучный, неприличный и уже тѣмъ зло-вредный прыщъ, исчезъ въ ночь незамѣтно. Мѣсто осталось чисто, — ну просто какъ-будто никогда ничего на немъ не бывало. Петръ Ивановичъ такъ былъ обрадованъ этимъ открытіемъ, что не воздержался, чтобъ не позвать своего друга Ивана Петровича.

— Иванъ Петровичъ, а Иванъ Петровичъ, вы спите? — Вставайте поскорѣе, приходите сюда.

Иванъ Петровичъ, который спалъ глубоко, неподалеку, за стѣною, ужасно испугался этаго крику, и подумалъ: — кто это кричитъ?

— Что вамъ угодно, Петръ Ивановичъ? Что это пожаръ что-ли? вскрикнулъ онъ, и не находя ничего того, что онъ имѣлъ обыкновеніе надѣвать, рѣшился въ такомъ видѣ идти на помощь къ Петру Ивановичу.

Весь этотъ крикъ былъ слышенъ и въ прочихъ комнатахъ; — а въ особенности, произнесенное Иваномъ Петровичемъ слово пожаръ испугало всехъ. Надежда Ивановна, Паша, Аннета, — все вскочили, кое-какъ одѣлись на скорую руку и, забывъ всякое приличіе, побѣжали тоже туда. Мимишка и Долошка, ко-

торыхъ тоже разбудилъ этотъ крикъ, стали лаять и выть неимоверно. Софья Тимоѣевна звала Анету, которая не являлась на ея требованіе; — она очень разгорячилась, и тоже пришла къ Петру Ивановичу.

Всѣ кричали, всѣ шумѣли, никто ничего не понималъ. Что случилось?—слышалось со всѣхъ сторонъ.

Петръ Ивановичъ такъ былъ удивленъ всей этою возней, которую онъ никакъ не предвидѣлъ, что оставался какъ оцѣненный передъ всѣми.

— Да что-же случилось? да отвѣчай-же;—ну что случилось? сердито сказала Софья Тимоѣевна.

— Ни... ничего;—съ робостью отвѣтилъ Петръ Ивановичъ,—ничего;—я хотѣлъ только сказать Ивану Петровичу, что у меня, къ моему удивленію, сошелъ прыщъ съ носу, который такъ меня беспокоилъ.

— Вотъ, — стоило будить изъ-за этого весь домъ! Какой ты сумасшедшій, — Боже мой!

— Да я никакъ не ожидалъ этаго,—скромно отвѣчалъ мужъ.

Всѣ рѣшительно хохотали и спѣшили возвратиться по своимъ комнатамъ. Иванъ Петровичъ въ первую минуту не замѣтилъ, что онъ успѣлъ надѣть однѣ только туфли,—но вдругъ вспомнилъ и покраснѣлъ. Петръ Ивановичъ втолкнулъ его въ дверь и сказалъ: — Фу, какой безстыдникъ,—пошелъ-же одѣнься. И при этомъ онъ не могъ не подумать: И въ правду, не сошелъ-ли онъ-съ ума.

Къ обѣду пріѣхалъ Клементій Демьяновичъ; ему всѣ стали рассказывать утренній анекдотъ; — Пантюковъ очень смѣялся.

— Вотъ падѣлали-то вы шуму Петръ Ивановичъ, изъ-за одного прыща на носу. Чтобъ не надѣлалъ такой-же исторіи вотъ этотъ, который у васъ на подбородкѣ.

— Какъ на подбородкѣ? — сказалъ съ ужасомъ Петръ Ивановичъ.—Не можетъ быть! Но схвативъ рукою за лицо, онъ замѣтилъ и въ правду маленькое возвышеніе.

— Ахъ ты Боже мой! одинъ сошелъ, а другой опять съелъ! Лучше ухватъ поскорѣе изъ Нижняго, а не то еще что-нибудь случится.

— Да и въ правду, — сказала Софья Тимоѣевна, что-то скучно здѣсь.

— Благодарю за комплиментъ, сказалъ Пантюковъ.

— Помилуйте, это все просто оттого, что хочется въ свое имѣнье.

— А, это я понимаю; — отвѣтилъ Пантюковъ.

Отъездъ съ общаго согласія былъ назначенъ на другой день.

Софья Тимоѣевна опять усълась въ свой чудовищный тарантасъ, со всеми уже описанными личностями.

Петръ Ивановичъ усълся съ Иваномъ Петровичемъ въ бричку, и всѣ поѣхали по большой саратовской дорогѣ.

— А вѣдь правду сказать, очень скучный человекъ Клементій Демьяновичъ.

— Нѣтъ,—по моему онъ довольно занимателенъ.

— Не скажу, Петръ Ивановичъ, онъ всегда неприятно рассказываетъ;—да хотя и вамъ,—вѣдь никто не замѣтилъ, а онъ первый сказалъ, что у васъ вскочилъ прыщъ на подбородкѣ.

Петръ Ивановичъ задумался и ничего не сказалъ. Павелъ на козлахъ погонялъ ямщика и думалъ про себя:

— Городъ ничего, довольно хорошъ, — но послѣ Москвы куда ему, — тутъ даже и чиновныхъ мало, — все болѣе изъ кушцовъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

—

I.

СУМАРКОВЪ И СЛЕЗНАЯ КОМЕДІЯ.

На дняхъ я зашелъ на Толкучій-рынокъ, для нѣкоторыхъ литературныхъ приобрѣтеній.

— Какъ? восклицаетъ читатель: «литература на Толкучемъ-рынкѣ? съ чѣмъ это сообразно?»

Позвольте, выслушайте меня сперва, и вы, вѣроятно, согласитесь, что Толкучій-рынокъ также необходимъ и для библіомана, какъ и для бѣдняка-семьянина или франта-сапожника.

Напримѣръ, вамъ-бы понадобилась комедія «Мошенники», 1811 года. Вы обращаетесь къ Ратькову, Печаткину, Базунову, въ книжныя лавки Гостиного-двора и Большой-Садовой, и на вопросъ: Нѣтъ-ли «Мошенниковъ»? вамъ все въ голосъ отвѣчаютъ, что нынче ихъ не найдешь; вещь старая. Вы опускаете носъ и руки, но въ тоже время остаетесь въ сомнѣніи найти и «Честнаго человека», 1839 г.

А я, минуя модныя книжныя лавки Невскаго-проспекта, пробираюсь на Толкучій, гдѣ, потолкавшись минутъ съ десять, найду непременно «Мошенниковъ» и даже Честнаго человека и даю вамъ честное слово, что въ будущей статьѣ «Матеріаловъ» буду говорить о нихъ.

Книги всѣхъ народовъ и языковъ, всѣхъ временъ и форматовъ размѣщены въ Толкучемъ-рынкѣ въ нѣсколькихъ лавкахъ, лавченкахъ и ларяхъ, гдѣ разложены безъ всякаго намека на какой-либо порядокъ или систему.

При входѣ въ эти лавки, обыкновенно, направо и налево выставлены лари, на которыхъ разложена книжная дребедень.

Возле книжки 1790 года № журнала за 1854 годъ, рядомъ съ «Кондитеромъ» Поль-Декока разстрепанный Мильтоновъ «Потерянный рай» и проч.

Для обзора этой выставки требуется не болѣе пяти минутъ, не пожалѣемъ ихъ... авось что-нибудь и отыщется.

Кромѣ старины, на Толкучемъ-рынкѣ вы можете приобрести и всѣ новыя сочиненія, но при покупкѣ ихъ можете сдѣлать, часто, выгоды такого рода:

1, Купить книгу вчетверо дешевле противъ обыкновенной цѣны ея, и не доискаться въ ней листа или главы, а можетъ-быть, и двухъ. Или 2, найти книгу всю цѣлую, новую и въ переплетъ, и заплатить за нее втрое дороже противъ того, что она стоитъ.

Что-жъ дѣлать! Это маленькія неприятности человѣческой жизни.

За смѣь продолжаю...

Прибывъ на рынокъ, я тотчасъ-же отправился въ знакомую мнѣ лавку, гдѣ могъ сколько моей душѣ хотѣлось рыться въ книгахъ и прищипываться.

По привычкѣ, я сперва взглянулъ на предвходный ларь, и почему-то одна зелененькая небольшая книжка привлекла мое вниманіе. То была трагедія «Димитрій Самозванецъ», сочиненіе Александра Петровича Сумарокова. Я отвернулъ первый листикъ и прочиталъ «Примѣчаніе», объ которомъ я скажу ниже. За «примѣчаніемъ» следовала статья—безъ всякаго заглавія, заинтересовавшая меня до такой степени, что я тотчасъ-же приобрѣлъ книжку, и возвратясь домой, занялся составленіемъ этой статейки.

Трагедія «Димитрій Самозванецъ» представлена въ первый разъ 1-го февраля 1771 года, на Императорскомъ театрѣ въ С. Петербургѣ. Издавалась она нѣсколько разъ; первый разъ въ 1771 году, а въ слѣдующемъ году вышла вторымъ изданіемъ.

При приобретенномъ мною экземплярѣ «Димитрія Самозванца» приложены, какъ я уже сказалъ выше, двѣ статьи; одна носитъ заглавіе: «Примѣчаніе», а другая безъ всякаго заглавія.

Въ «Примѣчаніи» говорится о портретѣ героя трагедіи, приложенномъ къ первому изданію «Самозванца». Портретъ былъ полученъ Сумароковымъ отъ Маріи Анны Каллотъ, Академики С. Петербургской Императорской Академіи Художествъ, Скульптеры и Писатели Ея Императорскаго Величества, При гра-

вированіи портрета случилась маленькая ошибка: бородавки на лицѣ Самозванца на выворотѣ изображены: у него они были на правой сторонѣ носа и на левой лба, а не такъ, какъ здѣсь начертано, говорить «Примѣчаніе». Въ заключеніе авторъ приносить чувствительнѣе благодареніе, какъ публикѣ, такъ и актерамъ—петербургскимъ.

За «Примѣчаніемъ» слѣдуетъ статья, которую я выписываю съ ореографическою точностію. При нѣкоторыхъ мѣстахъ подлинника я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній ихъ читатель найдетъ въ выноскахъ.

«Слово публика, какъ нѣгдѣ и г. Волтеръ изъясняется, не знаменуетъ цѣлаго общества; но часть малую онаго: то есть, людей знающихъ и въкусъ имущихъ. Если-бы я писалъ о вкусь Диссертацию, я-бы сказалъ то, что такое вкусь и изъяснилъ бы оно; но здѣсь дѣло не о томъ. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, невѣждѣ не мало, какъ и вездѣ; ибо вселенная по большей части ими наполнена. Слово *Чернь* принадлежитъ низкому народу: а не слово: *Подлой народъ*; ибо подлой народъ есть каторжники и протчія презрѣнныя твари, а не ремесленники и земледѣльцы. Тамъ сіе имя всемъ тѣмъ дается, которыя не дворяня. Богословъ, естествословъ, астрономъ, риторъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ и проч. по сему глупому положенію члены черни. О несносная гордость, достойная презрѣнія и поруганія! (1).

Истинная чернь, суть невѣжды, хотя-бы они и великія чины имѣли, богатство Крезово, и влекли-бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало; отъ сына Филиппо-

(1) Къ этимъ жесткимъ и, хотя, справедливымъ словамъ не примѣшивалось-ли чувство досады и оскорбленнаго самолюбія. Вспомнимъ, что около этого времени у Сумарокова (жившаго тогда въ Москвѣ) произошли неприятели, и довольно значительныя, съ графомъ С. П. Салтыковымъ. Драматургъ жаловался Императрицѣ, но и тутъ не имѣлъ успѣха, что видно изъ остроумнаго отвѣта Государыни вмѣстѣ, лестнаго и неутѣшительнаго для истца. Изъ любопытства, приведемъ одно мѣсто изъ этого отвѣта: «Фельдмаршалъ желалъ видѣть трагедію вашу. Сіе дѣлаетъ вамъ честь, пристойно было въ томъ удовольствоваться первого въ Москвѣ начальника. Еслиже графъ Салтыковъ заблагоразсудилъ приказать играть, то уже надлежало безъ отговорокъ исполнить его волю. Вы болѣе другихъ, чаю, знаете, сколь много почтенія достойны заслуженныя славою и сѣдиною покрытыя мужи, и для того советую вамъ впредь не входить въ подобныя споры: Чрезъ то сохраните спокойствіе духа для вашихъ сочиненій, и Мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ писмахъ.»

(Словарь Бантышъ Каменскаго).

ва побѣдителя или паче раззорителя вселенныя, отъ іюлія Цесаря утвердившаго славу римскую, или паче разрушившаго оную. Слово публика и тамо, гдѣ гораздо много ученыхъ людей не значить ни чево. Людовикъ XIV далъ Парнасу златой вѣкъ во своемъ отечествѣ; но по смерти ево вкусъ мало по малу, сталъ изчезать. Не изчезъ еще; ибо видимъ мы онаго остатки въ г. Вольтеръ и во другихъ французскихъ писателяхъ. Трагедіи и комедіи во Франціи пишутъ, но не видно еще ни Вольтера, ни Молиера. Ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій: ввелся тамъ; но тамъ не исторгнутся смена вкуса Расинова и Молиерова: а у насъ по театру почти еще и начала нѣтъ; такъ такой скаредной вкусъ, а особенно вѣку Великія Екатерины не принадлежитъ. А дабы не впустить онаго, писалъ я о таковыхъ драмахъ къ г. Вольтеру: но они въ сіе краткое время вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургъ: нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе, какъ скаредно не переведена Евгенія, и какъ нагло актриса подъ именемъ Евгеніи Бакханту ни изображала: а сіе рукоплесканіе переводчикъ оныя драмы, какой-то подъячій ^(*) до небесъ возноситъ, соплетая зрителямъ похвалу и утверждая вкусъ ихъ. Подъячій сталъ судіею Парнаса, и утвердителемъ вкуса московской публики!.. конечно скоро преставленіе свѣта будетъ. Но неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему, нежели г. Вольтеру и мнѣ: ⁽²⁾ и неужели вкусъ жителей московскихъ сходняе со вкусомъ сево подъячева! ⁽³⁾. Подъячему соплетать похвалы вкуса княжичей и господичей московскихъ толь маломѣстно, коль непристойно лакею, хотя и придворному мои пѣсни, безъ моей воли, портить, печатать и

(*) Тутъ дѣло идетъ, вѣроятно, о комедіи Бомарше «Евгенія», переведенной съ французскаго Николаемъ Пушкиковымъ и изданной въ 1770 году. (См. каталогъ Смирдина.) Въ тогданнее время Бомарше для Сумарокова ничего не значилъ и потому неудивительны его отзывы объ одномъ изъ произведеній автора знаменитой «Свадьбы Фигаро», пьесы, надѣлавшей шуму при первомъ появленіи ея на французской сценѣ. Сумароковъ поклонился Вольтеру, а Вольтеръ писалъ объ авторѣ «Евгеніи» какъ о человѣкѣ, неимѣющемъ никакого дарованія и пишущемъ единственно для денегъ. (См. письма Вольтера).

(2) Въ дѣлѣ законовъ вкуса Сумароковъ ничуть не ставитъ себя ниже Фернейскаго философа.

(3) Вѣроятно г. Пушкиковъ былъ такой-же подъячій, какъ и самъ Сумароковъ. Замѣчательно, что имя Пушкикова въ русской литературѣ является толь-ко одинъ разъ, и именно при переводѣ «Евгеніи». Ужъ не заставилъ-ли его замолчать творецъ «Димитрія Самозванца». Вѣдь кого не прихлопнетъ подобный протестъ раздраженнаго писателя!

продавать, или противъ воли еще пребывающаго въ жизни автора портить ево драмы и за порчу собирать себѣ деньги, ⁽⁵⁾ и съѣзжавшимися видѣть Семиру, ⁽⁶⁾ сидѣть возлѣ самага оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ Партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывати исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома грызть орѣхи; а публиковать газеты весьма малонужныя, можно и внѣ театра; ибо таковыя газетчики къ тому довольно времени имѣють. Многія въ Москвѣ зрители и зрительницы не для того на позорищи вздять, дабы имъ слышать ненужныя имъ газеты; а грызеніе орѣховъ не приноситъ удовольствія, ни зрителямъ разумнымъ, ни актерамъ, ни трудившемуся во удовольствіе публики автору. ево служба награжденія, а не наказанія достойна. Вы путешествователи, бывшія въ Парижъ и въ Лондонъ скажите! грызуть-ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пушемъ жарѣ своемъ, съкутъ-ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогъ всего партера, ложъ и театра ⁽⁷⁾. Но какъ то ни есть: я жалю, что я не имѣю копій съ посланнаго къ г. Вольтеру письма, бывъ тогда въ крайней разстройкѣ, и крайне боленъ, когда князь Козловскій отъѣзжавшій къ г. Вольтеру по письмо ко мнѣ завхалъ: я отдалъ мой подлинникъ, ниже ево на бѣло переписавъ; однако отвѣтное письмо сего автора нѣсколько моихъ вопросовъ заключаетъ: а особливо, что до скаредной слезной комедіи касается. А ежели ни г. Вольтеру ни мнѣ кто въ этомъ повѣрить не хочетъ; такъ я похвалю и такой вкусъ, когда щи съ сахаромъ кушать будутъ, чай пити съ солью, кофе съ чеснокомъ: и съ молебномъ совокупятъ панафиду. Между Таліи и Мельпомены различіе таково, каково между дня и ночи, между жара и стужи, и какая между разумными зрителями драмы и

(5) Любопытно-бы было знать имена этихъ лакеевъ передѣльвателей. Библиографъ поопытнѣ насъ, вѣроятно, разрѣшитъ этотъ вопросъ.

(6) Семира, одна изъ трагедій Сумарокова.

(7) Вотъ занимательный отрывокъ изъ театральнаго нравовъ тогдашняго времени. Грызенія орѣховъ нынче не услышишь, не только въ партерѣ или въ ложахъ, но даже и въ райкѣ. А драка на кулачкахъ—и въ партерѣ!.. Да это неслыханная вещь въ настоящее время.

Не понимаю только, какъ могла помѣшать представленію экзекуція надъ пьяными кучерами. Неужели она происходила въ корридорахъ или въ сѣняхъ театра?..

между безумными. Не по количеству голосовъ, но по качеству утверждается достоинство вещи; а качество имѣеть основаніе на истинѣ.

Достойной похвалы невѣжи не умять:

А то не похвала, когда невѣжи хвалятъ.

Точный мнѣ Г. Вольтера отвѣтъ (8).

Au Chateau de Ferney. 26 Fevrier 1769.

Милостивый государь!—

Ваши письма и сочиненія служатъ яснымъ доказательствомъ, что вкусъ и геній существуютъ повсемѣстно. Ошибаются тѣ люди, которые утверждаютъ, что поэзія и музыка процвѣтають единственно только на югѣ. Еслибы климатъ точно имѣлъ какое-либо вліяніе на это, то, вѣроятно, Греція, попрежнему, дарила-бы намъ Платоновъ и Анакреоновъ, какъ продолжаетъ производить тѣже цвѣты и плоды — какъ и встарь. Въ Италіи и въ наши дни существовали-бы Гораціи, Виргили, Аріосто, Тассо, а между тѣмъ — нынче въ Римъ въ ходу только процессіи, а въ Греціи — палочные удары. Нѣтъ! для наукъ необходимы мудрые Монархи, которые-бы понимали, любили и поощряли науки. Они-то замѣняютъ намъ воздухъ, они-то заставляютъ цвѣсти розы въ снѣгахъ.

Такова ваша Высокая Повелительница. Письма, которыя она благоволила присылать ко мнѣ, кажутся для меня присланными изъ Версаля, а ваши какъ-бы отъ одного изъ собратій по Французской Академіи. Князь Козловскій, доставившій мнѣ эти письма, изъясняется также свободно, какъ и вы (*), чему я крайне удивляюсь и въ другихъ русскихъ путешественникахъ, посѣщающихъ меня въ моемъ уединеніи. Вы имѣете передо мною большое преимущество: я не знаю ни слова по-русски, а вы превосходно владѣете моимъ языкомъ. Отвѣчаю на ваши вопросы, въ рѣшеніи которыхъ вы спрашиваете моего мнѣнія. Съ удовольствіемъ вижу, что мои мысли совершенно сходятся съ вашими.

Точно, я почитаю Расина, какъ одного изъ лучшихъ трагическихъ поэтовъ, въ произведеніяхъ своихъ говорящаго вмѣстѣ и уму и сердцу, и выражающаго возвышенныя чувства въ стихахъ, полныхъ гармоніи и безъ всякой напыщенности. Онъ одинъ

(8) Въ оригиналь статьи помещень французской подлинникъ весь. Переводъ его на русскій сдѣланъ мною.

(*) Т. е. по французски.

такъ вѣрно и трагически изображаетъ любовь, ибо Корнель только въ одномъ Сидѣ удачно обрисовалъ эту страсть, — а Сидъ не принадлежитъ ему (9). Въ прочихъ-же его пьесахъ любовь или слабо выражена, или неумѣстна.

Также раздѣляю ваше мнѣніе и на счетъ Кино. Онъ въ своемъ родѣ — замѣчательный талантъ. Положимъ, что онъ не написалъ Буаловской *L'art poétique*, но и Буало не написалъ его *Армиды*.

Совершенно съ вами согласенъ въ томъ, что вы говорите про Мольера и про слезную комедію, которой наша нація, по слабости своей, допустила занять мѣсто истинной комедіи, доведенной до настоящаго совершенства неподражаемымъ Мольеромъ.

Послѣ Ренара, чловѣка съ истиннымъ комическимъ дарованіемъ, и достойнаго преемника Мольера, появились комедіи новаго чудовищнаго рода (*monstres*). Авторы этихъ пьесъ, неспособные къ созданію истинной комедіи, стараются писать только для денегъ. Они не имѣютъ столько таланта и ума, чтобъ написать трагедію, и мало остроумія для комедіи. Они въ состояніи только настроить роль для лакея. Они придаютъ возвышенныя, благородныя страсти мѣщанскимъ личностямъ. Говорятъ, что эти пьесы увлекаютъ вниманіе зрителей, вовремя представленія ихъ на сценѣ. Не спорю, что умная игра артистовъ можетъ поддерживать эти пьесы, — но читать ихъ — я отказываюсь. Словомъ, — пьесы эти межеумки, ни трагедія и ни комедія. За недостаткомъ лошадей, вздять и на ослахъ.

Двадцать лѣтъ, какъ я не видалъ Парижа. Слышу, что комедіи Мольера не появляются болѣе на сценѣ; причиною тому, по моему мнѣнію, что эти комедіи уже всѣмъ знакомы, каждая фраза изъ нихъ вошла въ пословицу; къ-тому-же онъ черезъ-чуръ длинны, и завязка, часто, совсѣмъ не замысловатая. Мольеръ хотѣлъ быть только живописцемъ природы, и въ этомъ онъ успѣлъ.

Вотъ всѣ мои мнѣнія на ваши запросы. Очень сожалею, что вы имѣете такое-же слабое здоровье, какъ и я; но къ счастью,

(9) Здѣсь Вольтеръ явно клеветаетъ на Корнеля. Сидъ написанъ Корнелемъ, объ этомъ ужъ едвали кто будетъ спорить. И какъ мнѣнія перемѣнчивы! При первомъ представленіи «Сиды» въ Парижѣ авторъ подвергся критикѣ, нападкамъ и насмѣшкамъ, за нововведенія въ области драматической литературы. Корнель принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа; а спустя не болѣе столѣтія, у него отнимаютъ «Сиду», какъ вещь, непринадлежащую ей автору.

вы еще молоды и долго прослужите своему отечеству. А я уже умеръ для своего.

Честь имѣю пребыть съ глубочайшимъ уваженіемъ,

Милостивый Государь,

Вашъ покорный слуга

Вольтеръ.

Разсмотрѣніе содержанія Евгеніи.

Содержаніе сей слезной комедіи есть слѣдующее. Молодой, худовоспитанной и нечистосердечной графъ внѣ Лондона распалился красотою дочери нѣкоего небогатаго дворянина, и вельвь своему слугѣ себя съ нею обвѣнчать; она обрюхатѣла, а онъ возвратился въ Лондонъ и помолвивъ жениться на какой-то знатной дѣвицѣ, собирается ко дню сочетанія; первая его супруга пріѣхала въ его домъ; свѣдала что сожителъ ея съ другою бракомъ сочетается: бѣгаетъ растрепавъ волосы: она плачетъ, отецъ сердится: въ домъ иной плачетъ, иной хохочетъ, наконецъ сожителъ ея сей повѣса и обманщикъ достойный висѣлицы за поруганіе религій и дворянской дочери, которую онъ плутовски обманулъ, обманываетъ другую невесту, знатную дѣвицу: входитъ изъ бездѣльства въ бездѣльство, отказываетъ невестѣ и вдругъ перемѣнивъ свою систему опять жениться вторично на первой своей женѣ, но кто за такого гнуснаго чловѣка поручиться, что онъ на завтрѣ еще на комъ нибудь не жениться, ежели правительство и духовенство его не истребятъ. Сей мерзкой повѣса не слабости и заблужденію подверженъ, но безсовестности и злодѣянію (10). А. С.

(10) И Сумароковъ и трагедіи его—спять вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ, а мѣщанская драма, слезная комедія, и даже «Евгенія», здравствуютъ. Года два тому назадъ, на сценѣ Александринскаго театра въ Петербургѣ—была играна драма «Двоеженецъ» сюжетъ ея, если только не выкраденъ изъ «Евгеніи», то, по-краймѣрь, былъ скроенъ по образцу комедіи Бомарше. И какое злодѣйство!.. Въ «Двоеженцѣ» нечистосердечный англійскій графъ, не только женился вторично на первой женѣ, но—даже, о! ужасъ! женился и на другой женѣ! А потомъ уже, въ третій разъ—на первой женѣ! Такъ вотъ каковы успѣхи французской драматургій съ 1760 года!..

И еще странное сближеніе: «Двоеженецъ», какъ и «Евгенія», въ первый разъ появились въ Москвѣ, гдѣ и имѣли порядочный успѣхъ! — Не знаю, какъ «Евгенія», а «Двоеженецъ» вползъ и въ Петербургъ—но увы! претерпѣлъ паденіе.

И. Шигинъ.

СОЗРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Джемсъ Бульверъ и Диккенсъ.—Литературныя письма изъ Англии.—Литературныя новости изъ Итали. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** Китайскіе актеры въ Сѣверной Америкѣ.—**ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Продолжительность человѣческой жизни.—О зеркальныхъ фабрикахъ, по случаю всемірной выставки. — Фотографія на стеклѣ, форфоръ и т. п. — **МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.** Какъ получаютъ въ Англии офицерскія должности. — Американскій часовой. — Купальня. — Заправленіе чая духами. — Очковая змѣя и змѣя въ шляпѣ. — Обширное знаніе. — Слово ура!

І. ЛИТЕРАТУРА.

Джемсъ, Бульверъ и Диккенсъ. Знаменитый шотландскій историкъ Архивальдъ Алисонъ, въ сочиненіи своемъ «Исторія Англии въ новѣйшее время», изображаетъ слѣдующимъ образомъ созвѣздіе трехъ англійскихъ нувеллистовъ.

Джемсъ.

Хотя не всѣ сочиненія Джемса имѣютъ одинакое достоинство, хотя въ нихъ можно найти повторенія картинъ и дѣйствій, но зато они не заключаютъ въ себѣ недостатковъ, свойственныхъ многимъ изъ его современниковъ, которые сначала превосходили его своею популярностью. Въ его сочиненіяхъ встрѣчаются не только чистыя и хорошія, но даже возвышенныя и благородныя чувства. Во всѣхъ его разсказахъ лица, управляемыя такими чувствами, одерживаютъ наконецъ побѣду надъ душами, исполненными низкаго самолюбія.

Онъ пишетъ съ энергіею, и перо его производитъ съ удивительною легкостію рисунокъ самыхъ отдаленныхъ и противоположныхъ странъ, нравовъ и обычаевъ. Лучшіе его романы «Attila», Philip Augustus, «Mary of Burgundy», «The Robbers» (разбойники) будутъ всегда занимать почетное мѣсто въ англійской словесности. Его сочиненія написаны по направленію проложеннаго Вальтеръ-Скоттомъ пути историческаго романа; они столько-же поучительны, сколько и занимательны. Ни одно слово, ни одна мысль, которая могла-бы оскорбить са-

мое нѣжное чувство, не выходитъ изъ-подъ его пера; умъ, утомленный заботами и смущенный самолюбіемъ свѣта, обращается съ удовольствіемъ къ его сочиненіямъ, которые переносятъ его въ минувшіе дни, и представляютъ понятія и нравы старыхъ временъ, въ краскахъ, быть-можетъ даже слишкомъ яркихъ.

Но при всѣхъ этихъ великихъ и разнообразныхъ заслугахъ, нельзя поставить его на ряду съ первыми романистами, потому-что онъ не имѣетъ нужныхъ для сего качествъ. У него нѣтъ драматической силы; разговоры его рѣдко остроумны, часто скучны, растянуты и безъ противоположности мнѣній, этой души всякой бесѣды. Его умъ болѣе описываетъ, нежели разсуждаетъ, и обращается при своихъ описаніяхъ болѣе къ внѣшнимъ предметамъ, чѣмъ къ внутреннимъ ощущеніямъ, въ которыхъ именно заключается самая высшая прелесть романа. Не описаніемъ физической природы, а изліяніемъ глубокихъ внутреннихъ чувствъ сердца дѣйствуетъ поэтъ на утомленную трудами душу и приводитъ ее, хотя-бы на нѣсколько минутъ, къ блестящимъ моментамъ, достойнымъ воспоминанія.

Бульверъ.

Если романы Джемса имѣютъ несомнѣнные достоинства въ изображеніи чувствъ, покоящихся въ глубинѣ сердца, то этого нельзя сказать о великомъ нувелистѣ, который украсилъ своимъ гениемъ англійскую словесность. Одаренный высшими способностями, какихъ требуетъ этотъ родъ литературы, серъ Эдуардъ Бульверъ Литтонъ имѣетъ право занять мѣсто возлѣ Вальтера-Скотта, въ главѣ романическихъ писателей Англій. Будучи знатнаго происхожденія, наслѣдникъ замковъ, сіяющихъ необыкновеннымъ великолѣніемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдовалъ отъ своихъ норманскихъ предковъ благородныя ихъ качества. Никто не былъ болѣе его проникнутъ возвышенными мыслями и рыцарскими чувствами, составляющими истинный признакъ патриціевъ, и которыя, вѣроятно, ни въ комъ не существуетъ въ такой силѣ, какъ въ тѣхъ, кто, подобно арабскимъ кровнымъ лошадямъ, можетъ показать длинный рядъ благородныхъ предковъ. Въ англійской словесности никто не превзошелъ Бульвера въ описаніи страстной любви и въ развитіи самыхъ сокровенныхъ чувствъ ея, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Даже г-жа Сталь не изображала этихъ чувствъ съ большею истиною или красотою. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ гораздо выше Вальтера-Скотта, который мало обращалъ вниманія на чувство, и пускаясь въ представленіе нѣжныхъ ощущеній, замѣтывалъ ихъ изъ внѣшнихъ признаковъ и изъ чужихъ наблюденій. Бульверъ черпалъ свои описанія изъ гораздо вѣрнѣйшаго и

глубочайшаго источника—изъ собственнаго опыта. Онъ описываетъ сильно и вѣрно, потому-что самъ глубоко все перечувствовалъ. Нѣтъ портрета вѣрнѣе того, который онъ списалъ съ своего учителя. *Ріензи* одинъ изъ совершеннѣйшихъ историческихъ романовъ, *Годольфинъ* и *Эрнестъ Мальтраверсъ* принадлежать къ занимательнѣйшимъ и прелестнѣйшимъ разсказамъ на англійскомъ языкѣ. Онъ знаменитъ не только какъ авторъ романовъ, но и какъ драматургъ и лирической поэтъ. Его переводы Шиллеровыхъ балладъ заключаютъ въ себѣ духъ Шиллеровой поэзіи. Его *Тимонъ* самая блестящая сатира; его драмы самыя популярныя сочиненія нашего времени. Хотя нѣкоторыя изъ прочихъ его твореній не имѣютъ того-же достоинства, но это уже обыкновенная судьба гениевъ, что они бывають въ нѣкоторыя минуты счастливѣе, нежели въ другія; однако-же во всѣхъ его сочиненіяхъ видно глубокое размышленіе и полнота мыслей, во всѣхъ обнаруживается высокій даръ наблюдательности и умѣнье изображать характеры. Болѣе важный недостатокъ состоитъ въ случайномъ выборѣ предмета и въ прелестяхъ, которыми его очаровательная кисть окружаетъ иногда порока. Величайшій поклонникъ его гения только изумляется, какъ Бульверъ могъ избрать въ героини одного изъ своихъ романовъ женщину, которая совершила три смертоубійства—надъ мужьями и сыномъ,—или сожалѣть, что тотъ, кто способенъ восхищать міръ романтическими картинами самой возвышенной формы, могъ расточать свои силы на изображеніе порочной жизни и самыхъ отвратительныхъ характеровъ и сценъ. Конечно, онъ никогда не предоставляетъ побѣды безнравственности, и послѣднее впечатлѣніе, производимое его сочиненіями, какъ равно безчисленныя превосходныя разсужденія, все на сторонѣ добродѣтели; но безнравственность представлена во многихъ мѣстахъ въ такомъ привлекательномъ видѣ, что послѣдняя развязка не въ силахъ уничтожить перваго впечатлѣнія. Каждый сознается, что описанія эти взяты изъ дѣйствительной жизни; но именно потому и не слѣдовало украшать этихъ предметовъ прелестями фантазіи. Правда, что живопись требуетъ противоположности и что смѣсь свѣта и тѣни необходима для произведенія формъ и для показанія красоты природы во всемъ ея величій; но живописецъ духа, какъ и живописецъ вещественныхъ предметовъ, долженъ руководствоваться правиломъ Тиціана, что большая часть картины должна быть писана «mezzotinta», а только малую часть можно оставить въ глубокой тѣни.

Диккенсъ.

Пристрастіе романистовъ и нувеллистовъ первой половины 19-го столѣтія къ изображенію жизни высшихъ классовъ общества, съ ея пре-

лестями, пороками и заблужденіями, привело романъ къ реакціи; возникла школа, предводители которой оставили въ сторонѣ все предметы, относящіеся къ высшимъ сословіямъ, и стали изображать нравы, обычаи, понятія и привычки среднихъ и низшихъ классовъ. Открытое поле было обширно и на обработку его были употреблены значительныя силы. Въ главѣ этой школы, какъ по времени, такъ и по таланту, надобно поставить Диккенса, котораго сочиненія скоро получили большую; можно сказать, безпримѣрную извѣстность. Изъ этого понятно, что они должны имѣть высокое достоинство, потому что никто не въ состояніи заставить толпу рукоплескать себѣ, хотя-бы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, если не обладаетъ замѣчательнымъ могуществомъ. Нетрудно найти это могущество въ Диккенсѣ. Съ необыкновеннымъ талантомъ представлять нравы и понятія народа и съ глубокимъ познаніемъ всехъ сторонъ его жизни, Диккенсъ соединяетъ чувствительное сердце, истинное желаніе общественнаго блага и усовершенствованія и большую патетическую силу. Онъ свободенъ отъ главныхъ ошибокъ писателей, предшествовавшихъ ему на этомъ поприщѣ и неизвѣстныхъ теперь въ нашихъ гостинныхъ. Хотя онъ занимается тѣми-же предметами и движется въ тѣхъ-же кругахъ, но въ немъ нѣтъ грубости нашихъ старинныхъ писателей. Онъ имѣетъ талантъ Фильдинга безъ его вольностей, юморъ Смоллета безъ его жесткости. Это большое превосходство, вмѣстѣ съ новостію и обширностію поприща, на которое онъ вступилъ, скоро доставило ему извѣстность и славу. Впрочемъ, этотъ результатъ произошелъ не отъ одного достоинства сочинителя, какъ оно ни велико, но также отъ ловкости, съ которою онъ умѣлъ достигнуть успѣха, и отъ самолюбія читателя. Знатные и имѣющіе все радовались столь вѣрной картинѣ нравовъ средняго класса, который былъ для нихъ «*Новымъ свѣтомъ*»; чтеніе Диккенса было для нихъ тоже, что путешествіе за границу. Они говорили себѣ: «Какъ эти люди непохожи на насъ!» Люди средняго класса были также во-схищены: каждый изъ нихъ находилъ портретъ своего сосѣда, но никто не узнавалъ самого себя.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

Распространеніе газетной дѣятельности.—Сchapbook—literatur.—Фабричное заготовленіе картинъ для простаго народа и для заграничной торговли.—Фабричная поддѣлка картинъ.—Училища и учрежденія для образованія вкуса народа.—Эстетическое вліяніе германцевъ и французовъ.—Показанія бѣднаго проповѣдника.

Предоставленіе періодическимъ изданіямъ большей свободы не про-

извело еще въ Лондонѣ ни одной дѣльной газеты, а только подало поводъ къ изданію нѣсколькихъ иллюстрированныхъ мерзостей, которыя появляются въ еженедѣльныхъ выпускахъ. Владѣльцы газеты «Daily News», которая подвергалась разнымъ колебаніямъ и была то либеральною, то министерскою и т. д., пытаются издавать вечерній листокъ: «The Express», въ двадцать два столбца, за два пенса; слѣдовательно это очень дешевый товаръ. Взглядъ на предметы, мнѣнія и правила въ программѣ непоказаны. Да развѣ двадцати-двухъ столбцевъ за два пенса недостаточно? Кто-же станетъ требовать еще взгляда или правиль? Практично, практично! Много товара за малые деньги, много тряпокъ, много черной краски и какъ можно менѣе бѣлизны. «That 'll do».

Впрочемъ о литературѣ не можетъ быть рѣчи, если не умѣть осмотрѣться въ низшихъ и самыхъ низкихъ кругахъ ея, въ которыхъ она и теперь сильно движется.—Я уже часто это дѣлалъ, и пользуюсь случаемъ представить вкратцѣ мои изслѣдованія и наблюденія въ кругу, который называютъ «Charbook-literature» (розничная, разносная, мелочная литература); тѣмъ болѣе, что какъ, слава Богу, вскорѣ можно будетъ причислить ее къ умершимъ, то описаніе ея составляетъ обязанность историко-литератора. Прежде простой народъ имѣлъ собственно для себя литературу и искусство, подобно тому, какъ было во Франціи до самыхъ послѣднихъ временъ. Наряженный министромъ полиціи Мона особый ценсурный комитетъ долженъ былъ просмотрѣть каждую книгу, подлежащую разноскѣ. Представлено было неменѣе 7500 сочиненій, изъ которыхъ три четверти безусловно осуждены. Кромѣ-того знаетъ каждый, кто бывалъ въ Holywellstreet въ Лондонѣ, сколько милліоновъ книгъ и картинокъ, которыя вовсе не просматриваются цензурою и даже при самой необузданной свободѣ книгопечатанія страшатся дневнаго свѣта, выдѣлываются въ Парижѣ и оттуда развозятся по всему міру. Книжки и статейки безнравственнаго, низкаго и грубаго содержанія, шутки, продѣлки, приключенія сорванцовъ находили прежде немѣстную публику между ворами, преступниками и безпутными людьми. Приключенія Скогана», «Приключенія Буханана», «Жакъ Шепардъ» (теперь передѣланный на театральную пьесу), «Стальные сердца», «Ньюгетскій календарь» и множество скверностей въ этомъ родѣ, предсказанія, статейки о пилюляхъ, съ превознесеніемъ ихъ свойства, пѣсни съ картинками въ 16 долю листа, пѣсни, исполненныя острою, рюмованные рассказы объ убійствахъ, и въ особенности милліоны листовъ «Religions Tract Society» затмѣваютъ и помрачаютъ еще голды низшихъ классовъ народа. Едвали можно пройти одну улицу въ

Лондонѣ, въ которой-бы вамъ даромъ не совали въ руки, а иногда и въ карманы, объявленія о лекаряхъ, вѣрно и строго сохраняющихъ секретъ совѣщателей для извѣстныхъ болѣзней и маленькія статейки религіознаго содержанія. О Holywellstrett и Paternoster-Row нечего и говорить; замѣчу только мимоходомъ, что приличнымъ людямъ, которые не смѣютъ показать себя въ Holywellstrett, скрытно подсовываютъ на другихъ улицахъ книги въ запечатанныхъ пакетахъ, за что они, аткже скрытно, уплачиваютъ десять шиллинговъ. Естественно, что приличіе не позволяетъ покупателю сорвать печать, пока онъ не запретя въ своей комнатѣ, и тогда нерѣдко случается, что онъ находитъ дюжины двѣ статейки «Tract Society». Какая ѣдкая нравственная и литературная эпиграмма—выдавать религіозныя статейки за безчинство, чтобы такимъ образомъ пускать ихъ въ ходъ и выручать съ нихъ деньги.

Дѣйствительно въ Англіи уже многое улучшилось, и дешевые журналы и книги, если не серьезнаго, то, по-крайней-мѣрѣ, приличнаго содержанія, все болѣе и болѣе вытѣсняють Chapbook-literature; но еще на каждомъ ночномъ рынкѣ въ Лондонѣ держится множество «летучихъ книгопродавцевъ», сбывающихъ неприличныя, суевѣрныя и грубыя статейки, напечатанныя на заверточной бумагѣ. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ многіе годы въ извѣстныхъ захолустьяхъ. Я упомяну здѣсь только о книжной лавкѣ, каждый день вновь устраниваемой возлѣ рѣшетки Custon-Square; эта лавка заключаетъ въ себѣ огромное собраніе грязныхъ, нравственно и физически замаранныхъ лоскутковъ, почти всегда съ гадкою картинкою и съ заглавіемъ: «Пѣсни и шутки», которые сбываетъ обанкрутившимся извозчикамъ, пьянымъ прлаудцамъ, карманнымъ ворами и уличнымъ бродягамъ. Въ Германіи и на всемъ материкѣ такое поприаніе вкуса и просвѣщенія не было-бы терпимо даже и безъ содѣйствія полиціи, даже и весною 1848 года, на одну четверть часа. У Англичанъ твердая кожа, и они думаютъ, что и у другихъ она такова, такъ, что еще и нынѣ въ Индіи фактически примѣняются *наперстные тиски* къ неисправнымъ плательщикамъ податей, и за нѣсколько дней передъ симъ въ Альдержатскомъ лагерѣ засѣкли двухъ солдатъ девятихвостною кошкою, потому только, что думали, что кожа этихъ солдатъ можетъ перенести болѣе, чѣмъ это оказалось на дѣлѣ. Стоитъ только подумать о *пыткѣ*, употребляемой сборщиками податей въ Индіи, о *кнути* на защитниковъ отечества, и это предохранить отъ опасности получить слишкомъ высокое понятіе объ общественномъ, офиціальномъ просвѣщеніи Англіи.

«Снар» или разносная, мелочная литература напоминаетъ мнѣ объ

искусствѣ «*Char-picture*» (дешевая живопись), издѣлими котораго наводняются не только хижины и дома всего края, но и чужія страны. Послѣ того, какъ Гогартъ, создавъ искусство представлять на картинахъ разныя сцены домашней жизни и писать вывѣски, возбудилъ охоту къ картинамъ, какой-то художественный геній изобрѣлъ фабричную живопись масляными красками на стеклахъ двойкой величины: 14 и 11, да 14 и 21 дюймъ въ длину и ширину. Въ домахъ деревенскихъ жителей Англiи стѣны покрыты такими масляными картинами, которыя также довольно распространены въ Испанiи, въ Португалiи, у просвѣщенныхъ негровъ и пр. Въ католическихъ странахъ онѣ изображаютъ религіозные предметы. Хотя, по словамъ главнаго фабриканта Даубгама, это искусство сократилось до двадцатой доли прежняго своего развитiя; но за всеѣмъ тѣмъ онъ получаетъ еще постоянно славные барыши. Родъ его живописи считается тайною даже для настоящихъ художниковъ, но я могу похвастаться, что разгадалъ его почти съ перваго взгляда. На заднемъ дворѣ дома устроена обширная мастерская, въ которой одна сторона вся состоитъ изъ оконъ. При входѣ поражаетъ васъ тяжелая вонь протухлаго деревяннаго масла, которое дюжина мальчиковъ и дѣвочекъ размазываетъ на стеклѣ. Тонкія оконныя стекла, все тѣхъ-же размѣровъ, какъ во времена Гогарта, сперва чистятся, а потомъ покрываются скиндарнымъ лакомъ, который скоро высыхаетъ, такъ что картинку можно тотчасъ-же перенести, съ помощію руки и губки, съ бумаги на лакъ, при чемъ остаются на немъ все краски картинки, и нужно только дать ей грунтъ. Съ этой цѣлью ставятъ какихъ-нибудь двадцать такимъ образомъ подготовленныхъ стеколъ за одинъ разъ на козлы, обращая сторону, покрытую лакомъ, къ свѣту; каждый мальчикъ — каждая дѣвочка принимаетъ за свои горшки съ краскою: Томъ — красною, Дикъ — зеленою, Билль — бурю, Мери — голубою, Яне — изображающею сіяніе луны, и т. п., а также за щетинныя кисти, и размазываютъ, какъ попало, краски на противоположной сторонѣ стекла. Ясно, что это высшій родъ потишоманiи. И вотъ оно это таинственное искусство фабричнаго производства масляныхъ картинъ, которому свѣтъ столь долго удивлялся. Можно-бы думать, что этимъ таинственнымъ способомъ удастся произвести только самое грубое пачканье; но нѣтъ: почти все картины, когда смотрѣть на нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, имѣютъ довольно красивый и правильный видъ. Разительныя границы между красками изглаживаются; цвѣта пополняются одинъ другимъ, всеѣмъ сходно съ природою, и какъ въ нихъ не бываетъ недостатка, а размазка дѣлается руками, имѣющими удивительный навыкъ, очень скоро (пока лакъ не высохнетъ) и вѣрно, то каждыя

15 или 20 минутъ возникаетъ 20 готовыхъ настоящихъ масляныхъ картинъ, для которыхъ другія руки заготовляютъ фабричнымъ образомъ рамки, и всѣ онѣ сбываются дюжинами (по восьми шиллинговъ за дюжину безъ рамокъ) разнощикамъ и торговцамъ, которые уже распродаютъ ихъ, большею частію попарно (по шести или семи шиллинговъ за пару, въ рамкахъ) въ городахъ и деревняхъ. Сверхъ-того Г. Даубгамъ разсы- лаетъ множество приготовленныхъ такимъ способомъ образовъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ въ католическія страны. Для пересылки въ Италію, Испанію, Португалію и Африку, къ обращеннымъ въ хри- стианскую вѣру неграмъ, картинки укладываются въ нарочно для того изготовляемые ящики, между бумагою, древесными опилками и т. п., такъ, что онѣ могутъ избѣжать всякой опасности въ дорогѣ. Это таин- ственное искусство становится еще болѣе замѣчательнымъ, когда чи- таешь возгласы англійскихъ путешественниковъ, которые въ Италіи, Испаніи и пр. съ удивленіемъ любятъ этими образамъ, и никто изъ нихъ не подозрѣваетъ, что они дѣлаются въ Лондонѣ, на фабрикахъ Г. Шмиргейма, «въ Кожаномъ-переулкѣ», и у его товарищей.

Я сказалъ, что эта живопись масляными красками на стеклѣ приш- ла въ упадокъ, но это не послужило въ пользу живописи на холстѣ. И здѣсь фабричное производство и копированіе распространено въ ужаснѣйшихъ размѣрахъ, но не ограничено честнымъ, стереоти- чнымъ искусствомъ Даубгама и другихъ мастеровъ, которые въ-продол- женіе столѣтій рассылаютъ повсюду свои оконныя стекла, и тѣмъ доволь- ствуются; напротивъ того фабриканты масляныхъ картинъ на холстѣ крадутъ извѣстные оригиналы старинныхъ и нынѣ живущихъ художни- ковъ, и ежедневно производятъ картины, которымъ по виду сто и болѣе лѣтъ. Они съ такою же дерзостію снимаютъ копіи съ Ландзера, какъ и съ Мурильо, Рафаэля и Тиціана, и нерѣдко бывало, что богатые лорды и джентльмены, имѣвшіе свободный выборъ между подлинника- ми и копіями, избирали послѣднія и платили за нихъ сотни гиней, по- тому-что копіи представляются обыкновенно менѣе поврежденными, не- жели подлинники. Лондонъ и вся Англія удивительно богаты этими ста- рыми, грязными лавками, въ которыхъ производится продажа рѣдкостей. Въ этихъ лавкахъ, изъ которыхъ одну Диккенсъ описалъ, дремлетъ подъ кровомъ пыли и грязи старый хламъ мебели и картинъ, и изъ него охот- ники до рѣдкостей, въ особенности водящіяся въ Англіи, вытаскиваютъ по временамъ то ту, то другую достопримѣчательность. Кромѣ поддѣ- лочныхъ и копировальныхъ фабрикъ, есть еще особая художественная школа, которая пишетъ картины для готовыхъ рамокъ, за плату, сораз- мѣрную съ числомъ локтей (по полубронѣ за квадратный локоть). Худо-

жникъ, вмѣстѣ съ рамками, получаетъ и холстъ, на которомъ грунтъ уже наложенъ; напр. для пейзажей, освѣщенныхъ луною, на холстъ наложена свинцоваго цвѣта краска; для восхода и заката солнца—оранжевая, для зимнихъ видовъ бѣлая и т. д., такъ, что ему остается только набросить на грунтъ, смѣлыми размахами кисти, свѣтъ и тѣнь. Я самъ знаю здѣсь одного художника, который получалъ нерѣдко отъ торговцевъ картинами по пяти гиней въ недѣлю, хотя плата его составляла только полкроны за квадратный локоть. Это кажется баснословно; но слѣдуетъ принять во вниманіе, что онъ мастерски приготовленъ былъ къ этому дѣлу: у него иногда сотни локтей холста подвергались обработкѣ въ одно время, и потому онъ не терялъ ни минуты въ ожиданіи, пока краска высохнетъ.

Но кто покупаетъ эту набросанную на холстъ масляную краску при этомъ повсемѣстномъ образованіи и западномъ просвѣщеніи? Я припоминаю себѣ одну нѣмецкую книгу, говорящую объ англійскомъ искусствѣ (кажется сочиненіе Франца Куглера). Въ этой книгѣ приисывается англо-саксамъ извѣстный физическій недостатокъ вкуса, такъ что они, даже при навыкѣ и образованіи, не могутъ развить въ себѣ эстетическое чувство. Въ этомъ мнѣніи есть много правды. По-крайней-мѣрѣ накопленное въ Лондонѣ, отчасти великолѣпное и баснословно дорогое безвкусіе въ архитектурѣ, памятникѣхъ, предметахъ роскоши, платьяхъ, мебели и пр. служить тому доказательствомъ. Притомъ-же обогатившійся промышленникъ, фабрикантъ, пивоваръ, мясникъ и т. п., — а здѣсь ежедневно обогащаются необразованные люди, — желаетъ какъ можно скорѣе и дешевле наполнить drawing-roomъ масляными картинами. У него довольно денегъ, но нѣтъ силы рѣшиться издержать отъ 1000 до 6000 рублей за одну картину, и такъ онъ покупаетъ себѣ старыя, большія, вновь вызолоченныя рамы и соразмѣрное количество намазаннаго холста, и видитъ вдругъ себя окруженнымъ дожиною большихъ картинъ, хотя все это великолѣпіе не стоило ему столько, сколько стоили портреты его жены и дѣтей. Еще надобно замѣтить, что братъ Юнатанъ охотнѣе покупаетъ произведенія искусства по ихъ величинѣ, и что наконецъ образованіе распространяется между остъ-и вестъ-индійцами, между неграми и готтентотами столь быстро, что на заграничныхъ рынкахъ получается вдесятеро больше барыша за то, что можетъ произвести домашнее искусство. Въ этомъ направленіи Англія выказываетъ достойную дѣятельность. Хрустальный дворецъ, величайшее чудо нашего столѣтія, возникъ чисто изъ спекуляціи на возрастающую потребность народа въ образованіи вкуса. Странствующие музеи, галереи и постоянные музеи въ провинціяхъ, высшія училища и художественные

институты учреждены вездѣ въ-теченіе послѣднихъ четырехъ или пяти лѣтъ, съ намѣреніемъ даровать массѣ народа вкусъ, понятіе о прекрасномъ и образованіе. Но если въ головахъ англо-саксовъ заключается органической недостатокъ, какъ это утверждаетъ нѣмецкій эстетикъ, то никакія училища не пособятъ, тѣмъ болѣе, что всепоглощающая народная страсть наживать деньги всегда портитъ плоды эстетическаго образованія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что эстетическое вліяніе Германіи и Франціи постоянно возрастаетъ въ Англій; но возбуждаемая этимъ вліяніемъ потребность въ прекрасномъ можетъ теперь быть удовлетворена только нѣмецкими и французскими живописцами, малярами, рисовальщиками узоръ, чеканщиками, моделлистами, портными, сапожниками, механиками, часовыми мастерами и даже булочниками. Да, даже и булочниками. Здѣсь сотни нѣмецкихъ булочниковъ, и англичанинъ долженъ посылать только къ нимъ, если захочетъ поставить на столѣ красивое пирожное, а не національный четвероугольный пирогъ Quartern-Loaf, въ которомъ нынѣ, по національному способу приготовленія, заключается менѣе муки, нежели гипсу, древесныхъ опилокъ, толченыхъ костей, квасцовъ, поташа и испорченнаго воздуха. Вообще въ Англій въ настоящее время все ложно, начиная съ политики лорда Пальмерстона и до конфетъ, которыми нѣжная мать зажимаетъ ротъ кричащему ребенку.

Еще слѣдуетъ упомянуть здѣсь объ одномъ сочиненіи, раскрывающемъ самую испорченную сторону жизни англичанъ; оно имѣетъ заглавіе: «Показанія бѣднаго проповѣдника» (Revelations of a poor Curate) и написано Викенденомъ. Что настоящіе, т. е. дѣйствительно исполняющіе свои обязанности англійскіе духовники иногда терпятъ голодь и содержатся подаваніемъ, тогда какъ епископы и продавцы мѣстъ получаютъ тысячи фунтовъ стерлинговъ, тѣхъ именно фунтовъ, которые назначены собственно проповѣдникамъ—это извѣстно; но едва-ли кто, неознакомленный ближе съ этими обстоятельствами, повѣритъ, что продажность и симонія могутъ дойти до такой наглости и безстыдства, какъ это пояснено и подробно изложено въ этомъ сочиненіи. Что сказать про списокъ проповѣдниковъ, которые просили у зажиточныхъ сосѣдей *изношеннаго платья*? Это нищенство легко объясняется положеніемъ проповѣдниковъ, которые, будучи обременены большимъ семействомъ, получаютъ въ годъ сорокъ или пятьдесятъ фунтовъ жалованья, а часто не имѣютъ вовсе ничего (когда они состоятъ на службѣ кандидатами на повышение и только иногда получаютъ пару шиллинговъ за проповѣдь или за исполненіе другой духовной обязанности). Лондонскій епископъ имѣетъ слишкомъ миллионъ фунтовъ дохода; другіе епископы получаютъ также

соразмѣрное содержаніе; но они не могутъ отказаться даже и отъ самой малой части своихъ доходовъ, потому-что у нихъ нѣтъ дѣла, а человекъ изъ высшаго сословія, оставаясь празднымъ, всегда болѣе нуждается въ деньгахъ, нежели еслибы онъ имѣлъ занятіе. Жалобы на безстыдную жадность епископовъ и завѣдующихъ церковными должностями, а также на бѣдность и нищенство дѣйствительныхъ проповѣдниковъ и т. п., уже стары и составляютъ постоянный предметъ разсужденій нѣкоторыхъ газетъ; но сила «свободнаго книгопечатанія» производить здѣсь такое-же дѣйствіе, какое я нашелъ въ политическомъ кругу: никто не имѣетъ довѣрія къ голосу печати, который обыкновенно издають люди, не принадлежащіе къ аристократіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Историческія сочиненія профессора Амари и князя Бутера о Сициліи—Физиологическія наблюденія надъ смертною казнію.—Топографическій словарь Сардиніи.—Разсужденіе профессора Фарина о монастыряхъ въ Сардиніи.—Лекціи европейской исторіи профессора Рикотти.—Письма Тасса.—Дидактическая поэма объ оперныхъ либретто.—Графъ Цезарь Салуццо.—Имаровизаторъ Ригальди.

Профессоръ Амари, одинъ изъ ученыхъ, которые оставили Сицилію въ-слѣдствіе бывшаго тамъ, въ 1848 году, мятежа, обработалъ важную часть исторіи этого острова—періодъ владычества мусульманъ въ Сициліи. Въ прошедшемъ году изданъ первый томъ этого сочиненія, который заключаетъ въ себѣ исторію Сициліи отъ покоренія ея мусульманами до 900 года. Сочинитель уже прежде пользовался со всею точностію историческими источниками своего отечества, и нынѣ представилъ вѣрную картину жизни арабскаго народа, который превосходилъ тогда всѣ остальные націи своимъ образованіемъ. Императоръ Фридрихъ II, изъ дома Гогенштауфеновъ, умѣлъ цѣнить уцѣлѣвшіе въ Сициліи остатки арабскаго просвѣщенія, но Папа ставилъ ему это въ укоръ.

Другой сицилійскій ученый, князь Требія-Бутера-Скордіа, написалъ исторію Сициліи ввремя владычества Швабскаго дома. И онъ живетъ изгнанникомъ въ Генуѣ, также какъ Амари и Ондесъ-Реджіо. Последній отличился философскими трудами въ генуэзской академіи, основанной бывшимъ министромъ папскаго двора, графомъ Мамміани-делла-Рovere.

Туринскій врачъ Борелли и товарищъ его Цамбіянки издали физиологическія наблюденія надъ смертною казнію. По замѣчаніямъ ихъ, обыкновенная въ Сардиніи смертная казнь посредствомъ висѣлицы, употреблен-

тельная также и въ Англіи, гораздо мучительнѣе обезглавленія, потому-что повѣшенный не всегда тотчасъ-же умираетъ. Борелли издаетъ въ Туринѣ медицинскую газету, которая считается лучшею въ Италіи. Бреславльская Леопольдо-Каролинская Академія естественныхъ наукъ приняла его недавно въ число своихъ членовъ.

Топографическій словарь Сардиніи заслуживаетъ своею полнотою всеобщее одобреніе. Въ немъ заключается 22000 статей, напечатанныхъ на 1367 страницахъ въ 8-ю долю листа.

Представленный сардинскими министрами на разсмотрѣніе палаты проектъ закона о закрытіи нѣсколькихъ монастырей былъ предметомъ многихъ литературныхъ статей, между которыми одна—профессора Фарина—заслуживаетъ особеннаго вниманія. Уже зъ заглавіи книги сказано, что духовныя имѣнія составляютъ дѣйствительную собственность народа. Сочинитель былъ прежде издателемъ одной весьма уважаемой статистической газеты и сотрудникомъ въ обработкѣ статистики въ Сициліи. Въ 1848 году онъ состоялъ въ числѣ членовъ неаполитанскаго парламента, а нынѣ занимаетъ въ туринскомъ университетѣ кафедру политической экономіи.

Профессоръ новой исторіи въ томъ-же университетѣ Рикотти, сочинитель «Руководства къ исторіи Европы и въ особенности Италіи», которое появлялось уже въ двухъ изданіяхъ и въ скоромъ времени было распродано, изготовилъ недавно новое изданіе этой книги, въ трехъ томахъ. Въ первомъ томѣ заключается исторія среднихъ вѣковъ со времени паденія Западной Римской Имперіи до 1492 года, т. е. до открытія Америки и до рожденія наукъ и искусствъ, послѣ уничтоженія ленной системы. Сочинитель обратилъ при этомъ особенное вниманіе на исторію государственнаго устройства европейскихъ державъ и на ходъ просвѣщенія. Онъ доказываетъ, что во время всемірнаго господства Рима италіянскіе города имѣли собственное управленіе, и что хотя въ куріяхъ демократическое начало мало-по-малу должно было уступить вліянію именитыхъ гражданъ (оптиматовъ), однако избраніе городскихъ чиновниковъ и надзоръ за ихъ дѣйствіями всегда принадлежали преимущественно демократіи. Потомъ возникли цехи и товарищества, которыя противодѣйствовали оптиматамъ, и хотя сначала были запрещены, но уже въ V столѣтіи имѣли свои уставы, управленіе и общественныя имущества, за что однако обязаны были нести нѣкоторыя повинности; такъ напр. цехъ скорняковъ въ Римѣ долженъ былъ содержать пожарную команду. Исторія среднихъ вѣковъ раздѣлена сочинителемъ на слѣдующіе періоды: со времени вторженія варваровъ, въ 476 году, до образованія Лонгобардскаго королевства, въ 568 году, потомъ

до образованія монархіи Франковъ, въ 773 году; послѣ паденія ея въ 888 году возникла феодальная система, которая существовала до 1152 года, когда города Италіи получили первенство; около 1309 года города эти происками папской власти были лишены своей самостоятельности и вошли въ составъ разныхъ княжествъ и державъ, которыя вслѣдствіе лѣнной системы уничтожили могущество кесарей. — Второй томъ, заключающій въ себѣ исторію Европы до французской революціи, раздѣленъ на три части: сперва Испанія и Франція находились въ политическомъ равновѣсіи, до 1559 года, т. е. до мира въ Камбре, потомъ Испанія получила верхъ, по-крайней-мѣрѣ въ Италіи, наконецъ политическое первенство перешло къ Австріи. Въ исторіи реформаціи сочинитель показываетъ большое безпристрастіе и вѣротерпимость, и не скрываетъ каноническихъ злоупотребленій. Въ третьемъ томѣ изложена новѣйшая исторія, отъ французской революціи до 1815 года. Нѣкоторые желали-бы исключить этотъ послѣдній періодъ совсѣмъ изъ историческихъ книгъ; но въ Испаніи, а въ особенности въ Піемонтѣ, гдѣ высшее общество вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе образованное, автору не было нужды умалчивать о случившихся въ томъ періодѣ историческихъ происшествіяхъ.

Почитателямъ Тасса будетъ очень пріятно узнать, что изданіе писемъ его, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, уже окончено. Цезарь Гуасти оказалъ этимъ изданіемъ большую услугу литературѣ.

Замѣчательно, что въ неаполитанскомъ королевствѣ отвлеченныя философскія нуаки процвѣтаютъ болѣе, чѣмъ въ другихъ италіанскихъ государствахъ. Молодой неаполитанецъ Бончи издалъ недавно въ Туринѣ переводъ Аристотеля. Онъ посвятилъ себя единственно занятіямъ этого рода и служить новымъ примѣромъ, какъ въ Италіи богатые люди живутъ только для наукъ, а не науками, съ которыми въ другихъ странахъ обращаются иногда какъ съ дойною коровою.

Извѣстно, что оперныя либретто обыкновенно не отличаются своимъ литературнымъ достоинствомъ: «поэтъ Кацціалуши намѣренъ исправить этотъ недостатокъ, и возвысить оперную литературу до поэзіи. Онъ сочинилъ дидактическую поэму, въ которой излагаетъ причины упадка мелодрамы въ XIX столѣтіи и совѣтуетъ въ сочиненіяхъ этого рода слѣдовать правиламъ классической поэзіи.

Биографія графа Цезаря Салуццо, сочиненіе Кабетти, принята очень хорошо, потому-что она описываетъ жизнь мужа, оставившаго послѣ себя славныя воспоминанія. Графъ Салуццо происходитъ изъ рода князей того-же названія, которые, по примѣру другихъ имперскихъ чиновъ, сдѣлались во времена лѣнной системы государями ввѣренныхъ ихъ упра-

вленію провинцій. Онъ получилъ воспитаніе за нѣсколько времени до французской революціи, когда знатнѣйшіе молодые люди въ Пиемонтѣ стремились къ тому, чтобы превосходить всѣхъ ученостію. Салуццо послѣдовалъ ихъ примѣру: посвятивъ себя наукамъ, онъ былъ сперва дѣятельнымъ членомъ туринской Академіи наукъ и отличился многими историческими и этнографическими трудами; потомъ, по возстановленіи королевства, поступилъ въ военную службу, и вскорѣ сдѣланъ былъ директоромъ военно-учебныхъ заведеній, а наконецъ фельдцейхмейстеромъ артиллеріи и президентомъ Академіи наукъ. Его ученые сочиненія достаточно извѣстны.

Одинъ изъ лучшихъ италіанскихъ импровизаторовъ нашего времени безспорно Ригальди, изъ Варалло, близъ Новарры. Онъ поступилъ было въ туринскій университетъ, съ намѣреніемъ обучаться правовѣднію; но его слишкомъ поэтическія чувства не находили нищъ въ сухихъ юридическихъ наукахъ. У него, какъ у Овидія, все становилось поэзіею. Въ-продолженіе лекцій онъ писалъ поэму о войнѣ; это не могло быть допущено, и онъ долженъ былъ оставить юридическое поприще. Вскорѣ потомъ развился его талантъ къ импровизаціи, которымъ онъ восхищаль публику въ Римѣ, Флоренціи и Неаполѣ, а равно и во многихъ другихъ городахъ Италіи. Въ Парижѣ встрѣтило его самое высокое торжество. Ламартинъ и Викторъ Гюго кричали объ немъ; но въ особенности слава его возрасла, когда, по желанію Жоржа Занда, онъ сочинилъ стихи о табачномъ дымѣ. Въ-послѣдствіи онъ совершилъ ученое путешествіе въ Нубію и на Востокъ, и по возвращеніи поселился въ Туринѣ, гдѣ началъ издавать собраніе превосходныхъ стихотвореній. Наибольше нравится гимнъ Богу, сочиненный имъ на Этнѣ, ввремя изверженія ея въ декабрѣ 1842 года. Путешествія его доставили ему также обильный предметъ для стихотвореній, напр. Оивы въ Египтѣ, ночь на Адриатическомъ морѣ. Въ Сициліи, въ Калабріи онъ видѣлъ храмовой праздникъ, который торжествуютъ 1 апрѣля каждаго года, въ воспоминаніе побѣды, одержанной надъ Сарацинами въ 1093 году съ помощію Божіей Матери, которая низошла съ небесъ и поражала невѣрныхъ. При крестномъ ходѣ духовенство выноситъ за городъ изваянное изображеніе Богородицы, вооруженной латами и копьемъ. Это подало поводъ къ превосходному стихотворенію, полному христіанскаго вдохновенія.

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

КИТАЙСКИЕ АКТЕРЫ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ. Жалобы на грубое, недостойное обращеніе янковъ съ иностранцами въ настоящее время очень обыкновенны. Обиды, нанесенныя жителями Луввиля переселенцамъ изъ Германіи и Ирландіи, возбудили негодованіе всей Европы. Новую черту характера янковъ представляетъ намъ разказъ одного китайца, помѣщенный въ издаваемой въ Санъ-Франциско китайской газетѣ «Tung-Ngai-San-Luk». Вотъ онъ:

«Театральная труппа изъ Тунгъ-фокъ-Тонгъ, состоящая слишкомъ изъ 120 лицъ, отправилась въ іюнѣ 1852 года изъ Кантона въ Санъ-Франциско, куда прибыла въ августѣ того-же года. Въ-продолженіе пяти или шести мѣсяцевъ, которые она тамъ пробыла, театральныя представленія ея имѣли многихъ посѣтителей изъ числа живущихъ въ Санъ-Франциско китайцевъ; потомъ нѣкто Жоржъ Бичъ сдѣлалъ директору труппы Ли-Куну предложеніе переселиться въ Нью-Йоркъ и устроить тамъ театръ близъ хрустальнаго дворца. Такъ какъ предложеніе это многимъ актерамъ понравилось, тѣмъ болѣе, что ихъ увѣрили въ блестящемъ успѣхѣ, то Ли-Кунъ и часть труппы приняли вызовъ г. Бича и К^о и заключили съ нимъ, 19 марта 1853 года, контрактъ, срокомъ на десять мѣсяцевъ. По условіямъ контракта, труппа должна получать ежемѣсячно впередъ, въ-теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ по 6000 долларовъ и въ послѣдніе четыре мѣсяца по 7000 долларовъ. Кромѣ-того было постановлено, что двухмѣсячная плата, т. е. 12000 доллар., должна быть вручена актерамъ до выѣзда ихъ изъ Санъ-Франциско, и что всѣ путевыя издержки, а равно и содержаніе труппы въ Нью-Йоркѣ, будутъ отнесены на счетъ Бича и К^о.

«Векорѣ однако послѣ заключенія контракта, г. Бичъ, не имѣя средствъ собрать сполна сумму 12000 дол., просилъ директора Ли-Куна довольствоваться на первый разъ 10000 дол., и обѣщалъ отдать ему остальные 2000 дол. въ концѣ перваго мѣсяца театральнаго сезона. Ли-Кунъ на то согласился и въ обезпеченіе полученныхъ имъ денегъ передалъ Бичу весь театральный гардеробъ, который долженъ былъ вмѣстѣ служить залогомъ, что труппа въ точности исполнитъ принятыя на себя по контракту обязанности. 27 апрѣля 1853 года труппа отправилась съ г. Бичемъ и К^о на мѣсто своего назначенія. По прибытіи туда, китайцы, къ изумленію своему, узнали, что гардеробъ ихъ заложенъ у владѣльцевъ парохода гг. Девиса и Брука, вѣроятно потому, что Бичъ и К^о были не въ состояніи заплатить этимъ

лицамъ условленную сумму 6000 дол. за проѣздъ свой и театральнoй труппы. Для возвращенiя труппы гардероба, безъ котораго она не могла давать представлений, содержатели Ниблоскаго сада (заведенiя въ родѣ Излерова) поручились въ уплатѣ гг. Девису и Бруку 6000 дол., Ли-Кунъ-же и общество его были до того простодушны, что скрѣпили своею подписью это поручительство, значенiе котораго было имъ тогда неизвѣстно и уже въ-послѣдствiи объяснено однимъ адвокатомъ.

По полученiи гардероба, китайцы начали свои представленiя въ театрѣ Ниблоскаго сада. Къ несчастiю, эти представленiя не пришлись по вкусу нью-йоркской публики. Уже на второй недѣлѣ посѣтителей не было и предпрiятiе оказалось вполне неудачнымъ. 26 мая 1853 года актеры дали послѣднее представленiе, въ пользу директора Ли-Куна. Сборъ въ этотъ разъ былъ немаловаженъ, но Бичъ спряталъ деньги въ карманъ и исчезъ, оставя китайцевъ въ Шекспировой-гостинницѣ, гдѣ онъ ихъ помѣстилъ, безъ всякихъ средствъ содержанiя.

При такомъ затруднительномъ положенiи китайцевъ нашелся человекъ, по имени Белей, который брался перевезти ихъ на островъ Кубу, съ тѣмъ, чтобы они работали тамъ на его плантацiи, въ-продолженiе восьми мѣсяцевъ, за плату по 4 дол. въ мѣсяцъ на человека; но никто изъ нихъ не могъ рѣшиться на эту унизительную невольничью работу. Сколько благороднаго человеколюбiя нужно было для того, чтобы воспользоваться нуждою, незнанiемъ и отчаянiемъ бѣдныхъ обманутыхъ американскими негодями артистовъ и пожелать обратить ихъ въ американскихъ рабовъ!

Едва только они отдѣлались отъ Белей, явились другiе, которые придумали планъ повидимому благонамѣренный—уплатить содержателю Шекспировской-гостинницы долгъ китайцевъ, и перевезти ихъ на родину. Но это были также негодяи и обманщики, которые употребляли китайцевъ для возбужденiя общественной благотворительности, и приношенiя ея клали въ свои карманы. Такъ напр. бухгалтеръ Шекспировой-гостинницы Вильямъ Лубочъ собралъ поднесками нѣсколько тысячъ долларовъ и увѣрилъ бѣдныхъ китайцевъ, что принадлежащiй г. Деннису въ Бостонѣ корабль отправится съ ними 27 октября и отвезетъ ихъ въ Китай даромъ, если только комиссаръ эмиграцiи снабдитъ ихъ на дорогу нужными припасами.

Назначенный срокъ пришелъ, но о кораблѣ и о г. Деннисѣ не было слуху, а потому и комиссаръ эмиграцiи не имѣлъ повода снабжать китайцевъ съѣстными припасами. Тогда китайцевъ выгнали изъ гостинницы и они, не видавшiе ни одного пфеннинга изъ собранныхъ въ пользу ихъ денегъ, были отправлены комиссаромъ на островъ

Вордсъ, гдѣ ихъ въ теченіе зимы содержали на общественный счетъ. Съ наступленіемъ весны однако велѣли имъ оставить островъ, и съ того времени они, безъ крова, средствъ и друзей, скитались нѣсколько мѣсяцевъ по улицамъ Нью-Йорка, претерпѣвая насмѣшки отъ черни и только изрѣдка находя сочувствіе въ благородныхъ сердцахъ. Наконецъ, одна дама сжалилась надъ ними и образовала комитетъ, который собралъ въ пользу ихъ полторы тысячи долларовъ.

Этотъ комитетъ выслалъ 20 китайцевъ, согласно ихъ желанію, въ Калифорнію и четверыхъ прямо въ Китай; прочіе-же, которые получили отъ миссіонера Сайлея наставленіе въ христіанскомъ вѣроисповѣданіи, остались въ Нью-Йоркѣ, на попеченіи общества.

Вотъ краткій разсказъ безчинствъ, которымъ подверглось въ Америкѣ общество иностранцевъ. Поступки Бича и К°, Вильяма Лубоча и Денниса не могутъ внушить китайцамъ высокаго понятія о столь превозносимыхъ за границею учрежденіяхъ и нравахъ сѣвероамериканцевъ. Китаецъ Леонъ Эгю говоритъ о томъ наввно слѣдующимъ образомъ: «Хотя Соединенные Штаты обширны, но человѣчеству они бесполезны, такъ какъ правительство тамъ вовсе не заботится объ иностранцахъ, которыхъ туземцы обманываютъ и обижаютъ».

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПУТЕШЕСТВІЙ БАРТА ПО АФРИКѢ. Этотъ путешественникъ, послѣ благополучнаго возврата, въ письмѣ г. Бунзену, отъ 9 ноября прошедшаго года, изъ Кано, говоритъ слѣдующее:

«Я-бы желалъ, чтобъ меня приняли въ Англіи и Германіи съ тѣмъ снисхожденіемъ, какое слѣдуетъ путешественнику, который сдѣлалъ все возможное для раскрытія предъ наукою и Европой неизслѣдованныхъ или несовершенно извѣстныхъ странъ центральной Африки. Правда, что мнѣ не удалось проникнуть въ экваторіальныя страны такъ далеко, какъ-бы я того желалъ; но за то Провидѣніе дозволило мнѣ изслѣдовать обширныя пространства Томбукту на западъ и Багирми на востокъ. Сперва я ознакомился съ чрезвычайно-занимательнымъ краемъ Аиръ или Асбенъ и столичнымъ его городомъ Агадесомъ; перешелъ за величественную рѣку Чадъ, въ верховья ея; снялъ на карту всю орошаемую этою рѣкою обширную и богатую страну Адамауа, страну, извѣстную прежде только по имени, а нынѣ открытую для европейскаго мореходства. Я нашелъ, что рѣка, которую маіоръ Денгемъ, видѣлъ при столпномъ городѣ Логгона, составляетъ только малый рукавъ большой, далѣе къ востоку протекающей рѣки, которая впадаетъ въ озеро Чадъ;

я осмотрѣлъ и снялъ на планъ обѣ эти рѣки на всемъ ихъ протяженіи; изготовилъ первое точное описаніе двухъ важныхъ королевствъ Багирми и Вадай и составилъ имъ карту. Наконецъ, по особому желанію лорда Пальмерстона, я направилъ свой путь къ западу, открылъ и вслѣдовалъ два большія государства Гандо и Гамдъ-Аллаги, которыя передъ тѣмъ даже и по имени не были извѣстны.

«Потомъ Всевышній охранялъ меня въ моемъ смѣломъ, но обдуманномъ путешествіи въ Томбукту, гдѣ я пробылъ около года и имѣлъ случай ознакомиться съ этимъ городомъ, справедливо называемымъ жителями «Царицею пустыни», а равно съ его исторіею, народонаселеніемъ и политическими отношеніями. Я собралъ самыя обширныя свѣдѣнія объ окрестныхъ странахъ и въ состояніи приготовить имъ точную карту.

«Затѣмъ я началъ обратное путешествіе и слѣдовалъ по теченію великолѣпной рѣки, по которой за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ путешествовалъ смѣлый шотландецъ Мунго-Паркъ, прорвавшійся сквозь флотилію туариковъ и другихъ народовъ юга, но наконецъ нашедшій тамъ смерть. вмѣстѣ съ нимъ погибли его бумаги и все свѣдѣнія объ этихъ странахъ. Я-же былъ столь счастливъ, что снискалъ дружбу жителей странъ, прибрежныхъ Великой рѣки, и получилъ отъ нихъ обѣщаніе, что впередъ англичане могутъ безпрепятственно посѣщать ихъ землю, водянымъ или сухимъ путемъ».

Утѣшительно то, что вмѣстѣ съ возвратомъ Барта пришли къ намъ извѣстія отъ доктора Фогеля, который посѣтилъ большой феллатскій городъ Якоба (10° 17' 30'' С. Ш. и 9° 28' В. Д. отъ Гринича), гдѣ еще не былъ ни одинъ европеецъ и откуда онъ предпринялъ дальнѣйшее путешествіе на югъ, въ землю Адамауа и къ высокой горѣ Алантика, чтобы потомъ, если возможно, проникнуть на сѣверозападъ, къ Вадаю.

Продолжительность человѣческой жизни. Въ природѣ ничто не предоставлено слѣпому случаю. Каждое дѣйствіе, каждое явленіе, каждое развитіе слѣдуетъ положительнымъ законамъ; каждое существо имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣятельности и свое назначеніе; каждый фактъ совершается въ извѣстное время, въ извѣстной степени и въ извѣстномъ направленіи; каждой вещи назначенъ предѣлъ. «До-тѣхъ-поръ, недалѣе этого» сказалъ Богъ не однѣмъ волнамъ, а всему, что живетъ, чувствуетъ и думаетъ. Каждому существу назначено время для разныхъ проявленій жизни, продолжительность которой, смотря по роду животныхъ, бываетъ весьма различна. Предѣлы времени, которыми ограничена жизнь человѣка, довольно обширны, но и въ нихъ замѣтно большое разнообразіе, происходящее отъ дѣйствія разныхъ при-

чинъ: отъ племени, къ которому принадлежитъ человѣкъ, отъ климата, въ которомъ онъ живетъ, и отъ многихъ другихъ условий. Неблагоприятныхъ обстоятельствъ, намъ угрожающихъ, нельзя и перечестъ; человѣкъ подверженъ большому числу болѣзней, нежели все животныя вмѣстѣ взятыя; наконецъ, къ физическимъ причинамъ, сокращающимъ жизнь его, присоединяются еще нравственныя: его страсти, пороки, душевныя страданія и трудъ, такъ, что опредѣлить нормальную продолжительность жизни людей весьма затруднительно. Къ счастью, физиологія, исторія и статистика, контролируя одна другую, могутъ облегчить отчасти разрѣшеніе этой задачи, которая составляетъ предметъ занятій многихъ ученыхъ, и съ начала нынѣшняго столѣтія до того подвинулась впередъ, что въ скоромъ времени можетъ быть разрѣшена окончательно.

Свѣдѣнія наши о продолжительности жизни животныхъ еще очень недостаточны. Возрастъ дерева можно съ точностію опредѣлить по числу его слоевъ, но возрастъ животныхъ не имѣетъ столь ясныхъ признаковъ. То, что мы знаемъ о продолжительности жизни животныхъ, почерпнуто изъ непосредственныхъ наблюденій, которыя, какъ ни затруднительны и медленны, необходимо должны быть повторяемы, для полученія сколько-нибудь вѣрныхъ данныхъ.

Должно полагать, что жизнь менѣе-совершенныхъ животныхъ коротка (многія изъ нихъ живутъ не болѣе нѣсколькихъ лѣтъ); впрочемъ нѣкоторыя породы рыбъ рождаются очень малыми, растутъ медленно и за всемъ тѣмъ достигаютъ значительной величины. Въ прудахъ Кесарей кормили муренъ до 60-ти-лѣтняго возраста. Если принять въ расчетъ, на сколько вѣсъ карпа увеличивается въ десять лѣтъ, то выходитъ, что нѣкоторые пойманные карпы имѣли болѣе ста лѣтъ отъ роду. Въ одномъ изъ прудовъ Лаутеренскаго-зѣмка поймана была, въ 1497 году, щука, вѣсомъ въ 350 фунтовъ, и въ жабрахъ ея найдено кольцо съ надписью, что она пущена въ прудъ по приказанію Императора Фридриха II, въ 1230 году, т. е. за 267 лѣтъ до того времени. Форстеръ говоритъ, что нѣкоторыя черепахи жили болѣе ста лѣтъ. Также и крокодилы считаются долголѣчными. По обыкновенному мнѣнію, нѣкоторыя птицы, какъ напр. орелъ, лебедь, воронъ, попугай, достигаютъ столѣтняго возраста. Гуфеландъ говоритъ въ своей «Макробиотикѣ», что соколъ, пойманный въ 1792 году, имѣлъ на шеѣ золотое кольцо, на которомъ были вырѣзаны слова: «Его Величеству Іакову, королю англійскому, 1610; слѣдовательно соколу этому было, по-крайней-мѣрѣ, 182 года отъ роду.

Но все эти данныя не имѣютъ положительной достовѣрности; гораздо точнѣе свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о продолжительности жизни

млекопитающихъ, и въ особенности домашнихъ животныхъ. Извѣстно, что лошадь живетъ 20 лѣтъ, верблюдъ 40, олень 35 и 40, волъ 15—20, собака 10—12, кошка 9 и 10 лѣтъ. Левъ достигаетъ 20-ти-лѣтняго возраста, заяцъ и кроликъ 7-ми и 8-ми-лѣтняго, морская свинка 6-ти и 7-ми-лѣтняго. Гигантской величины животныя: слонъ, иппопотамъ, носорогъ, китъ, вѣроятно, живутъ гораздо долѣе. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно, что существа, приближающіяся по устройству своего тѣла къ человѣку, живутъ несравненно короче нашего, «почему», какъ говоритъ Галлеръ, «наши постоянныя жалобы на кратковременную жизнь оказываются неосновательными».

Такъ какъ мы занимаемся здѣсь преимущественно челоѣческой жизнью, то, прежде изслѣдованій, постараемся устранить камень преткновения и поводъ къ заблужденію. Физиологи опредѣляютъ время жизни различно: одни ограничиваютъ ее 80-ю, другіе 80 и 90, иные даже 100 годами. Это различіе, кажется, произошло потому, что они почти всегда смѣшивали *обыкновенную* жизнь съ *естественною* или *нормальною*. Чтобы составить себѣ вѣрное и полное понятіе о продолжительности жизни, нужно разсматривать ее съ четырехъ различныхъ точекъ зрѣнія, т. е. различать продолжительность: *среднюю*, *обыкновенную*, *естественную* или *нормальную* и *ненормальную*.

Среднюю жизнь опредѣляемъ, раздѣляя сумму лѣтъ множества умершихъ людей всякаго возраста на число этихъ людей. Такимъ образомъ въ составѣ частнаго заключаются въ средней сложности всѣ болѣзни и вредныя для жизни обстоятельства, и оно изображаетъ число лѣтъ, которое можно назначить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ для жизни новорожденнаго.

Подъ *обыкновенною* продолжительностію жизни разумѣмъ время, прожитое людьми, которые избѣжали опасностей, угрожающихъ юношескому и зрѣлому возрасту. Это время оканчивается возрастомъ, котораго обыкновенно достигаютъ старики, и который составляетъ, нѣкоторымъ образомъ, ихъ среднюю жизнь.

Естественная или *нормальная* продолжительность есть срокъ, назначенный Богомъ для жизни челоѣка вообще. Нормальная жизнь прекращается единственно отъ дѣйствія старости, и предѣлы, въ которые она заключена, составляютъ для нея законъ. Но какъ предѣловъ этихъ достигаютъ только тѣ счастливыя, которые успѣли ускользнуть отъ вліянія неблагоприятныхъ обстоятельствъ, то законъ не всегда осуществляется на дѣлѣ, такъ, что даже общее правило природы можетъ показаться исключеніемъ.

Чрезвычайная или *ненормальная* продолжительность жизни состав-

ляетъ отступленіе отъ общаго закона, противоположное отступленію, произведенному преждевременною смертію, и крайній, исключительный предѣлъ, за которымъ слѣдуетъ уже невозможное.

Съ этихъ четырехъ точекъ зрѣнія слѣдовало-бы разсматривать продолжительность жизни каждаго обладающаго жизнью существа; но донинѣ изслѣдованія по этому предмету ограничивались наблюденіями надъ жизнью людей и даже однихъ европейцевъ. Только статистика опредѣляетъ *среднюю* продолжительность человѣческой жизни; *обыкновенную* продолжительность находимъ въ численныхъ данныхъ и *ненормальную* въ историческихъ фактахъ; фзіологія-же, съ помощію статистики и исторіи, должна способствовать намъ къ разрѣшенію задачи—опредѣлить *нормальную* продолжительность.

Посмотримъ сперва, чему учатъ насъ численные данныя въ отношеніи къ средней и обыкновенной продолжительности жизни. Выводы эти имѣютъ счастливое свойство дѣйствовать на умъ и внушать ему убѣжденіе. Цифра, говорятъ, составляетъ разительнѣйшее доказательство, и это дѣйствительно такъ, если предположить, что она есть вѣрное отраженіе факта. Но таково ли свойство статистическихъ цифръ? Въ этомъ можно сомнѣваться. Равнодушіе правительствъ, обширность дѣла, небрежность занимающихся имъ, недостаточность свѣдѣній, постоянный приливъ и отливъ народонаселенія въ большихъ городахъ,— все это производитъ невѣрность въ численныхъ данныхъ, къ которой присоединяются еще и умысленныя погрѣшности, въ-слѣдствіе мѣстныхъ или политическихъ видовъ. Вычисленія, произведенныя при такихъ условіяхъ, не могутъ затѣмъ имѣть притязанія на математическую точность; но и изъ нихъ можно вывести заключеніе, которое не очень далеко отъ истины.

Къ какому-же заключенію приводятъ насъ численные выводы?

Жизнь постоянно въ опасности и, смотря по возрасту, бываетъ больше или меньше ей подвержена. Въ первый періодъ жизни смертность весьма значительна. Во Франціи, изъ числа дѣтей умираетъ на первомъ году отъ рожденія шестая часть, до двухъ лѣтъ—пятая, до четырехъ лѣтъ—четвертая и до 14 лѣтъ—третья часть. Изъ ста родившихся остаются въ живыхъ:

спустя	2 года отъ рожденія	80	человѣкъ.
»	14 лѣтъ	»	» 68
»	42 года	»	» 50
»	69 лѣтъ	»	» 25
»	72 года	»	» 20
»	75 лѣтъ	»	» 16

До революціи Дювильяръ вычислялъ, что едва половина родившихся достигаетъ 20-ти-лѣтняго возраста; но Бьенэме (Bienaimé), который повѣрялъ со всею тщательностію рекрутскіе списки во Франціи, веденные съ 1823 по 1831 годъ, нашель, что число включенныхъ въ эти списки людей относится къ числу родившихся, по-крайней-мѣрѣ, какъ 60 ко 100, и этотъ выводъ совершенно согласуется съ наблюденіями Мильне о народонаселеніи гор. Карлиля. Такое-же отношеніе между этими числами найдено впоследствии и въ Парижѣ. По словамъ Демонферрана, изъ 100 родившихся достигаютъ 80-лѣтняго возраста семеро, 85-лѣтняго двое и 89-лѣтняго одинъ человекъ. Въмѣсто 640 человекъ изъ милліона родившихся, которые, по расчету этого писателя, проживаютъ до 90 и болѣе лѣтъ, Mathieu полагаетъ только 491, изъ числа коихъ 9 человекъ жили по 97 и четверо по 99 лѣтъ. Столѣтнихъ старцевъ насчитываютъ на 10.000 жителей: Дювильяръ двоихъ и Демонферранъ одного; Мильне нашель ихъ въ гор. Карлиль 9 человекъ.

Въ новѣйшихъ таблицахъ оставляютъ столѣтній возрастъ безъ вниманія. Въ Парижѣ едвали достигаетъ ежегодно этого возраста и одинъ человекъ. Benoiston de Chateauneuf вычислилъ возрастъ 15 милліоновъ европейцевъ умершихъ въ-продолженіе 14 лѣтъ, и нашель, что изъ 100 родившихся достигло 30-лѣтняго возраста 44 человекъ; изъ послѣднихъ, въ промежутокъ времени отъ 30 до 60-лѣтняго возраста, умерло нѣсколько менѣе половины, на 70 году осталась изъ нихъ только третья, на 80-мъ—десятая и на 90 году— $\frac{1}{36}$ часть.

Уже эти немногія данныя доказываютъ, какъ велико различіе между числами родившихся и достигшихъ 90, 80 и даже 70-лѣтняго возраста; но это различіе становится еще болѣе разительнымъ, когда взглянемъ на цифру, изображающую среднюю продолжительность жизни. Раздѣляя сумму лѣтъ жизни всѣхъ умершихъ, начиная съ младенца, который дышалъ едва одинъ день, до старика, скончавшагося отъ драхлости, опредѣляемъ для жителей Франціи приблизительную среднюю долговѣчность въ $39\frac{2}{3}$ лѣтъ. Какъ она ни кажется малою, однако она больше той, ккая была въ прежнія времена. По изслѣдованіямъ Виллермё, средняя продолжительность въ Парижѣ составляла: въ XVIII столѣтіи 32 года, въ XVII 26 и въ XIV только 17 лѣтъ.

Изъ этихъ выводовъ, если они справедливы, очевидно, что въ-продолженіе послѣднихъ столѣтій смертность постепенно уменьшалась, и это можетъ быть слѣдствіемъ—съ одной стороны прививанія оспы и съ другой улучшенія быта бѣднѣйшихъ классовъ народа. Если средняя продолжительность жизни будетъ еще и въ-послѣдствіи возвра-

стать, то потому она должна опять уменьшаться, пока, наконецъ, не остановится на предѣлѣ, за который не можетъ перейти; но было-бы слишкомъ смѣло опредѣлять уже теперь этотъ предѣлъ.

Что средняя продолжительность жизни и въ самой отдаленной древности возрастала подобнымъ-же образомъ, какъ въ-теченіе послѣднихъ пяти или шести вѣковъ, на то мы не имѣемъ никакихъ доказательствъ; напротивъ того правдоподобно, что она подвергалась колебаніямъ и въ нѣкоторые періоды времени уменьшалась. Къ сожалѣнію, древность не оставила намъ никакихъ фактовъ, которые могли-бы подкрѣпить эту простую гипотезу. Намъ извѣстно только, что Ульпіанъ, жившій около 3-го столѣтія, въ царствованіе Александра Севера, по таблицамъ народонаселенія Рима, веденнымъ со временъ Сервія Туллія до Юстиніана, т. е. въ-теченіе тысячи лѣтъ, вычислилъ долговѣчность Римлянъ среднимъ числомъ въ 30 лѣтъ. Если признать выводы его и Виллерме правильными, то очевидно, что римскій періодъ гораздо менѣе отличался смертностію отъ настоящаго, нежели XIV столѣтіе, и что въ среднихъ вѣкахъ средняя продолжительность жизни постоянно уменьшалась.

Надежда на возрастаніе этой продолжительности въ будущемъ основывается преимущественно на улучшеніяхъ всякаго рода, которыя умножаются съ каждымъ днемъ и производятъ на всѣхъ благотворное вліяніе. Иначе, кто могъ-бы поручиться, что настоящее возрастаніе продолжительности жизни, начавшееся въ концѣ среднихъ вѣковъ, не прекратится, и что среднее время жизни не уменьшится снова до 30, 25 и даже до 17 лѣтъ. Изъ прошедшаго нельзя заключать о будущемъ.

Средняя жизнь, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, изображаетъ число лѣтъ, которое, по всему вѣроятію, можетъ прожить новорожденный; но это вѣроятіе можно опредѣлить не для однихъ только новорожденныхъ; напротивъ того, среднее время вычислено уже для всякаго возраста, причѣмъ, естественно, оказалось значительное разнообразіе въ цифрахъ, которое происходитъ отъ разнородныхъ опасностей, угрожающихъ нашему существованію въ разные періоды жизни, а равно и отъ числа прожитыхъ лѣтъ. Во Франціи средняя продолжительность жизни новорожденнаго составляетъ, какъ сказано выше, $39\frac{2}{3}$ лѣтъ; со дня рожденія его она быстро увеличивается, и для четырехлѣтняго возраста доходитъ до $49\frac{1}{2}$ лѣтъ; это высшій ея предѣлъ, и для старшихъ возрастовъ она постепенно убываетъ. Депарсѣ вычислилъ, что человекъ, имѣющій отъ роду:

20 лѣтъ, можетъ прожить еще 40 л. 3 мѣс:
30 «   »   »   »   » 34 « 1   »

40	«	»	«	»	27	«	6	»
50	«	»	«	»	20	«	5	»
60	«	»	«	»	14	«	3	»
70	«	»	«	»	8	«	8	»
80	«	»	«	»	4	«	8	»
90	«	»	«	»	1	«	9	»

Древніе утверждали, что Египтяне жили очень долго, и Просперъ Альбини, естествоиспытатель 15-го столѣтія, доказалъ отчасти истину этого мифа. Ученый Ботта, который открылъ развалины Ниневіи, увѣряетъ, что жители Счастливой Аравіи достигаютъ глубокой старости; но писатели эти не выставляютъ никакихъ чиселъ, и потому неизвѣстно, что они разумѣли подъ словами «долгая жизнь и глубокая старость.»

Во всякомъ случаѣ факты эти недостаточны для того, чтобы изъ нихъ можно было извлечь общее правило, что жаркія страны имѣютъ преимущество предъ холодными въ отношеніи къ продолжительности жизни.

Кромѣ климата, и другія причины имѣютъ вліяніе на жизнь, такъ какъ въ народахъ, пользующихся одинаковымъ климатомъ, смертность бываетъ весьма различна. Она зависитъ отъ большей или меньшей чистоты воздуха, отъ населенности городовъ, отъ степени благосостоянія рабочаго класса, отъ рода занятій, отъ образа жизни, отъ воспитанія, отъ попеченій о дѣтскомъ возрастѣ и т. д. Вѣроятно, все эти причины производятъ разнообразіе смертности въ разныхъ мѣстахъ одного и того-же государства, какъ это можно усмотрѣть изъ таблицъ Кетлѣ и Демонферрана.

Мы рассматривали выше народонаселеніе вообще, безъ различія пола; между-тѣмъ продолжительность жизни мужчинъ и женщинъ различна; послѣднія живутъ долѣе первыхъ. Уже Бюффонъ упоминаетъ объ этомъ. Кьюсбумъ первый, въ 1738 г., точнѣе опредѣлилъ это различіе для Голландіи; Депарсѣ нашелъ тоже, въ 1760 году, во Франціи, Спустя нѣсколько лѣтъ потомъ, Варгентинъ, въ Швеціи, и все позднѣйшіе же-невскіе, англійскіе, бельгійскіе, берлинскіе и другіе статистики пришли къ тому-же заключенію. Шатонефъ полагаетъ, что на 100 родовъ

Остается въ живыхъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
въ 10 лѣтъ	53	58
« 20 »	48	52
« 50 »	30	33
« 60 »	23	23
« 70 »	13	15
« 80 »	4	5

Изъ 10000 достигаютъ ста лѣтъ только одинъ мужчина и двѣ женщины. Депарсё замѣтилъ, что даже періодъ жизни (съ 45 по 50 годъ), который считается самымъ опаснымъ для женщинъ, дѣйствуетъ на нихъ менѣе убійственно, чѣмъ на мужчинъ, и многіе статистики подтвердили это замѣчаніе.

Эти наблюденія были дѣлаемы надъ европейцами, но выведенное изъ нихъ правило можетъ быть примѣнено ко всему земному шару. Вездѣ слабый полъ имѣетъ больше жизненныхъ силъ, нежели мужчины, но кажется, что послѣдніе чаще достигаютъ чрезвычайнаго возраста: столѣтняя женщина величайшая рѣдкость (*).

Отношеніе между числомъ мужчинъ и женщинъ видно изъ слѣдующей таблицы:

		На 1000 родовъ каждаго пола было:	
		мужчинъ, женщинъ.	
Во Франціи:	въ 1 году отъ рожденія	823	848
	» 20 » » »	624	652
	» 60 » » »	363	365
	» 70 » » »	229	232
	» 80 » » »	76	77
	» 90 » » »	8	8
Въ Бельгіи:	до 16 лѣтъ » »	373	385
	съ 16 по 50 годъ »	462	482
	свыше 50 лѣтъ »	165	183
	» 90 » » »	5	3
Въ Берлинѣ:	въ 1 году отъ рожденія	718	734
	» 60 » » »	178	217
	» 70 » » »	93	130
	» 80 » » »	29	43
	» 90 » » »	1	5

Показанныя здѣсь цифры служатъ мѣриломъ дѣйствія разныхъ причинъ, которыя непрерывно угрожаютъ прекращеніемъ нашей жизни и препятствуютъ къ достиженію назначеннаго природою предѣла. Среднее число ясно показываетъ уклоненіе продолжительности нашей жизни отъ постановленнаго для нея закона,—и какъ ужасно это уклоненіе! Статистика представляетъ намъ весь объемъ опасностей, угрожающихъ нашему существованію въ разные возрасты, но изъ таблицъ смертности можемъ, кромѣ-того, вывести еще другое заключеніе. Онѣ показываютъ, что шестидесятилѣтніе старики могутъ прожить еще среднимъ

(*) Однако въ Лондонѣ незадолго предъ симъ умерла женщина, имѣвшая отъ роду 130 лѣтъ.

числомъ 15 лѣтъ, и дѣйствительно—при 75-лѣтнемъ возрастѣ бываетъ огромная смертность. Естественно слѣдовало-бы затѣмъ считать 75-й годъ предѣломъ обыкновенной продолжительности жизни, хотя и нельзя согласиться съ Бурдахомъ, что этотъ годъ есть предѣлъ жизни вообще;—это значило-бы смѣшивать обыкновенную жизнь съ нормальной. Первая показываетъ долговѣчность дѣйствительную, послѣдняя-же та, которая, по законамъ природы, должна-бы существовать. Обыкновенное совсѣмъ не то, что естественное и нормальное. Очень часто случается, что смерть поражаетъ людей, достигшихъ еще 75-лѣтняго возраста, но и въ этихъ лѣтахъ люди умираютъ не отъ старости. Слѣдовательно, между обыкновенною и нормальною продолжительностію жизни есть различіе, которое необходимо изучить.

Эпименидъ, уроженецъ острова Крита, жилъ 153 года, Софистъ Горгій изъ Леонціума 107, Демокритъ 109, Ксенофилъ 105, Исократъ около 100 лѣтъ и стоикъ Зенонъ столько-же. Многочисленные примѣры необыкновенно долгой жизни между Римлянами приведены Цицерономъ и Плиніемъ. Въ числѣ этихъ примѣровъ поименованы и женщины. Актриса Луканія явилась на сцену, имѣя уже сто лѣтъ отъ роду; другая актриса, Галерія Копіола, была еще на сценѣ во время Консулата Помпея и Сульпиція, на 104 году отъ рожденія, т. е. спустя 91 годъ послѣ перваго выступленія ея, при консулахъ Маріи и Карбонѣ. При народной переписи, произведенной ввремя Веспасіана и сына его, оказалось въ Пармѣ пять человѣкъ, изъ которыхъ троемъ было по 120 и прочимъ по 130 лѣтъ отъ роду; близъ Пиаченцы жили 12 стариковъ, въ томъ числѣ: одинъ 150, одинъ 131, четверо 120 и шестеро 110 лѣтъ. Въ таблицахъ народонаселенія Галліи, по сую сторону рѣки По (*Gallia cispadana*), показано прожившихъ: 100 лѣтъ пятьдесятъ четыре человѣка, 110 лѣтъ — четырнадцать, 125 — двое, 130—четверо, 135 лѣтъ столько-же и 140 лѣтъ—трое.

Въ среднихъ вѣкахъ и во времена возрожденія наукъ бывали также случаи ненормальной продолжительности жизни. Баконъ и физиологъ Галлеръ собрали многочисленные тому примѣры. Галлеръ насчиталъ болѣе тысячи старцевъ, прожившихъ отъ 100 до 110 лѣтъ, шестьдесятъ 110 до 120-лѣтнихъ, двадцать девять 120 до 130-лѣтнихъ, пятнадцать 130 до 140-лѣтнихъ и шестерыхъ 140 до 150-лѣтнихъ.

Баконъ рассказываетъ, что на одномъ праздникѣ въ графствѣ Герфордѣ танцовало восемь стариковъ, которые (сложивъ лѣта ихъ вмѣстѣ) прожили 800 лѣтъ. Въ «Галлерей столѣтнихъ старцевъ», которая, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя неточности, Лежонкуръ излагаетъ біографію 120 лицъ, прожившихъ болѣе 120 лѣтъ.

Самый младшій, Егоръ Вундеръ умеръ на 169, и самые старшіе, Петръ Цантау и Епископъ Кентингеръ—на 185 году отъ рожденія. Оома Парръ, бѣдный крестьянинъ изъ Альдербургскаго прихода, въ графствѣ Салонъ, родившійся въ 1483 г., пережилъ 10 англійскихъ королей, и будучи уже 152 лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, былъ призванъ, въ 1635 году, ко двору Карломъ 1, пожелавшимъ его видѣть; ѣлъ тамъ болѣе обыкновеннаго, и умеръ отъ обремененія желудка. Знаменитый Гервей, открывшій обращеніе крови, вскрылъ тѣло этого старца, и нашель внутренности его въ совершенно-здоровомъ состояніи, а грудной хрящъ еще неокостенѣвшимъ. По мнѣнію врача, Парръ, безъ этого случая, который былъ причиною его смерти, могъ-бы прожить еще многіе годы.

Другой необыкновенный примѣръ долговѣчности являетъ собой Генри Енкинсъ, который родился въ Болтонѣ, въ графствѣ Юркъ, въ 1501, и умеръ въ 1670 году. До самой кончины онъ занимался рыбною ловлею, и будучи уже столѣтнимъ старцемъ, могъ еще плавать. Венгерецъ Юганъ Ровинъ или Ровиръ умеръ, какъ говорятъ, въ 1750 году, на 172 году отъ рожденія. Жена его, Сара Дессенъ, скончалась незадолго предъ нимъ, имѣя 164 года отъ роду, старшій-же сынъ его достигъ 115-лѣтняго возраста. Этотъ долго живущій трилистникъ напоминаетъ намъ семейство Авраама. Въ Норвегіи умеръ, въ 1700 году, нѣкто Юсифъ Суррингтонъ на 160 году своей жизни, и какъ-будто это обстоятельство еще недовольно чудесно, присовокупляютъ, что онъ оставилъ послѣ себя сыновей: самаго старшаго 103 и самаго меньшаго 9 лѣтъ!

Франція весьма богата столѣтними стариками. Имя Фонтенея, остроумнаго и ученаго автора исторіи Академіи наукъ (род. 1657, ум. 1757 г.) первое попадаетъ нашему взору. Въ 1810 году представляли Наполеону одного врача Дюфурнеля, имѣвшаго отъ роду 119 лѣтъ. На 100 году отъ рожденія онъ переломилъ себѣ ногу, и жилъ еще послѣ того 19 лѣтъ. 23 октября 1789 года явился въ національномъ собраніи 120-лѣтній старикъ, уроженецъ департамента Юра, и отъ имени своихъ согражданъ благодарилъ собраніе за принятія имъ мѣры къ преобразованію государственнаго устройства.

Эти примѣры ясно доказываютъ, что человекъ можетъ прожить 150 лѣтъ, и что этотъ срокъ составляетъ крайній предѣлъ его жизни, а изъ множества случаевъ столѣтней жизни можно-бы заключить, что возрастъ этотъ составляетъ естественный предѣлъ жизни, тѣмъ болѣе, что къ тому-же заключенію приводятъ и физиологическія наблюденія, которыя разберемъ здѣсь подробнѣе.

Аристотель утверждалъ, что между періодами роста, зародыша и продолжительностію жизни животныхъ существуетъ прямое отношеніе;

новѣйшія наблюденія подтвердили истину словъ отца философин, на которыхъ Бюффонъ пытался основать особую теорію. При этомъ онъ различаетъ два рода роста: одинъ въ длину и вышину, а другой, слѣдующій за нимъ, въ толщину, и говоритъ: «Человѣкъ растетъ тридцать лѣтъ и живетъ отъ 90 до 100 лѣтъ; собака-же, которая растетъ только отъ двухъ до трехъ лѣтъ, живетъ не болѣе 10 или 12 лѣтъ». Въ другомъ мѣстѣ у Бюффона сказано: «Какъ человѣкъ, растушій въ-продолженіе 14 лѣтъ, можетъ жить шесть или семь разъ долѣе; такъ точно олень, оканчивающій періодъ своего развитія въ пять или шесть лѣтъ, живетъ 75 или 76 лѣтъ». Въ первомъ мѣстѣ Бюффонъ очевидно говоритъ объ обоихъ періодахъ роста, въ послѣднемъ-же только о періодѣ развитія въ вышину, но не объясняетъ въ точности значенія этихъ періодовъ; притомъ-же они у него опредѣлены произвольно, потому-что онъ не могъ отыскать для нихъ вѣрныхъ и свойственныхъ всѣмъ животнымъ признаковъ. Пока-же признаки эти не были извѣстны, не было возможности опредѣлить съ точностію время развитія и отношеніе его къ продолжительности жизни.

Эти признаки найдены знаменитымъ физиологомъ нашего времени Флюренсомъ: «Доколѣ не послѣдовало окончательное соединеніе костей между собою, до-тѣхъ-перъ животное растетъ; какъ только это соединеніе послѣдуетъ—животное перестаетъ расти». Такимъ образомъ, время развитія ограничено точными предѣлами и отношеніе его къ продолжительности жизни вычислено почти какъ 1:5. Соединеніе костей совершается у верблюда въ 8, у лошади въ 5, у вола и льва въ 4, у собаки въ 2, у кошки въ $1\frac{1}{2}$ года отъ рожденія, и дѣйствительно—верблюдъ живетъ 40, лошадь 25, волъ и левъ отъ 15 до 20, собака 10 и 12, кошка 9 и 10 лѣтъ. Такъ какъ у человѣка это соединеніе происходитъ на 20 году его жизни, то нормальный срокъ существованія его долженъ-бы составлять сто лѣтъ, что и совпадаетъ съ числомъ, выведеннымъ изъ статистическихъ и историческихъ данныхъ. Принимая въ основаніе это правило, можно опредѣлить продолжительность жизни каждаго животного: стбитъ только умножить на 5 число лѣтъ, въ-продолженіе которыхъ животное растетъ. Напр. неизвѣстно намъ, какъ долго живетъ слонъ, но вотъ недавно издохла въ Jardin des Plantes самка, имѣвшая отъ роду около 40 лѣтъ; при вскрытіи ея тѣла найдено, что кости еще не срослись, изъ чего можно заключить, что этотъ гигантъ можетъ жить, по-крайней-мѣрѣ, 200 лѣтъ, и дѣйствительно тоже утверждаютъ Аристотель, Бюффонъ и Кювье.

Спрашивается: можно-ли отношеніе между періодомъ развитія и продолжительностію жизни 1:5, выведенное для верблюда, вола, лошади и

др., считать общимъ закономъ природы для всѣхъ безъ исключенія животныхъ? Факты, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнью, доказываютъ, что законъ этотъ къ низшимъ классамъ животныхъ примѣненъ быть не можетъ. У насѣкомыхъ напр. время, протекающее отъ выхода ихъ изъ яйца до послѣдняго ихъ превращенія, — время это соответствуетъ нѣкоторымъ образомъ періоду развитія млекопитающихъ, — несравненно больше остальнаго времени ихъ жизни. Насѣкомыя, требующія для своихъ превращеній нѣсколько лѣтъ, живутъ потомъ не болѣе нѣсколькихъ дней и даже нѣсколькихъ часовъ. Жизнь болѣе части безпозвоночныхъ животныхъ прекращается вскорѣ по окончаніи періода развитія; тоже самое случается и съ позвоночными животными низшихъ разрядовъ. Извѣстно, что многія породы рыбъ растутъ постоянно, и что ростъ ихъ прекращается, можетъ-быть, только въ самой глубокой старости.

Изъ этого усматриваемъ, что чѣмъ совершеннѣе животное, тѣмъ продолжительнѣе жизнь его, въ сравненіи съ періодомъ развитія. Г. Мильне-Эдвардъ доказалъ, что это направленіе природы можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣняться, но для всего животнаго царства вообще должно быть принято основнымъ правиломъ. Это направленіе ограничивается впрочемъ не одними классами, а и разрядами классовъ. Отношеніе времени развитія къ продолжительности жизни какъ 1:5 существуетъ, какъ сказано выше, для льва, собаки и кошки изъ разряда плотоядныхъ животныхъ, для лошади, представительницы однокопытныхъ, для верблюда и вола изъ разряда жующихъ. Но у двухъ породъ грызуновъ, кролика и морской свинки, отношеніе это совсѣмъ другое. Флюренсъ убѣдился, что кости срастаются у кролика по истеченіи года, а у морской свинки спустя семь мѣсяцевъ послѣ рожденія. По означенному закону, нормальная продолжительность жизни кролика должна-бы составлять пять лѣтъ и морской свинки три года, тогда какъ извѣстно, что первый изъ нихъ живетъ восемь, а послѣдняя семь лѣтъ, и слѣдовательно время развитія этихъ звѣрковъ относится къ продолжительности жизни ихъ, какъ 1:8, или какъ 1:10. Было-бы болѣе чѣмъ преждевременно основывать на такомъ маломъ количествѣ данныхъ законъ, что періодъ произрастанія относится къ продолжительности жизни: а) у однокопытныхъ, пережевывающихъ жвачку и плотоядныхъ какъ 1:5 и б) у грызущихъ какъ 1:8 и какъ 1:10. Точное опредѣленіе этого отношенія для каждой породы животныхъ слѣдуетъ предоставить будущности и тщательнымъ наблюденіямъ; теперь знаемъ положительно только то, что отношеніе между періодомъ развитія млекопитающихъ и продолжительностью ихъ жизни неодинаково.

Какое-же отношеніе нужно принять для человѣческаго рода? Меньшее, существующее для пережевывающихъ жвачку и плотоядныхъ или большее, найденное для грызущихъ животныхъ. Судя по аналогіи, слѣдовало-бы принять послѣднее, такъ какъ человѣкъ есть самое совершенное животное. Гуфеландъ опредѣляетъ періодъ развитія человѣческаго тѣла въ 25 лѣтъ и отношеніе этого періода къ продолжительности жизни какъ 1:8; слѣдовательно, нормальная жизнь должна-бы продолжаться 200 лѣтъ. Этому результату противорѣчитъ правда статистика; но противорѣчіе это легко объяснить. Надобно только, при сравненіи человѣка съ прочими животными, не упускать изъ виду, что умственная и нравственная дѣятельность человѣка безпрерывно ослабляетъ и портитъ составъ его организаци, и сократила-бы еще болѣе его жизнь въ сравненіи съ періодомъ развитія, еслибы этому не препятствовало совершенство его тѣла. И такъ отношеніе періода развитія къ продолжительности жизни какъ 1:5, ближе всего подходитъ къ истинѣ.

Физиологическія наблюденія надъ разными періодами человѣческой жизни приводятъ къ тому-же заключенію. Ростъ въ вышину прекращается на 20 году, но въ толщину человѣкъ растетъ до 40 года жизни; и послѣ того времени объемъ тѣла можетъ увеличиваться, но, какъ замѣчаетъ Бюффонъ, это уже не есть развитіе органовъ, а только излишняя прибавка къ массѣ тѣла, накопленіе жиру, обременяющаго тѣло излишнею тяжестію. По совершеніи этого двойнаго развитія, происходитъ, по словамъ Флоренса, внутри нашихъ тканей и органовъ особая дѣятельность, въ-слѣдствіе которой всѣ эти части становятся крѣпче и полнѣе; дѣйствія ихъ совершаются вѣрнѣе, и весь организмъ дѣлается болѣе совершеннымъ. Эта дѣятельность, которую Флоренсъ называетъ окрѣпленіемъ (*travail d'invigoration*) продолжается отъ 40 до 55-го а по мнѣнію этого физиолога, даже до 65 и 70-го года нашей жизни; послѣ этого начинается первый періодъ старости; началомъ-же дряхлости Флоренсъ считаетъ 85 годъ. Можетъ-быть ученый академикъ чрезмѣрно распространяетъ зрѣлый возрастъ, и заключаетъ въ слишкомъ тѣсные предѣлы послѣдній періодъ жизни, называемый имъ *священнымъ возрастомъ*. Въ самомъ-дѣлѣ трудно опредѣлить между этими возрастами точныя границы, такъ какъ у каждаго человѣка онѣ измѣняются; но есть общее мѣрило, котораго мы можемъ придерживаться тѣмъ смѣлѣе, что оно принято всѣми и освящено временемъ. Обыкновенно считаютъ, что съ 60 годомъ жизни оканчивается зрѣлый и начинается старческій возрастъ.

Правда, что Бюффонъ, имѣя уже 70 лѣтъ отъ роду, отзывался къ

молодымъ людямъ: «Развѣ я не также вполне и совершенно, какъ и вы, наслаждаюсь настоящимъ днемъ», и считалъ обыкновенно понятіе о старческомъ возрастѣ предразсудкомъ, происшедшимъ отъ нашего способа счисленія. Кто-же бы послѣ того захотѣлъ назвать Бюффона старикомъ, на 60 году его жизни, когда онъ и въ 70 лѣтъ чувствовалъ себя еще молодымъ? Но если нѣкоторыя привилегированныя, такъ сказать, натуры сохранили силу мужскаго возраста и послѣ 60 лѣтъ, то это еще не составляетъ общаго правила. Напротивъ того, въ этомъ періодѣ жизни появляются извѣстные признаки отцвѣтанія. Зрѣніе становится слабымъ, память тупѣетъ и мозгъ нѣкоторымъ образомъ твердѣетъ. Женщина не можетъ болѣе родить; мужчина теряетъ часть своихъ характерическихъ способностей. Словомъ, начинается убыль *силъ*, дѣятельность слабѣетъ. Уже древніе различали *vires in posse*, представленныя юности, отъ *vires in actu*, которыя однѣ оставались въ зрѣломъ возрастѣ. Этотъ характеръ становится съ каждымъ годомъ болѣе очевиднымъ, но онъ уже замѣтенъ послѣ 60 года.

Потому-то мы, нѣсколько уклоняясь отъ системы Флоренса, принимаемъ слѣдующіе пять періодовъ жизни:

1) Отъ минуты рожденія до 20 года. Онъ соотвѣтствуетъ возрастанію въ вышину и объемлетъ дѣтство и юношескій возрастъ.

2) Отъ 20 до 40 года. Онъ соотвѣтствуетъ возрастанію въ толщину и заключаетъ въ себѣ первую и вторую молодость.

3) Отъ 40 до 60 года. Это мужескій возрастъ, въ которомъ совершается упомянутое выше окрѣпленіе.

4) Отъ 60 до 80 года. Это первая старость, главный признакъ которой состоитъ въ убыли наличныхъ силъ. Слабость органовъ и изнеможеніе природной дѣятельности постепенно возрастаютъ.

5) Пятый періодъ, вторая старость, отличается рѣзкимъ признакомъ. Справедливо говоритъ Бурдахъ: «Чѣмъ далѣе подвигается жизнь, тѣмъ болѣе она измѣняется у разныхъ лицъ, и потому трудно опредѣлить на пути отвлеченія (*abstractio*) существенный и нормальный характеръ послѣдняго періода жизни. Всѣ черты предыдущаго періода становятся болѣе рѣзкими; всѣ силы ослабѣваютъ; убыль простирается на всѣ части организма. Наконецъ старецъ чувствуетъ совершенное изнеможеніе (эту трудность существовать, какъ говоритъ Фонтенель, это общее безсиліе, какъ объясняется Баконъ), которое всегда предвѣщаетъ естественную смерть.

Эти пять періодовъ: два возрастанія, одинъ остановки и два убыли, всѣ, исключая послѣдняго, имѣютъ одинаковую продолжительность, которая согласна съ теорією Пифагора; но какъ, по мнѣнію его, число 4

самое совершенное изъ всѣхъ, то онъ принималъ только четыре періода жизни, которую безжалостно ограничивалъ 80 годами, и человѣка, перешедшаго за этотъ предѣлъ; не считалъ уже въ живыхъ. Въ этомъ отношеніи Юлій Цезарь былъ пифагоріанцемъ. Однажды старый солдатъ, подошедъ къ нему на улицѣ, просился въ отставку, чтобы, какъ онъ объяснялъ, спокойно *умереть*. Цезарь посмотрѣлъ на согбенную отъ старости фигуру его, и сказалъ, шутя: «Да развѣ ты *живешь*?»

Сведемъ все сказанное; статистическія числа, историческіе факты и правила физиологіи приводятъ насъ къ слѣдующимъ четыремъ заключеніямъ: 1) настоящая средняя продолжительность жизни въ Европѣ составляетъ отъ 36 до 40 лѣтъ; 2) Обыкновенная продолжительность простирается до 75 лѣтъ; 3) ненормальная, по-крайней мѣрѣ, полтора ста лѣтъ и 4) естественная неменѣе ста лѣтъ.

Цицеромъ сказалъ: «Какъ бы ни была жизнь коротка, ее все-таки можно считать довольно продолжительною, если она была хороша и благородна.» Прекрасное изрѣченіе! Изрѣченіе мудреца! Но вообще оно старикамъ не нравится. Они желаютъ жить *хорошо*, но вмѣстѣ съ тѣмъ и *долго*.

Старикъ Гете воскликнулъ: «Любезная жизнь, сладкая и дорогая привычка существовать и дѣйствовать, и такъ я долженъ отказаться отъ тебя?» Такъ какъ это чувство въ нашей природѣ, то вездѣ и всегда искали средствъ поддержать и продлить жизнь. Первые попытки къ тому дали начало врачебному искусству. Забота о жизни была главною цѣлью гимнастиковъ въ Греціи, и герокомія (попеченіе о старости) имѣла въ продолженіе всей древности своихъ adeptовъ. Жадные и легковѣрные средніе вѣка одинаково мечтали и о превращеніи металловъ въ золото и о приготовленіи жизненнаго элексира. Алхимики называли долготѣемъ періодъ въ 900—1000, а по-крайней-мѣрѣ, 600 лѣтъ. И новѣйшія времена имѣли свои элексиры и таинственные рецепты; даже и нынѣшнее столѣтіе въ стремленіи къ усовершенствованію способовъ продлить жизнь недалеко отстало отъ своихъ предшественниковъ, но только искусство это, по мѣрѣ успѣха въ наукахъ, ограничилось одними чисто гигиеническими средствами. Въ настоящее время не пытаются уже возратить испорченному тѣлу жизнь, приводя его, по совѣту Габіана и даже великаго Бюргавы, въ соприкосновеніе съ дитятею; не замѣняютъ болѣе, какъ это пробовали нѣсколько разъ дѣлать въ Парижѣ, убывающей въ старости крови молодою, и еще менѣе думаютъ о томъ, чтобы находиться подъ благопріятнымъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ,

Магнитическое леченіе Месмера, ранасеум Парацельса, элексиры

Калиостро, чай графа Сен-Жермена, — куда все это дѣвалось! Опытъ произнесъ свой приговоръ надъ этими воображаемыми средствами, точно также, какъ и надъ составами изъ золота, жемчуга, дорогихъ камней, янтара и безоара, которые Бакошъ считалъ способными продлить человеческую жизнь.

До тѣхъ-поръ можно было мечтать о продолженіи жизни, доколѣ видѣли въ ней только физическія и химическія явленія.

Въ человеческомъ организмѣ, кромѣ силъ, свойственныхъ вообще матеріи, дѣйствуетъ еще что то другое, намъ совсѣмъ непонятное, недоступное нашимъ чувствамъ и уму, что мы вообще называемъ *жизненною силою*. Какъ же могло придти намъ въ голову раздвигать нормальные прелѣлы жизни, если намъ неизвѣстны причины проявленій ея. Оставимъ тщетную надежду! Все, что мы можемъ сдѣлать въ будущемъ,—это устранить многочисленныя причины смерти, и такимъ образомъ содѣйствовать продолженію жизни каждаго отдѣльнаго лица. Цицеронъ говоритъ, что и со старостію можно сражаться точно также, какъ съ болѣзнію, и это отчасти справедливо. Чѣмъ болѣе врачебное искусство, наука здоровья, и въ особенности физиологія будутъ совершенствоваться, тѣмъ болѣе будемъ приближаться къ назначенному природою предѣлу жизни, котораго донинѣ достигали только немногіе. Этотъ порядокъ вещей не выходитъ изъ границъ вѣроятія, такъ какъ онъ есть только развитіе закона о продолжительности нашей жизни. Кто ищетъ средствъ продлить прямымъ путемъ жизнь, тому наука ничего обѣщать не можетъ. Она никогда не перешагнетъ за предѣлы природы, да и какъ можетъ она это сдѣлать, когда основанія и подпоры ея находятся въ этихъ предѣлахъ. Законъ, опредѣляющій продолжительность жизни, очень строгъ, и допускаетъ исключеніе. Маятникъ жизни колеблется между извѣстными точками; за самую крайнюю изъ нихъ онъ не переходитъ. Желать достигнуть этой крайней точки значитъ посягать на законы природы и вторгаться въ царство Божіе, а человеческая наука не можетъ заходить такъ далеко.

О ЗЕРКАЛЬНЫХЪ ФАБРИКАХЪ ПО СЛУЧАЮ ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКИ. Превосходство французскихъ зеркалъ признано повсемѣстно. На лондонской всемирной выставкѣ въ 1851 году мало было предметовъ, которые возбуждали столь сильныя пренія въ назначенномъ для этой выставки присяжномъ судѣ, какъ зеркала. Хотя эти пренія и не привели къ совершенно справедливымъ рѣшеніямъ, однако они послужили, по-крайней-мѣрѣ, къ устраненію всякаго сомнѣнія въ совершенствѣ французскихъ произведеній въ отношеніи ихъ отдѣлки. Это въ запискѣ французскаго доклад-

чика Пелиго доказанное совершенство признано также и англійскимъ докладчикомъ (лордомъ Mauley).

На всѣхъ бывшихъ съ 1806 года выставкахъ французскія зеркала не только заслужили одобреніе присяжныхъ судовъ, но и возбудили справедливое удивленіе публики. На первыхъ трехъ большихъ выставкахъ, въ 1798, 1801 и 1802 годахъ, зеркаль не было. Выдѣлка зеркаль-которая, подобно многимъ отраслямъ искусствъ, пользовалась покровительствомъ Кольберта, введена во Францію изъ Венеціи, и въ скоромъ времени была усовершенствована Авраамомъ Тенаромъ, который открылъ способъ отливать стеклянную массу, вмѣсто того, чтобы ее выдувать. По новому способу можно дѣлать зеркала ужасной величины; тогда какъ по прежнему нельзя было изготовить зеркала величиною больше 4 метра и 25 сантимитровъ, потому-что величина эта была ограничена силою человѣка, который поднималъ и раздувалъ стеклянную массу. Притомъ-же отлитыя зеркала гораздо превосходятъ дутыя. Выдѣлка зеркаль, достигшая съ начала XVII столѣтія довольно цвѣтушаго состоянія, пришла вовремя революціи въ упадокъ, но при Имперіи снова поднялась. Въ павильонѣ, устроенномъ на площадкѣ предъ домомъ инвалидовъ, показывали на выставкѣ 1808 года зеркало изъ одной фабрики Сень-Антуанскаго предмѣстія, которое возбудило всеобщее удивленіе. Эта фабрика изготовляла свои произведенія только по заказу другой фабрики, которая находилась въ Сень-Гобенъ въ Пикардіи, въ домѣ воинственнаго поэта Рауля де Куси. Въ ней отливаніе зеркаль производилось въ-теченіе болѣе ста лѣтъ въ самомъ большомъ количествѣ. Въ-послѣдствіи парижская фабрика была соединена съ главною фабрикою. Зеркало, выставлеонде въ 1806 году имѣло въ длину три метра 8 сантимитровъ и въ ширину 1 метръ 62 сант. Около того времени съ Сень-Гобенскою фабрикою начала соперничать Сень-Квиринская, которая открыла въ Сирѣ выдѣлку зеркаль, и это соперничество, продолжавшееся почти 25 лѣтъ, имѣло большое вліяніе на усовершенствованіе зеркальныхъ издѣлій. Въ 1830 году владѣльцы обѣихъ фабрикъ заключили между собою сдѣлку, на основаніи которой они установили одинакую таксу для своихъ произведеній и учредили для нихъ въ Парижѣ общее складочное мѣсто.

До 1789 года выдѣлка литыхъ зеркаль производилась только на основаніи особенныхъ привилегій, но и потомъ, хотя эти привилегіи болѣе не существовали, весьма немногіе фабриканты ею занимались; потому-что она требуетъ значительныхъ капиталовъ на первоначальное устройство, но какъ при томъ печки и сосуды, въ которыхъ расплавляютъ стекольную массу, становятся хорошими только послѣ

продолжительнаго употребленія, то новыя фабрики обыкновенно не въ состояніи заготовлять издѣлій высокаго достоинства, и потому приносятъ самую ничтожную прибыль. Только двѣ новыя фабрики были устроены, но и тѣ не могли удержаться, а были куплены заводами Сень-Гобенскимъ и Сирейскимъ, и потомъ закрыты. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ однако устроена въ Монлюсонѣ фабрика, которая посылала свои произведенія на лондонскую выставку и нынѣ выставляетъ ихъ въ Парижѣ. Эта фабрика имѣетъ значительные капиталы, и соперничество ея съ двумя главными фабриками имѣло болѣе вліянія на цѣны зеркаль, нежели открытіе прежде другой фабрики въ Франціи. Хотя Монлюсонская фабрика не можетъ выдѣлывать такихъ превосходныхъ зеркаль, какія выходятъ изъ обѣихъ старыхъ фабрикъ, однако издѣлія ея очень цѣнятся въ торговлѣ.

Зеркало, которое Сень-Гобенская фабрика прислала на нынѣшнюю выставку, превосходить величиною всѣ прежнія: оно имѣетъ 18 квадратныхъ метровъ и четыре сантиметра поверхности, и слѣдовательно 78 сант. больше того, которое компанія Темза выставила въ Гайдъ-паркѣ, съ надписью: «самое большое зеркало въ мірѣ». Но что оно лучше англійскаго, это можетъ замѣтить каждый, даже не будучи знатокомъ.

На парижской выставкѣ находится еще зеркало изъ бельгійской фабрики Флоревфе, близъ Намура, которое имѣетъ 15 метровъ и 6 сант. поверхности. Зеркала такихъ величинъ доказываютъ, что фабриканты научились преодолевать дѣйствительныя трудности; но и то правда, что въ настоящее время произведеніе такихъ зеркаль не составляетъ уже большаго искусства; для этого нужно только употребить много денегъ. У кого есть столько капиталовъ, чтобы построить ужасной величины плавильныя печи, заготовить огромные сосуды и дорогія, изъ крѣпкой бронзы отлитыя формы, да наконецъ перенести много неудачныхъ опытовъ при самой отливкѣ, тотъ навѣрное успѣетъ сдѣлать такія гигантскія зеркала. Отливка зеркала компаніи Темза не удавалось двадцать разъ, отчего издержки фабрики увеличились на 50,000 франковъ.

Упомянутое выше бельгійское зеркало, не смотря на его величину, имѣетъ весьма посредственное достоинство; потому-что Флоревфская фабрика еще слишкомъ нова и не въ состояніи заготовлять издѣлія удовлетворительнаго качества. Въ этомъ зеркалѣ много мѣсть нечисто отдѣланныхъ. Зеркало, которое сдѣлала Ахенская фабрика, открытая 1 ноября 1853 года, достоинствомъ и красотою выше бельгійскаго. Въ немъ нѣтъ существеннаго недостатка, кромѣ только синеватаго цвѣта, который происходитъ не отъ выдѣлки, а отъ состава массы. Въ большемъ Сень-Гобенскомъ зеркалѣ составъ массы доведенъ до такого-же

совершенства, какъ и самая отдѣлка, и нуженъ глазъ знатока, чтобы отыскать въ томъ зеркалѣ два или три маленькія пятнышка. Такъ какъ огромныя зеркала должны имѣть значительную толщину, чтобы не лопнуть подъ собственною своею тяжестью, то трудно избѣжать, чтобы въ стеклѣ не было гдѣ-нибудь пузырька. Такихъ пузырьковъ, которые, впрочемъ, нисколько не мѣшаютъ правильному отраженію свѣта, въ сень-гобенскомъ зеркалѣ очень мало; неровностей, которыя-бы разбрасывали свѣтъ, оно вовсе не имѣетъ.

Выдѣлка зеркалъ очень проста и удобопонятна: нужно стеклянную массу расплавить и вылить на металлическую доску; потомъ стеклянную плиту поставить въ печь и совершенно отполировать, наконецъ покрыть ее съ одной стороны амальгамой. Полировка, которая требуетъ различныхъ дѣйствій, производится нынѣ машинами. Хотя во всѣхъ зеркальныхъ фабрикахъ соблюдаются тѣ же правила, но извѣстные приемы, которые облегчаютъ примѣненіе правилъ къ дѣлу, составляютъ исключительную собственность и тайну образцовыхъ фабрикъ.

Одно изъ главныхъ достоинствъ хорошаго зеркала состоитъ въ томъ, чтобы зеркало было безцвѣтно и не сообщало никакого посторонняго отлива цвѣту отражаемаго предмета. Знаменитыя венеціянскія зеркала не имѣли этого достоинства. Они были блѣдно-розоваго цвѣта и придавали красивѣйшій видъ отражаемому лицу, почему ихъ очень любили; но за всеѣмъ тѣмъ нельзя отрицать, что качество это было въ-самомъ-дѣлѣ недостаткомъ, потому-что зеркала несовершеннѣе вѣрно отражали цвѣтъ предмета.

Обыкновенныя зеркала нѣмецкаго издѣлія имѣютъ зеленоватый отливъ, который придаетъ отраженію лица весьма некрасивый видъ. Дабы избѣжать этого, стараются дѣлать зеркала изъ очень тонкихъ плитъ, и зеркала эти привозятся въ значительномъ количествѣ во Францію. Французскія фабрики не дѣлаютъ такихъ тонкихъ зеркалъ; потому-что стеклянная масса, которую онѣ готовятъ, не имѣетъ зеленоватаго отлива.

Очень обыкновенный недостатокъ въ зеркалахъ тотъ, что поверхность ихъ несовершенно плоска и потому, видъ отражаемаго предмета болѣе или менѣе искаженъ. Прямыя линіи представляются согнутыми или ломанными, горизонтальныя и отвѣсныя болѣе или менѣе наклонными. Когда два зеркала, имѣющія этотъ недостатокъ, поставить одно противъ другаго, то легко замѣтить, что прямыя линіи представляются все болѣе и болѣе искаженными. Механическія орудія, употребляемыя нынѣ для полировки зеркалъ, значительно уменьшили этотъ недостатокъ, и много способствовали къ усовершенствованію фабрикъ. Машина. г.

Карильона, которая находилась на выставкѣ, пользуется въ этомъ отношеніи огромною славою. Съ помощью такихъ машинъ выдѣлываютъ зеркала болѣе однообразной толщины и болѣе плоскія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣрнѣе отражающія предметы. Само собою разумѣется, что этого качества тѣмъ труднѣе достигнуть, чѣмъ поверхность зеркала больше, и зеркало свыше известной величины нѣтъ возможности сдѣлать совершенно плоскимъ.

Метода Тенара отливать зеркала не уничтожила прежняго способа выдувать ихъ такимъ образомъ, какъ и прочія стеклянные издѣлія. Нетолько въ Германіи и въ другихъ странахъ употребляется еще этотъ способъ, но и въ самой Франціи есть много фабрикъ, въ которыхъ стеклянную массу раздуваютъ. Маленькія зеркала обыкновенно дѣлаются изъ дугаго стекла, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя выдѣлываются изъ кусковъ неудачно отлитой большой плиты.

На выставкѣ находились зеркала изъ дугаго стекла. Многія изъ нихъ выставлены французскимъ фабрикантомъ, г. Патонисомъ, который сдѣлалъ важныя услуги стекольному искусству, и выдѣлываетъ оконныя стекла, извѣстныя своею прочностію. Его заводъ, въ Анимѣ, въ Сѣверномъ департаментѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ по количеству издѣлій, которыя онъ производитъ, такъ и по своему образцовому устройству. Присяжный судъ въ 1849 году отозвался объ этомъ высокозаслуженномъ на полѣ искусствъ мужѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Находящіяся на выставкѣ зеркала его изъ дугаго стекла до того прекрасны, что безъ специальныхъ познаній въ стекольномъ искусствѣ нельзя различить этихъ зеркалъ отъ выдѣланныхъ изъ литаго стекла.

Еще нѣсколько словъ о количествѣ зеркалъ всякаго рода, которыя выдѣлываются на французскихъ фабрикахъ.

По точнымъ изслѣдованіямъ, можно положить, что французскіе зеркальные заводы выдѣлываютъ въ годъ отъ 140,000 до 160,000 квадратныхъ метровъ зеркалъ. Главное зданіе парижской выставки имѣло поверхности 9216 квадратныхъ метровъ и слѣдовательно его можно-бы покрыть 15 или 16 разъ зеркалами, которыя Франція производитъ ежегодно. Изъ этого количества 20,000 квадратныхъ метровъ зеркалъ выдѣлываются изъ дугаго стекла. Выдѣлка ихъ все еще продолжается, потому что она обходится отъ 20 до 25% дешевле производства литыхъ зеркалъ.

УПОТРЕБЛЕНІЕ ДРЕВЕСНАГО УГЛЯ ДЛЯ ОЧИЩЕНІЯ ВОЗДУХА. — Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала лондонскаго Society of Arts помѣщена статья доктора Ватсона объ употребленіи древеснаго угля для

очищенія воздуха. Какъ средство очищенія жидкостей, древесный уголь повсемѣстно извѣстенъ, но новѣйшіе опыты доказали, что онъ кромѣ того наиболѣе способенъ освобождать воздухъ отъ всякой вредной для здоровья примѣси. Древесный уголь ускоряетъ химическое разложеніе, поглощаетъ убійственные газы, происходящіе отъ гніенія, и отнимая у нихъ зловоніе, дѣлаетъ ихъ безвредными. Это совершается слѣдующимъ образомъ: древесный уголь очень скважистъ и потому представляетъ вліянію воздуха гораздо обширнѣйшую поверхность, нежели другія, менѣе скважистыя вещества. Онъ поглощаетъ въ огромномъ количествѣ гнилыя испаренія и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ накопленнымъ въ порахъ его кислородомъ, который окисляетъ ихъ и уничтожаетъ такимъ образомъ вредныя ихъ свойства. Древесный уголь очищается самъ, будучи подверженъ вліянію огня или солнечныхъ лучей, но это очищеніе совершается гораздо медленнѣе, нежели поглощеніе газовъ. Провѣтриваніе комнатъ состоитъ, по словамъ Ватсона, главнѣйше въ разжиженіи нечистаго воздуха, и слѣдовательно безъ устройства свободнаго теченія воздухъ никогда не можетъ быть такимъ способомъ совершенно очищенъ: «Мы знаемъ», прибавляетъ онъ, «что древесный уголь имѣетъ въ удивительно высокой степени свойство истреблять эти вредныя газы, которые часто находятся въ атмосферѣ и дѣйствуютъ скрытно, но гибельнѣе многихъ страшныхъ язвъ, какъ напримѣръ холера». Воздухъ, очищенный древеснымъ углемъ, можетъ быть проведенъ въ зданія трубками или отдушинами. Люди слабаго сложенія, даже среди осеннихъ тумановъ Лондона, могутъ дышать этимъ очищеннымъ воздухомъ, втягивая его посредствомъ респиратора.

ФОТОГРАФІЯ НА СТЕКЛѢ, ФАРФОРѢ И Т. П. Г. Лафонъ-де-Камарсенъ, въ изданной недавно запискѣ, представилъ парижской Академіи наукъ свое новое открытіе, именно изготовленіе фотографическихъ рисунковъ на стеклѣ, фарфорѣ и т. п., и о сохраненіи тѣхъ рисунковъ на неопредѣленное время. Онъ показалъ, какимъ легкимъ способомъ и въ скоромъ времени можно нанести на фотографію глазурь, синяго, розоваго и другихъ цвѣтовъ. Докладчикъ Академіи видѣлъ опыты этого для наукъ и искусствъ весьма важнаго изобрѣтенія и нашелъ ихъ совершенно удачными. Онъ говоритъ между прочимъ: «Изобрѣтеніе Лафона полезно въ особенности потому, что фотографическій рисунокъ на фарфорѣ или опаловомъ стеклѣ покрывается эмалью, которая, не вредя красотѣ и явственности его, доставляетъ ему прочность. Рисунки или картины, покрытые такимъ образомъ стеклянною, прозрачною эмалью, не подвергаются уже поврежденію отъ соприкосновенія съ другими предметами, или отъ вліянія свѣта и перемѣны воздуха, какъ это бываетъ съ

обыкновенными фотографіями». И такъ задача сдѣлать фотографическія произведенія петлѣнными наконецъ разрѣшена. Важно еще и то обстоятельство, что рисунки можно съ одинаковымъ удобствомъ производить на плоскихъ и на выгнутыхъ поверхностяхъ. Севрекая фабрика вскорѣ начнетъ изготовлять фарфоровыя издѣлія съ подобными фотографіями.

IV. МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ.

ПРИБЛЮЧЕНІЕ НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКѢ. Въ тотъ день, когда королева Викторія вторично посѣщала выставку, многимъ дамамъ дозволено было уѣсться на обширномъ диванѣ, окружающемъ центральный фонтанъ. Мужчины не были допущены на это привилегированное мѣсто. Случилось такъ, что одна изъ дамъ, принадлежащихъ къ высшей англійской аристократіи, сѣла возлѣ молодой прелестной француженки. Ожидая съ минуты на минуту приѣзда королевы и ея хозяина, упомянутыя двѣ дамы разговаривали о разныхъ разностяхъ. Между-прочимъ француженка разсказала своей сосѣдкѣ, что недавно вышла за мужъ, и что супругъ ея вмѣстѣ съ толпою двигается по зданію выставки. Направленіе ея разговора, ея милыя, утонченныя манеры, пріобрѣли ей тотчасъ расположеніе старой леди. Вскорѣ явилось королевское шествіе, — настоящій потокъ перьевъ, алмазовъ, лентъ, кружевъ, цвѣтовъ и т. п. Увлекаемая любопытствомъ, сидѣвшія на диванѣ дамы встали съ своихъ мѣсть и послѣдовали за блестящею толпою, а съ ними и обѣ новыя пріятельницы, которыя еще не спрашивали другъ друга о званіи и фамиліи. Часа два двигались онѣ вокругъ зданія, взаимно помогая другъ-другкѣ въ толпѣ, а въ особенности молодая француженка была такъ предупредительна и такъ полезна своей спутницѣ, что леди непременно рѣшалась познакомиться съ нею поближе. Наконецъ гулянье кончилось, и королева оставила выставку. При выходѣ собралось множество народу, и парижанка сказала: «Какъ я въ этой толпѣ найду моего Эдуарда?» «Вашего мужа зовутъ Эдуардъ?» спросила англичанка. — «Да», отвѣчала молодая дама. Леди вспомнила о сынѣ своемъ, который тоже носилъ имя Эдуарда и которому она болѣе году не позволяла видѣться съ собою, потому что онъ, желая избавиться отъ блестящей партіи, предлагаемой ему на родинѣ, уѣхалъ изъ Англій и женился на бѣдной француженкѣ. Негодованіе матери простиралось до того, что никто не смѣлъ произнести при ней имени ея сына или невѣстки. — «А! да вотъ и онъ», съ радостью сказала молодая дама, когда онѣ подошли къ лѣстницѣ. «Какъ, Полина», вскричалъ молодой лордъ, «ты съ моею ма-

тушкой? Какъ это случилось?» Для старой леди стало все понятно; она вскрикнула и упала въ обморокъ. Долговременная прогулка, толпа, наконецъ неожиданное открытіе подѣйствовали на ея нервы. Ее посадили въ кресла, и скорѣй привели въ чувство. Когда она открыла глаза, первыя ея слова были: «Эдуардъ, это та дѣвушка на которой ты женился безъ моего согласія?» — «Да, милая матушка» отвѣчалъ онъ, «и кажется, что вы полюбили ее.» — «Поѣдемъ скорѣй,» сказала старуха. Карету тотчасъ подали. «Должны-ли мы все трое садиться?» спросилъ Эдуардъ. — «Разумѣется», и взявъ за руку Полину, прибавила: «Потому, что жена твоя отнынѣ дочь моя.»

Какъ получаютъ въ Англіи офицерскія должности? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ въ чисто-юмористическомъ духѣ «Tacts Magazine.» — Еслибы мы не привыкли къ тому образу производства въ офицеры, который у насъ водится, то онъ намъ показался-бы столь-же смѣшнымъ, какъ калмыцкое украшеніе головы оленьими рогами, или индѣйское украшеніе носа рыбьею костью. Но какъ-же производится у насъ въ офицеры? Какой-нибудь лордъ, или просто денежный человѣкъ, увеличивъ въ достаточномъ количествѣ семейство свое, чувствуетъ себя обязаннымъ пристроить двухъ или трехъ сыновей. Старшему, разумѣется, приличіе всего остаться дома, потому-что посредствомъ него родовое имѣніе переходитъ изъ рода въ родъ. Если случится способная голова, то ее готовятъ къ юстиціи или въ парламентъ, а въ хорошемъ обществѣ и слабый талантъ будетъ казаться большимъ. Если папа долженъ заботиться о пустой головѣ, то старается для сына о мѣстѣ приходскаго священника, или если, къ несчастію, такового достать не можетъ, то обрекаетъ его красному мундиру — онъ долженъ быть солдатомъ. Также поступаютъ лавочки, которые нажили много денегъ и важности, портные, которые сдѣлались негоціантами, лихоимцы, переименовавшие себя въ банкировъ; все они самую дурную часть своего потомства стараются покрыть офицерскимъ мундиромъ.» Высказавъ такимъ образомъ что способные сыновья, ни по волѣ родителей, ни по собственному влеченію, никогда не поступаютъ въ военную службу, Tacts Magazine говоритъ далѣе: «Если случится въ семействѣ глупое созданіе, которое считаетъ себя слишкомъ важнымъ джентельменомъ, чтобы трудиться, какъ трудился его папа, то уже тогда папа долженъ непременно исходатайствовать ему офицерскій дипломъ. Какъ-же это дѣлается? Папа пишетъ въ военное министерство и прилагаетъ деньги за дипломъ для его сына.. Если онъ не принадлежитъ къ вельможамъ, изъ числа вигговъ или тори, то сынъ его не будетъ произведенъ; но и этому можно помочь. Папа знакомъ съ тѣмъ или другимъ генераломъ, имѣющимъ голосъ въ глав-

номъ штабъ, или у него есть членъ парламента, которому онъ обыкновенно даетъ бѣлый шаръ (а члены парламента въ высшей степени интересаны). И такъ генераль-ли, или членъ парламента проталкиваетъ сына сквозь все препятствія. Иногда же встрѣчаются въ вѣдомостяхъ объявленія: «200 фунтовъ стерлинговъ благодарности дамъ или мужчинъ, который доставить объявителю сего приличное мѣсто. Адресовать и т. д.» Иногда въ-слѣдствіе этого является по адресу дама и общается устроить дѣло это посредствомъ друга своего лорда, N N; иногда является какой-нибудь ветеранъ клуба или должностное лицо. Условившись съ папашею, лицо это отправляется къ начальнику гвардіи, и отъ души рекомендуя сына своего друга, говорить, что отъ этого прекраснаго, доблестнаго молодого человѣка должно ожидать весьма многого и т. п.; а какъ онъ человѣкъ съ вѣсомъ, то дѣло въ шляпѣ, а деньги въ карманѣ. Папаша, а въ особенности мамаша, видя себя отъ радости, когда увидятъ, что имя юнкера или прапорщика Августа напечатали въ газетахъ; восторженныя сестры и кузины находятъ, что Августъ очарователенъ въ мундирѣ, между-тѣмъ, какъ все честные сосѣди удивляются, какъ мальчишка, которому они не доверили-бы продажи на площади бумажныхъ куколъ, попалъ въ начальники надъ защитниками отечества и надъ поразителями враговъ.»

АМЕРИКАНСКІЙ ЧАСОВОЙ. Въ одномъ изъ сочиненій о настоящей войнѣ Соединенныхъ Штатовъ съ Мексикою находится характерическій анекдотъ о солдатѣ-гражданинѣ. Этотъ солдатъ родомъ изъ Германіи, по фамиліи Кохъ, и извѣстенъ въ Нью-Йоркѣ какъ богатый человѣкъ. Онъ служилъ вольноопредѣляющимся въ американскомъ войскѣ. Однажды ночью надо было ему стоять на часахъ при фургонѣ съ багажемъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, гроза была ужасная. Это вовсе не нравилось часовому. Простоявъ около полчаса на мѣстѣ, онъ сталъ кричать изо всей силы и звать капрала. Явился капралъ, спрашивая, что съ нимъ случилось. Кохъ умолялъ смѣнить его на нѣсколько минутъ, потому-что ему необходимо тотчасъ-же переговорить съ полковникомъ. Капралъ исполнилъ просьбу, и Кохъ побѣжалъ къ своему начальнику. «Что вамъ угодно, г. Кохъ», спросилъ полковникъ.—«Г. полковникъ», отвѣчалъ Кохъ, «я желалъ-бы узнать, что стоитъ этотъ проклятый фургонъ, при которомъ я стою на часахъ?»—«Навѣрное не знаю», сказалъ полковникъ.—«Свѣдѣній о точной его цѣнности мнѣ и ненужно, нельзя ли знать хотя приблизительно?»—«Я полагаю, около 1000 долларовъ», возразилъ полковникъ. «Тысячу долларовъ», повторилъ Кохъ! «хорошо; Пожалуйста кусокъ бумаги, перо и чернила, я вамъ дамъ росписку въ 1000 долларовъ и отправляюсь домой; я заплачу 1000 долларовъ, что-

бы ни случилось съ фургономъ». Полковникъ принялъ росписку; Кохъ лёгъ спать, а въ-послѣдствіи уплатилъ деньги. Фургонъ остался невредимъ, а деньгами воспользовался полковникъ.

Купальня. Индѣйцы, въ-слѣдствіе религіозныхъ своихъ вѣрованій, должны нѣсколько разъ въ день купаться въ Гангѣ или другой священной рѣкѣ. Женщины обыкновенно собираются толпами въ мѣста, отдѣленные заборомъ изъ камыша или холста, который защищаетъ ихъ не только отъ взоровъ мужчинъ, но и отъ опасныхъ подводныхъ жителей. Несмотря на эту предосторожность въ-теченіе послѣднихъ семи лѣтъ, въ Бенаресѣ ежедневно стало исчезать изъ среды купающихся подругъ по нѣсколько женщинъ, увлекаемыхъ въ омутъ непреодолимою силою. Произведены были всѣ возможные изслѣдованія и родились тысячи догадокъ. Одни думали, что крокодилъ забрался въ женскую купальню, какъ-бы волкъ въ овчарню, но ограда была такъ плотна, что онъ никакъ не могъ-бы проникнуть туда; спрошенные браминны обвиняли злыхъ духовъ; полиція, не будучи въ состояніи объяснить причины, почему женщины исчезали, не признавала справедливости этого факта и учредила надзоръ вверхъ по рѣкѣ. Однакожъ все было напрасно; а женщины съ удивительнымъ мужествомъ продолжали купаться въ этомъ опасномъ мѣстѣ, не отдаляясь впрочемъ отъ берега. Въ апрѣлѣ настоящаго года, одна изъ купающихся крикнула неистовымъ голосомъ и исчезла; но какъ она была очень сильна, то удалось ей, при отчаянномъ усилии, освободиться изъ власти противника, котораго всѣ считали крокодиломъ, и она опять явилась между своими подругами. Опомившись нѣсколько отъ испуга, она, ко всеобщему удивленію, объявила, что подверглась нападенію не крокодила, а челоуѣка. Это былъ отличный водолазъ, который ежедневно пробирался къ оградѣ женской купальни, примѣчалъ за купающимися, пролезалъ сквозь тростниковыя колья, хваталъ ту, которая имѣла на себѣ болѣе драгоценностей (ибо индѣянки не снимаютъ ихъ даже купаясь), увлекалъ жертву на дно рѣки и обиралъ ее. Вскорѣ удалось поймать злодѣя, который умертвилъ и ограбилъ такимъ образомъ до тридцати женщинъ. Онъ былъ повѣшенъ на берегу рѣки.

Заправленіе чая духами.—Всѣмъ извѣстно, что китайцы поддѣлываютъ иногда чай, но вотъ недавно мы узнали изъ письма одного европейца, живущаго въ Шангаѣ, что они подмѣшиваютъ къ чаю благовонныя безвредныя растенія, которыя сообщаютъ ему пріятный запахъ и вкусъ. Обыкновенно употребляютъ для этого цвѣтки померанцовые, жасминные и розовые, иногда-же цвѣтки благовонной оливы, аглаи и ларденіи. (Цвѣтками благовонной оливы раздушаютъ дорогой сортъ чая,

Гизонъ-Пекозъ, который употребляютъ какъ освѣжающій напитокъ, по китайски, безъ сливокъ и сахара). Цвѣтки эти срываются прежде совершеннаго ихъ развитія, жасминовые даже еще въ почкахъ, дабы предупредить потерю пахучаго вещества, которое быстро улетучивается. По очищеніи цвѣтовъ отъ сѣмянныхъ стебельковъ и другихъ мелкихъ частицъ, которыя трудно было-бы послѣ отдѣлить отъ чая, примѣшиваютъ ихъ къ совершенно сухому чаю въ пропорціи 40 фун. на 100 фун. чаю и оставляютъ такъ въ-продолженіи сутокъ, потомъ отдѣляютъ цвѣтки отъ чая руками и неоднократно просѣваніемъ. Несмотря на то попадаются въ продажномъ чаѣ эти цвѣтки, но это не должно считать поддѣлкою. Влага, перешедшая отъ свѣжихъ цвѣтковъ къ сухому чаю, устраняется просушиваніемъ чая въ корзинахъ, надъ слабымъ огнемъ изъ древесныхъ углей. Запахъ, который цвѣтки сообщаютъ чаю, сначала слабъ, но чрезъ нѣсколько недѣль значительно усиливается, и сохраняется отъ одного до трехъ лѣтъ, смотря по роду и качеству цвѣтковъ. Главный торгъ раздушенными сортами чая производится въ Кантонѣ.

Очковая змѣя и змѣя въ шляпѣ Очковая змѣя, названная такъ потому, что она запускаетъ зубы въ глаза насущемуся скоту, безспорно, самая красивая между змѣями. Цвѣтъ кожи ея травяной и потому, когда она ползетъ по травѣ или между тростниками, ее почти нельзя различить отъ окружающей ее зелени, и развѣ на самомъ близкомъ разстояніи можно замѣтить ея движенія. Очковая змѣя имѣетъ четыре фута въ длину, но очень тонка; движенія ея граціозны и чрезвычайно быстры; когда-же она испугается, то въ одно мгновеніе притворяется мертвою. «Однажды», говоритъ, Суливанъ въ *The Bengalai and the Tent*, «прогуливаясь въ Канди, я увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя предметъ, похожій на стебель травы или тростника, прекраснѣйшаго зеленого цвѣта; но подойдя къ нему такъ близко, что едва не досталъ его рукою, я убѣдился, что это была очковая змѣя, которая свернула нижнюю свою часть въ клубокъ, и поднявши голову, вверхъ, на какіе-нибудь 12 дюймовъ отъ земли, держалась такъ прямо и неподвижно какъ-будто была сдѣлана изъ малахита.» По удостовѣренію того-же автора кобра или шляпная змѣя также очень красива. Любопытно смотрѣть на нее, когда вблизи играетъ музыка. Змѣя тогда поднимается и изгибаетъ свое тѣло подъ тактъ музыки, въ-продолженіе которой глаза ея, обыкновенно томные и свинцоваго цвѣта, становятся яркими, какъ огонь. Зрѣніе этой змѣи слабо: она не можетъ перенести ни яркихъ цвѣтовъ, ни сильнаго свѣта. Это было уже извѣстно древ-

нимъ, которые думали, что блескъ смарагда ослѣпляетъ кобру. Ядъ ея дѣйствуетъ въ такой-же степени, какъ одна или двѣ капли опиума.

Обширное знаніе. Одинъ студентъ берлинскаго университета держалъ въ первый разъ экзаменъ по юридическому факультету, но показалъ безпримѣрное незнаніе по всемъ вопросамъ, которые ему были предложены, и наконецъ сталъ жаловаться на то, что его спрашиваютъ о такихъ только предметахъ, которые ему неизвѣстны, а не о такихъ, въ которыхъ онъ имѣетъ познаніе. Тогда одинъ изъ экзаменаторовъ, оторвавъ лоскутокъ бумаги, величиною не болѣе квадратнаго дюйма, и подавая его несчастному кандидату, сказалъ: «Такъ какъ изустное испытаніе для васъ затруднительно, то негодно-ли вамъ изложить все, что вы знаете, на письмѣ; вотъ вамъ для этого бумага.»

Слово ура! «Далматскій Наблюдатель» объясняетъ такъ: «Оно чисто славянскаго происхожденія, и произносится отъ береговъ Далматіи до Берингова-пролива, когда нужно воодушевить жителей тѣхъ странъ мужествомъ и храбростію. По понятіямъ древнихъ славянъ, каждый, кто палъ геройскою смертію въ бою за отечество, отправился прямо въ рай (у-рай), и потому войны въ пылу сраженія восклицали, что плутъ у-рай, у-рай; въ-послѣдствіи-же восклицаніе это перемѣнилось на *ура*.» Точно по той-же причинѣ Турки въ сраженіи кричатъ Аллахъ. Восклицанія эти напоминаютъ воинамъ скорую награду за ихъ мужество, и возбуждаютъ въ нихъ презрѣніе къ смерти.

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

АГРАФЕНА ТИМОФЬЕВНА САБУРОВА.

31 августа нынѣшняго года московская сцена лишилась артистки, бывшей сорокъ лѣтъ однимъ изъ лучшихъ ея украшеній. Въ этотъ день былъ прощальный бенефисъ А. Т. Сабуровой. Эта заслуженная актриса, украшеніе московскаго театра, незамѣнимая и незабвенная для публики, оставила сцену совершенно, и грустно отзвуются эти слова во всѣхъ любителяхъ русскаго театра, даже и въ тѣхъ, кому хоть одинъ разъ привелось видѣть эту даровитую артистку.

Аграфена Тимофьевна Сабурова, урожденная Окунева, почти еще ребенкомъ, въ 1807 году поступила въ школу Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ, и въ балетахъ Дидло,

Когда амуры, черти, змѣи

На еденѣ прыгали, шумѣли,

тогдашніе театралы могли ее видѣть въ группѣ маленькихъ эльфовъ, выющихся среди цвѣточныхъ кустовъ, и въ огненной рѣкѣ, среди грѣшныхъ душъ Тартара, въ балетъ: «Амуръ и Психея».

Въ 1809 году знаменитый танцовщикъ Дюпоръ поѣхалъ въ Москву. Для пополненія московскаго кордебалета были переведены въ тамошнюю театральную школу нѣсколько воспитанниковъ и воспитанницъ изъ С. петербургскаго театральнаго училища, въ томъ числѣ и двѣца Окунева, которую тогда-же можно было замѣтить въ московскомъ кордебалетѣ, между множествомъ ея сверстницъ.

Въ 1812 году ждало Окуневу первое ея торжество на драматическомъ поприщѣ. Еще воспитанницей, она должна была играть роль Анюты въ первомъ русскомъ водевилѣ Аблесимова: «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать».

Это было въ последнее воскресенье на масляницѣ 1812 г. (Пусть хронологическія таблицы П. В. Хавскаго рѣшаютъ—которое это было число).

Робко, съ замирающимъ сердцемъ, стояла, прислонясь къ кулисъ, молодая дѣвочка дебютантка; и эту артистическую робость, эту дрожь дебютантки предъ выходомъ на сцену сохра-

нила и знаменитая артистка даже до самаго конца своего поприща. Пишущій эти строки не разъ имѣлъ случай видѣть, какъ нервическая дрожь, происходящая отъ сознанія важности своего дѣла, пробѣгала по членамъ А. Т. Сабуровой въ минуту выхода ея предъ публику, въ то время, какъ какая-нибудь золотая посредственность съ гордою самоувѣренностію смѣло и спокойно выходила на сцену.

Вотъ робкая дебютантка вышла на авансцену, приближается къ рампѣ и поетъ свою арію. Публика слышитъ прекрасный, свѣжій голосъ сопрано, и громкія рукоплесканія встрѣчаютъ молодую артистку со всѣхъ сторонъ.

Вовремя пребыванія Наполеона въ Москвѣ театральная школа была переведена въ Кострому, на родину безсмертнаго основателя русскаго театра, Ѳ. Г. Волкова. Тамъ, принятыя радушно высшимъ обществомъ Костромы, въ домъ просвѣщеннаго начальника губерніи Пасынкова, воспитанницы московской театральной школы, въ томъ числѣ и А. Т. Окунева, неоднократно появлялись въ домашнихъ спектакляхъ.

Недолго гостилъ въ Москвѣ Наполеонъ; безъ оглядки бѣжалъ онъ изъ нея, и схоронилась его армія въ снѣгахъ Россіи, и русскія войска снова вступили въ Москву, и извѣстный русскій драматическій писатель, князь А. А. Шаховской въѣхалъ первый въ Кремль, оставленный Наполеономъ.

Театральная школа возвратилась въ Москву. 30 августа 1814 г. А. Т. Окунева, послѣ блестящаго своего дебюта въ роли Настасьи Прекрасной, въ пьесѣ «Старинныя Святки», поступила на первое амплуа, которое она и занимала съ тѣхъ-поръ постоянно. Главное поприще ея составляла опера, и не было въ то время ни одной лирической драмы, которая-бы не украшалась игрою Окуневой. Моцартъ, Херубини, Россини, Спонтини, Бозельде, Мегюль, Далейракъ, Церъ, Маршнеръ, Кавось, Давыдовъ, какъ и всѣ композиторы прежняго времени, находили въ ней прекрасную исполнительницу, и постоянные успѣхи сопровождали ея сценическое поприще.

Въ 1816 г. А. Т. Окунева вышла изъ школы и въ томъ-же году получила первый свой бенефисъ, вмѣстѣ съ г-жами Ивановой (въ-последствіи бывшей за мужемъ за балетмейстеромъ А. П. Глушковскимъ) и Медвѣдовой (матерью теперешней московской актрисы Н. М. Медвѣдовой), весьма даровитой артисткой, раздѣлявшей съ А. Т. Окуневой пальму первенства на московской

сценъ. Для перваго своего бенефиса онъ избрали оперу «Атала и Терпсихора, или парижскія воспитанницы», въ которой роль Терпсихоры занимала Окунева. Бенефисъ ихъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Съ этого времени А. Т. Окунева получала бенефисъ ежегодно.

Драматическое поприще А. Т. Окуновой представляетъ рядъ непрерывныхъ успѣховъ, вполне заслуженныхъ ея талантомъ. Опера была ея главнымъ торжествомъ, но и комедія, и водевиль, и даже драма, имѣли въ ней прекрасную артистку для ролей молодыхъ любовницъ и сурретоковъ.

Въ 1822 году А. Т. Окунева перемѣнила свою фамилію, выйдя замужъ за любимаго въ Москвѣ актера А. Т. Сабурова. Она имѣла отъ этого брака пятерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое посвятили себя театру.

Въ 1831 году А. Т. лишилась мужа, похищеннаго холерою, и перешла на роли старухъ, которыя исполняла съ совершенствомъ неподражаемымъ. Невозможно исчислить лучшія ея роли; гдѣ-бы, въ чемъ-бы ни играла она, во всемъ она была натуральна и отчетлива, Шекспиръ, Мольеръ и всѣ русскіе драматическіе писатели безъ исключенія находили въ ней прекрасную исполнительницу, всегда готовую своимъ талантомъ поддержать каждое произведеніе. Теперь, будучи шестидесяти лѣтъ отъ роду, со славой и честію прослуживъ театру сорокъ одинъ годъ, А. Т. Сабурова, утомившись уже своими триумфами, по слабости здоровья, особенно по причинѣ ослабленія своего зрѣнія, оставила сцену, если не въ цвѣтъ лѣтъ, то все-таки въ полномъ цвѣтъ своего таланта, который нисколько не старѣлся, а все былъ также юнъ, свѣжъ и прекрасенъ. Въ игрѣ г-жи Сабуровой было много простоты, естественности, жизни, огня и веселости. Прощаясь съ А. Т. Сабуровой, такъ и хотѣлось повторить ей слова, которыя Александръ Дюма вкладываетъ въ уста знаменита Кина: «Оставить театр? О, стало-быть вы не знаете этого хитона Деяниры, котораго нельзя иначе сорвать съ плечъ, какъ съ кусками собственнаго тѣла. Оставить театр! отказаться отъ его потрясеній, блеску, отъ его горестей? Уступить свое мѣсто другому, для того, чтобъ объ васъ позабыли чрезъ годъ, можетъ-быть, даже чрезъ полгода? Нѣтъ, нѣтъ! — Однажды вступивъ на это роковое поприще, должно идти по немъ, исчерпать его радости и печали, осушить до дна его чашу, сладкую и горькую, испить его медъ и желчь, —

должно кончить, какъ началъ, умереть, какъ жилъ; умереть какъ умеръ Мольеръ, при громъ рукоплесканій и *браво*»

Имѣвшіе случай знать А. Т. Сабурову лично, всегда вспоминаютъ о ея добротѣ, радушіи и любезности. Драматическіе авторы всегда будутъ благодарить ее за ея готовность содѣйствовать имъ всеми средствами своего таланта. Любители театра никогда не забудутъ ея прекрасной игры. 31 августа, въ прощальный бенефисъ ея, публика и встрѣчала и провожала любимую свою бенефициантку громкими рукоплесканіями.

Вызванная, по окончаніи послѣдней пьесы, А. Т. Сабурова приблизилась къ рампѣ. Долго оглушительныя рукоплесканія не давали ей говорить; наконецъ они мало-по-малу стихли, и она, прощаясь съ публикою, произнесла слѣдующіе стихи:

Въ прощальный часъ, часъ разставанья,

Здѣсь прямо сердце говорить:

За сорокъ лѣтъ любви, вниманья

Артистка васъ благодарить!

Да, сорокъ лѣтъ своей чредою

Уже минуло съ того дня,

Какъ дебютанткой молодою

Радушно встрѣтили меня!

Всѣ сорокъ лѣтъ безъ исключенья

Отъ васъ гремѣла мнѣ хвала!

Я жизни лучшія мгновенья

На этой сценѣ провела!

И вотъ сегодня на прощаньи

Вниманье ваше вижу вновь,

И сохранию въ воспомнаньи

Къ вамъ: благодарность и любовь —

Еще первыя четыре строчки этихъ стиховъ прервалъ оглушительный громъ рукоплесканій; но, какъ говорится, задрожали стѣны театра отъ рукоплесканій, когда при стихахъ:

Я жизни лучшія мгновенья

На этой сценѣ провела!

артистка заплакала. По окончаніи стиховъ долго еще длились вызовы заслуженной бенефициантки, и ей былъ переданъ лавровый вѣнокъ, перевитый зеленою лентою, съ надписью на ней золотыми буквами: «А. Т. Сабуровой, 31 августа 1855 г.» Въ вѣнокъ ей были переданы слѣдующіе стихи:

Кто слишкомъ сорокъ лѣтъ былъ сцены украшеньемъ,

Кто слишкомъ сорокъ лѣтъ ей ревностно служилъ,
 До самаго конца съ любовью, съ увлеченьемъ
 И чувствомъ и душой искусству преданъ былъ:
 Разстаться съ той нельзя безъ горести глубокой,
 Проститься тяжело съ артисткою такой...
 Въ ней покидаетъ насъ талантъ живой, высокій,
 Согрѣтый свѣтлою и чистою душой.

—

Вотъ почему и мы теперь, прощаясь съ вами,
 Хотя только-бы одно сказать хотѣли вамъ:
 «Талантъ такой, какъ вы, рождается вѣками
 И можетъ-быть другихъ ужъ не дожидаться намъ.
 Безъ васъ скорѣй утрату всѣ оцѣнять;
 Теперь еще вы здѣсь... хоть и въ послѣдній разъ —
 А тамъ!.. Конечно тамъ васъ многія замѣнять,
 Но только ужъ никто намъ не замѣнитъ васъ *

Такъ прощалась московская публика съ знаменитою ветеранскою своею сценою.

Нынѣ г-жа Сабурова переселилась въ Петербургъ, на свою родину, къ своимъ дѣтямъ, изъ которыхъ двое, дочь и сынъ, недавно дебютировали на Александринскомъ-театрѣ.

В. И. Родиславскій.

—

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

30 августа открылся театръ. Войдя въ этотъ день въ залу Малаго-театра, наши глаза были весьма пріятно поражены видомъ театральной залы. Весь Малый-театръ отдѣланъ заново, и отдѣланъ великолѣпно. Блескъ золота по бѣлому полю, отдѣляясь пунцовымъ бархатомъ, которымъ вновь обиты борты ложъ, кресла и стулья театра, представляетъ прекрасный видъ. Театръ выкрашенъ, вызолоченъ и отдѣланъ заново съ большимъ великолѣпіемъ, особенно царская, министерская и директорская логи. Написаны два новые занавѣса: одинъ г. Брауномъ, другой г. Шеньяномъ. Кромъ - того сдѣлано много передѣлокъ и улучшеній въ самомъ устройствѣ театра; но такъ какъ большая часть этихъ весьма полезныхъ передѣлокъ недоступна глазамъ посторонняго посѣтителя, то мы и не можемъ рассказать объ нихъ; но повторимъ снова, что прекрасенъ былъ нашъ

* Стихи О. М. Руднева.

Малый-театръ, а теперь сталь еще лучше, за что нельзя не поблагодарить нашей заботливой театральной Дирекціи.

Передъ началомъ спектакля сыгранъ былъ прекрасный музыкальный антрактъ О. И. Дютша, изъ драмы «Разставанье»; потомъ была представлена пьеса Григорьева «За вѣру, Царя и отечество». Съ громкимъ энтузіазмомъ принималось публикою въ этой пьесѣ все, что отзывалось нашему патриотизму; особенно пѣсня выборнаго (Нѣмчинова) въ первомъ актѣ; а народный нашъ, дорогой для сердца каждаго Русскаго гимна «Боже Царя храни!» прекрасно исполненный нашими оперными артистами, былъ три раза повторенъ, по громогласному требованію публики. За пьесою Григорьева шла комедія «Упрямство и настойчивость», которая была напечатана въ «Пантеонѣ» и которая на нашей сценѣ очень хорошо разыгрывается г-жами Сабуровой 1, Вороновой и Рябовой 2, и Гг. Дмитревскимъ, Шумскимъ и Кремневымъ, и въ заключеніе спектакля миленькій водевиль, переведенный Баташевымъ: «Сосѣдь и сосѣдка», гдѣ такъ хороши г-жа Колосова и г. Шумскій.

31 августа былъ бенефисъ г-жи Сабуровой 1-й. Прощальный бенефисъ ея начался старымъ водевилемъ «Нѣтъ дѣйствія безъ причины», разыграннымъ г-жею Вороновою и г. Востоковымъ, и даннымъ, такъ сказать, для съезда.

Далѣе шелъ третій актъ комедіи Загоскина «Урокъ матушкамъ». Пишущій эти строки очень не любитъ, когда даются отдѣльные акты пьесъ, и не разъ вооружался противъ такихъ отрывковъ, отнимающихъ у пьесы весь ея интересъ и немогущихъ произвести на публику того впечатлѣнія, которое произвела-бы цѣлая пьеса; но все-таки не можетъ не восхищаться игрою А. Т. Сабуровой въ главной роли. На этой роли лежитъ весь актъ и во всемъ актѣ г-жа Сабурова прекрасна, хотя и вредило ей нѣсколько то, что она играла не цѣлую пьесу—торжество ея таланта, а только отрывокъ изъ нея.

Вотъ выходитъ она и таинственно рассказываетъ, какъ она была свидѣтельницею похищенія ея падчерицы, устроеннаго ею почти самою-же; потомъ она начинаетъ комедію; слѣдуютъ сцены притворнаго отчаянія, и наконецъ отчаяніе дѣйствительное, когда она узнала, что всею этою комедіею обманута только она сама; она хочетъ говорить и слова останавливаются у ней въ горлѣ, она задыхается и не можетъ сказать ничего. Во всемъ

этомъ превосходна А. Т. Сабурова. Далѣе шла комедія въ стихахъ «Минутное заблужденіе». Это передѣлка Куликова на русскіе нравы извѣстной комедіи Ожье «Габріэль». Стихъ передѣлки г. Куликова идетъ такъ-себѣ заурядъ, но въ комедіи Ожье есть вещи, которыя не укладываются ни въ русскіе нравы, ни въ русскія вирши, и г. Куликовъ, намъ кажется, лучше бы сдѣлалъ, еслибы перевелъ весьма достойную саму по себѣ върнаго перевода комедію Ожье, а не передѣливалъ бы ее на русскіе нравы, которые ему самому не дались. Ожье одинъ изъ самыхъ даровитыхъ современныхъ драматическихъ французскихъ писателей, и отличается, такъ-сказать, здравымъ, прямымъ взглядомъ на жизнь. Онъ не старается, подобно многимъ другимъ французскимъ драматургамъ, болѣзненно подкапываться подъ тѣ священныя основы, на которыхъ стоитъ общество; онъ не гоняется за ослѣпительнымъ, хотя часто и ложнымъ блескомъ новыхъ идей, добытыхъ болѣзненнымъ взглядомъ на жизнь и вызванныхъ только какъ реакція противъ доведенія до крайности и односторонности тѣхъ отношеній, которыя истинны, многосторонни, върны, удобопримѣняемы и спасительны сами по себѣ; а напротивъ защищаетъ эти святые, истинныя отношенія, возвращая имъ ихъ настоящую силу, смыслъ и значеніе. Такъ и въ Габріэли, онъ стоитъ за бракъ, святость котораго грозитъ нарушить минутное увлеченіе женщины, недовольной прозаичностью мужа и увлекаемой поэтичностью любовника. Но мужъ во-время открываетъ глаза женѣ; онъ ясно, какъ дважды два—четыре, доказываетъ этой женщинѣ, что истинное счастье можетъ быть только тогда, когда оно законно, только въ объятіяхъ мужа и дѣтей ждетъ оно ее; онъ убѣждаетъ ее, но вмѣстѣ и самъ убѣждается, что, погнавшись за матеріальными выгодами семейства, онъ забылъ, что душа молодой женщины жаждетъ и другихъ, болѣе поэтическихъ потребностей; онъ забылъ, что не единственнымъ хлѣбомъ живъ бываетъ человекъ. Комедія эта была разыграна съ большимъ ансамблемъ гг. Самаринымъ, Шумскимъ и Черкасовымъ и г-жами Медвѣдовой и Сабуровой 2-й. Маленькая Борегаръ была мила. Послѣ комедіи, П. М. Садовскій прекрасно передалъ разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, изъ первой части поэмы «Мертвыя Души». За тѣмъ послѣдовала извѣстный водевилъ «Бѣдовая дѣвушка». Арію изъ Жидовки en caricature, пропѣтую бенефицианткой, заставили повторить.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ *дивертисиментъ*, который начался новымъ попури изъ цыганскихъ пѣсень О. И. Дютша «Цыганскій таборъ». Публика, какъ кажется, осталась мало довольна новымъ произведеніемъ даровитаго композитора и съ большимъ удовольствіемъ слушаетъ попури Эрлангера. Кажется, это произошло потому, что пѣсни, избранныя Дютшемъ для его попури, уже сами по себѣ или слишкомъ извѣстны, и даже, такъ-сказать, избиты, или вовсе незамѣчательны. Вотъ причина, почему не имѣло успѣха попури О. И. Дютша, въ музыкальномъ отношеніи хорошо написанное.

Вслѣдъ за попури, ветеранъ нашей сцены, М. С. Щепкинъ, прочелъ стихотвореніе Пушкина «Клеветникамъ Россіи». Признаемся, мы несовсѣмъ довольны этимъ чтеніемъ одного изъ превосходнѣйшихъ стихотвореній нашего великаго поэта. Такъ М. С. Щепкинъ стихамъ:

Славянскіе ручьи сольются-ль въ русскомъ морѣ,

Оно-ль изсякнетъ? — вотъ вопросъ

придалъ не ту интонацію. По нашему мнѣнію слова: «Вотъ вопросъ» надо произнести въ томъ смыслѣ, что объ этомъ уже нѣтъ и не можетъ быть вопроса, ибо и самый оборотъ рѣчи тутъ, такъ называемый, проницескій; а у г. Щепкина выходитъ этотъ стихъ такъ, какъ будто-бы въ самомъ дѣлѣ можетъ быть объ этомъ вопросъ.

Е. В. Бороздина очень мило проплясала русскую пляску съ г. Пышковымъ. Но только, ради истины, что это за русская пляска? Ну въ какой деревнѣ, какой губерніи, пляшется она? Повѣрьте, такой пляски не пляшетъ ни одинъ мужикъ, ни одна баба, ни одинъ молодецъ, ни одна красная дѣвица. Эта пляска, обыкновенно исполняемая и выдаваемая намъ за русскую, вовсе не русская, а сочинена итальянцемъ де Росси.

Настоящую русскую пляску пляшетъ Каспцкая съ Васильевымъ въ пьесѣ «Бѣдность не порокъ». — Вотъ это русская пляска, такъ ужъ русская настоящая.

1 сентября шла въ первый разъ новая, четырехъ-актная комедія М. И. Воскресенскаго «Двадцать одинъ и тридцать девять».

Имя г. Воскресенскаго довольно извѣстно. Многіе его романы пользуются успѣхомъ. Но на сценѣ ему не такъ счастливится. Только одна его комедія, «Странная свадьба», имѣла довольно замѣчательный успѣхъ. Причина та, что въ своихъ дра-

матическихъ произведеніяхъ М. И. Воскресенскій высказываетъ много лишняго, отчего пьесы получаютъ растянутость. Онъ, привыкши къ повѣствовательному роду, забываетъ правило одного драматурга, имѣвшаго огромный успѣхъ на сценѣ: «краткость—эта живая вода, которою надо вспрыскивать пьесы». Сюжетъ, едва достаточный для одно-актнаго, а ужъ много для двухъ-актнаго водевиля, М. И. Воскресенскій растягиваетъ на 4, на 5 актовъ, и чрезъ то губитъ пьесу, которая безъ этаго, по содержанію своему, имѣла-бы непременно успѣхъ. Изъ всѣхъ его пьесъ «Двадцать одинъ и тридцать девять» въ отношеніи къ сценической отдѣлкѣ самая слабѣйшая. Въ чтеніи, мы увѣрены, она многимъ понравится. Цѣлыхъ два акта проходятъ безъ всякаго дѣйствія, въ длинныхъ разговорахъ, вовсе неидущихъ къ настоящему дѣйствию пьесы и составляющихъ рѣшительно *hors d'oeuvre*. Только съ третьяго акта начинается дѣйствительный сюжетъ; съ него-то и надлежало-бы начать пьесу. Отъ этаго она много-бы выиграла.

Весь сюжетъ ея состоитъ въ томъ, что два молодые человека, Бѣльскій (Самаринъ) и Чернинскій (Востоковъ), друзья между собою, влюблены въ одну и ту же дѣвушку—Юлію Ракитину (Медвѣдева), и сватаются оба на ней. Будучи совершенно равны между собою во всѣхъ отношеніяхъ, какъ двѣ равныя математическія величины, они рѣшаются покончить споръ объ Юлинькѣ дуэлью; но ихъ общій другъ (Дмитревскій) предлагаетъ имъ бросить жребій, т. е. чтобъ одинъ женился на Юлинькѣ, а другой ухаль-бы на 18 лѣтъ изъ Россіи; чрезъ 18 лѣтъ онъ пусть воротится, а мужъ Юлиньки въ это время долженъ умереть во что-бы то ни стало. Юлинька достается по жребію Чернинскому. Бѣльскій увѣжаетъ, и по возвращеніи своемъ черезъ 18 лѣтъ лѣтъ встрѣчаетъ уже дочь Юлиньки, тоже Юлиньку (Г-жа Медвѣдева-же, которая въ 4-мъ актѣ играетъ уже двѣ роли — и дочери и матери), принимаетъ ее за мать, потомъ узнаетъ, что это уже дочь, а не мать, и женится на ней, представляя матерью владѣть своему другу Чернинскому.

Къ несчастію пьесы, и актеры разыграли ее нетвердо и довольно нерадиво.

Почтенный авторъ не будетъ на насъ въ претензіи, что мы предпочитаемъ его романы и повѣсти—драматическимъ произведеніямъ, въ которыхъ его талантъ не выкупаешь промаховъ противъ рутинны сценической. Впрочемъ, припомнимъ и то, что очень

немногимъ, даже знаменитѣйшимъ романистамъ посчастливилась сцена. Примѣръ: Вальтеръ-Скоттъ и Бальзакъ.

2 сентября, въ миленькой пьесѣ кн. Кугушева «Комедія безъ названія», въ роли Восадулина, дебютировалъ молодой Ленскій, сынъ извѣстнаго водевиллиста Д. Т. Ленскаго. Подождемъ другихъ его дебютовъ, чтобы сказать объ немъ что-нибудь.

5 сентября былъ бенефисъ г. Курова, для котораго онъ избралъ извѣстную оперу А. Н. Верстовскаго «Аскольдова могила», съ успѣхомъ возобновленную въ прошедшемъ году.

Г. Куровъ дебютировалъ на московской сценѣ 6 сентября 1842 г., въ роли Сусасина, въ оперѣ М. П. Глинки «Жизнь за царя», и съ-тѣхъ-поръ занимаетъ амплу перваго басса на московской сценѣ. За стараніе и трудолюбіе онъ заслуживаетъ полной похвалы.

Если сравнить обстановку «Аскольдовой могилы» 1835 года 15 сентября, когда она дана была въ первый разъ, съ представленіемъ ея 5 сентября 1855 года, то мы найдемъ, что изъ всѣхъ участвовавшихъ въ ней актеровъ сохранились только П. Степановъ и Никифоровъ, по-прежнему играющіе одинъ Вахрамьевну, другой Вышату; другіе все безъ исключенія перемѣнились въ эти двадцать лѣтъ. Въ бенефисъ Курова главныя роли въ этой оперѣ занимали: гг. Куровъ, Лавровъ (съ успѣхомъ дебютировавшій еще въ прошломъ году въ роли Торопа, въ которой былъ некогда такъ славенъ Бантышевъ) Петровъ, Никифоровъ, Степановъ, Васильевъ и г-жи Семенова и Акимова.

6 сентября играла въ послѣдній разъ на нашей сценѣ К. А. Сабурова 2-я, дочь знаменитой артистки А. Т. Сабуровой, перешедшая на петербургскую сцену.

К. А. Сабурова играла на нашей сценѣ и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ, и въ операхъ. Были роли, которыя она исполняла очень хорошо. Такими ролями мы назовемъ у нея роли въ пьесахъ: «Война съ тещей», «Пощечина», «Морской волкъ», «Битва жизни» и мн. др. Перейдя въ оперу, она занимала все первыя контральтовые партіи. Самая лучшая похвала, которую мы можемъ ей сдѣлать — та, что К. А. Сабурова 2-я лучше всѣхъ исполнила до-сихъ-поръ никѣмъ невыполненную какъ должно, трудную роль Софьи Павловны (въ Горѣ отъ ума) трудную потому, что она до того проста и естественна, что если въ игрѣ артистки мало-мальски отзовется что-нибудь сцению, игрою, то вся роль пропала. К. А. Сабурова 2-я была луч-

ная (хотя и далеко несовершенная) Софья Павловна изъ всѣхъ, исполнявшихъ эту роль, хотя въ этой роли мы видали двухъ знаменитыхъ артистокъ: г.-жу Орлову и В. В. Самойлову 2-ю и еще съ пятокъ актрисъ, далеко небездарныхъ.

7-го сентября былъ первый дебютъ новаго баритона, К. Н. Божановскаго. К. Н. Божановскій, московскій уроженецъ, будучи одаренъ отъ природы прекраснымъ голосомъ, еще въ весьма молодыхъ лѣтахъ обращалъ на себя вниманіе московской публики, въ рѣдкихъ своихъ появленіяхъ передъ нею. Мы помнимъ, какимъ успѣхомъ сопровождалось его первое появленіе въ бенефисъ А. Т. Сабуровой; помнимъ, съ какимъ успѣхомъ, безъ всякаго приготовленія, онъ участвовалъ въ концертѣ Г. Маріо. Знаменитый концертистъ остался имъ доволенъ и даже сдѣлалъ ему подарокъ.

Желая усовершенствовать свое природное дарованіе, онъ поѣхалъ въ страну музыки и пѣнія—въ Италію, и тамъ поступилъ въ флорентійскую академію изящныхъ искусствъ, гдѣ пользовался уроками Чекирини, капельмейстера капеллы великаго герцога тосканскаго и замѣчательнаго композитора. Въ флорентійской академіи онъ получилъ первый призъ. Въ флорентійскомъ Мониторѣ 1852 г. (Monitore di Firenze) можно прочесть объ этомъ въ высшей степени замѣчательномъ успѣхъ молодаго русскаго пѣвца, увѣнчавшагося первою наградою. Потомъ К. Н. Божановскій игралъ съ успѣхомъ на нѣкоторыхъ театрахъ Италіи, и вотъ теперь, вполне развѣвъ и усовершенствовавъ свой голосъ, онъ появился предъ родною публикою, которая и одѣлила его труды и дарованія. Такого блестящаго дебюта мы давно уже не помнимъ въ нашей оперѣ. Съ весьма выгодною для сцены наружностію, съ прекраснымъ и хорошо обработаннымъ голосомъ, К. Н. Божановскій исполнилъ роль Родольфа въ «Сомнамбуль» Беллини, очень удовлетворительно.

12 сентября былъ бенефисъ Г. Петрова, молодаго тенора, обладающаго пріятнымъ, хотя и несильнымъ голосомъ. Онъ избралъ оперу М. И. Глинки «Жизнь за Царя», возобновленную послѣ пожара Большаго-театра на сценѣ Малаго-театра, безъ послѣдняго акта, впрочемъ необходимаго и по смыслу пьесы, и по смыслу музыки. Нельзя не пожалеть объ такой урѣзкѣ. Чрезъ это мы лишились удовольствія слышать много прекраснаго, и въ томъ числѣ знаменитую арію контральто: «Не мнѣ бѣдному.» Но такова уже участь музыки М. И. Глинки на московской

сценъ: здѣсь всякій разъ перваго и лучшаго русскаго композитора какъ-нибудь да подрѣжутъ.

Опера эта идетъ на московской сценѣ съ довольно хорошимъ ансамблемъ, исполняемая гг. Куровымъ (Сусанинъ), Петровымъ (Сабининъ) и г-жею Семеновою (Антонида). Въ бенефисъ г. Петрова мы видѣли новаго Ваню, г-жу Легошину, въ первый разъ исполнявшую эту роль. Хотя партія Вани и несовершенно согласна съ діапазономъ голоса г-жи Легошиной, но все-таки она въ музыкальномъ отношеніи исполнила ее довольно хорошо, а сыграла роль Вани такъ, что просто на удивленіе. Г-жа Легошина, къ сожалѣнію, очень рѣдко появляется на сценѣ; но сыграть роль эту съ такимъ чувствомъ, естественностью и простотою — хоть-бы и опытной, извѣстной артисткѣ. Особенно можно было полюбоваться ея нѣмною игрою въ то время, когда поляки пришли къ Сусанину и зовутъ его въ проводники. На лицѣ этого мальчика Вани (Легошиной) было написано столько страха, и столько любви къ Сусанину, что выраженіе лица г-жи Легошиной въ этой сценѣ можно назвать художественнымъ.

За оперою М. И. Глинки шла, по возобновленіи въ первый разъ, пьеса А. О. Аблесимова «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать», игранная въ первый разъ 20 января 1779 года и повторенная въ то время въ Москвѣ 22 раза сряду, а въ Петербургѣ, на вольномъ театрѣ Книппера, 27 разъ къ ряду. Пьеса эта имѣла успѣхъ блистательный и вмѣстѣ съ тѣмъ не кратковременный. Ее даютъ въ 1855 году. Смотря эту пьесу, въ наше время все-таки немного устарѣваю, не можешь не удивляться, какъ Аблесимову въ то время, когда почти все въ искусствѣ становилось на ходули французской псевдо-классической литературы, пришла мысль написать пьесу, которая была-бы такъ полна простоты и естественности и такъ согласна съ нашимъ народнымъ бытомъ, въ такое время когда, о національности были свои понятія, чисто условныя. Пьеса Аблесимова была разыграна всеми участвовавшими, т. е. гг. Садовскимъ, Дмитревскимъ, Лавровымъ и г-жами Акимовой и Бороздиной, такъ, какъ только на московской сценѣ разыгрываются пьесы изъ русскаго быта, — т. е. превосходно.

Корреспондентъ.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 9.

КАРЬЕРА.

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Е. Е. Королева.

ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ ТЕАТРѢ ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,
1-го декабря 1854 года, въ пользу В. В. Самойлова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ СТРАХОВЪ	<i>Г. Самойловъ.</i>
ВѢРА МИХАЙЛОВНА, жена его	<i>Г-жа Самойлова.</i>
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ОРЪХИНЪ.	<i>Г. Мартыновъ.</i>
ИВАНЪ, слуга СТРАХОВА.	<i>Г. Фальевъ.</i>
АНДРЕЙ ПЕТРОВИЧЪ ВОЛГИНЪ.	<i>Г. Славинъ.</i>
АННА ПАВЛОВНА, жена его.	<i>Г-жа Громова.</i>
МАШЕНЬКА, дочь ихъ.	<i>Г-жа Читай.</i>
СИДОРОВНА, кухарка Волгиныхъ.	<i>Г-жа Рамазанова.</i>
ИВАНЪ ПАНКРАТЬЕВИЧЪ АКУЛОВЪ	<i>Г. Каратыгинъ,</i>
ПАВЕЛЪ ИВАНОВИЧЪ ЕГОРОВЪ	<i>Г. Зубровъ:</i>
СЕМЕНЪ	<i>Г. Розенштремъ.</i>
ЯКОВЪ	<i>Г. Семихатсовъ 2.</i>
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ СТРУЙСКІЙ.	<i>Г. Вороновъ.</i>
ВОЛОДЯ.	<i>В-ца Лядова.</i>
ЛЮБА.	<i>В-ца Фабержъ.</i>
ПОЛОВОЙ.	<i>Г. Разказовъ.</i>

Дѣйствія I, II и III происходятъ въ Петербургъ, IV въ Новгородъ.

Между дѣйствіями I и II проходитъ 3 недѣли.

— — II и III 3 года.

— — III и IV 6 лѣтъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛЮБОВЬ и ЧЕСТОЛЮБИЕ.

Небогато меблированная комната. Двѣ двери: направо въ кабинетъ Страхова, въ среднѣй общій выходъ.

I.

ИВАНЪ чиститъ замокъ у среднихъ дверей; у него рвется рукавъ.

Тирру! Стой! Ишь повхаль!... Рано, братъ, въ отставку!.. Вотъ, погоди, новый съ бариномъ сошьемъ, такъ на тебя и не взглянемъ тогда. Гмъ! Шутка сказать — сошьемъ!.. Да чтобъ спить-то нужны деньги, а у насъ ихъ словно жаворонковъ зимой... Странно! Диви-бы баринъ-то деньги транжирилъ, а то и не транжиритъ больно, а какъ сквозь землю валятся... Вотъ что называется характеру-то нѣтъ!.. Хоть-бы у Ивана учился! Есть деньги, скажешь: вышей, Иванъ!.. И безпремьнно вышью, ужъ безпремьнно! *(Въ передней звонятъ)* Звони, звони, неравно колокольчикъ оборвешь... Ишь больно скоро надо! Вотъ дай срокъ, дочичу, такъ и отворю... Вѣрно Кондрашка изъ булочной. Ну, ужъ надеру я ему вихоръ. *(Снова сильный звонокъ)*. Тфу, ты окаянный! И впрямь колокольчикъ оборветъ!.. Иду, иду!..

СТРАХОВЪ *(изъ кабинета)*. Иванъ! Что ты, оглохъ, что-ли? Кто тамъ звонить?.. Пошелъ отогри!

ИВАНЪ. Тфу ты пропасть!.. Не сломя-же голову бѣжать-то! *(Уходитъ съ среднюю дверь, и тотчасъ-же возвращается съ Орехинымъ)*.

II.

ОРЪХИНЪ и ИВАНЪ.

ОРЪХИНЪ. Экая старая соня! Битыхъ полчаса заставилъ меня дожидаться на морозъ. Возьми шинель. Что, баринъ дома?

ИВАНЪ. Дома-съ, пожалуйста. Въ кабинетъ разныя дѣла пишутъ-съ. Какъ-съ доложить объ васъ?

ОРЪХИНЪ. Николай Васильевичъ Орѣхинъ.

ИВАНЪ. Слушаю-съ. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

III.

ОРЪХИНЪ.

Ха, ха, ха!.. Удружу-же я ему!.. Нельзя. Казусъ-то, казусъ-то вѣдь какой!.. Третьяго-дня сижу; кажется, непомню, Ицелу просматриваль... Вдругъ нарочный... Зовутъ къ Ивану Панкратьевичу. Одѣваюсь, иду... Иванъ Панкратьевичъ съ распростертыми объятіями не идетъ, а бѣжитъ ко мнѣ... Николай Васильевичъ! Что это ты? Что тебя такъ давно не видно!.. Странно, не ладно что-то... Прежде, бывало, Иванъ Панкратьевичъ, отчего-жъ, и приласкаетъ, да все какъ-то этакъ деликатно, важно. Что-то будетъ? Слово за слово... Что ты, говорить, Николай Васильевичъ, не женишься? Э, братъ, куда ты мѣтишь!.. Надо вамъ замѣтить, что у Ивана Панкратьевича есть воспитанница... этакъ воспитанница... Вѣрочка... ухъ! продувная дѣвчонка!.. Кажется нашего брата проведетъ, да и выведетъ... Такъ ты это Вѣрочку-то за меня хочешь отдать, думаю я... Спасибо, удружилъ!.. Нѣтъ, говорю, Иванъ Панкратьевичъ, я еще такъ молодъ... «Что-же, не въ шестдесятъ-же лѣтъ тебѣ жениться?»... И пошелъ, и пошелъ... Часа три толковалъ все о женитьбѣ... О Вѣрочкѣ ни слова... Политикъ... Я вижу, нѣтъ, не отвернешься... Да оно-бы и отвертываться нечего, по настоящему... Ну, кому-бы, кажется, какъ не мнѣ, жениться на воспитанницѣ Ивана Панкратьевича?.. Ходатай по дѣламъ и секретарь, а онъ откушникъ и богачъ... Другой-бы на моемъ мѣстѣ и съ руками и съ ногами... Да я-то немножко короче знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, чѣмъ быть должно. Во-первыхъ, Вѣрочка немножко въ странномъ положеніи... Ну, да на это можно-бы было еще смотретьъ сквозь пальцы... Во-вторыхъ, она бойка черезчуръ... Ну, да и то-бы ничего; какъ-нибудь-бы справился... А вотъ, въ третьихъ-то, въ третьихъ... Вотъ что гадко!.. Положимъ, что Иванъ Панкратьевичъ и сулитъ за Вѣрочкой горы золота, да вѣдь это синица въ небѣ... Помню, братъ, я Сергѣя то Семеновича: ста рублями отдѣлался!.. Хоть онъ, можетъ-быть, для Вѣрочки-то и не надуетъ, да ужъ у меня характеръ такой: пока вотъ въ руки не положишь—не повѣрю!.. Иначе какъ разъ промахнешься, а поправить-то ужъ нечѣмъ: жена не рукавица, съ руки не сбросишь!.. Думаю себѣ, да слу-

шаю... Панкратъичъ мой не вытерпѣлъ, брякъ мнѣ: «Бери Вѣрочку, я тебя и въ люди-то выведу, и Крезомъ сдѣлаю!»... Я на отръзъ не сказалъ, что нѣтъ, дескать, не могу... Нельзя, сейчасъ съ мѣста долой... Я ужъ знаю его... А палатой одной не разживешься, нынѣ тамъ строгонько... Вотъ я и началъ сперва про счастье толковать, которое доставляетъ мнѣ это предложеніе, а потомъ нечувствительно перешелъ... вѣдь вотъ находчивость!.. на то, что, дескать, у меня есть другъ, страстно влюбленный въ Вѣрочку, и потому я не хочу сдѣлать его несчастнымъ... Да вѣдь кого-же въ друзья-то выбралъ?.. Ха, ха, ха!.. Страхова!.. Вѣдь это другой думай, такъ не придумаетъ! Во-первыхъ, душа какая-то глиняная: только размочи, такъ что хочешь дѣлай... А главное—честолюбіе, честолюбіе есть!.. Первый шагъ сдѣланъ... Мы были въ ссорѣ, т. е. не въ ссорѣ, а такъ... я его въ загонъ держалъ... совершенно ненужный человекъ былъ. Теперь умаслить его надо, а тамъ... Надуетъ его Иванъ Панкратъевичъ — по-крайней-мѣрѣ не я пострадаю; не надуетъ — мнѣ же будетъ пожива!

IV.

ОРЪХИНЪ, СТРАХОВЪ, ИВАНЪ.

СТРАХОВЪ. Николай Васильевичъ!

ОРЪХИНЪ. Володя!.. Дружище!.. Что, небось, не ожидалъ? (Обнимаетъ его).

СТРАХОВЪ (съ радостію) Не понимаю, чему я обязанъ, что вижу васъ у себя?..

ОРЪХИНЪ Во-первыхъ, для тебя я не Николай Васильевичъ, а Коля, и не вы, а ты; во-вторыхъ, дай, пожалуйста, чего-нибудь согрѣться... эта старая рохля заморозила меня.

ИВАНЪ (всторону). Крапивой-бы тебя погрѣть, ругатель ты этакой!

ОРЪХИНЪ. Ты удивляешься, что я опять съ тобой безъ церемоній?.. Послѣ расскажу, послѣ... а теперь... бррр... какъ холодно!..

СТРАХОВЪ. Сейчасъ, сейчасъ!.. Иванъ, принеси скорѣе пуншу. (Иванъ уходитъ и скорѣе возвращается, неся на поднось стаканъ съ пуншемъ, который подаетъ Орѣхину).

ОРЪХИНЪ. Ну, Володя, скажи: ты не серднись, что я совсѣмъ забылъ тебя?.. Нельзя, братецъ, дѣла!.. Вѣдь ты знаешь... Иванъ Панкратъевичъ шутить не любитъ. Да притомъ и въ свѣтъ-

то я попалъ... Въдь ты, братъ, еще не знаешь, что я за роль играю нынѣ!.. Почти каждый вечеръ у кого-нибудь... То у графа Краснопольскаго, то у князя Пронскаго... Ну, къ своимъ-то и некогда... А къ нимъ не быть нельзя... Знаешь, этикетъ.

СТРАХОВЪ. Да, ты теперь въ большомъ свѣтѣ, счастливецъ!.. Ты на большой дорогѣ къ почестямъ, къ знатности.. То, до чего, можетъ-быть, мы добиваемся, тратя жизнь по капль, тебѣ дается безъ труда... Да не вѣсьмъ такое счастье!..

ОРЪХИНЪ. А знаешь-ли, Володя, что тебѣ стоитъ только сказать слово и ты будешь въ томъ-же самомъ большомъ свѣтѣ и будешь занимать мѣсто, пожалуй, что побольше моего. Хотя все и говорятъ обо мнѣ чортъ знаетъ что, но я всегда старался объ моихъ друзьяхъ... Примѣръ ты... Слушай-же!.. Вотъ въ чемъ дѣло... Въдь ты знаешь Ивана Панкратьевича, у котораго я секретаремъ?.. Въдь порядочный гусь?.. А?..

ИВАНЪ. Такъ-съ.

СТРАХОВЪ. Ну, ну!..

ОРЪХИНЪ. Видѣлъ ты у него воспитанницу, Вѣрочку?

СТРАХОВЪ. Къ чему это?

ОРЪХИНЪ. Въ этомъ-то, братъ, и вся штука. Она гдѣ-то видѣла тебя и влюбилась безъ памяти... Отдыху не давала Ивану Панкратьевичу... сосватай, да сосватай.. Онъ сперва не соглашался, но тутъ подвернулся я. Я началъ выставлять твои прекрасныя качества... хотя, признаюсь, говорилъ противъ себя: я самъ, братъ, влюбленъ въ нее до безумія!.. Ну, и онъ, наконецъ, согласился. Что, каково!.. Ну, да обними-же меня, поблагодари!..

ИВАНЪ (про себя). Такъ-съ, да у насъ ужъ есть своя зазнобушка.

СТРАХОВЪ. Спасибо, другъ мой, спасибо!.. Ты поступилъ благородно... Но, къ несчастію, я не могу принять предложеніе Ивана Панкратьевича.

ОРЪХИНЪ (про себя). Вотъ тебѣ разъ!.. (Вслухъ). Володя! Въ умъ-ли ты?..

СТРАХОВЪ. Я уже сосватанъ.

ИВАНЪ (всторону). Да-съ, ужъ мы сосватаны.

ОРЪХИНЪ. Только-то! Вѣрно за какую-нибудь купчиху или дочь коллежскаго регистратора?.. Поздравляю!..

ИВАНЪ (всторону). Нѣтъ, гни выше.

СТРАХОВЪ. Невѣста моя предостойная дѣвушка. Конечно она не богата, но родители ея честные люди.

ОРЪХИНЪ (*про себя*). Дѣло скверно!.. (*Вслухъ*). Ну, дай Богъ, въ добрый часъ!.. Такъ ты, стало-быть, только похвасталъ, помнишь, какъ мы выходили изъ пансіона, что какими-бы то ни было путями, а ужъ будешь чѣмъ-нибудь поболье насъ?.. Эхъ! канальство!.. Одно досадно: что я напрасно хлопоталъ!.. Теперь Иванъ Панкратьевичъ такой носъ натянетъ, что будешь помнить!.. Дуракъ я былъ!.. Мнѣ-бы самому посвататься, а тутъ за другихъ хлопочешь... По-крайней-мѣрѣ, обезпечилъ-бы себя на всю жизнь. Триста или четыреста тысячъ давалъ онъ за ней— не помню!..

ИВАНЪ (*всторону*). А! Вотъ оно что!..

СТРАХОВЪ. Серебромъ?

ОРЪХИНЪ (*про себя*). Гнется! (*Вслухъ*). Конечно, серебромъ... Да это вздоръ!.. Онъ можетъ ежегодно давать столько-же: дѣтей, вѣдь, нѣтъ... А вотъ что главное — въ люди вытасить. Вотъ хоть-бы мѣсяца два тому назадъ, сидимъ мы въ кабинетѣ.. Слово за слово... Онъ и говоритъ мнѣ: Что у тебя, братецъ, за чинъ? Такимъ-ли ты долженъ быть?.. Мнѣ тогда рѣшительно не въ догадъ, на что онъ намекаетъ. Потомъ ужъ понялъ, что онъ Вврочку-то за меня прочилъ. Волосы рвалъ на себя, когда узналъ правду-то!.. Вѣдь давно-бы статскимъ былъ!..

ИВАНЪ (*про себя*). Батюшки свѣты!..

СТРАХОВЪ. Ужъ и статскимъ?..

ОРЪХИНЪ. Статскимъ, ей Богу мало!.. Дѣйствительнымъ статскимъ! Ты, братъ, не знаешь, что за человекъ этотъ Иванъ Панкратьевичъ. Какіе къ нему вельможи-то вздять... Вотъ на дняхъ еще четыре туза у него обѣдали... какъ честный человекъ!.. Еще Вврочкъ комплиментовъ-то, комплиментовъ сколько наговорили!.. А который-то изъ нихъ, не помню, говоритъ: я вашему мужу, говоритъ, звезду на свадьбу пришлю... Ей Богу, не вру!..

ИВАНЪ (*про себя*). Царь ты нашъ небесный!

СТРАХОВЪ. Ужъ и звезду!.. Ты увлекся немножко.

ОРЪХИНЪ. Вотъ еще!.. Что-жъ, я вратъ, что-ли, буду!.. Звезду, да еще какую—съ брилліантами!.. Конечно, не на фракъ, а такъ себя, фермуаръ какой-нибудь... А тамъ, пожалуй, и на фракъ получишь... Не понимаю тебя!.. Да еслибы мнѣ предложили выборъ, я-бы ни минуты не колебался: хорошенькая жена,

четыреста тысячъ и звезда въ перспективѣ! . Въ маскарадѣ-ли, въ театрѣ-ли—всѣ тебѣ почтеніе отдаютъ... А женишься на своей благородной, да бѣдной, такъ и сиди на шахѣ, да на кашѣ... да и то дай Богъ, а то какъ и всего ничего... Да еще она рога тебѣ приставитъ... Знаемъ мы этихъ благородныхъ, да бѣдныхъ!..

Иванъ (*всторону*). Резонть, резонть!.. Ишь ты, скажи на милость!.. Съ виду-то скаредный какой, а и впрямь онъ Владиміру-то Ивановичу добра хочетъ.

Страховъ. Не клевети напрасно!.. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого брака, я и въ-самомъ-дѣль буду въ бѣдственномъ положеніи, но она не обманетъ меня... Ты не знаешь этой дѣвушки.. Она любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ?..

Орехинъ. Можетъ-быть, не спору, но согласись самъ, какъ можно промѣнять Вѣрочку, съ такою блестящею карьерою, на какую-нибудь Сашу или Машу, съ которой ты... ну, годъ проживешь счастливо.

Страховъ (*съ увлеченіемъ*) Вѣчно!

Орехинъ. Ну, два, три — много!.. Да потомъ-то что вы будете дѣлать?.. Пойдутъ дѣти, пойдутъ нужды, а денегъ нѣтъ... Вѣдь не милостыню-же идти просить... Въ Аркадіи дѣло другое, можно-бы было и безъ хлѣба жить, да вѣдь у насъ-то Петербургъ, а не Аркадія... И прощай тогда всѣ твои золотыя мечты!..

Иванъ (*про себя*). Резонть, Резонть!..

Орехинъ. Впрочемъ, какъ хочешь!.. Что я, въ-самомъ-дѣль, стараюсь!.. Вѣдь мнѣ-же лучше: не тебѣ, такъ мнѣ она достанется!..

Иванъ (*всторону*). Нѣтъ, ужъ, братъ, врешь!.. (*Вслухъ*). Батюшка, Владиміръ Иванович!.. Что тутъ больно думать-то?.. Ну что мы съ Марьей-то Андреевной станемъ дѣлать?.. Вѣдь пора намъ и объ себѣ-то подумать!.. Вонъ и сюртучишка-то ваша вѣдь больно плоховатъ... Что мы вѣкъ-то будемъ биться, какъ рыба объ ледъ?.. Баринъ-то вамъ добра хочетъ.

Орехинъ. Вѣдь вотъ пѣшка, болванъ, а посмотри какъ умно разсуждаетъ!.. Ну, есть-ли въ тебѣ разсудокъ-то!.. Ну, вотъ, взгляни, — дуракъ, болванъ, а какъ онъ понялъ это съ-разу!.. Дѣльно, Иванъ, дѣльно!.. Что дѣльно,—то дѣльно!..

Иванъ. То-есть оно, вотъ видите-ли, по пословицѣ: рыба ищетъ гдѣ глубже, человекъ гдѣ лучше!.. Вотъ-съ мы какъ смѣкаемъ... Я вотъ вашей милости, вотъ отъ сердца скажу: вижу, что вы барину-то добра желаете... Ну, сами посудите, какъ мы живемъ-

то!.. Въдь страмъ!.. А тутъ ухъ! фономъ какимъ Иванъ-то прикатиль-бы на дворъ... Ливрея-бы темная... пуговицы золотыя, большущія... А вамъ бы, Владиміръ Ивановичъ, мы-бы шубку кунью, аль соболью сшили, съ бобрікомъ... Часики этакъ-бы... Лихача... Кто ѣдетъ?.. Мы-ста!..

СТРАХОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Не хочу, не хочу!..

ОРЪХИНЪ. Да что это въ-самомъ-дѣль?.. Въдь это, братъ, не жить, значить... Эхъ, кабы тебя-то на свѣтъ Божій пустить!.. То-то, я думаю, пыли-то пустиль-бы въ глаза!..

ИВАНЪ. Да-съ, ужь утерли-бы носы.. -то всѣмъ! Владиміръ Ивановичъ!.. послушайте старика... Ухъ, какими-бы мы королями-то зажили тогда!.. (*Всторону*). Водки-то, водки-то... ведрамн-бы держали!..

ОРЪХИНЪ. Ну-же, рѣшайся скорѣй... Мнѣ еще надо ѣхать съ визитомъ... Ну, да?

СТРАХОВЪ. Нѣтъ, нѣтъ!.. Ужъ я тебѣ сказалъ и не перемью своего слова.

ОРЪХИНЪ (*встаетъ и застегивается. Всторону*). Врешь, братъ!... За что-жъ я потѣлъ столько времени съ тобою?.. Экое красно-рвчіе!.. Въдь вотъ что значить въ бѣду попасться: откуда что берется... Ну, не сегодня, такъ завтра... Ужъ я тебя знаю... Погнешься... За что-жъ изъ-за тебя я долженъ мѣста-то лишиться. (*Вслухъ*). Ну, желаю тебѣ счастья съ твоей возлюбленной!.. Впрочемъ, ты подумай. Я завтра заверну къ тебѣ. До свиданія!..

СТРАХОВЪ. Прощай!.. Но знай напередъ, что я не перемью своего намѣренія

ИВАНЪ. Эхъ, баринъ, неладно, неладно!.. Какой случай-то богатющій упуцаете!.. Эхъ, неладно, неладно!..

ОРЪХИНЪ. Да ты обсуди на свободу, хорошенько обсуди!.. Вспомни, что отъ этого зависитъ твоя карьера... Прощай! (*Уходитъ*).

V.

СТРАХОВЪ и ИВАНЪ.

ИВАНЪ. Владиміръ Ивановичъ!.. Да тутъ и думать-то нечего... Брякнули-бы «да», и дѣло съ концомъ!.. (*Всторону*). Эхъ Ванька!.. По губамъ тебя помазали только!.. Нѣтъ!.. Знать, намъ дорогу-то черная кошка перебѣжала!.. (*Уходитъ. Страховъ сидитъ у стола, задумавшись*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ИЗБРАЛЪ ДРУГУЮ ДОРОГУ.

Небогато меблированная столовая. Посреди диванъ, передъ диваномъ столъ; подлѣ дивана шкафъ.

I.

МАШЕНЬКА вынимаетъ чашки изъ шкафа и разставляетъ ихъ на столѣ.

Володѣ, папенькѣ, маминькѣ, мнѣ... четыре. Ну, а какъ Володя не будетъ?.. Нѣтъ, будетъ непременно будетъ, ужъ я знаю, что будетъ. Да, вотъ лучше на узелки... (*Вынимаетъ платокъ и дѣлаетъ узелки*). Съ узелкомъ будетъ, безъ узелка — нѣтъ. (*Вынимаетъ съ узелкомъ*). Ну вѣдь я говорила, что будетъ. Ужъ я же накажу его. Цѣлый вечеръ ни слова. Пусть съ панашей о Кутузовѣ толкуютъ. Всегда его встрѣчала, теперь и встрѣчать не пойду. Вѣдь это надо совѣсть знать, третій день ни вѣсточки... (*Стучъ за дверью*)... Кто тамъ!? Ужъ не Володя-ли!? Побѣгу скорѣе. Эта Сидоровна опять вѣрно посвѣтитъ забыла (*Бѣжитъ къ дверямъ*).

II.

СИДОРОВНА входитъ съ самоваромъ. МАШЕНЬКА набѣгаетъ на нее.

Сидоровна. Легче, легче, матушка! Ишь чуть, чуть не обарилась. Я бы дверь-то и сама отворила.

Машенька. Ахъ, это ты, Сидоровна.

Сидоровна. Вѣстимо я. (*Ставитъ самоваръ*) Не ужто не узнала? Слава Богу, не въ первый разъ встрѣчаемся. Ишь, какъ кинить! (*Обтираетъ самоваръ фартукомъ*).

Машенька. Нѣтъ, я такъ, въ темнотѣ не разобрала.

Сидоровна. Чай Владиміра Ивановича поджидала. Ишь его, прости Господи, и слѣдъ-то простылъ.

Машенька (*насыпаетъ чай въ чайникъ и ставитъ его на самоваръ*). Да, знаешь, Сидоровна, онъ будетъ сегодня, непременно будетъ. На узелкахъ гадала, — вышло, что будетъ.

Сидоровна. Эхъ, лебедушка ты моя, карты не узелкамъ чета, а и то врутъ.

Машенька. Ахъ да, голубушка, Сидоровна, погадай-ка на картахъ мнѣ, пожалуйста, не случилось-ли чего съ Владиміромъ?

Сидоровна. Боюсь, красавица; мамаша увидитъ, опять мнѣ нагоняй дастъ.

Машенька. Ничего, вотъ я у дверейъ постою, покараулю (*Идетъ къ дверямъ*).

Сидоровна. (*вынимаетъ изъ кармана карты*). Машенька, какой онъ бубновый аль трфовый? Совсѣмъ изъ ума вонъ

Машенька. Трфовый, трфовый. (*Сидоровна перекладываетъ карты. Машенька все ближе и ближе подходитъ къ столу*).

Сидоровна. На сердцѣ-то, ишь, у него какая-то трфовая дама.

Машенька. Ну, это я.

Сидоровна. Хлопоты большія... Четыре туза : исполненіе желаній. Марьяжъ въ головахъ. Ишь, маленькія деньги. Большая постель. Ишь, марьяжъ-то съ бубновой дамой.

Машенька. Ну, Сидоровна, карты-то завираться начали. Какой-же марьяжъ съ бубновой дамой, когда онъ любить меня, трфовую.

Сидоровна. То трфовая, а то бубновая.

Машенька. Да развѣ можно любить двухъ заразъ? Ты, Сидоровна, не знаешь еще, что такое любовь.

Сидоровна. Не знаю; ишь ты, матушка. Что-жъ я не человекъ что-ли? (*Прибодрясь*). Да я, почитай, пригожѣ тебя еще была въ свое время. Кровь съ молокомъ. Посмотрѣла-бы ты, какъ въ мое-то время любились. Вотъ, хоть-бы мой покойный Парфенычъ, царство ему небесное. Какъ полюбилась я ему, то-то пошелъ ворочать. Противъ всего міру пошелъ, да на мнѣ женился. Отецъ-то старикъ говоритъ:—Куда ты, Ванька, ишь у тебя невѣсты-то есть, не Анюткѣ чета. Куда, и руками и ногами. Въ амбаръ заперъ, думалъ образумится, и изъ амбару-то тягу далъ, да ко мнѣ прибѣжалъ. Дня не вытерпѣлъ.. Удалая голова была, нечего сказать. Да въ супружествѣ-то Господь счастья не далъ; ишь что значить противъ отца-то пойти: трехъ годковъ не выжилъ, Богу душу отдалъ, царство ему небесное! (*Возрѣя этого разсказа Сидоровна машинально перебрасываетъ карты. Машенька задумывается*).

III.

ВОЛГИНА входитъ, МАШЕНЬКА и СИДОРОВНА.

Волгина. Опять карты. Машенька! смотри ты самоваръ упустила. Ну какъ тебѣ не стыдно, сколько разъ я тебѣ говорю, чтобъ ты эти карты бросила. Ну прилично-ли благовоспитанной дѣвицѣ гадать въ карты... А ты, старая, ну не грѣхъ-ли тебѣ; пора объ смерти думать, а не объ картахъ.

Сидоровна. Грѣхъ, матушка, грѣхъ Анна Павловна, да что-жъ дѣлать; лукавый силенъ. Нѣтъ, нѣтъ, да и перекинешь,

Волгина. Ступай въ кухню; да не засни опять; не равно кто придетъ. (*Сидоровна уходитъ*).

IV.

ВОЛГИНА и МАШЕНЬКА.

Машенька. (*Подходя къ Аннѣ Павловнѣ*). Мамашенька, прости-те меня, въ послѣдній разъ сегодня.

Волгина. Все въ послѣдній разъ. Вѣрно о Владимірѣ?

Машенька. Никакъ не могла удержаться Загадала, будетъ-ли Володя сегодня. Вышло, что не будетъ.

Волгина. Ты опять за старое. Сколько разъ я тебѣ говорю, чтобы ты не вѣрила этимъ картамъ.

Машенька. Мамашенька, да я и безъ картъ прежде думала, что онъ непременно придетъ сегодня, а теперь вижу, что нѣтъ.

Волгина. Это отчего?

Машенька. Да, Сидоровна рассказывала, что если кто любить кого, тотъ жить безъ него не можетъ. А онъ не хочетъ для меня отъ дѣлъ оторваться на минуту. Нѣтъ, вѣрно онъ не любитъ меня (*Плачетъ*).

Волгина. Полно, полно, дурочка. Сидоровна сама не знаетъ, что болтаетъ... Поди, зови отца чай пить. (*Машенька уходитъ*).

V.

ВОЛГИНА одна.

Что это въ-самомъ-дѣль сдѣлалось съ Владиміромъ. Прежде бывало не пропустить ни одного дня, а вотъ послѣднія три недѣли раза четыре только всего и былъ. И то придетъ такой холодный, задумчивый; каждый разъ собирался мнѣ что-то сказать и, видно было, не рѣшался. Еслибы хотѣлъ что-нибудь сообщить о свадьбѣ, такъ тутъ нечего таить. Ужъ не раздумалъ-ли онъ жениться на Машенькѣ? Можетъ-быть встрѣтилъ партію повыгоднѣе. Нѣтъ, онъ, кажется, слишкомъ благороденъ и слишкомъ молодъ для этого (*Садится къ столу*).

VI.

ВОЛГИНЪ, съ очками на лбу и съ газетами, МАШЕНЬКА за нимъ, ВОЛГИНА.

Волгинъ (*обращаясь къ Аннѣ Павловнѣ*). А, Володя, здорово, здорово; а на-ко почти—каково? А?

Машенька (*бросаясь къ двери*). Папаша, гдѣ вы видите Владимира? Тутъ нѣтъ Владимира.

Волгинъ. Тѣфу, чортъ побери, эки глаза-то, подумаешь, стали: въ трехъ шагахъ Анны Павловны отъ Владимира не могъ различить. Эхъ, старость не радость! Бывало, какъ мы съ покойнымъ Императоромъ подъ Парижъ ходили, что за глаза у меня были! Каждую пылинку бывало увидишь. А что это, въ-самомъ-дѣль? Володи и сегодня нѣтъ.

Волгина. Вѣрно дѣла задержали. Теперь у него дѣль много, къ ревизіи что-ли готовится.

Волгинъ. Ну, исполать ему. Служба вещь великая, со службою negliжировать негодится. Дѣло молодое, работать надо. Ну, кто къ чему. Вотъ мнѣ такъ не далась судейская наука; зато я саблю довольно поработалъ на своемъ вѣку. Машенька! а ты что пригорюнилась? Погоди, женой будешь, такъ еще надо. Вотъ спроси-ка у матери. Что въдь, Анна Павловна, надо. Я тебѣ? а? въ чистую пора? Ну вотъ скоро, скоро приберусь.

Волгина. Полно, Андрей Петровичъ, пустяки-то говорить, только Машеньку сбиваешь. На, вотъ чаю.

Волгинъ (*беретъ чай*). Машенька, полно хрюмиться-то. Вотъ почитай-ка намъ лучше, что нишуть съ Кавказа.

Машенька. Извѣстія съ Кавказа, папаша!

Волгинъ. Да, да...

Машенька (*читаетъ*). По послѣднимъ извѣстіямъ, полученнымъ изъ Абхазіи, многочисленное скопище черкесовъ, подъ начальствомъ Шамиля, двинулось къ нашему лѣвому флангу... (*Звонятъ въ колокольчикъ*)... и расположилось... Папаша, я сейчасъ приду...

Волгинъ. Сиди, сиди, и самъ найдетъ дорогу.

Машенька... При рѣкъ... (*Оглядывается*).

Волгинъ. Ну.

VII.

ТѢЖЕ, СИДОРОВНА, за нею ПВАНЪ.

Машенька. Володя.

Волгинъ. Ха, ха, ха, хя.. Вотъ и не спящая, да Сидоровну за Володю приняла. Молодца, молодца!

Сидоровна. Вотъ-съ лакей Владимира Ивановича желаетъ васъ видѣть.

Волгинъ. А, Иванъ. Ну что скажешь новенькаго?

Машенька (*подходя къ нему*). Что, Владиміръ Ивановичъ будетъ сегодня? Да говори-же.

Иванъ. Гмъ (*про себя*). Какъ-бы этакъ политичнѣе начать? Хорошо, что я хватилъ, этакъ для смѣлости.

Волгинъ. Ну что-жъ ты молчишь?

Иванъ. Да я вотъ къ вашей милости, отъ Владиміра Ивановича.

Волгинъ. Ну знаемъ. Что онъ?

Иванъ. Слава Богу, здоровъ. Вчера что-то немножко покашливалъ, да ничего прошло-сь. Малины на ночь напился.

Волгинъ. Да я не про то спрашиваю. Зачѣмъ онъ послалъ тебя?

Иванъ. Дѣло-сь большой важности, и довольно-сь конфузное.

Волгинъ. Что-жъ онъ самъ не пришелъ. Между друзьями это не водится. Ну, что-жъ это за дѣло?

Иванъ. Дѣло вотъ-сь какъ было. То есть, видите-ли, этакъ-сь въ прошломъ мѣсяцъ этакъ было, не припомню-сь котораго числа...

Волгинъ. Прямо, по солдатски, безъ предисловія; терпѣть не могу.

Иванъ. Нельзя-сь, Андрей Петровичъ, ей Богу, нельзя, дѣло ужъ такое.

Волгинъ. Ну, чортъ съ тобой. Только смотри, скорѣй къ дѣлу.

Иванъ. Въ прошломъ мѣсяцъ, объ эту пору, стучится къ намъ господинъ, еще чуть, чуть, окаянный, колокольчикъ не оборвалъ. Обругалъ меня на чемъ свѣтъ стоитъ, и соней-то, и рохлей; ну, сами изволите знать, какая я рохля? Спать таки соснемъ иногда, а рохля такъ ужъ это, кажется, что нѣтъ...

Волгинъ. Что-жъ тебѣ сто разъ что-ли говорить, безъ предисловія, болванъ!

Иванъ. Оно, пожалуй, и болванъ, да все-же не рохля; какой я рохля? Да я какъ расхожусь, такъ другому молодому за мной не угнаться...

Волгинъ. Что ты меня бѣсить что-ли хочешь? Да, я тебѣ, старый хрѣнь, за это все ребра перелломаю.

Волгина. Не горячись, ради Бога, Андрей Петровичъ, вѣдь ты, знаешь какъ это для тебя вредно... Говори, говори, Иванушка, только покороче...

Иванъ. То есть оно, вотъ видите-ли, хоть я и хрѣнь, а драться не смѣешь.

Волгинъ. Ахъ ты каналья, это еще что? грубиянить сталь? Да я и не вижу: ты пьянь сегодня. Вонъ сейчасъ.

Иванъ. Оно то есть пьянь, не пьянь, а такъ, для куражу, выпимши. А драться все не смѣешь...

Волгинъ. Вонъ! вонъ! Дай только придти Владиміру Ивановичу, ужъ я тебя докажу дружбу.

Иванъ. Да то-то, что Владиміръ-то Ивановичъ для васъ фю... Але маширь...

Волгинъ. Это еще что?

Иванъ. Такъ-съ, ничего-съ. Полно намъ съ вами-то амуриться, пора въ отставку. Вотъ-съ и радея отъ барина.

Волгинъ. Что это?

Иванъ. Такъ-съ ничего-съ. Письмо къ вашей милости отъ Владиміра Ивановича.

Волгинъ. Письмо!? Ну ка, Маша, прочти, что тутъ такое.

Иванъ. Прочтите-съ, прочтите-съ, матушка, тамъ и про васъ есть кое-что.

Машенька (*беретъ письмо и поспѣшно распечатываетъ*). «Милостивый Государь Андрей Петровичъ! Непредвидѣнныя обстоятельства разстроили весь мои надежды. Я выбралъ себя другую дорогу, составилъ новый планъ жизни, и потому долженъ отказать почти отъ всего, къ чему былъ привязанъ. Другими словами, я не могу болѣе жениться на.. вашей...дочери...» Ахъ! Господи подкрѣпи меня. (*Сквозь слезы*) «Я вы...бралъ себя другую подругу жизни (*Рыдаетъ Андрей Петровичъ, Анна Павловна и Сидоровна въ большомъ изумленіи*).

Волгинъ. Далѣе, далѣе...

Машенька. Паненька, голубчикъ, не могу... не могу... Господи, что со мной, я съ ума сойду... Сидоровна! перо бумаги... я напишу къ нему... я сама побѣгу къ нему. Иванъ, пойдемъ, пойдемъ, пойдемъ. Охъ, пойдемъ, пойдемъ... Иванъ, да ты пошутилъ вѣрно, признайся, пошутилъ, вѣдь это не правда? нѣтъ?

Иванъ. (*плача*) Эхъ, сердечная. Правда, матушка барышня, сущая правда, видитъ Богъ, правда. Этотъ фертикъ окаянный сбиль его съ толку-то. Слышь на начальницъ на какой-то женить хочетъ.

Машенька. Что, онъ любить ее?

Иванъ. Ктѣ ихъ знаетъ; вѣрно слюбились, когда женится.

МАШЕНЬКА. Да нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю; вѣдь это грѣшно!

ИВАНЪ. Грѣшно, ей Богу, грѣшно...

МАШЕНЬКА. Охъ не ожидала я этого. Господи, Господи, прогнѣвала я Тебя... Охъ, голова, голова *(Падаеть безъ чувствъ. Андрей Петровичъ и Анна Павловна бросаются къ ней)*.

ВОЛГНА. Сидоровна, воды, воды скорѣй!.. *(Сидоровна идетъ за водой. Иванъ приноситъ со стола чашку съ кипяткомъ, но опомнившись, ставитъ назадъ)*.

ВОЛГНА. Обмерла совсѣмъ... Маша, Машенька, Машенька, да полно голубочка ты моя... И дышать перестала. Уухъ! *(Выпрямляясь)* Иванъ, съ глазъ долой. Чтобъ никогда нога ни твоя, ни твоего барина не была въ моемъ домъ. Скажи ему, что онъ подлець, чтобы онъ не встрѣчался со мной, а то я ему покажу, какъ насмѣхаться надъ сѣдинами отца и простотою дочери... Вонъ, вонъ... съ глазъ долой... *(Иванъ хочетъ идти. Сидоровна вовремя этого разговора приноситъ воды и вмѣстѣ съ Анной Павловной приводятъ въ чувство Машеньку)*.

МАШЕНЬКА *(приходя въ себя)* Иванъ, ты здѣсь еще Папаша, не гоните его. Онъ невиноватъ. Поди сюда, Иванъ, поди... кланяйся твоему барину, пожелай ему счастья, и скажи, что онъ глубоко, глубоко огорчилъ меня, но Богъ ему судья. Иванъ, скажи ему еще, нѣтъ, не теперь... когда-нибудь такъ, при случаѣ, что я все еще люблю его. Господи! прости его *(Снова лишается чувствъ)*.

ИВАНЪ. Слушаю, матушка, слушаю. Экъ ее раскачало, сердечную! *(Уходитъ пошатываясь. Въ хлопочуть около Машеньки)*.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ,

ПОКРОВИТЕЛЬ.

Богато-меблированная гостиная.

I.

СТРАХОВЪ и СЕМЕНЪ.

СТРАХОВЪ *(входитъ заспанный, въ халатъ и потягивается)* Тѣфу чортъ возьми, такъ глаза и слипаются. Семенъ, что Вѣра Михайловна встала?

СЕМЕНЪ. Чай кушать изволятъ-съ. Васъ приказали будить.

СТРАХОВЪ *(про себя)*. Чай пьеть. Ну вѣрно нерано. Она ра-

но вставать не любить (*Бьетъ 12 часовъ*). Господи! 12 часовъ. Опять проспалъ! А все эти балы проклятые (*Вслухъ*) Что-жь ты меня раньше не будилъ?

СЕМЕНЪ. Да я васъ три раза будилъ сегодня, да вы въ меня шандаломъ чуть, чуть не пустили, гнѣвались, что спать не даютъ.

СТРАХОВЪ. Еще-бы ты среди ночи пришелъ. И этого-то сдѣлать не умѣешь. Пошелъ.

СЕМЕНЪ (*про себя*) Ужъ известно лакейское-то житье. На баръ никогда не угодишь. (*Уходитъ*).

II.

СТРАХОВЪ и ВѢРА МИХАЙЛОВНА входятъ.

СТРАХОВА. А вы, встали? Не стыдно-ли такъ долго спать?

СТРАХОВЪ. Да вѣдь это все вы-же виноваты: таскаете меня по баламъ, Богъ знаетъ зачѣмъ.

СТРАХОВА. Вотъ еще новости: мужъ есть, а я буду одна выѣзжать въ свѣтъ. Стыдитесь, ужъ и такъ все смѣются надъ вами.

СТРАХОВЪ. Да, что вы мнѣ поминутно приставляете рога.

СТРАХОВА. Ха, ха, ха, ха!.. Вотъ забавно. Вы я вижу начинаете ревновать. Поздно спохватились.

СТРАХОВЪ. Есть чѣмъ хвастаться.

СТРАХОВА. Что вы тамъ ворчите; не извольте; вы знаете, я этого не люблю... Да, вотъ зачѣмъ я пришла къ вамъ. Повзжайте къ М-мъ Вихманъ, спросите, готова-ли шляпка, которую я заказывала ей. Да потомъ у Рабонъ возьмите карамелекъ, да завъжайте еще къ Фроманто...

СТРАХОВЪ. Я не могу, у меня голова болить послѣ вчерашняго.

СТРАХОВА. Что такое? Вы не хотите вхвать?

СТРАХОВЪ. Не могу.

СТРАХОВА. Я вамъ приказываю.

СТРАХОВЪ. Да если я не могу.

СТРАХОВА. Что вы уморить, что-ли, меня хотите? Что ни попроси, ничего не дѣлаетъ. Вотъ наказаніе-то Божіе. Это не мужъ, а варваръ какой-то. Я все для него дѣлаю, а онъ для меня пустяковъ не хочетъ сдѣлать (*Плачетъ*). Такъ вы не поѣдете?

СТРАХОВЪ. Я сказала уже, что нѣтъ. Что я вамъ, въ-самомъ-дѣль, за мальчикъ достался?

СТРАХОВА. Ну хорошо, не вздите; не надо... Ужь нажалуюсь-же я на васъ Ивану Панкратьевичу. Погодите, варваръ этакой!

СТРАХОВЪ. Да сами посудите, ведь минуты отдыха нѣтъ. Вчера цѣлый день, какъ курьеръ, на посылкахъ былъ, сегодня тоже. Ведь это надобно совѣсть знать.

СТРАХОВА. Ну, не вздите, не надо, васъ не принуждаютъ; а ужъ будетъ Ивану Панкратьевичу сказано (*Идетъ къ двери*).

СТРАХОВЪ. Вѣра Михайловна! Это м-мъ Вихманъ напротивъ Анщкова Дворца?

СТРАХОВА. Что, небось испугались? На насъ все надо угрозами дѣйствовать; такъ-то вы меня любите?

СТРАХОВЪ. (*про себя*), Терпѣть не могу.

СТРАХОВА. Что, что? что вы сказали?.. Повторите. А?

СТРАХОВЪ. Я сказалъ, что я изъ любви къ вамъ только и исполняю всѣ ваши прихоти.

СТРАХОВА. То то, а мнѣ послышалось другое. (*Уходитъ*).

III.

СТРАХОВЪ (*одинъ*). Да это просто каторга какая-то. Слова не смѣй сказать напротивъ. Эхъ, карьера, карьера! дорого ты мнѣ досталась. Ну, что толку въ томъ, что и деньги у меня есть, и связи, да тутъ-то (*указывая на сердце*) нѣтъ ничего. Ни къ кому даже привязанности, то не чувствуешь, и поговорить-то отъ сердца не съ кѣмъ. Жена — да это извергъ какой-то. Машенька, Машенька, теперь только узнаю я всю цѣну тебѣ. Что-же дѣлать, прошедшаго не воротишь. А чего-бы я не далъ за свое милое прошедшее. (*Задумывается*).

IV.

СТРАХОВЪ СЕМЕНЬ входитъ,

СЕМЕНЬ. Владиміръ Ивановичъ! Васъ спрашиваетъ какой-то господинъ... Не говорить фамиліи... Говорить: вызови самого барина, мнѣ очень нужно...

СТРАХОВЪ. Гдѣ онъ?.. Позови сюда.

СЕМЕНЬ. Тамъ-съ, въ передней. Сейчасъ. (*Уходитъ*).

V.

СТРАХОВЪ, ЕГОРОВЪ, за ними СЕМЕНЬ,

СТРАХОВЪ. Что вамъ угодно?

ЕГОРОВЪ (*входитъ робко, застегнутъ на ест пуговицы*). Вели-

те вашему лакею выйти; у меня есть дѣло, которое я хочу сообщить вамъ наединѣ...

СТРАХОВЪ. Семень, ступай вонъ... Садитесь, сдѣлайте одолженіе. (*Семень уходитъ*).

VI.

СТРАХОВЪ, ЕГОРОВЪ садятся на кончикъ стула; во время разговора часто приподнимается.

Егоровъ. Владиміръ Ивановичъ! извините меня, что я обезпокоилъ васъ... Владиміръ Ивановичъ! будьтенисходительны... Вы меня въ первый разъ видите... Вамъ покажется страннымъ, что я явился къ вамъ прямо съ просьбою... Но видитъ Богъ, меня принудили къ тому обстоятельству...

СТРАХОВЪ. Вы хотите просить меня? О чемъ-же?...

Егоровъ. Владиміръ Ивановичъ! Я служу съ вами въ одномъ департаментъ... я слышалъ о добротѣ вашего характера. Со мной случилось несчастіе... Три дня тому назадъ я проигралъ... деньги, которыми надо было заплатить... Пойдите, пойдите, я знаю послѣдствія... у меня есть мать старуха... я своими трудами кормлю ее... Она умретъ, когда узнаетъ, что со мной случилось... Владиміръ Ивановичъ! будьте великодушны... Вамъ ничего не стоитъ... дайте мнѣ триста рублей... Вы заставите вѣкъ за себя Богу молиться... Я не лгу... Владиміръ Ивановичъ... вы справитесь можете... Извините! вамъ странно кажется, что я пришелъ къ вамъ за этимъ... но что-жъ дѣлать, утопающій хватается за соломинку... я отдамъ вамъ... вотъ жалованье получу скоро. Вы, можетъ-быть, также бросите куда-нибудь эти деньги... Сдѣлайте доброе дѣло; Богъ васъ наградитъ за это.

СТРАХОВЪ. Я вѣрю вамъ, молодой человекъ... дѣйствительно; вы правы. Благодарю, что обратились ко мнѣ... Глядя на васъ, я вспоминаю свое прежнее положеніе... я также вѣдь былъ бѣденъ; по себѣ сужу, какъ больно, если вездѣ встрѣчаешь отказъ... Возьмите... Не играйте больше, нехорошо. (*Егоровъ со слезами бросается и хочетъ поцѣловать его руку.*)

СТРАХОВЪ (*отдергивая руку*). Не надо, не надо... Чтò вы, чтò вы... Еслибы съ вами въ жизни случилось тоже, вы, вѣрно, тоже-бы не отказали.

Егоровъ. О! Владиміръ Ивановичъ! никогда, никогда не за-

буду я вашего поступка... Какъ мнѣ благодарить васъ... Богъ васъ наградить за это... Черезъ мѣсяць я непременно принесу вамъ эти деньги... Извините, Владиміръ Ивановичъ, что я васъ оставляю... Развязаться скорѣе хочется... Благодарствуйте, благодарствуйте...

СТРАХОВЪ. Ступайте, ступайте, только не говорите никому пожалуйста... *(Егоровъ уходитъ.)*

СТРАХОВЪ. Какъ-будто на душъ отлегло... Въ-самомъ дѣль, бросилъ-бы также куда-нибудь эти деньги, безъ всякаго удовольствія, а теперь хоть есть человекъ, который не разъ вспомнить меня...

VII.

СТРАХОВЪ, СИДОРОВНА входятъ и въ перъшителности останавливается у дверей.

СТРАХОВЪ *(оборачивается)*. Сидоровна?..

СИДОРОВНА. Здравствуйте батюшка Владиміръ Ивановичъ!

СТРАХОВЪ. Какъ ты здѣсь?..

СИДОРОВНА. Да я вотъ второй мѣсяць у вашей милости въ судомойкахъ служу... Сказали, что господа-то почиваютъ, такъ я и пришла на ваши хоромы полюбоваться... Эка богатень!..

СТРАХОВЪ. Какъ, ты развѣ больше не у Волгиныхъ?..

СИДОРОВНА. Съ Покрова другой годъ пошелъ, какъ отошла...

СТРАХОВЪ. Чтò Марья Андреевна, вѣрно, замужъ вышла?..

СИДОРОВНА. Нѣтъ, не больно-то замужъ пойдетъ, какъ бѣды, да горе со всѣхъ мѣстъ повалили...

СТРАХОВЪ. Чтò ты?.. Какія бѣды?

СИДОРОВНА. Да вотъ, не во гнѣвъ вашей милости будь сказано, съ той-то поры, какъ мы отъ васъ письмецо-то получили, почитай ни одного дня спокойнаго не было. Сначала барышня-то было захворала, а тутъ и барицъ свалился. Лихоманка что-ли одолѣла. Барышня туда, сюда; сама-то хвораая, а ночей не спала сердешная, все за нимъ ходила. Только недолго мы съ нимъ промаялись; вѣрно Богу понадобился: черезъ двѣ недѣли и Богу душу отдалъ. А барыня съ полгода спустя скончалась. Осталась моя Марья Андреевна круглой сиротинкой. Да спасибо добрымъ людямъ, мѣстечко ей въ губернанки нашли, въ Ринбургъ что-ли. Ну, а мнѣ, знамо, не у кого и служить-то стало. А ужъ, кажется, ни за чтò-бы не оставила. Рѣдкое семейство

было. Эхъ, баринъ! Богъ вамъ судья. Не намъ темнымъ людямъ судить объ этомъ, а нехорошо, больно нехорошо вы съдѣлали.

(*Страховъ задумывается. Изъ другой комнаты слышенъ голосъ Вѣры Михайловны.*) Такъ онъ еще не уѣхалъ?

Сидоровна. Ахти, батюшки свѣты, барыня! Ну бѣжать скорѣе. Крута больно, говорятъ. (*Уходитъ*).

VIII.

СТРАХОВЪ одинъ.

Нехорошо, самъ знаю, что нехорошо; а ты думаешь, не мучить меня совѣсть! Ухъ какъ мучить!..

IX.

СТРАХОВЪ и ВѢРА МИХАЙЛОВНА.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Такъ вы еще не уехали? Съ кѣмъ это вы разговаривали? А?

СТРАХОВЪ. Чтѣ-жъ мнѣ и слова нельзя сказать безъ вашего позволенія?

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Знаю я васъ! Вы все шашни только затѣваете...

СТРАХОВЪ. Да вѣдь съ кѣмъ я говорилъ-то—со старухой.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. А вы думаете, я не слышала, объ чемъ вы съ ней говорили... Вы думаете я не слышала? Чтѣ вы это еще затѣваете? Ужъ и то послушайте-ка, что говорятъ про васъ... Вы думаете, я не знаю, гдѣ вы были третяго дня вечеромъ.

СТРАХОВЪ. Вечеромъ! Да вечеромъ я кажется, и изъ дому не выходилъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Изъ дому не выходили! Вы еще лгать смѣете...

СТРАХОВЪ (*про себя*). Ахъ какое наказаніе. Наконецъ я не вытерплю.

X.

СТРАХОВЪ, ВѢРА МИХАЙЛОВНА, АКУЛОВЪ входятъ; около него суетится ОРЪХИНЪ.

Акуловъ. Хорошенько его, хорошенько! Башмакомъ, башмакомъ! Ха, ха, ха, ха... Фу, батюшки, какъ усталъ. Насилу вкарабкался. Присѣсть немножко.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Вотъ еще мой мучитель. Подличать надо передъ нимъ. Трудно, а необходимо. (*Орѣхинъ бросается за креслами. Страховъ идетъ за ними нехотя. Вѣра Михайловна предупреждаетъ ихъ.*

АКУЛОВЪ (*садится*). Уфъ!..

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Папашенька, душечка...

АКУЛОВЪ (*беретъ ее за подбородокъ и цѣлуетъ*). Здравствуй, здравствуй, забѣяка. Нака тебѣ гостинца. (*Вынимаетъ изъ кармана футляръ съ серьгами*).

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ, какая прелесть; что за добренькій этотъ папаша! (*Бросается къ нему и цѣлуетъ его*).

АКУЛОВЪ. Вкусно небось... 500 рублей стоятъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ, какія миленькія, какія миленькія! (*Еще разъ цѣлуетъ его*).

АКУЛОВЪ. Да это что, вздоръ! Вотъ погоди, я тебѣ подарочекъ-то готовлю.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Какой, какой?.. Скажите, папашенька.

АКУЛОВЪ. Увидишь, увидишь. А теперь скажи, за что ты своего разиню-то пушила?

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Такъ, ничего...

АКУЛОВЪ. Тото ничего (*Страхову*). Смотри ты у меня, береги Вѣрочку, а то я тебя, знаешь?

СТРАХОВЪ (*про себя*). Эхъ, скрѣпя сердце, надо плясать по дудкѣ этого стараго волокиты. (*Вслухъ*). Да, я и то, кажется, угождаю ей во всемъ.

АКУЛОВЪ. Тото-же (*Орѣхину*). Трубку; да поворачивайся-же. (*Суетня*).

АКУЛОВЪ. Да, совсѣмъ-было забылъ. Володька, поди сюда, смотри прямо въ глаза.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Что еще онъ выдумываетъ.

АКУЛОВЪ. А кто въ Шестилавочной жилъ? А?

ОРѢХИНЪ (*толкаетъ его локонько*). Вы обещались не сказывать.

АКУЛОВЪ (*Орѣхину*). Ну, пошелъ.

СТРАХОВЪ. Въ Шестилавочной? Не знаю.

АКУЛОВЪ. А къ кому ты записочки-то писалъ? На комъ жениться-то хотѣлъ?

СТРАХОВЪ. Кто вамъ сказалъ? Я ни на комъ не хотѣлъ жениться.

АКУЛОВЪ. А что, тебѣ одной жены мало? А?

СТРАХОВЪ Помилуйте, я въ первый разъ слышу объ этомъ.

АКУЛОВЪ Въ первый разъ... Ахъ ты мошенникъ..! Такъ, вѣрно, я лгу? Лгу, вѣрно, я? Да отвѣчай-же. (*Кашляетъ*).

СТРАХОВЪ. Я не говорю этого.

АКУЛОВЪ Волинными или Волгинными кого звали? А? (*Орехину*). Такъ кажется. (*Орехинъ въ большомъ затрудненіи, одною рукою качаетъ утвердительно головою*).

АКУЛОВЪ. Чтò ты думаешь, я позволю тебѣ за другими ухаживать? Чтò я, на муку что-ли тебѣ Вѣрочку-то даль... Мѣнять её на какихъ-то распутныхъ женщинъ. А?

СТРАХОВЪ (*Акулову.*) Удержите свой языкъ. Дѣвица, о которой вы говорите, можетъ-быть, почестнѣе вашей Вѣрочки. Правда, я любилъ ее, но любилъ еще до женитьбы.

АКУЛОВЪ. Да ты чтò! грубиянить чтò ли мнѣ сталъ. А? Да ты знаешь, я тебя въ бараній рогъ согну! Да ты знаешь, я тебя изъ дому выгону?

СТРАХОВЪ. Я и то уже довольно потерпѣлъ отъ васъ и отъ вашей Вѣрочки Дѣлайте чтò хотите, но говорить худо о людяхъ, память которыхъ для меня священна, я не позволю.

АКУЛОВЪ (*въ бѣшенствѣ. До конца этого явленія его мучитъ удутье*). Молчать! Это чтò? Ахъ ты молокососишка! Ахъ ты оборвышь эдакой! Да какъ ты мнѣ смѣешь говорить это!

СТРАХОВЪ. Я три года сносилъ отъ васъ и отъ вашей Вѣрочки все, три года страдалъ; наконецъ изъ всякаго терпѣнія выйду. Чтò я за мальчикъ въ-самомъ-дѣлѣ вамъ? Женѣ не смѣй слова сказать, по вашей дудкѣ пляши...

АКУЛОВЪ. Ахъ ты мерзавецъ! Это еще чтò... Да по чьей милости ты живешь-то; По моей дудкѣ пляши?.. Да чей хлѣбъ ты? Свой чтò-ли. Да ты долженъ у меня въ ногахъ ползать. Да ты знаешь-ли, я тебя завтра-же изъ дому выгону...

СТРАХОВЪ. Въ ногахъ ползать! Иванъ Панкратьевичъ, вы забываетесь... Если пришла очередь считаться, такъ вы болѣе обязаны мнѣ. Кто-бы взялъ вашу Вѣрочку? Это я только дуракъ нашелся... погнался Богъ знаетъ зачѣмъ... Вы хотите меня изъ дому выгнать, такъ сами-же прежде уберетесь... Вонъ изъ моего дому!.. (*Вѣра Михайловна подбѣгаетъ къ Страхову, тотъ ее отталкиваетъ*).

СТРАХОВЪ... Мнѣ ненужно менторовъ и покровителей. Къ

чорту съ вашей карьерой, когда она приноситъ мнѣ одни страданія и безпокойства... Всѣ ваши вещи сегодня-же будутъ возвращены вамъ... Вонъ... и чтобъ нога ваша не была здѣсь болѣе. Иначе смотрите, не забудьте, что я хозяинъ въ своемъ домѣ.

АКУЛОВЪ. Какъ, какъ... мерзавецъ! Да какъ ты смѣешь сказать мнѣ это. Меня вонъ.... Да знаешь-ли я тебя... Меня вонъ...
(Закашливается).

СТРАХОВЪ. Если вы не выйдете сейчасъ вонъ, я васъ велю вывести. Слышите?

АКУЛОВЪ. Да я тебѣ.. (Страховъ звонитъ).

XI.

Тѣже, СЕМЕНЪ и ЯКОВЪ входятъ.

СТРАХОВЪ. Семенъ, Яковъ выведите его. (Семенъ и Яковъ стоятъ въ недоумльннн).

СТРАХОВЪ. Что же, слышите?

АКУЛОВЪ. Ууухъ... Ну, Володька, смотри, берегись ты у меня... Фу, батюшки (Уходитъ).

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Папашенька, папашенька, погодите! Онъ съ ума сошелъ.

АКУЛОВЪ. Да что вы сговорились что-ли сегодня... Ужъ докажу-же я вамъ... (Уходитъ закашливаясь. Оръжинъ за нимъ. Во все время этой сцены онъ метался отъ Страхова къ Акулову, стараясь удержать обоихъ. Семенъ и Яковъ за ними).

XII.

СТРАХОВЪ и ВЪРА МИХАЙЛОВНА.

ВЪРА МИХАЙЛОВНА (бросаясь къ Страхову). Что вы это, нищими насъ хотите сдѣлать? Какъ вы смѣли..?

СТРАХОВЪ. Молчать! Слышите, не забудьте, что съ этой поры я мужъ, а не мальчикъ вашъ... Маршъ въ свою комнату!

ВЪРА МИХАЙЛОВНА. Ай, дурно, дурно, ай умираю, умираю...
(Падаетъ на диванъ).

СТРАХОВЪ. (Звонитъ. Входитъ Семенъ). Семенъ, принеси ведро холодной воды.

СЕМЕНЪ. Слушаю-съ (Уходитъ).

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Фу, легче, легче немножко... Охъ, прошло, прошло.

СТРАХОВЪ (*звонитъ. Входитъ Семень*). Не надо.

СЕМЕНЬ. Слушаю-съ (*Уходитъ*).

СТРАХОВЪ. Теперь ступайте къ себѣ въ комнату, снимайте эти шелки, да бархаты. Мы должны жить теперь своими трудами...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я не привыкла къ этому; я умру съ горя...

СТРАХОВЪ. Я буду очень радъ: избавлюсь отъ лишней тяжести.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Владиміръ Ивановичъ! простите меня; я буду хорошей женой, клянусь вамъ! Не лишайте меня всего этого! Вы знаете, я выросла на этомъ.

СТРАХОВЪ. Не просите, теперь это необходимость. Намъ неоткуда получать болѣе на ваши расходы...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Поведемте къ Ивану Панкратьевичу, попросимъ у него прощенія: онъ добрый, онъ проститъ васъ...

СТРАХОВЪ. Просить прощенія! Ни за что! Это значить опять закабалить себя. Благодарю... Чтобы вы опять командовали мною...

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я исправлюсь, Владиміръ Ивановичъ! Я исправлюсь, клянусь Богомъ, исправлюсь! Хоть для дѣтей сдѣлайте. Въдѣ дѣтямъ-же надо что-нибудь! (*Плачетъ*). Ради Бога, хоть для дѣтей. Смотрите, я на коленяхъ прошу васъ, Владиміръ Ивановичъ. Владиміръ Ивановичъ, неужели вы мнѣ не вѣрите. Въдѣ вы насъ по міру пустите.

СТРАХОВЪ. (*тронутый*). Ну, Богъ милостивъ, какъ-нибудь да проживемъ (*Про себя*) А въ-самомъ-дѣль, я немножко необдуманно поступилъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Ахъ какъ вы безжалостны, Владиміръ Ивановичъ, Богъ вамъ судья.

СТРАХОВЪ. Да ужъ теперь поправить нечѣмъ, еслибы и захотѣли.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Я сама поѣду къ нему...

СТРАХОВЪ. Онъ васъ прогонитъ также, какъ я прогналъ его. Вы развѣ забыли, что онъ сказалъ вамъ при уходѣ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать? (*Уходитъ*).

ХІІІ.

СТРАХОВЪ и **ОРЪХИНЪ** отворяетъ до половины дверь и выглядываетъ.

ОРЪХИНЪ. Володя, ты здѣсь одинъ? Позволь, позволь, не сер-

дись, позволъ...ей, ей невиновать! ей, ей, ненарочно. Такъ съ языка сорвалось... Въ постель онъ легъ вчера, не спится, ну а я тутъ подь бокомъ былъ. Вельль онъ мнѣ что-нибудь разсказать. Я и давай про свои похождения... Да сонъ что ли меня клонилъ, или чортъ попуталъ, и проболтался... вѣдь волосы рвалъ на себѣ потомъ...

СТРАХОВЪ. Я нисколько не сержусь на тебя; напротивъ благодаренъ тебѣ за то, что ты доставилъ мнѣ случай высказать всю правду этому грубіану.

ОРЪХИНЪ. Эхъ братъ, Володя, видѣлъ ты какъ меня трясло. За тебя братъ все... Что ты надѣлалъ-то вѣдь, подумай ка! Вѣдь безъ куска хлѣба останешься; вѣдь это все его.

СТРАХОВЪ. Молодъ еще—достану.

ОРЪХИНЪ. Ахъ, не говори, Володя! Трудно нынѣ хлѣбъ доставать, ой какъ трудно! вотъ на себѣ испытываю. Да вотъ хоть-бы у Ивана Панкратьевича.... за всѣ мои долговременныя старанія, за весь, такъ сказать, потъ и кровь, которыя я пролилъ за него, едва едва выплакалъ тысячу рублишковъ, да и то еще подь заемное письмо; сегодня уплатить обьщался... Охъ, трудно, трудно...

СТРАХОВЪ. Чтò дѣлать, безъ труда ничего не дается.

ОРЪХИНЪ. Оно такъ, а все, братъ, обезпечить-то себя лучше. Вѣдь я тебѣ какъ другъ говорю. Вѣдь, сознайся, дурно вѣдь сдѣлалъ, дурно немножко? По совѣсти скажи. Дурно вѣдь?

СТРАХОВЪ. Да, если сообразить съ послѣдствіями, несовѣсть-то хорошо.

ОРЪХИНЪ. Ну, а если дурно, такъ надо исправить. Какъ ты думаешь; вѣдь надо, если дурно-то?

СТРАХОВЪ. Да чѣмъ теперь поправишь? Нечѣмъ, еслибы и хотѣлъ.

ОРЪХИНЪ. Вотъ гдѣ друзья-то истинные познаются—въ несчастіи. Другой-бы плюнулъ на тебя, а я такъ пришелъ. Да еще пришелъ-то съ чѣмъ... Вѣдь я тебѣ жизнь возвращаю. Ужъ ты на меня положиись. Будешь ты опять съ старикомъ въ дружбѣ. Трудно, а ужъ для друга, кажется, себя не пожалю...

XIV.

Тѣже, ВѢРА МИХАЙЛОВНА.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. (скоро). Николай Васильевичъ! Ну что Иванъ Панкратьевичъ?

ОРЪХИНЪ. Ахъ, Володя, я и забылъ тебѣ сказать. Въдъ Ива-на-то Панкратьевича-то порядкомъ это порастрясло... лежитъ себѣ на диванъ, да охаетъ; все головой жалуется... Оставить было нельзя, ужъ только ради дружбы прибѣжалъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Николай Васильевичъ! не знаете-ли вы сред-ства, какъ помочь нашему горю? Помирите насъ съ Иваномъ Панкратьевичемъ.

ОРЪХИНЪ. Да я вотъ и предлагаю Володѣ средство, да онъ не рѣшается.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Володинька! душечка! рѣшайся, рѣшайся скорѣе. Въдъ ты не захочешь насъ по міру пустить? Да говори-же, говори!

СТРАХОВЪ. Ну, дѣлайте что хотите, я на все согласенъ.

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Николай Васильевичъ! ступайте, ступайте скорѣй, скорѣй... Скажите ему, что Володя вспылить, что теперь онъ раскаивается въ этомъ... или ужъ тамъ что сами знаете. Да ступайте-же скорѣе...

ОРЪХИНЪ. Конечно, я это дѣлаю изъ одной дружбы, вотъ хоть сердце выньте, да посмотрите, изъ одной дружбы; но согласитесь сами, что въдъ не ровенъ часъ, я могу тутъ все потерять; въдъ я, хоть и холостой человекъ, но скоро думаю жениться; что будетъ съ моею женою, дѣтьми...

XV.

ТѢЖЕ, СЕМЕНЬ вѣбгаетъ.

СЕМЕНЬ. Владиміръ Ивановичъ! Владиміръ Ивановичъ! Сейчасъ отъ Ивана Панкратьевича прибѣжали. Онъ Богу душу отдалъ. Кондрашка, знать, хватилъ...

ОРЪХИНЪ. Что, что... Что такое? Повтори. Какъ? Да какъ это? Да этого быть не можетъ! А деньги-то мои какъ-же? Да какъ-же, деньги-то мои?.. (*Бьетъ себя по головѣ*). Ахъ, каналья, бестія, мошенникъ, что ты надѣлалъ! Въдъ деньги-то твои пронали! Семень! Да можетъ-быть несовсѣмъ еще умеръ. Обмеръ мо-жетъ-быть. (*Про себя*). Повѣситъ-бы тебя падо, каналью, за ка-кими-нибудь ста рублями погнался, а тутъ 1000 потерялъ! (*Убѣгаетъ*).

ВѢРА МИХАЙЛОВНА. Боже мой! Мы нищѣ! Да, нѣтъ, не хочу, не буду я нищей! (*Къ Страхову*). Вотъ что вы надѣлали, а! Извергъ вы этакой! По міру жену съ дѣтьми пустили! Не хочу-

же съ вами жить. Подайте все мои вещи. Знать васъ не хочу.
(Уходитъ).

Страховъ. Бѣдный Иванъ Панкратьевичъ! Господи! Неужели я былъ причиной его смерти? Нѣтъ, онъ самъ виноватъ. Хотя и много неприятностей дѣлалъ онъ мнѣ, а все жаль. Прощай моя карьера! Да и слава Богу! много перенесъ я черезъ тебя.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРЬЕРА СДѢЛАНА!

Залъ въ трактирѣ, на-лѣво буфетъ.

I.

ПОЛОВОЙ сидитъ за буфетомъ.

Эко времячко! Съ утра почитай никого не было; и прѣзжихъ-то нѣту... Этакъ и прогорѣть недолго... Диви-бы въ захоlustь въ какомъ-нибудь, а то вѣдь на большой дорогѣ... Намедни-съ вотъ баринъ сказывалъ, что у насъ-де оттого не бываетъ никого, что подаютъ все... скверное... Еще-бы ему, выдумалъ супъ какой-то; ужъ не припомню, съ чѣмъ онъ сказалъ... А мы и не слыхивали про супъ-то такой. Сказать, молъ, что дѣлать его не умѣемъ — нельзя себя осрамить... И подали ему тотъ-же бульонъ, да мучицы немножко подболтали... Вѣдь чуть, чуть, окаянный, всего въ лицо не вылилъ... А самъ виноватъ. Зачѣмъ чортъ знаетъ что спрашиваетъ... Ну, слава Богу, вотъ кого-то Богъ даетъ.

II.

ПОЛОВОЙ и ОРЪХИНЪ въ сюртукѣ съ разорванными локтями и въ измятой шляпѣ.

Орѣхинъ. Здравствуй, любезный, здравствуй. Ну, что, какъ поживаешь?

Половой. Живемъ помаленьку, куда Господь носитъ.

Орѣхинъ. Ну, кажется, не помаленьку: ишь у тебя просторъ-то какой (*оглядываетъ комнату*). Славно, братецъ, славно. Какъ все это хорошо убрано! Чудо, братецъ! Да вашъ трактиръ, право, лучший въ городъ.

Половой. Нѣтъ-съ; вотъ на Спасской Зябликова отель-съ тотъ гораздо лучше будетъ.

Орехинъ (во все время этого монолога онъ старается спрятать свои разорванные локти). Что ты, братецъ. Да въ тебѣ самолюбія нѣтъ нисколько. Зябликова? Да это не трактиръ, а сарай просто. Кормятъ-то чѣмъ, ты-бы посмотрѣлъ? Я было дался въ обманъ. Пріѣзжаю къ вамъ въ городъ вчера изъ Петербурга. Первое дѣло говорю ямщику: вези меня въ лучшую, смотри въ самую лучшую гостиницу. Люблю, знаешь, чтобы все этакъ хорошо было... особенно повѣсть. И привозить. Гадко, сыро! Ну, думаю, за неимвнѣемъ лучшей и эта годится. Заказалъ обѣдъ. Ха, ха, ха!—И смѣшно и досадно: то есть все, что ни есть наисквернѣйшаго, это онъ ввалилъ мнѣ въ щи, и подалъ. Въ Петербургъ пріѣду, нарочно выпишу Зябликова, чтобы онъ мнѣ эти щи сварилъ; для смѣху, именно для смѣху. Ну, думаю, чортъ съ тобой, съ обѣдомъ, даромъ деньги пропадаютъ; дай хоть вина порядочнаго. Клико спросилъ. Ну ужъ и подалъ мнѣ клико... То есть, я тебѣ говорю, еслибы не приличіе—не люблю себя роить предъ вашимъ братомъ,—все-бы въ рожу влѣпилъ. Шестнадцать цѣлковыхъ за все;.. я удивляюсь, какъ сорока не спросилъ.

Половой (въ-сторону). Прячь, прячь локти-то; эка шаромыга! Нѣтъ, братъ, стараго воробья на мякинѣ не надуешь. Не съ твоими локтями клико-то пить.

Орехинъ. Что, смѣшно? Какъ не смѣшно. Ужъ и я, братъ, вчера просто животики надорвалъ. Какъ вспомню, что я изъ щей-то вытащилъ. Ну-у-у! Сегодня всталъ, да и думаю: нѣтъ, Зябликовъ, спасибо, калачемъ больше къ себѣ не заманишь. Ужъ лучше къ Архинову пойду: тамъ, говорятъ, посовѣстливѣе. Вхожу и удивляюсь. Да не въ Петербургъ-ли я? (Оглядывается кругомъ).

Половой (въ-сторону). Ишь его разсыпаетъ, ишь его разсыпаетъ! Вымаклячить, вѣрно, что-нибудь хочеть. Да нѣтъ, братъ, не умаслишь. (Вслухъ) Куда намъ до Питера! Къ намъ и господъ-то такихъ не заезжаетъ.

Орехинъ Ну, ей Богу, какъ въ Петербургъ: и экраны, и зеркала; все это... чудо, чудо, братъ! (наклоняется къ буфету, какъ будто для того, чтобы лучше рассмотреть). А что это, скажи, у васъ буттербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Половой. Точно такъ-съ. Съ жалвемъ-съ.

Орехинъ. Превкусно должно быть?

Половой. Да-съ, деньги стоятъ-съ.

Орѣхинъ (*протягивая руку*). Постою-ка я попробую.

Половой (*отстраняя руку*). Пятачекъ-съ пожалуйте.

Орѣхинъ. Да вотъ съѣмъ, такъ и отдамъ.

Половой. Впередъ-съ; оно върнѣе будетъ.

Орѣхинъ (*показывая на графинъ съ водкой*). А это какая у васъ.

Половой. Рябиновая.

Орѣхинъ. Что-то на цвѣтъ, какъ-будто, блѣдна немножко (*прищуривается и наклоняется къ графину*),

Половой. Нѣтъ-съ, настоящая, какъ быть должно.

Орѣхинъ. Какъ-будто травникъ?

Половой. Нѣтъ-съ травникъ, тотъ потемнѣе будетъ-съ.

Орѣхинъ (*подноситъ графинъ къ носу*). Странно, на рябиновку что-то не похоже. Дай-ка попробовать немножко.

Половой. Денежки пожалуйте.

Орѣхинъ. Опять ты, братецъ. Да ужъ не пропадетъ за мной. Мнѣ вѣдь только узнать. Немножко, на языкъ, чуточку, на доньшкѣ...

Половой. Нелься-съ; вѣдь мы также съ мѣрой принимаемъ. Всякому будемъ давать пробовать, такъ и ничего не останется.

Орѣхинъ. Да развѣ я всякой! Ты знаешь, кто я?

Половой. Тамъ мнѣ дѣла нѣтъ, кто ты такой; — принеси денегъ, такъ хошь весь графинъ вышей, на здоровье.

Орѣхинъ. Гмъ! (*отходитъ въ сторону*). Рябиновая... (*облизывается и чмокаетъ*). Превкусная вѣдь вещь, каналья! Скверно. денегъ-то нѣтъ. Это старый воробей; его не проведешь. Сразу раскусилъ, въ чемъ дѣло. Гмъ, канальство; а выпить надо. Сюртукъ развѣ по боку. Оно-бы ничего. Вѣдь нынѣ лѣто; неслишкомъ холодно. Вѣдь мужики-же, вонъ, въ однихъ рубашкахъ ходятъ. Да приличія проклятыя, да и изношенъ-то онъ немножко. Впрочемъ попробую (*половому*). Послушай, любезный, такъ ты мнѣ не хочешь повѣрить въ долгъ?

Половой. Нѣтъ, братъ, не проклажайся по пустому, не ума-слишь.

Орѣхинъ. Да я-бы тебѣ что-нибудь въ залогъ оставилъ.

Половой. Ужъ не сюртукъ ли?

Орѣхинъ (*про себя*). Нѣтъ, дока на доку нашель. (*вслухъ*).

А что?

Половой. Да то, что ступай, братъ, пока не протурили. У насъ не кабакъ, чтобы вещи-то закладывать.

Орѣхинъ. Ну, братецъ, будешь каяться. На зло-же тебѣ, пойду къ Зябликову, и все у него возьму на чистыя деньги.

Половой. Ступай, ступай, не равно тамъ по шеѣ протурять.

Орѣхинъ (*про себя*). Однако положеніе! (*половой дѣлаетъ движеніе, чтобы вывести его*).

Орѣхинъ. Ты, пожалуйста, оставь; я такъ самъ съ собой разговариваю. (*про себя*). Да я говорю, положеніе-то какое! Съ утра ничего во рту не было, да и не будетъ, кажется, ничего. Да гдѣ-жъ, сами посудите. Въдѣ эти каналы трактирщики... (*указывая на полового*), ишь, смотритъ, какъ-будто чуетъ, что про него говорятъ... насквозь видятъ человека. Еще вотъ этотъ немножко поделкатнѣе: въ разговоръ вступилъ; нѣтъ, вотъ у Зябликова,—въдѣ вралъ все,—тамъ сразу въ шею. Еще говорятъ, въ провинціи бараны какіе-то. Хороши бараны! Да въ Петербургѣ мнѣ, честный человекъ, слова-бы не сказали, на десять рублей повѣрили, ей Богу на десять рублей повѣрили-бы. Однако, гдѣ-бы эдакъ денегъ достать? Скверно безъ денегъ... Ба, да вотъ кого-то Богъ даетъ.

III.

ТѢЖЕ и СТРАХОВЪ. Лицо его покрыто преждевременными морщинами; платье изношено.

СТРАХОВЪ (*входитъ и бросается на диванъ.*) Дай воды...

Орѣхинъ. Что за чортъ, лицо знакомое. На Страхова, какъ-будто, похоже; да нѣтъ, шинелишка что-то больно плоховата, въдѣ тотъ фарсунъ... Ну, Страховъ, ей Богу, Страховъ. Какъ это его сюда занесло? Ну, да объ этомъ послѣ, а теперь какъ-бы у него денегъ повыпросить. Подъѣдемъ.

СТРАХОВЪ (*про себя*). Бѣдныя дѣти мои! Что съ вами будетъ завтра? Мнѣ не миновать тюрьмы. Заемное письмо подано ко взысканію... Заплатить нечѣмъ... Чуть, чуть не предъ всѣмъ городомъ на коленяхъ ползаль... Совѣты, да сожалѣнія... Да мнѣ денегъ надо. (*Половой подаетъ воду.*)

СТРАХОВЪ. Что тебѣ?

Половой. Воды приказывали.

СТРАХОВЪ. Ахъ, да: (*беретъ воду и пьетъ*) Фу...

Половой. Еще чего не прикажете-ли?

СТРАХОВЪ. Нѣтъ.

Половой. Биштекъ, маянезъ, жалый есть.

СТРАХОВЪ. Ничего не надо.

Половой (*отходя, про себя.*) Э, да ты, кажись, такой-же маклакъ, какъ вотъ энтотъ... Ну, денекъ!

IV.

ТЪЖЕ и ЕГОРОВЪ въ дорожномъ платьѣ.

Егоровъ. Послушай, рюмку водки и порцію чего-нибудь... Гмъ... биштекса. Да скорѣй; мнѣ надо сейчасъ вхвать.

Страховъ. Егоровъ... Я спасенъ... Самъ Богъ послалъ его (*Идетъ къ Егорову.*)

Егоровъ (*замѣтя движеніе Страхова, про себя.*) Что за подозрительная физиономія... И идетъ ко мнѣ... Что онъ это? Ужъ не денегъ-ли просить? Какъ скверно на этихъ постоянныхъ дворахъ: всегда подобныя исторіи. Ба, Страховъ; отъ этого дешево не отдѣлаешься. Еще у насъ съ нимъ маленькія дѣла есть. (*отворачивается въ сторону и напьяетъ.*) Трала, ла, ла... (*Разсматриваетъ картинку на стѣнѣ, какъ-будто не замѣчая Страхова.*)

Страховъ (*подходитъ и беретъ его за руку.*) Павелъ Ивановичъ!

Егоровъ. Что тебѣ надобно?

Страховъ. Вы не узнаете меня?

Егоровъ. Въ первый разъ вижу.

Страховъ. Конечно, можетъ-быть лѣта такъ перемѣнили насъ .. Впрочемъ страшно... Я Страховъ.

Егоровъ. Страховъ?.. Не помню.

Страховъ. Не помните? Странно! Неужели въ-самомъ-дѣль? Лѣтъ шесть, семь тому назадъ... Впрочемъ грѣшно и неблаго-родно вспоминать о томъ, что я для васъ сдѣлалъ.

Егоровъ. Ты вѣрно ошибаешься. Я Страхова, не помню, кажется, никакого не зналъ... (*Половой подаетъ подносъ съ водкой и закуской.*)

Страховъ. Ну, не зналъ, такъ не зналъ .. Такія вещи въ-самомъ-дѣль скоро забываются... Впрочемъ, я не ожидалъ этого; вы, кажется, не изъ такихъ были ..

Егоровъ. Да что, ты въ самомъ-дѣль ко мнѣ привязался; да что тебѣ надобно отъ меня... Пришелъ, и началъ читать мнѣ натаціи. Что это такое?..

Страховъ (*не слушая его*) Ну, не зналъ, ну конечно, объ этомъ и говорить нечего... Теперь, Павелъ Ивановичъ, я обращаюсь къ вамъ не какъ къ знакомому, а какъ человѣкъ къ человѣку...

Вамъ покажется это немного страннымъ; вы, можетъ-быть, такъ какъ вы не знаете меня, примете меня за плута, который ищетъ случая, какъ-бы только выманить деньги... Вы видите, что дѣло идетъ объ деньгахъ.

Егоровъ (*про себя.*) Такъ и есть.

Страховъ. Но выслушайте, ради Бога, выслушайте меня... войдите въ мое положеніе: у меня двое дѣтей... второй день ничего не ѣли... завтра они лишатся послѣдней опоры... меня посадятъ въ тюрьму... я задолжалъ... чтобы прокормить ихъ... Для васъ немного пятьдесятъ цѣлковыхъ... дайте мнѣ ихъ... когда-нибудь я отдамъ вамъ...

Егоровъ. То есть ты, братъ, вѣрно промотался, а теперь еще на мотовство просишь. Нѣтъ, я не люблю бросать деньги, и притомъ пятьдесятъ цѣлковыхъ.

Страховъ. Промотался... Грѣхъ вамъ Павелъ Ивановичъ! Мотъ-ли я былъ. Чего тутъ мотать, когда вѣсть нечего... Вѣдь послѣ жены-то ничего не осталось... Въ Петербургъ-то еще кое-какъ бился, жилъ... А вотъ добрые люди нашлись: повзжай, говорятъ, въ Новгородъ, мѣсто дадимъ. На дорогу-то поиздержался, что было продалъ; поѣхалъ... обманули; другой нашелся... А между-тѣмъ вѣдь день за днемъ идетъ, вѣдь ѣсть надо; послѣднее золожилъ, занялъ... все мало. Вѣдь вотъ скоро зима будетъ... у сынишки-то рубашенка одна только... Самъ-то еще какъ-нибудь да прожилъ-бы: туда, сюда забѣжишь погрѣться; а вѣдь имъ и выйти-то некуда, а дома топить надо... дровъ нѣтъ; да и изъ квартиры-то скоро выгонять... Промотался!.. Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ! сжальтесь, сжальтесь, будьте человекомъ... Вѣдь вы думаете легко мнѣ теперь просить, легко взять отъ васъ. Вѣдь я милостыню прошу... Гордъ я былъ, знаете, лишній разъ голову было нагнуть тяжело, а теперь руку протягиваю... вѣрно жутко пришлось. Неужели вы еще не вѣрите мнѣ? Вы богаты... пятьдесятъ цѣлковыхъ вамъ ничего не значатъ. Да вѣдь я у васъ и не совсѣмъ прошу: отдамъ когда-нибудь. Сжальтесь, Павелъ Ивановичъ, сжальтесь!

Егоровъ. Да ты, любезный, кажется, съ ума сошелъ. Пятдесятъ цѣлковыхъ. А поди-ка достань-ка ихъ. Я конечно хотя и имѣю деньги, но бросать по пятидесяти цѣлковыхъ каждому встрѣчному, поперечному: да это ужъ, я не знаю, что такое...

Страховъ. Павелъ Ивановичъ! Не встрѣчный я... Совѣсти въ васъ нѣтъ, Павелъ Ивановичъ. Я стерпѣлъ, когда вы не узнали меня,

стерпѣль, когда издѣвались надо мною, но теперь не могу болѣе.. Неблагодарно считается тѣмъ, что я сдѣлалъ для васъ, но вы вынудили меня. Я встрѣчный! Немного такихъ встрѣчныхъ встрѣтите вы въ жизни... Помните, лѣтъ шесть, семь тому назадъ, вы пришли ко мнѣ... вы были въ такомъ же положеніи, какъ я. Нѣтъ хуже... Я едва зналъ васъ. . вы просили не пятьдесятъ цѣлковыхъ, болѣе. Вы мотали, вы за карты задолжали, помните... Я не прогналъ васъ, а могъ-бы; я не сказалъ вамъ, что глупо давать каждому встрѣчному, поперечному деньги... а вы были встрѣчный; я даже мотомъ не назвалъ васъ... я вамъ далъ денегъ... Конечно, я былъ тогда богатъ, мнѣ ничего не стоило; да и вы вѣдь не бѣдны; притомъ я у васъ прошу долгъ. Павелъ Ивановичъ, грѣшно этимъ шутить. Вы можете сдѣлать добро челоуьку, и... убиваете его. На меня смотрите... вѣдь я втрое богаче васъ былъ... думалъ-ли я, что дойду до этого; а вотъ Богъ наказалъ.. да что?.. долго рассказывать.

Егоровъ (во все продолженіе этого монолога ему неловко: онъ ищетъ случая какъ-бы уйти поскорѣе. Про себя). Какой несносный! Въ-самомъ-дѣлѣ я немножко жестоко съ нимъ обошелся. да пятьдесятъ цѣлковыхъ—вѣдь это сумашествіе. *(вынимаетъ бумажникъ)* Дамъ три рубли, чортъ съ нимъ, авось отвяжется. *(вслушь.)* Я, братъ, челоуькъ доброй души; не знаю, правду ли нѣтъ ли, ты мнѣ рассказывалъ, но все-равно: на вотъ тебѣ. *(половому)* Послушай, вотъ возьми за биштексъ.

Страховъ. Челоуькъ-ли вы? Что я... Благодарю и за это, все хоть что-нибудь дали, другіе и этаго не дали... весь городъ сегодня обгаль... были люди и обязанные кое-чѣмъ мнѣ: гроша не выплакалъ. А это возьмите себѣ, мнѣ мало. Что, жаденъ я немножко. Возьмите, возьмите, благодарствуйте, благодарствуйте. Прощайте, будьте счастливы, богатѣйте, но знайте, что и богатство не поможетъ, когда Богъ наказать захочетъ. *(хочетъ идти)* Домой теперь. А дѣти-то?.. вѣдь они вѣсть спросятъ. Бѣдняжки, другой день крохи во рту не было. Павелъ Ивановичъ, дайте сюда, дайте сюда *(судорожно)*. Спасибо, спасибо, спасибо!

Егоровъ. Странный челоуькъ этотъ Страховъ... Жаль, жаль... Да просить это, чортъ знать сколько... пятьдесятъ цѣлковыхъ! *(уходитъ).*

Орехинъ (во все время этой сцены стоитъ поодаль, и замѣтя, что Егоровъ даетъ деньги Страхову, говоритъ про себя). Эхъ, чортъ возьми, маху далъ; мнѣ-бы прежде къ этому мусѣ

подъхватъ... Ну да все-равно, и отъ Страхова какъ-нибудь до-
станемъ; благо теперь знаю, что у него есть деньги: хлопотать
не по пустому буду.

V.

СТРАХОВЪ ОРЪХИНЪ и ПОЛОВОЙ. (Страховъ идетъ къ двери).

ОРЪХИНЪ (*бросается къ нему и удерживаетъ его*). Володя!
другъ, дружище! Сколько зимъ, сколько леть!

СТРАХОВЪ. Извините, никакъ не могу узнать васъ.

ОРЪХИНЪ. Закладъшинаго-то своего? Гляди прямо въ глаза.
Орѣхина, Николашку-то не узнаешь?

СТРАХОВЪ. Ахъ, Николай Васильевичъ, это вы. Ужасно пере-
мѣнились.

ОРЪХИНЪ. То-то. Ишь и у тебя (*показывая на морщины*) въ
четыре яруса пошли. (*про себя*) Чортъ такъ и жжетъ въ гор-
ль. Такъ-бы, кажется, изъ кармана то и вырвалъ у него. Ишь
какой сердитый! Нѣтъ, начну поделикатнѣе. Ну, какъ поживаешь?
Что это ты не весель?

СТРАХОВЪ. Старъ сталъ для веселя.

ОРЪХИНЪ. Да какъ тебя занесло въ эту дичь?

СТРАХОВЪ. Также, какъ и васъ. Обстоятельства.

ОРЪХИНЪ. Ну, меня другое дѣло. Я, вотъ видишь, въ Петербургъ-
то прожился немножко, — признаюсь какъ другу. Тутъ случай пред-
ставился: одинъ хорошій человекъ сюда ѣхаль. Хочешь, гово-
рить, доведу! А, я съ дуру-то и поѣхаль, да вотъ и сижу на
бобахъ... Ишь какъ я откровененъ... Ну, а ты какъ?

СТРАХОВЪ (*машетъ рукой*). Ахъ, Николай Васильевичъ, извини
пожалуйста, мнѣ домой поскорѣй надобно.

ОРЪХИНЪ. Ни, ни, ни! Что ты, братецъ, и наглядѣться то я на
тебя не успѣлъ, а ты ужъ уйти хочешь. Ни; ни за что не пушу.
Да что ты въ-самомъ-дѣль такой скучный?

СТРАХОВЪ. Такъ, невесело.

ОРЪХИНЪ. А знаешь, чѣмъ скуку разгоняють? знаешь? Вотъ
присядь, присядь, я тебѣ расскажу. Да присядь-же, экой ты
какой! Ну, вотъ такъ. Вотъ видишь-ли, мнѣ не веселѣй твоего
было. Казусъ маленькій случился. Вѣдь, помнишь, все умно
вѣдь дѣлалъ... концы съ концами... ищи, поди. Да тутъ свихнул-
ся какъ-то; дѣльцо одно случилось, дрянное: тысеченокъ съ
десятокъ всего-то. Поручили мнѣ его рассмотреть. Ну я, ко-

нечно, собрали все справки: оказалось, что левая больше дает, чѣмъ правая. Ну, грѣшный человекъ, я на левую. Вѣдь, самъ знаешь, надо-же чѣмъ-нибудь жить. Да это бы ничего... кто бабушкѣ не внукъ... да вотъ тутъ казусъ-то и случился. Вѣдь дернулъ-же чортъ... удивляюсь теперь, одурѣлъ что-ли я... записочку послать, что дискать рублишковъ 500 нельзя-ли въ ожиданіи будущихъ благъ. А тотъ съ дуру возьми записку, да и представь куда слѣдуетъ, Меня, раба Божія и по шеѣ, да впредь никуда не принимать. Да вѣдь то досадно, что хоть-бы взялъ, а то только намѣреніе поимѣлъ. Жиль-то я, помнишь, не по карману, что бывало набьешь, то и проживешь. Запасцу-то было... хоть по міру ступай. Ужъ такъ, братъ, скверно было, что хоть въ петлю лезъ; я было и сунулся туда, да нѣтъ, больно... Добрый человекъ нашелся, совѣтникъ даль. Хвати, говоритъ, черезъ край, все забудешь. Я и прежде употреблялъ, да все не такъ, а тутъ какъ хватилъ: каждый день, братъ, повторяю, иной разъ и утраиваю, — такъ хорошо. А вотъ, какъ сегодня не пилъ, просто хоть умирай: тоска! Какъ вспомню, что безвинно страдаю, такъ сердце кровью и обольется. Выпьешь, все позабудешь... Не мори друга, дай полтиничекъ, а то, ей Богу, тоска-то, тоска-то какая. Да вотъ и ты кстати. Попробуй, будешь помнить.

СТРАХОВЪ. Нѣтъ, братъ, мое горе похуже твоего.

ОРЪХИНЪ. Божусь тебѣ, какъ рукой снимешь; вели только подать. Можно? Я велю. Эй, Антипка, бутылку самаго лучшаго рому. *(Половой уходитъ).*

СТРАХОВЪ *(про себя).* Ухъ, какъ вспомню, такъ сердце и защемишь. Попробовать развѣ. Вѣдь заливаютъ-же, говорятъ, виномъ горе? А ось легче будетъ.

ОРЪХИНЪ. Володя, да ты посмотри только; вотъ, вѣдь видишь, я скученъ: посмотри, какъ повеселю. Подай-же.

Половой *(входитъ).* Вонъ, въ той-съ комнатѣ приготовлено: На закуску чего не прикажете-ли? Да, денежки не забудьте.

ОРЪХИНЪ. Ужъ не безпокойся. Вѣдь это не я *(Страхову).* Пойдемъ, пойдемъ скорѣе *(Тащитъ его. Уходятъ).*

Половой *(про себя).* Ишь, что значить * натура-то требуетъ. Какъ онъ его умасливалъ-то... Вотъ еще кого-то Богъ даетъ.

VI.

ПОЛОВОЙ СТРУЙСКИЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА

СТРУЙСКИЙ. Что, скажи, любезный, есть увасъ гдѣ остановиться.

Половой. Нумера-съ. Въ отличительномъ видѣ-съ. Пожалуйте.

СТРУЙСКИЙ. Чисты-ли? Вотъ мы завзжали вонъ на той улицѣ гостинница: это ужасъ что-такое.

Половой. Въ отличительномъ видѣ-съ. Смѣю васъ завѣрить.

СТРУЙСКИЙ. Гдѣ-же ходъ?

Половой. Вотъ-съ, здѣсь, по лѣстницѣ, коидоръ-съ будетъ. Тамъ-съ покажутъ.

СТРУЙСКИЙ. Охъ, какая лѣстница! Машенька, останься на минутку здѣсь: тебѣ не пройти по ней, а я пойду, посмотрю: стоитъ-ли еще здѣсь останавливаться. *(половому)* Вѣдь, здѣсь, я думаю, теперъ никого нѣтъ?

Половой. Никого-съ *(про себя.)* Какъ-бы тѣхъ двоихъ не принесло сюда. *(Струйскій уходитъ.)*

VII.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и ПОЛОВОЙ.

СТРУЙСКАЯ. *(Про себя.)* Черезъ нѣсколько дней я опять буду въ Петербургъ... Грустно вспомнить объ немъ. Тамъ похоронила я всѣ лучшія мечты моей жизни. Владиміръ, гдѣ-то ты теперъ? Что я? Что мнѣ за дѣло, гдѣ Владиміръ. Теперъ онъ совершенно чужой мнѣ; теперъ даже думать объ немъ для меня преступленіе. Я жена, и хорошъ-ли, нѣтъ-ли, должна любить мужа, и забыть о Владиміръ. Трудно, но долгъ требуетъ этого.

Половой *(про себя.)* Ай, батюшки свѣты, несетъ, несетъ ихъ сюда, ишь какъ насосались, прости Госноди!

VIII.

Тѣже, СТРАХОВЪ и ОРЪХИНЪ входятъ пьяные, рука объ руку, распахивая объ половинки дверей настѣжъ.

СТРУЙСКАЯ. Ай, пьяные! *(опускаетъ воаль, хочетъ идти, но услыша голосъ Страхова, останавливается.)*

СТРАХОВЪ. Унесси—и—ты моооо гоооре... А вѣдь, чортъ возьми, превесело, ей, ей, превесело...

ОРЪХИНЪ. Да, солидно выпили.

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Господи, Владиміръ! Въ какомъ положеніи.

СТРАХОВЪ. А, знаешь что, Колька; а все какъ о домъ-то вспомнишь, ухъ какъ здѣсь (*показывая на сердце*) кошки заскребутъ.

ОРЪХИНЪ. Мало, значить, мало; повѣрь мнѣ, быть не должно, повѣрь мнѣ. Еще надо, да вотъ и у меня что-то сердце щелить, и мнѣ, братъ надо немножко.

СТРАХОВЪ. Гуляй на последнія! (*горько*)? Эка штука, что дѣтямъ вѣсть нечего: подождутъ... Нѣтъ, кажется, не зальешь!

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Дѣтямъ вѣсть нечего! Это онъ последнее проматываетъ. Несчастный! Господи! подкрѣпи меня! Подойду, спрошу его; авось еще можно помочь; можетъ, онъ несовсѣмъ упалъ еще въ эту бездну.

СТРАХОВЪ (*подходя къ буфету*). Эй, какъ тебя, Архинычъ, давай самага крѣпкаго... Скорѣй, скорѣй.

ОРЪХИНЪ (*скоро*). Рому бѣлаго.

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Еще, еще. Остановить его? Но онъ не одинъ... Боже мой.

Половой. Сейчасъ, сейчасъ! Да что вамъ больно скоро надобно?

СТРАХОВЪ. Эхъ, братецъ, горе залить. Что есть у тебя дѣти, Архинычъ!

Половой. Шестаго вотъ вчера Богъ послалъ.

СТРАХОВЪ. Что, ты любишь ихъ?

Половой. Извѣстное дѣло; скотина, и та свое дѣтище бережетъ, да холить.

СТРАХОВЪ. По міру не пустилъ?

Половой. Что вы, баринъ, типунъ-бы вамъ на языкъ.

СТРАХОВЪ. А мои завтра руки протянутъ. Я пропилъ у нихъ последнее... Да давай-же скорѣй. (*Половой подаетъ.*)

СТРАХОВЪ (*выпиваетъ залпомъ*). Ухъ, повеселье будто-бы.

ОРЪХИНЪ. Ужъ и мнѣ кстати; полнѣе, полнѣе, любезнѣйшій.

СТРАХОВЪ. Бррръ, какъ опять повесельѣ.

(*Орѣхинъ половину послѣдующаго монолога Страхова ходитъ, пошатываясь, по комнатъ, потомъ ложится на диванъ и засыпаетъ.*)

СТРАХОВЪ. А, да тутъ и мадамъ есть. Прекрасно: полюбезничать есть съ кѣмъ. Я давно ужъ въ этомъ не упражнялся. Здравствуйте, мадамъ, что вы такъ пригорюнились? А? Что-жъ

вы не отвѣчаете? Не скучно-ли вамъ? А мнѣ, такъ весело, чудо какъ весело. Знаете, я вамъ лекарство дамъ отъ скуки. Вотъ дружище закадычный научилъ. Чудо, я вамъ скажу, что такое. Въдь и мнѣ также сегодня ужасно скучно было. Двое дѣтей съ голоду мрутъ, есть, кажется, отъ чего поскучать? А? въдь есть отъ чего? Другъ-то, другъ-то вотъ гдѣ выручилъ; облить его за это надо всякими коньяками, да ромами. Выпей, говоритъ, какъ рукой сниметъ, а я дуракъ въдь былъ прежде: ни капли. Ну ужъ зато какъ выпилъ: ха, ха, ха, ха, ха, какъ будто и дѣтей не бывало. Да въдь выпилъ-то на что, спросите: на послѣднія деньги. Поскребываетъ здѣсь-то (*показывая на сердце*) ухъ, какъ поскребываетъ, а весело, ей Богу, весело. А все дружище, все дружище... то есть, кажется, озолотилъ-бы, озолотилъ-бы. Какую штуку онъ со мной сдѣлалъ; давно-о, а въкъ не забуду. Женить ему меня захотѣлось... (*Марья Андреевна, внимательно вслушивается.*) Въдь пришла-же этакая фантазія. Она-бы, вотъ видите-ли, и не пришла, пожалуй, да самаго женять, такъ надо какъ-нибудь отдѣлаться... Женять-то чуть-чуть не на чортъ... Раскусилъ, что жена-то ему не по зубамъ... А сбить надо. Кому? Другу конечно. Другъ-же тогда былъ молодъ, неопытенъ; въ голову вотъ все такъ ходило, какъ у меня въ глазахъ теперь; оно и кстати. Другъ любилъ... (*Струйская вздрагиваетъ.*) Друга любили. Онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что это $\frac{3}{2}$ глупо, что съ любовью недалеко уѣдешь. Другъ надвѣлся на свѣтлую, тихую будущность, — онъ разбилъ его надежды; повелъ его по большой дорогѣ... къ веревкѣ. Не правда-ли по дружески въдь? Ха, ха, ха, ха! Въдь по-дружески?... А ужъ жену-то какую выбралъ; вотъ ужъ это верхъ дружбы. Мучила, мучила друга; не понравилось, обобрала мужа, да и шмыгъ сама. Рыскаетъ теперь по свѣту. Да нѣтъ, не все обобрала:.. двухъ дѣтей оставила, зачѣмъ они ей... лишніе расходы... пусть лучше мужъ печется объ нихъ. А мужъ, шшъ какъ печется объ нихъ. Ха, ха, ха, ха!.. *Николашка!* скомандууй ка еще...

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Бѣдный Владиміръ! Такъ вотъ что побудило его отказать отъ меня.

СТРАХОВЪ. Ну, да недолго мнѣ по свѣту-то валандаться. Допью послѣднія, да и шабашъ (*шаритъ въ карманъ*). Э, да ужъ все; ну пора къ развязкѣ. Довольно я небо-то коптилъ. Къ дѣ-

нямъ развѣ зайти, проститься; да нѣтъ не пойду: разрюмятся, не пустятъ. Лучше прямо. Прощайте, мадамъ.

СТРУЙСКАЯ (*съ испугомъ*). Куда вы?

СТРАХОВЪ. Пилъ, да гулялъ, теперь поплясать пойду... на верёвкѣ.

СТРУЙСКАЯ. Что вы говорите!?

СТРАХОВЪ. Да ужъ больше намъ съ вами не увидѣться. Спасибо вамъ хоть за то, что не погнушались мною... я пьянъ, но еслибы вы знали, что меня заставило пьянствовать... Николашка! Прощай, не увидимся больше...

ОРѢХИНЪ (*съ просоной*). Прощай, прощай, не мѣшай...

СТРУЙСКАЯ. Остановитесь! У васъ есть дѣти. Они пропадутъ безъ васъ.

СТРАХОВЪ. А со мной не пропадутъ что-ли? Хоть пропить некому будетъ у нихъ послѣднія крохи.

СТРУЙСКАЯ. Но вспомните, что ждетъ. Васъ здѣсь вы избавитесь отъ вашего горя, зато тамъ-то что?

СТРАХОВЪ. Тамъ! (*машетъ рукой*)... Да что вамъ, мадамъ, за нужда, скажите, жалѣть меня... Что пьяницу-то жалѣть: по дѣломъ вору и мука... Прощайте, прощайте некогда... (*Идетъ*).

СТРУЙСКАЯ. Постойте, постойте!!... (*Про себя*) Господи! не допусти его! Владиміръ Ивановичъ! Владиміръ Ивановичъ! (*Блѣжитъ за нимъ; воаль спадаетъ у нея съ лица*).

СТРАХОВЪ (*оглядывается*). Господи не во снѣ-ли я это вижу? Машенька! Марья Андреевна! Охъ Господи! (*хватается за голову*) Хмѣль весь вышелъ... Машенька! Я съ ума сойду! Такъ это вы-то жалѣли меня. Такъ вы не презираете меня? О не презирайте меня ради Бога, не презирайте меня!..

СТРУЙСКАЯ. Полноте, полноте; я все забыла...

СТРАХОВЪ. Забыли, забыли, что я обманулъ васъ, жестоко обманулъ. Но, смотрите, какая кара Божія тяготѣетъ надо мною, въ какую страшную бездну упалъ я за это. Вы ужасаетесь; отойдите дальше, дальше; предъ вами пьяница, самоубійца... Вы не бѣжите отъ меня, значитъ, вы жалѣете меня... О, благодарю, благодарю...

СТРУЙСКАЯ (*про себя*). Ну, слава Богу, еще не все доброе исчезло въ немъ. (*вслушь*). Теперь, вы будете жить; не правда-ли, вы будете жить?

СТРАХОВЪ. Марья Андреевна! Вы хотите этого, и я останусь

живъ. Но для кого? Для дѣтей,—я только несчастіе приношу имъ; для себя — не стоить. Для кого-же?

СТРУЙСКАЯ. Живите для всѣхъ. Поѣдьте въ Петербургъ. Тамъ вы заживете по старому. Вы говорите, что вы въ бѣдственномъ положеніи. Мой мужъ поможетъ вамъ.

СТРАХОВЪ. Такъ вы замужемъ? (*про себя*). Что же тутъ страннаго. Дай вамъ Богъ счастія. Нѣтъ, Марья Андревна, не поѣду я въ Петербургъ. Богъ съ нимъ. Довольно я тамъ нажился: вѣкъ не забуду.

СТРУЙСКАЯ. Но что-же вы будете дѣлать здѣсь?

СТРАХОВЪ. Сегодня, пока ничего, а завтра потащатъ меня въ тюрьму; тамъ найдутъ дѣло.

СТРУЙСКАЯ. Васъ!? въ тюрьму! Да что-же съ дѣтьми вашими будетъ?

СТРАХОВЪ (*плача*). По міру пойдутъ.

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, я не допущу до этого. Владиміръ Ивановичъ! Возьмите, вотъ тутъ всѣ мои деньги... этаго мало... вотъ погодите сейчасъ придетъ мужъ — онъ заплатитъ за васъ...

СТРАХОВЪ. Ангель Божій! Господи! теперь только я чувствую, кого я лишился. Не надо, не надо... (*горько*). По дѣломъ вору и мука.

СТРУЙСКАЯ. Но вы должны! Вы передъ Богомъ будете отвѣчать за это... Такъ-то вы печетесь о дѣтяхъ... Вамъ представляется случай спасти ихъ, а вы сами губите ихъ... Да вы злодѣй послѣ этого.

СТРАХОВЪ. Марья Анѣреевна! Не выкупайте меня изъ тюрьмы. Ну, что-жъ, я выйду, опять впаду въ долги, и опять туда-же попаду, а лучше, если вамъ жаль дѣтей моихъ, если вы дѣйствительно желаете сдѣлать имъ и мнѣ что-нибудь доброе, такъ доведите ихъ на эти деньги въ Петербургъ; отдайте куда-нибудь въ пріютъ. Все, по-крайней-мѣрѣ, будутъ людьми...

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, я не въ пріютъ отдамъ ихъ.. У меня нѣтъ дѣтей... Вотъ Богъ посылаетъ ихъ... Владиміръ Ивановичъ! отдайте ихъ мнѣ, я буду ихъ второю матерью.

СТРАХОВЪ. Божествомъ вы ихъ будете, какъ божество вы для меня... О, какъ вы великодушно мстите мнѣ... Вамъ все еще недовольно... Оставьте при себѣ эти деньги. Но если вы еще чѣмъ-нибудь хотите подарить меня; то общайтесь, что вы бу-

дете помнить обо мнѣ, не какъ, объ обманщикъ, который такъ жестоко поступилъ съ вами, но какъ о человекъ, любящемъ васъ. Да, вы общаете... Ну теперь мнѣ ничего болѣе не нужно... До свиданія... Бѣгу за дѣтьми (*Уходитъ*).

СТРУЙСКАЯ. Такъ онъ еще не переставалъ любить меня... Господи! грѣшно, но и я еще люблю его. Бѣдный, сколько онъ перенесъ, сколько онъ вытерпѣлъ...

IX.

СТРУЙСКАЯ ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ СТРУЙСКІЙ,

СТРУЙСКІЙ. Знаешь дружокъ, намъ нельзя здѣсь остановиться. Просто ужасъ что такое. Поведемъ-ка дальше...

СТРУЙСКАЯ. Такъ скоро!.. (*оправясь*). Хорошо, я согласна.

СТРУЙСКІЙ. Что ты? Что съ съ тобой? Ты взволнована. Ужъ не случилось-ли тутъ чего нибудь?

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, ничего, это такъ, съ дороги. Пройдетъ ..

СТРУЙСКІЙ. Ты не скрывай, пожалуйста; если ты чувствуешь себя худо, я сейчасъ схожу за докторомъ.

СТРУЙСКАЯ. Нѣтъ, нѣтъ не безпокойся... На меня сильно подѣйствовалъ одинъ случай, который сейчасъ рассказали мнѣ...

СТРУЙСКІЙ. Что такое? Какой случай?

СТРУЙСКАЯ. Здѣсь есть... двое дѣтей, которые умираютъ съ голоду, и вѣрно умрутъ, потому-что отца ихъ завтра посадятъ въ тюрьму... Я даже видѣла и отца ихъ... Его бѣдственное положеніе такъ поразило меня, что я только и думала, какъ-бы облегчить его участь... Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, и я сообщила ее ему, не посоветовавшись напередъ съ тобою... Я знала, что ты не разсердишься.

СТРУЙСКІЙ. Что, что такое? говори...

СТРУЙСКАЯ. Богъ не благословилъ насъ дѣтьми. Возьмемъ къ себѣ этихъ малютокъ; Богъ насъ наградитъ за это.

СТРУЙСКІЙ (*тронутый*). Ты всегда одна и таже. Спасибо, спасибо Машенька, что ты доставляешь мнѣ случай сдѣлать доброе дѣло... Гдѣ они? Пойдемъ къ нимъ...

СТРУЙСКАЯ. Я такъ и знала; добрый Ванчикъ! Онъ самъ сейчасъ приведетъ ихъ сюда.

Х.

ТЪЖЕ, СТРАХОВЪ, ВОЛОДЯ и ЛЮБА,

СТРУЙСКАЯ. Вотъ, Ванчика, рекомендую тебѣ... Владиміръ Ивановичь... (*Страховъ кланяется, дѣти также*).

СТРУЙСКИЙ (*жметъ ему руку*). Такъ вы согласились отдать намъ дѣтей своихъ?

СТРАХОВЪ (*сквозь слезы*). Да... возьмите ихъ ради Бога.

СТРУЙСКИЙ. Какія миленькія малютки. (*Струйская беретъ Любу*).

СТРУЙСКИЙ. А который годокъ сынку вашему?

Володя. Мнѣ семь лѣтъ, а Любѣ шесть.

СТРУЙСКИЙ. У, да какой-же ты большой. А учишься?

Володя. Да, мы катихизисъ учимъ. Басни учимъ: Попрыгудью Стрекозу, Ворону и Лисицу.

СТРУЙСКИЙ. Умница, умница. А что ты любишь папу?

Володя. Люблю. А вотъ, папа насъ не любитъ... Вотъ я Ворону и Лисицу твердо выучилъ... папа, за чтожъ ты меня безъ чаю и безъ обѣда оставилъ. И Любу также. И она знаетъ... похуже моего: я славно знаю; а учили мы ровно: вчера весь вечеръ... Папа, да тутъ пирожки продають... дай, папа, пирожекъ... я ѣсть хочу... я съ утра ничего не ѣлъ.

СТРАХОВЪ (*въ замѣшательствѣ*). Не тронь, душечка; вотъ домой пойдемъ, купимъ; здѣсь нельзя трогать.

Володя. Папа, да я ужасно ѣсть хочу... Хоть маленькій кусочекъ... Папа.

СТРУЙСКИЙ (*даетъ пирожекъ Володѣ*). На, на, душечка, не плачь. (*Струйская кормитъ Любу*).

Володя. Вотъ, папа, дядя какой добрый; а ты недобрый папа: тебя любить не за что... Дядя, это твои лошадки на дворѣ?

СТРУЙСКИЙ. Мои.

Володя. Славныя лошадки.

СТРУЙСКИЙ. А вотъ мы поведемъ кататься на нихъ, далеко, далеко.

Володя (*скачетъ*). Поведемъ! я править буду... Берегись—ей! И папу возьмемъ?

СТРУЙСКИЙ. Нѣтъ, папа здѣсь останется.

Володя. Нѣтъ, папу возьмемъ; я безъ папы не поѣду.

Струйскій. Да мы скоро назадъ прїедемъ.

Люба. А меня возьмете?

Струйскій. Возьмемъ, возьмемъ...

Володя. Такъ поѣдемъ-же, дядя, поскорѣй...

Струйскій. Сейчасъ, сейчасъ, душечка. (*Страхову*). Мы сейчасъ ѣдемъ въ Петербургъ. Приготовились-ли вы разстаться съ своими малютками.

Страховъ. Какъ! Сейчасъ уже! Впрочемъ все равно, съ Богомъ!

Струйскій. Нѣтъ-ли у нихъ чего надѣть потеплѣе. Хоть нынче и лѣто, а по вечерамъ бываетъ довольно холодно. (*Страховъ въ замѣшательствѣ*). Впрочемъ не беспокойтесь. У насъ найдется. Ну, Машенька, въ путь. Присядемъ. Дай Богъ въ добрый часъ!

Володя. Зачѣмъ присядемъ? Поѣдемъ скорѣй.

Струйскій. Присядь, присядь, душечка: сейчасъ и поѣдемъ. (*Страховъ плачетъ потихоньку*).

Володя. Папа, что ты плачешь? Вѣдь мы скоро прїедемъ. Не плачь, а то и я заплачу.

Страховъ (*оправясь*). Я не плачу, дурачекъ, кто тебѣ сказалъ? Подите сюда, Володя, Люба. (*Благословляетъ ихъ*).

Володя. Папа, да мы не спать идемъ, что ты насъ крестинишь.

Страховъ. А, можетъ-быть, до вечера-то и не прїедете. Такъ какъ-же ты не простившись со мной-то спать ляжешь?

Володя. Правда, папа. Такъ ты меня еще разъ перекрести; вѣдь ты два раза меня крестинишь, въ постель еще.

Страховъ. Ну Богъ тебя благословитъ, Володя! Ты не забудь папу, молись за него. Люба, и ты также...

Володя. Да какъ-же тебя забыть? Вѣдь мы скоро прїедемъ, папа?

Страховъ. Да, да; ну съ Богомъ. Слушайся дяди, Володя, тети слушайся, люби ихъ....

Володя. Да я и теперь дядю люблю. Смотри, какъ люблю. (*Бросается къ Струйскому и цѣлуетъ его*).

Струйскій. Ну поѣдемъ-же, поѣдемъ скорѣе, душечка.

Володя. Прощай, папа. (*цѣлуетъ его*). Смотри не плачь, папа.

Страховъ (*сквозь слезы*). Прощай, прощай, Володя... Погоди немножко.... Поцѣлуй еще меня. Люба! Иванъ Петровичъ! По-времените еще денекъ. Еслибы вы знали, какъ трудно разстаться

съ ними... Ну, да все-равно, увзжайте, увзжайте скорый... или я не вытерплю. Володя, бги скорый на лошадку... бги скорый... Нтъ, постой, погоди немножко. Поцълуй меня, Иванъ Петровичъ, уведите, уведите ихъ....

Володя. Вотъ посмотри, папа, какъ я на лошадку... Пойдемъ скорый, Люба. (*Убгаетъ*).

XI.

ТЪЖЕ, кромъ ВОЛОДИ и ЛЮБЫ.

СТРАХОВЪ. Прощайте, Иванъ Петровичъ! (*Обнимаются*) Любите ихъ. Богъ васъ наградитъ за это! (*Струйскій уходитъ*).

XII.

ТЪЖЕ, кромъ СТРУЙСКАГО.

СТРАХОВЪ. Прощайте, Марья Андреевна! Ангелъ Божій, ты опять улетаешь отъ меня! Я грѣшникъ, ничтожна моя молитва передъ Богомъ... И безъ нея. Онъ пошлетъ тебѣ счастье. Но я буду молиться о тебѣ, буду, потому-что у меня нтъ большей награды для тебя. Прощай. Прощайте, Марья Андреевна! (*Марья Андреевна рыдая, сперва бросается къ нему, но вдругъ отскакиваетъ и бросается вонъ*).

XIII.

СТРАХОВЪ, ОРЪХИНЪ спитъ.

(*За сценой слышенъ звонъ удаляющагося колокольчика*).

СТРАХОВЪ. Уехали, уехали! О зачѣмъ я пустилъ ихъ? Марья Андреевна, дети! Постойте, погодите!... Дайте въпслѣднее взглянуть на васъ... (*Бросается къ окну*)... Стойте, стойте... Не слышать... Нтъ, вонъ Володя услыхаль: ручки протягиваетъ, ко мнѣ просится; ему жаль мамы... плачетъ; плачь, душечка, плачь; сегодня поплачешь, завтра поплачешь, а тамъ и забудешь; отца-то забудешь! Охъ, стойте, стойте; отдайте мнѣ дѣтей моихъ... отдайте... Все дальше, все дальше... Совсѣмъ невидно... совсѣмъ... Одинъ, одинъ... навсегда одинъ я остался. Что мнѣ жить теперь, когда ничего не привязываетъ къ жизни... Все теперь для меня кончено, мнѣ ничего больше не остается дѣлать, какъ... (*за сценой слышенъ тихій благовѣстъ къ вечерни*) молиться! Господи! благодарю Тебя... Да, молиться долженъ я... м олиться... Услышь Господи молитву грѣшника! Ты не за-

быль и его. Въ минуту скорби, отчаянія Ты постилъ и его...
Да дойдетъ-же до Тебя моя молитва... (*благовѣсть перестаетъ*)..
Господи! (*падаетъ на колѣна*)... ихъ спаси... имъ пошли сча-
стіе... пусть не знаютъ они твоихъ горестей, твоихъ страданій, ко-
торыми исполнена была жизнь моя... и если я еще недовольно
наказанъ... да будетъ воля Твоя.. но меня накажи... помилуй
ихъ, помилуй ихъ... (*Падаетъ на окно*).

Орехинъ (*просыпаясь*). Володя... теперь опохмѣлиться надо...
Гдѣ ты?... Ишь охмѣлялъ какъ, до дивана дойти не могъ.